

84(4320)

645

The image shows the front cover of an antique book. The cover is decorated with a marbled paper pattern consisting of irregular, interlocking green and brown shapes, creating a scale-like or 'stone' pattern. The paper is aged and shows signs of wear, including scuffing and loss of the top layer of marbling, particularly along the edges and in the center. A dark green, textured cloth spine is visible on the left side of the image. In the top-left corner, there is a small, rectangular, off-white paper label with handwritten text in black ink. The label contains two lines of text: '84(4320)' on the first line and '645' on the second line.

0000145852

Поверніть книгу не пізніше
зазначеного терміну

МПП. Зам. 43 - 4000 тис.

43/2
84/2 (Масер)

83977

Диккенс Ч.

Місце за-
писки Диккенс-ко-

1
100-00

158662

84

П73

ПРОВЕРЕНО
Дата _____

ПРОВЕРЕНО
Дата _____

THE POSTHUMOUS PAPERS
of
THE PICKWICK CLUB
by
CHARLES DICKENS

1837

CHITREUR

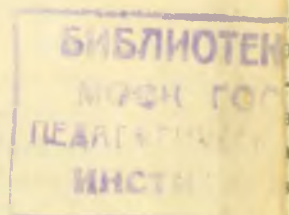
ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА

Перевод

А. В. Кривцовой и Евгения Ланна
при участии и с комментарием
Г. Г. Шпета

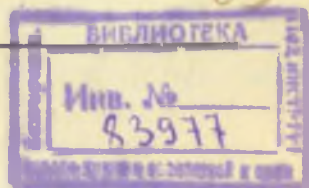
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
Н. Т. Смити

ТОМ ПЕРВЫЙ

2011
69

АКАДЕМІА
1933

11-621

980

58

Б.

ПОСВЯЩЕННЫЕ РАБОТЫ
ПЕЧАТНОГО КЛАДА

Рисунки В. А. Милашевского

0434 - 040

1288x

В. А. Милашевский
1900

Роман значительно слабее предыдущих, автор не понимает социального смысла описываемых им событий. Но как и во всех произведениях Дикенса, и здесь мы имеем ряд превосходных страниц; хороши Честер, палач и массовые сцены.

В „Оливере Твисте“ и „Николае Никльби“ особенно резко сказывается влияние Филдинга и Смолета. Дикенс следует их литературной манере, превосходя своих учителей талантом и целеустремленностью.

После выхода в свет первой группы его романов литературная слава Дикенса подходит к апогею. Его чествуют в Эдинбурге и присваивают ему звание почетного гражданина города. Материальные дела его стоят прочно. Он — признанный писатель первого ранга.

В 1842 г. Дикенс едет в Америку. По Америке он совершает буквально триумфальную поездку. Однако американский склад жизни, грубые нравы и откровенная философия спекуляции и наживы, весь колорит эпохи первоначального накопления бьют в нос Дикенсу, и он в своих „Американских заметках“ и „Мартине Чезльвите“ подвергает американские нравы яростному высмеиванию. Отмеченное уже нами пренебрежение Дикенса к истории мешает ему сохранить объективность по отношению к заатлантической буржуазной республике. Мы не намерены отрицать справедливость и жизненность зарисовок Дикенса. Отметим только, что его работы об Америке давали пищу консервативным и реакционным элементам, которые вели тогда яростную борьбу против буржуазного „прогресса“. Вокруг обеих работ Дикенса был поднят большой шум; борющиеся классы искали аргументов за и против в произведениях великого писателя. Нет сомнения, что поездка в Америку сыграла огромную роль для самого Дикенса в смысле выработки в нем самом резко критического отношения к буржуазному либерализму и его теоретическим евангелиям.

В „Мартине Чезльвите“, который является англо-американским романом, выведен знаменитый ханжа и лицемер Пексниф — Тартюф в облике члена английского филантропического общества. Удары, нанесенные в этом романе английскому эгоизму

и лидемерию, не уступают по силе тем, которые так обидели американцев. „Мартин Чезльвит“ не имел такого успеха, как прежние романы. Писатель уже начал бояться, что интерес к нему остывает. Он решил посетить чужие страны и набраться новых впечатлений. Перед отъездом он выпустил свой первый святочный рассказ — „Гимн рождеству“. Успех был потрясающий. Таким же успехом пользовались и другие святочные рассказы, особенно „Колокола“ и „Сверчок на печи“.

Писатель посещает Францию, живет в Италии, где пишет „Картины Италии“, приезжает снова в Англию, где принимает горячее участие в борьбе за отмену хлебных законов. Он основывает „Daily News“, газету радикального направления, и становится ее редактором. Однако политическая борьба и газетная работа скоро утомляют писателя. Он снова путешествует и обдумывает план большого романа. В 1848 г. появляется „Домби и сын“, один из лучших романов Дикенса. Тема — эгоизм и гордость нового аристократа — банкира Домби. В 1850 г. выходит „Девид Коперфилд“, роман в значительной мере автобиографический. Литературные достоинства этого романа не уступают „Домби“. Как творец характеров Дикенс достигает в этих романах кульминационной точки своего творчества.

После выхода в свет „Домби“ и „Коперфилда“ Дикенс достигает вершины славы и влияния. Он — один из знаменитейших людей Англии. Его имя начинает приобретать мировую известность. Материальное положение его настолько укрепилось, что он постепенно достиг большого богатства. В 1859 г. он приобретает поместье вблизи Четема. Таким образом осуществляется мечта его детства.

В 1853 г. выходит „Холодный дом“ — сатира на английский суд, в 1854 г. — „Тяжелые времена“, посвященные социальным проблемам. „Крошка Доррит“ (1855—1857 гг.) — с нападками на бюрократизм, „Повесть о двух городах“ (Лондон и Париж во время революции), „Большие ожидания“, „Наш общий друг“ и „Тайна Эдвина Друда“ (неоконченный роман) являются крупнейшими произведениями последнего периода его творчества. В них он развивает мотивы своих прежних произведений, давая

ЧАРЛЬЗ ДИКЕНС

(Личность и творчество)

Произведения Дикенса пользовались громадным успехом в Англии с момента их появления. Вернее, до полного их появления, так как его романы выходили выпусками. Перевод его сочинений на все главнейшие языки мира говорит о продолжении их успеха за пределами родины автора. И теперь, сто лет спустя после начала его литературной деятельности, Дикенс, прочно занимая место среди корифеев мировой литературы, остается „живым“ автором, волнующим читателя и доставляющим ему громадное эстетическое наслаждение.

Отдельные произведения Дикенса имели успех потрясающий. „Записки Пиквикского клуба“ привели Лондон в неописуемый восторг. Шутки и остроты знаменитой эпопеи вошли в разговорную речь, были выпущены сигары „Пиквик“, шляпы à la Пиквик и т. д. Молодой писатель сразу приобрел громадную популярность. Исключительный успех выпал также на долю ряда его святочных рассказов: „Гимн рождеству“, „Колокола“, „Сверчок на печи“ и др. Относительно его романов можно говорить только о громадном успехе и большом успехе.

Говоря об успехе сочинений Дикенса, мы должны констатировать и обширность круга его почитателей. Им увлекались все слои английского общества. То же самое надо сказать и о заграничье. Люди самых разнообразных взглядов, самого различного социального положения, жившие, кроме того, в различные эпохи, отдавали дань писателю. Одно это обстоятельство убеждает нас в том, что в лице Дикенса мы имеем великого писателя, литературный гений которого находил доступ и в хижины и во дворцы. Ответом на вопрос о причинах этого успеха может явиться только оценка его творчества и установление его места в английской и мировой литературе.

Произведения Дикенса проникнуты глубокой любовью к человечеству. По своим политическим симпатиям он — буржуазный радикал, просветитель, идеалист-реформатор. Однако его реформаторство не носит революционного характера. Он ищет выхода из жизненных трудностей не в борьбе угнетенных с угнетателями, а в „разумных“ реформах в пределах капиталистического строя и в нравственном совершенствовании людей. В течение всей литературной деятельности Дикенса великий художник идет рука об руку с весьма посредственным моралистом. Именно это обстоятельство делало его „приемлемым“ для господствующих классов, за исключением самых реакционных слоев. Радикальные элементы ценили и ценят Дикенса-художника, который рисует потрясающие картины социального гнета и нравственного уродства, порожденных капиталистическим строем. Они отмечают то, что в Дикенсе слащаво, сентиментально, реакционно и фальшиво, и в то же время признают его сильные стороны, которых у него много и которые делают его великим писателем. В нашем собственном отечестве самым ярким примером подобного рода оценки писателя является марксистская оценка творчества Л. Н. Толстого: гениальному художнику — признание, религиозному мыслителю и нравственному философу — объективная и беспощадная критика.

Чарльз Дикенс начал свою литературную деятельность в тридцатых годах прошлого века в самой развитой промышлен-

ной стране. Английский капитализм к этому времени успел не только занять господствующее положение в хозяйстве страны, но и развернуть во всю ширь свойственные ему противоречия. Экономически Англия была самой передовой страной, которой завидовали идеологи буржуазии всех других стран; политически она была самой могущественной державой, выдержавшей борьбу с Наполеоном и похоронившей его. В то же время, несмотря на высокий уровень капиталистического развития по сравнению с другими странами, а, может быть, в значительной мере и благодаря своему резко первенствующему положению Англия в отношении государственного устройства отличалась поразительным консерватизмом. Избирательная система, местное самоуправление, школьное и судебное дело, рабочие дома и многое другое носило на себе следы глубокой старины, а иногда и прямо средневековья. Партии господствовавших классов Англии — тори и виги, — борьба которых между собою составляла содержание политической жизни страны, обеими ногами стояли на почве капитализма. Борьба между ториями и вигами, из которых первые представляли интересы крупного капиталистического землевладения, а последние, чем дальше, тем больше — интересы промышленного и торгового капитала, обычно кончалась компромиссом за счет трудящихся масс собственной страны и за счет грабежа колоний. Над этой „борьбой“ едко смеялся уже Свифт. Нужно было появление на арене английской истории новых сил в лице нетитулованной буржуазии („среднего класса“), пролетариата и демократической интеллигенции, чтобы толкнуть вперед модернизацию английских учреждений и английского быта.

II. Тэн в следующих словах формулирует основные черты английского характера, как он исторически сложился. Разумеется, здесь речь идет более о характере господствующих классов, чем о характере нации в целом:

„Победоносное вторжение и образование аристократии, кладя начало политической свободе, отпечатлели на характере привычку к борьбе и гордость. Островное положение, необходимость торговли, наличность изобилия первых материалов промышленности развили практические способности положительного

ума. Приобретение этих привычек, этих способностей и этого ума, в соединении с старинной враждой к Риму и старинным озлоблением против притеснительной церкви, породило религию гордости и умствования, — религию, заменившую подчинение — независимостью, поэтическую теологию — практической моралью, веру — рассуждением. Политика, дела и религия, в качестве трех могучих пружин, образовали нового человека над прежним. Надменное величие, умение владеть собою, потребность господствовать, твердость в господстве, строгая нравственность без пощады и сострадания, любовь к цифрам и сухой рассудительности, отвращение к явлениям, которых нельзя воспринять осязательно-ясно, и к идеям, в которых нет пользы, игнорирование невидимого мира, презрение к слабостям и нежностям сердца, — таковы наклонности, которые насаждаются в людях ходом событий и ростом учреждений“.

Итак, Англия — царица капиталистического мира; ее промышленность наводняет товарами внутренние и внешние рынки. Она владеет Индией, Канадой, Австралией. В руках ее господствующих классов накапливаются огромные богатства. На нее с завистью глядят соседи. В то же время эксплуатация рабочих и крестьян принимает там те чудовищные размеры, о которых нам рассказывают историки, экономисты, фабричные инспектора и др. Богатство и могущество господствующих классов погубается ценой прямого вымирания целых социальных групп (ирландские крестьяне), ужасающим закабалением и вырождением целых поколений рабочих и трудящихся. Коротко говоря, все прелести капитализма успели обнаружиться полностью к началу литературной деятельности Чарльза Дикенса. „Положение рабочего класса в Англии“ молодого Энтельса дает классическую картину положения жертв капиталистического Молоха.

Обе господствующие партии — виги и тори — были вооружены соответствующим идеологическим оружием. В начале девятнадцатого столетия (в 1817 году) вышли „Основные начала“ Рикардо, которому, в свою очередь, расчистили дорогу Адам Смит и рационалистическая философия. Буржуазная наука канонизировала капиталистический порядок вещей как естествен-

ный и вечный. Английский поп Мальтус своим законом народонаселения доказывал как дважды два четыре, что рабочим сам бог предопределил терпеть и пропадать. Бентам создал свою философию утилитаризма, этот катехизис либеральной буржуазии. Эгоизм буржуазной „личности“ не противоречит общественным интересам, — наоборот, он является двигателем человеческого прогресса. Расчет, прибыль, нажива, право сильного, смирение жертвы, ее материальная и духовная кабала — вот что проповедывал капитализм для себя и для рабочих.

Этой жесткой и беспощадной, но последовательной идеологии буржуазии консерваторы со своей стороны не могли противопоставить никакой цельной идеологии. Во-первых, они сами стояли обеими ногами на почве капитализма. Во-вторых, то, что составляло их действительное отличие, принадлежало прошлому. Романтизм, идеализация старины, исторические воспоминания, реакционные утопии — вот в сущности то идейное оружие, которым боролись тори. Их сильной стороной была критика капиталистических язв, с помощью которой они неоднократно одерживали победы над своими противниками в борьбе за влияние на так называемые „низшие классы“. Такие деятели, как Дизраэли, писатели вроде Кольриджа очень хорошо умели воспользоваться в своих целях ненавистью „народа“ к господам Домби и Баундербри.

Рабочий класс только смутно начинал чувствовать себя классом „для себя“. В его среде бродили различные утопические идеи. Вспыхнувшее мощное революционное движение чартистов показало, сколько горячего материала накопилось уже в недрах „естественного“ и „вечного“ строя.

Так выглядели основные общественные классы Англии в начале девятнадцатого столетия. Но помимо этих классов существовал еще очень многочисленный класс городской и сельской мелкой буржуазии. Он состоял из мелких арендаторов, крестьян, мелких торговцев, деревенской интеллигенции и т. п. в сельских местностях, из ремесленников, трактирщиков, мелких торговцев и служащих в городах. С мелкой же буржуазией были связаны значительные слои интеллигенции. Материальное положение мелкой буржуазии было лучше, чем положение проле-

тариата. Однако не приходится говорить о прочности и устойчивости этого положения. Наверх, в „общество“ уходили единицы и десятки счастливых; вниз, в ряды пролетариата — сотни и тысячи. Круг сносно живущих мелких буржуа все более и более суживался. Старшее поколение уже не может обеспечить младшему прежних условий жизни. Судьбы и горести именно этого слоя служили Дикенсу материалом для большинства его произведений.

Обострение социальных противоречий вело к обострению социальной и политической борьбы. В десятых годах прошлого века рабочие разбивали машины, видя в них основную причину своих бедствий. В тридцатых годах Англия стоит перед революцией в связи с борьбой буржуазии за парламентскую реформу. Рабочий класс поддерживает буржуазию в этом, равно как и в борьбе за отмену хлебных пошлин. Пришедшая к власти после реформы 1832 г. буржуазия обманывает надежды рабочих. Закон о бедных 1834 г. ухудшает и без того невыносимое положение пролетариата. Промышленный кризис 1836—1837 гг. вызывает уже мощное самостоятельное движение рабочих-чартистов, которое снова создает в Англии революционную ситуацию. Этот богатейший событиями период английской истории, свидетелем которого был Дикенс, не нашел или почти не нашел отражения в его творчестве. Дикенс черпал свои сюжеты и своих героев из повседневного быта, ограничивался их субъективными переживаниями и настроениями, громил отдельные, наиболее ненавистные ему участки и позиции, не поднимаясь на высоту политического понимания событий. Его политический радикализм с годами стал весьма и весьма лиять. В пятидесятых годах мы видим Дикенса, „доросшего“ в сущности до мировоззрения просвещенного буржуа.

Но если социальная и политическая борьба того времени получила едва заметное отражение в произведениях Дикенса, то этого никак нельзя сказать о литературных предшественниках и учителях нашего автора. Приключенческий, семейный и социальный роман Англии восемнадцатого века служил образцом не только для ранних произведений Дикенса, — в

течение всей своей писательской деятельности Дикенс является продолжателем тех литературных традиций, которые укоренились в английской литературе восемнадцатого века. Филдинг, Смолет, Голдсмит, Стерн, Ричардсон и другие представители английской литературы этого периода оказали на Дикенса сильнейшее влияние. Особенно сильно это влияние чувствуется в первый период его творчества. Мы встречаем у Дикенса не только литературную манеру его предшественников, но, например, „Оливер Твист“ и „Том Джонс Найденый“ Филдинга сходны и по сюжету. У Стерна он заимствовал манеру пользоваться вымыслом в тех случаях, когда он ему казался нужным для дорисовки картины. „Уекфилдский священник“ Голдсмита был его любимой книгой.

Хотя Дикенс по своему литературному дарованию значительно превосходит романистов восемнадцатого века, но его превосходство над ними этим и ограничивается. Идейной и социальной насыщенностью он значительно беднее своих учителей. Социальные и политические проблемы трактовались Смолетом и Голдсмитом гораздо ярче, чем Дикенсом. Мы уже не говорим о Мольере (семнадцатый век) и Бомарше, влияние которых также сказалось на Дикенсе.

Еще ярче выступит эта разница, если мы сравним творчество Дикенса с литературой Возрождения. Воспользуемся для этой цели двумя цитатами из работы Н. Тэпа, посвященной Дикенсу.

„Мы сильно изменились с XVI столетия, и мы осуждаем в настоящее время то, что когда-то одобряли. Мы не хотим, чтобы читатель интересовался скупцом, честолюбцем, развратником: а читатель заинтересуется, если писатель, ни хваля, ни порицая, примется объяснять темперамент, воспитание, устройство черепя, привычки ума, углубившие в нем эту первоначальную склонность, покажет необходимость ее следствий, проведет ее через все периоды его жизни, изобразит силу, большую, чем та, которую могли сообщить ему возраст и довольство, покажет неотвратимую бездну, стремительно увлекающую человека к безумию или смерти. Читатель, захваченный этой логикой, восхищается порожденным ею творением и забывает о воз-

мушении против созданного ею героя. Он говорит: превосходный скупед. И он не думает уже о зле, порождаемом скупостью. Он становится философом и художником и не помнит уже, что он честный человек. Помните же всегда, что вы — честный человек, и бегите красот, которые могут расцвести на этой испорченной почве“.

„По существу романы Дикенса все сводятся к одной фразе, и вот она: Будьте добры и любите; истинная радость возможна только в движениях сердца; чувствительность — это весь человек. Оставьте ученым науку, гордость знатым, роскошь богатым, имейте сострадание к униженной нищете. Самое ничтожное и презренное существо, одно может иметь такую же ценность, как тысячи сильных и надменных. Берегитесь оскорблять нежные сердца, которые цветут при всяких условиях, под всякими нарядами, во всяких возрастах. Верьте, что человечность, сострадание, прощение составляют самое прекрасное в человеке; верьте, что задушевность, излияния, нежность, слезы есть самое прекрасное в мире. Жить еще ничего не значит; мало быть сильным, ученым, знаменитым, недостаточно быть полезным. Только тот жил и тот человек, кто плакал при воспоминании о благодеянии, оказанном им или ему“.

В основе этого противопоставления лежит та мысль, что молодости буржуазии и ее зрелости соответствуют различная манера и различное содержание художественного творчества. Литература Возрождения знаменовала жизнерадостный задорный выход буржуазии на историческую арену. Просветительная философия и литература восемнадцатого века несли на своих плечах французскую революцию. В Англии громы революции отгремели уже в восемнадцатом веке. Кромвел значительно расчистил дорогу для ее капиталистического развития. Поэтому радикализм Дикенса мог быть уже только реформаторским и морализирующим. Таков же характер произведений Карлейля, дружественного писателя. Подлинный радикал девятнадцатого века мог быть только пролетарским революционером. У Дикенса на это нет и намёка. Он не сочувствует чартистам, в „Тяжелых временах“ его симпатии на стороне едва не штрейк-брекера.

Мы установили тот социальный родник, из которого черпал Дикенс большинство своих героев, свои любимые конструкции. Равным образом мы проследили корни тех влияний, которым подвергался писатель. Нам понятна социальная сторона его творчества. Теперь попробуем остановиться на его литературной манере и на форме его художественных произведений.

В истории литературы прочно укоренился взгляд, что в лице Дикенса мы имеем крупнейшего представителя реалистического романа. Его рассматривают в связи с Бальзаком, Достоевским и другими писателями этого направления. Действительно, Дикенс создал яркую картину современного ему общества, черпал свои типы и персонажи из повседневности. Деятельность и переживания его героев также трактуются писателем в обыденных тонах. В этом смысле Дикенс, конечно, реалист. Но было бы глубочайшей ошибкой считать его писателем строго реалистического типа. Ему совершенно чужда литературная манера Бальзака. Ему чужд и психологизм Достоевского. Он является писателем с совершенно особой манерой художественного творчества. Попробуем проследить основные особенности его отношения к изображаемому им миру. Во-первых, он крайне субъективен по отношению к своим героям. Если он рисует положительный тип, то не скупится награждать его самыми разнообразными добродетелями. Он радуется его успехам, горюет о его несчастьях. Пожалуй, еще субъективнее он относится к отрицательным типам. Так как почти всегда добродетель у него торжествует, а порок наказывается, то читатель легко догадается, как он расправляется с представителями порока. В этом своем субъективизме Дикенс никогда не останавливается ни перед шаржем, ни перед гротеском, ни перед символом. Нели, племянник и дядя Никльби, Пекспиф, Домби, Подсеп, Гредграйнд, Скрудж, Эстер, — все они отражают в себе симпатии или антипатии автора.

Более того: если Дикенсу для усиления впечатления не хватает обычных аксессуаров, свойственных писателям реалистического направления, он немедленно прибегает к выдумке, фантазии. Он фантазирует в „Пиквике“, колокола у него про-

износят торжественные тирады, он прибегает к нереалистическим приемам всякий раз, как ему нужно создать художественное пятно. Таким образом в творчестве Дикенса мы сталкиваемся с проявлениями своеобразного эстетизма. Решая художественную задачу, писатель пользуется для ее успешного решения всеми доступными ему средствами.

Мы уже говорили, что Дикенс-художник и Дикенс-моралист неразрывно связаны между собой. Морализирование в его произведениях, часто сентиментальное и слащавое, также идет вразрез с объективностью, свойственной более строгим реалистам, чем Дикенс. Следовательно, и по этой линии мы должны сделать значительную скидку с его реализма.

Наконец манера вознаграждать добродетель и наказывать порок, — манера, которую Дикенс усвоил от своих предшественников — Филдинга, Смолета и Голдсмита, также накладывает известный отпечаток на все литературные композиции и конструкции нашего автора. Достаточно прочесть два романа Дикенса, чтобы при чтении остальных знать с самого начала, чем кончится дело, кто на ком женится, кто восторжествует, кто будет наказан. Но не в этих шаблонах надо искать великого писателя; зато никто не может угадать, через какие приключения и переживания пройдет автор своих героев от старта к финишу. Недаром никто из последующих писателей не сумел дописать неоконченный Дикенсом роман „Тайна Эдвина Друда“. В этом, несмотря на шаблоны и предвзятые сюжеты, заключается неувидаемая прелесть его романов.

Надо обратить внимание еще на одну особенность в творчестве Дикенса. Он не разрешает своим героям не только переходить из класса в класс, но и из состояния в состояние, если можно так выразиться. Если его герой мелкий буржуа, „маленький человек“, то он таким и остается. За хорошее поведение он улучшит свое положение к концу романа, — однако оставаясь, как правило, в пределах той же социальной группы. Он не позволяет людям высших классов жениться на плебейках. Если же так дело иногда все-таки оборачивается, он пытается уравнивать их средства, одного разоряя, другого наделяя наследством. Отмечая эту черту, мы хотим отдать дань художествен-

ному и социальному чутью Дикенса. В его время классовые противоречия уже настолько отлились и выявились, что переходы из класса в класс вверх и женитьба богатых на беднячках могли быть крайне редкими (и всегда-то это было редкостью). Но в то же время надо отметить определенную консервативную тенденциозность автора в этом вопросе. Ему такие исключения не нравятся, он их не любит. И этим все сказано. Средств для изображения плачевных последствий таких мезальянсов у него достаточно. Мы отнесли этот вопрос к разделу о манере творчества Дикенса, но совершенно очевидно, что здесь форма и содержание неразрывно слиты. Мелкобуржуазный реформатор ищет выход социальных бедствий в пределах системы капиталистических отношений, в нравственном совершенствовании людей. Разумеется, это обстоятельство не может не сказаться в художественной манере Дикенса. Романы его, рассматриваемые с точки зрения ансамбля действующих лиц и развертывания событий, страдают многими недостатками. И тут сыграл роль его обычный прием: нужен персонаж, — он появляется совершенно неожиданно; миновала надобность, — он без лишних слов удаляется.

Действительность и фантазия, идилия и мистика, строгий рисунок и гротеск, мастерство реализма с элементами чистого эстетизма, яркие картины неприкрашенной действительности, неправдоподобные сюжеты и развязки, веский юмор и едкая сатира, рассуждения посредственного мелкобуржуазного моралиста, — все эти элементы мы находим почти в каждом произведении Дикенса. Все это разнообразие чувств, переживаний и методов творчества объединяется и цементируется громадным талантом писателя, умеющего ставить большие художественные задачи и решать их.

Дикенс любит детей. Рисуя их, он особенно красочен и очарователен. Дети интересуют его и как писателя и как педагога. Это понятно. Реформаторы всегда интересовались вопросами воспитания детей, видя в этом один из самых сильных рычагов всякой реформаторской деятельности. Он борется за детей в приюте („Оливер Твист“), в варварской норкширской школе („Николай Никльби“); он едко издевается над школой,

создаваемой деловыми слоями буржуазии. Сколько сарказма в нескольких строках, вложенных автором в уста делового буржуа („Тяжелые времена“):

„Все что мне нужно, это — факты. Учите этих девочек и мальчиков только фактам; в жизни ничего не нужно кроме фактов. Ничего другого не насаждайте в них, искорените в них все другое. Вы не можете образовать ум разумного живого существа иначе, как при помощи фактов. Ничто другое не может принести им пользы. Это — принцип, по которому я воспитываю собственных детей; по этому принципу я хочу, чтобы воспитались все вообще дети. Держитесь крепко за факты, сэр“.

Взгляды Дикенса на семью и на отношения между мужчинами и женщинами не возвышаются над идеологией доброго семьянина и поборника супружеских добродетелей. До выхода замуж надо слушаться родителей, вступив в брак, надо быть верными супругами. Семейное счастье — высший идеал почти всех его героев. Нарушение семейных добродетелей писателем строго карается. Дальше сочувствия (весьма сдержанного) к жертвам нелегализованных связей и разводов Дикенс не идет. По человечеству он их жалеет; но вина их в их собственных бедствиях для него бесспорна.

* * *

Приводим краткие биографические сведения о писателе.

Чарльз Дикенс родился 7 февраля 1812 г. на острове Портси, в Лендпорте. Отец его служил чиновником во флотском казначействе. Первые впечатления мальчика связаны с жизнью в Четеми, куда Дикенсы переезжают в 1816 г. Биографы Дикенса рисуют его в эту пору нервным, впечатлительным ребенком хрупкого телосложения, подверженным нервным припадкам. Способный мальчик, одаренный от природы богатым воображением и впечатлительностью, уже в четемский период своей жизни прочел лучшие произведения английской литературы. Он знакомится с Филдингом, Смолетом, Голдсмитом, Дефо. Он прочитывает „Дон-Кихота“, „Жиль Блаза“. Посещение театра производит на него большое впечатление. Под этим впечатлением он пишет пьесу для своих школьных товарищей.

Живя в Честере, Дикенс наблюдал жизнь портового города; в окрестностях производились частые маневры, привлекавшие зрителей из самого Лондона. Разнообразие впечатлений питало воображение мальчика. Писатель всегда с теплым чувством вспоминал этот период своей жизни. Честерские воспоминания счастливо-го детства сыграли впоследствии решающую роль при покупке Дикенсом имения. Он купил его именно в этом районе.

В 1823 г. отец Дикенса переезжает в Лондон, где получает новую службу. Человек легкомысленный и ведущий богемный образ жизни, он вскоре так запутывает свои денежные дела, что попадает в долговую тюрьму Маршелси. С этого времени начинается самый тяжелый период в жизни Дикенса. Мать с младшими детьми переселяется к отцу в тюрьму. Чарльз вместо школы попадает на фабрику ваксы, где наклеивает ярлыки на банки. Душа его раздваивается: осязаемая реальность — нищета и беспросветность; от этой действительности убежать можно было только в мир воображения. Яркие иллюзии его детства рухнули. То, что они у него были, сделало для него жизнь еще невыносимее. Он оказался на той ступени социальной лестницы, где все полно людского горя. В этот период он начал знакомиться с той средой, которая потом заняла такое видное место в его произведениях.

Писатель не мог вспоминать этот период без отвращения. Мальчик, попавший из интеллигентной мелкобуржуазной среды на фабрику ваксы, переживал не только физическую тяжесть положения, но вдвойне страдал от контраста с тем, что было раньше. Взрослый же писатель, оформившись как мелкобуржуазный радикал, наблюдая „преlestи“ пролетаризации, все время чувствовал, как мурашки пробегают у него по коже. Сам он был уже раз во власти этих „преlestей“.

Но вот отец неожиданно получает небольшое наследство и выбирается из долговой тюрьмы. Дикенс бросает фабрику ваксы и снова поступает в школу. В этот период (1824—1826 гг.) он рисуется способным, общительным мальчиком, несколько отстающим от товарищей в знаниях, но превосходящим их жизненным опытом. Вскоре, однако, ему пришлось снова бросить школу и искать заработка. Он работает клерком у

158662
83977

адвокатов, учится стенографии, становится репортером. В 1831 г. он — парламентский корреспондент сперва газеты „True Sun“, впоследствии „Morning Chronicle“. Обе газеты принадлежали к левому крылу вигов. Таким образом политические симпатии молодого Дикенса определяются как радикальные. Молодой Дикенс проявляет величайшую выносливость и энергию. Он уже вполне самостоятелен и борется за дальнейшее улучшение своей жизни. Работа клерка и разъездная работа корреспондента и репортера знакомит его с громадным количеством новых лиц и ситуаций. Кругозор его расширяется, определяются симпатии и антипатии, поле для наблюдения огромно и разнообразно.

В это время Дикенс начинает писать. Одновременно он увлекается театром. Оба эти призвания он сохраняет до могилы. С каким же багажом вышел он на литературную арену? Мы знаем его социальное положение и его жизнь. Знаем также исторические события того времени и влияние на него предшественников. Знаем основные черты его личности. К ним надо прибавить еще одну, отрицательно сказывающуюся во всем его творчестве. Речь идет о крайней неисторичности его мировосприятия. Здесь, несомненно, играет роль как недостаточное образование (написанная Дикенсом впоследствии „История Англии“ для детей не имеет никакого научного значения), так и сознательное пренебрежение к историзму. Его вещи, написанные на исторические сюжеты — „Барнеби Радж“ и „Повесть о двух городах“, — слабее всего там, где дело касается истории. Та сумма представлений и чувств, с которой взялся за перо Дикенс, не искала себе подтверждения в истории и науке; очевидно, с самого начала он синтезировал свой идейный мир с помощью иных критериев — практической морали и социального реформаторства. В этой манере он далеко не одинок, — в этом случае он только наследник восемнадцатого века, притом в Англии — стране, где именно нравственная философия свила себе прочное гнездо. Морализирующий писатель редко апеллирует к истории.

В очерках Боза — первых литературных произведениях Дикенса — писатель только намечает черты своего будущего дарования. Эти очерки — смесь действительности и фантазии,

сентиментальности и юмора. Дикенс пишет еще в стиле старых авторов. Очерки имеют известный успех и кладут начало писательской известности Дикенса. Весной 1836 г. начинают выходить выпусками „Записки Пиквикского клуба“, об успехе которых мы уже говорили. После выхода „Пиквика“ в свет Дикенс сразу завоевывает одно из первых мест в английской литературе. Мы не будем останавливаться на разборе отдельных произведений Дикенса. В частности, настоящее издание снабжено обстоятельным разбором „Записок Пиквикского клуба“, составленным Г. Г. Шпетом. Скажем только, что „Записки Пиквикского клуба“ занимают обособленное место в творчестве Дикенса. Ни разу потом он не возвращается к эпопее, подобной „Пиквику“. Ни разу в дальнейшем юмор Дикенса не поднимается на ту высоту, которой он достиг в этом первом крупном произведении.

В „Пиквикском клубе“ Дикенс смеется сам и смешит читателя. Но уже в этом произведении юморист превращается в сатирика, когда речь идет о выборах в Итенсуиле, об адвокатах и о суде над Пиквиком. Эпопея заканчивается ко всеобщему удовольствию. В этом произведении весь молодой Дикенс виден как на ладони. Он берется за выпуски без определенного плана, по случайному поводу. Он несколько раз на ходу меняет план. В процессе самого творчества зреют варианты и ситуации. Он освобождается от значительного груза наблюдений, сделанных во время его работы в качестве клерка, репортера, корреспондента. Он заставляет Сэма Уэлера говорить часто словами автора. Одним словом, „Записки“ блещут всеми цветами радуги его таланта и в то же время в поражающей степени отражают всю ту небрежную манеру в отношении конструкции, которой отличается большинство произведений Дикенса.

В 1836 г. Дикенс женится на Кетерин Хогарт. От этого брака родилось девять детей. Надо сказать, что он любил и других дочерей Хогарта. Он был потрясен смертью младшей сестры жены, Мери, которая отражена в образах Доры („Девид Коперфилд“) и Нели („Лавка древностей“). После развода с женой, который произошел в 1858 г., у него продолжала

жить Джорджина, другая сестра жены. Мы упоминаем обо всем этом потому, что семейные дела в известной мере получили отражение в его творчестве, и потому, что погоня писателя за деньгами в последний период его жизни была связана с желанием обеспечить детям положение в обществе. А лихорадочная погоня за золотом (его публичные чтения) в свою очередь отрывала писателя от литературной работы и ускорила его смерть.

Еще до выхода „Записок Пиквикского клуба“ Дикенс приступает к работе над „Оливером Твистом“. Вслед за тем выходят „Николай Никльби“, „Медфогские записки“, „Лавка древностей“ и „Барнеби Радж“. В „Оливере Твисте“ описывается судьба „незаконнорожденного“ мальчика из хорошей семьи, которого автор приводит в воспитательный дом, дом для бедных и воровскую шайку. Мальчик сохраняет тем не менее душевную чистоту и в конце концов благополучно выбирается из бедствий. В этом романе, написанном по определенному плану, Дикенс делает большой шаг вперед в смысле литературной формы. Он написан в реалистических тонах. Социальная сторона романа связана с борьбой вокруг закона о бедных, которая велась в Англии в тридцатых годах. Дикенс беспощадно нападает на ту „сухую гильотину“, которую представляли собой воспитательные и работные дома.

Еще более беспощадные удары наносит Дикенс в „Николае Никльби“ старой английской школе, избрав своей мишенью одну из таких школ в Йоркшире. Персонажей романа узнают; их начинают называть их собственными именами. Биографы Дикенса считают, что этим романом он нанес смертельный удар тупым, жестоким, варварским порядкам в английской школе и очень содействовал школьной реформе. В „Лавке древностей“ Дикенс рисует в качестве центральной фигуры идеальный тип девочки, которая посвящает всю свою жизнь заботам о деде, подверженном страсти к азартной игре. Наряду со слащавыми и сентиментальными элементами роман изобилует превосходными типами и ситуациями.

В „Барнеби Радже“ автор описывает события, связанные с деятельностью лорда Джона Гордона в 1760 г. в Лондоне.

превосходные страницы юмора, сатиры, психологических концепций и картин жизни.

С 1858 г. Дикенс начинает выступать публично в качестве чтеца своих произведений. В течение двенадцати лет он с огромным успехом выступает в Англии, Ирландии, Шотландии и Соединенных штатах, зарабатывая большие средства. Эти чтения переутомляли нервного и впечатлительного Дикенса и подрывали его здоровье. 9 июня 1870 г. он скончался в своем имении.

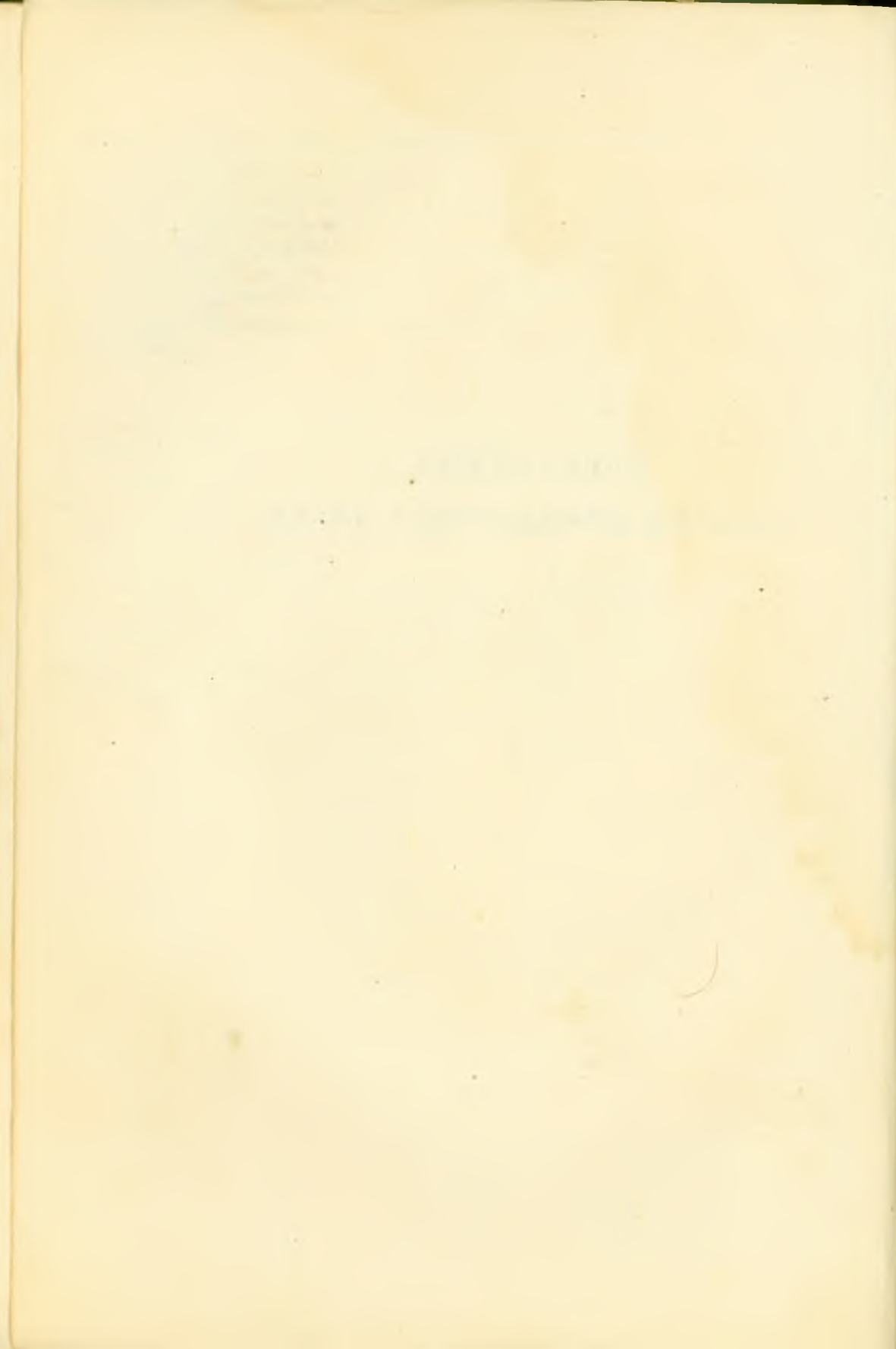
* * *

По своей психологии далекий от пролетариата и его борьбы за освобождение, Дикенс тем не менее сделал много для массы, для „маленьких людей“, для „оскорбленных и униженных“. Рисуя их бедственное положение, он открывал беднякам глаза и толкал вперед их сознание. Его добрая улыбка и человечность согревают и подкупают.

Наша жизнь шагнула далеко вперед. Молодежь нашей страны возьмет у Дикенса полезное и увлекательное и сумеет критически отнестись к его слабым сторонам. Воспитательная роль Дикенса как художника еще далеко не исчерпана. Его с удовольствием и с пользой будут читать и наши потомки.

И. Смилга

**ПОСМЕРТНЫЕ
ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА**

ГЛАВА I

Пиквикисты

Первый луч, озаряющий мрак и заливающий ослепительным светом тьму, коей окутаны были начальные этапы общественной деятельности бессмертного Пиквика, воссиял при изучении нижеследующей записи в протоколах Пиквикского клуба, каковую издатель настоящих записок предлагает читателю с чувством огромного удовлетворения, как свидетельство исключительного внимания, неутомимой усидчивости и похвальной проицательности, проявленных им при исследовании многочисленных вверенных ему документов: ✓

„Мая 12, года 1827. Председательствующий Джозеф Смиггерс, эскуайр¹, В. П. Ч. П. К. 1. В нижеследующем постановлении единогласно принято:

„что названная ассоциация заслушала с чувством неподдельного удовлетворения и безусловного одобрения сообщение

¹ Вице-президент, член Пиквикского клуба.

Сэмюела Пиквика, эскуайра, П. Ч. П. К.¹, озаглавленное: Размышления об истоках Хемстедских * прудов с присовокуплением некоторых наблюдений по вопросу о Теории Колушки *; за что названная ассоциация выражает живейшую благодарность означенному Сэмюелу Пиквику, эскуайру, П. Ч. П. К.

„что названная ассоциация, отдавая себе полный отчет в пользе, каковая должна воспоследовать для пауки от заслужанного труда — не меньшей, чем от неутомимых изысканий Сэмюела Пиквика, эскуайра, П. Ч. П. К., в Хорнси *, Хайгете *, Брикстоне * и Кемберуэле *, не может не выразить глубокой уверенности в неопценности благ, которые последуют, буде этот ученый муж для прогресса науки и в просветительных целях перенесет свои умозрения в области более широкие, раздвинет границы своих путешествий и, следовательно, расширит сферу своих наблюдений.

„что, исходя из этого, названная ассоциация всесторонне обсудила предложение вышеупомянутого Сэмюела Пиквика, эскуайра, П. Ч. П. К., и трех других пиквикистов, поименованных ниже, об организации в составе Объединенных пиквикистов нового отдела под титулом Корреспондентское общество Пиквикского клуба.

„что указанное предложение принято и одобрено названной ассоциацией, что Корреспондентское общество Пиквикского клуба сим учреждается, что вышеупомянутый Сэмюел Пиквик, эскуайр, П. Ч. П. К., Треси Тапмен, эскуайр, Ч. П. К., Огастес Снодграс, эскуайр, Ч. П. К., и Нетениел Уинкль, эскуайр, Ч. П. К., сим назначаются и утверждаются членами означенного общества и что на них возлагается обязанность препровождать время от времени в Пиквикский клуб в Лондоне достоверные отчеты о своих путешествиях, изысканиях, наблюдениях над людьми и нравами и обо всех своих приключениях, совокупно со всеми рассказами и записями, повод к коим могут дать картины местной жизни или вызванные ими мысли.

„что названная ассоциация с искренней признательностью приветствует устанавливаемый для каждого члена Корреспон-

¹ Президент, член Пиквикского клуба.

дентского общества принцип — оплачивать собственные путевые издержки и не усматривает препятствий к тому, чтобы члены указанного общества продолжали свои изыскания, сколь бы они ни были продолжительны, на тех же условиях.

„что до сведения членов вышеуказанного Корреспондентского общества должно быть доведено и сим доводится, что их предложение оплачивать посылку писем и доставку посылок было обсуждено ассоциацией; что означенная ассоциация считает такое предложение достойным великих умов, его породивших, и сим выражает свое полное согласие на это“.

Посторонний наблюдатель, добавляет секретарь, чьим замечкам мы обязаны нижеследующими сведениями, посторонний наблюдатель не нашел бы ничего исключительного в плешивой голове и круглых очках, обращенных прямо к его (секретаря) лицу во время чтения приведенных выше резолюций, но для тех, кто знал, что под этим черепом работал гигантский мозг Пиквика, а за этими стеклами сверкали лучезарные глаза Пиквика, зрелище представлялось поистине захватывающим. Восседал муж, проникший до самых истоков величественных Хемстедских прудов, ошеломивший весь ученый мир своей Теорией Колюшки — восседал спокойный и недвижимый, как глубокие воды этих прудов в морозный день, или как одинокий представитель этого рода рыб на самом дне глиняного кувшина. А сколь захватывающим стало зрелище, когда знаменитый муж, вдруг преисполнившись жизни и воодушевления, лишь только единодушный призыв „Пиквик!“ исторгся из груди его последователей, медленно взобрался на уиндзорское * кресло, на котором перед тем восседал, и обратился к членам им же основанного клуба! Какой сюжет для художника являла эта потрясающая сцена! Красноречивый Пиквик, одна рука коего грациозно заложена под фалды фрака, другая парит в воздухе в такт пламенной речи; занятая им возвышенная позиция, позволяющая лицезреть туго натянутые панталоны и гетры, которые, — облекая они человека ординарного, — не заслуживали бы внимания, но когда в них облекся Пиквик, вдохновляли, если можно так выразиться, на невольное благоговение и почтение; в кругу мужей, которые

добровольно согласились делить с ним опасности его путешествий и коим предназначено разделить славу его открытий. По правую от него руку сидел м-р Треси Тапмен, не в меру впечатлительный Тапмен, сочетавший с мудростью и опытно-стью зрелых лет юношеский энтузиазм и горячность в самой увлекательной и наиболее простительной человеческой слабости — в любви. Время и аппетит увеличили объем этой некогда романтической фигуры; размеры черного шелкового жилета становились более и более внушительными; дюйм за дюймом золотая цепь от часов исчезала из поля зрения Тапмена; массивный подбородок мало-по-малу переползал через край белоснежного галстука, но душа Тапмена не ведала перемен: преклонение перед прекрасным полом оставалось его преобладающей страстью. По левую руку от своего великого вождя сидел поэтический Снодграс, а рядом с ним — спортсмен Уинкль; первый поэтически закутан в таинственный синий плащ с собачьей опушкой, второй придает своей персоне невиданный блеск новой зеленой охотничьей куртке, клетчатому галстуку и светлосерым брюкам в обтяжку.

Торжественная речь м-ра Пиквика по данному поводу, равно как и дебаты вошли в протоколы клуба. И то и другое обнаруживает сильное сходство с дискуссиями других прославленных корпораций; а так как всегда интересно провести параллель между деятельностью великих людей, мы переносим протокольную запись на эти страницы.

„М-р Пиквик заметил (говорит секретарь), что слава любезна сердцу каждого. Слава поэта любезна сердцу его друга Снодграса; слава победителя в равной мере любезна его другу Тапмену, а жажда добиться славы во всех видах спорта на суше, на море и в воздухе обуревают его друга Уинкля. Он (м-р Пиквик) не может отрицать, что беззащитен перед человеческими страстями, человеческими чувствами (одобрение), быть может, и человеческими слабостями (громкие крики: „Нет!“); но вот что он хочет сказать: если когда-нибудь и вспыхивал в его груди огонь самонадеянности — жажда принести пользу роду человеческому брала верх, и этот огонь угасал. Похвала людей — для него Суинг *; любовь к человечеству —

его „страховое бюро“. (Бурные рукоплескания.) Да, он испытал некую гордость — он открыто признает это, и пусть этим воспользуются его враги — он испытал некую гордость, даруя миру свою Теорию Колошки, стяжала она ему славу или не стяжала. (Возглас: „Стяжала!“ Громкие знаки одобрения.) Да, он готов согласиться с почтенным пиквикистом, чей голос он только что слышал: она стяжала славу; но если славе этого трактата суждено было проникнуть в самые дальние углы земного шара, его авторская гордость не может сравниться с той гордостью, с какою он взирает вокруг себя в этот самый величественный момент своей жизни. (Рукоплескания.) Он — человек незначительный. („Нет! Нет!“) Все же он не может не чувствовать, что избран сочленами на дело почетное, хотя и сопряженное с некоторыми опасностями. Путешествия протекают очень беспокойно, и умы кучеров неуравновешенны. Пусть они бросят взгляд в дальние края и присмотрятся к тому, что совершается вокруг них. Во всех направлениях опрокидываются пассажирские * кареты, лошади пугаются и несут, паровые котлы взрываются, суда тонут. (Рукоплескания, голос: „Нет!“) Нет?.. (Аплодисменты.) Пусть почтенный пиквикист, произнесший так громко „нет“, выступит и попробует это отрицать. (Одобрения.) Кто произнес „нет“? (Овадии.) Какой-нибудь тщеславный и оскорбленный в своем самолюбии человек... чтобы не сказать — галантерейщик (овадии), завидующий тем похвалам, каких удостоились — пусть незаслуженно — его (м-ра Пиквика) ученые исследования, и уязвленный порицаниями, коими встречены были жалкие его попытки соперничества, прибегает к этому презренному и клеветническому способу...

„М-р Блотон (из Олдгейта *) говорит к порядку заседания. Не на него ли намекает почтенный пиквикист? („К порядку!“, „Председатель!“, „Да!“, „Нет!“, „Продолжайте“, „Довольно!“, „Довольно!“)

„М-р Пиквик не дает смутить себя криками. Он намекал именно на почтенного джентльмена. (Сильное возбуждение.)

„М-р Блотон хочет только отметить, что он с глубоким презрением отвергает непристойное и лживое обвинение почтенного джентльмена. (Громкое одобрение.) Почтенный джентль-

мен — хвастун! (Полное смятение, громкие крики: „Председатель!“, „К порядку!“)

„М-р Снодграс говорит к порядку заседания. Он обращается к председателю. („Слушайте!“) Он хочет знать, неужели не положить конца недостойной распре между членами клуба. („Слушайте!“)

„Председатель вполне уверен, что почтенный пиквикист возьмет назад свое выражение.

„М-р Блотон заверяет, что, при всем уважении к председателю, не возьмет своего выражения назад.

„Председатель считает своим непреложным долгом спросить почтенного джентльмена, надлежит ли понимать выражение, которое у него сорвалось, в общепринятом смысле.

„М-р Блотон, не колеблясь, отвечает отрицательно — он употребил выражение в пиквикистском смысле. („Слушайте! Слушайте!“) Он вынужден заявить, что персонально он питает глубочайшее уважение к почтенному джентльмену и считает его хвастуном исключительно с пиквикистской точки зрения. („Слушайте! Слушайте!“)

„М-р Пиквик считает себя вполне удовлетворенным этим искренним, благородным и исчерпывающим объяснением своего почтенного друга. Он просит принять во внимание, что его собственные замечания надлежит толковать только в пиквикистском смысле. (Рукоплескания.)“

На этом протокол заканчивается, как заканчиваются, мы не сомневаемся, и дебаты, раз они достигли столь удовлетворительного и вразумительного пункта.

Официального изложения фактов, предлагаемых вниманию читателя в следующей главе, у нас нет, но они тщательно проверены на основании писем и других рукописных свидетельств, подлинность которых настолько не подлежит сомнению, что оправдывает изложение их в связной форме.

ГЛАВА II

*Первый день путешествия и приключения первого
вечера с вытекающими из них последствиями*

Солнце — этот исполнительный слуга — едва только взошло и озарило утро тринадцатого мая тысяча восемьсот двадцать седьмого года, когда м-р Сэмюел Пиквик наподобие другого солнца воспрял от сна, открыл окно в комнате и воззрился на мир, распростертый внизу. Госуел-стрит * была у ног его, Госуел-стрит была направо, теряясь вдали, Госуел-стрит простиралась налево, и противоположная сторона Госуел-стрит была перед ним.

„Таковы, — размышлял м-р Пиквик, — и узкие горизонты мыслителей, которые довольствуются изучением того, что находится перед ними, и не заботятся о том, чтобы проникнуть в глубь вещей к скрытой там истине. Могу ли я удовольствоваться вечным созерцанием Госуел-стрит и не приложить усилий к тому, чтобы проникнуть в неведомые для меня области, которые ее со всех сторон окружают?“ И м-р Пиквик, давая исход этому прекрасному размышлению, начал втискивать самого себя в платье и свое платье в чемодан. Великие люди редко обращают большое внимание на свой туалет. Про-

цедура бритья, одевания и поглощения кофе была совершена быстро; не прошло и часа, как м-р Пиквик с чемоданом в руке, с подозрительной трубкой в кармане пальто и записной книжкой в жилете, готовый принять на свои страницы любое открытие, достойное замечания, — прибыл на каретную стоянку Сент-Мартенс-Ле-Гренд *.

— Кеб! * — окликнул м-р Пиквик.

— Пожалуйста, сэр! — заорал странный образчик человеческой породы, облеченный в холщевую блузу и такой же передник, с медной бляхой и номером на шее, словно был заномерован в какой-то коллекции диковинок. Это был уотермен *.

— Пожалуйста, сэр! Эй, чья там очередь?

„Очередной“ кеб был извлечен из трактира, где он курил свою очередную трубку, и м-р Пиквик со своим чемоданом ввергся в экипаж.

— Гольди-Крос * — приказал м-р Пиквик.

— Делов всего на один боб *, Томи, — хмуро довел кебмен до сведения своего друга уотермена, когда кеб тронулся.

— Сколько лет лошадке, приятель? — полюбопытствовал м-р Пиквик, потирая нос приготовленным для расплаты шиллингом.

— Сорок два, — ответил возница, искоса поглядывая на него.

— Что? — вырвалось у м-ра Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кебмен повторил. М-р Пиквик испытующе воззрелся на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

— А сколько времени она ходит зараз в упряжке? — спросил м-р Пиквик, в поисках дальнейших сведений.

— Две-три недели, — был ответ.

— Недели!? — поразился м-р Пиквик и снова вытащил записную книжку.

— Она стоит в Пентонвиле *, — заметил равнодушно возница, — но мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

— Очень слаба! — повторил сбитый с толку м-р Пиквик.

— Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи да когда вожжи туго натянуты, она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и должна бежать, ничего не поделаешь!

М-р Пиквик занес каждое слово этого рассказа в свою записную книжку, имея в виду сделать сообщение в клубе об исключительном примере выносливости лошади в очень трудных условиях жизни.

Едва успел он сделать запись, как они подъехали к Гольдн-Кросу.

Возница соскочил, и м-р Пиквик вышел из кеба. М-р Тапмен, м-р Снодграс и м-р Уинкль, нетерпеливо ожидавшие прибытия своего славного вождя, подошли его приветствовать.

— Получите, — протянул м-р Пиквик шилинг вознице.

Каково же было удивление ученого мужа, когда этот загадочный субъект швырнул монету на мостовую и в образных выражениях высказал пожелание доставить себе удовольствие и рассчитаться с ним (м-ром Пиквиком).

— Вы с ума сошли, — сказал м-р Снодграс.

— Или пьяны, — сказал м-р Уинкль.

— Вернее и то и другое, — сказал м-р Тапмен.

— А ну, выходи! — сказал кебмен, и, как машина, завертел перед собой кулаками. — Выходи... все четверо на одного.

— Ну, и потеха! За дело! Сэм! — поощрительно закричали с подюжины наемных кучеров и, бурно веселясь, обступили компанию.

— Что за шум, Сэм? — полюбопытствовал джентльмен в черных коленкорových рукавах.

— Шум! — повторил кебмен. — А зачем понадобился ему мой номер?

— Мне не нужен ваш номер! — отозвался удивленный м-р Пиквик.

— А зачем вы его занесли? — не отставал кебмен.

— Я нигуда его не заносил, — возмутился м-р Пиквик.

— Подумайте только, — апеллировал возница к толпе: — в твой кеб залезает шпион * и заносит не только твой номер, но и все, что ты говоришь в придачу. (М-ра Пиквика осенило: записная книжка.)

— Да ну! — воскликнул какой-то другой кебмен.

— Верно говорю! — подтвердил первый. — А потом распалил меня так, что я в драку полез, и призвал трех свидетелей, чтобы меня поддеть. Полгода просижу, а проучу его! Выходи!

И кебмен швырнул свою шляпу на землю, обнаруживая беззаботное небрежение к своей частной собственности, сбил с м-ра Пиквика очки и, продолжая атаку, нанес первый удар в нос м-ру Пиквику, второй — в грудь м-ру Пиквику, третий — в глаз м-ру Сподграсу, четвертый, разнообразия ради, — в живот м-ру Ташмену, затем прыгнул сперва на мостовую, потом назад на тротуар, и в заключение вышиб весь временный запас дыхания из тела м-ра Уинкля; все это в течение нескольких секунд.

— Где полисмен? — закричал м-р Сподграс.

— Под насос их! — посоветовал торговец горячими пирожками.

— Вы заплатите за это! — задыхался м-р Пиквик.

— Шпионы! — орала толпа.

— А ну выходи! — кричал кебмен, все время не перестававший вращать перед собой кулаками.

До этого момента толпа оставалась пассивным зрителем, но когда пронеслось, что пиквикисты — шпионы, в толпе начали с заметным оживлением обсуждать вопрос, не осуществить ли им в самом деле предложение разгоряченного пирожника *, и трудно сказать, на каком насилии над личностью остановились бы, если бы скандал не был прерван неожиданным вмешательством нового лица.

— Что за потеха? — спросил довольный высокий худощавый молодой человек в зеленом фраке, вынырнувший внезапно из каретного двора гостиницы.

— Шпионы! — снова заревела толпа.

— Мы не шпионы! — завопил м-р Пиквик таким голосом, что человек беспристрастный не мог бы усомниться в его искренности.

— Так значит не шпионы? Нет? — обратился молодой человек к м-ру Пиквику, уверенным движением локтей раздвигая физиономии собравшихся, чтобы проложить себе дорогу сквозь толпу.

Ученый муж торопливо изъяснил истинное положение вещей.

— Идемте! — проговорил зеленый фрак, силою увлекая за собой м-ра Пиквика и не переставая болтать: — Вот, номер 924, возьмите деньги и убирайтесь — почтенный джентльмен — хорошо его знаю — без глупостей — сюда, сэр — а где ваши друзья? — Сплошное недоразумение — не придавайте значения — с каждым может случиться — в самых благоустроенных семействах — не падайте духом — не повезло — засадить его — пусть попробует — узнает, чем пахнет — ну и каналы!

И продолжая нанизывать подобного рода несвязные сентенции, извергаемые с чрезвычайной стремительностью, незнакомец прошел в зал для пассажиров, куда непосредственно за ним последовал м-р Пиквик со своими учепиками.

— Эй, официант! — заорал он, неистово потрясая колокольчиком, — стаканы — грот * горячий и крепкий, сладкий, на всех — глаз подбит, сэр? — официант — сырой говядины джентльмену на глаз — сырая говядина — лучшее средство от синяков, сэр — холодный фонарный столб — очень хорошо — но фонарный столб неудобно — чертовски глупо стоять полчаса на улице, приложив глаз к фонарному столбу — ха-ха! — не так ли? — отлично!

И незнакомец, не переводя дыхания, одним глотком опорожнил полпинты трога и бросился в кресло с такой непринужденностью, как будто ничего необычного не произошло.

Пока трое его спутников осыпали изъявлениями благодарности своего нового знакомого, у м-ра Пиквика было достаточно времени рассмотреть его внешность и костюм.

Он был не выше среднего роста, но благодаря худобе и длинным ногам казался значительно выше. В эпоху „ласточ-

киных хвостов“ его зеленый фрак был щегольским одеянием, но, повидимому, и в те времена облакал джентльмена куда более низкорослого, ибо сейчас грязные и выцветшие рукава едва доходили незнакомцу до запястья. Он был застегнут на все пуговицы до самого подбородка, грозя неминуемо лопнуть на спине; шею незнакомца прикрывал старомодный галстук, на воротничок рубашки не было и намека. Его короткие черные брюки на штрипках были усеяны теми лоснящимися пятнами, которые свидетельствовали о продолжительной службе, и были туго натянуты на залатанные и перелатанные башмаки, тщетно стараясь скрыть грязные белые чулки, которые, тем не менее, были ясно видны. Из-под его мятой шляпы с обеих сторон выбивались прядями длинные черные волосы; а между обшлагами фрака и перчатками проглядывали голые руки. Худое лицо его казалось изможденным; но от всей его фигуры веяло полнейшей самоуверенностью и неописуемым нахальством.

Таков был субъект, на которого м-р Пиквик взирал сквозь очки (к счастью, он их нашел); и когда друзья м-ра Пиквика исчерпали запас признательности, м-р Пиквик обратился к нему в самых изысканных выражениях, благодаря его за только что оказанную помощь.

— Пустяки! — сразу прервал его незнакомец, — не о чем говорить — ни слова больше — молодчина этот извозчик — здорово работал пятерней — но будь я вашим приятелем в зеленой куртке — чорт возьми — свернул бы ему шею — ей богу — в одно мгновение — да и пирожнику вдобавок — без хвастовства.

Этот набор слов прерван был появлением рочестерского кучера, объявившего, что Комодор * отправляется.

— Комодор? — воскликнул незнакомец, вскакивая с места, — моя карета — место заказанное — наружное — предоставляю вам заплатить за грог — нужно менять пять фунтов — серебро фальшивое — брамеджемские * пуговицы — не таковский — не пройдет. — И он лукаво покачал головой.

Вышло так, что м-р Пиквик и его спутники решили сделать в Рочестере * первую остановку; сообщив новоявленному зна-

комому, что они едут в тот же город, они заняли наружные задние места, чтобы сидеть всем вместе.

— Наверху вместе с вами, — проговорил незнакомец, подсаживая м-ра Пиквика на крышу со стремительностью, которая грозила нанести весьма существенный ущерб степенности этого джентльмена.

— Багаж, сэр? — спросил кучер.

— Чей — мой? Со мною вот пакет в оберточной бумаге и только — — остальной багаж идет водой — — ящики заколоченные — — величиной с дом — — тяжелые, чертовски тяжелые! — отвечал незнакомец, стараясь засунуть в карман пакет в оберточной бумаге, внушавший подозрение, что содержимым его были рубашка и носовой платок.

— Головы, головы! Берегите головы! — кричал болтливый незнакомец, когда они проезжали под низкой аркой, которая в те дни служила въездом в каретный двор гостиницы. — Ужасное место — — страшная опасность — — недавно — — пятеро детей — — мать — женщина высокая, ест сендвичи * — — об арке забыла — — крррак — — дети оглядываются — — мать без головы — — в руке сендвич — — нечем есть — — глава семьи обезглавлена — — ужасно, ужасно! — — Рассматриваете Уайтхол *, сэр? Прекрасное место — — маленькое окно — — там тоже кое-кому голову сняли — — а, сэр? — — он тоже зазевался — — а, сэр? а?

— Я размышлял, — сказал м-р Пиквик, — о странной изменчивости человеческой судьбы.

— О! Понимаю! Сегодняходишь во дворец через дверь, завтра вылетаешь в окно. Философ, сэр?

— Наблюдатель человеческой природы, сэр, — ответил м-р Пиквик.

— Ну? Я тоже. Как и большинство людей, у которых мало дела, и еще меньше дохода. Поэт, сэр?

— У моего друга м-ра Снодграса большая склонность к поэзии, — ответил м-р Пиквик.

— Как и у меня, — сказал незнакомец. — Эпическая поэма — — десять тысяч строк — — июльская * революция — — сочинил на месте происшествия — — Марс днем, Аполлон ночью — — грохот орудий, бряцание лиры...

— Вы были свидетелем этого замечательного события, сэр? — спросил м-р Снодграс.

— Свидетелем? Еще бы¹ — заряжаю мушкет — заряжаюсь идеей — бросаюсь в винный погребок — записал — назад — бац! бац! — новая идея — снова в погребок — перо и чернила — снова назад — режь, руби — славное время, сэр. — И неожиданно повернувшись к м-ру Уинклю: — Спортсмен, сэр?

— Немного, сэр, — ответил этот джентльмен.

— Прекрасное занятие, сэр, — превосходное занятие. — Собаки, сэр?

— Сейчас нет.

— Что вы! Займитесь собаками — прекрасные животные — умные твари — был у меня пес — пойнтер — удивительное чутье — однажды вышли на охоту — огороженное место — свистнул — собака ни с места — снова свистнул — Понто*! — ни с места: как вкопанная — зову — Понто! Понто! — не двигается — собака приросла к месту — уставилась на забор — взглянул и я — вижу объявление: „Сторожу приказано убивать собак, проникших за эту ограду“ — не пошла — изумительный пес, бесценный был пес — весьма!

— Факт исключительный! — заметил м-р Пиквик. — Позвольте записать.

— Пожалуйста, сэр, сколько угодно. Сотни рассказов об этой собачке. — Хорошенькая девочка, сэр? (к м-ру Треси Тапмену, расточавшему отнюдь не пиквикистские взгляды юной леди, стоявшей у дороги).

— Очень! — согласился м-р Тапмен.

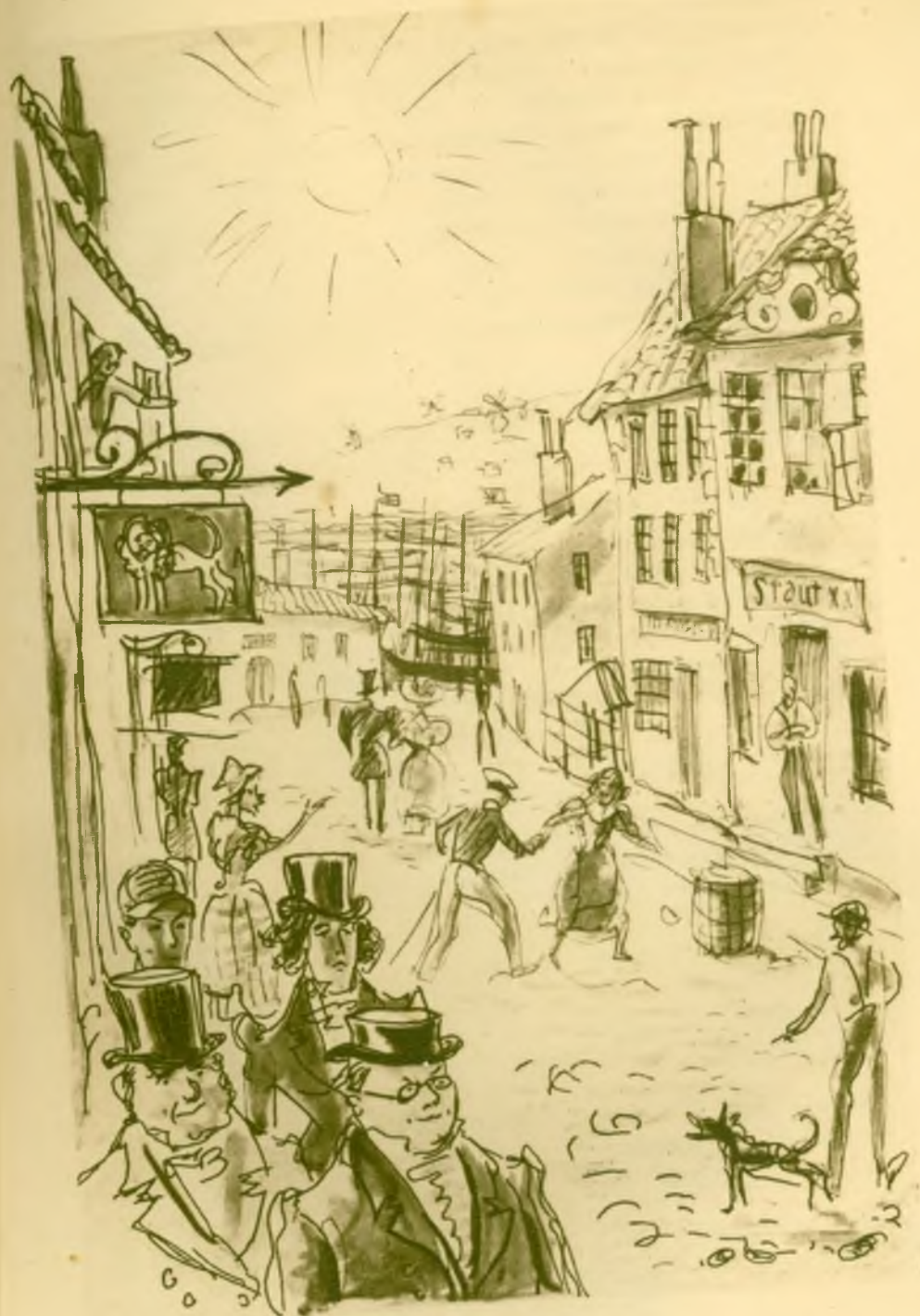
— Ну, англичанки не так хороши, как испанки — прелестные создания — волосы — черные, как смоль — глаза черные — стройные фигуры — чудные создания — красавицы!

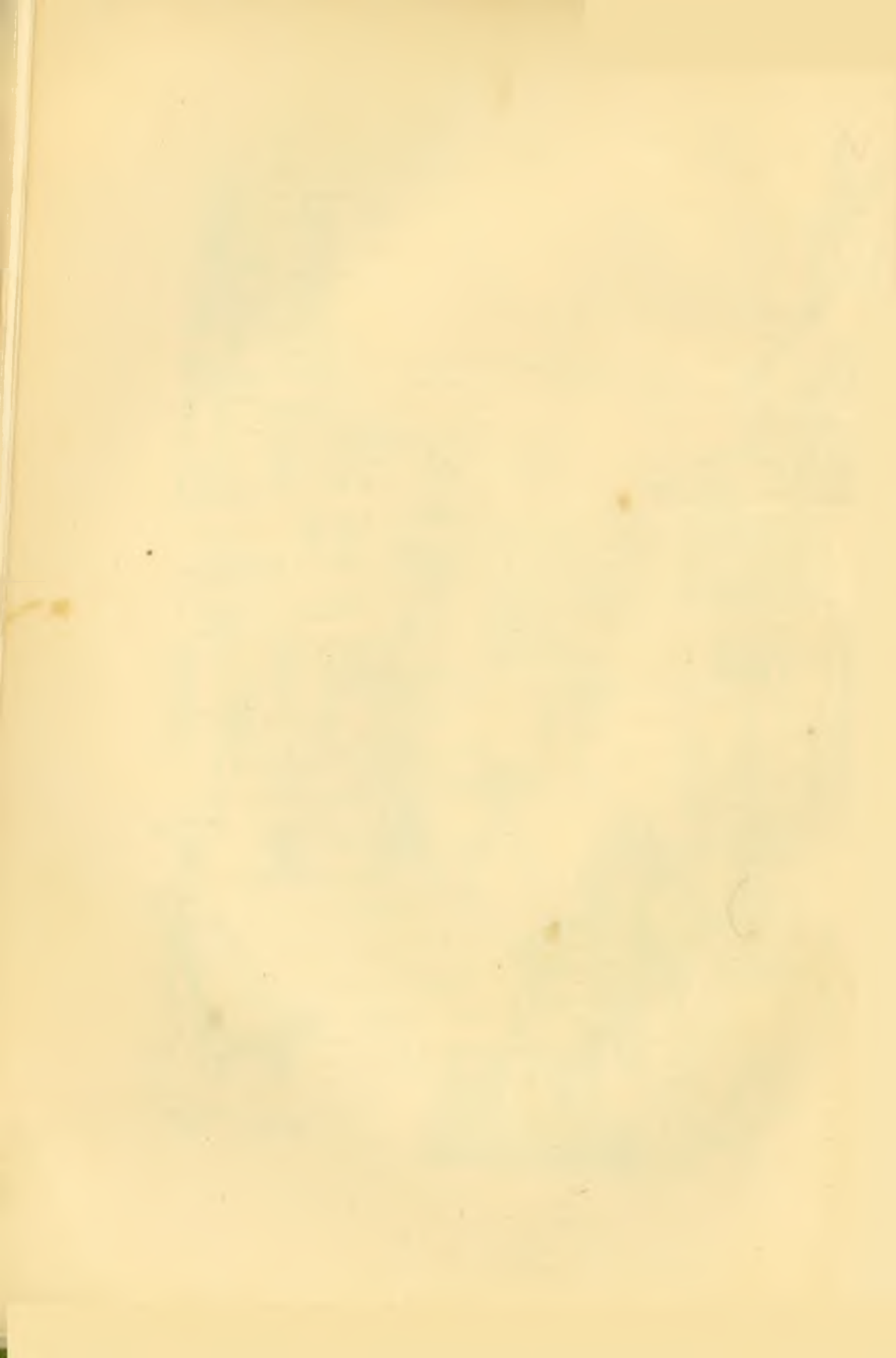
— Вы были в Испании, сэр? — спросил м-р Тапмен.

— Жил там целую вечность.

— Много, сэр, побед? — допытывался м-р Тапмен.

¹ Замечательный пример пророческой силы, отличавшей воображение м-ра Джингла. Этот диалог происходил в 1827 г., а революция — в 1830 г.
(Примеч. автора)

✓ — Побед? Тысячи! — Дон Болеро Фидиг — — гранд — — единственная дочь — — Донна Христина — — прелестное создание — — любила меня до безумия — — ревнивый отец — — великодушная дочь — — красивый англичанин — — Донна Христина в отчаянии — — синильная кислота — — у меня в чемодане желудочный зонд — — сделали промывание — — старик Болеро Фидиг в восторге — — соглашается на наш союз — — руки соединены и море слез — — романтическая история — — весьма!

— Эта леди теперь в Англии, сэр? — полюбопытствовал м-р Тапмен, на коего описание ее прелестей произвело сильнейшее впечатление.

— Умерла, сэр, умерла, — сказал незнакомец, прикладывая к глазу остаток древнего батистового платочка, — не могла оправиться после промывания — — слабый организм — — пала жертвой.

— А отец? — задал вопрос поэтический м-р Снодграс.

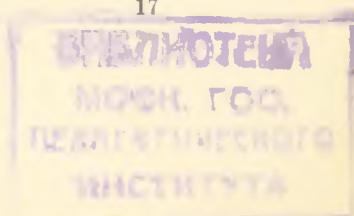
— Угрызения совести и отчаяние — — внезапное исчезновение — — город только об этом и говорит — — ищут повсюду — — безуспешно — — вдруг перестал бить фонтан на главной площади — — недели идут — — засорился — — рабочие начинают чистить — — вода выкачана — — нашли тестя — — застрелял головой вперед в трубе — — полная исповедь в правом сапоге — — вытащили, и фонтан забил попрежнему.

— Вы позволите мне записать эту романтическую историю, сэр? — спросил потрясенный м-р Снодграс.

— Сколько угодно, сэр, сколько угодно, еще пятьдесят таких, если они вам по вкусу — — необыкновенная у меня жизнь — — довольно любопытная биография — — ничего исключительного, но все же необычно.

В таком духе — а в виде вводных предложений пропуская по стаканчику эля, когда меняли лошадей, — разглагольствовал незнакомец, пока они не достигли Рочестерского* моста, и за это время записные книжки м-ра Пиквика и м-ра Снодграса вместили не мало его приключений.

— Величественные развалины! — воскликнул м-р Огастес Снодграс со всем отличавшим его поэтическим пылом, когда перед ними открылся вид красивого старого замка.

— Какая находка для любителя древности! — вырвалось из уст м-ра Пиквика, когда он приставил к глазу подзорную трубку.

— Прекрасное место, — сказал незнакомец, — славная руина — хмурые стены — шаткие своды — темные закоулки — полуразрушенные лестницы — древний собор — затхлый запах — древние ступени, стертые ногами пилигримов — маленькие саксонские * двери — исповедальни, как будки театральных кассиров — чудной народ эти монахи — папы и лорды-казначей и всякого рода старцы с толстыми, красными физиономиями и пробитыми носами, задранными кверху, на каждом шагу — колеты буйволовой кожи — кремневые ружья — саркофаг — прекрасное место — древние легенды — странные истории — чудесно! — И незнакомец продолжал монолог, пока они не подъехали к гостинице „Бык“ * на Хай-стрит, куда подкатила карета.

— Вы остановитесь здесь, сэр? — спросил м-р Уинкль.

— Здесь? — Нет — вам советую — хорошее заведение — прекрасные постели — рядом гостиница Райта *, дорого — очень дорого — только посмотришь на слугу, приписывается полкроны к счету — обедаете у друзей, насчитывают еще больше, чем если б вы обедали у них — странные типы — весьма.

М-р Уинкль обратился к м-ру Пиквику и прошептал несколько слов; шопот перешел от м-ра Пиквика к м-ру Снодграсу, от м-ра Снодграса к м-ру Тапмену, и они обменялись знаками согласия. М-р Пиквик обратился к незнакомцу:

— Сегодня утром, сэр, вы оказали нам важную услугу. Разрешите нам хоть как-нибудь вас отблагодарить. Мы просим оказать нам честь отобедать с нами.

— С большим удовольствием — не смею распоряжаться, но жареная курица с грибами — превосходная вещь! В котором часу?

— Позвольте, — вытаскивая часы, ответил м-р Пиквик. — Сейчас около трех. Назначим на пять?

— Очень удобно, — сказал незнакомец, — ровно в пять — а пока — всего хорошего. — И приподняв на несколько дюймов помятую шляпу и небрежно надев ее пабекрень, незнакомец — с торчащим из кармана пакетом в оберточной бумаге — быстро пересек двор и свернул на Хай-стрит.

— Очевидно, он изъездил много стран и пристально наблюдал людей и события, — сказал м-р Пиквик.

— Мне бы хотелось взглянуть на его поэму, — сказал м-р Снодграс.

— А мне бы очень хотелось видеть эту собаку, — сказал м-р Уинкль.

М-р Тапмен не сказал ничего. Но думал он о Донне Христине, о зонде для промывания желудка и о фонтане. Слезы навернулись у него на глазах.

Заняв отдельную гостиную, осмотрев спальни, заказав обед, они все вместе отправились осматривать город и ближайшие окрестности.

Внимательно читая заметки м-ра Пиквика о четырех городах — Страуде *, Рочестере, Четеме * и Бромтоне *, — мы не нашли, чтобы его впечатления существенно отличались от впечатлений других путешественников, побывавших в тех же городах. Мы слегка сокращаем его общее описание.

„Главное, что водится в этих городах, — пишет м-р Пиквик, — это, повидимому, солдаты, матросы, евреи, мел, креветки, офицеры и портовые чиновники. На более многолюдных улицах выставлены на продажу: разная рухлядь, леденцы, яблоки, плоская рыба и устрицы. Улицы имеют оживленный вид, чему главным образом способствует веселый нрав военных. Для ума, человеколюбиво направленного, составляет истинное восхищение созерцать этих храбрецов, бродящих по улицам и пошатающихся от избытка жизненного и горячительного возбуждения; особенно, если мы вспомним, что следовать за ними и обмениваться с ними шутками доставляет дешевое и невинное развлечение подрастающей части населения. Ничто (добавляет м-р Пиквик) не может нарушить их добродушия. За день до моего приезда один из них был оскорблен самым грубым образом в трактире. Буфетчица наотрез отказалась отпустить ему новую порцию напитков; в ответ на что он (разумеется, шутя) извлек свой штык и ранил ее в плечо. И все же этот славный малый сам пришел на следующее утро в трактир и выразил готовность не придавать значения этому делу и позабыть то, что произошло.

— Мне бы очень хотелось посетить, — вымолвил м-р Тапмен, подразумевая бал. — Очень бы хотелось.

— Билеты в буфете, полгинеи, сэр, — вернул слуга.

М-р Тапмен снова выразил горячее желание побывать на балу; но не встретив сочувствия в помутившихся глазах м-ра Снодграса и в отсутствующем взгляде м-ра Пиквика, он утешился, отдав должное портвейну * и десерту, появившимся на столе.

Слуга удалился, и компания осталась наслаждаться приятным послеобеденным препровождением времени.

— Прошу прощения, сэр, — начал незнакомец, — бутылка оплачена — пустите в обращение — по солнцу — пить до дна. — И он осушил стакан, который наполнил минуты две тому назад, и налил другой с видом человека, весьма привычного.

Вино было выпито, и был заказан новый запас. Гость говорил, пиквикисты слушали. С каждой секундой м-р Тапмен все пламенней мечтал о бале. Выражение всепоглощающей доброты разливалось на лице м-ра Пиквика; а м-р Уинкль и м-р Снодграс заснули крепким сном.

— А наверху уже началось, — сказал незнакомец. — Слушайте — — настраивают скрипки — — арфу — — поехали!

Звуки, доносившиеся сверху, возвестили о начале первой кадрили.

— Как бы мне хотелось пойти! — снова вымолвил м-р Тапмен.

— И я не прочь, — сказал незнакомец, — проклятый багаж — — везут на баркасах — — не в чем идти — — досадно! — — досадно!

Одной из основных черт пиквикистской теории была доброжелательность, и этому благородному принципу м-р Треси Тапмен следовал с большим рвением, чем кто бы то ни было. В протоколах клуба почти в невероятном количестве упоминаются случаи, когда этот превосходный джентльмен направлял объекты благотворительности к другим членам клуба за поношенным платьем или за денежной поддержкою.

— Я бы с удовольствием одолжил вам для этого дела свой костюм, — начал м-р Треси Тапмен, — но вы худошавы, тогда как я...

— Толстоват — — как Бахус в зрелом возрасте — — снявший листья, слезший с бочки и облачившийся в сукно, а? — — Ха-ха! Не валяно, а напялено! Переправьте бутылку.

Задел ли м-ра Тапмена повелительный тон, каким было выражено требование переправить вино, с которым незнакомец быстро справился, или он весьма справедливо почувствовал себя шокированным тем, что влиятельный член Пиквикского клуба постыдно сравнивался с Бахусом, слезшим с бочки, — этот вопрос достаточно не выяснен. Он передал вино, кашлянул дважды и несколько секунд пристально смотрел на незнакомца; но так как этот субъект оставался вполне спокойным и совершенно безмятежным под его испытующим взглядом, он постепенно смягчился и снова вернулся к теме о бале.

— Я хотел сказать, сэр, — начал он, — если мой костюм вам широк, то костюм моего друга м-ра Уинкля, пожалуй, будет впору.

Незнакомец взглядом снял мерку с м-ра Уинкля и, прося, удовлетворенно бросил:

— В самую пору!

М-р Тапмен огляделся. Вино, возмевшее снотворное действие на м-ра Снодграса и м-ра Уинкля, отуманило и м-ра Пиквика. Сей джентльмен постепенно проходил все те стадии, какие предшествуют летаргии, вызванной обедом. Он прошел все этапы, спускаясь с высот бурной веселости в глубины отчаяния, а из глубин отчаяния снова возносясь на вершины веселья. Подобно уличному газовому фонарю, когда ветер задувает в трубку, он на момент вспыхнул неестественным светом, затем потускнел так, что едва можно было его различить, после короткого перерыва снова разгорелся, опять замигал и замерцал и наконец угас окончательно. Голова его поникла на грудь; и только непрерывный храп да наступавшие время от времени короткие припадки удушья оставались единственными доступными слуху указаниями на присутствие великого мужа.

Желание попасть на бал и получить представление о красоте кентских леди владело м-ром Тапменом. Желание за-

хватить с собой нового знакомого было не менее сильно. Города и его обитателей он не знал, а новый приятель настолько был в курсе дела, что, казалось, жил в этих краях с самого детства. М-р Уинкль спал, а м-р Тапмен достаточно был опытен в таких делах, чтобы знать, что в момент пробуждения тот — согласно природе вещей — способен только на одно — рухнуть в постель. Он пребывал в нерешительности.

— Налейте себе и передайте бутылку, — напомнил неутомимый гость.

М-р Тапмен совершил то, что от него требовалось, и добавочный стимул последнего стакана определил его решение.

— К Уинклю можно попасть через мою спальню, — сказал он, — если я его сейчас разбужу, все равно он не поймет, что мне нужно от него, но я знаю, что у него в саквояже есть фрачная пара, и если вы ее наденете на бал, а затем, когда мы вернемся, снимете, я уложу ее в саквояж, вовсе не беспокоя его по этому поводу.

— Превосходно, — одобрил гость, — великолепный план — — глупейшее положение — — четырнадцать костюмов в багаже, а приходится надевать чужой — — замечательная идея — — весьма!

— Нужно купить билеты, — решил м-р Тапмен.

— Не стоит дробить гинею — — бросим жребий, кому платить за обоих — — я называю; вы пускайте — — раз — — женщина, женщина, очаровательная женщина! — И соверен упал кверху драконом * (из любезности наименованным женщиной).

М-р Тапмен позвонил, купил билеты и приказал подать свечи. Через четверть часа новый знакомец был полностью облачен во фрачную пару м-ра Нетениела Уинкля.

— Это новый фрак, — объяснил м-р Тапмен, пока гость с большим удовлетворением разглядывал себя в стенное зеркало. — Первый фрак со значком нашего клуба, — и он обратил внимание приятеля на большой позолоченный значок, в центре которого красовался бюст м-ра Пиквика, а по сторонам его инициалы П. К.

— П. К.? — спросил тот. — Странное украшение — — портрет этого старикана и П. К.? Что это значит П. К.? Прескверный костюм, а?

М-р Тапмен весьма серьезно и не без раздражения объяснил таинственные инициалы.

— Талия коротковата? — сказал новый знакомец, вертясь перед зеркалом, чтобы разглядеть пуговицы на талии, которые пришлись чуть не на середину спины. — Как у почтальона — — смешные у них кафтаны — — одного размера — — без примерки — — таинственная провиденциальность — — малорослым достаются длинные кафтаны — — высоким короткие.

Болтая без умолку, новый приятель м-ра Тапмена оправил свой фрак, вернее, фрак м-ра Уинкля, и в сопровождении м-ра Тапмена поднялся по лестнице, ведущей в зал.

— Ваши фамилии, сэр? — спросил лакей у двери.

Только м-р Тапмен собрался сообщить свое имя, как вмешался его товарищ.

— Никаких имен! — и затем зашептал м-ру Тапмену: — Не надо имен — — не известны — — хорошие имена, но широкой публике не известны — — для маленькой вечеринки превосходные имена, но на балу не произведут впечатления — — инкогнито, вот что надо! — — Джентльмены из Лондона — — знатные путешественники — — вот!

Дверь распахнулась, и м-р Треси Тапмен с незнакомцем вошли в зал. Это была длинная комната со скамьями, обтянутыми малиновой материей, и со стеклянными люстрами, в которых торчали восковые свечи. Музыканты были тщательно спрятаны на закрытой эстраде, и несколько пар отплясывало по всем правилам кадрили. В соседней комнате расставлено было два ломберных стола, за которыми сражались в вист * четыре пожилых леди и соответствующее число толстых джентльменов.

Кадриль кончилась, танцующие стали прогуливаться по залу, и м-р Тапмен с приятелем поместились в углу, чтобы обозреть собравшихся.

— Очаровательные женщины! — заметил м-р Тапмен.

— Погодите минутку, — сказал незнакомец. — Сейчас здесь забавные типы — — те, которые познатней, еще не пришли — — странное местечко — — портовые чиновники повыше рангом знать не хотят портовых чиновников рангом пониже — — чинов-

ники рангом пониже знать не хотят мелких джентри — — мелкие джентри знать не хотят купцов — — начальник порта знать не хочет никого.

— Кто этот мальчишка с воспаленными глазами, светловолосый, в маскарадном костюме? — спросил м-р Тапмен.

— Тсс! — воспаленные глаза — — маскарадный костюм — — мальчишка — — чепуха — — прапорщик 97-го полка — — почтенный Уильмот Снайп — — благородная фамилия — — Снайпы — — весьма.

— Сэр Томес Клобер, леди Клобер и мисс Клобер! — громовым голосом провозгласил лакей.

Но залу прошел шопот, когда показались высокий джентльмен в синем фраке с блестящими пуговицами, объемистая леди в синем шелковом платье и две молодых леди, столь же объемистые, в модных платьях того же цвета.

— Правительственный комиссар — — начальник порта — — великий человек — — замечательно великий человек, — зашептал новый знакомый в ухо м-ру Тапмену, пока благотворительный комитет провожал сэра Томеса Клобера с семейством в почетный угол зала.

Почтенный Уильмот Снайп и другие избранные джентльмены бросились приветствовать двух мисс Клобер, а сэр Томес Клобер стоял прямой, как палка, и величественно взирал поверх своего черного галстука на собравшееся общество.

— М-р Смити, м-с Смити и мисс Смити, — доложил лакей.

— Кто такой м-р Смити? — прошептал м-р Тапмен.

— Служит в порту, — ответил новый знакомец.

М-р Смити почтительно поклонился сэру Томесу Клоберу, а сэр Томес Клобер с подчеркнутой снисходительностью ответил на поклон. Леди Клобер бросила через лорнет высокомерный взгляд на м-с Смити с семейством, а м-с Смити в свою очередь пронзила м-с Как-ее-бишь, чей муж вовсе не служил в порту.

— Полковник Болдер, м-с Болдер и мисс Болдер, — таковы были вновь прибывшие.

— Начальник гарнизона, — шепнул приятель м-ра Тапмена в ответ на вопрошающий взгляд последнего.

Две мисс Клобер радостно встретили мисс Болдер; с чрезвычайной горячностью приветствовали друг друга м-с полковница Болдер и леди Клобер; полковник Болдер и сэр Томес Клобер позанимствовались друг у друга понюшкой табаку и очень походили на пару Александров Селькирков* — „повелителей всего, что объемлет глаз“.

Пока городская знать — Болдеры, Клоберы, Снайшы — блюла свое достоинство в почетном конце зала, другие классы общества подражали ее примеру в других частях зала. Менее аристократические офицеры 97-го полка отдавали свое внимание менее важным семьям портовых чиновников. Жены стряпчих и жена винного торговца возглавляли общество рангом пониже (супруга пивовара бывала у Болдеров); а м-с Томлинсон, содержательница почтовой конторы, казалось, с общего согласия предводительствовала кучеством.

Одним из самых популярных членов своего кружка был маленький толстый джентльмен с бахромой торчащих черных волос, окаймлявших пространную плешь — доктор Слемер, военный врач 97-го полка. Доктор угощался табачком из всех табакерок, со всеми болтал, хохотал, танцевал, шутил, играл в вист, — всюду попевал. Ко всем своим многообразным занятиям маленький доктор присовокуплял еще одно, более важное: он был неутомим, оказывая самое неослабное и преданное внимание маленькой пожилой вдове, чье шикарное платье и обилие украшений обещали лакомое добавление к скромному жалованию.

Именно на доктора и на вдову устремлены были взгляды м-ра Тапмена и его приятеля, когда последний прервал молчание.

— Денег тьма — — пожилая дева — — надутый доктор — — прекрасная идея — — чертовски весело, — сыпались из его уст маловразумительные словосочетания.

М-р Тапмен испытующе на него посмотрел.

— Пойду танцевать со вдовой, — заявил тот.

— Кто она? — спросил м-р Тапмен.

— Понятия не имею — — вижу первый раз в жизни — — отпустить доктора — — попробуем. — И незнакомец пересек комнату

и, облокотившись о камин, устремил на толстую физиономию старой леди взор, полный почтительного и меланхолического восхищения.

М-р Тапмен взирал безгласно и удивленно. Его приятель быстро преуспевал; маленький доктор танцевал с какой-то другой леди; вдова уронила веер, приятель поднял его и вручил — улыбка — поклон — реверанс — несколько слов. Затем он смело подошел к распорядителю и вернулся вместе с ним к вдове; краткая пантомима представления; новый знакомец м-ра Тапмена занял место в кадрили рядом с м-с Баджер.

Сколь ни было велико удивление м-ра Тапмена перед этой стремительностью действий, изумление доктора было неизмеримо больше. Незнакомец был молод, вдова польщена. Она перестала замечать ухаживания доктора, а негодование последнего не производило на его невозмутимого соперника ни малейшего впечатления. Доктор Слемер остолбенел. Он, доктор Слемер, 97-го полка, вытеснен был мгновенно, и кем? — субъектом, которого никто раньше не видел и которого никто здесь не знал. Доктор Слемер — доктор Слемер 97-го полка отвергнут! Неслыханно! Быть не может! Но — увы! — это так. Что это? Представляет своего приятеля? Глазам не верится!

Он посмотрел снова и с горечью убедился, что зрение его не обманывает: м-с Баджер танцевала с м-ром Треси Тапменом — ошибиться было невозможно. Вдова была перед ним и с необычайной живостью носилась по залу; а м-р Треси Тапмен подплясывал около нее, с лицом, выражающим высшую степень торжественности, танцуя (как танцуют многие), словно кадрили — не веселая забава, а жестокое испытание для наших чувств, требующее непреклонной выдержки.

Терпеливо и молча доктор выносил и это, и все, что последовало: угощение нигесом*, заботу о стаканах, добывание печенья и кокетничание; но через несколько секунд после того, как незнакомец исчез, чтобы проводить м-с Баджер до кареты, доктор молниеносно вылетел из комнаты, и долго сдерживаемое негодование изшло потом, проступавшим сквозь каждую пору его физиономии.

Незнакомец вернулся, м-р Тапмен был с ним. Незнакомец что-то ему шептал и смеялся. Маленький доктор жаждал его крови. Он ликует! Он одержал победу!

— Сэр, — произнес он грозно, протягивая свою визитную карточку и отступая в угол вестибюля, — меня зовут Слемер, доктор Слемер, сэр, 97-го полка, Четемские казармы... Моя карточка, сэр... — Он хотел еще что-то прибавить, но задышался от бешенства.

— Слемер? — холодно переспросил незнакомец. — Очень рад — как вы внимательны — только я не болен, Слемер — когда заболею — позову вас.

— Вы... вы проходимец, сэр! — задышался взбешенный доктор. — Трус! Лгун! Э... э... потрудитесь дать мне свою карточку, сэр!

— А, понимаю, — бормотал незнакомец, — здесь слишком крепкий нигес — щедрый хозяин — весьма неблагоразумно — весьма — лимонад лучше — в комнатах жарко — пожилые джентльмены — утром будет голова трещать — при-
скажбно — прискорбно, — и он слегка отступил.

— Вы остановились в этой гостинице, сэр, — бесился маленький доктор, — сейчас вы пьяны, сэр, утром вы обо мне услышите. Я разыщу вас, сэр, я разыщу вас, где бы вы ни были.

— Скорей всего, где меня не было, — невозмутимо ответил незнакомец.

Доктор Слемер бросил на него кровожадный взгляд и негодую напялил на себя с размаху шляпу. М-р Тапмен с приятелем поднялись в спальню м-ра Тапмена, дабы вернуть одеяние ничего не подозревавшему м-ру Уинклю.

Этот джентльмен спал непробудным сном, и костюм скоро был водворен на место. Незнакомец пребывал в крайне веселом настроении, а м-р Треси Тапмен, возбужденный вином, нигесом, огнями и лицезнением леди, находил все происшедшее изысканной шуткой; после затруднительных попыток отыскать в своем ночном колпаке отверстие, предназначенное для головы, м-р Треси Тапмен опрокинул подсвечник, когда надевал ночной колпак, и, совершив ряд сложных эволюций, добрался до постели и моментально погрузился в сон.

Едва только пробило на следующее утро семь часов, как всеобъемлющий дух м-ра Пиквика был выведен из бессознательного состояния, в которое погрузил его ночной сон, громким стуком в дверь.

— Кто там? — приподнимаясь на постели, спросил м-р Пиквик.

— Коридорный, сэр.

— Что нужно?

— Сэр, не можете ли вы сказать, кто из ваших знакомых джентльменов носит светлосиний фрак с золоченым значком и с буквами П. К. на нем?

„Должно быть, он взял чистить платье и позабыл, чье оно“, — подумал м-р Пиквик и ответил:

— М-р Уинкль — третья комната направо.

— Благодарю вас, сэр, — ответил коридорный, удаляясь.

— В чем дело? — закричал м-р Тапмен, когда громкий стук в дверь пробудил его от глубокого сна.

— Мне нужен м-р Уинкль! — послышался голос коридорного.

— Уинкль! Уинкль! — закричал м-р Тапмен в соседнюю комнату.

— Алло! — отозвался слабый голос с постели.

— Вас кто-то спрашивает... там, у двери... — С трудом выдавив из себя эти слова, м-р Тапмен повернулся на другой бок и снова заснул.

— Спрашивает? — повторил м-р Уинкль, спрыгивая с постели и набрасывая на себя необходимые принадлежности туалета. — Спрашивает? Кто бы это мог спрашивать меня так далеко от Лондона?

— Джентльмен ждет в утренней столовой, — сказал коридорный, когда м-р Уинкль открыл дверь. — Джентльмен говорит, что ему обязательно вас надо видеть, и задержит он вас не надолго.

— Странно! — пробормотал м-р Уинкль. — Я сейчас приду.

Он поспешно надел халат, закутался в плед и спустился по лестнице. Старуха и двое служителей убирали столовую, у окна стоял офицер в форме. Он повернулся при входе м-ра

Уинкля и чопорно поклонился. Приказав слугам выйти и плотно прикрыв за ними дверь, он сказал:

— М-р Уинкль, если не ошибаюсь?

— Да, меня зовут Уинкль, сэр.

— Надеюсь, вас не удивит, сэр, если я скажу, что пришел к вам по поручению моего друга доктора Слемера, 97-го полка.

— Доктора Слемера? — переспросил м-р Уинкль.

— Доктора Слемера. Он поручил мне довести до вашего сведения его мнение, что вы вели себя вчера вечером не джентльменски и (добавил он) что ни один джентльмен не может позволить себе такого поведения по отношению к другому джентльмену.

Удивление м-ра Уинкля было столь непритворным и очевидным, что не ускользнуло от внимания друга доктора Слемера; поэтому он продолжал:

— Мой друг, доктор Слемер, просил меня прибавить, что, по его убеждению, вчера вечером вы были в состоянии опьянения и, может быть, не отдаете себе отчета в степени оскорбления, вами нанесенного. Он поручил мне также заявить, что в случае ссылки на это обстоятельство, как на оправдание вашего поведения, он согласен принять ваше письменное извинение, которое я вам продиктую.

— Письменное извинение? — повторил м-р Уинкль в крайнем возбуждении.

— Разумеется, альтернатива вам понятна, — холодно добавил посетитель.

— Вы уверены, что это поручение относится именно ко мне? — спросил м-р Уинкль, чей рассудок пребывал в результате этого необычайного объяснения в самом безнадежном смятении.

— Я сам не присутствовал при этом, — ответил посетитель, — но так как вы наотрез отказались вручить свою визитную карточку доктору Слемеру, этот джентльмен просил меня установить личность владельца не совсем обычного фрака — светлосинего с золоченым значком, на котором был изображен бюст и литеры П. К.

М-р Уинкль, когда услышал столь детальное описание своего фрака, вздрогнул от изумления. Друг доктора Слемера продолжал:

— Из расспросов в гостинице я узнал, что владелец этого фрака прибыл вчера днем вместе с тремя другими джентльменами. Я тотчас же послал слугу к джентльмену, который, повидимому, возглавляет компанию, а он указал на вас.

Если бы башня Рочестерского замка вдруг снялась с места и остановилась против окна, у которого стоял м-р Уинкль, его удивление было бы ничтожно по сравнению с тем глубоким изумлением, какое он испытывал, слушая приведенные выше слова. Вдруг ему пришло на ум, что фрак украден.

— Будьте добры, подождите одну секунду, — проговорил он.

— Пожалуйста, — ответил непрощенный посетитель.

М-р Уинкль мигом взлетел по лестнице и дрожащими руками открыл саквояж. Фрак покоился на своем месте, но после тщательного осмотра оказалось, что его несомненно надевал кто-то прошлой ночью.

— Так и есть! — пролепетал м-р Уинкль, роняя фрак. — Я выпил после обеда слишком много вина, и мне смутно помнится, я выходил на улицу и курил сигару. Факт налицо — я был очень пьян; вероятно, я переоделся... куда-нибудь вышел... и кого-то оскорбил... Да, конечно, так, и ужасное последствие — этот посетитель.

Вслед за сим м-р Уинкль направился в столовую с мрачной и страшною решимостью принять вызов воинственного доктора Слемера и приготовиться к самым ужасным последствиям.

К этому решению м-ра Уинкля вынуждали различные соображения, главным из коих была его репутация в клубе. Всегда он считался высшим авторитетом по всем вопросам спорта и физической тренировки, преследующей цели наступательные, оборонительные и просто безобидные; и если он уклонится от этого первого испытания — на глазах вождя, — авторитет его будет потерян навсегда. Кроме того, он не раз слышал от лиц, в эти дела посвященных, что благодаря уговору секундантов пистолеты редко заряжались пулями; и наконец он решил, что если он обратится к м-ру Сподграсу

с просьбой быть секундантом и в пламенных выражениях нарисует ему опасность положения, этот джентльмен, по всей вероятности, сообщит обо всем м-ру Пиквику, который тотчас же поставит в известность местные власти и спасет своего ученика от смерти или увечья.

С этими мыслями он вернулся в столовую и заявил о своем намерении принять вызов доктора.

— Угодно вам назвать одного из ваших друзей, с которым я мог бы условиться о времени и месте встречи? — спросил офицер.

— Это совершенно излишне, — возразил м-р Уинкль, — назначьте время и место, и я явлюсь туда в сопровождении своего друга.

— Скажем... сегодня вечером, на закате? — предложил офицер небрежным тоном.

— Очень хорошо. — ответил м-р Уинкль, думая про себя, что это очень плохо.

— Вы знаете форт * Пита?

— Да, видел вчера.

— Постарайтесь тогда выйти в поле вдоль рва и свернуть по тропинке влево, пока не дойдете до угла форта, затем идите прямо, пока не увидите меня. Я провожу вас в уединенное место, где мы завершим все дело, не боясь никакой помехи.

„Боязнь помехи!“ — пронеслось в голове м-ра Уинкля.

— Кажется, все, — сказал офицер.

— Думаю, что так, — согласился м-р Уинкль.

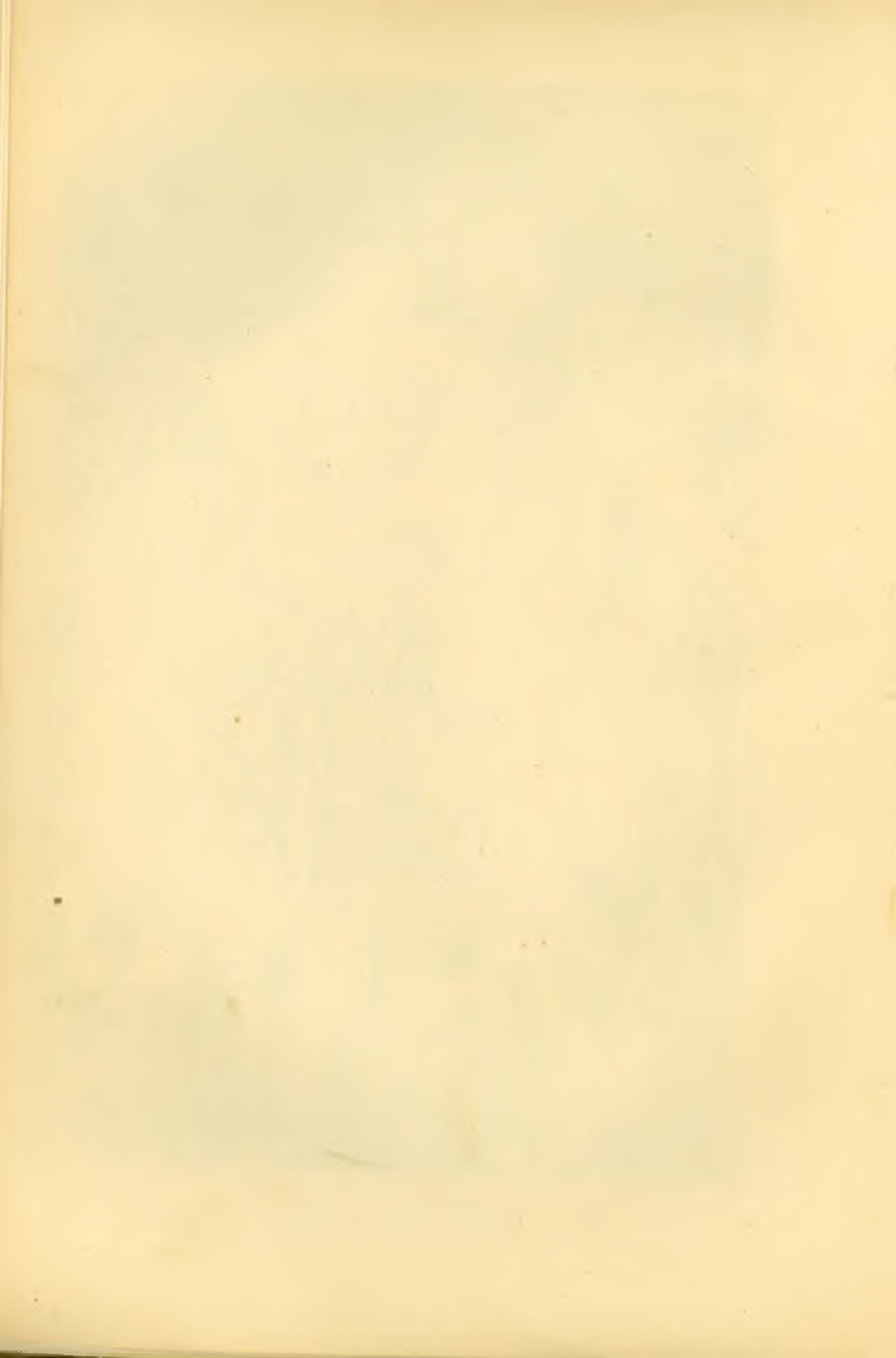
— Честь имею кланяться.

— Честь имею кланяться.

И офицер, весело насвистывая, вышел.

Завтрак прошел не слишком оживленно. М-р Тапмен после непривычной для него беспутной ночи был не в состоянии подняться с постели; м-р Снодграс, казаясь, пребывал в поэтическом унынии, и даже м-р Пиквик проявил необычную любовь к молчанию и содовой воде. М-р Уинкль с нетерпением ждал удобного случая, — долго ждать не пришлось. М-р Снодграс предложил осмотреть замок, и так как кроме

м-ра Уинкля никто не изъявил желания, то они и отправились вдвоем.

— Снодграс, — проговорил м-р Уинкль, когда они оставили за собой людную улицу, — милый Снодграс, можете ли вы хранить тайну? — Говоря это, он крепко надеялся, что не может.

— Могу! — был ответ. — Я могу дать клятву...

— Нет, нет! — воскликнул Уинкль, пришедший в ужас при мысли, что его друг поклянется не выдавать его. — Не клянитесь, в этом нет необходимости.

М-р Снодграс опустил руку, в поэтическом порыве вознесенную было к облакам, каковые он хотел призвать в свидетели, и приготовился внимательно слушать.

— Дорогой друг, мне нужна ваша помощь в деле чести, — вымолвил м-р Уинкль.

— Рассчитывайте на меня! — и м-р Снодграс стиснул руку друга.

— С доктором — с доктором Слемером, 97-го полка, — продолжал м-р Уинкль, стараясь изо всех сил говорить торжественно, — дуэль с офицером, у которого секундант тоже офицер... Сегодня на закате, в пустынном месте, за фортом Пита.

— Я к вашим услугам, — был ответ м-ра Снодграса.

Он был удивлен, но нисколько не огорчен. Поразительно, какое хладнокровие проявляют в таких случаях все, кроме дуэлянтов. Об этом м-р Уинкль позабыл. О чувствах приятеля он судил по своим.

— Последствия могут быть ужасны, — сказал м-р Уинкль.

— Надеюсь, что нет, — отозвался м-р Снодграс.

— Доктор, повидимому, хороший стрелок.

— Да, эти военные хорошо стреляют, — спокойно согласился м-р Снодграс. — Но ведь и вы тоже, не так ли?

М-р Уинкль ответил утвердительно. Установив, что м-р Снодграс не слишком встревожен, он переменял метод.

— Снодграс, — продолжал он, и голос его задрожал, — если я паду мертвым, вы найдете в пакете, который я вам вручу, письмо к моему... моему отцу.

И этот путь не годился. М-р Снодграс был тронут, но взял на себя доставку письма с такой готовностью, словно был двухпенсовым * письмоносецем.

— Если я паду мертвым, — продолжал м-р Уинкль, — или если доктор падет мертвым, вы, мой друг, окажетесь соучастником в этом деле. Могу ли я обречь своего друга на ссылку... быть может, на вечную ссылку!

М-р Снодграс колебался только один момент, по героизм его выдержал испытание.

— Во имя дружбы, — воскликнул он восторженно, — я готов подвергнуть себя любым опасностям!

О, как м-р Уинкль внутренне проклинал его дружескую преданность, когда в течение некоторого времени они молчали рядом, каждый погружившись в собственные размышления! Время шло, и м-р Уинкль приходил в отчаяние.

— Снодграс, — сказал он, вдруг остановившись. — Не вздумайте обмануть меня... Не сообщайте об этом властям... Не помышляйте обращаться к констеблям, чтобы они арестовали меня или доктора Слемера, 97-го полка, квартирующего в настоящее время в Четемских казармах, и тем самым помешали дуэли. Заклинаю вас, не делайте этого!

М-р Снодграс с жаром схватил руку друга и с энтузиазмом воскликнул:

— Ни за что на свете!

Дрожь прошла по телу м-ра Уинкля, когда он проникся убеждением, что у него нет никакой надежды вызвать какие-либо опасения у своего друга и что он обречен стать живой мишенью.

После того как м-ру Снодграсу были объявлены все формальности, и ящик с пистолетами, приготовленными по всей форме служить делу удовлетворения чести, был взят напрокат у рочестерского оружейника совокупно с удовлетворительным запасом пороха, пуль и пистонов, оба друга вернулись в гостиницу — м-р Уинкль, дабы размышлять о предстоящем поединке, а м-р Снодграс — привести в порядок смертоносное оружие и приготовить его по прямому назначению.

Был унылый и душный вечер, когда они снова вышли из дому, чтобы выполнить свое жуткое дело. Не желая обращать на себя внимание прохожих, м-р Уинкль задрапировался в широкий плащ, а м-р Снодграс под своим плащом скрыл оружие смертоубийства.

— Все захватили с собой? — взволнованно спросил м-р Уинкль.

— Все, — ответил м-р Снодграс. — Боевых запасов вполне достаточно, на случай, если первые выстрелы будут безрезультатны. В ящике четверть фунта пороха, а в кармане у меня две газеты для пыхей.

Такие дружеские заботы могли вызвать только признательность. Надо думать, что благодарность м-ра Уинкля, действительно, была слишком глубока, чтобы найти себе подходящее выражение, ибо он ни слова не проронил и продолжал идти... не слишком спеша.

— Мы пришли как раз во-время, — заметил м-р Снодграс, когда они перелезли через забор первого поля, — солнце на закате.

М-р Уинкль взглянул на опускавшийся солнечный диск и горестно подумал о том, что, быть может, и сам он скоро „закатится“.

— А вот и офицер! — воскликнул он через несколько минут.

— Где? — спросил м-р Снодграс.

— Вот... джентльмен в синем плаще.

М-р Снодграс посмотрел в направлении указательного пальца своего друга и увидел фигуру в плаще. Офицер движением руки дал понять, что их увидел. Друзья следовали по его стопам в нескольких шагах от него.

Вечер с каждой минутой становился мрачнее, меланхолический ветер свистал в пустынном поле, словно где-то далеко великан свистом звал собаку. Мрачная картина удручающе подействовала на м-ра Уинкля. Когда они шли мимо рва, он вздрогнул — ров казался огромной могилой.

Внезапно офицер свернул с тропинки, перелез через забор, пробрался через живую изгородь и очутился в пу-

стынном поле. Там ждали два джентльмена: один — маленький, толстый, с черными волосами, другой — представительный мужчина в сюртуке с нашивками, хладнокровно восседавший на складном стуле.

— Наш противник и врач, — предположил м-р Снодграс. — Глотните бренди*.

М-р Уинкль жадно схватил протянутую плетеную фляжку и проглотил изрядную порцию укрепляющего напитка.

— Мой друг, сэр, м-р Снодграс, — представил приятеля м-р Уинкль, когда офицер подошел к ним.

Друг доктора Слемера отвесил поклон и вытащил ящик, весьма похожий на тот, который нес с собой м-р Снодграс.

— Полагаю, что нам говорить не о чем, сэр, — холодно заметил он, открывая ящик, — предложение извиниться было вами решительно отклонено.

— Не о чем, сэр, — отвечал м-р Снодграс, которому становилось не совсем по себе.

— Приступим! — сказал офицер.

— Конечно, — согласился м-р Снодграс.

Отмерив дистанцию, с приготовлениями покончили.

— Эти пистолеты лучше ваших, — сказал секундант противника, протягивая принесенное оружие. — Вы видели, как я их заряжал. Не возражаете?

— Что вы! — воскликнул м-р Снодграс.

Это предложение вывело его из немаловажного затруднения, ибо сведения его о том, как заряжают пистолеты, были довольно туманны и неопределенны.

— Ну, теперь мы можем их расставить по местам, — продолжал офицер равнодушным тоном, словно дуэлянты были шахматными фигурами, а секунданты — игроками.

— Конечно, конечно! — подхватил м-р Снодграс. Он согласился бы на любое предложение, ибо ничего не смыслил в подобного рода делах.

Офицер направился к доктору Слемеру, а м-р Снодграс подошел к м-ру Уинклю.

— Все готово! — сказал он, протягивая м-ру Уинклю пистолет. — Дайте ваш плащ.

— Мой пакет у вас, дорогой друг? — прошептал бедный Уинкль.

— Да, все в порядке. Будьте хладнокровны и целйте ему в плечо.

М-ру Уинклю показалось, что этот совет ничем не отличается от тех, которые неизменно даются уличными зрителями мальшу, ввязавшемуся в драку: — „Смелей, поколоти его!“ — совет удивительный, если только знаешь, как им воспользоваться. Молча м-р Уинкль снял свой плащ — этот плащ всегда приходилось долго расстегивать — и взял пистолет. Секунданты отступили в сторону, то же самое сделал джентльмен, сидевший на складном стуле, и противники начали приближаться друг к другу.

М-р Уинкль всегда отличался крайним человеколюбием. И можно предположить, что, достигнув роковой черты, он закрыл глаза именно потому, что не хотел сознательно искалечить существо себе подобное; то обстоятельство, что глаза его были закрыты, помешало ему заметить очень странное и непонятное поведение доктора Слемера. Этот джентльмен выступил вперед, вытаращил глаза, отступил назад, протер глаза, снова вытаращил и наконец крикнул:

— Стойте, стойте!

— Что это значит? — сказал доктор Слемер, когда его приятель и м-р Снодграс подбежали к нему. — Это не тот.

— Не тот? — сказал секундант доктора Слемера.

— Не тот? — сказал м-р Снодграс.

— Не тот? — сказал джентльмен со складным стулом подмышкой.

— Конечно, не тот, — ответил маленький доктор. — Это не то лицо, которое оскорбило меня вчера вечером.

— Странная вещь! — воскликнул офицер.

— Очень, — подтвердил джентльмен со стулом. — Вопрос только в том, не должны ли мы формально считать этого джентльмена, раз он начал поединок, тем самым субъектом, который оскорбил вчера вечером нашего друга, доктора Слемера, независимо от того, действительно он является этим субъектом или нет. — Высказав такую мысль с видом весьма

загадочным и мудрым, джентльмен со стулом запустил в нос большую понюшку и окинул присутствующих глубокомысленным взглядом человека, авторитетного в подобных делах.

М-р Уинкль сразу открыл глаза, а равно и уши, лишь только услышал, что противник призывает к прекращению враждебных действий; уловив из последующих слов противника, что, несомненно, произошла ошибка, он моментально сообразил, сколь выгодно для его репутации скрыть истинные причины, побудившие его выйти на дуэль. Поэтому он храбро выступил вперед и заявил:

— Я — не то лицо, которое вы имеете в виду. Я это знаю.

— В таком случае это оскорбление для доктора Слемера, — решил джентльмен со стулом, — достаточное основание немедленно продолжать дуэль.

— Успокойтесь, Пейн, — перебил секундант доктора. — Отчего же, сэр, вы не сказали мне об этом сегодня утром?

— Ну, конечно... конечно! — с негодованием подхватил джентльмен со стулом.

— Прошу вас, Пейн, успокойтесь; — снова вмешался секундант. — Итак, сэр, могу я повторить свой вопрос?

— Потому, сэр, — ответил м-р Уинкль, успевший обдумать ответ, — потому, сэр, что вы мне сказали, будто тот невоспитанный и пьяный субъект был одет во фрак, который я не только имею честь носить, но и сам изобрел, предложив его для членов Пиквикского клуба в Лондоне. Я считаю своим долгом защищать честь мундира — вот почему я без всяких объяснений принял ваш вызов.

— Уважаемый сэр, — сказал маленький доктор, подходя и протягивая руку, — я высоко почитаю вашу храбрость. И позвольте мне сказать, сэр, что я восхищен вашим поведением и крайне сожалею, что напрасно потревожил вас этою встречей.

— О, не стоит говорить об этом, сэр! — воскликнул м-р Уинкль.

— Я польщен знакомством с вами, сэр, — продолжал маленький доктор.

— Мне доставляет величайшее наслаждение познакомиться с вами, сэр, — отвечал м-р Уинкль.

На этом доктор и м-р Уинкль пожали друг другу руки, затем м-р Уинкль пожал руку лейтенанту Тепльтону (секунданту доктора), затем м-р Уинкль пожал руку джентльмену со стулом, и наконец м-р Уинкль пожал руку м-ру Снодграсу, — последний джентльмен пребывал в крайнем восхищении от геройского поведения своего доблестного друга.

— Теперь, мне кажется, мы можем разойтись, — сказал лейтенант Тепльтон.

— Разумеется, — согласился доктор.

— Если м-р Уинкль, — вставил джентльмен со стулом, — не считает себя оскорбленным вызовом; в противном случае, я думаю, он имеет право на удовлетворение.

М-р Уинкль самоотверженно заявил, что считает себя полностью удовлетворенным.

— А может быть, секундант м-ра Уинкля почитает себя обиженным моими замечаниями, сделанными в начале нашей встречи, — в таком случае я буду счастлив дать ему немедленное удовлетворение, — заключил джентльмен со стулом.

М-р Снодграс поспешил признать, что крайне обязан джентльмену за столь любезное предложение, которое должен, однако, отклонить, ибо совершенно удовлетворен всем происшедшим. Секунданты занерли свои ящики, и вся компания, покидая место поединка, была более оживлена, чем в момент прибытия на это место.

— Вы долго предполагаете оставаться здесь? — спросил доктор Слемер м-ра Уинкля, когда они дружески двинулись вместе в путь.

— Думаю, уедем послезавтра, — последовал ответ.

— Вы и ваш друг доставили бы мне большое удовольствие, если бы посетили меня, и мы провели бы приятный вечерок после этой досадной ошибки. Сегодня вечером вы свободны? — спросил маленький доктор.

— У нас здесь есть друзья, — ответил м-р Уинкль, — и мне бы не хотелось расставаться с ними на вечер. Может быть, вы со своим другом присоединитесь к нам в „Быке“?

— С великим удовольствием, — согласился тот. — Не будет ли слишком поздно, если часов в десять мы зайдем на полчаса?

— Что вы! Конечно, нет! Я буду счастлив познакомить вас с моими друзьями, м-ром Пиквиком и м-ром Тапменом.

— Вы меня крайне обяжете, — сказал доктор, ни мало не подозревая, кто такой м-р Тапмен.

— Значит, вы придете? — спросил м-р Снодграс.

— Обязательно!

Тем временем они вышли на большую дорогу. Обменялись сердечными приветствиями, и компания разделилась. Доктор Снемер с друзьями направился к казармам, а м-р Уинкль, в сопровождении своего друга, м-ра Снодграса, возвратился в гостиницу.

ГЛАВА III

Новое знакомство. Рассказ странствующего актера.

Досадный перерыв и неприятная встреча

У м-ра Пиквика возникли некоторые опасения, вызванные необычным отсутствием двух его друзей, чье таинственное поведение в течение целого утра отнюдь не давало повода к уменьшению его тревоги. Тем с большей радостью встал он, чтобы поздороваться с ними, когда они вошли, и тем с большим интересом осведомился, что могло их задержать. В ответ на его вопросы м-р Сподграс собрался дать исторический обзор событий, только что изложенных, как вдруг запнулся, заметив, что здесь присутствуют не только м-р Тапмен и вчерашний их товарищ по пассажирской карете, но еще какой-то незнакомец, не менее странного вида. Это был изможденный человек с желтоватым лицом и глубоко запавшими глазами, которые казались еще более страшными, чем создала их природа, благодаря прямым черным волосам, в беспорядке ниспадавшим ему на лицо. Глаза у него отличались почти неестественным блеском и пронзительною остротою, скулы торчали, а челюсти выдавались так, что наблюдатель мог бы предположить, будто каким-то сокра-

щением мускулов он вдруг втянул щеки, если бы полуоткрытый рот и неподвижная физиономия не свидетельствовали о том, что такова была обычная его внешность. Шею он обмотал зеленым платком, длинные концы которого спускались ему на грудь и виднелись сквозь обтрепанные петли старого жилета. Верхней одеждой служил ему длинный черный сюртук, под которым были широкие темные брюки и высокие сапоги, быстро приближавшиеся к стадии полного разрушения.

На этом странном субъекте остановился взгляд м-ра Уинкля, и на него указал рукой м-р Пиквик, проговорив:

— Друг нашего друга. Сегодня утром мы узнали, что наш друг связан со здешним театром, хотя и не имеет желания доводить это до всеобщего сведения, а этот джентльмен является представителем той же профессии. Когда вы вошли, он как раз собирался развлечь нас связанным с нею небольшим рассказом.

— Масса рассказов, — сказал вчерашний незнакомец в зеленом фраке, приближаясь к м-ру Уинклю и говоря тихо и конфиденциально. — Чудак — — выполняет тяжелую работу — — не актер — — странный человек — — всякие бедствия — — „мрачный Джими“ называем мы его между собою.

М-р Уинкль и м-р Снодграс вежливо приветствовали джентльмена, носившего изысканное прозвище „мрачного Джими“, и по примеру остальной компании заказали грог и уселись за стол.

— А теперь, сэр, — сказал м-р Пиквик, — не угодно ли вам будет приступить к обещанному повествованию?

Мрачный субъект вынул из кармана грязную, свернутую в трубку рукопись и, обращаясь к м-ру Снодграсу, который только что извлек свою записную книжку, произнес глухим голосом, вполне соответствовавшим его внешности:

— Вы поэт?

— Я... я... до некоторой степени, — ответил м-р Снодграс, слегка смущенный неожиданным вопросом.

— А! Для жизни поэзия — то же, что музыка и свет для сцены; у одной отнимите мишурные ее украшения, у другой

ее иллюзии, и останется ли хоть что-нибудь ценное в жизни и на сцене, ради чего стоило бы жить и волноваться?

— Совершенно верно, сэр, — отозвался м-р Снодграс.

— Находиться перед рампой, — продолжал мрачный субъект, — то же, что присутствовать на приеме при дворе и восхищаться шелковыми платьями нестрой толпы; находиться за рампой, значит, превратиться в тех, кто создает это великоление, — заброшенных и никому неведомых, — тех, кому предоставляется право по произволу судьбы утонуть или выплыть, умереть с голоду или жить.

— Конечно, — произнес м-р Снодграс, ибо ввалившиеся глаза мрачного субъекта устремлены были на него, и он почитал нужным что-нибудь сказать.

— Начинайте, Джими, — сказал испанский путешественник, — как черноокая Сюзен* — весь в Даунсе — нечего каркать — высказитесь — смотрите веселей.

— Не приготовите ли вы себе еще стакан, сэр, прежде чем начать? — предложил м-р Пиквик.

Мрачный субъект последовал совету и, смешав в стакане бренди с водою, выпил неспеша половину, развернул рукопись и приступил, то читая, то рассказывая, к изложению нижеследующего происшествия, сообщение о котором мы находим в протоколах клуба под названием „Рассказ странствующего актера“.

РАССКАЗ СТРАНСТВУЮЩЕГО АКТЕРА

„Нет ничего чудесного в том, что я собираюсь рассказать, — начал унылый субъект, — нет в этом и ничего из ряда вои выходящего. Нужда и болезнь — явления столь заурядные на многих этапах жизни, что заслуживают не больше внимания, чем принято уделять самым обыкновенным изменениям в человеческой природе. Эти заметки я набросал потому, что объектом их является человек, которого я хорошо знал в течение многих лет. Я следил, как он спускался со ступени на ступень, пока наконец не впал в крайнюю нищету, из которой уже не выкарабкался.“

„Человек, о котором я говорю, был маленьким пантомимным * актером и горьким пьяницей, как многие представители этой профессии. В лучшие дни, когда беспутная жизнь еще не лишила его сил и болезнь не изнуряла, получал он хорошее жалование и, будь он осторожен и благоразумен, пожалуй, продолжал бы его получать в течение еще нескольких лет — немногих, ибо люди эти или рано умирают, или, чрезмерно расходуя энергию, теряют преждевременно физические силы, от которых всецело зависит их существование. Однако порочная его склонность приобрела такую власть над ним, что оказалось невозможным давать ему те роли, в которых он действительно был полезен театру. Трактир имел для него притягательную силу, и с нею он не мог бороться. Запущенная болезнь и безысходная бедность должны были выпасть ему на долю неизбежно, как сама смерть, если бы он продолжал идти упорно этим путем; он и в самом деле упорствовал, и о последствиях можно догадаться. Он не мог получить ангажемента и нуждался в куске хлеба.

„Каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с театральной жизнью, знает, какая орава оборванных бедняков толчется за кулисами любого большого театра, — это не актеры, получившие ангажемент, — это кордебалет, статисты, акробаты и другие, которых принимают для выступления в пантомимах или в пасхальном спектакле, а затем увольняют, пока снова не понадобятся их услуги для какой-нибудь крупной постановки. Такую же жизнь вынужден был вести этот человек; подвизаясь каждый вечер в каком-нибудь маленьком театре, он зарабатывал несколько лишних шиллингов в неделю и имел возможность удовлетворять старую склонность. Но и этот источник вскоре для него иссяк. Беззаберность его была слишком велика, он лишился даже такого ничтожного заработка, дошел до того, что ему буквально грозила голодная смерть, и лишь изредка выпрашивал какую-нибудь мелочь взаймы у старых товарищей, или добивался выступления в уличных театриках; и когда случалось ему что-нибудь заработать, деньги он тратил по-старому.

„Больше года никто не знал, как ухитрится он поддер-

живать свое существование. Приблизительно в это время я был приглашен для нескольких выступлений в одном из театров на Сарийской* стороне Темзы, и здесь я увидел этого человека, которого потерял было из виду, так как я разъезжал по провинции, а он скрывался в закоулках Лондона. Я уже оделся, чтобы идти домой, и пересекал сцену, направляясь к выходу, когда он хлопнул меня по плечу. Никогда не забуду того отталкивающего зрелища, какое представилось моим глазам, когда я оглянулся. Он был одет для выступления в пантомиме в нелепейший костюм клоуна. Прозрачные фигуры в „Пляске смерти“, чудовищные образы, запечатленные на холсте искуснейшим художником, никогда не передавали и наполовину такого жуткого зрелища. Раздувшееся его тело и высохшие ноги — уродство их увеличилось во сто раз от фантастического костюма, — мутные глаза, резко выделявшиеся на фоне белил, которые густым слоем покрывали его лицо, причудливо разубранная, трясущаяся голова и длинные костлявые руки, натертые мелом, — все это придавало ему отвратительный и неестественный вид, о котором никакое описание не даст полного представления и который я и по сей день вспоминаю с содроганием. Голос его звучал глухо и дрожал, когда он отвел меня в сторону и отрывисто сообщил длинный перечень болезней и лишений, закончив по обыкновению настойчивой просьбой ссудить ничтожную сумму. Я сунул ему в руку несколько шиллингов и, уходя, слышал взрыв смеха, которым встречен был первый его трюк на сцене.

„Спустя несколько дней какой-то мальчик вручил мне грязный обрывок бумаги, где было нацарапано несколько слов карандашом; меня уведомили, что человек этот опасно заболел и просит, чтобы я зашел к нему на квартиру на такой-то улице — не припомню сейчас ее названия, — находящейся неподалеку от театра. Я обещал исполнить просьбу, как только освобожусь, и когда опустился занавес, отправился в свое печальное путешествие.

„Было поздно, так как я играл в последней пьесе; а по случаю бенефиса представление тянулось дольше, чем обычно.

Была темная холодная ночь с пронизывающим, сырым ветром, под напором которого дождь тяжело ударял в окна и фасады домов. В узких и безлюдных улицах стояли лужи, а так как от резкого ветра потухло большинство редко расставленных фонарей, то прогулка эта была не только неприятной, но и весьма рискованной. Однако мне посчастливилось не сбиться с дороги и без особых затруднений отыскать дом, который был указан в записке, — угольный сарай, над которым был надстроен один этаж, где в задней комнате лежал тот, кого я разыскивал.

„На лестнице меня встретила жалкая женщина, жена этого человека, и, сообщив, что он только что впал в забытие, ввела меня тихонько в комнату и поставила для меня стул у кровати. Больной лежал, повернувшись лицом к стене, и так как на мой приход он не обращал ни малейшего внимания, у меня было время осмотреть место, куда я попал.

„Он лежал на старой откидной кровати. У изголовья висела рваная клетчатая запавеска, служившая защитой от ветра, который проникал в эту жалкую комнату сквозь многочисленные щели в двери, и занавеска все время развевалась. На заржавленной обломанной решетке камина тлели угли; перед ним был выдвинут старый, покрытый пятнами трехугольный стол, на котором стояли склянки с микстурой, разбитый стакан, какие-то мелкие домашние вещи. На полу, на импровизированной постели спал ребенок, а возле него на стуле сидела женщина. На полке были расставлены тарелки и чашки с блюдами; под нею висели балетные туфли и пара рапир. Больше ничего не было в комнате, кроме каких-то лохмотьев и узлов, валявшихся по углам.

„Я успел рассмотреть все эти мелкие детали и заметить тяжелое дыхание и лихорадочную дрожь больного, прежде чем он обратил внимание на мое присутствие. В беспокойных попытках улечься поудобнее, он свесил руку с кровати, и она коснулась моей руки. Он вздрогнул и тревожно заглянул мне в лицо.

„— Джон, это м-р Хатли, — сказала его жена. — М-р Хатли, за которым вы посылали сегодня, помните?

„А... — протянул больной, проводя рукою по лбу. — Хатли... Хатли... дайте вспомнить. — В течение нескольких секунд он, казалось, старался собраться с мыслями, потом крепко схватил меня за руку и сказал: — Не бросайте меня, старина, не бросайте. Она меня убьет, я знаю, что убьет.

„— Давно он в таком состоянии? — спросил я у его плачущей жены.

„— Со вчерашнего вечера, — ответила она. — Джон, Джон, неужели вы меня не узнаете?

„— Не подпускайте ее ко мне, — содрогнувшись, сказал больной, когда она склонилась к нему. — Уведите ее, я не могу ее видеть. — В смертельном испуге, он не спускал с нее дикого взора, потом стал шептать мне на ухо: — Я колотил ее, Джем... вчера ее побил, да и раньше бил не раз. Я морил голодом и ее и мальчика, а теперь, когда я слаб и беспомощен, она меня за это убьет, Джем... знаю, что убьет. Вы бы убедились в этом, если бы видели, как она плакала. Не подпускайте ее ко мне!

„Он разжал руку и в изнеможении откинулся на подушку.

„Я слишком хорошо понимал, что это значит. Если бы хоть на секунду возникли у меня какие-нибудь сомнения, один взгляд, брошенный на бедную и изможденную женщину, удовлетворительно объяснил бы мне истинное положение вещей.

„— Отойдите лучше, — сказал я этой несчастной. — Ему вы помочь не можете. Пожалуй, он успокоится, если не будет вас видеть.

„Она отошла. Через несколько секунд он открыл глаза и тревожно осмотрелся по сторонам.

„— Она ушла? — взволнованно осведомился он.

„— Да, да, — ответил я. — Она не обидит вас.

„— А я вам говорю, Джем, что она обижает меня, — тихо сказал он. — Глаза у нее такие, что меня охватывает смертельный страх, я чуть с ума не схожу. Всю прошлую ночь ее большие, широко раскрытые глаза и бледное лицо преследовали меня, я отворачивался, они были передо мною,

и каждый раз, когда я просыпался, она сидела у кровати и смотрела на меня. — Он притянул меня к себе и прошептал глухо и тревожно: — Джем, должно быть, это злой дух... дьявол. Тихе! Я это знаю. Будь она женщиной, она бы давным-давно умерла. Ни одна женщина не вынесла бы того, что вынесла она.

„С болью в сердце подумал я о том, какую жестокость и черствость проявлял этот человек в течение многих лет, если могла им овладеть такая мысль. Мне нечего было ему ответить, да и кто мог бы принести надежду или утешение жалкому существу, находившемуся передо мной?

„Я просидел у него больше двух часов, а он все время метался, тихонько вскрикивая от боли или нетерпенья, тревожно размахивая руками и ворочаясь с боку на бок. Наконец он погрузился в то полубессознательное состояние, когда память в смятении переходит от картины к картине и с места на место, ускользая от контроля разума, но не освободившись от неопишуемого ощущения испытываемых страданий. Убедившись в этом на основании бессвязного бреда и зная, что в ближайшее время лихорадка вряд ли усилится, я расстался с ним, обещав несчастной его жене вернуться завтра к вечеру и, в случае необходимости, провести всю ночь с больным.

„Я сдержал слово. За последние сутки произошла потрясающая перемена. Глаза, хотя и глубоко запавшие, с тяжелыми веками, сверкали, и жутко было видеть этот блеск. Губы запеклись и потрескались; от жара высохла и загрубела кожа, и дикий, нечеловеческий страх отражался на его лице, еще резче подчеркивая гибельное действие недуга. Жар был у него очень сильный.

„Я занял то же место, что и накануне, и просидел несколько часов, прислушиваясь к звукам, которые могли потрясти сердце самого бесчувственного человека, — к ужасному бреду умирающего. Я слышал мнение врача и узнал, что надежды нет никакой: я сидел у смертного одра. Я видел, как в мучительном жару извивалось это исхудавшее тело, которое несколько часов назад корчилося на потеху буйной

галерки, я слышал пронзительный смех клоуна, переходивший в тихий шопот умирающего.

„Тяжело и трогательно следить за тем, как память обращается к повседневным занятиям и обязанностям здорового человека, когда перед вами лежит его слабое и беспомощное тело; но если характер этих занятий резко противоречит всему, что мы связываем с представлением о могиле или с возвышенными идеями о смерти, впечатление создается бесконечно более сильное. Театр и трактир — вот о чем бредил несчастный. Чудилось ему — был вечер, он должен играть в вечернем спектакле, поздно, он торопится выйти из дому. Зачем его удерживают, не дают уйти?.. Он лишится заработка... Ему нужно идти. Нет! Его не пускают. Он закрыл лицо горячими руками и тихо сетовал на собственную свою слабость и жестокость преследователей. Короткая пауза, и он выкрикнул какие-то вирши — последние им заученные. Он приподнялся на кровати, вытянул тощие ноги, вертелся, принимая нелепые позы; он играл роль — он был на сцене. Минутное молчание — и он тихо затянул припев разухабистой песни. Наконец-то добрался он до старого пристанища: как жарко в зале! Он был болен, очень болен, ну а сейчас он здоров и счастлив. Наполните ему стакан. Кто выбил у него стакан из рук? Опять тот же, кто и раньше его преследовал. Он упал на подушку и громко застонал. Краткий период забытья, а затем начались его скитания по нескончаемому лабиринту низких сводчатых комнат — таких низких, что иногда приходилось пробираться на четвереньках; было душно и темно, и куда бы он ни сворачивал — всюду натывался на препятствия. Вот — какие-то насекомые, мерзкие извивающиеся твари, таращившие на него глаза и наполнявшие даже воздух, жутко поблескивая в глубоком мраке. Стены и потолок кишели пресмыкающимися... склеп раздвинулся до необъятных размеров... мелькали страшные тени, а среди них были люди, которых он когда-то знал, но лица их были отвратительно искажены усмешками и гримасами; они прижигали его раскаленным железом, стягивали ему голову веревками, пока не хлынула кровь; а он отчаянно боролся за жизнь.

„После одного из таких пароксизмов, когда я с великим трудом удерживал его в постели, он погрузился, повидимому, в дремоту. Устав от бессонницы и напряжения, я на несколько минут закрыл глаза, как вдруг почувствовал, что кто-то вцепился мне в плечо. Я мгновенно проснулся. Он приподнялся, стараясь сесть в постели, — лицо его страшно изменилось, но сознание вернулось к нему, так как он, повидимому, узнал меня. Ребенок, которого давно уже разбудил его бред, вскочил с постельки и, вскрикивая от испуга, бросился к отцу; мать поспешила схватить его на руки, чтобы отец в припадке безумия не ушиб его, но в ужасе от происшедшей с ним перемены остановилась, остолбенев, у кровати. Он судорожно сжал мне плечо и, ударяя себя другою рукою в грудь, сделал отчаянную попытку заговорить. Попытка не удалась; он простер к ним руки и снова попробовал заговорить. Из горла вырвались хрипы... глаза расширились... короткий приглушенный стон... и он упал навзничь — мертвый!“

* * *

С величайшим удовольствием сообщили бы мы мнение м-ра Пиквика о вышеизложенной истории. Мы ни мало не сомневаемся в том, что нам была бы предоставлена возможность познакомить с ним наших читателей, если бы не одно весьма злополучное обстоятельство.

М-р Пиквик поставил на стол стакан, который он к концу повествования держал в руке, и только что собрался заговорить, — ссылаясь на записную книжку м-ра Снодграса, мы смеем утверждать, что он уже рот открыл, — как вдруг в комнату вошел лакей и доложил:

— Какие-то джентльмены, сэр.

Можно было думать, что м-р Пиквик в тот момент, когда его прервали таким образом, готовился высказать замечания, которые если и не зажгли бы Темзы, то, во всяком случае, озарили бы мир, ибо он сурово воззрился на физиономию лакея, а затем окинул взглядом всю компанию, словно требовал сведений о вновь прибывших.

— О! — воскликнул м-р Уинкль, вставая. — Это мои приятели. Просите их! — Очень приятные люди, — добавил м-р Уинкль, когда лакей удалился. — Офицеры 97-го полка, сегодня утром я с ними познакомился при довольно странных обстоятельствах. Вам они очень понравятся.

М-р Пиквик немедленно обрел утраченное было спокойствие.

Лакей вернулся и ввел в комнату трех джентльменов.

— Лейтенант Тепльтон, — сказал м-р Уинкль. — Лейтенант Тепльтон — м-р Пиквик; доктор Пейн — м-р Пиквик; м-р Снодграс, — с ним вы уже знакомы; мой друг м-р Тапмен — доктор Пейн; доктор Слемер — м-р Пиквик; м-р Тапмен — доктор Сле...

Тут м-р Уинкль запнулся, ибо на физиономиях как м-ра Тапмена, так и доктора отразилось сильное волнение.

— Этого джентльмена я уже встречал, — с ударением сказал доктор.

— Вот как! — воскликнул м-р Уинкль.

— И... и этого субъекта тоже, если не ошибаюсь, — добавил доктор, устремив испытующий взгляд на незнакомца в зеленом фраке. — Вчера вечером я сделал этому субъекту одно весьма настоятельное предложение, которое он счел уместным отклонить.

С этими словами доктор грозно посмотрел на незнакомца и шепнул что-то своему другу, лейтенанту Тепльтону.

— Не может быть! — воскликнул этот джентльмен, когда замер шопот.

— Я вам говорю, — возразил доктор Слемер.

— Вы обязаны рассчитаться с ним сейчас же, — внушительно пробормотал владелец складного стула.

— Не волнуйтесь, Пейн, — вмешался лейтенант. — Разрешите вас спросить, сэр, — обратился он к м-ру Пиквику, который был весьма озадачен этой неучливой интермедией, — разрешите вас спросить, сэр, принадлежит этот субъект к вашей компании?

— Нет, сэр, — ответил м-р Пиквик. — Он — наш гость.

— Если не ошибаюсь, он состоит членом вашего клуба? — осведомился лейтенант.

— Никоим образом, — возразил м-р Пиквик.

— И он не посит значка вашего клуба? — продолжал лейтенант.

— Нет! — отвечал изумленный м-р Пиквик.

Лейтенант Тепльтон круто повернулся к своему другу доктору Слемеру, слегка пожав плечами, словно не совсем доверял его памяти. У маленького доктора вид был гневный, но озадаченный; а м-р Пейн злобно взирал на лучезарную физиономию ничего не подозревавшего м-ра Пиквика.

— Сэр, — сказал доктор, внезапно обратившись к м-ру Тапмену, таким тоном, что этот джентльмен вздрогнул, как будто ему в икру коварно воткнули булавку, — вчера вечером вы были здесь на балу?

М-р Тапмен слабо прошептал „да“, не спуская в то же время глаз с м-ра Пиквика.

— Этот субъект вас сопровождал, — продолжал доктор, указывая на незнакомца, остававшегося невозмутимым.

М-р Тапмен подтвердил этот факт.

— Итак, сэр, — сказал доктор незнакомцу, — я вас спрашиваю еще раз, в присутствии этих джентльменов, угодно ли вам вручить мне вашу визитную карточку и дать мне возможность обращаться с вами как с джентльменом, или вы вынудите меня расправиться с вами самолично и незамедлительно?

— Позвольте, сэр, — сказал м-р Пиквик, — не получив некоторых объяснений, я не могу допустить дальнейшего развития этой истории. Тапмен, расскажите, в чем дело.

После такого торжественного призыва к нему лично, м-р Тапмен вкратце изложил суть дела; слегка коснулся вопроса о позанимствовании фрака; распространился на тему о том, что все произошло „после обеда“; заключил некоторым покаиванием, что касается его самого, и предоставил незнакомцу оправдываться по мере собственных сил и умения.

Тот, казалось, готов был приступить к делу, когда лейтенант Тепльтон, поглядывавший на него с большим любопытством, спросил, не скрывая презрения:

— Не видал ли я вас в театре, сэр?

— Несомненно, — ответил незнакомец, ни мало не смутясь.

— Это странствующий актер, — презрительно сказал лейтенант, обращаясь к доктору Слемеру. — Он играет в пьесе, которая ставится завтра вечером в Рочестерском театре для офицеров 52-го полка. Вы не можете требовать от него удовлетворения, Слемер... это невозможно!

— Никак! — с достоинством заметил Пейн.

— Сожалею, что поставил вас в такое неприятное положение, — обратился лейтенант Тепльтон к м-ру Пиквику. — Разрешите вам сказать, что во избежание повторения подобных сцен следует быть более осмотрительным в выборе друзей. Прощайте, сэр! — и лейтенант с шумом вышел из комнаты.

— А мне разрешите сказать, сэр, — произнес вспыльчивый доктор Пейн, — что будь я Тепльтоном или будь я Слемером, я отодрал бы вас за нос, сэр, вас и всех ваших друзей. Да, сэр, всех. Меня зовут Пейн, сэр, доктор Пейн 43-го полка. Прощайте, сэр.

Закончив свою речь и произнеся последние два слова на высокой ноте, он величественно прошествовал вслед за своим другом; за ним по пятам шел доктор Слемер, который не сказал ничего, и удовольствовался лишь тем, что взглядом уничтожил компанию.

В продолжение вышеизложенных вызывающих речей крайнее недоумение и ярость распирали благородную грудь м-ра Пиквика, грозя разорвать его жилет. Он стоял окаменевший и смотрел в пространство. Стук захлопнувшейся двери заставил его опомниться. С бешенством на лице и огнем во взоре он ринулся вперед. Уже рука его коснулась дверной ручки; еще секунда — и она впилась бы в горло доктора Пейна, 43-го полка, если бы м-р Снодграс не ухватил своего высокочтимого наставника за фалды фрака и не оттащил от двери.

— Держите его! — кричал м-р Снодграс. — Уинкль, Тапмен, по такому поводу он не смеет подвергать опасности свою драгоценную жизнь.

— Пустите меня! — сказал м-р Пиквик.

— Держите его крепко! — кричал м-р Сподграс; и соединенными усилиями всей компании м-р Пиквик был водружен в кресло.

— Оставьте его в покое, — сказал незнакомец в зеленом фраке, — грогу — — замечательный старый джентльмен — — какой задор — — проглотите-ка этого — — ах! — — отличное лекарство. — Проверив предварительно доброкачественность смеси, приготовленной мрачным субъектом, незнакомец поднес стакан к губам м-ра Пиквика, и остаток содержимого быстро исчез.

Наступила короткая пауза; грог сделал свое дело; добродушная физиономия м-ра Пиквика быстро обрела свойственное ей выражение.

— Они недостойны вашего внимания, — промолвил мрачный субъект.

— Вы правы, сэръ, — ответил м-р Пиквик, — недостойны. Я стыжусь, что позволил себе проявить такую горячность. Придвигайтесь к столу, сэръ.

Мрачный субъект с готовностью повиновался; круг снова сомкнулся за столом, и гармония восстановилась. Какая-то застенная досада, пожалуй, нашла себе пристанище в груди м-ра Уинкля, вызванная, быть может, временным захватом его фрака, — хотя вряд ли разумно будет предположить, что такое пустяшное обстоятельство могло возбудить хотя бы и мимолетное раздражение в груди пиквикиста. Во всех же остальных отношениях благодушие было вновь обретено полностью, и вечер закончился так же весело, как начался.

ГЛАВА IV

*Полевые маневры и бивуак; еще новые друзья;
и приглашение за город*

Многие писатели проявляют не только неразумное, но и поистине позорное нежелание отдавать должное тем источникам, из коих они черпают многоценный материал. Нам такое нежелание чуждо. Мы лишь стремимся честно исполнить ответственную обязанность, возложенную на нас издательскими функциями; и сколь бы при других обстоятельствах честолюбие ни побуждало нас притязать на авторство по отношению к этим приключениям, уважение к истине воспрещает нам претендовать на что-либо большее, чем заботливое приведение их в порядок и беспристрастное изложение. Пиквикские документы являются нашим нью-риверским * водовместилищем, а нас можно было бы сравнить с Нью-Риверской компанией. Трудami других создан для нас огромный резервуар существеннейших фактов. Мы же только подаем их и пускаем в ход чистой и легкой струей через посредство этих выпусков — на благо людей, жаждущих пиквикистской мудрости.

Действуя в таком духе и твердо опираясь на принятое нами решение воздать должное тем источникам, к коим мы обращались, заявляем открыто, что записной книжке м-ра

Снодграса обязаны мы фактами, занесенными в эту и последующую главы, фактами, к изложению которых, очистив ныне свою совесть, мы приступаем без дальнейших комментариев.

На следующее утро жители Рочестера и примыкающих к нему городов рано поднялись с постели в состоянии крайнего волнения и возбуждения. На линии укреплений должен был состояться большой военный смотр. Орлиное око командующего войсками будет наблюдать маневры полудюжины полков; были возведены временные фортификации, будет осаждена и взята крепость, будет взорвана мина.

М-р Пиквик был восторженным поклонником армии, о чем, быть может, догадались наши читатели, основываясь на тех кратких выдержках, какие даны нами из его описания Четема. Ничто не могло быть для него столь восхитительно, ничто не могло так гармонировать с чувствами каждого из его спутников, как предстоящее зрелище. Вот почему они вскоре тронулись в путь и направились к месту действия, куда уже со всех сторон стекались толпы народа.

Вид плаца свидетельствовал о том, что предстоящая церемония будет весьма величественной и торжественной. Были расставлены часовые, охранявшие плацдарм, и слуги на батареях, охранявшие места для леди, и бегали по всем направлениям сержанты с книгами в кожаных переплетах подмышкой, и полковник Болдер в полной парадной форме, верхом, галопировал с места на место, и осаживал свою лошадь, врезавшись в толпу, и заставлял ее гардовать и прыгать, и кричал весьма грозно, и довел себя до того, что сильно охрип и сильно раскраснелся без всякой видимой причины или повода. Офицеры бегали взад и вперед, сначала переговаривались с полковником Болдером, затем отдавали распоряжения сержантам, и наконец исчезли; и даже солдаты выглядывали из-за своих лакированных кожаных галстуков с видом загадочно-торжественным, который явно указывал на исключительный характер события.

М-р Пиквик со своими тремя спутниками поместился в первом ряду толпы и терпеливо ждал начала церемонии. Толпа увеличивалась с каждой секундой; и в течение следую-

ших двух часов внимание их было поглощено теми усилиями, какие приходилось им делать, дабы удержать завоеванную позицию. Иногда толпа вдруг напирала сзади, и тогда м-ра Пиквика выбрасывало на несколько ярдов вперед с быстротой и эластичностью, отнюдь не соответствовавшими его степенной важности; иногда раздавался приказ „податься назад“, и приклад ружья либо опускался на большой палец на ноге м-ра Пиквика, напоминая об отданном распоряжении, либо упирался ему в грудь, обеспечивая этим немедленное его выполнение. Какие-то веселые джентльмены слева, напирая гуртом и придавив м-ра Сподграса, претерпевавшего нечеловеческие муки, желали узнать, „куда он прет“, а когда м-р Уинкль выразил крайнее свое негодование при виде этого ничем не вызванного натиска, кто-то из стоявших сзади нахлобучил ему шляпу на глаза и спросил, не сообразовал ли он спрятать голову в карман. Все эти ощутительные шуточки, а также непонятное отсутствие м-ра Тапмена (который внезапно исчез и обретался неизвестно где), создали для них ситуацию, в делом скорее незавидную, чем приятную или желательную.

Наконец по толпе пробежал тот многоголосый гул, который обычно возвещает наступление ожидаемого события. Все взоры обратились к форту — к воротам для вылазки. Несколько секунд напряженного ожидания — и в воздухе весело затрепетали знамена, ярко засверкало оружие на солнце: колонна за колонной вышли на равнину. Войска остановились и выстроились; команда пробежала по шеренге, звякнули ружья, и войска взяли на-караул; командующий в сопровождении полковника Болдера и свиты офицеров легким галопом поскакал к фронту. Заиграли все военные оркестры; лошади встали на дыбы, галопом поскакали назад, и, размахивая хвостами, понеслись по всем направлениям; собаки лаяли, толпа вопила, солдаты взяли ружья к ноге, и на всем пространстве, какое мог охватить глаз, ничего не видно было, кроме красных мундиров и белых штанов, застывших в неподвижности.

М-р Пиквик, запутываясь в ногах лошадей и чудесным образом выбираясь из-под них, был этим столь поглощен, что не располагал досугом созерцать разыгрывающуюся сцену, пока

она не достигла стадии, только что нами описанной. Когда наконец он получил возможность утвердиться на ногах, радость его и восторг были беспредельны.

— Может ли быть что-нибудь восхитительнее? — спросил он м-ра Уинкля.

— Нет, не может, — ответил этот джентльмен, только что освободившийся от низкорослого субъекта, который уже с четверть часа стоял у него на ногах.

— Это поистине благородное и ослепительное зрелище, — сказал м-р Снодграс, в чьей груди быстро разгоралась искра поэзии: — доблестные защитники страны, выстроившиеся в боевом порядке перед мирными ее гражданами; их лица выражают не воинственную жестокость, но цивилизованную кротость, в их глазах вспыхивает не грубый огонь грабежа и мести, но мягкий свет гуманности и разума.

М-р Пиквик вполне оценил дух этой похвальной речи, но не мог до конца с нею согласиться, ибо мягкий свет разума горел довольно слабо в глазах воинов, так как после команды „смирно!“ зритель видел только несколько тысяч пар глаз, уставившихся прямо перед собой и лишенных какого бы то ни было выражения.

— Теперь мы занимаем превосходную позицию, — сказал м-р Пиквик, осматриваясь по сторонам.

Толпа вокруг них постепенно рассеялась, и поблизости не было почти никого.

— Превосходную! — подтвердили и м-р Снодграс и м-р Уинкль.

— Что они сейчас делают? — осведомился м-р Пиквик, поправляя очки.

— Я... я склонен думать, — сказал м-р Уинкль, меняясь в лице, — я склонен думать, что они собираются стрелять.

— Вздор, — поспешно проговорил м-р Пиквик.

— Я... я право же думаю, что они хотят стрелять, — настаивал м-р Снодграс, слегка встревоженный.

— Не может быть, — возразил м-р Пиквик.

Едва произнес он эти слова, как все шесть полков прицелились из ружей, словно у всех была одна общая мишень, —

и этой мишенью были пиквикисты, — и раздался залп, самый устрашающий и оглушительный, какой когда-либо потрясал землю до самого ее центра или пожилого джентльмена до глубины его существа.

В этих затруднительных обстоятельствах м-р Пиквик — под градом холостых залпов и под угрозой атаки войск, которые начали строиться с противоположной стороны, проявил полное хладнокровие и самообладание, каковые являются неотъемлемыми принадлежностями великого духа. Он схватил под-руку м-ра Уинкля и, поместившись между этим джентльменом и м-ром Снодграсом, настойчиво умолял их вспомнить о том, что стрельба не грозит им непосредственной опасностью, если исключить возможность оглохнуть от шума.

— А... а что, если кто-нибудь из солдат по ошибке зарядил ружье пулей? — возразил м-р Уинкль, бледнея при мысли о такой возможности, им же самим измышленной. — Я только что слышал — что-то просвистело в воздухе — и очень громко: под самым моим ухом.

— Не броситься ли нам ничком на землю? — предложил м-р Снодграс.

— Нет, нет... все уже кончено, — сказал м-р Пиквик. Быть может, губы его дрожали и щеки побледнели, но ни одно слово, свидетельствующее об испуге или волнении, не сорвалось с уст этого бессмертного человека.

М-р Пиквик был прав: стрельба прекратилась. Но едва он успел поздравить себя с правильностью своей догадки, как по всей линии началось быстрое движение: хрипло пронеслась команда, и раньше чем кто-либо из пиквикистов угадал смысл этого нового маневра, все шесть полков с примкнутыми штыками перешли в наступление, стремительно бросившись к тому самому месту, где расположился м-р Пиквик со своими друзьями.

Человек смертен, и есть предел, за который не может простираться человеческая храбрость. М-р Пиквик глянул сквозь очки на приближающуюся лавину, а затем решительно повернулся к ней спиной, — не скажем — побежал: во-первых, это выражение пошло; во-вторых, фигура м-ра Пиквика была

отнюдь не приспособлена к такому виду отступления. Он пустился рысдой, развив такую скорость, па какую только способны были его ноги, такую скорость, что затруднительность своего положения мог оценить в полной мере, когда было уже слишком поздно.

Неприятельские войска, чье появление смутило м-ра Пиквика несколько секунд назад, выстроились, чтобы отразить мимическую атаку осаждающих крепость; и в результате м-р Пиквик со своими приятелями внезапно очутился между двумя длиннейшими шеренгами, из коих одна быстрым шагом приближалась, а другая в боевом порядке ждала столкновения.

— Эй! — кричали офицеры надвигающейся шеренги.

— Прочь с дороги! — орали офицеры неподвижной шеренги.

— Куда нам птти? — вопили всполошившиеся пиквикисты.

— Эй-эй-эй! — было единственным ответом.

Секунда смятения, тяжелый топот ног, сильное сотрясение, заглушенный смех; полдюжины полков уже удалились па полтысячи ярдов, а подошвы м-ра Пиквика продолжали мелькать в воздухе.

М-р Сподграс и м-р Уинкль совершили выпущенные курбеты с замечательным проворством, и первое, что увидел этот последний, сидя на земле и вытирая желтым шелковым носовым платком поток жизни, струившийся из носа, был его высокочтимый наставник, преследовавший свою собственную шляпу, которая, шаловливо подпрыгивая, уносилась вдаль.

Чрезвычайно редко выпадают на долю человека такие смешные и печальные испытания, вызывающие столь мало сочувствия, как в тот момент, когда человек гонится за собственной шляпой. Значительное хладнокровие и немалая доза благоразумия требуются при поимке шляпы. Не следует спешить — иначе вы перегоните ее; не следует впадать в другую крайность — иначе окончательно ее потеряете. Наилучший способ — бежать полегоньку, не отставая от объекта преследования, быть осмотрительным и осторожным, ждать удобного случая, постепенно обгоняя шляпу, затем быстро нырнуть,

схватить ее за тулью и крепче надеть на голову, — и все время благодушно улыбаться, как будто вас это забавляет не меньше, чем всех остальных.

Дул приятный ветерок, и шляпа м-ра Пиквика весело катилась. Ветер пыхтел, и м-р Пиквик пыхтел, а шляпа резво катилась и катилась, словно проворный дельфин на волнах прибоя, и она укатилась бы далеко от м-ра Пиквика, если бы по воле providения не появилось на ее пути препятствие как раз в тот момент, когда этот джентльмен готов был бросить ее на произвол судьбы.

М-р Пиквик был в полном изнеможении и хотел уже отказаться от погони, когда порыв ветра отнес шляпу к колесу одного из экипажей, стоявших на том самом месте, к коему он устремлялся. М-р Пиквик, оденив благоприятный момент, быстро рванулся вперед, завладел своей собственностью, водрузил ее на голову и остановился, чтобы перевести дух. Не прошло и полминуты, как он услышал голос, нетерпеливо окликавший его по имени, и тотчас же узнал голос м-ра Тапмена, а подняв голову, увидел зрелище, преисполнившее его удивлением и радостью.

В открытой коляске *, из которой по случаю тесноты были выпряжены лошади, стоял дородный пожилой джентльмен в синем сюртуке с блестящими пуговицами, в плисовых штанах и в высоких сапогах с отворотами, затем две юных леди в шарфах и перьях, молодой джентльмен, повидимому, влюбленный в одну из юных леди в шарфах и перьях, леди неопределенного возраста — по всей видимости, тетка названных леди, — и м-р Тапмен, непринужденный и беззаботный, словно он с первых дней младенчества был членом этой семьи. К задку экипажа была привязана внушительных размеров корзина — одна из тех корзин, которые всегда пробуждают в созердательном уме мысли о холодной птице, языке и бутылках вина, а на козлах сидел жирный, краснолицый парень, погруженный в дремоту. Каждый мыслящий наблюдатель с первого взгляда мог бы определить, что его обязанностью является распределение содержимого упомянутой корзины, когда настанет для его потребления подходящий момент.

М-р Пиквик торопливо окидывал взглядом эти интересные детали, когда его снова окликнул верный ученик.

— Пиквик! Пиквик! — сказал м-р Тапмен. — Залезайте сюда! Поскорей!

— Пожалуйте, сэр, милости просим, — сказал дородный джентльмен. — Джо! Несносный мальчишка... Он опять заснул... Джо, опустите подножку.

Жирный парень неспеша скатился с козел, опустил подножку и держал дверцу экипажа приветливо открытой. В этот момент подошли м-р Снодграс и м-р Уинкль.

— Всем хватит места, джентльмены, — сказал дородный джентльмен. — Двое в экипаже, один на козлах. Джо, освободите место на козлах для одного из этих джентльменов. Ну, сэр, пожалуйста, — и дородный джентльмен протянул руку и втащил в коляску сперва м-ра Пиквика, а затем м-ра Снодграса. М-р Уинкль влез на козлы, жирный парень, переваливаясь, вскарабкался на тот же насест и мгновенно заснул.

— Очень рад вас видеть, джентльмены, — сказал дородный джентльмен. — Я вас очень хорошо знаю, хотя вы меня, быть может, и не помните. Прошлой зимой я провел несколько вечеров у вас в клубе... Встретил здесь сегодня утром моего друга м-ра Тапмена и очень ему обрадовался. Как же выживаете, сэр? Вид у вас цветущий.

М-р Пиквик поблагодарил за комплимент и дружески пожал руку дородному джентльмену в сапогах с отворотами.

— Ну, а вы как себя чувствуете, сэр? — продолжал дородный джентльмен, с отеческой заботливостью обращаясь к м-ру Снодграсу. — Прекрасно, да? Ну, вот и отлично, вот и отлично. А вы, сэр? (Обращаясь к м-ру Уинклю.) Очень рад, что вы хорошо себя чувствуете, очень и очень рад. Джентльмены, эти девицы — мои дочери, а это моя сестра, мисс Рейчел Уордль. Она — мисс, хотя и не так понимает свою миссию... что, сэр, как? — И дородный джентльмен игриво толкнул м-ра Пиквика локтем в бок и от души расхохотался.

— Ах, братец! — с укоризненной улыбкой воскликнула мисс Уордль.

— Да ведь я правду говорю, — возразил дородный джентльмен, — никто не может это отрицать. Прошу прощения, джентльмены, вот это мой друг м-р Трандль. Ну-с, а теперь, когда все друг с другом знакомы, я предлагаю располагаться без всяких стеснений, и давайте-ка посмотрим, что там такое происходит. Вот мой совет.

С этими словами дородный джентльмен надел очки, м-р Пиквик взял подзорную трубу, и все находящиеся в экипаже встали и через головы зрителей начали созерцать военные эволюции.

Это были изумительные эволюции: одна шеренга палила над головами другой шеренги, после чего убегала прочь, затем эта другая шеренга палила над головами следующей и в свою очередь убегала; войска построились в карре, а офицеры поместились в центре; потом спустились по лестницам в ров и вылезли из него с помощью тех же лестниц; сбили баррикады из корзин и проявили величайшую доблесть. Инструментами, напоминающими гигантские швабры, забили снаряды в пушки; и столько было приготовлений к пальбе и так оглушительно прогремел залп, что воздух огласился женскими воплями. Юные мисс Уордль так перепугались, что м-р Трандль буквально вынужден был поддержать одну из них в экипаже, в то время как м-р Снодграс поддерживал другую, а у сестры м-ра Уордля первическое возбуждение достигло столь ужасных размеров, что м-р Тапмен счел совершенно необходимым обвить рукой ее стан, дабы только удержать ее. Все были взволнованы, кроме жирного парня, он же спал сладким сном, словно рев пушек с детства заменял ему колыбельную.

— Джо! Джо! — кричал дородный джентльмен, когда крепость была взята, а осаждающие и осажденные уселись обедать. — Несносный мальчишка, он опять заснул! Будьте так добры, ушпиinite его, сэр... пожалуйста, за ногу, иначе его не разбудить... очень вам благодарен. Развяжите корзину, Джо!

Жирный парень, которого м-р Уинкль успешно разбудил, ущемив большим и указательным пальцами кусок ляжки, снова скатился с козел и начал развязывать корзину, проявляя

больше расторопности, чем можно было ждать от него, судя по его пассивности до сего момента.

— А теперь придется немного потесниться, — сказал дородный джентльмен.

Посыпались шутки по поводу того, что в тесноте у леди изомнутся рукава платьев, были высказаны шутливые предложения, вызвавшие яркий румянец на щеках леди, — посадить их к джентльменам на колени, и наконец все разместились в коляске. Дородный джентльмен начал передавать в экипаж различные вещи, которые брал из рук жирного парня, поднявшегося для этой цели на задок экипажа.

— Ножи и вилки, Джо!

Ножи и вилки были поданы; леди и джентльмены в коляске и м-р Уинкль на козлах были снабжены этой полезной утварью.

— Тарелки, Джо, тарелки!

Повторился тот же процесс, что и при раздаче ножей и вилок.

— Теперь птицу, Джо. Несносный мальчишка — он опять заснул! Джо! (Несколько ударов тростью по голове, и жирный парень не без труда очнулся от летаргии.) Живей, подавайте закуску!

В звуке этого последнего слова было что-то, заставившее жирного парня встрепенуться. Он вскочил: его оловянные глаза, поблескивавшие из-за гороподобных щек, жадно впились в съестные припасы, когда он стал извлекать их из корзины.

— Ну-ка, пошевеливайтесь, — сказал м-р Уордль, ибо жирный парень любовно склонился над каплуном и, казалось, не в силах был с ним расстаться. Парень глубоко вздохнул и, бросив пламенный взгляд на откормленную птицу, неохотно передал ее своему хозяину.

— Правильно... смотрите в оба. Давайте язык... паштет из голубей. Осторожнее, не уроните телятину и ветчину... Не забудьте омары... Выньте салат из салфетки... Давайте соус.

Эти распоряжения срывались с губ м-ра Уордля, пока он вручал упомянутые блюда, переправляя всем тарелки в руки и на колени.

— Чудесно, не правда ли? — осведомился этот жизнерадостный джентльмен, когда процесс уничтожения начался.

— Чудесно! — подтвердил м-р Уинкль, сидя на козлах и разрезая птицу.

— Стакан вина?

— С величайшим удовольствием.

— Возьмите-ка бутылку к себе на козлы.

— Вы очень любезны.

— Джо!

— Слушаю, сэр? (На сей раз он не спал, ибо только что ухитрился стянуть пирожок с телятиной.)

— Бутылку вина джентльмену на козлах. Очень рад нашей встрече, сэр.

— Благодарю вас. — М-р Уинкль осушил стакан и поставил бутылку подле себя на козлы.

— Разрешите, сэр, выпить за ваше здоровье? — обратился м-р Трандль к м-ру Уинклю.

— Очень приятно, — ответил м-р Уинкль, и оба джентльмена выпили.

Затем выпили по стаканчику все, не исключая и леди.

— Как наша милая Эмили кокетничает с чужим джентльменом! — шепнула своему брату, м-ру Уордлю, тетка, старая дева, со всей завистью, на которую способна тетка и старая дева.

— Ну, так что же? — отозвался веселый пожилой джентльмен. — Мне кажется, это очень естественно... ничего удивительного. М-р Пиквик, не угодно ли вина, сэр?

М-р Пиквик, глубокомысленно исследовавший начинку паштета, с готовностью согласился.

— Эмили, дорогая моя, — покровительственно сказала дева-стелющаяся тетюшка, — не говорите так громко, милочка.

— Ах, тетя!

— Тетка и этот старенький джентльмен себе разрешают все, а другим ничего, — шепнула мисс Изабела Уордль своей сестре Эмили.

Молодые леди весело засмеялись, а старая попыталась скроить любезную мину, но это ей не удалось.

— Молодые девушки так бойки, — сказала мисс Уордль м-ру Тапмену таким соболезнующим тоном, словно оживление являлось контрабандой, а человек, не скрывавший его, совершал великое преступление и грех.

— О, да, — отозвался м-р Тапмен, — не уяснив себе, какого ответа от него ждут. — Это очаровательно.

— Гм... — недоверчиво протянула мисс Уордль.

— Разрешите? — самым слащавым тоном сказал м-р Тапмен, прикасаясь одной рукой к пальцам очаровательной Рейчел, а другой приподнимая бутылку. — Разрешите?

— О, сэр!

М-р Тапмен посмотрел, в высшей степени внушительно, а Рейчел выразила опасение, не возобновится ли пальба, ибо в таком случае ей придется еще раз прибегнуть к его поддержке.

— Находите вы моих племянниц хорошенькими? — шопотом спросила м-ра Тапмена любящая тетушка.

— Пожалуй, если бы здесь не было их тетушки, — ответил находчивый пиквикист, сопровождая свои слова страстным взглядом.

— Ах, шалун... но серьезно... Если бы цвет лица у них был чуточку лучше, они могли бы показаться хорошенькими... при вечернем освещении?

— Да, пожалуй, — равнодушным тоном проговорил м-р Тапмен.

— Ах, какой вы насмешник... Я знаю, что вы хотели сказать.

— Что? — осведомился м-р Тапмен, который ровно ничего не хотел сказать.

— Вы подумали о том, что Изабела горбится... да, подумали, вы, мужчины, так наблюдательны. Да, она горбится, этого нельзя отрицать, и уж, конечно, ничто так не уродует молодых девушек, как эта привычка горбиться. Я ей часто говорю, что пройдет несколько лет — и на нее страшно будет смотреть. Да, и насмешник же вы!

М-р Тапмен ничего не имел против такой репутации, приобретенной по столь дешевой цене, он приосанился и загадочно улыбнулся.

— Какая саркастическая улыбка! — с восхищением сказала Рейчел. — Право же, я вас боюсь.

— Боитесь меня?

— О, вы от меня ничего не скроете, я прекрасно знаю, что значит эта улыбка.

— Что? — спросил м-р Тапмен, который и сам этого не знал.

— Вы хотели сказать, — понизив голос, продолжала симпатичная тетка, — вы хотели сказать, что сутулость Изабелы не такое уж большое несчастье по сравнению с развязностью Эмили. А Эмили очень развязна! Вы не можете себе представить, до чего это меня иногда огорчает, — я часами плачу, а мой брат так добр, так доверчив, он ничего не замечает, я совершенно уверена, что это разбило бы ему сердце. Быть может, всему виной только манера держать себя — хотелось бы мне так думать... Я утешаю себя этой надеждой... (Тут любящая тетюшка испустила глубокий вздох и уныло покачала головой.)

— Ручаюсь, что тетка говорит о нас, — шепнула мисс Эмили Уордль своей сестре, — я в этом уверена, у нее такая злющая физиономия.

— Вы думаете? — отозвалась Изабела. — Гм... Дорогая тетя?

— Что, милочка?

— Тетя, я так боюсь, что вы простудитесь... пожалуйста, наденьте платок, закутайте вашу милую старую голову... право же, нужно беречь себя — в ваши годы!

Хотя расплата была произведена той же монетой и по заслугам, но вряд ли можно было придумать месть более жестокую. Неизвестно, в какой форме излила бы тетка свое негодование, не вмешайся м-р Уордль, который, ничего не подозревая, переменил тему разговора, энергически окликнув Джо.

— Несносный мальчишка, — сказал пожилой джентльмен, — он опять заснул!

— Удивительный мальчик! — произнес м-р Пиквик. — Неужели он всегда так спит?

— Спит! — ответил старый джентльмен. — Он живет в состоянии сна. Во сне исполняет приказания и храпит, прислуживая за столом.

— В высшей степени странно! — заметил м-р Пиквик.

— Да, очень странно, — подтвердил старый джентльмен. — Я горжусь этим парнем... ни за что на свете я бы с ним не расстался. Это чудо природы! Эй, Джо, Джо, уберите посуду и откупорьте еще одну бутылку, слышите?

Жирный парень привстал, открыл глаза, проглотил огромный кусок пирога, который жевал в тот момент, когда заснул, и неспеша исполнил приказание своего хозяина: собрал тарелки и уложил их в корзинку, пожирая глазами остатки пиршества. Была подана и распита еще одна бутылка; опять привязали корзинку, жирный парень занял свое место на козлах, очки и подозрная труба снова были извлечены. Тем временем маневры возобновились. Свист, стрельба, испуг леди, а затем, ко всеобщему удовольствию, была взорвана и мина. Когда дым от взрыва рассеялся, войска и зрители последовали этому примеру и тоже рассеялись.

— Не забудьте, — сказал пожилой джентльмен, пожимая руку м-ру Пиквику и заканчивая разговор, начатый во время заключительной стадии маневров, — завтра вы у нас в гостях.

— непременно, — ответил м-р Пиквик.

— Адрес у вас есть?

— Менор-Фарм, Дингли-Дэл *, — отозвался м-р Пиквик, заглянув в записную книжку.

— Правильно, — подтвердил старый джентльмен. — И помните, я вас отпущу не раньше чем через неделю и позабочусь о том, чтобы вы увидели все достойное внимания. Если вас интересует деревенская жизнь, пожалуйста ко мне, и я дам вам ее в изобилии. Джо! — Несносный мальчишка — он опять заснул! — Джо, помогите Тому заложить лошадей!

Лошадей впрягли, кучер влез на козлы, жирный парень поместился рядом с ним, распрощались, и экипаж отъехал. Когда пиквикисты в последний раз оглянулись, заходящее солнце бросало яркий отблеск на лица сидевших в экипаже и освещало фигуру жирного парня. Голова его свисала на грудь, он спал сладким сном.

ГЛАВА V

краткая, повествующая, между прочим, о том, как м-р Пиквик вызвался править, а м-р Уинкль — ехать верхом, и что из этого получилось

Ясным и чистым было небо, благоуханным воздух, и окружающее являлось во всей своей красе, когда м-р Пиквик облокотился о перила Рочестерского * моста, созерцая природу и дожидаясь завтрака. Пейзаж, в самом деле, мог очаровать и менее созерцательную душу, чем та, перед которой он расстился.

Слева от наблюдателя находилась полуразрушенная стена, во многих местах пробитая и кое-где нависавшая неуклюжей и грузной массой над узким берегом. Водоросли длинной бахромой повисли на зазубренных и острых камнях, трепеща при малейшем дуновении ветра, и зеленый плющ горестно обвился вокруг темных и разрушенных бойниц. За стеной вставал древний замок — башни его были без кровли, а массивные стены грозили рухнуть, но он горделиво возвещал нам о своей силе и мощи, когда — это было семьсот лет назад — он оглашался бряцанием оружия и шумом празднеств

и оргий. По обеим сторонам тянулись, уходя вдаль, берега Медуей*, покрытые нивами и пастбищами, виднелись ветряные мельницы, церкви, и эта красочная панорама казалась еще прекраснее от изменчивых теней, которые быстро пробегали по ней, когда легкие и расплывчатые облачка таяли в лучах утреннего солнца. Река, отражая чистую синеву неба, сверкала и искрилась, бесшумно струясь, и с ясным прозрачным журчанием погружались в воду весла рыбаков, когда тяжелые, но живописные лодки медленно скользили вниз по течению.

От приятных грез, навевших раскинувшимся перед ним пейзажем, м-ра Пиквика пробудил глубокий вздох и прикосновение к плечу. Он оглянулся: возле него стоял мрачный субъект.

— Созерцаете картину природы? — осведомился мрачный субъект.

— Да, — сказал м-р Пиквик.

— И поздравляете себя с тем, что так рано встали?

М-р Пиквик кивнул в знак согласия.

— Ах, следовало бы вставать пораньше, чтобы видеть солнце во всем его великолепии, ибо редко сияет оно так ослепительно в течение целого дня. Утро дня и утро жизни слишком сходны.

— Вы правы, сэр, — согласился м-р Пиквик.

— Говорят: „утро слишком прекрасно, чтобы длиться“, — продолжал мрачный субъект. — То же самое можно сказать и о повседневном нашем существовании. Боже! Чего бы я ни сделал, чтобы вернуть дни детства или забыть о них навеки!

— Вы пережили много горя, сэр, — сочувственно заметил м-р Пиквик.

— Да, — поспешно подтвердил мрачный субъект. — Да, я пережил больше, чем могут себе представить те, кто видит меня теперь.

На секунду он умолк, потом отрывисто спросил:

— Не мелькала ли у вас мысль в такое утро, как сегодня, что было бы блаженством и счастьем броситься в воду и утонуть?..

— Помилуй бог, нет! — ответил м-р Пиквик, отступая от перил, ибо у него возникло опасение, как бы мрачный субъект, эксперимента ради, не столкнул его вниз.

— А я часто об этом думал, — продолжал мрачный субъект, не заметив его движения. — Тихая прохладная вода как будто сулит мне отдых и покой. Прыжок, плеск, недолгая борьба, избалованные волны постепенно уступают место легкой ряби, вода сомкнулась над вашей головой, и мир навеки сомкнулся над вашими скорбями и бедствиями.

Ввалившиеся глаза мрачного субъекта ярко вспыхнули, но минутное возбуждение быстро угасло, он спокойно отвернулся и сказал:

— Довольно об этом. Мне бы хотелось обсудить с вами другой предмет. В тот вечер вы мне предложили прочесть рукопись и внимательно слушали чтение.

— Совершенно верно, — подтвердил м-р Пиквик, — и я несомненно считал...

— Мнения меня не интересуют, — перебил мрачный субъект, — и я в них не нуждаюсь. Вы путешествуете для собственного удовольствия и обогащения знаниями. Что вы скажете, если я вам пришлю занятную рукопись — заметьте, занятой я ее называю не потому, что она ужасна или невероятна, — нет, она занята, как романтическая страница подлинной жизни. Не огласите ли вы ее в клубе, о котором столь часто говорите?

— Конечно, если вы желаете, — ответил м-р Пиквик, — и она будет занесена в протоколы.

— Вы ее получите, — заявил мрачный субъект. — Ваш адрес? — И узнав от м-ра Пиквика предполагаемый маршрут, он старательно занес его в свою засаленную записную книжку, затем, отклонив настойчивое приглашение м-ра Пиквика позавтракать вместе, расстался с ним у двери гостиницы и медленно побрел прочь.

Спутники м-ра Пиквика поджидали его к завтраку, который был уже готов, и кушанья заманчиво расставлены. Уселись за стол, а засим поджаренная ветчина, яйца, чай, кофе и всякая всячина начали исчезать с быстротой, свидетельство-

вавшей как о превосходном качестве продуктов, так и о прекрасном аппетите всей компании.

— Ну-с поговорим о Менор-Фарм, — сказал м-р Пиквик. — Как мы туда поедem?

— Не посоветоваться ли нам со слугою? — предложил м-р Тапмен, после чего слуга был призван.

— Дингли-Дэл, джентльмены... пятнадцать миль, джентльмены... по проселочной дороге... дорожная коляска, сэр?

— В дорожной коляске могут поместиться только двое, — возразил м-р Пиквик.

— Совершенно верно, сэр, прошу прощения, сэр. Прекрасный четырехколесный шез *, сэр, сиденье сзади для двух, одно место впереди для джентльмена, который правит. Ах, прошу прощения, сэр, — экипаж трехместный.

— Что же нам делать? — спросил м-р Снодграс.

— Быть может, один из джентльменов пожелает ехать верхом, сэр? — предложил слуга, поглядывая на м-ра Уинкля. — Очень хороши верховые лошади, сэр, любой из слуг м-ра Уордля может отвести лошадь назад, когда отправится в Рочестер.

— Отлично, — сказал м-р Пиквик. — Уинкль, хотите прокатиться верхом?

В тайниках души м-ра Уинкля возникли серьезные опасения, касающиеся его умения ездить верхом, но ему во что бы то ни стало хотелось их скрыть, а посему он и ответил тотчас же и очень решительно:

— Конечно. Я буду в восторге.

М-р Уинкль бросил вызов судьбе. Иного выхода для него не оставалось.

— Велите подать лошадей к одиннадцати часам, — распорядился м-р Пиквик.

— Слушаю, сэр, — ответил слуга. ✓

Слуга удалился, завтрак был окончен, и путешественники поднялись каждый в свою комнату, чтобы уложить костюмы, которые хотели взять с собой.

М-р Пиквик покончил со всеми приготовлениями и из-за оконных занавесок столовой взирал на прохожих, как вошел

слуга и доложил, что лошади поданы. Сообщение это было подтверждено самим экипажем, который не замедлил появиться перед окнами вышеупомянутой столовой.

Это был дикий зеленый ящик на четырех колесах, с низким двухместным сидением, напоминающим плетенку для винных бутылок, с высоким насестом впереди для одного человека, и влекомый гигантской бурой лошадью, которая обнаруживала великолепную симметрию костяка. Тут же стоял конюх, держа за повод другую рослую лошадь — повидимому, близкую родственницу животного, впряженного в экипаж, уже оседланную для м-ра Уинкля.

✓ — Господи помилуй! — воскликнул м-р Пиквик, когда они стояли на тротуаре и ждали, пока уложены будут в экипаж их вещи. — Господи помилуй, а кто же будет править? Об этом я и не подумал.

— Вы, конечно, — сказал м-р Тапмен.

— Разумеется, — сказал м-р Снодграс.

— Я! — воскликнул м-р Пиквик.

— Не извольте беспокоиться, сэр, — вмешался конюх. — Доверьтесь ей, сэр, спокойно: грудной младенец — и тот с ней справится.

— А она не пуглива? — осведомился м-р Пиквик.

— Пуглива, сэр? Покажите ей воз обезьян с обожженными хвостами — она и то не испугается.

Такая рекомендация являлась неоспоримой. М-р Тапмен и м-р Снодграс влезли в ящик, м-р Пиквик взобрался на насест и поставил ноги на обитую клеенкою полочку, приспособленную специально для этой цели.

— Ну, Блестящий Уильям, — сказал конюх своему подручному, — подайте джентльмену вожжи.

Блестящий Уильям (должно быть, этим прозвищем он был обязан своим прилизанным волосам и лоснящейся физиономии) вложил вожжи в левую руку м-ру Пиквику, а старший конюх сунул хлыст ему в правую руку.

— Тпру! — закричал м-р Пиквик, когда рослое животное попятилось, не скрывая своего намерения свергнуть в окно столовой.

— Тпру! — отозвались из ящика м-р Тапмен и м-р Снодграс.

— Ничего, это ей порезвиться вздумалось, джентльмены, — ободряюще заметил старший конюх. — Придержите-ка ее, Уильям.

Подручный укротил буйный нрав животного, а конюх поспешил на помощь к м-ру Уинклю.

— С этой стороны пожалуйста, сэр.

— Провалиться мне на этом месте, если джентльмен не собирался влезть не с той стороны, — ухмыляясь шепнул форейтор на ухо официанту, веселившемуся от всей души.

М-р Уинкль, следуя инструкции, влез в седло, но с таким трудом, словно ему пришлось карабкаться на борт первоклассного военного судна.

— Все в порядке? — осведомился м-р Пиквик, предчувствуя в глубине души, что о порядке и речи быть не может.

— Все в порядке, — слабым голосом ответил м-р Уинкль.

— Пошел! — крикнул конюх. — Держите вожжи, сэр.

И вот на потеху всего двора повозка и верховой кони помчались: одна с м-ром Пиквиком на козлах, другой — с м-ром Уинклем на спине.

— Отчего это она идет как-то боком? — обратился м-р Снодграс из ящика к м-ру Уинклю в седле.

— Понятия не имею, — ответил м-р Уинкль.

Его лошадь несло по улице самым загадочным образом — боком вперед, головой к одной стороне улицы, и хвостом — к другой.

М-р Пиквик этого не видел, и не имел времени заметить что бы то ни было, так как все его внимание было сосредоточено на лошади, впряженной в повозку и проявлявшей своеобразные наклонности, весьма интересные для постороннего наблюдателя, но отнюдь не столь занимательные для лиц, сидевших в экипаже. Не говоря уже о весьма неприятной и раздражающей привычке задираť голову и натягивать вожжи так, что м-ру Пиквику великого труда стоило удерживать их в руке, лошадь проявляла странную склонность внезапно бросаться в сторону, останавливаться, а затем в

течение нескольких минут мчаться вперед с быстротой, исключавшей всякую возможность управления.

— Что она хочет показать этим? — спросил м-р Снодграс, когда лошадь в двадцатый раз проделала этот маневр.

— Не знаю, — отозвался м-р Тапмен. — Я бы сказал, что она пуглива, а как по-вашему?

М-р Снодграс хотел что-то ответить, когда его прервал возглас м-ра Пиквика.

— Тпру! — воскликнул сей джентльмен. — Я уронил хлыст.

— Уинкль, — сказал м-р Снодграс, когда всадник на рослой лошади подъехал к ним рысцой, в шляпе, надвинутой на самые уши, и сотрясаясь всем телом от резких движений, словно вот-вот рассыплется на кусочки. — Уинкль, будьте добры, поднимите хлыст.

М-р Уинкль натягивал поводья огромной лошади, пока лицо у него не почернело; ухитрившись наконец остановить лошадь, он слез, подал м-ру Пиквику хлыст и, схватив поводья, приготовился снова вскочить в седло.

Захотелось ли рослой лошади, отличавшейся природной игривостью, невинно пошалить с м-ром Уинклем, или она сообразила, что не менее приятную прогулку может совершить и без всякого всадника, — эти вопросы мы, конечно, не в силах разрешить окончательно и определенно. Какими бы мотивами ни руководствовалось животное, несомненным остается один факт: едва схватил м-р Уинкль поводья, как лошадь перебросила их через голову и на всю их длину отскочила назад.

— Милая скотинка, — вкрадчиво сказал м-р Уинкль, — милая скотинка, добрая старая лошадка!

Но „милая скотинка“ презирала лесть: чем упорнее старался м-р Уинкль к ней подойти, тем настойчивее она отступала, и, несмотря на уговоры и улаживание, м-р Уинкль и лошадь кружились на одном месте в течение десяти минут, а по прошествии этого времени расстояние между ними отнюдь не уменьшилось, — положение неприятное при любых обстоятельствах, а тем более на бесплодной дороге, где никто не придет на помощь.

— Что мне делать? — крикнул м-р Уинкль после длительного кружения на одном месте. — Что мне делать? Я не могу к ней подойти.

— Ведите ее на поводу, пока мы не доберемся до заставы, — ответил м-р Пиквик.

— Да она не хочет идти! — завопил м-р Уинкль. — Вылезайте и подержите ее.

М-р Пиквик—сама доброта и человеколюбие—бросил вожжи на спину своей лошади и, спустившись с козел, заботливо повернул повозку к придорожным кустам на тот случай, если кто проедет по дороге, после чего поспешил на помощь к своему злополучному спутнику, оставив м-ра Тапмена и м-ра Снодграса в экипаже.

Едва увидев м-ра Пиквика, приближающегося с хлыстом в руке, лошадь заменила упорное кружение на одном месте отступлением столь решительным, что потащила за собой м-ра Уинкля, не выпускавшего поводьев, заставив его бежать в ту сторону, откуда они только что приехали. М-р Пиквик бросился на помощь, но чем быстрее устремлялся он вперед, тем быстрее бежала лошадь назад. Послышался топот ног, за клубилась пыль, и м-р Уинкль, едва не вывернувший руки, благоразумно бросил повод. Лошадь остановилась, посмотрела, тряхнула головой, повернулась и спокойно побежала рысью домой в Рочестер, предоставив м-ру Уинклю и м-ру Пиквику с немым отчаянием взирать друг на друга. Какой-то дребезжащий звук привлек их внимание. Они встрепенулись.

— Господи помилуй! — воскликнул несчастный м-р Пиквик. — И другая лошадь убегает!

Это была истинная правда. Шум испугал лошадь, а вожжи лежали у нее на спине. Результаты угадать нетрудно. Она сорвалась с места, увлекая четырехколесную повозку за собою и м-ра Тапмена с м-ром Снодграсом в четырехколесной повозке. Скачка продолжалась недолго. М-р Тапмен прыгнул в кусты, м-р Снодграс последовал его примеру; лошадь разбила четырехколесную повозку о деревянный мост, — кузов отделился от колес, а ящик от насеста, и лошадь остановилась, как вкопанная, созерцая произведенное ею разрушение.

Первой заботой двух уцелевших друзей было извлекать своих злополучных спутников из живой изгороди, служившей тем ложем, — процесс, который доставил им несказанное удовольствие, когда они убедились, что никто не получил никаких повреждений, если не считать нескольких дыр на платье и отдельных дарапин, нанесенных колючками. Следующим актом было выпрячь лошадь. По окончании этой сложной операции компания медленно побрела вперед, ведя за собой лошадь, а повозку бросив на произвол судьбы.

Через час ходьбы путешественники увидели маленький придорожный постоялый двор — перед домом два вяза, лошадиное корыто и столб с вывеской, позади несколько бесформенных стогов сена, сбоку огород, а вокруг нагроможденные в странном беспорядке ветхие сараи и надворные строения. На огороде работал рыжеголовый человек. М-р Пиквик громко окликнул его:

— Алло! Послушайте!

Рыжеголовый выпрямился, заслонил глаза рукой и посмотрел пристально и холодно на м-ра Пиквика и его спутников.

— Алло! Послушайте! — повторил м-р Пиквик.

— Алло! — отозвался рыжеголовый.

— Далеко отсюда до Дингли-Дэла?

— Добрых семь миль.

— Дорога хорошая?

— Плохая.

Дав сей краткий ответ и удовлетворив, повидимому, свое любопытство еще одним пристальным взглядом, рыжеголовый снова принялся за работу.

— Мы бы хотели на время оставить здесь эту лошадь, — сказал м-р Пиквик. — Можно?

— Лошадь хотите здесь оставить? — повторил рыжеголовый, опираясь на лопату.

— Ну да, — ответил м-р Пиквик, который уже успел подойти вместе с лошадью к изгороди.

— Хозяйка! — заорал человек с рыжими волосами, выйдя из огорода и в упор глядя на лошадь. — Хозяйка!

На зов явилась высокая костлявая женщина, прямая, как палка, в грубой синей накидке, с талией подмышками.

— Скажите, любезная, можно оставить здесь эту лошадь? — вкрадчиво спросил м-р Тапмен, выступая вперед.

Женщина очень пристально разглядывала всю компанию, а рыжеголовый шепнул ей что-то на ухо.

— Нет, — ответила она, подумав. — Боюсь.

— Бойтесь! — воскликнул м-р Пиквик. — Чего может бояться эта женщина?

— Недавно мы из-за этого попали в беду, — сказала женщина, поворачивая к дому. — Не о чем тут разговаривать.

— Более странной вещи в жизни я не встречал! — воскликнул удивленный м-р Пиквик.

— Мне... мне кажется, — шепнул м-р Уинкль окружившим его друзьям, — мне кажется, они подозревают, что эту лошадь мы приобрели какими-то нечестными путями.

— Что!? — в порыве негодования воскликнул м-р Пиквик.

М-р Уинкль скромно повторил свою догадку.

— Алло, вы! — крикнул рассерженный м-р Пиквик. — Вы что, думаете — мы эту лошадь украли?

— Ясное дело — украли, — ответил рыжеголовый, оскалив зубы так, что рот растянулся от одного слухового органа до другого. С этими словами он вошел в дом и захлопнул за собой дверь.

— Это похоже на сон, — кипятился м-р Пиквик, — отвратительный сон. Тащиться целый день с ужасной лошадью, от которой не можешь отделаться!

Угнетенные пиквикисты мрачно пошли прочь, а рослое четвероногое, к которому все они чувствовали безграничное отвращение, плелось за ними по пятам.

Было уже под вечер, когда четверо друзей и их четвероногий спутник свернули на боковую дорогу, ведущую к Менор-Фарм; и даже теперь, когда они были так близки к цели, удовольствие, которое могли бы они испытать при иных обстоятельствах, оказалось в значительной мере отравленным размышлениями о том, какой странный у них вид и сколь нелепо их положение. Изорванная одежда, испаранные лица,

запыленные ботинки, измученный вид и, в довершение всего, лошадь. «О, как проклинал м-р Пиквик эту лошадь! Время от времени он бросал на благородное животное взгляды, горящие ненавистью и жаждой мести; не раз принимался высчитывать, каковы будут издержки, если он перережет ей горло, и им овладевало с удесятеренной силой искушение убить ее или отпустить на все четыре стороны. От этих ужасных мыслей его отвлекли две фигуры, внезапно появившиеся за поворотом дороги. Это был м-р Уордль и верный его паж, жирный парень.

— Где же это вы запропастились? — спросил гостеприимный пожилой джентльмен. — Я вас весь день поджидал. Однако вид у вас потрепанный. Как! Царапины! Ничего серьезного, надеюсь, нет? Ну, я очень рад, очень рад это слышать. Так, значит, вы опрокинулись? Ничего! Обычная история в этих краях. Джо!.. — он опять спит! — Джо, возьмите у джентльмена лошадь и отведите ее в конюшню.

Жирный парень, тяжело ступая, поплелся за ними вместе с лошастью, а пожилой джентльмен добродушно выражал сочувствие своим гостям, узнав об их приключениях ровно столько, сколько они сочли нужным сообщить, и провел их прежде всего на кухню.

— Здесь мы вас приведем в порядок, — сказал пожилой джентльмен, — а затем я вас представлю обществу, собравшемуся в гостиной. Эмма, подайте черри-бренди*, Джейн, иглоку с ниткой, полотенец и воды, Мери! Ну, девушки, пошевеливайтесь!

Три-четыре проворных девушки бросились отыскивать требуемые вещи, а два большеголовых круглолицых представителя мужского пола покинули свои места у очага (ибо, хотя вечер был майский, их тянуло к огоньку не меньше, чем в рождественское время) и нырнули в какие-то темные углы, откуда быстро извлекли ваку и с полдюжины щеток.

— Пошевеливайтесь! — повторил пожилой джентльмен, но это увещание оказалось совершенно излишним, так как одна девушка уже наливала черри-бренди, другая принесла полотенца, а один из слуг, ухватив внезапно за ногу м-ра Пиквика

и подвергая его опасности потерять равновесие, чистил ему башмак, пока мозоли не раскались до-красна, в то время как другой чистил м-ра Уинкля тяжелой платяной щеткой, насвистывая при этом, как имеют обыкновение насвистывать конюхи, отчищая лошадь скребницей.

Покончив с омовениями, м-р Снодграс, стоя спиной к камину и с истинным наслаждением попивая черри-бренди, осматривал кухню. Он описывает ее, как просторное помещение с красным кирпичным полом и вместительным очагом; потолок украшали окорока, свиная грудинка, связки луковид. Стены были декорированы охотничьими хлыстами, несколькими уздечками, седлом и старым заржавленным мушкетонем, под которым красовалась надпись, возвещавшая, что он „заряжен“, — если верить свидетельству того же источника, уже по крайней мере полстолетия. В углу важно тикали старинные часы с недельным заводом, отличавшиеся правом степенным и уравновешенным, а на одном из многочисленных крючков, украшавших кухонный шкаф, висели серебряные карманные часы, не менее древние.

— Готовы? — осведомился пожилой джентльмен, когда его гости были вымыты, заштопаны, вычищены и подкреплены бренди.

— Вполне, — ответил м-р Пиквик.

— В таком случае идемте, — и компания, миновав несколько темных коридоров, где к ней присоединился м-р Тапмен, который замешкался, чтобы сорвать поцелуй у Эммы, должным образом вознаградившей его толчками и царапинами, приблизилась к двери гостиной.

— Добро пожаловать, джентльмены, — промолвил гостеприимный хозяин, распахивая дверь и проходя вперед, чтобы представить гостей, — добро пожаловать в Менор-Фарм!

ГЛАВА VI

*Старомодная игра в карты. Стихи священника. Рассказ
о возвращении каторжника*

При входе м-ра Пиквика с друзьями гости, собравшиеся в старой гостиной, встали им навстречу; и пока шла церемония представления, сопровождавшаяся всеми обязательными формальностями, у м-ра Пиквика было время рассмотреть лица и поразмыслить о характерах и стремлениях людей, его окружавших, — привычка, коей он, наряду со многими великими людьми, предавался с наслаждением.

Очень старая леди в величественном чепце и выцветшем шелковом платье — не кто иная, как мать м-ра Уордля — занимала почетное место в углу, справа от камина; стены были украшены вещами, свидетельствовавшими о том, что в молодости она была воспитана подобающим образом и о своем воспитании не забыла и на старости лет, — тут были весьма древние вышивки, шитые шерстью пейзажи такой же давности и алые шелковые покрывалы на чайник, более современного происхождения. Тетка, две юных леди и м-р Уордль соперничали друг с другом, ревностно и неустанно оказывая знаки внимания старой леди: одна держала ей слуховой рожок, другая — апельсин, третья — флакон с нюхательной солью, а чет-

вертый усердно поправлял и взбивал подушки, водруженные за ее спиной. По другую сторону камина, против нее восседал лысый старый джентльмен с благожелательным и добродушным выражением лица — священник Дингли-Дэла, а рядом с ним — его жена, полная, румяная старая леди, у которой был такой вид, словно она не только постигла искусство и тайну домашнего изготовления ароматных настоек на благо и удовольствие ближним, но и сама при случае весьма непрочь была их отвеждать. В одном углу человек, с лицом пронизательным и похожим на Рипстонский * ранет, беседовал с толстым старым джентльменом, и еще два-три пожилых джентльмена, и еще две-три пожилых леди неподвижно сидели навтыжку, пристально разглядывая м-ра Пиквика и его спутников.

— М-р Пиквик, матушка! — заорал во весь свой голос м-р Уордль.

— А! — сказала старая леди, покачивая головой. — Ничего не слышу.

— М-р Пиквик, бабушка! — дружно прокричали обе юные леди.

— А! — отозвалась старая леди. — Ну, да это неважно, полагаю, что ему никакого дела нет до такой старухи, как я.

— Уверю вас, сударыня, — начал м-р Пиквик, пожимая руку старой леди и говоря так громко, что добродушное лицо его приняло от напряжения карминный оттенок, — уверю вас, сударыня, ничто не доставляет мне такого удовольствия, как знакомство с леди столь почтенного возраста, возглавляющей такую славную семью и имеющей столь моложавый и цветущий вид.

— А... — сказала, помолчав, старая леди, — все это прекрасно, да только я его не слышу.

— Бабушка сейчас немного расстроена, — понизив голос, сообщила мисс Изабела Уордль, — но потом она еще поговорит с вами.

М-р Пиквик кивнул головой в знак готовности подчиниться капризу старческой немощи и вступил в общий разговор с другими членами кружка.

— Очаровательное местоположение! — сказал м-р Пиквик.

— Очаровательное! — откликнулись м-ры Снодграс, Тапмен и Уинкль.

— Да, бесспорно, — согласился м-р Уордль.

— Во всем Кенте не найдется лучшего местечка, сэр, — заметил проникательный человечек с лицом, похожим на ранет, — да, сэр, не найдется, уверен, что не найдется.

И проникательный человечек торжествующе осмотрелся по сторонам, словно кто-то усиленно ему возражал, но он в конце концов одержал над ним верх.

— Лучшего местечка не найдется во всем Кенте, — повторил он, помолчав.

— За исключением Маллинс-Медоус, — глубокомысленно заметил один толстяк.

— Маллинс-Медоус! — с глубоким презрением воскликнул первый.

— Да, Маллинс-Медоус! — повторил толстяк.

— Прекрасный участок, — вмешался другой толстяк.

— Совершенно верно, — подтвердил третий толстяк.

— Это всем известно, — согласился дородный хозяин.

Проникательный человечек недоверчиво осмотрелся по сторонам, но, убедившись, что остается в меньшинстве, скроил соболезнующую физиономию и больше уже не проронил ни слова.

— О чем они говорят? — осведомилась старая леди у одной из своих внучек, не понижая голоса, ибо, как большинство глухих, она, казалось, не допускала возможности, что ее могут услышать.

— О наших местах, бабушка.

— А что с ними такое? Ничего ведь не случилось?

— Нет. М-р Миллер говорил, что наш участок лучше, чем Маллинс-Медоус.

— А что он в этом понимает? — вознегодовала старая леди. — Миллер — самодовольный шут, можете передать ему мое мнение.

И старая леди, ни мало не подозревая, что говорит отнюдь не шопотом, выпрямилась и пригвоздила взглядом проникательного преступника.

— Ну-ну, — засуетился хозяин, естественно желая переменить тему разговора. — А что, если бы нам сыграть роберок, м-р Пиквик?

— Я был бы очень рад, — ответил сей джентльмен, — по прошу вас, не затевайте для меня одного.

— Уверяю вас, матушка с удовольствием разыграет роберок, — возразил м-р Уордль. — Не так ли, матушка?

Старая леди, которая при обсуждении этой темы оказалась менее глухой, чем в других случаях, ответила утвердительно.

— Джо, Джо! — крикнул старый джентльмен. — Джо... несносный... Ах, вот он! Разложите ломберные столы.

Летаргический юноша ухитрился без дальнейших понуканий разложить два ломберных стола, один для игры в „Поп * Джон“, другой для виста. За вист сели м-р Пиквик и старая леди, м-р Миллер и толстый джентльмен; остальные разместились за другим столом.

Робер разыгрывался со всей серьезностью и степенностью, какие приличествуют занятию, именуемому „вистом“, — торжественному обряду, к коему, на наш взгляд, весьма непочтительно и неприлично применять слово „игра“. А за другим столом, где шла „салонная“ игра, веселились столь бурно, что не давали сосредоточиться м-ру Миллеру, который был поглощен вистом меньше, чем следовало, и ухитрился совершить немало серьезных преступлений и промахов, возбудивших в высокой степени гнев толстого джентльмена и в такой же степени улучшивших расположение духа старой леди.

— Ну вот! — с торжеством провозгласил преступный Миллер, беря левé к концу партии. — Лыщу себя надеждой, что лучше сыграть невозможно, больше нельзя было взять ни одной взятки.

— Миллеру нужно было перекрыть бубны козырем, не правда ли, сэр? — заметила старая леди.

М-р Пиквик кивнул в знак согласия.

— В самом деле? — спросил злополучный игрок, нерешительно обращаясь к своему партнеру.

— Несомненно, сэр, — грозно ответил толстый джентльмен.

— Очень сожалею, — сказал удрученный Миллер.

— Велика польза от ваших сожалений! — проворчал толстый джентльмен.

— Два опера, итого восемь у нас, — сказал м-р Пиквик.
Новая сдача.

— Есть у нас ровер? — осведомилась старая леди.

— Есть, — ответил м-р Пиквик. — Двойной, простой, и к роверу.

— Ну и везет! — сказал м-р Миллер.

— Ну и карты! — сказал толстый джентльмен.

Торжественное молчание: м-р Пиквик весел, старая леди серьезна, толстый джентльмен придирчив, а м-р Миллер запуган.

— Еще раз двойной, — сказала старая леди и с торжеством отметила это обстоятельство, положив под подсвечник шесть пенсов и стертую монету в полшени.

— Двойной, сэр, — сказал м-р Пиквик.

— Я это вижу, сэр, — резко ответил ему толстый джентльмен.

Следующая игра с такими же результатами сопровождалась тем, что злополучный Миллер не снес требуемой масти, по каковому поводу толстый джентльмен пришел в состояние крайнего возбуждения, длившееся до конца игры, после чего он удалился в угол и в продолжение часа и двадцати семи минут не проронил ни слова; по истечении этого времени он вышел из своего убежища и с видом человека, который готов похристиански простить все обиды, предложил м-ру Пиквику понюшку табаку. Слух у старой леди значительно улучшился, а незадачливый м-р Миллер так же чувствовал себя выбитым из своей стихии, как дельфин, посаженный в караульную будку.

А за другим столом весело шла некоммерческая игра; Изабела Уордль и м-р Трандль объявили себя партнерами, то же сделали Эмили Уордль и м-р Снодграс, и даже м-р Тапмен и девствующая тетушка организовали акционерное общество фишек и любезностей. М-р Уордль был в ударе и так забавно вел игру, а пожилые леди так зорко следили за своими выигрышами, что смех не смолкал за столом. Была тут одна пожилая

леди, которой аккуратно каждую игру приходилось платить за поддюжины карт, что неизменно вызывало общий смех; а когда пожилая леди насупилась, раздался хохот еще громче; после чего лицо пожилой леди постепенно начало проясняться, и кончилось тем, что она захохотала громче всех. Затем, когда у девствующей тетюшки оказался „марьяж“, и юные леди снова расхохотались, девствующая тетюшка была готова уже надуться, но, почувствовав, что м-р Тапмен пожимает ей руку под столом, тоже просияла и посмотрела так многозначительно, словно для нее „марьяж“ был не так недоступен, как думают некоторые особы. Тут все снова захохотали, и громче всех старый м-р Уордль, который наслаждался шуткой не меньше, чем молодежь. Что касается м-ра Снодграса, то он только и делал, что нашептывал поэтические сентенции на ухо своей партнерше, что настроило одного старого джентльмена на шутливый лад по поводу партнеров за карточным столом и партнеров в жизни и заставило вышеупомянутого старого джентльмена сделать на этот счет несколько замечаний, сопровождаемых подмигиваниями и хихиканьем, и развеселивших все общество, а в особенности жену старого джентльмена. М-р Уинкль выступил с островами, хорошо известными в городе, но вовсе не известными в деревне, и так как все от души смеялись и высказывали свое одобрение, то м-р Уинкль был весьма польщен и доволен. Добродушный священник взирал благосклонно, ибо при виде счастливых лиц за столом добрый старик тоже чувствовал себя счастливым; и хотя веселились, быть может, слишком бурно, зато от души, а не для виду. А в конце концов только такое веселье имеет цену.

В этих беззаботных развлечениях быстро промелькнул вечер, а когда было покончено с сытным, хотя и простым ужином, и маленькое общество расположилось в дружеский кружок у камина, м-р Пиквик отметил, что никогда еще не был он так счастлив и никогда так полно не наслаждался ускользающими мгновениями.

— Да, — сказал гостеприимный хозяин, торжественно восседавший рядом со старой леди, держа ее руку в своей, — да, это то, что я люблю — счастливейшие минуты моей жизни

пролетели у этого старого камина, и я так к нему привязан, что каждый вечер развожу в нем пылающий огонь, пока он не разгорится до невыносимого жара. И моя милая старая матушка, когда была девчонкой, не раз сживала вон на той скамеечке перед этим камином. Верно, матушка?

Непрощенная слеза, которую вызывают воспоминания о былом и о давно ушедшем счастье, скатилась по щеке старой леди, когда она с меланхолической улыбкой кивнула.

— Не осудите меня, м-р Пиквик, за болтовню об этом старом месте, — помолчав, продолжал хозяин, — я его горячо люблю и другого не знаю — старые дома и поля кажутся мне живыми друзьями, и наша маленькая церковь, обвитая плющом, о котором — к слову сказать — наш добрый друг сочинил стихотворение вскоре по приезде в наши края. М-р Снодграс, разрешите наполнить ваш стакан?

— Он полон, благодарю вас, — ответил этот джентльмен, чье поэтическое любопытство было весьма возбуждено последним замечанием хозяина. — Простите, вы упомянули стихотворение о плюще?

— Об этом вы должны спросить нашего друга, — многозначительно ответил хозяин, кивнув в сторону священника.

— Мне бы очень хотелось услышать это стихотворение, сэр, — сказал м-р Снодграс.

— Уверю вас, это так, пустячок, — ответил священник, — я был молод, когда сочинил его, и в этом единственное мое оправдание. Но если вам угодно, вы его услышите.

Разумеется, в ответ раздался шопот заинтересованных слушателей, и старый джентльмен — с помощью подсказывавшей ему жены — прочел следующие строфы.

— Я их назвал, — сказал он, —

ЗЕЛЕНЫЙ ПЛЮЩ

„О, причудлив ты, мой зеленый плющ,
Проползая среди руин,
За отборной пищей гонишься ты
В невеселом своем дому.

Камень должен сгнить, обветшать стена,
И тогда ты возлюбишь их,
А тончайшая вековая пыль
Будет лакомством для тебя.

Стелешься там, где жизни нет,
Древний гость, мой зеленый плющ.

„Быстро вьешься ты, хоть и крыльев нет,
Сердце верное у тебя.

Как ты льнешь к нему, как туго обвил
Друга милого — вечный дуб!

Как влачишься ты по сырой земле

И тихонько шуршишь в листве,

Когда, ласково обнимая, льнешь

К праху тучному у могил!

Стелешься там, где прах и тлен,
Древний гость, мой зеленый плющ.

„Пронеслись века, память стерла их,

И народы ушли с земли,

Но не блекнет только зеленый плющ —

Он, как встарь, и сочен и свеж.

Одинокий, отважный древний плющ

Силу черпает в днях былых:

Для того же и возводится дом,

Чтобы плющ питать и растить.

Стелешься, где прошли века,

Древний гость, мой зеленый плющ“.

Пока старый джентльмен вторично читал эти строки, чтобы дать м-ру Снодграсу возможность их записать, м-р Пиквик с величайшим интересом изучал черты его лица. Когда старый джентльмен кончил диктовать, а м-р Снодграс спрятал записную книжку в карман, м-р Пиквик заговорил:

— Простите меня, сэр, если я, будучи столь мало с вами знаком, осмелюсь сделать одно замечание: я думаю, что такой человек, как вы, несомненно наблюдал за время своего слу-

жения евангелию много сцен и событий, достойных запоминания.

— Кое-что я, конечно, имел случай наблюдать, — ответил старый джентльмен, — но поскольку сфера моей деятельности весьма ограничена, то события и действующие лица не представляли собой ничего из ряда вон выходящего.

— Однако вы сделали кое-какие записи, касающиеся Джона Эдмендса, не так ли? — осведомился м-р Уордль, которому явно хотелось продемонстрировать своего друга в назидание новым гостям.

Старый джентльмен слегка кивнул в знак согласия и хотел заговорить о другом, но м-р Пиквик сказал:

— Прошу прощения, сэр, разрешите спросить, кто был этот Джон Эдмендс?

— Я хотел задать тот же вопрос, — оживленно заговорил м-р Снодграс.

— Теперь уж вам не отвертеться, — сказал веселый хозяин. — Рано или поздно вы должны будете удовлетворить любопытство этих джентльменов, так воспользуйтесь же удобным случаем и сделайте это сейчас.

Старый джентльмен добродушно улыбнулся и выдвинулся вперед на своем стуле; остальные ближе сдвинули стулья, в особенности м-р Тапмен и девствующая тетушка, которые, быть может, были туговаты на ухо; старую леди вооружили слуховым рожком, а м-р Миллер (который заснул во время чтения стихов) очнулся от сна, получив предостерегающий шипок под столом от бывшего своего партнера, степенного толстого джентльмена, после чего старый священник без всяких предисловий начал следующий рассказ, который мы берем на себя смелость озаглавить:

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАТОРЖНИКА

„Когда я ровно двадцать пять лет назад поселился в этой деревне, — заговорил старый джентльмен, — наихудшей репутацией среди моих прихожан пользовался некто Эдмендс, арендовавший неподалеку отсюда маленькую ферму. Он был угрюмым,

злым, дурным человеком, жизнь вел праздную и распутную, нрав имел жестокий. За исключением нескольких ленивых и беспечных бродяг, с которыми он проводил время на полях, либо пьянствовал в трактире, не было у него ни друзей, ни знакомых; никто не хотел разговаривать с этим человеком, которого боялись многие, а **ненавидели** все, — и все сторонились Эдмендса.

„Когда я только что сюда приехал, у него была жена и единственный сын лет двенадцати. О жестоких страданиях этой женщины, о кротости и терпении, с которыми она их переносила, о трепетной заботливости, с какой воспитывала мальчика, никто и понятия не имеет. Да простит мне небо мою догадку, если она лишена милосердных чувств, но в глубине души я твердо верю, что этот человек систематически, в течение многих лет старался разбить сердце своей жены. Но она переносила все ради сына и — многим это может показаться странным — ради отца своего ребенка, ибо хоть и был он зверем и обращался с ней жестоко, но когда-то она его любила, и воспоминание о том, кем он для нее был, пробуждало в ее груди чувство снисходительности и покорности перед лицом страдания, — чувство, которое непонятно ни одному живому существу, кроме женщины.

„Они были очень бедны — да и не могло быть иначе, раз муж вел такой образ жизни; но неустанное и неослабевающее прилежание жены, работавшей и в ранний и в поздний час, утром, в полдень и ночью, спасало их от крайней нужды. Труды ее вознаграждались плохо. Люди, проходившие мимо ее жилища вечером или в поздний час ночи, рассказывали, что до них доносились стоны и рыдания несчастной женщины и глухие удары, и не раз уже за полночь мальчик стучался в дверь соседа, к которому его посылали, чтобы спасти от пьяного, озверевшего отца.

„Бедная женщина, которой часто не удавалось скрыть следы побоев, аккуратно посещала нашу маленькую церковь. Каждое воскресенье, утром и после полудня, она занимала **место** со своим мальчиком всегда одну и ту же скамью; и хотя оба были бедно одеты — значительно хуже, чем боль-

шинство их соседей, обладавших еще меньшим достатком, — одежда их всегда была чистой и опрятной. Все и каждый приветствовали добрым словом „бедную м-с Эдменде“, и, бывало, измученное ее лицо освещалось чувством глубокой благодарности, когда по окончании службы она останавливалась в аллее вязов, ведущей к церкви, и перебрасывалась несколькими словами с соседом либо, замешкавшись позади, смотрела с материнской гордостью и любовью на здорового мальчугана, резвившегося со своими приятелями. В такие минуты ее измученное лицо озарялось выражением глубокой благодарности, и она казалась если не беззаботной и счастливой, то по крайней мере спокойной и довольной.

„Прошло пять-шесть лет, мальчик стал здоровым, рослым юношей. Годы, укрепившие хрупкое тело ребенка и влившие в него мужественную силу, согнули спину матери и отняли силу у ее ног; рука, которая должна была бы ее поддерживать, уже не обвивала ее руки, лицо, которое должно было радовать ее, уже не было обращено к ее лицу. Она сидела на старой своей скамье, но место подле нее оставалось незанятым. Попрежнему раскрывала она заботливо библию, отыскивая нужные места и загибая страницы, но не было того, кто бы читал ее вместе с нею, и крупные слезы капали на книгу, и слова расплывались перед ее глазами. Соседи относились к ней так же ласково, как и встарь, но она отворачивалась, избегая их приветствий. Уже не замедляла она шагов в аллее старых вязов — не было у нее бодрой надежды на счастье. Безутешная женщина надвигала чепец на лицо и то-ропливо удалялась.

„Нужно ли говорить вам о том, что юноша, который, оглядываясь на раннее свое детство, запечатленное в памяти, и пронося воспоминания сквозь жизнь, не мог припомнить ничего, что бы не было так или иначе связано с бесконечными добровольными лишениями, перенесенными матерью ради него, с обидами, оскорблениями и побоями, которые только ради него она претерпевала, — нужно ли говорить вам, что он, безрассудно пренебрегая разбитым ее сердцем, угрюмо, злобно забывая все, что она для него сделала и перенесла, связался

с отъявленными негодьями и в безумии своем безудержно устремился по тропе, которая должна была привести его к смерти, ее — к позору? Горе человеческой природе! Мы давно уже это предвидели.

„Вскоре должна была исполниться мера скорбей и страданий несчастной женщины. В окрестностях были совершены многочисленные преступления; виновные остались неразысканными, и это придавало им смелости. Дерзкий грабеж, сопровождавшийся отягчающими вину обстоятельствами, побудил усилить бдительность и энергически приступить к розыскам, на что не рассчитывали преступники. Подозрение пало на молодого Эдмендса и его трех товарищей. Его арестовали, заключили в тюрьму, судили, приговорили к смерти.

„По сей день звучит в моих ушах дикий, пронзительный женский вопль, раздавшийся в зале суда, когда был вынесен приговор. Этот вопль порастил ужасом сердце преступника, который оставался равнодушным к суду, к приговору, даже к неминуемой смерти. Губы, упрямо сжатые, задрожали и невольно раскрылись, лицо его стало пепельно-серым, когда из всех пор выступил холодный пот; дрожь пробежала по мускулистому телу преступника, и он, шатаясь, опустился на скамью.

„В порыве душевной муки несчастная мать упала к моим ногам и страстно молила всемогущего, который до сей поры помогал ей переносить все невзгоды, — молила взять ее из мира скорби и печали и пощадить жизнь единственного ее ребенка. За этим последовал взрыв отчаяния и мучительная борьба, какой, надеюсь, никогда я больше не увижу. Я знал, что в этот час разбилось ее сердце, но ни жалобы, ни ропота я от нее не слышал.

„Грустно было видеть, как эта женщина изо дня в день приходила в тюремный двор, ревностно стараясь своей любовью и мольбами смягчить жестокое сердце упрямого сына. Все было тщетно. Он оставался угрюмым, непреклонным и равнодушным. Даже неожиданная замена смертной казни четырнадцатью годами ссылки на каторжные работы не сломила его озлобленного упрямства.

„Но дух смирения и выносливости, который так долго поддерживал его мать, не мог побороть физическую слабость и недуги. Она заболела. Она заставила себя подняться с постели, чтобы еще раз навестить сына, по силы ей изменили, и в изнеможении она упала на землю.

„Вот тогда-то подверглись испытанию хваленое хладнокровие и равнодушные юноши; его постигло тяжкое возмездие, и он едва не сошел с ума. День миновал, а мать его не навестила; пролетел второй день, третий, и она не пришла к нему; настал вечер, он до сих пор ее не видел, а через двадцать четыре часа его увезут от нее — быть может, навеки. О, с какой силой захлестнули его давно забытые мысли о прошлом, когда он метался по узкому двору, как будто эти метания могли ускорить для него получение сведений о ней, с какою горечью почувствовал он свою беспомощность и одиночество, когда узнал наконец правду! Его мать, единственное родное ему существо, лежала больная — быть может, умирающая — на расстоянии мили от него. Будь он свободен, не закован в кандалы, через несколько минут он очутился бы подле нее. Он подбежал к воротам, вцепился руками в железную решетку, в отчаянии сотрясал ее так, что она дребезжала, потом бросился на толстую стену, будто хотел проложить путь сквозь камни, но прочная стена издавалась над жалкими его усилиями, и, заломив руки, он заплакал, как ребенок.

„Я принес в тюрьму материнское прощение и благословение сыну, а ей, лежавшей на одре болезни, сообщил о его раскаянии и передал страстную мольбу о прощении. С жалостью и состраданием я прислушивался к словам раскаявшегося преступника, мечтавшего о том, как он по своем возвращении будет утешать и поконить мать. Я знал, что матери его не будет на свете значительно раньше, чем он доберется до места своего назначения.

„Его увезли ночью. Спустя несколько недель душа бедной женщины вознеслась — я твердо верю и надеюсь — в обитель вечного блаженства и покоя. Над ее останками я совершил погребальную службу. Она лежит на нашем маленьком клад-

бище. На ее могиле нет плиты. Ее скорби были известны людям, добродетели — богу.

„Перед отправкой каторжника было условлено, что он напишет матери, как только получит на это разрешение, и письмо адресует на мое имя. Отец решительно отказался увидеться с сыном с момента его ареста, ему было все равно, жив он или умер. Прошло много лет, и я не имел никаких сведений о каторжнике, истекло больше половины назначенного срока, и, не получив ни одного письма, я решил, что он умер,—пожалуй, хотелось мне на это надеяться.

„По прибытии в колонию Эдмендс был отправлен далеко в глубь страны и, быть может, этим-то и объясняется тот факт, что ни одно из отправленных им писем до меня не дошло. Там прожил он все четырнадцать лет. По истечении этого срока, оставаясь верным старому своему решению и клятве, данной матери, он вернулся в Англию, преодолев бесчисленные трудности, и пешком отправился в родную деревню.

„Был ясный августовский воскресный вечер, когда Джон Эдмендс вошел в деревню, которую семнадцать лет назад покинул со стыдом и позором. Кратчайший путь лежал через кладбище. У него забилося сердце, когда он вступил за ограду. Высокие старые вязы, пропуская сквозь листву яркий луч заходящего солнца, падавший на тенистую дорожку, воскресили воспоминания детства. Он увидел самого себя, цепляющегося за руку матери и мирно идущего в церковь. Вспомнил, как, бывало, заглядывал в ее бледное лицо, и как часто у нее на глазах выступали слезы, когда она смотрела на него, — слезы, обжигавшие ему лоб, когда она наклонялась, чтобы поцеловать его, и он тоже начинал плакать, хотя в ту пору и не подозревал о том, какие это были горькие слезы. Он вспомнил, как часто бегал по этой дорожке вместе с веселыми товарищами, то-и-дело оглядываясь, чтобы увидеть улыбку матери, услышать ее кроткий голос. И тогда словно поднялась завеса над его воспоминаниями, и всплыли в памяти ласковые слова, оставшиеся без ответа, забытые предостережения, нарушенные им обещания, — мужество покинуло его, страдания его были невыносимы.

„Он вошел в церковь. Вечерняя служба кончилась, прихожане разошлись, но церковь еще не была закрыта. Гулко раздавались шаги в низком здании, и здесь была такая тишина, что он почти испугался своего одиночества. Он осмотрелся по сторонам. Все было попрежнему. Церковь показалась ему меньше, чем раньше, но остались здесь те же старые памятники, на которые он столько раз смотрел с детским благоговением, маленькая кафедра с выцветшей подушкой, престол, перед которым он так часто повторял заповеди, читаемые в детстве и забытые в годы зрелости. Он подошел к старой скамье; она казалась холодной и покинутой. Унесли подушку, и не было библии. Быть может, теперь его мать занимала другую скамью, для людей победнее, или хворала и не могла одна дойти до церкви. Он не смел подумать о том, чего боялся. Холод пробежал у него по спине, он дрожал, направляясь к выходу.

„В дверях он встретил старика, входившего в церковь. Эдменде отшатнулся — он хорошо его знал, много раз видел он, как тот роет могилы на кладбище. Что скажет он вернувшемуся каторжнику?

„Старик посмотрел на незнакомое ему лицо, сказал „добрый вечер“ и медленно прошел дальше. Он забыл его.

„Эдменде спустился с холма и вошел в деревню. Было тепло, люди сидели у дверей своих домов или гуляли в маленьких садах, наслаждаясь ясным вечером и отдыхом от работы. Многие поглядывали на него, и он много раз боязливо озирался: узнают ли его, сторонятся ли? Чуть ли не в каждом доме были чужие лица. Некоторых он узнал. Это были его школьные товарищи — в последний раз он их видел мальчиками, — растолстевшие, окруженные ватагой веселых ребят; в слабом и немощном старике, сидевшем в кресле у двери коттеджа, узнал он человека, которого помнил здоровым и сильным работником; но все они его забыли, и он шел никем не признанный.

„Последние мягкие лучи заходящего солнца упали на землю, бросая яркий отблеск на желтые снопы пшеницы и удлиняя тени фруктовых деревьев, когда он остановился перед ста-

рым домом, где прошло его детство, — перед домом, к которому стремился с бесконечной любовью в течение долгих томительных лет заключения и тоски. Частокол был низкий, хотя он прекрасно помнил то время, когда этот же частокол казался ему высокой стеной; он заглянул в старый сад. Огородных растений и ярких цветов было в нем больше, чем в прежние времена, но старые деревья уцелели, — вон то самое дерево, под которым он сотни раз лежал, устав от беготни на солнцепеке, и он чувствовал, как подкрадывается к нему сладкий безмятежный сон — сон счастливого детства. В доме разговаривали. Он прислушался, но голоса показались ему чужими, он их не узнавал. И звучали они весело; а ведь он прекрасно знал, что в разлуке с ним его бедная старуха-мать не может веселиться, и он отошел. Открылась дверь, и шумно, с громкими криками выбежала группа детей, в дверях появился отец с маленьким мальчиком на руках, и дети окружили его, хлопая в ладоши, увлекая за собой, чтобы втянуть в веселую игру. Каторжник подумал о том, сколько раз на этом самом месте ежился он от страха при виде своего отца. Вспомнил, как часто он дрожа закрывался с головой одеялом и слышал грубые слова, удары и вопли матери. Уходя отсюда, он громко разрыдался от душевной боли, но сжал кулаки и в безумной тоске стиснул зубы.

„Так вот оно — возвращение, о котором он мечтал на протяжении многих мучительных лет, и ради этого перенес столько страданий! Ни одной приветственной улыбки, ни одного взгляда, несущего прощение, нет дома, где бы нашел он приют, нет руки, которая протянулась бы ему на помощь, — а ведь пришел он в свою родную деревню! По сравнению с этим одиночеством, что значило одиночество в диких дремучих лесах, где не встретить человека!

„Он понял, что там, в далекой стране изгнания и позора, представлял он себе родную деревню такой, какою ее покинул, не думал о том, как изменится она за время его отсутствия. Печальная действительность больно его ударила, и глубокое уныние овладело им. У него не хватило мужества навести справки или явиться к тому единственному человеку, ко-

P. M. [illegible]

торый, по всей вероятности, встретит его ласково и сочувственно. Медленно побрел он дальше; словно чувствуя себя виноватым, он избегал проезжей дороги, свернул на луг, хорошо ему знакомый, закрыл лицо руками и бросился на траву.

„Он не заметил, что возле него на насыпи лежит какой-то человек. — Когда тот повернулся, чтобы украдкой взглянуть на пришельца, одежда его зашуршала, и Эдменде поднял голову.

„Человек уселся на земле. Это был сгорбленный старик, с морщинистым желтым лицом, обитатель рабочего дома, если судить по одежде. Он казался очень старым, но дряхлостью своей был, повидимому, более обязан распутной жизни или болезням, чем прожитым годам. Он в упор смотрел на незнакомца, и через несколько секунд какой-то странный, тревожный огонек загорелся в его тусклых и сонных глазах, и казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Эдменде приподнялся, встал на колени и пристально стал вглядываться в лицо старика. Они молча смотрели друг на друга.

„Старик смертельно побледнел. Задрожав всем телом, он с трудом поднялся. Эдменде вскочил. Тот отступил на шаг. Эдменде двинулся к нему.

„— Я хочу услышать ваш голос, — хрипло, прерывисто сказал каторжник.

„— Не подходите! — крикнул старик и присовокупил страшное проклятие.

„Каторжник ближе подошел к нему.

„Тот взвизгнул:

„— Не подходите! — Обезумев от ужаса, он поднял свою палку и нанес Эдмендсу тяжелый удар по лицу.

„— Отец... дьявол! — сквозь стиснутые зубы пробормотал каторжник. Он рванулся вперед, схватил старика за горло, — но это был его отец, и руки его бессильно опустились.

„Старик громко завопил. Этот вопль пронесся над пустынными полями, словно завывание злого духа. Лицо его почерпело; из носа и изо рта хлынула кровь и окрасила траву в густой, темнокрасный цвет; он зашатался и упал. У него лопнул

кровеносный сосуд, и он был мертв раньше, чем сын попытался его поднять“.

— В том уголке кладбища, — помолчав, сказал старый джентльмен, — в том уголке кладбища, о котором я упоминал выше, похоронен человек, служивший у меня в течение трех лет после этих событий и проявивший такое глубокое раскаяние и смирение, какие редко приходится наблюдать. При его жизни никто кроме меня не знал, кто он такой и откуда он пришел. Это был Джон Эдмендс, вернувшийся каторжник.

ГЛАВА VII

о том, как м-р Уинкль вместо того, чтобы метить в голубка и попасть в ворону, метил в ворону и ранил голубка. Как клуб крикетистов Дингли-Дэла состязался против объединенного Магльтона и как Дингли-Дэл давал обед в честь объединенных магльтопцев, а также о других интересных и поучительных вещах

Утомительный ли день, полный приключений, или снотворное действие, вызванное рассказом священника, повлияли так сильно на сонливость м-ра Пиквика, что когда его провели в комфортабельную спальню, не прошло и пяти минут, как он погрузился в крепкий сон без сновидений, из которого его вывело только утреннее солнце, укоризненно бросившее яркие лучи в его комнату. М-р Пиквик отнюдь не был лежебокою; он вскочил с постели, как выскакивает пылкий воин из своей палатки.

— Приятное, приятное местечко, — прошептал восторженный джентльмен, открывая окно. — Может ли тот, кто однажды почувствовал влияние подобного пейзажа, жить, созерцая изodia в день кирпичи и черепицы? Можно ли влачить существование там, где петух встречается только в виде флюгера, где

о Пане напоминает только пап-ель, и где зелень — только в зеленой лавке? Кто может вынести прозябание в таком месте? Кто, спрашиваю я, может это выдержать?—И, руководствуясь весьма похвальными прецедентами, м-р Пиквик долго вопрошал самого себя, после чего высунул голову в окно и огляделся по сторонам.

Густой сладкий запах сена, сложенного в стога, поднимался к окну его комнаты; цветочные клумбы под окном насыщали воздух своими ароматами; ярко-зеленые лужайки были покрыты утренней росой, которая сверкала на каждом листочке, трепетавшем под легким ветерком, а птицы пели так, словно каждая искрящаяся росинка была для них источником вдохновения.

М-р Пиквик погрузился в упоительные и сладкие мечты. — Алло! — долетел к нему чей-то оклик.

Он посмотрел направо, но никого там не увидел, его глаза обратились налево и пронизали далекое пространство, возвел взор к небу, но там в нем не нуждались; наконец сделал то, с чего пачал бы всякий заурядный человек, а именно — посмотрел в сад, и увидел м-ра Уордла.

— Как поживаете? — осведомился добродушный хозяин, дыша полной грудью в предвкушении наслаждений. — Чудесное утро, не правда ли? Рад, что вы так рано встали. Спускайтесь-ка поживее и приходите сюда. Я буду вас ждать.

М-р Пиквик не заставил повторять приглашение. В десять минут он закончил свой туалет и по истечении этого времени находился уже в обществе пожилого джентльмена.

— Алло! — сказал в свою очередь м-р Пиквик, заметив, что его спутник держит в руках ружье, а другое лежит на траве. — Что это вы задумали?

— Мы с вашим другом хотим перед завтраком пострелять в грачей, — ответил хозяин. — Он, кажется, прекрасный стрелок.

— Я слышал от него, что он превосходно стреляет, — отозвался м-р Пиквик, — но никогда еще не видал.

— Что же это он не идет? — заметил хозяин. — Джо, Джо!

Из дома вышел жирный парень, который благодаря бодрящему утреннему воздуху был погружен в дремоту не больше, чем на три четверти с дробью.

— Ступайте наверх и скажите джентльмену, что он найдет меня и м-ра Пиквика в грачевнике. Проводите джентльмена туда, слышите?

Парень пошел исполнять приказание, а хозяин, неся оба ружья, словно второй Робинзон Крузо, направился к выходу из сада.

— Вот — наше место, — объявил пожилой джентльмен, останавливаясь в аллее после нескольких минут ходьбы. Дальнейшее разъяснение было излишним, ибо неумолчное карканье ничего не подозревавших грачей выдавало их местопребывание.

Пожилой джентльмен положил одно ружье на землю, а другое зарядил.

— Вот они, — сказал м-р Пиквик, когда вдали появились фигуры м-ра Тапмена, м-ра Снодграса и м-ра Уинкля.

Жирный парень, не совсем уверенный в том, которого джентльмена следует позвать, проявил исключительную сообразительность и, во избежание возможной ошибки, позвал всех троих.

— Пожалуйте! — крикнул пожилой джентльмен, обращаясь к м-ру Уинклю. — Такому страстному охотнику, как вы, полагается давным-давно быть на ногах, даже из-за такого пустяка.

М-р Уинкль ответил принужденной улыбкой и взял второе ружье с таким выражением лица, которое скорее приличествовало бы метафизическому грачу, мучимому предчувствием насильственной смерти. Это могла быть и охотничья страстность, но она почему-то разительно смахивала на уныние.

Пожилой джентльмен дал знак, и двое оборванных мальчуганов, которые были сюда препровождены под надзором юного Лемберта*, тотчас же полезли на деревья.

— Зачем здесь эти мальчики? — отрывисто спросил м-р Пиквик.

Он был встревожен, ибо, наслышавшись о бедственном положении земледельческого населения, предположил, что деревенские ребята вынуждены с риском для жизни искать заработка, служа мишенью неопытным стрелкам.

— Это только для начала игры, — смеясь ответил м-р Уордль.

— Для чего? — переспросил м-р Пиквик.

— Да, говоря простым языком, для того, чтобы вспугнуть грачей.

— Ах, вот что! И это все?

— Вы удовлетворены?

— Вполне.

— Отлично! Мне начинать?

— Пожалуйста, — ответил м-р Уинкль, радуясь некоторой отсрочке.

— В таком случае отойдите в сторону. За дело!

Мальчишка закричал и начал раскачивать ветку, на которой было гнездо. С полдюжины молодых грачей, неистово крича, вылетели, чтобы разузнать, в чем дело. Пожилой джентльмен ответил выстрелом. Одна птица упала, остальные разлетелись.

— Поднимите ее, Джо, — сказал пожилой джентльмен.

На лице юноши засияла улыбка. В воображении его пронеслось смутное видение паштета из трачей. Унося птицу, он смеялся, — это был увесистый грач.

— Ну-с, м-р Уинкль, палите, — сказал хозяин, снова заряжая свое ружье.

М-р Уинкль выступил вперед и прицелился. М-р Пиквик и его друзья невольно съезжились, опасаясь, как бы не посыпались на них убитые грачи, ибо никто не сомневался в том, что грачи посыплются градом после смертоносного выстрела м-ра Уинкля. Наступило торжественное молчание... громкий крик... хлопанье крыльев... что-то слабо щелкнуло.

— Аллю! — воскликнул пожилой джентльмен.

— Не действует? — осведомился м-р Пиквик.

— Осечка, — объявил м-р Уинкль, который очень побледнел — должно быть, от разочарования.

— Странно, — сказал пожилой джентльмен, беря ружье. — Никогда еще не давало оно осечки. А что же это я не вижу никаких следов пистона?

— Чорт возьми! — воскликнул м-р Уинкль. — Я и забыл о пистоне.

Эта маленькая оплошность была исправлена. М-р Пиквик снова съезжился. М-р Уинкль с видом решительным и непреклонным выступил вперед; м-р Тапмен выглядывал из-за дерева.

Мальчишка закричал; вылетело четыре птицы. М-р Уинкль выстрелил.

Раздался вопль, скорее человеческий, чем птичий, — вопль, исторгнутый физической болью. М-р Тапмен спас жизнь многих невинных птиц, приняв часть заряда в левую руку.

Нет слов описать поднявшуюся суматоху. Рассказать, как м-р Пиквик в порыве своих чувств назвал м-ра Уинкля „негодяем“, как м-р Тапмен лежал распростертый на земле, и как пораженный ужасом м-р Уинкль опустился возле него на колени, как м-р Тапмен в забытьи выкрикивал чье-то женское имя, затем открыл сперва один глаз, потом другой, после чего упал навзничь и закрыл оба глаза, — описать эту сцену со всеми подробностями не легче, чем изобразить, как несчастный постепенно приходил в себя, как перевязали ему руку носовыми платками и как встревоженные друзья медленно повели его, поддерживая под руки.

Они приближались к дому. У калитки сада стояли леди, поджидая их к завтраку. Появилась девствующая тетушка; она улыбнулась и сделала знак, чтобы они ускорили шаги. Было ясно, что она понятия не имела о катастрофе. Бедняжка! Бывают моменты, когда неведение воистину блаженно.

Они подошли ближе.

— Что случилось со старичком? — проговорила Изабела Уордль.

Девствующая тетушка не обратила внимания на эти слова, она думала, что они относятся к м-ру Пиквику. В ее глазах Треси Тапмен был юношей; его возраст она рассматривала в уменьшительное стекло.

— Не пугайтесь! — крикнул старый хозяин, не желая тревожить дочерей.

Маленькая группа тесно обступила м-ра Тапмена, и леди не могли разглядеть, что именно произошло.

— Не пугайтесь, — повторил хозяин.

— Что случилось? — завизжали леди.

— С м-ром Тапменом случилось маленькое несчастье, вот и все.

Девствующая тетушка испустила пронзительный вопль, разразилась истерическим смехом и упала навзничь в объятия племянниц.

— Облейте ее холодной водой, — сказал старый джентльмен.

— Нет, нет, — пролепетала девствующая тетушка. — Мне уже лучше. Бела, Эмили, врача! Он ранен?.. Умер? Он... ха-ха-ха!

Тут с девствующей тетушкой начался припадок — номер второй — истерического смеха попеременно с воплями.

— Успокойтесь, — вымолвил м-р Тапмен, чуть не до слез растроганный этим проявлением сочувствия. — Дорогая, дорогая сударыня, успокойтесь.

— Это его голос! — воскликнула девствующая тетушка, причем обнаружились серьезные симптомы, предвещающие припадок номер третий.

— Умоляю вас, не волнуйтесь, дорогая сударыня, — успокоительно заговорил м-р Тапмен. — Уверяю вас, я ранен очень легко.

— Так вы не умерли! — восклицала истерическая леди. — О, скажите, что вы не умерли!

— Не дурите, Рейчел! — вмешался м-р Уордль, проявляя некоторую грубость, не совсем уместную при такой поэтической сцене. — Ну на какой чорт ему говорить, что он не умер?

— Нет, нет, я не умер, — заявил м-р Тапмен. — Я не нуждаюсь ни в чем, кроме вашей помощи. Разрешите мне опереться на вашу руку. — Шопотом он добавил: — О мисс Рейчел!

Взволнованная дева приблизилась и подала ему руку. Они вошли в гостиную, где был подан завтрак. М-р Треси Тапмен нежно прижал ее руку к своим губам и опустил на софу.

— Вам дурно? — встревожилась Рейчел.

— Нет, — ответил м-р Тапмен. — Ничего. Сейчас все пройдет. — Он закрыл глаза.

— Он спит, — прошептала девствующая тетушка. (Органы его зрения были сомкнуты не больше двадцати секунд.) — Милый... милый... м-р Тапмен!

М-р Тапмен вскочил.

— О, повторите эти слова! — воскликнул он.

Леди вздрогнула.

— Конечно, вы не могли их расслышать! — стыдливо сказала она.

— О, я расслышал! — возразил м-р Тапмен. — Повторите их. Если вы хотите, чтобы я выздоровел, повторите их!

— Тите! — шепнула леди. — Брат!

М-р Треси Тапмен принял прежнюю позу. В комнату вошел м-р Уордль в сопровождении хирурга.

Рука была исследована, рана перевязана и признана очень легкой. Успокоив таким образом душевную тревогу, компания принялась успокаивать разыгравшийся аппетит, и физиономии снова проявились. Один лишь м-р Пиквик был молчалив и сдержан. Сомнение и недоверие отражались на его лице. Его вера в м-ра Уинкля была поколеблена — весьма поколеблена — событиями этого утра.

— Вы играете в крикет *? — обратился м-р Уордль к меткому стрелку.

При других обстоятельствах м-р Уинкль ответил бы утвердительно. Но, понимая неловкость своего положения, он скромно сказал:

— Нет.

— А вы, сэр? — осведомился м-р Снодграс.

— Когда-то играл, — ответил хозяин, — а теперь бросил это дело. Я состою членом здешнего клуба, хотя сам не играю.

— Кажется, на сегодня назначен грандиозный матч, — заметил м-р Пиквик.

— Совершенно верно, — подтвердил хозяин. — Конечно, вы бы непрочь были посмотреть?

— Я, сэр, — ответил м-р Пиквик, — с наслаждением созерцаю все виды спорта, если можно им предаваться, ничем не

рискуя, и если беспомощные попытки неопытных игроков не угрожают жизни окружающих.

М-р Пиквик сделал паузу и пристально посмотрел на м-ра Уинкля, который затрепетал под испытующим взглядом своего вождя. Спустя несколько минут великий человек отвел глаза и добавил:

— Можем ли мы поручить нашего раненого друга заботам леди?

— В лучших руках вы не могли бы меня оставить, — заметил м-р Тапмен.

— Совершенно верно, — прибавил м-р Снодграс.

Итак, было решено, что м-р Тапмен останется дома на попечении особ женского пола, а остальные гости, под предводительством м-ра Уордля, отправятся туда, где назначено было состязание в ловкости, которое весь Магльтон пробудило от спячки, а Дингли-Дэл заразило лихорадочным возбуждением.

Так как пройти нужно было не больше двух миль по тенистым дорогам и лесным тропинкам, а темой для разговора служил восхитительный пейзаж, развертывавшийся по обеим сторонам, то м-р Пиквик, очутившись на главной улице города Магльтона, готов был пожалеть о том, что они так быстро шли.

Все, кто одарен топографическими склонностями, прекрасно знают, что Магльтон * — корпоративный город с мэром, гражданами, пользующимися избирательным правом, и фрименами *; и всякий, кто познакомится с обращениями мэра к гражданам, или граждан к мэру, или граждан и мэра к корпорации *, или всех трех к парламенту, узнает то, что давно следовало бы знать, а именно: Магльтон — древний и верноподданный парламентский город, сочетающий ревностную защиту христианских принципов с благочестивой преданностью торговым правам; в доказательство чего мэр, корпорация и прочие жители представили в разное время не меньше тысячи четырехсот двадцати петиций против торговли неграми за границей и ровно столько же петиций против какого бы то ни было вмешательства в фабричную * систему у себя, шестьдесят восемь — за продажу церковных бенефиций, и восемьдесят шесть — за запрещенье уличной торговли по воскресеньям.

М-р Пиквик стоял на главной улице этого знаменитого города и с большим интересом и любопытством созерцал развернувшуюся картину. Перед ним правильным четырехугольником расстилалась базарная площадь; в центре ее находилась большая гостиница с вывеской, на которой было изображено существо весьма обычное в искусстве, но редко встречающееся в природе, а именно: синий лев с тремя поднятыми кривыми лапами, балансировавший на острие среднего когтя четвертой лапы. Тут же поблизости была контора аукционера и страхования от огня, зерновая торговля, бельевой магазин, лавки винокура, шорника, магазины колониальных товаров и обуви — этот последний был приспособлен также для снабжения жителей шляпами мужскими и дамскими, одеждой, зонтиками из бумажной материи и полезными знаниями. Здесь же стоял и красный кирпичный дом с мощеным двориком впереди, явно принадлежавший атерни, и еще один красный кирпичный дом, с жалюзи и большой медной дощечкой на дверях, на которой весьма разборчиво было написано, что этот дом принадлежит лекарю. Несколько молодых людей направлялись к крикетному полю, а два-три лавочника, стоя у дверей своих лавок, имели такой вид, словно им хотелось отправиться туда же, что, впрочем, судя по всему, они могли бы сделать, не рискуя упустить значительное число покупателей. М-р Пиквик, приостановившийся, чтобы произвести эти наблюдения и в подходящее время занести их в свою записную книжку, поспешил догнать друзей, которые свернули с главной улицы и уже приближались к полю битвы.

Ворота были расставлены; были также раскинуты две-три палатки, где состязающиеся команды могли отдохнуть и освежиться. Матч еще не начался. Два-три дингли-дэлла и магльтона с величественным видом забавлялись, небрежно перебрасывая из руки в руку мяч; еще несколько джентльменов, одетых так же, как и первые — в соломенные шляпы, фланелевые куртки и белые штаны, — костюм, придававший им вид каменотесов-любителей, — были рассеяны вокруг палаток. Гости м-ра Уордла, под его предводительством, подошли к одной из палаток.

Десятками возгласов „Как поживаете?“ было встречено появление пожилого джентльмена; соломенные шляпы поднялись и фланелевые куртки склонились, когда он представил своих гостей как джентльменов из Лондона, страстно желающих присутствовать при состязании, которое — в чем он ни мало не сомневается — доставит им живейшее удовольствие.

— Я бы вам посоветовал, сэр, войти в палатку, — заметил один весьма дородный джентльмен, чье туловище было очень похоже на половину гигантского свертка фланели, покоящегося на двух заполненных воздухом наволочках.

— Вам будет гораздо удобнее здесь, сэр, — добавил второй дородный джентльмен, который сильно смахивал на другую половину вышеупомянутого свертка фланели.

— Вы очень любезны, — ответил м-р Пиквик.

— Пожалуйте сюда, — продолжал первый, — здесь подсчитывают очки, это лучшее местечко на всем поле.

И крикетист, пыхтя, повел их в палатку.

— Превосходная игра — славный спорт — прекрасные упражнения — весьма! — Эти слова поразили слух м-ра Пиквика, вошедшего в палатку, и первый объект, представившийся его взору, был облаченный в зеленый фрак спутник по рочестерской карете, разглагольствовавший к немалому удовольствию и назиданию избранного кружка лучших магльтопцев. В его костюме произошли некоторые изменения к лучшему, он надел сапоги, но не узнать его было нельзя.

Незнакомец мгновенно признал своих друзей; рванувшись вперед, он схватил м-ра Пиквика за руку и со свойственной ему порывистостью потащил его к стулу, болтая при этом так, словно все приготовления к игре производились под особым его покровительством и руководством.

— Сюда — сюда — превосходная затея — море пива — огромные бочки; горы мяса — целые туши; горчица — возами; чудесный денек — присаживайтесь — будьте, как дома — рад вас видеть — весьма!

М-р Пиквик сел, как было ему предложено, и м-р Уинкль с м-ром Снодграсом тоже подчинились настоящим таинственного друга. М-р Уордль молча смотрел и дивился.

— М-р Уордль — мой друг, — сказал м-р Пиквик.

— Ваш друг! — Дорогой сэр, как поживаете? — Друг моего друга — дайте мне вашу руку, сэр, — и незнакомец с жаром, приличествующим многолетней дружбе, схватил руку м-ра Уордля, затем отступил на шаг, как бы желая лучше разглядеть его лицо и фигуру, и снова пожал ему руку едва ли не с большим пылом, чем в первый раз.

— А как вы здесь очутились? — спросил м-р Пиквик с улыбкой, в которой благорасположение боролось с удивлением.

— Как? — ответил незнакомец. — Остановился в „Короне“ — „Корона“ * в Магльтоне — встретил компанию — — фланелевые куртки — — белые штаны — — сендвичи с анчоусами — — жареные почки с перцем — — превосходные ребята — — чудесно.

М-р Пиквик, в достаточной мере изучивший стенографическую систему незнакомца, понял из этих стремительных и бессвязных слов, что тот каким-то образом завязал знакомство с объединенными магльтонцами и благодаря особому умению превратил его в добрые товарищеские отношения, после чего добиться приглашения было уже легко. Удовлетворив свое любопытство и надев очки, м-р Пиквик приготовился наблюдать игру, которая только что началась.

Игру начинал объединенный Магльтон. Внимание напряглось, когда м-р Дамкинс и м-р Поддер, два прославленнейших члена этого отменнейшего клуба, прошествовали, с битой в руке, каждый к своим воротцам. М-р Лаффи — лучшее украшение Дингли-Дэла — был избран бросать шар против грозного Дамкинса, а м-ру Страгльсу поручили исполнять ту же приятную обязанность по отношению к доселе непобедимому Поддеру. Несколько игроков должны были „караулить“ в разных частях поля, и каждый принял соответствующую позу — опершись обеими руками о колени и наклонившись совершенно так, словно он подставлял спину неумелому любителю чехарды. Все настоящие игроки в крикет * принимают именно такую позу, и весьма распространено мнение, что при всякой другой позе немислимо караулить надлежащим образом.

Судьи поместились за воротцами; счетчики приготовились отмечать перебеги; наступила глубокая тишина. М-р Лаффи

отступил за воротца неподвижного Поддера и несколько секунд держал мяч у правого глаза. Дамкинс уверенно ждал полета мяча, не отрывая глаз от движений Лаффи.

— Илей! — внезапно крикнул боулер.

Мяч, вырвавшись из его руки, полетел прямо и быстро к средней спине ворот.

Зоркий Дамкинс был на-чеку, он припал на конет биты и метнул мяч через головы скаутов*, наклонившихся достаточно низко.

— Бегите, бегите... еще раз. Ну же, отбивайте, отбивайте... стойте — еще раз — нет — да — нет — отбивайте его, отбивайте! — Эти возгласы последовали за ударом, в результате которого объединенный Магльтон приобрел два очка. И Поддер не зевал, увенчивая лаврами себя и объединенный Магльтон. Он задерживал сомнительные мячи, пропускал плохие, принимал хорошие и заставлял их летать по всему полю. Фильдсмены изнемогали от жары и усталости; боулеры сменяли друг друга, боулируя до боли в руках; но Дамкинс и Поддер оставались непобедимыми. Если какой-нибудь пожилой джентльмен старался задержать мяч, этот последний проскакивал у него между ногами или проскальзывал сквозь пальцы. Если джентльмен худошавый пытался его поймать, мяч ударял его по носу и, весело отскочив, развивал еще большую скорость, а глаза худошавого джентльмена наполнялись слезами, и он корчился от боли. Когда мяч летел прямо к воротцам, Дамкинс его опережал. Словом, когда Дамкинс был пойман и Поддер был сбит, объединенный Магльтон насчитывал пятьдесят четыре очка, а достижения дингли-дэлцев были столь же бледны, как и их физиономии. Слишком неравны были шансы, чтобы надеяться на реванш. Тщетно неистовый Лаффи и восторженный Страгльс делали все, что подсказывали им опыт и мастерство, чтобы вернуть Дингли-Дэлу место, потерянное им в состязании. Ничто не помогло, и после непродолжительного сопротивления Дингли-Дэл сдался и признал превосходство объединенного Магльтона.

Тем временем незнакомец ел, пил и болтал без усталости. При каждом хорошем ударе он выражал игроку свое удовольствие

и одобрение самым снисходительным и покровительственным тоном, который не мог не польстить заинтересованной стороне; а при каждой неудачной попытке поймать или задержать мяч не скрывал своей досады, бросая по адресу злополучного субъекта такие слова: „Ах, ах!—глупо!“, „Дырявые руки“, „Растяпа“, „Хвастун“, и другие подобные же восклицания, которые, по-видимому, упрочили за ним в глазах всех присутствующих репутацию превосходнейшего и непогрешимого судьи, посвященного во все тайны и великое искусство благородной игры в крикет.

— Чудесная игра — — прекрасно проведена — — были великолепные удары, — говорил незнакомец по окончании игры, когда представители обеих сторон ввалились в палатку.

— А вы играли в крикет, сэр? — осведомился м-р Уордль, которого очень забавляла его болтливость.

— Играл? Ну, еще бы — — сотни раз — — не здесь — — в Вест-Индии — — увлекательная игра — — возбуждающая — — весьма.

— Должно быть, жарко играть в таком климате? — заметил м-р Пиквик.

— Жарко? — — как в пекле — — накалено — — жжет. Играл однажды матч — — бессменно у ворот — — с другом полковником — — сэр Томас Блезо — — кто сделает больше перебегов. — — Бросили жребий — — мне начинать — — семь часов утра — — шесть туземцев караульщиками — — начал — — держусь — — жара убийственная — — туземцы падают в обморок — — пришлось унести — — вызвали полдюжины новых — — и эти в обмороке — — Блезо боулирует — — его поддерживают два туземца — — не может выбить меня — — тоже в обморок — — снял полковника — — не хотел сдаваться — — верный слуга — — Квенко Семба — — остается последний — — солнце припекает — — бита в пузырях — — мяч почернел — — пятьсот семьдесят перебегов — — начинаю тизмогать — — Квенко напрягает последние силы — — выбивает меня — — принимаю ванну, и иду обедать.

— А что случилось с этим... как его? — осведомился м-р Уордль.

— Блезо?

— Нет, с другим джентльменом.

— Квенко Семба?

— Да, сэр.

— Бедняга Квенко — так и не оправился — меня выбил — себя убил — умер, сэр!

Тут незнакомец уткнулся носом в коричневую кружку; хотел он скрыть свое волнение или отведать ее содержимое — мы судить не беремся. Знаем только, что он вдруг оторвался от кружки, вздохнул протяжно и глубоко и с тревогой поднял голову, когда два главнейших члена Дингли-дэлского клуба приблизились к м-ру Пиквику и сказали:

— Сэр, мы собираемся устроить скромный обед в „Синем Льве“ *; надеемся, что вы с вашими друзьями присоединитесь к нам.

— Конечно, — сказал м-р Уордль, — в число наших друзей мы включим и м-ра... — и он повернулся к незнакомцу.

— Джингль, — сообщил этот расторопный джентльмен, тотчас же поняв намек. — Джингль — Альфред Джингль, эскуайр, из поместья Пустого.

— Я буду очень рад, — сказал м-р Пиквик.

— Я тоже, — объявил м-р Альфред Джингль, одной рукой беря под руку м-ра Пиквика, а другой — м-ра Уордля, и конфиденциально нашептывая на ухо первому джентльмену:

— Чертовски хороший обед — холодный, но превосходный — утром заглянул в зал — птица и паштеты, и всякая всячина — чудесные ребята — вдобавок хороший тон — воспитаны — весьма!

Когда все предварительные условности были соблюдены, вся компания, разбившись на маленькие группы по два-три человека, отправилась в город, и не прошло и четверти часа, как все уже сидели в большой зале магльтонской гостиницы „Синий Лев“. Председательствовал м-р Дамкинс, а м-р Лаффи исполнял обязанности его заместителя.

Зал наполнился громким говором и грохотом ножей, вилок и тарелок, металась три бестолковых лакея, и быстро исчезали сытные яства; во всем, что так или иначе способствовало суматохе, м-р Джингль принимал участие, с успехом заменяя по крайней мере полдюжины простых смертных. Когда каждый

B. M. & C. Co. Ltd.

съел столько, сколько мог вместить, скатерть была снята, и на столе появились стаканы, бутылки и десерт; лакеи удалились, чтобы „привести все в порядок“,—иными словами, воспользоваться в собственных своих интересах остатками яств и напитков, какими им удалось завладеть.

Среди последовавшего за сим общего говора и смеха в полном молчании пребывал лишь один маленький человек с одутловатой физиономией, которая явно предупреждала: „не говорите мне ничего или я буду вам возражать“; когда разговор стихал, он осматривался по сторонам, словно готовясь произнести нечто весьма значительное, и время от времени покашливал отрывисто и с невыразимым величием. Наконец в момент некоторого относительного затишья маленький человек произнес очень громко и торжественно:

— М-р Лаффи!

Все и каждый погрузились в глубокое молчание, когда названный джентльмен откликнулся:

— Сэр!

— Я хочу обратиться к вам с несколькими словами, сэр, если вы предложите джентльменам наполнить стаканы.

М-р Джингль произнес покровительственное „слушайте, слушайте“, на что откликнулись все присутствующие, и когда стаканы были наполнены, товарищ председателя, имея вид глубокомысленный и сосредоточенный, произнес:

— М-р Степль.

— Сэр,—сказал, вставая, маленький человек,—с тем, что я имею сказать, я хочу обратиться к вам, а не к нашему достойному председателю, ибо наш достойный председатель является в некоторой мере — я бы мог сказать: в значительной мере — объектом того, что я намерен сказать, или — если можно так сказать — что я намерен...

— Изложить, — подсказал м-р Джингль.

— Вот именно, изложить, — сказал маленький человек. — Очень благодарен моему почтенному другу, если он разрешит мне называть его этим именем (четыре „слушайте“ и одно „конечно“ — из уст м-ра Джингля). Сэр, я — дэлед, дингли-дэлед. (Одобрительные возгласы.) Я не могу претендовать на

честь почитаться жителем Магльтона и признаюсь откровенно, сэр, я не домогаюсь этой чести, и я вам объясню, сэр, почему („слушайте!“): за объединенным Магльтоном я охотно признаю все те почести и отличия, на которые он вправе претендовать — они слишком многочисленны и слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в перечислении. Но, сэр, не забывая о том, что объединенный Магльтон породил Дамкинса и Поддера, будем помнить всегда, что Дингли-Дэл может похвалиться Лаффи и Страгльсом. (Овадии.) Пусть не подумают, будто я хочу умалить достоинства двух первых джентльменов. Сэр, я завидую чувствам, бушевающим их по случаю сегодняшнего события. (Одобрение.) Вероятно, каждый слушающий меня джентльмен знает, какой ответ дал некий оригинал, который — употребляя заурядный образ — ютился в бочке, императору Александру: „Не будь я Диогеном, — сказал он, — я бы хотел быть Александром“. И я нахожу, что эти джентльмены могут сказать: „Не будь я Дамкинсом, я бы хотел быть Лаффи; не будь я Поддером, я бы хотел быть Страгльсом“. (Энтузиазм.) Но, джентльмены Магльтона, в одном ли только крикете проявляют свое превосходство ваши сограждане? Разве не приходилось вам слышать о Дамкинсе, как об олицетворении твердости характера? Разве вы не привыкли связывать имя Поддера с защитой прав собственности? (Громкие аплодисменты.) Ведя борьбу за свои права, свободу и привилегии, разве не предавались вы, хотя бы на секунду, опасениям и отчаянию? И когда пребывали вы в этом унынии, разве не имя Дамкинса вновь раздувало в вашей груди пламя, готовое угаснуть, и разве не достаточно было одного слова из уст этого человека, чтобы вновь запылало яркое пламя, словно никогда оно не угасало? (Бурные овадии.) Джентльмены, два имени — Дамкинс и Поддер — я предлагаю окружить сияющим ореолом восторженных рукоплесканий.

Тут маленький человечек умолк, и все присутствующие начали кричать и стучать по столу, каковому занятию предавались с небольшими перерывами весь остаток вечера. Тосты следовали за тостами. М-р Лаффи и м-р Страгльс, м-р Пиквик и м-р Джингль — все по очереди служили объектами неумерен-

ных похвал, и каждый установленным порядком отвечал благодарностью за честь, которой удостоился.

Преисполненные энтузиазма к благородному делу, которому мы себя посвятили, мы почувствовали бы невыразимую гордость и уверенность в том, что нами совершенно нечто, обеспечивающее нам бессмертие — коего в настоящее время мы лишены, — имей мы возможность предложить нашим ревностным читателям хотя бы самый поверхностный отчет об этих речах. М-р Снодграс сделал по обыкновению великое множество записей, которые несомненно доставили бы весьма полезные и ценные сведения, но от пламенного ли красноречия или от возбуждающего действия вина, рука сего джентльмена была до такой степени нетверда, что почерк его едва можно разобрать, а стиль и вовсе невразумителен. Благодаря терпеливому исследованию нам удалось прочесть некоторые слова, имеющие слабое сходство с именами ораторов, и мы можем также различить запись какой-то песни (каковую цел, должно быть, м-р Джингль), где часто и с небольшими интервалами повторяются слова: „чаша“, „искрится“, „рубин“, „веселый“ и „вино“. Кажется нам, в самом конце заметок мы встречаем какой-то туманный намек на „печеные кости“, а затем мелькают слова: „холодный“ и „на дворе“; но поскольку все гипотезы, какие мы могли бы создать, исходя из этих данных, будут неизбежно основаны на догадке, мы не склонны предаваться умозрениям, поводом к коим могут послужить эти данные.

Вот почему мы возвращаемся к м-ру Тапмену; добавим только, что за несколько минут до полуночи слышно было, как собрание знаменитостей Дингли-Дэла и Магльтона распевало с большим чувством и воодушевлением прекрасную и трогательную национальную песню:

Не разойдемся до утра,
Не разойдемся до утра,
Не разойдемся до утра,
Пока заря не вспыхнет!

ГЛАВА VIII

*ярко иллюстрирующая мысль, что путь * истинной
любви не гладкий рельсовый путь*

Мирное уединение Дингли-Дэла, присутствие стольких представительниц прекрасного пола, заботы и беспокойство, ими проявляемое, — все это благоприятствовало росту и развитию тех нежных чувств, какие природа заложила в груди м-ра Треси Тапмена и каковым, повидимому, суждено было ныне сосредоточиться на одном милом объекте. Юные леди были миловидны, приветливы, характер не оставлял желать лучшего, но в этом возрасте они отнюдь не могли претендовать на то достоинство в манере держать себя, на то „не тронь меня“ в осанке, на то величие во взоре девствующей тетушки, которые отличали ее от всех женщин, когда-либо виденных м-ром Тапменом. Ясно, что было что-то родственное, какое-то сродство душ в их натуре, что-то таинственно созвучное в их сердцах. Ее имя было первым словом, сорвавшимся с уст м-ра Тапмена, когда он, раненый, лежал на траве; и ее истерический смех был первым звуком, коснувшимся его ушей, когда его привели домой. Но пронесло ли ее волнение из милой и женственной чувствительности, неугасимой ни при

каких обстоятельствах, или было оно порождено более пылким и страстным чувством, которое мог пробудить только он, единственный из всех смертных? Эти сомнения терзали его мозг, когда он лежал простертый на софе; эти сомнения он намерен был разрешить немедленно и раз навсегда.

Был вечер. Изабела и Эмили вышли погулять с м-ром Трандлем; старая глухая леди заснула в своем кресле; из отдаленной кухни доносилось тихо и монотонно храпенье жирного парня; шустрые служанки вертелись у кухонной двери, наслаждаясь приятным вечером и радостями флирта, проводимого по всем правилам с какими-то неуклюжими существами, состоявшими при ферме; а интересная пара сидела всеми забытая, всех забывшая, мечтая лишь друг о друге; короче говоря, они сидели, напоминая пару заботливо сложенных лайковых перчаток, — прильнув друг к другу.

— Я позабыла о моих цветах, — сказала девствующая тетушка.

— Полейте их сейчас, — уговаривал м-р Тапмен.

— Вы простудитесь, уже вечер, — нежно возразила девствующая тетушка.

— Нет, нет, — сказал м-р Тапмен, поднимаясь с места. — Мне это пойдет на пользу. Разрешите вас сопровождать.

Леди поправила повязку, которая поддерживала левую руку юного кавалера, приняла предложенную ей правую руку и повела его в сад.

В дальнем углу сада находилась беседка, заросшая жимолостью, жасмином и вьющимися растениями, — одно из тех приятных убежищ, которые возводятся гуманными людьми для удобства пауков.

Девствующая тетушка взяла висявшую в углу большую лейку и хотела выйти из беседки. М-р Тапмен удержал ее и усадил на скамье рядом с собою.

— Мисс Уордль! — сказал он.

Девствующая тетушка затреникала, а камешки, случайно попавшие в большую лейку, затарахтели, как детская погремушка.

— Мисс Уордль, — сказал м-р Тапмен, — вы — ангел!

— М-р Тапмен! — воскликнула Рейчел и сделалась такой же красной, как лейка.

— Да, — сказал красноречивый пиквикист, — мне это слишком хорошо известно.

— Говорят, все женщины — ангелы, — игриво прошептала леди.

— Кто же, в таком случае, вы? И с кем могу я вас сравнить? — возразил м-р Тапмен. — Встречал ли кто-нибудь женщину, похожую на вас? Где еще мог бы я найти столь редкое соединение прекрасных качеств и красоты? Где мог бы я искать... О! — Тут м-р Тапмен умолк и пожал руку, державшую ручку счастливой лейки.

Леди отвернулась.

— Мужчины такие обманщики, — чуть слышно прошептала она.

— Верно! — подхватил м-р Тапмен, — но не все. На свете есть, по крайней мере, одно существо, которое никогда не изменится, одно существо, которое радо было бы посвятить всю свою жизнь вашему счастью, которое живет только вашими глазами, дышит только вашей улыбкой, несет тяжкое бремя жизни только ради вас.

— Если бы можно было найти такого человека... — начала леди.

— Но найти его можно, — перебил пылкий м-р Тапмен. — Он уже найден. Мисс Уордль, он здесь. — И не успела девствующая тетушка угадать его намерение, как м-р Тапмен упал на колени к ее ногам.

— М-р Тапмен, встаньте! — воскликнула Рейчел.

— Никогда! — последовал доблестный ответ. — О Рейчел! — Он схватил ее податливую руку и прижал к губам; лейка упала на землю. — О Рейчел, скажите, что любите меня!

— М-р Тапмен, — отвернувшись, прошептала девствующая тетушка, — я едва могу выговорить эти слова, но... но... я не совсем равнодушна к вам.

Едва услышав это признание, м-р Тапмен приступил к совершению того, на что его толкало восторженное чувство и что, насколько нам известно (ибо мы мало осведомлены в та-

кого рода вещах), всегда делают люди при данных обстоятельствах. Он вскочил и, обвив рукой шею девствующей тетки, запечатлел на ее устах множество поцелуев, каковые она, после требуемых приличием борьбы и сопротивления, принимала так спокойно, что нельзя предугадать, сколько бы еще мог запечатлеть их м-р Тапмен, если бы леди весьма непритворно не вздрогнула и не воскликнула испуганным голосом:

— М-р Тапмен, за нами следят! Мы открыты!

М-р Тапмен оглянулся. Перед ними не шевелясь стоял жирный парень и, выпучив большие круглые глаза, смотрел в беседку, но на его лице не отражалось и тени того, что самый опытный физиономист мог бы назвать изумлением, любопытством или каким-либо другим чувством, волнующим человеческое сердце. М-р Тапмен смотрел на жирного парня, а жирный парень уставился на него, и чем дольше созерцал м-р Тапмен безучастную физиономию жирного парня, тем тверже убеждался, что тот либо ничего не видел, либо не понял того, что происходило.

Находясь под этим впечатлением, он весьма решительно спросил:

— Что вам понадобилось здесь, сэр?

— Ужин готов, сэр, — немедленно последовал ответ.

— Вы только что сюда явились, сэр? — осведомился м-р Тапмен, пронизывая его взглядом.

— Только что, — ответил жирный парень.

М-р Тапмен еще раз посмотрел на него очень пристально, но тот и глазом не моргнул, ни один мускул на его лице не дрогнул.

М-р Тапмен взял под-руку девствующую тетушку и направился к дому; жирный парень следовал за ними.

— Он ничего не заметил, — шепнул м-р Тапмен.

— Ничего, — отозвалась девствующая тетушка.

Сзади раздался какой-то звук, напоминающий приглушенное хихиканье. М-р Тапмен быстро оглянулся. Нет, это не мог быть жирный парень, на его физиономии не было и признака веселья, да и вообще весь его облик ничего кроме упитанности не обнаруживал.

— Должно быть, он крепко спал, — прошептал м-р Тапмен.

— Я в этом ни мало не сомневаюсь, — ответила девствующая тетушка.

Оба весело засмеялись.

М-р Тапмен ошибся. Жирный парень на этот раз не спал. Он бодрствовал — бодрствовал в полной мере — и заметил все, что происходило.

За ужином никто не пробовал завязать общую беседу. Старая леди ушла спать, Изабела Уордль всецело посвятила себя м-ру Трандлю, внимание девствующей тетушки было сосредоточено на м-ре Тапмене; а мысли Эмили, казалось, заняты были каким-то далеким предметом — быть может, они не покидали отсутствующего м-ра Снодграса.

Пробило одиннадцать часов, двенадцать, час, а джентльмены не возвращались. На всех лицах появилось выражение тревоги. Что, если их подстерegli и ограбили? Не послать ли людей с фонарями по всем дорогам, какими они могли возвращаться домой? Или, быть может, они... Вот они! Почему они так запоздали? Чужой голос к тому же! Кто это может быть? Все бросились в кухню, куда ввалились гуляки, и подлинное положение дел немедленно выяснилось.

М-р Пиквик, засунув руки в карманы и сдвинув шляпу на левый глаз, стоял, прислонившись к буфету, покачивал из стороны в сторону головой и непрерывно расточал самые ласковые и благосклонные улыбки без всякой видимой причины или повода; старый м-р Уордль с пылающим лицом пожимал руку незнакомому джентльмену, бормоча заверения в вечной дружбе; м-р Уинкль, прислонившись к футляру часов с недельным заводом, слабым голосом призывал кару на голову любого члена семьи, который намекнет на то, что ему не худо бы лечь спать, а м-р Снодграс опустился на стул, и каждая черта его выразительного лица выдавала самую глубокую и безнадежную горечь, какую только может вообразить человеческий ум.

— Что случилось? — осведомились три леди.

— Ничего не случилось, — ответил м-р Пиквик. Мы... мы... в порядке. Слышите, Уордль, мы в порядке, да?

— Ну, еще бы, — отозвался веселый хозяин. — Дорогие мои, вот мой друг м-р Джингль... друг м-ра Пиквика, м-р Джингль, случайная встреча... маленький визит.

— Сэр, с м-ром Снодграсом что-то случилось? — тревожно осведомилась Эмили.

— Ничего не случилось, сударыня, — ответил незнакомец. — Обед у крикетистов — чудесная компания — превосходные песни — старый портвейн — клерет * — хорошо — весьма хорошо, — вино, сударыня, — вино.

— Вовсе не вино, — прерывающимся голосом пробормотал м-р Снодграс, — это семга. (Почему-то в таких случаях вино никогда не виновато.)

— Не лучше ли им лечь в постель, сударыня? — спросила Эмма. — Двое слуг отведут джентльменов наверх.

— Я спать не лягу, — твердо сказал м-р Уинкль.

— Ни один живой человек меня не поведет, — решительно заявил м-р Пиквик все с тою же улыбкой.

— Ура! — слабо выкрикнул м-р Уинкль.

— Ура! — отозвался м-р Пиквик и, сняв шляпу, бросил на пол, а затем в безумии своем швырнул очки на середину кухни. После такой остроумной выходки он от души расхохотался.

— Разопьем... еще... бутылочку... — провозгласил м-р Уинкль, начав очень громко, а кончив чуть слышно. Голова его попикла на труд, и, бормоча свое непреложное решение не ложиться спать, а также кровожадно сожалея о том, что утром не „покончил со старым Тапменом“, он погрузился в сон и в таком состоянии был доставлен в свою комнату двумя молодыми великанами, действовавшими под личным надзором жирного парня, чьим заботам вслед за сим доверил и м-р Снодграс свою особу.

М-р Пиквик принял предложенную ему м-ром Тапменом руку и мирно удалился, улыбаясь благодущнее, чем когда бы то ни было; а м-р Уордль, трогательно распрошавшись со всей семьей, словно ему предстояло немедленно идти на казнь, удостоил м-ра Трандля чести проводить его наверх и вышел, тщетно пытаясь сохранить вид внушительный и торжественный.

— Какая неприличная сцена! — сказала девствующая тетушка.

— Отвратительная! — воскликнули обе юные леди.

— Ужасно — — ужасно! — подхватил с глубокомысленной миной м-р Джингль; своих товарищей он опередил примерно на полторы бутылки. — Тяжелое зрелище — — весьма!

— Какой любезный мужчина! — шепнула м-ру Тапмену девствующая тетушка.

— И недурен собой! — добавила Эмили Уордль.

— О, несомненно! — заметила девствующая тетушка.

М-р Тапмен вспомнил рочестерскую вдову, и его душою овладела тревога. Последовавший затем получасовой разговор отнюдь не мог успокоить его смятенный дух. Новый гость оказался весьма разговорчивым, и рассказал почти столько же анекдотов, сколько отпустил комплиментов. М-р Тапмен чувствовал — по мере того как растет популярность Джингля, он (Тапмен) все дальше отступает в тень. Смех его звучал принужденно, веселость была притворной; и когда наконец пылающая его голова опустилась на подушку, он испытал злорадное наслаждение, подумав о том, как приятно было бы зажать в этот момент голову Джингля между периной и матрасом.

На следующее утро неугомонный незнакомец встал рано, и в то время как его спутники, обессиленные ночным дебошем, еще покоились в постели, он весьма успешно старался поддерживать за завтраком веселое настроение. Его попытка оказалась столь удачной, что даже старая глухая леди потребовала, чтобы две-три лучших его остроумия были ей сообщены в слуховой рожок, и снисходительно заметила девствующей тетушке, что „он (имея в виду Джингля) — сущий сорванец“. Это мнение целиком разделяли все присутствовавшие члены ее семьи.

Ясным летним утром старая леди имела обыкновение удаляться в беседку, в которой отличился м-р Тапмен; ее прогулка совершалась следующим образом: прежде всего жирный парень снимал с гвоздя за дверью, ведущей в спальню старой леди, плотный черный атласный чепец, теплый бумажный платок и толстую палку с объемистой ручкой; затем старая леди неспеша надевала чепец и платок, опиралась одной рукой на

палку, а другой — на плечо жирного парня, и медленно шла в беседку, где жирный парень предоставлял ей наслаждаться в уединении свежим воздухом в течение получаса, а по прошествии этого срока возвращался и вел ее домой.

Старая леди была очень аккуратна и очень пунктуальна, и так как эта церемония, вот уже три года, повторялась каждое лето без малейшего отклонения от установленной формы, то она немало удивилась, заметив в это исключительное утро, что жирный парень, вместо того, чтобы покинуть беседку, отошел на несколько шагов, внимательно осмотрелся по сторонам и приблизился к ней с величайшими предосторожностями и с видом крайне таинственным.

Старая леди была пуглива — как и большинство старых леди, — и в первую минуту у нее мелькнула мысль, что разбуженный парень хочет нанести ей какое-нибудь тяжелое повреждение в надежде завладеть ее наличными деньгами. Она готова была крикнуть, позвать на помощь, но старость и недуги давно уже лишили ее возможности кричать, поэтому за каждым его движением она следила с глубоким ужасом, который отнюдь не уменьшился, когда он подошел к ней вплотную и заорал в ухо взволнованным и, как почудилось ей, угрожающим голосом:

— Хозяйка!

Случилось так, что в этот самый момент м-р Джингль прогуливался по саду неподалеку от беседки. Он услышал возглас: „Хозяйка“, и остановился, чтобы послушать, что будет дальше. У него было три основания поступить так. Во-первых, он был любопытен, а делать ему было нечего, во-вторых, он не отличался шепетильностью, и, в-третьих (и последних), его заслоняли цветущие кусты. Итак, он стоял и слушал.

— Хозяйка! — орал жирный парень.

— В чем дело, Джо? — сказала дрожащая старая леди. — Право же, Джо, для вас я была хорошей хозяйкой. Кроме добра вы ничего от меня не видели. Вас никогда не заставляли слишком много работать, и всегда вы ели досыта.

Этот последний довод затронул самую чувствительную струну в сердце жирного парня. Казалось, он был растроган и с чувством сказал:

— Да, это я знаю.

— Ну, так что же вы от меня хотите? — приободрившись, спросила старая леди.

— Я хочу, чтобы у вас мурашки по спине забегали, — ответил жирный парень.

Такая манера проявлять благодарность казалась весьма кровожадной, а так как старая леди в точности не знала, каким путем можно добиться подобного результата, то ее опасения вернулись.

— Как вы думаете, что я видел вчера вечером в этой самой беседке? — осведомился парень.

— Господи помилуй! Что же вы видели? — воскликнула старая леди, встревоженная торжественным тоном дорожного юноши.

— Чужой джентльмен — тот, у которого рука повреждена, — целовал и обнимал...

— Кого, Джо? Надеюсь, не служанку?

— Хуже! — заорал жирный парень в ухо старой леди.

— Неужели одну из моих внучек?

— Хуже!

— Неужели еще хуже, Джо? — спросила старая леди, считая, что она дошла до крайнего предела человеческой лютости. — Кто же это был, Джо? Я должна знать.

Жирный парень опасливо огляделся и, закончив свой обзор, прокричал в ухо старой леди:

— Мисс Рейчел!

— Что? — взвизгнула старая леди. — Говорите громче!

— Мисс Рейчел! — заревел жирный парень.

— Моя дочь?

В подтверждение своих слов парень несколько раз кивнул, и его жирные щеки затрепетали, как бланманже.

— И она это допустила! — воскликнула старая леди.

Жирный парень, ухмыляясь, прокричал:

— Я видел, как она сама его целовала.

Если бы м-р Джингль из своего укромного уголка увидел, с какой физиономией выслушала это сообщение старая леди, весьма возможно, что неудержимый взрыв хохота выдал бы

его пребывание в непосредственной близости к беседке. Он внимательно слушал. До него долетали отрывки гневных фраз, вроде: „Без моего разрешения!“, „В ее годы!“, „Несчастная я старуха!“, „Могла бы подождать моей смерти“, а затем он услышал, как заскрипели по песку башмаки жирного парня, когда тот удалялся, оставив старую леди в одиночестве.

Быть может, такое совпадение покажется поразительным, но факт остается фактом: прошлой ночью, через пять минут после прибытия в Менор-Фарм, м-р Джингль решил не мешкая повести осаду сердца девствующей тетушки. У него хватило наблюдательности заметить, что его развязные манеры отнюдь не были неприятны прекрасному объекту задуманной атаки, и он не без основания подозревал, что леди обладает совершенством наиболее желанным — маленьким независимым состоянием. Он мгновенно уловил настоятельную необходимость тем или иным способом вытеснить соперника и решил приступить безотлагательно к действиям, направленным для достижения этой цели. Фильдинг * говорит, что мужчина — огонь, а женщина — пучок пеньки, и князь тьмы их соединяет. М-р Джингль знал, что для девствующих теток молодые люди то же, что для пороха — зажженный газ, и решил, не теряя времени, произвести взрыв.

Обдумывая это важное решение, он выбрался из засады и под прикрытием вышеупомянутых кустов приблизился к дому. Фортуна, казалось, намерена была покровительствовать его замыслу. Издали он увидел, что м-р Тапмен вместе с другими джентльменами вышел из сада через боковую калитку, а юные леди, как было ему известно, ушли из дому вскоре после завтрака. Никто не помешает.

Дверь в гостиную была полуоткрыта. Он заглянул. Девствующая тетушка занималась вязанием. Он кашлянул; она подняла взор и улыбнулась. Перешительность была не свойственна характеру м-ра Альфреда Джингля. Он таинственно приложил палец к губам, вошел и закрыл дверь.

— Мисс Уордль, — с деланой серьезностью начал м-р Джингль, — простите вторжение — краткое знакомство — нет времени для церемоний — все открыто.

— Сэр! — воскликнула девствующая тетушка, изумленная этим неожиданным появлением и несколько опасаясь насчет состояния умственных способностей м-ра Джингля.

— Тите! — театральным шопотом произнес м-р Джингль, — здоровенный парень — — лицо, как булка — — глаза круглые — — каналья!

Тут он выразительно покачал головой, а девствующая тетка затрепетала от волнения.

— Вы, кажется, намекаете на Джозефа, сэр? — спросила она, стараясь сохранить невозмутимый вид.

— Да, сударыня, — — чорт бы побрал этого Джо! — — предательская собака Джо — — рассказал старой леди — — старая леди в бешенстве — — диком — — в неистовстве — — вне себя — — беседа — — Тапмен — — поцелуй и объятия — — и всякое такое — — э, сударыня, — — э?

— М-р Джингль, — сказала девствующая тетушка, — если вы, сэр, явились сюда для того, чтобы меня оскорблять...

— Отнюдь — — ни мало, — возразил наглый м-р Джингль, — случайно подслушал — — пришел предупредить об опасности — — предложить услуги — — предотвратить скандал. Все равно — — считайте оскорблением — — ухожу, — и он повернулся, словно собираясь привести угрозу в исполнение.

— Что же мне делать? — заливаясь слезами, воскликнула старая дева. — Брат придет в бешенство.

— Несомненно, — приостановившись, сказал м-р Джингль, — в неистовство...

— О, м-р Джингль, что мне сказать? — воскликнула девствующая тетушка, вторично отдавшись приступу отчаяния.

— Скажите, что это ему приснилось, — спокойно ответил м-р Джингль.

Луч утешения проник в душу девствующей тетушки, когда она услышала этот совет.

М-р Джингль заметил это и воспользовался благоприятным моментом.

— Вздор! — — легче легкого — — шелупай мальчишка — — очаровательная женщина — — толстого мальчишку высекут — — вам поверят — — конец делу — — все уладилось.

Возможность ли избежать последствий неудобного разоблачения восхитила девствующую тетушку, или страдания потеряли свою остроту, когда ее называли „очаровательной женщиной“, — этого мы не знаем. Она слегка покраснела и бросила благодарный взгляд на м-ра Джингля.

Этот пронырливый джентльмен глубоко вздохнул, минуты две не спускал глаз с лица девствующей тетушки, мелодраматически вздрогнул и вдруг отвел взгляд.

— Вы, кажется, страдаете, м-р Джингль, — жалобным тоном сказала леди. — Позвольте мне, в благодарность за ваше великодушное вмешательство, осведомиться о причине этих страданий и попытаться их облегчить.

— Ха! — воскликнул м-р Джингль, снова вздрогнув. — Облегчить! Облегчить мои страдания, когда ваша любовь отдана человеку, который не ценит этого блаженства — — который даже сейчас строит свои планы на чувствах племянницы того создания, которое... но нет; он мой друг, я не буду разоблачать его пороки. Мисс Уордль — — прощайте!

Закончив эту речь, самую связную из когда-либо им произнесенных, м-р Джингль приложил к глазам остатки носового платка, о котором мы уже упоминали, и повернулся к двери.

— Оставайтесь, м-р Джингль! — энергически потребовала девствующая тетушка. — Вы намекнули на м-ра Тапмена, объяснитесь!

— Никогда! — воскликнул м-р Джингль профессиональным (т. е. театральным) тоном. — Никогда!

И как бы в доказательство того, что он не желает подвергаться допросу, м-р Джингль придвинул стул вплотную к стулу девствующей тетушки и уселся.

— М-р Джингль, — сказала тетушка, — я вас умоляю, заклинаю, если есть какая-то страшная тайна, имеющая отношение к м-ру Тапмену, откройте ее.

— Могу ли я, — начал м-р Джингль, устремив взгляд на тетушку, — могу ли я видеть — — прелестное создание приписанное в жертву — — чудовищной жадности!

В течение нескольких секунд он, казалось, боролся с противоречивыми эмоциями, а затем глухо произнес:

— Тапмен добывается только ваших денег.

— Негодяй! — энергически вознегодовала девствующая тетушка.

(Сомнения м-ра Джингля разрешились: деньги у нее были.)

— Мало того, — продолжал Джингль, — он любит другую.

— Другую! — возопила старая дева. — Кого?

— Маленькую девушку — — черные глазки — — вашу племянницу Эмили.

Наступило молчание.

Если существовала на свете особа, которая могла вызвать у девствующей тетушки чувство ревности смертельной и неискоренимой, то такой особой была эта самая племянница. Румянец залил лицо и шею девствующей тетушки, молча и с невыразимым презрением она тряхнула головой. Потом, закусив тонкие губы и задрав нос, сказала:

— Этого быть не может. Я не поверю.

— Наблюдайте за ними, — предложил Джингль.

— Буду наблюдать, — ответила тетушка.

— Следите за его взглядами.

— Буду следить.

— За его нашептыванием.

— Буду.

— За обедом он сидит рядом с ней.

— Пусть.

— Будет говорить ей комплименты.

— Пусть.

— Будет за ней ухаживать.

— Пусть.

— И бросит вас.

— Бросит меня! — взвизгнула девствующая тетушка. — Он бросит меня! — и она затряслась от злости и разочарования.

— И тогда вы убедитесь? — спросил Джингль.

— Да.

— И будете стойки?

— Да.

— И после этого не примиритесь с ним?

- Никогда.
- Изберете кого-нибудь другого?
- Да.
- Изберете?

М-р Джингль упал на колени и в этой позе оставался в течение пяти минут; встал он признанным возлюбленным девствующей тетушки — при условии, что вероломство м-ра Тапмена будет обнаружено и доказано.

На м-ре Альфреде Джингле лежало бремя доказательств, и он собрал улики в тот же день за обедом. Девствующая тетушка едва могла поверить своим глазам: м-р Треси Тапмен уселся рядом с Эмили, делал глазки, нашептывал и улыбался, соперничая с м-ром Снодграсом. Ни словом, ни взглядом, ни кивком не подарил он ту, которая накануне вечером была владычицей его сердца.

„Чорт бы побрал этого парня! — думал старый м-р Уордль, который узнал обо всем от матери. — Чорт бы побрал этого парня! Ну, конечно, он спал. Все это одна фантазия“.

„Предатель! — думала девствующая тетушка. — Милый м-р Джингль меня не обманывал. Ух, как я ненавижу этого злодея!“

Нижеследующий разговор объяснит нашим читателям эту, казалось бы, непостижимую перемену в поведении м-ра Треси Тапмена.

Время — вечер; место действия — сад. По боковой дорожке прогуливались двое: один — невысокий и толстый, другой — рослый и тощий. Это были м-р Тапмен и м-р Джингль. Разговор начал толстый.

— Как я держал себя? — осведомился он.

— Блистательно — — замечательно — — мне самому лучше не сыграть — — завтра вы должны повторить ту же роль — — каждый вечер, впредь до нового распоряжения.

— Рейчел все еще на этом настаивает?

— Конечно — — ей это неприятно — ничего не поделаешь — — нужно рассеять подозрения — — боится брата — — говорит, другого выхода нет — — еще несколько дней — — когда старики успокоятся — — подарит вам блаженство.

— Она ничего не просила мне передать?

— Любовь — горячую любовь — нежнейшие приветы — и самую неизменную привязанность. Может быть, я от вас могу что-нибудь передать?

— Дорогой друг, — ответил ничего не ведавший м-р Тапмен, с жаром пожимая руку „другу“, — передайте пламенную мою любовь, объясните, как трудно мне притворяться, передайте наилучшие пожелания. Но не забудьте добавить, что я понимаю необходимость последовать совету, который она сегодня утром передала мне через вас. Скажите, что я преклоняюсь перед ее благоразумием и восхищаюсь ее осторожностью.

— Передам. Еще что-нибудь?

— Больше ничего. Добавьте только, что я страстно жду того мгновения, когда назову ее своей и когда исчезнет необходимость притворяться.

— Конечно, конечно. Еще что?

— О друг мой! — воскликнул бедный м-р Тапмен, снова пожимая руку приятелю. — Примите искреннейшую мою благодарность за вашу бескорыстную доброту, и простите меня, если я когда-нибудь хотя бы мысленно оскорбил вас подозрением, будто вы можете встать мне поперек дороги. Дорогой мой друг, удастся ли мне когда-нибудь вас отблагодарить?

— Не стоит об этом говорить, — отозвался м-р Джингль. Но вдруг запнулся, словно о чем-то вспомнил, и добавил: — Кстати — не можете ли одолжить мне десять фунтов, а? — совершенно исключительный случай, верну через три дня.

— Думаю, что могу, — с готовностью ответил м-р Тапмен. — На три дня, говорите вы?

— Только на три дня — тогда все уладится — никаких затруднений.

М-р Тапмен отсчитал приятелю деньги, а тот опустил их монета за монетою в карман, после чего они направились к дому.

— Будьте осторожны, — сказал м-р Джингль. — Ни единого взгляда.

— Ни единого знака, — сказал м-р Тапмен.

— Ни слова.

— Ни звука.

— Все ваше внимание племяннице — — с теткой скорее грубоваты — — единственный способ обмануть стариков.

— Постараюсь, — вслух сказал м-р Тапмен.

„Я тоже постараюсь“, — мысленно сказал м-р Джингль, и оба вошли в дом.

Сцена, разыгранная за обедом, повторилась и вечером, а также в течение следующих трех дней и вечеров. На четвертый день хозяин был в восторге, ибо убедился в том, что обвинение против м-ра Тапмена ни на чем не основано. В восторге был м-р Тапмен, ибо м-р Джингль сообщил ему, что решительный момент приближается. В восторге был м-р Пиквик, ибо он редко бывал в другом состоянии. Не в восторге был м-р Снодграс, ибо он начал ревновать к м-ру Тапмену. В восторге была старая леди, ибо она выигрывала в вист. В восторге были м-р Джингль и мисс Уордль, — в силу оснований, достаточно важных в столь чреватой событиями истории, чтобы о них рассказать в особой главе.

ГЛАВА IX

Открытие и погоня

Ужин был подан, стулья придвинуты к столу, бутылки, кувшины и стаканы расставлены на буфете, и все предвещало приближение часа самого веселого в сутках.

— Где же Рейчел? — спросил м-р Уордль.

— И Джингль? — добавил м-р Никвик.

— Верно! — воскликнул хозяин. — Странно, что я до сих пор не заметил его отсутствия. Право, я вот уже по крайней мере два часа как не слышу его голоса. Эмили, милая, позвоните.

На звонок явился жирный парень.

— Где мисс Рейчел?

На это он не мог ответить.

— Ну, а где м-р Джингль?

Этого он не знал.

Все с недоумением посмотрели друг на друга. Было поздно — двенадцатый час. М-р Тапмен посмеивался в рукав. Они где-нибудь задержались, беседуя о нем. Х-ха! Чудесная выдумка — забавно!

— Не беда, — помолчав, сказал м-р Уордль, — конечно, они сейчас придут. Я никогда и ни для кого не откладываю ужина.

— Прекрасное правило, — заметил м-р Пиквик, — превосходное.

— Пожалуйста, садитесь, — сказал хозяин.

— Благодарю вас, — ответил м-р Пиквик; и они уселись.

На столе красовался гигантский кусок холодного ростбифа, и м-р Пиквик получил солидную порцию. Он поднес вилку к губам и только раскрыл рот, чтобы отправить туда кусок мяса, как из кухни долетел многоголосый гул. М-р Пиквик замер и положил вилку. М-р Уордль тоже замер и машинально разжал руку, сжимавшую нож, который так и остался вонзенным в ростбиф. Он посмотрел на м-ра Пиквика. М-р Пиквик посмотрел на него.

В коридоре послышались тяжелые шаги; дверь распахнулась, и в комнату ворвался слуга, который в день прибытия м-ра Пиквика чистил ему сапоги, а вслед за ним ввалились жирный паренёк и остальные слуги.

— Чорт побери, что это значит? — воскликнул хозяин.

— Эмма, уж не показался ли огонь в кухонной трубе? — осведомилась старая леди.

— Ах, нет, бабушка! — крикнули обе юные леди.

— Что случилось? — заревел хозяин дома.

Слуга отдышался и слабым голосом проговорил:

— Они уехали, хозяин... так-таки и уехали, сэр.

(Все заметили, что в этот момент м-р Тампен положил нож и вилку и очень побледнел.)

— Кто уехал? — сердито спросил м-р Уордль.

— М-р Джингль и мисс Рейчел, в дорожной карете, из „Синего Льва“ в Магльтоне *. Я был там, но не мог их задержать. Я и прибежал рассказать вам.

— Я дал ему денег на дорогу! — закричал м-р Тампен, вскакивая как сумасшедший. — Он у меня выманил десять фунтов!.. Задержите его!.. Он меня одурачил! Я этого не допущу! Я с ним раслачусь, Пиквик! Я этого не потерплю!

Испуская такого рода бессвязные восклицания, злополучный джентльмен в припадке бешенства кружился по комнате.

— Да сохранит нас бог! — воскликнул м-р Пиквик, с ужасом и изумлением наблюдая необычайные жесты своего друга. — Он помешался! Что нам делать?

— Что делать? — подхватил дородный хозяин, который слышал только последние слова. — Запрягите лошадь в гиг! Я возьму карету в „Синем Льве“ и помчусь прямо за ними. Где, — воскликнул он, когда слуга побежал исполнять приказание, — где этот злодей Джо?

— Здесь, но я не злодей, — раздался голос. Это был голос жирного парня.

— Дайте мне расправиться с ним, Пиквик! — закричал м-р Уордль, бросаясь на злополучного юношу. — Его подкупил этот мошенник Джингль, чтобы павести меня на ложный след дурацкими небылицами о моей сестре и вашем друге Тапмене. (Тут м-р Тапмен упал на стул.) Дайте мне расправиться с ним.

— Не нускайте его! — завизжали все женщины, но их возгласы не заглушали всхлипываний жирного парня.

— Не смейте меня удерживать! — кричал старик. — Уберите ваши руки, м-р Уинкль! М-р Пиквик, пустите меня, сэр!

В этом хаосе и суматохе великолепное зрелище являла философски благодушная физиономия м-ра Пиквика, хотя и покрасневшая слегка от напряжения, когда он стоял, крепко обхватив руками обширную талию дородного хозяина, сдерживая таким образом бурное проявление его страстей, в то время как жирного парня, царапая и тербя, выталкивали из комнаты толпившиеся там женщины. М-р Пиквик не разжимал рук, пока не вошел слуга, доложивший, что гиг подан.

— Не отпускайте его одного! — завизжали женщины. — Он кого-нибудь убьет!

— Я еду с ним, — заявил м-р Пиквик.

— Вы — славный человек, Пиквик! — воскликнул хозяин, пожимая ему руку. — Эмма, дайте м-ру Пиквику какую-нибудь шаль на шею. Пошевеливайтесь! Позаботьтесь о бабушке, дочки, ей дурно. Ну, что, готовы?

Рот и подбородок м-ра Пиквика были поспешно обмотаны шалью, шляпа надета на голову, пальто переброшено через руку, и он дал утвердительный ответ.

Они вскочили в двуколку.

— Гоните во-всю, Том! — крикнул хозяин, и они помчались по узким проселкам, подпрыгивая на выбоинах, задевая за живые изгороди с обеих сторон и рискуя в любой момент разбиться.

— На сколько они нас опередили? — крикнул Уордль, когда они подъехали к воротам „Синего Льва“, где, несмотря на позднее время, собралась небольшая толпа.

— Не больше, чем на три четверти часа, — отвечали все.

— Карету и четверку! Живо! Гиг доставите после!

— Ну, ребята! — закричал хозяин гостиницы. — Карету и четверку! Поторапливайтесь! Не зевать!

Конюхи и форейторы пустились бегом. Мелькали фонари, люди бегали взад и вперед; копыта лошадей застучали по плохо вымощенному двору; с грохотом выкатилась карета из сарая; все шумели и суетились.

— Что же, будет подана сегодня карета? — кричал Уордль.

— Она уже на дворе, сэр, — ответил конюх.

Карету выкатили, лошадей впрягли, форейторы вскочили на них, путешественники влезли в карету.

— Помните, перегон в семь миль — полчаса! — кричал Уордль.

— В путь!

Форейторы пустили в ход хлыст и шпоры, лакеи кричали, конюхи подбадривали, и лошади бешено помчались.

„Недурное положение, — подумал м-р Пиквик, улучив минутку для размышлений. — Недурное положение для президента Пиквикского клуба. Сырая карета... бешеные лошади... пятнадцать миль в час... и вдобавок в полночь“.

На протяжении первых трех-четырех миль оба джентльмена не произнесли ни слова, ибо каждый был слишком поглощен своими думами, чтобы обращаться с какими-либо замечаниями к спутнику. Но когда они проехали это расстояние, и лошади, разгорячившись, взялись за дело не на шутку, м-р Пиквик, возбужденный быстрой ездой, не мог более хранить мертвое молчание.

— Мне кажется, мы непременно их настигнем, — сказал он.

— Надеюсь, — ответил его спутник.

— Славная ночь, — продолжал м-р Пиквик, глядя на ярко сиявшую луну.

— Тем хуже, — возразил Уордль, — потому что при лунном свете им легче удрать от нас, а нам луна не долго будет светить. Она закатится через час.

— Пожалуй, не очень-то будет приятно мчаться во весь опор в темноте? — осведомился м-р Пиквик.

— Несомненно, — сухо ответил его друг.

Временное возбуждение, охватившее м-ра Пиквика, начало понемногу спадать, когда он подумал о неудобствах и опасностях экспедиции, в которую столь легкомысленно пустился. Он очнулся от громких криков переднего фореитора.

— Йо-йо-йо-йо-йо! — кричал первый фореитор.

— Йо-йо-йо-йо-йо! — кричал второй.

— Йо-йо-йо-йо-йо! — бодро подхватил сам старик Уордль, высунав из окна кареты голову и часть туловища.

— Йо-йо-йо-йо-йо! — присоединился к хору и м-р Пиквик, хотя понятия не имел, какой в этом смысл. И под эти „йо-йо“ всех четверых карета остановилась.

— В чем дело? — осведомился м-р Пиквик.

— Застава, — ответил Уордль. — Мы наведем справки о беглецах.

Минут через пять, потраченных на непрерывный стук и оклики, из сторожки вышел старик в рубахе и штанах и открыл шлагбаум.

— Давно ли проехала здесь дорожная карета? — осведомился м-р Уордль.

— Давно ли?

— Да.

— Вот уж этого я хорошенько не знаю. Не так, чтобы очень давно, но нельзя сказать, что недавно, этак, пожалуй, посредине.

— Может быть, здесь и вовсе не проезжало никаких карет?

— Да нет, проехала одна.

— А давно, друг мой? — вмешался м-р Пиквик. — Час назад?

— Да, пожадуй, что так.

— Или два часа? — спросил фореитор, сидевший на задней лошади.

— А кто его знает, может, и два.

— Вперед, ребята, погоняйте! — крикнул вспыльчивый пожилой джентльмен. — Нечего нам тратить здесь время на этого старого идиота!

— Идиот! — ухмыляясь, воскликнул старик, стоя посреди дороги перед полуспушенным шлагбаумом и провожая взглядом быстро уносившуюся карету. — Э, нет, не такой уж я идиот! Вы тут десять минут потеряли и ничего путного не узнали. Если все сторожа, получив по гинее, постараются ее отработать не хуже, чем я, — не догнать вам, старый пузан, этой кареты до Михайлова дня!

И еще раз ухмыльнувшись, старик закрыл ворота, вошел в дом и запер за собой дверь на засов.

Тем временем карета, не уменьшая скорости, летела к концу перегона. Луна, как и предсказывал м-р Уордль, скоро зашла, тяжелые, темные гряды облаков, постепенно затягивая небо, слились над головой в сплошную темную массу, и крупные дождевые капли, барабанившие в окна кареты, казалось, возвещали путникам приближение ненастной ночи. Ветер, дувший им прямо в лицо, яростно проносился вдоль узкой дороги и уныло завывал, раскачивая деревья, окаймлявшие путь. М-р Пиквик плотнее натянул пальто, примостился поудобнее в углу кареты и заснул крепким сном, от которого очнулся, когда экипаж остановился, зазвенел колокольчик конюха и раздался громкий крик:

— Лошадей, живо!

Но здесь снова произошла задержка. Фореиторы спали таким подозрительно крепким сном, что понадобилось пять минут на каждого, чтобы разбудить их. Конюх затерял ключ от конюшни, а когда его наконец нашли, два заспанных помощника перепутали упряжь и пришлось заново перепрягать лошадей. Будь м-р Пиквик здесь один, эти многочисленные препятствия заставили бы его немедленно прекратить погоню, но не так-то легко было устроить старого Уордля; он с такой

энергией взялся за дело, одного угощая толчком, другого — пинком, тут застегивая пряжку, там подтягивая цепь, что карета была готова значительно раньше, чем можно было надеяться при наличии стольких затруднений.

Они продолжали путь, и, разумеется, перспективы были отнюдь не утешительны. До станции оставалось пятнадцать миль, ночь была темная, ветер — сильный, и дождь лил потоками. Невозможно было с достаточной быстротой подвигаться вперед, одолевая столько препятствий. Был уже час ночи. Чтобы добраться до станции, понадобилось почти два часа. Но здесь выяснилось одно обстоятельство, которое вновь пробудило надежду и воскресило бодрость.

— Когда приехала эта карета? — закричал старик Уордль, выскакивая из своего экипажа и указывая на облепленную жидкой грязью карету, стоявшую во дворе.

— Четверти часа еще не прошло, сэр, — ответил конюх, которому был задан этот вопрос.

— Леди и джентльмен? — задыхаясь от нетерпения, спросил м-р Уордль.

— Да, сэр.

— Высокий джентльмен во фраке, длинноногий, худой?

— Да, сэр.

— Пожилая леди, худое лицо, костлявая, да?

— Да, сэр.

— Ей-богу, это наша парочка, Пиквик! — воскликнул пожилой джентльмен.

— Они бы раньше здесь были, — сообщил конюх, — да у них постромки порвались.

— Они! — заявил Уордль. — Клянусь Юпитером, они! Живо карету и четверку! Мы их догоним еще до следующей станции. Ребята, каждому по гинее! Живей! Пошевеливайтесь, молодцы!

Выкрикивая такие увещания, пожилой джентльмен метался по двору, суетился и пребывал в таком возбуждении, что оно передалось и м-ру Пиквику; и, заразившись им, этот джентльмен бросился в сложную сеть упряжи и запутался между лошадами и колесами экипажа, твердо веря, что этим он может

существенно помочь приготовлениям к дальнейшему путешествию.

— Влезайте, влезайте! — кричал старик Уордль, забираясь в карету, поднимая подножку и захлопывая за собой дверцу. — Торопитесь! Скорее! — И не успел м-р Пиквик сообразить, в чем дело, как почувствовал, что рывок пожилого джентльмена с одной стороны и толчок конюха с другой вбросили его в противоположную дверцу, и они снова помчались.

— Ну, уж теперь-то мы не стоим на одном месте! — возликовал пожилой джентльмен.

Они и в самом деле не стояли на одном месте, о чем мог засвидетельствовать м-р Пиквик, ежеминутно сталкивавшийся то с твердой стенкой кареты, то со своим соседом.

— Держитесь! — посоветовал дородный старик, когда м-р Пиквик, нырнув, уткнулся головой в его широкую грудь.

— Никогда еще не испытывал я такой встряски, — сообщил м-р Пиквик.

— Не беда, — отозвался его спутник, — скоро это кончится. Держитесь крепче.

М-р Пиквик постарался устроиться поплотнее в своем углу; карета неслась еще быстрее.

Они проехали таким образом около трех миль, как вдруг м-р Уордль, через каждые две-три минуты высывавшийся из окна, повернул к м-ру Пиквику забрызганное грязью лицо и, задыхаясь от волнения, воскликнул:

— Вот они!

М-р Пиквик высунул голову из своего окна. Да, впереди на небольшом расстоянии от них мчалась галопом четверка лошадей, запряженных в карету.

— Вперед, вперед! — завопил пожилой джентльмен. — Каждому по две гиней, ребята! Не упустите их! Догоняйте, догоняйте!

Лошади первой кареты пустились во весь опор, и лошади м-ра Уордля мчались за ними бешеным галопом.

— Я вижу его голову! — воскликнул холерический старик. — Чорт меня возьми, я вижу его голову!

— И я вижу, — подтвердил м-р Пиквик, — это он!

М-р Пиквик не ошибся. В окне кареты ясно видна была физиономия м-ра Джингля, сплошь покрытая летевшей с колес грязью; а движения его руки, которой он неистово размахивал, обращаясь к форейторам, указывали на то, что он поощрял их напрячь еще усилия.

Возбуждение было крайнее. Поля, деревья, изгороди проносились мимо, словно подхваченные вихрем, — с такою быстротой летели лошади. Они почти поровнялись с первой каретой. Даже стук колес не мог заглушить голос Джингля, понукавшего форейторов. Старый м-р Уордль кипятился от ярости и нетерпения. Он десятки раз выкрикивал „мошенник“ и „негодяй“, сжимал кулаки и выразительно грозил объекту своего негодования, но м-р Джингль отвечал только презрительной улыбкой, а на угрозы отзывался ликующим возгласом, когда его лошади, в ответ на усиленное вмешательство хлыста и шпор, развили еще большую скорость и опередили преследователей.

М-р Пиквик только что втянул голову в карету, а м-р Уордль, устав кричать, последовал его примеру, когда страшный толчок швырнул обоих к передней стенке экипажа. Сотрясение... оглушительный треск... Одно колесо отлетело, и карета опрокинулась.

После нескольких секунд смятения и растерянности, когда лошади рвались вперед, сыпались стекла и больше ничего нельзя было разобрать, м-р Пиквик почувствовал, что его энергически вытаскивают из развалившейся кареты; и как только он встал на ноги и сбросил с головы завернувшиеся полы пальто, которые существенно препятствовали пользоваться очками, ему открылись во всей полноте размеры постигшего их несчастья.

Старый м-р Уордль без шляпы, в изорванном костюме стоял около него, а у их ног валялись обломки кареты. Форейторы успели перерезать постромки и стояли теперь возле своих лошадей, облепленные грязью и взлохмаченные от сешеной езды. Впереди, ярдах в ста, виднелась другая карета, остановившаяся, когда раздался треск. Форейторы, ухмыляясь во весь рот, взирали на противников со своих седел, а

м-р Джингль с явным удовольствием созерцал картину крушения из окна кареты. Загорался день, и в серых лучах рассвета можно было разглядеть все подробности.

— Алло! — крикнул бесстыжий Джингль. — Никто не пострадал? — — пожилые джентльмены — — не малый вес — — опасное предприятие — — весьма.

— Негодяй! — заревел Уордль.

— Ха-ха! — ответил Джингль; затем, многозначительно подмигивая и указывая большим пальцем внутрь кареты, добавил: — Послушайте — — она прекрасно себя чувствует — — шлет поклон — — просит, чтобы вы себя не утруждали — — поцелуйте Таппи — — не хотите ли влезть на запятки? — — вперед, ребята!

Форейторы выпрямились в седлах, и карета загрохотала; м-р Джингль, высунувшись из окна, насмешливо махал белым носовым платком.

Ничто во всем этом приключении, ни даже опрокинувшаяся карета, не могло смутить спокойный и уравновешенный дух м-ра Пиквика. Однако подлость человека, который сначала взял деньги у верного его ученика, а затем позволил себе сократить его фамилию в „Таппи“, переполнила чашу терпения. Он с трудом перевел дыхание, покраснел до самых очков и проговорил медленно и выразительно:

— Если я еще когда-нибудь встречу этого человека, я...

— Да, да, — перебил Уордль, — все это прекрасно, но пока мы тут стоим да разговариваем, они получают лицензию* и заключат брачный союз в Лондоне.

М-р Пиквик умолк, а жажду мести спрятал в бутылку и закупорил ее.

— Далеко ли до станции? — обратился м-р Уордль к одному из форейторов.

— Шесть миль. Верно, Том?

— Малость побольше.

— Малость побольше шести миль, сэр.

— Ничего не поделаешь, Пиквик, — сказал Уордль, — придется идти пешком.

— Ничего не поделаешь! — отозвался сей муж, поистине великий.

Отправив вперед одного из фореиторов верхом на лошади, чтобы вытребовать новый экипаж и лошадей, и оставив разбитую карету на попечение второго фореитора, м-р Пиквик и м-р Уордль мужественно продолжали путь пешком, обмотав предварительно шали вокруг шеи и надвинув шляпы на глаза, дабы защититься насколько возможно от проливного дождя, который хлынул снова после небольшого перерыва.

ГЛАВА X

разрешающая все сомнения (если таковые имели место) касательно бескорыстия м-ра Джингля

Есть в Лондоне немало старых гостиниц — некогда они служили главным пристанищем прославленным каретам в те дни, когда кареты совершали свои путешествия более торжественно и более степенно, чем в наше время, но теперь эти гостиницы пришли в упадок и служат лишь для остановок и погрузки приезжающих из провинции возов. Читатель тщетно искал бы один из этих старинных заезжих дворов среди „Золотых Крестов“, „Быков и Пастей“, которые вздымают свои величественные фасады на парадных улицах Лондона. Чтобы наголкунуться на какое-нибудь из этих древних пристанищ, он должен направить свои шаги в более уединенные кварталы города, и там, в каких-нибудь глухих закоулках, найдет он несколько домов, которые продолжают стоять с мрачным упорством, окруженные современными постройками.

В особенности в Баро* еще уцелело с полдюжины старых гостиниц, которые сохранили внешние свои черты неизменными и спаслись от муниципальной мании благоустройства и спе-

кулятивной горячки. Огромные, несуразные, странные здания, с галереями, коридорами и лестницами, достаточно широкими и ветхими, чтобы доставить материал для сотни рассказов о привидениях, — в случае, если мы будем доведены до прискорбной необходимости измышлять таковые, а мир просуществует достаточно долгий срок, чтобы исчерпать бесчисленные правдивые легенды, связанные со старым Лондонским * мостом и ближайшими его окрестностями на Сарийской * стороне.

Ранним утром, наступившим вслед за событиями, изложенными в последней главе, во дворе одной из этих славных гостиниц — а именно во дворе знаменитой гостиницы „Белого * Оленя“ — какой-то человек усердно занимался чисткой сапог. На нем был полосатый жилет с синими стеклянными пуговицами и черные коленкоровые нарукавники, серые штаны и гамаша. Ярко-красный платок, завязанный небрежно и неискусно, обвивал его шею, а старая белая шляпа была беззаботно сдвинута набекрень. Перед ним выстроились два ряда сапог, один ряд чистый, другой грязный, и, пополняя первый ряд, он каждый раз отрывался от работы и с явным удовольствием созерцал достигнутые результаты.

Во дворе не было и следов той суеты и оживления, какие всегда характерны для гостиницы с большим каретным * двором. Три-четыре крытых подводы, загроможденные товарами чуть ли не до второго этажа обыкновенного дома, помещались под высоким навесом, занимавшим один конец двора; да еще одна подвода, которой предстояло, должно быть, отправиться в это же утро, стояла на открытом месте. С двух сторон свободного пространства двора шли вдоль комнат для приезжих два яруса галлерей с неуклюжими старыми перилами, и соответственно два ряда колокольчиков, защищенных от непогоды маленькой покатою крышей, болтались над дверью, ведущей в буфет и столовую. Несколько двуколок и дорожных карет были загнаны в маленькие сараи и под навесы; а тяжелый топот ломовой лошади и звяканье цепи, время от времени доносившиеся из дальнего конца двора, возвещали каждому интересующемуся этим вопросом, что именно в той стороне

находится конюшня. Если мы добавим, что несколько парней в рабочих блузах спали на громоздких тюках, мешках с шерстью и тому подобных предметах, валявшихся на кучах соломы, мы с достаточной полнотой изобразим общий вид двора гостиницы „Белый Олень“ па Хай-стрит * в Баро в то утро, о котором идет речь.

Громкий звонок колокольчика вызвал на верхнюю галерею кокетливую горничную, которая, постучав в дверь одной из комнат и получив оттуда какое-то приказание, крикнула, наклонившись через перила:

— Сэм!

— Алло! — отозвался человек в белой шляпе.

— Номеру двадцать второму нужны сапоги.

— Спросите номер двадцать второй, хочет он получить их сейчас, или подождет, пока не получит? — последовал ответ.

— Ну, не дурите, Сэм, — заискивающе сказала девушка. — Сапоги нужны джентльмену сию же минуту.

— Ладно, я знаю, вы умеете сладко петь, — сказал чистивший сапоги. — Поглядите-ка на эти-вот сапоги: одиннадцать пар сапог, да один башмак из номера шестого, с деревянной ногой. Одиннадцать пар должны быть готовы к половине девятого, башмак к девяти. Кто такой номер двадцать второй, чтобы все ему уступали? Нет, нет, регулярная очередь, как говорил Джек Кеч *, вздергивая людей на виселицу: простите, что заставляю вас ждать, сэр, но сейчас вами займусь.

С этими словами человек в белой шляпе с удвоенным рвением принялся чистить сапог.

Раздался другой громкий звонок — и на противоположной галлерее появилась выбежавшая впопыхах старая хозяйка „Белого Оленя“.

— Сэм! — крикнула она. — Где этот лодырь, этот лентяй?.. Ах, вот вы где, Сэм! Почему же вы не отвечаете?

— Было бы невежливо отвечать, пока вы не замолчали, — проворчал Сэм.

— Сейчас же вычистите эти башмаки для номера семнадцатого и отнесите их в отдельную гостиную, номер пятый, первый этаж.

Хозяйка швырнула на двор пару дамских башмаков и улетучилась.

— Номер пятый, — сказал Сэм, подбирая башмаки, и, достав из кармана кусок мела, сделал отметку на подошве. — Дамские башмаки и отдельная гостиная! Ну, уж она-то верно не на подводе прикатила.

— Она приехала сегодня спозаранку! — крикнула девушка, которая все еще стояла, перегнувшись через перила галлерей. — Приехала с джентльменом в наемной карете, вот ему-то и нужны сапоги, вычистите их поскорей, и конец делу.

— Что же вы раньше-то не сказали! — с превеликим негодованием воскликнул Сэм, выживая вышеупомянутые сапоги из находившейся перед ним кучи. — Я думал, ему регулярная цена три пенса. Отдельная гостиная! И вдобавок леди! Если он хоть сколько-нибудь похож на джентльмена, это ему обойдется шиллинг в день, не считая при этом отдельных поручений.

Подхлестываемый этими утешительными соображениями, м-р Сэмюэл столь рьяно работал щеткой, что через несколько минут и сапоги и башмаки, покрытые глянцем, который преисполнил бы завистью душу любезного м-ра Уорена* (ибо в „Белом Олене“ употребляли ваксу Дея* и Мартина), появились у двери номера пятого.

— Войдите, — раздался мужской голос в ответ на стук Сэма.

Сэм отвесил изысканнейший поклон и очутился в присутствии леди и джентльмена, сидевших за завтраком. Услужливо расставив сапоги джентльмена справа и слева у его ног, а башмаки справа и слева у ног леди, он попятился к двери.

— Коридорный! — сказал джентльмен.

— Сэр! — отозвался Сэм, закрывая дверь и придерживая рукой дверную ручку.

— Не знаете ли вы — как это называется? — Докторс-Комонс*?

— Да, сэр.

— Где это находится?

— Польс-Черчьярд *, сэр. Вход под низкой аркой, на одном углу книжная лавка, на другом — гостиница, а по середине — два привратника, зазывалы.

— Зазывалы! — удивился джентльмен.

— Да, зазывалы, — ответил Сэм. — Два молодца в белых фартуках, хватаются за шляпы, когда вы входите: „За лицензиями, сэр, за лицензиями?“ Чудные ребята, сэр, да и хоззяева их тоже — прокторы * прямо для Олд-Бейл *... без промаха!

— Что они там делают? — осведомился джентльмен.

— Делают? Вас, сэр, обделают! А бывает и похуже. Такое вбивают в головы старым джентльменам, что тем и не снилось. Мой отец, сэр, был кучер. Овдовел, а тучный был — с какой стороны ни подойти, — до чего тучный! Умерла его хозяйка и оставила ему чetyреста фунтов. Вот он и пошел в Комонс посоветоваться с юристом и выправить капитал, расфрантился — сапоги с отворотами, букет в петлице, широкополая шляпа, зеленый шарф, — совсем джентльмен. Проходит под аркой и думает, куда бы ему поместить денежки. Тут подскакивает зазывала, хватается за шляпу: „Лицензия, сэр, лицензия?“ — „Что это такое?“ спрашивает отец. „Лицензия, сэр“, отвечает тот. „Какая такая лицензия?“ — „На вступление в брак“, объясняет зазывала. „Да я, чорт побери, — говорит отец, — и не думал об этом“. — „А я думаю, что вам нужна лицензия, сэр“, говорит зазывала. Отец остановился и подумал чуточку. „Пет, — говорит, — чорт подери, слишком я стар, да и размеры у меня неподходящие“. — „Ничуть не бывало, сэр“, говорит зазывала. „Думаете, подходящие?“ спрашивает отец. „Ясное дело, сэр, — отвечает тот, — в понедельник мы женили джентльмена вдвое против вас“. — „Да ну?“ говорит отец. „Будьте уверены, женили. — говорит тот, — вы перед ним младенец... Сюда, сэр, сюда“. Ну, мой отец и пошел за ним, как ручная обезьяна за шарманкой, и входит в какую-то комнату окнами во двор, кругом куча грязных бумаг и жестянок, сидит какой-то крючок и делает вид, будто занят. „Прошу присесть, сэр, — говорит юрист, — пока я выправлю афидавит *“. — „Благодарю вас, сэр“, говорит отец, садится, разинул рот и таращит глаза на имена, выписанные на ящиках.

„Ваше имя, сэр?“ спрашивает юрист. „Тони Уэлер“, отвечает отец. „Какого прихода?“ говорит юрист. „Прекрасная * Дикарка“, отвечает отец, потому что он всегда останавливался там с лошадьми, а в приходах * он и в самом деле ничего не разумел. „А как зовут леди?“ спрашивает юрист. Тут отца огоршило: „Чорт побери, откуда же я знаю!“, говорит он. „Не знаете!“ говорит юрист. „Столько же, сколько и вы!“ — отвечает отец. — А не могу я вставить это потом?“ — „Никак нельзя!“ говорит юрист. „Ну, ничего не поделаешь, — подумав минутку, говорит отец. — Пишите м-с Кларк“. — „Какая Кларк?“ спрашивает юрист, обмакнув перо в чернила. „Сюзен Кларк, „Маркиз * Гренби“, Доркинг, — говорит отец, — она пойдет за меня наверняка, если я попрошу, я ни слова ей не говорил, а знаю, что пойдет“. Выправили лицензию, а она и в самом деле пошла за него, а что еще хуже, и теперь его обхаживает; а мне так из четырехсот фунтов ничего и не досталось, такое невезение. Прошу прощения, сэр, — добавил Сэм, окончив рассказ, — но стоит мне натолкнуться на эту вот обиду, и я покатился, как новая тачка со смазанным колесом.

Высказавшись и подождав секунду, чтобы узнать, не нужны ли в его услугах, Сэм вышел из комнаты.

— Половина десятого — — пора итти — — сразу — — в путь, — сказал джентльмен: едва ли есть надобность говорить читателю, что это был м-р Джингль.

— Пора — чему? — кокетливо спросила девствующая тетушка.

— Итти за лицензией, прелестнейший ангел, — — предупредить в дерквы — — назвать вас завтра своей, — ответил м-р Джингль, пожимая руку девствующей тетушке.

— Лицензия! — краснея, сказала Рейчел.

— Лицензия! — повторил м-р Джингль. —

В* миг за лицензией помчусь

В миг, тили-бом, я возвращусь!

— Как вы торопитесь! — сказала Рейчел.

— Тороплюсь — — ничто перед часами, днями, неделями, месяцами, годами, когда мы соединимся, тороплюсь — — они поле-

тят — — стрелой — — помчатся — — как паровая машина — — тысяча лошадиных сил — — никакого сравнения.

— Нельзя ли... нельзя ли нам обвенчаться до завтрашнего дня? — осведомилась Рейчел.

— Невозможно — — немыслимо — предупредить в церкви — — доставить сегодня — — обряд совершается завтра.

— Я смертельно боюсь, как бы брат не нашел нас! — сказала Рейчел.

— Пойти — — вздор — — совершенно сбит крушением — — кроме того — — тысяча предосторожностей — — дорожная карета брошена — — пешком — — наняли городскую — — доставлены в Баро — — уж здесь-то последнее место, куда заглянет — — ха-ха! — — блестящая идея — — весьма!

— Не уходите надолго, — нежно сказала старая дева, когда м-р Джингль напялил на себя свою измятую шляпу.

— Уйти надолго от вас, жестокая чародейка, — и м-р Джингль игриво подскочил к девствующей тетушке, запечатлел на ее устах деломудренный поцелуй и, прилясывая, вышел из комнаты.

— Какой милый! — сказала старая дева, когда закрылась за ним дверь.

— Комическая старуха, — сказал м-р Джингль, шагая по коридору.

Тягостно думать о вероломстве наших ближних, а посему мы не будем распутывать клубок мыслей м-ра Джингля, направившего свои стопы к Докторс-Комонс. Для наших целей вполне достаточно, если мы сообщим, что, избежав западни драконов в белых фартуках, охраняющих вход в эту заколдованную обитель, он благополучно добрался до кабинета генерального викария *, и получив в высшей степени лестное послание на пергаменте от архиепископа Кентерберийского „с наилучшими пожеланиями своим верным и возлюбленным Альфреду Джинглю и Рейчел Уордл“, заботливо спрятал магический документ в карман и с торжеством направил свои стопы обратно в Баро.

Он был еще на пути к „Белому Оленю“, когда два полнотелых джентльмена и один тощий вошли во двор и огляделись

по сторонам в поисках заслуживающего доверия человека, у которого можно было бы навести некоторые справки. Вышло так, что в этот самый момент м-р Сэмюел Уэлер навел блеск на цветные отвороты сапог, являвшихся лично собственностью фермера, который после утомительных занятий на рынке Баро подкреплялся легким завтраком, состоявшим из двух-трех фунтов холодного ростбифа и кружки или двух портера; именно к м-ру Сэмюелу Уэлеру прямо и подошел тощий джентльмен.

— Друг мой, — начал тощий джентльмен.

„Он, видно, любит получать советы на даровщинку, — подумал Сэм, — иначе он не воспылял бы любовью ко мне“. По вслух он сказал только:

— Что угодно, сэр?

— Друг мой, — миролюбивым тоном заговорил тощий джентльмен, — много у вас сейчас приезжих? Дела по горло, а?

Сэм украдкой посмотрел на вопрошавшего. Это был маленький сухопарый человек со смуглым ссохшимся лицом и беспокойными черными глазками, которые все время подмигивали и поблескивали по обеим сторонам пыльного носика, словно вели с этим органом вечную игру в прятки. Он был одет в черное, ботинки блестели у него так же, как и глаза, на нем была белоснежная рубашка с брыжжами и узкий белый галстук. Из кармана для часов спускалась золотая цепочка с печатками. Черные лайковые перчатки он снял и держал в руках; разговаривая, он засовывал руки под фалды фрака, с видом человека, у которого привычка — задавать труднейшие вопросы.

— Дела по горло, а? — спросил маленький человек.

— Да ничего себе, сэр, — ответил Сэм, — в трубу не вылетим, да и капитала не сколотим. Едим вареную баранину без каперсов, а дадут жаркое — о хрене не думаем.

— Э, да вы шутник! — сказал маленький человек.

— У меня старший брат страдал этой болезнью, — заметил Сэм, — может, она прилипчива — мы, бывало, часто спали вместе.

— Занятный у вас старый дом, — продолжал маленький человек, озираясь по сторонам.

— Пришли вы нам весточку о вашем прибытии, мы бы его отремонтировали, — ответил невозмутимый Сэм.

Казалось, маленький человек был сбит с толку такими репликами, и между ним и двумя полнотелыми джентльменами состоялось краткое совещание. В заключение этого совещания маленький человек взял попошку табаку из продолговатой серебряной табакерки и, видимо, собирался возобновить разговор, когда в дело вмешался один из полнотелых джентльменов, который, помимо благодушной физиономии, обладал еще парюю очков и парюю черных гетр.

— Дело вот в чем, — сказал благодушный джентльмен, — вот этот мой друг (он указал на другого полнотелого джентльмена) даст вам полгинеи, если вы ответите на два-три...

— Ну-ну, уважаемый сэр... уважаемый сэр, — перебил маленький человек, — прошу покорно, уважаемый сэр, в делах такого рода нужно в первую очередь соблюдать следующий принцип: если вы передаете дело в профессиональные руки, вы никоим образом не должны вмешиваться в процесс его ведения, вы *implicite* — должны оказывать ему полное доверие. В самом деле, м-р... (он повернулся к другому полнотелому джентльмену и добавил) я забыл фамилию вашего друга.

— Пиквик, — подсказал м-р Уордль, ибо это был не кто иной, как сей жизнерадостный джентльмен.

— Ах, Пиквик... в самом деле, м-р Пиквик, уважаемый сэр, извините меня... я буду счастлив выслушать всякое ваше приватное указание, которые вы выскажете нам *amicus * curiae*, но согласитесь, что не подобает вам вмешиваться в порученное мне дело, и вдобавок выставлять такой аргумент *ad * captandum*, как предложение полгинеи. В самом деле, уважаемый сэр, в самом деле... — и маленький человек взял убедительную попошку табаку и принял весьма глубокомысленный вид.

— Сэр, единственным моим желанием, — сказал м-р Пиквик, — было как можно скорее покончить с этим весьма неприятным делом.

— Совершенно верно, совершенно верно, — заметил маленький человек.

— И с этой целью, — продолжал м-р Пиквик, — я воспользовался аргументом, который, как подсказывает мне мое знание людей, является наиболее убедительным во всех случаях жизни.

— Да, да, — заговорил маленький человек, — прекрасно, прекрасно, но вам следовало бы намекнуть об этом мне. Уважаемый сэр, я ни мало не сомневаюсь в том, что вы не можете не знать, как беспрдельно доверие, которое должно быть оказываемо человеку нашей профессии. Если необходимо в данном случае сослаться на авторитет, то разрешите мне, уважаемый сэр, напомнить вам небезызвестный казус у Барнуэла *...

— Не тревожьте Джорджа Барнуэла, — перебил Сэм, с недоумением прислушивавшийся к этому краткому диалогу, — все знают, какой это был казус, но мое мнение, заметьте, что молодая женщина заслужила виселицу куда больше, чем он. Ну, да все это ни туда, ни сюда. Вы хотите дать мне полгинеи. Отлично, я согласен, лучше я не могу ответить, не так ли, сэр? (М-р Пиквик улыбнулся.) А следующий вопрос вот какой: какого дьявола вам от меня нужно? — сказал человек, когда ему явилось привидение.

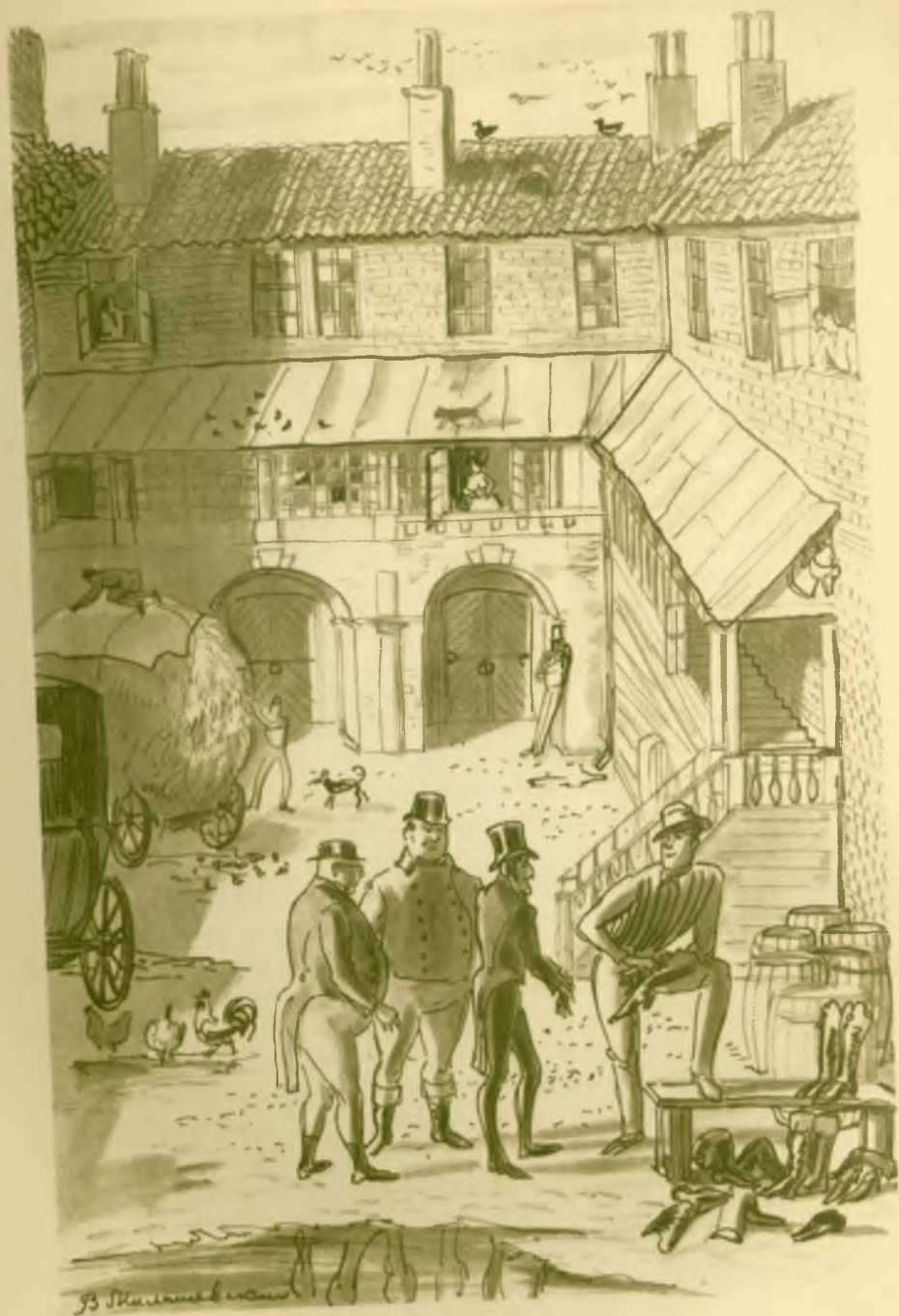
— Мы хотим знать... — начал м-р Уордль.

— Э, нет, уважаемый сэр... уважаемый сэр, — перебил деловой маленький человек.

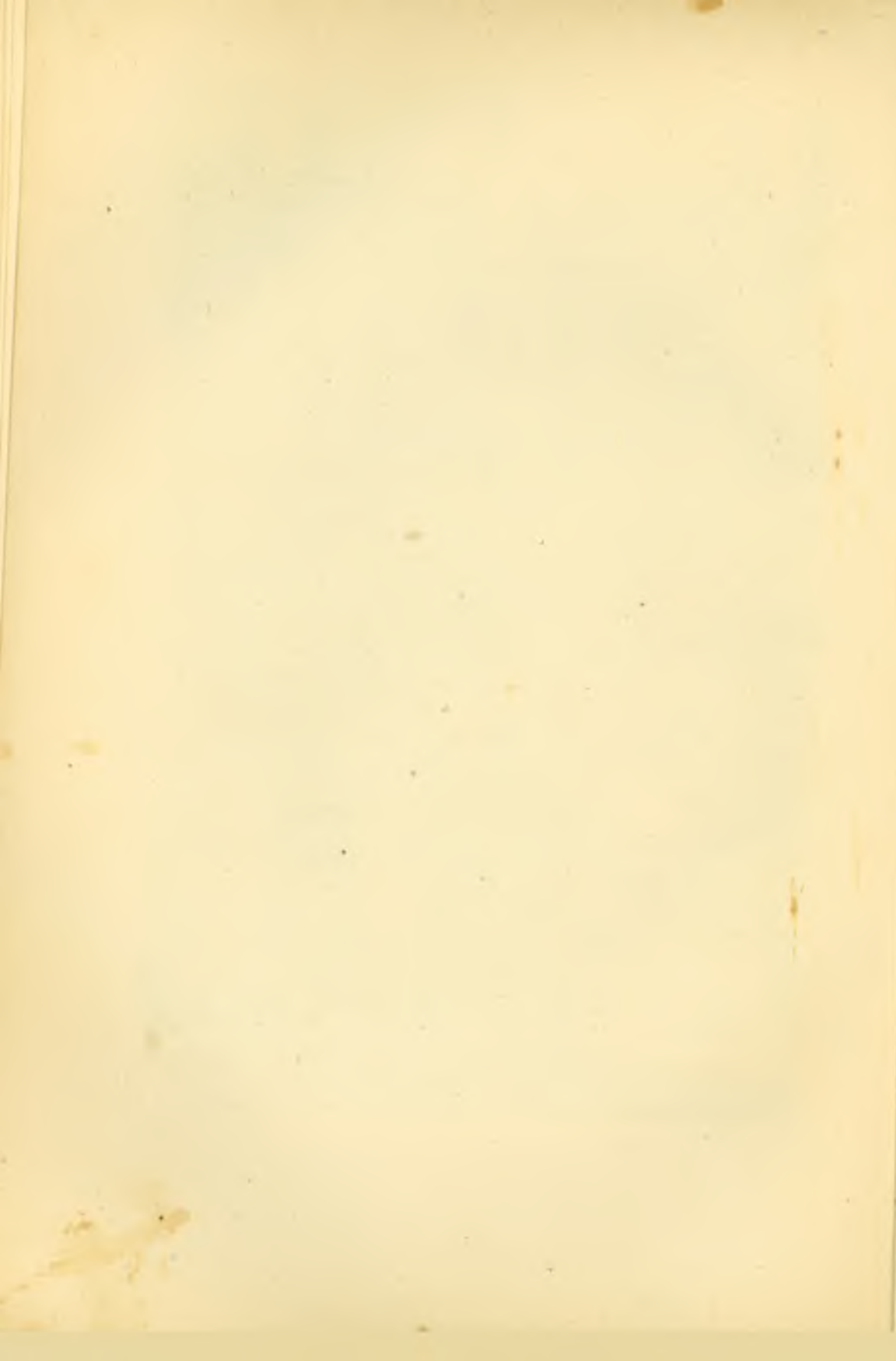
М-р Уордль пожал плечами и умолк.

— Мы хотим знать, — торжественно начал маленький человек, — и с этим вопросом обращаемся к вам, дабы не подымать тревоги в доме... мы хотим знать, кто у вас здесь в настоящее время проживает?

— Кто проживает в этом доме! — повторил Сэм, в воображении которого жильцы всегда были представлены той специальной частью своего туалета, которая находилась под непосредственным его наблюдением. — Есть у нас деревянная нога в номере шестом, есть у нас пара ботфорт в тридцатом, есть у нас две пары полусапог в торговом, есть у нас эти-вот сапоги с цветными отворотами в комнате у буфета да еще пять пар с отворотами в столовой.

J. B. Sturges del.

— И это все? — спросил маленький человек.

— Постойте-ка минутку, — добавил Сэм, вдруг припоминая, — да, есть у нас пара уелингтоновских, изрядно поношенных, и пара дамских башмаков — в номере пятом.

— Какие это башмаки? — быстро осведомился Уордль, который так же, как и м-р Пиквик, был приведен в недоумение своеобразным перечнем приезжих.

— Провинциальной работы, — ответил Сэм.

— Есть на них марка сапожника?

— Браун.

— Откуда?

— Из Магльтона.

— Это они! — воскликнул Уордль. — Клянусь небом, мы их нашли!

— Тсс! — сказал Сэм. — Уелингтоновские пошли в Докторс-Комонс.

— Что вы! — сказал маленький человек.

— Ну да, за лицензией.

— Мы подоспели как раз во-время! — воскликнул Уордль. — Проводите нас в ее комнату, нельзя терять ни секунды.

— Умоляю вас, уважаемый сэр... умоляю вас, — перебил маленький человек, — осторожность, осторожность. — Он достал из кармана красный шелковый кошелек и, извлекая соверен, пристально посмотрел на Сэма.

Сэм выразительно ухмыльнулся.

— Проводите нас без доклада, — сказал маленький человек, — а это — вам...

Сэм бросил цветные сапоги в угол и пошел по темному коридору, а затем вверх по широкой лестнице. В конце второго коридора он остановился и протянул руку.

— Получите, — прошептал атерни *, опуская монету в руку проводника.

Тот прошел еще несколько шагов, за ним следовали оба друга и их юридический советчик.

Сэм остановился у двери.

— Здесь? — шопотом спросил маленький джентльмен.

Сэм утвердительно кивнул.

Старый Уордль открыл дверь, и все трое вошли к комнате как раз в тот момент, когда м-р Джингль, который только что вернулся, показывал лицензию девиствующей тетушке.

Старая дева прозительно взвизгнула и, упав на стул, закрыла лицо руками. М-р Джингль скомкал бумагу и сунул в карман.

Непрошенные гости вышли на середину комнаты.

— Вы... вы отъявленный негодяй, вот кто вы! — задыхаясь от гнева, вскричал Уордль.

— Уважаемый сэр, уважаемый сэр, — вмешался маленький человек, кладя шляпу на стол, — умоляю, будьте благоразумны, умоляю... Попомнение * личности... иск о возмещении * убытков. Успокойтесь, уважаемый сэр, умоляю...

— Как вы смели увести мою сестру из моего дома? — спросил пожилой джентльмен.

— Так... так... отлично, — одобрил маленький джентльмен. — Об этом вы можете спросить. Как вы смели, сэр?.. А, сэр?

— А вы тут на какого дьявола, кто вы? — осведомился м-р Джингль таким свирепым тоном, что маленький джентльмен невольно попятился.

— Вы, негодяй, спрашиваете, кто он такой? — вмешался Уордль. — Это мой поверенный, м-р Перкер, из Грейз-Инна *. Перкер, я этого молодца буду преследовать по закону... подам в суд... я его, я... я... я его уничтожу! — А вам, — продолжал м-р Уордль, резко повернувшись к сестре, — вам, Рейчел, в ваши годы, следовало бы быть умнее. Как это вам взбрело в голову бежать с бродягою, опозорить семью и обречь себя на несчастье? Надевайте шляпу и домой. Сейчас же наймите карету и принесите счет этой леди, слышите... слышите?

— Слушаю, сэр, — отозвался Сэм, явившийся в ответ на неистовый звонок Уордля с быстротой, которая показалась бы чудесной всякому, кто не знал, что в продолжение этой беседы глаз Сэма не отрывался от замочной скважины.

— Надевайте шляпу, — повторил Уордль.

— Не слушайте! — вмешался Джингль. — Покиньте эту комнату, сэр, — делать здесь нечего — леди в праве распоряжаться собой — ей больше двадцати одного года.

— Больше двадцати одного года! — презрительно воскликнул Уордль. — Больше сорока одного!

— Неправда! — возопила в ответ девиствующая тетюшка, которая в порыве негодования забыла даже о своем решении упасть в обморок.

— Правда, — возразил Уордль, — пятьдесят.

Тут девиствующая тетюшка испустила громкий вопль и лишилась чувств.

— Стакан воды, — попросил гуманный м-р Пиквик, призывая хозяйку гостиницы.

— Стакан воды! — вскричал раздраженный Уордль. — Принесите ведро да окатите ее хорошенько, это ей пойдет на пользу, она получит по заслугам.

— Фу! вы изверг! — воскликнула мягкосердечная хозяйка. — Ах, бедняжка!

И восклицая на все лады: „Ну вот, вот, милочка... выпейте немножко... Это поможет вам... не нужно так расстраиваться... вот умница...“ и т. д., и т. д., хозяйка с помощью горничной начала смачивать укусом лоб, похлопывать по рукам, щекотать в носу и расшнуровывать корсет девиствующей тетюшки, не забывая и о всех прочих восстанавливающих средствах, какие обычно применяют сострадательные особы женского пола по отношению к леди, старающимся взвинтить себя до истерики.

— Карета подана, сэр, — доложил Сэм, появляясь в дверях.

— Идемте! — крикнул Уордль. — Я спешу ее вниз.

При этом предложении истерика возобновилась с удвоенной силой.

Хозяйка готова была выступить с самым энергическим протестом против такого образа действий и уже осведомилась с негодованием у м-ра Уордля, не мнит ли он себя творцом вселенной, как вдруг в дело вмешался м-р Джингль.

— Коридорный, — сказал он, — ступайте за полисменом.

— Пойдите, пойдите! — воскликнул маленький м-р Перкер. — Взвесьте, сэр, взвесьте...

— Нечего мне взвешивать, — возразил Джингль. — Она сама господа, посмотрим, кто посмеет ее увести, если она этого не желает.

— Я не хочу, чтобы меня уводили, — пробормотала девствующая тетушка. — Я этого не желаю. (Снова отчаянный припадок.)

— Уважаемый сэр, — сказал вполголоса маленький человек, отводя в сторону м-ра Уордла и м-ра Пиквика, — мы в весьма щекотливом положении. Прискорбный случай... очень... В моей практике не было такого, но в самом деле, уважаемый сэр, не в нашей власти контролировать поступки этой леди. Я вас заблаговременно предупредил, уважаемый сэр, что нам ничего не остается, как пойти на компромисс.

Наступило непродолжительное молчание.

— Какого рода компромисс могли бы вы посоветовать? — осведомился м-р Пиквик.

— Видите ли, уважаемый сэр, наш друг очутился в неприятном положении... весьма неприятном. Нам придется пойти на некоторые денежные жертвы.

— Пойду на любые, только бы не допустить такого позора и не позволить, чтобы эта глупая женщина сделала себя несчастной на всю жизнь, — заявил Уордл.

— Думаю, что дело можно уладить, — сказал суетливый маленький человек. — М-р Джингль, не угодно ли вам на секунду пройти вместе с нами в другую комнату?

М-р Джингль согласился, и квартет перешел в свободную комнату.

— Ну-с, сэр, — начал маленький человек, старательно прикрыв за собою дверь, — неужели не найдется способа уладить это дело?... Пожалуйте сюда, сэр, на одну секунду... к этому окну, сэр, где нам двоим никто не помешает... сюда, сэр, сюда, умоляю вас, присядьте, сэр. Ну-с, уважаемый сэр, говоря между нами, мы с вами прекрасно знаем, уважаемый сэр, что вы бежали с этой леди, польстившись на ее деньги. Не хмурьтесь, сэр, не хмурьтесь, я говорю: между нами, мы с вами это знаем. Мы оба — люди бывалые, и нам прекрасно известно, что наши друзья, здесь присутствующие, не... а?

Лицо м-ра Джингля постепенно смягчалось, и что-то похожее на подмигивание мелькнуло у него в левом глазу.

— Отлично, отлично, — продолжал маленький человек, заметив произведенное им впечатление. — А теперь запомните сле-

дующее: за исключением нескольких сотен, у этой леди нет ничего или почти ничего, до смерти ее матери... прекрасного здоровья пожилая леди, уважаемый сэр.

— Старуха, — кратко, но выразительно вставил м-р Джингль.

— Ну, да, — кашлянув, сказал атерни. — Вы правы, уважаемый сэр, она довольно стара. Но происходит она из древнего рода, уважаемый сэр, древнего в любом смысле этого слова. Основатель рода прибыл в Кент, когда Юлий Цезарь вторгся в Британию, и с той поры только один член рода не дожил до восьмидесяти пяти лет, да и то потому, что был обезглавлен одним из Генрихов. В настоящее время, уважаемый сэр, пожилой леди еще нет семидесяти трех лет.

Маленький человек приостановился и взял понюшку табаку.

— Дальше! — воскликнул м-р Джингль.

— А дальше, уважаемый сэр... не нюхаете?... А, тем лучше... разорительная привычка... итак, уважаемый сэр, вы красивый молодой человек, светский человек, вы могли бы создать себе положение, будь у вас деньги, а?

— Дальше, — повторил м-р Джингль.

— Вы меня понимаете?

— Не совсем.

— Не находите ли вы... уважаемый сэр, я обращаюсь к вам, не думаете ли вы... что пятьдесят фунтов и свобода более соблазнительны, чем мисс Уордль и ожидание?

— Не пройдет, не возьму и вдвое больше, — сказал м-р Джингль, вставая.

— Ну-ну, уважаемый сэр, — запротестовал маленький атерни, удерживая его за пуговицу. — Кругленькая сумма... человек с вашими способностями в одну секунду ее утроит... многое можно сделать с пятьюдесятью фунтами, уважаемый сэр.

— Еще больше со ста пятьюдесятью, — холодно возразил Джингль.

— Отлично, уважаемый сэр, не стоит тратить время на такие пустяки, — сказал маленький человек, — скажем... скажем... семьдесят.

— Не пройдет, — сказал м-р Джингль.

— Не уходите, уважаемый сэр, умоляю, не спешите, — сказал маленький человек. — Восемьдесят, идет?.. Я сейчас же выписываю чек.

— Не пройдет, — повторил м-р Джингль.

— Отлично, уважаемый сэр, отлично, — продолжал маленький человек, все еще удерживая его, — скажите мне точно, сколько вы хотите.

— Дорогое предприятие, — сказал м-р Джингль. — Деньги из кармана — почтовые лошади девять фунтов; лицензия три — уже двенадцать — отступных сто — сто двенадцать. — Задета честь — и потеря леди...

— Да, уважаемый сэр, конечно, — глубокомысленно подтвердил маленький человек, — о последних двух пунктах можно и не упоминать. Так сто двенадцать... ну, скажем сто — идет?

— И двадцать, — сказал м-р Джингль.

— Довольно, довольно, я вам выпишу чек, — сказал маленький человек, и для этой цели присел к столу. — Его оплатят послезавтра, а мы тем временем можем увезти леди, — добавил он, бросив взгляд в сторону м-ра Уордла.

Тот сердито кивнул головой.

— Сто, — сказал маленький джентльмен.

— И двадцать, — сказал м-р Джингль.

— Уважаемый сэр! — запротестовал маленький джентльмен.

— Дайте ему, — вмешался м-р Уордль, — и пусть убирается.

Чек был выписан маленьким джентльменом и спрятан в карман м-ром Джинглем.

— А теперь убирайтесь отсюда! — сказал м-р Уордль, поднимаясь с места.

— Уважаемый сэр! — повторил маленький человек.

— И помните, — продолжал м-р Уордль, — ничто в мире — даже забота о семье — не заставило бы меня пойти на этот компромисс, не будь я уверен в том, что в ту минуту, когда у вас в кармане очутятся деньги, вы попадете чорту в лапы, пожалуй, еще быстрее, чем без денег...

— Уважаемый сэр, — повторил маленький человек.

— Успокойтесь, Перкер, — отозвался Уордль. — Убирайтесь вон, сэр!

— Немедленно в путь, — ответил не ведавший стыда Джингль. — Бай-бай, Пиквик!

Если бы какой-нибудь беспристрастный зритель мог наблюдать в конце этой беседы физиономию прославленного мужа, чье имя украшает заглавие этого произведения, тот, несомненно, преисполнился бы изумлением, видя, что огонь негодования, сверкавший в его глазах, не расплавил стекло его очков, — так величествен был его гнев. Поздри его раздулись и кулаки невольно сжались, когда он услышал, что негодяй обращается к нему. Но он снова сдержался — он не испепелил его.

— Вот она, — продолжал закоснелый злодей, швыряя лицензию к ногам м-ра Пиквика, — замените имя — — отвезите домой леди — — пригодится Таппи.

М-р Пиквик был философ, но в конце концов философы — те же люди, только в доспехах. Стрела попала в цель, проникла сквозь его философскую броню в самое сердце. В припадке бешенства он швырнул в пространство чернильницу и ринулся вслед за нею. Но м-р Джингль исчез, а м-р Пиквик очутился в объятиях Сэма.

— Алло! — сказал этот эксцентрический слуга. — Видно, в ваших краях, сэр, мебель дешева. Самопишущие чернила, эти вот, расписались за вас на стенке. Успокойтесь, сэр, что толку гнаться за человеком, которому повезло и который тем временем уже на другом конце Баро?

Ум м-ра Пиквика, как у всех истинно великих людей, был открыт голосу убеждения. Выводы у него были быстрые и твердые, ему достаточно было секунды размышления, чтобы убедиться в бессилии своей ярости. Его гнев угас так же быстро, как вспыхнул.

М-р Пиквик перевел дух и благосклонным взглядом окинул своих друзей.

Говорить ли о жалобах и столах, воследовавших, когда мисс Уордль увидела, что покинута неверным Джинглем? Извлекать ли на свет мастерское изображение этой души раздражающей сдены, сделанное м-ром Пиквиком? Перед нами — его записная книжка, орошенная слезами симпатической гуманности; одно слово, и она — в руках наборщика. Но нет!

Вооружимся стойкостью! Не будем терзать сердце читателя изображением таких страданий!

Медленно и грустно на следующий день совершали обратный путь два друга и покинутая леди в громоздкой магльтонской карете. Тусклые и темные спустились мрачные тени летней ночи, когда они вернулись в Дингли-Дэл и остановились у ворот Менор-Фарм.

ГЛАВА XI

закрывающая в себе следующее путешествие и археологическое открытие. Оповещающая о решении м-ра Пиквика присутствовать на выборах; и содержащая рукопись старого священника

Мирная и отдохновенная ночь в глубокой тишине Дингли-Дэла и утренние часы, проведенные на свежем благоуханном воздухе, полностью восстановили силы м-ра Пиквика, изгладив следы телесной усталости и душевных потрясений. Знаменитый муж провел двое суток в разлуке со своими друзьями и последователями; и человек с заурядной фантазией не может вообразить, с какой радостью и восторгом приветствовал он м-ра Уинкля и м-ра Снодграса, когда встретил этих джентльменов, возвращаясь с утренней прогулки. Радость была взаимной, ибо кто мог взирать на лучезарное лицо м-ра Пиквика, не испытывая при этом удовольствия? Однако словно облако нависло над его спутниками; великий муж не мог его не заметить и терялся в поисках разгадки. У обоих вид был таинственный — настолько необычный, что вызывал тревогу.

— А как поживает... — начал м-р Пиквик, пожав руку своим ученикам и обменявшись горячими приветствиями, — как поживает Тапмен?

М-р Уинкль, к которому в частности был обращен этот вопрос, ничего не ответил. Он отвернулся и, казалось, был погружен в меланхолические размышления.

— Снодграс, — настойчиво повторил м-р Пиквик, — как поживает ваш друг, не болен ли он?

— Нет, — ответил м-р Снодграс, и слеза затрепетала на его сентиментальном веке, как дождевая капля на оконной раме. — Нет, он не болен.

М-р Пиквик остановился и посмотрел на обоих своих друзей по очереди.

— Уинкль, Снодграс, — сказал м-р Пиквик, — что это значит? Где наш друг? Что случилось? Говорите — я вас умоляю, заклинаю, нет, я требую — говорите.

В голосе м-ра Пиквика слышались такая торжественность и такое достоинство, что им нельзя было противостоять.

— Он нас покинул, — сказал м-р Снодграс.

— Покинул! — воскликнул м-р Пиквик. — Покинул!

— Покинул, — повторил м-р Снодграс.

— Где же он? — вскричал м-р Пиквик.

— Мы можем только строить догадки на основании этого сообщения, — отозвался м-р Снодграс, извлекая из кармана письмо и вручая его своему другу. — Вчера утром, когда было получено письмо м-ра Уордла о том, что вы вернетесь к вечеру домой с его сестрой, меланхолия, которая еще накануне овладела нашим другом, заметно усилилась. Вскоре после этого он исчез, целый день его не было видно, а под вечер конюх из „Коропы“ в Магльтоне принес это письмо. Оно было оставлено ему утром со строгим приказом не передавать до вечера.

М-р Пиквик развернул послание. Оно было написано рукой его друга и сообщало следующее:

„Дорогой мой Пиквик,

„вы, дорогой мой друг, пребываете за пределами многих человеческих пристрастий и слабостей, которым не могут противостоять простые смертные. Вы не знаете, что это значит, когда тебя покидает прелестное и очаро-

вательное создание, и вдобавок ты падаешь жертвой козней негодяя, который под маской дружбы скрывал коварную усмешку. Надеюсь, вы никогда этого не узнаете.

Все письма на адрес: „Кожаная * Фляга“, Кобем *, Кент, будут мне пересланы... если я буду еще владеть существованием. Я на время удалюсь от мира, который стал мне ненавистен. Если я совсем из него удалюсь... пожалейте меня, простите. Жизнь, дорогой мой Пиквик, стала для меня невыносимой. Дух, горящий в нас, подобен крюку носильщика, который поддерживает тяжелый груз мирских забот и тревог, а когда дух нам изменяет, ноша становится непосильно тяжелой. Мы падаем под ней. Можете сказать Рейчел... Ах, это имя!..

Треси Тапмен“.

— Мы должны сейчас же отсюда уехать, — сказал м-р Пиквик, складывая письмо. — После того, что произошло, нам во всяком случае неприлично было бы здесь оставаться, а кроме того мы обязаны отправиться на поиски нашего друга. — И с этими словами м-р Пиквик направился к дому.

О намерении его узнали очень скоро. Настойчиво уговаривали остаться, но м-р Пиквик был непоколебим. Дела, говорил он, требуют его непосредственного участия.

При этом присутствовал старый священник.

— Неужели вы уезжаете? — спросил он, отводя в сторону м-ра Пиквика.

М-р Пиквик снова объявил о своем решении.

— В таком случае, — сказал старый джентльмен, — вот небольшая рукопись, которую я надеялся иметь удовольствие вам прочесть. После смерти одного из моих друзей, врача, служившего в приюте для умалишенных нашего графства, я нашел эту рукопись среди различных бумаг, которые имел право уничтожить или сохранить по своему усмотрению. Вряд ли рукопись является подлинной, но написана она не рукой моего друга. Как бы там ни было — подлинное ли это произведение сумасшедшего или канвой для него послужил бред какого-

нибудь несчастного (последнее предположение я считаю более вероятным), прочтите его и судите сами.

М-р Пиквик взял рукопись и расстался с благожелательным старым джентльменом, заверив его в своем расположении и уважении.

Более трудным делом было распрощаться с обитателями Менор-Фарм, которые принимали их с таким радушием и добротой. М-р Пиквик расцеловал юных леди — мы готовы были сказать: как родных дочерей, но, пожалуй, такое сравнение не совсем уместно, ибо он проявил при этом прощании, быть может, несколько больше теплоты — и с сыновней сердечностью обнял старую леди; весьма патриархально потрепал по розовым щекам служанок, сунув каждой в руку и более существенные знаки своего благоволения. Еще задушевнее и продолжительнее был обмен сердечными излияниями с добрым старым хозяином и м-ром Трандлем; и трем друзьям удалось вырваться от радужных хозяев, лишь когда м-р Снодграс, которого несколько раз пришлось окликать, вынырнул наконец из темного коридора, откуда вскоре вслед за ним вышла Эмили (чьи блестящие глаза были необычно тусклы). Много раз оглядывались они на Менор-Фарм, медленно от нее удаляясь, и много воздушных поцелуев послал м-р Снодграс, заметив что-то весьма похожее на дамский носовой платок, который развевался в одном из окон верхнего этажа, пока наконец старый дом не скрылся за поворотом дороги.

В Магльтоне они наняли экипаж до Рочестера. К тому времени, когда они туда добрались, острота печали настолько притупилась, что не помешала им превосходно пообедать; после полудня, получив необходимые сведения, касающиеся дороги, трое друзей отправились пешком в Кобем.

Это была очаровательная прогулка: день был чудесный, июньский, а дорога шла густым, тенистым лесом, где дул прохладный ветерок, мягко шелестя в листве, и раздавалось пение птиц, сидевших на ветках. Плющ и мох толстыми гирляндами ползли по стволам старых деревьев, а нежный зеленый дерн шелковым ковром устилал землю. Они вошли в парк, где высился старинный замок, построенный в причудливом

и живописном стиле елизаветинских времен. Со всех сторон тянулись длинные аллеи величественных дубов и вязов; большие стада ланей щипали свежую траву; изредка пробежал испуганный заяц с быстротою тени, отбрасываемой легкими облаками, которые проносились, как дыхание лета над солнечным пейзажем.

— Если бы в эти края, — заметил м-р Пиквик, озираясь по сторонам, — если бы в эти края стекались все страдающие недугом нашего друга, думаю, к ним очень скоро вернулась бы былая привязанность к миру.

— Я тоже так думаю, — сказал м-р Уинкль.

— И право же, — добавил Пиквик, когда после получасовой ходьбы они вошли в деревню, — право же, это местечко, на которое пал выбор мизантропа, является одним из приятнейших и очаровательнейших уголков, какие случалось мне видеть.

В том же духе высказались и м-р Уинкль с м-ром Снод-грасом.

Узнав дорогу к „Кожаной Фляге“, чистенькому и просторному деревенскому трактиру, три путешественника явились туда и тотчас же осведомились о джентльмене по фамилии Тапмен.

— Том, проводите этих джентльменов в гостиную, — сказала хозяйка.

Здоровый деревенский парень открыл дверь в конце коридора, и три друга вошли в длинную и низкую комнату, которая была заставлена великим множеством мягких кожаных стульев фантастической формы, с высокими спинками и украшена всевозможными старыми портретами и грубо раскрашенными гравюрами, насчитывающими немало лет. В дальнем конце комнаты стоял стол, покрытый белой скатертью и заставленный жареной птицей, свиной грудинкой, элем и т. п.; за столом сидел м-р Тапмен, который меньше всего был похож на человека, распрощавшегося с миром.

При виде своих друзей этот джентльмен положил нож и вилку и с горестным видом двинулся им навстречу.

— Я не надеялся видеть вас здесь, — сказал он, пожимая руку м-ру Пиквику. — Вы очень побезны.

— Ах! — произнес м-р Пиквик, садясь и вытирая со лба пот, выступивший от ходьбы. — Кончайте обедать, и выйдем побродить. Я хочу побеседовать с вами наедине.

М-р Тапмен подчинился высказанному желанию, а м-р Пиквик, освежившись солидной порцией эля, ждал, когда друг покончит с трапезой. Обед был быстро поглощен, и они вместе вышли из дома.

В течение получаса видны были их фигуры, шагавшие взад и вперед по кладбищу, пока м-р Пиквик старался сломить решение своего приятеля. Бесполезно было бы повторять его аргументы, ибо какой язык может передать ту энергию и силу, которую в них вдохнул великий человек, их породивший? Надоело ли уже м-ру Тапмену уединение или он не в силах был устоять перед красноречивым призывом, к нему обращенным, — значения не имеет, в конце концов он не устоял.

„Ему мало дела до того, где он будет влечить жалкие остатки своего существования, — сказал он, — а раз его друг придает такое значение его скромному участию, то он готов разделить с ним его скитания“.

М-р Пиквик улыбнулся; они обменялись рукопожатием и пошли назад, к своим спутникам.

Вот тут м-р Пиквик и сделал то бессмертное открытие, которое останется навсегда предметом гордости для его друзей и зависти для археологов всех стран. Они прошли дверь своей гостиницы и углубились в деревню, прежде чем успели отдать себе отчет в том, где они находятся. Когда они повернули назад, взгляд м-ра Пиквика упал на небольшой обломок камня, до половины ушедший в землю, перед дверью коттеджа. Он остановился.

— Очень странно, — сказал м-р Пиквик.

— Что странно? — осведомился м-р Тапмен, с любопытством разглядывая все ближайшие предметы, кроме того, о котором шла речь. — Ах, боже мой, что случилось?

Это восклицание было вызвано крайним удивлением при виде м-ра Пиквика, который в восторге от сделанного им открытия бросился на колени перед маленьким камнем и начал смахивать с него пыль носовым платком.

— Тут какая-то надпись, — сказал м-р Пиквик.

— Неужели? — воскликнул м-р Тапмен.

— Я различаю, — продолжал м-р Пиквик, изо всех сил про-
должая тереть камень и пристально рассматривая его сквозь
очки, — я различаю крест и букву Б, а потом Т. Это очень важ-
но, — добавил он, поднимаясь с колен. — Это какая-то древняя
надпись, существовавшая, быть может, задолго до того, как здесь
построены старинные богадельни. Ее нельзя упускать.

Он постучал в дверь коттеджа. Вышел работник.

— Друг мой, не знаете ли, как очутился здесь этот камень? —
благодарно осведомился м-р Пиквик.

— Не знаю, сэр, — вежливо ответил работник, — он тут ле-
жал, когда я еще на свет не родился, да и никого из нас еще
здесь не было.

М-р Пиквик с торжеством посмотрел на своего спутника.

— Вы... вы... вряд ли им дорожите, — дрожа от волнения,
проговорил м-р Пиквик. — Не согласитесь ли вы его продать?

— Да кто ж его купит? — спросил работник с таким вы-
ражением лица, которое он считал, должно быть, лукавым.

— Я смогу же минуту дам вам за него десять шиллингов, —
предложил м-р Пиквик, — если вы его выкопаете для меня.

Легко себе представить изумление всей деревни, когда
м-р Пиквик, не щадя сил (чтобы извлечь его на поверхность,
достаточно было разок налечь на лопату), собственноручно пе-
ренес камень в гостиницу и, старательно отмыв, положил на стол.

Радость и восторг пиквикистов были безграничны, когда
их терпение и настойчивость, отмывание и отскребывание
увенчались успехом. Камень был шероховатый и с трещинами,
а буквы нацарапаны криво и неровно, но следующий кусок
надписи легко удалось расшифровать:

+
БИЛСТ
АМ
ПСЕГ
О. Р.
УКА

Глаза у м-ра Пиквика блеснули от восхищения, когда он сидел и пожирал глазами открытое им сокровище. Была достигнута одна из величайших целей его честолюбивых стремлений. В том графстве, которое славилось обилием остатков старины, в той деревне, где еще существовали памятники далекого прошлого, он — он, президент Пиквикского клуба — открыл странную и любопытную надпись неоспоримой древности, совершенно ускользнувшую от внимания многих ученых, которым удалось побывать здесь до него. Он едва верил свидетельству своих глаз.

— Это... это заставляет меня принять решение, — сказал он. — Завтра же мы возвращаемся в Лондон.

— Завтра! — воскликнули восхищенные ученики.

— Завтра! — подтвердил м-р Пиквик. — Это сокровище должно быть немедленно передано туда, где оно будет тщательно исследовано и надлежащим образом разъяснено. Есть у меня еще одно основание для принятого мною решения. Через несколько дней в Итенсуилском округе состоятся выборы в парламент, агентом одного из кандидатов состоит м-р Перкер, джентльмен, с которым я на днях познакомился. Мы увидим во всех подробностях и изучим зрелище, столь интересное для каждого англичанина.

— Это верно, — с воодушевлением было подхвачено тремя голосами.

М-р Пиквик оглядел своих друзей. Привязанность и рвение учеников зажгли в его груди огонь энтузиазма. Он был их вождь, и он чувствовал это.

— Отпразднуем это счастливое событие за веселым стаканом вина, — сказал он.

Это предложение так же, как и предыдущее, было встречено единодушными аплодисментами. Собственноручно положив драгоценный камень в маленький сосновый ящик, купленный специально для этой цели у хозяйки, м-р Пиквик поместился в кресле во главе стола; и вечер был посвящен веселью и дружеской беседе.

Был двенадцатый час — поздний час для деревушки Кобем, — когда м-р Пиквик удалился в приготовленную для него спальню.

Он распахнул решетчатое окно и, поставив свечу на стол, отдался размышлениям о беспокойных событиях последних двух дней.

Время и место благоприятствовали созерцательности. М-р Пиквик очнулся, когда на церковных часах пробило полночь. Торжественно прозвучал в его ушах первый удар, но когда замер бой часов, тишина показалась невыносимой; он почувствовал себя так, словно потерял друга. Нервы его были натянуты и возбуждены; торопливо раздевшись и поставив свечу в камин, он улегся в постель.

Всякий по опыту знает то неприятное душевное состояние, когда ощущение физической усталости тщетно борется с бессонницей. В таком состоянии находился м-р Пиквик; он перевернулся сначала на один бок, потом — на другой; он упорно закрывал глаза, словно уговаривая себя заснуть. Это ни к чему не привело. Было ли тому виной непривычное физическое утомление, жара, грог или незнакомая постель, но только мысли его с мучительным упорством возвращались к мрачным картинам, развешанным внизу, и к связанным с ними старинным легендам, о которых в тот вечер шла речь. Промучавшись с полчаса, он пришел к тому неутешительному заключению, что ему все равно не заснуть, поэтому он встал и надел кое-какие принадлежности туалета. „Все лучше, чем лежать и представлять себе всякого рода ужасы“, подумал он. Он выглянул в окно — было очень темно. Он прошелся по комнате — было очень одиноко.

Несколько раз он прошел от двери до окна и от окна до двери, как вдруг впервые вспомнил о рукописи священника. Это была блестящая мысль. Быть может, рукопись его и не заинтересует, но зато усыпит. Он достал ее из кармана и, придвинув столик к кровати, снял нагар со свечи, надел очки и приступил к чтению. Почерк был странный, а бумага покрыта пятнами. Прочтя заглавие, он вздрогнул и невольно окинул внимательным взглядом комнату. Но поразмыслив о том, как нелепо поддаваться таким ощущениям, он снова снял нагар со свечи и стал читать следующее:

РУКОПИСЬ СУМАСШЕДШЕГО

„Да, сумасшедшего! Как поразило бы меня это слово несколько лет назад! Какой пробудило бы оно ужас, который, бывало, охватывал меня так, что кровь закипала в венах, холодный пот крупными каплями покрывал кожу и от страха дрожали колени! А теперь оно мне нравится. Это прекрасное слово. Покажите мне монарха, чей нахмуренный лоб вызывает такой же страх, как горящий взгляд сумасшедшего, чья веревка и топор и в половину так надежны, как когти безумца. Хо-хо! Великое дело — быть сумасшедшим! На тебя смотрят, как на дикого льва, сквозь железную решетку, а ты скрежедешь зубами и воешь долгой тихой ночью под веселый звон тяжелой цепи, и катаешься, и корчишься на соломе, опьяненный этой славной музыкой! Да здравствует сумасшедший дом! О, это редкое место!

„Помню время, когда я боялся быть сумасшедшим, когда, бывало, просыпался внезапно и падал на колени и молил избавить меня от проклятья, тяготевшего над моим родом, когда бежал веселья и счастья, чтобы спрятаться в каком-нибудь уединенном месте и проводить томительные часы, следя за развитием горячки, которая должна была пожрать мой мозг. Я знал, что безумие замешано в самой крови моей и проникло до мозга костей, знал, что одно поколение сошло в могилу, нетронутое этой страшной болезнью, а я — первый, в ком она должна возродиться. Я знал, что так должно быть, так бывало всегда, и так всегда будет, и когда я сидел в людной комнате, забившись в темный угол, и видел, как люди перешептываются, показывают на меня и поглядывают в мою сторону, я знал, что они говорят друг другу о человеке, обреченном на сумасшествие, и, крадучись, я уходил и тосковал в одиночестве.

„Так жил я годы — долгие-долгие это были годы. Здесь ночи тоже бывают иногда длинными, очень длинными; но они — ничто по сравнению с теми беспокойными ночами и страшными снами, какие снились мне в те годы. Я холодею, вспоминая о них. Большие темные фигуры с хитрыми, насмеш-

ливыми лицами прятались по всем углам комнаты, а по ночам склонялись над моей кроватью, толкая меня к безумию. Они нашептывали мне о том, что пол в старом доме, где умер отец моего отца, запятнан его кровью, пролитой им самим в припадке буйного помешательства. Я затыкал пальцами уши, но голоса визжали в моей голове, их визг звенел в комнате, вопил о моем деде, — в поколении, предшествовавшем ему, безумие оставалось скрытым, но его дед годы прожил с руками, прикованными к земле, дабы не мог он себя самого разорвать в клочья. Я знал, что они говорят правду, знал прекрасно. Я это открыл много лет назад, хотя от меня пытались утаить истину. Ха-ха! Меня считали сумасшедшим, но я был слишком хитер для них.

„Наконец оно пришло, и я не понимал, как мог я этого бояться. Теперь я свободно мог посещать общество, смеяться и шутить с лучшими из них. Я знал, что я сумасшедший, но они этого даже не подозревали. Как я восхищался самим собой, теми тонкими проделками, какие я разыгрывал над ними — над теми, кто, бывало, шушукался и косился на меня, когда я не был сумасшедшим, а только боялся, что когда-нибудь сойду с ума! А как весело я хохотал, когда оставался один и думал о том, как хорошо храню я свою тайну и как быстро отшатнулись бы от меня добрые мои друзья, узнай они истину! Обедая с каким-нибудь славным веселым малым, я готов был кричать от восторга при мысли о том, как побледнел бы он и обратился в бегство, если бы узнал, что милый друг, сидевший подле него, натачивая сверкающий нож, был сумасшедшим, который имеет полную возможность, да, пожалуй, и не прочь воцелить нож ему в сердце. О, это была веселая жизнь!

„Я стал богатым человеком, мне достались большие деньги, и я предался развлечениям, прелесть которых увеличивалась в тысячу раз благодаря моей тайне, столь искусно хранимой. Я унаследовал поместье. Правосудие — даже само правосудие с орлиными глазами — было обмануто и в руки сумасшедшего отдало оспариваемое наследство. Где же была проницательность зорких и здравомыслящих людей? Где была споровка юристов,

ловко подмечающих малейший изъян? Хитрость сумасшедшего всех обманула.

„У меня были деньги. Как ухаживали за мной! Я тратил их расточительно. Как меня восхваляли! Как пресмыкались передо мной три гордых и властных брата! Да и старший, седовласый отец — какое внимание, какое уважение, какая преданная дружба, — о, он боготворил меня! У старика была дочь, у молодых людей — сестра, и все пятеро были бедны. Я был богат, и, женившись на девушке, я увидел торжествующую усмешку, осветившую лица ее неимущих родственников, когда они думали о своем прекрасно проведенном плане и доставшейся им награде. А ведь улыбаться-то должен был я. Улыбаться? Нет, хохотать и рвать на себе волосы и с радостными криками кататься по земле. Они и не подозревали, что выдали ее замуж за сумасшедшего.

„Позвольте-ка... А если бы они знали, была ли бы она спасена? На одной чаше весов — счастье сестры, на другой — золото ее мужа. Легчайшая пушинка, которая летит от моего дуновенья, и славная цепь, которая теперь украшает мое тело!

„Но в одном пункте я обманулся, несмотря на все мое лукавство. Не будь я сумасшедшим... ибо хотя мы, сумасшедшие, достаточно хитры, но иной раз становимся в тупик... не будь я сумасшедшим, я догадался бы, что девушка предпочла бы лежать холодной и недвижимой в мрачном свинцовом гробу, чем войти в мой богатый, сверкающий дом певичкой, которой все завидуют. Я знал бы, что ее сердце принадлежит другому — юноше с темными глазами, чье имя — я это слышал — шептала она тревожно во сне; знал бы, что она принесена мне в жертву, дабы избавить от нищеты седого старика и высокомерных братьев.

„Фигуры и лица стерлись теперь в моей памяти, но я знаю, что девушка была красива. Я это знаю, ибо в светлые лунные ночи, когда я вдруг просыпаюсь и вокруг меня тишина, я вижу: тихо и неподвижно стоит в углу этой камеры легкая и изможденная фигура с длинными черными волосами, струящимися вдоль спины и развеваемыми дуновением неземного ветра, а глаза ее пристально смотрят на меня и никогда не ми-

гают и не смыкаются. Тише! Кровь стынет у меня в сердце, когда я об этом пишу. Это она; лицо очень бледно, блестящие глаза остеклянели, но я их хорошо знаю. Она всегда неподвижна, никогда не хмурится и не гримасничает, как те другие, что иной раз наполняют мою камеру; но для меня она страшнее даже, чем те призраки, которые меня искушали много лет назад, — она приходит прямо из могилы и подобна самой смерти.

„В течение чуть ли ни целого года я видел, что лицо ее становится все бледнее, в течение чуть ли ни целого года я видел, как скатываются слезы по ее впалым щекам, но причина была мне неизвестна. Наконец я ее узнал. Дольше нельзя было скрывать это от меня. Она меня не любила; я и не думал, что она меня любит; она презирала мое богатство и ненавидела роскошь, в которой жила, — этого я не ждал. Она любила другого. Эта мысль не приходила мне в голову. Странные чувства овладели мной, и мысли, внушенные мне какою-то тайною силой, терзали мой мозг. Ненависти к ней я не чувствовал, однако ненавидел юношу, о котором она все еще тосковала. Я жалел, да, ее, ибо холодные себялюбивые родственники обрекли ее на несчастную жизнь. Я знал — долго она не протянет, но мысль, что она еще успеет дать жизнь какому-нибудь злополучному существу, обреченному передать безумие своим потомкам, заставила меня принять решение. Я решил ее убить.

„В течение многих недель я думал о яде, затем об утоплении и наконец о поджоге. Великолепное зрелище — величественный дом, объятый пламенем, и жена сумасшедшего, превращенная в золу. Подумайте, какая насмешка — большое вознаграждение и какой-нибудь здравомыслящий человек, болтающийся на виселице за поступок им не совершенный! А всему причиной — хитрость сумасшедшего! Я часто обдумывал этот план, но в конце концов отказался от него. О, какое наслаждение день за днем править бритву, пробовать отточенное лезвие и представлять себе ту глубокую рану, какую можно нанести одним ударом этого тонкого сверкающего лезвия!

„Наконец старые призраки, которые так часто посещали меня прежде, стали нашептывать, что час настал, и вложили

в мою руку открытую бритву. Я крепко ее зажал, потихоньку встал с постели и наклонился над спящей женой. Она закрывала лицо руками. Я мягко их отвел, и они беспомощно упали ей на грудь. Она плакала — слезы еще не высохли на щеках. Лицо было спокойно и безмятежно, и когда я смотрел на нее, тихая улыбка осветила это бледное лицо. Осторожно я положил руку ей на плечо. Она вздрогнула, но это было во сне. Снова я склонился к ней. Она вскрикнула и проснулась.

„Одно движение моей руки — и больше никогда она не издаст ни крика, ни звука. Но я задрожал и отшатнулся. Ее глаза выплинули в мои. Не знаю, чем это объяснить, но они усмирили и заставили меня; я затрепетал от этого взгляда. Она встала с постели, все еще глядя на меня пристально, не отрываясь. Я дрожал; бритва была в моей руке, но я не мог шевельнуться. Она направилась к двери. Дойдя до нее, она повернулась и отвела взгляд от моего лица. Чары были сняты. Одним прыжком я был около нее и схватил ее за руку. Она упала, испуская вопли.

„Теперь я мог убить ее, — она не сопротивлялась; но в доме поднялась тревога. Я услышал топот ног на лестнице. Я положил на место бритву, отпер дверь и громко позвал на помощь.

„Вошли люди, подняли ее и положили на кровать. Несколько часов она лежала без сознания, а когда жизнь, зрение и речь вернулись к ней, она потеряла рассудок и бредила дико и иступленно.

„Призвали докторов — великих людей, которые в удобных экипажах подъезжали к моей двери, на прекрасных лошадях и с пышными слугами. Много недель они провели у ее постели. Собрались на консультацию и тихо и торжественно совещались в соседней комнате. Один из них, самый умный и самый знаменитый, отвел меня в сторону и, попросив приготовиться к худшему, сказал мне, — мне, сумасшедшему! — что моя жена сошла с ума. Он стоял рядом со мной у открытого окна, смотрел мне в лицо, и его рука лежала на моей. Одно усилие — и я мог швырнуть его вниз, на мостовую. Вот была бы потеха! Но это угрожало моей тайне, и я дал ему уйти. Спустя не-

сколько дней мне сказали, что я должен держать ее под надзором, должен приставить к ней сторожа. Это сказали мне! Я ушел в поля, где никто не мог меня услышать, и веселился так, что хохот мой звенел в воздухе.

„На следующий день она умерла. Седой старик проводил ее до могилы, а гордые братья пролили слезу над бездыханным трупом той, на чьи страдания при жизни взирали они с ледяным спокойствием. Все это питало тайную мою веселость, и когда мы ехали домой, я смеялся, прикрывшись белым носовым платком, пока слезы не навернулись мне на глаза.

„Но хотя я достиг цели и убил ее, был я в смятении и тревоге: я чувствовал, что недалеко то время, когда моя тайна будет открыта. Я не мог скрыть дикую радость, которая бурлила во мне и заставляла меня, когда я один оставался дома, вскакивать, хлопать в ладоши, плясать и кружиться и громко реветь. Когда я выходил из дому и видел суетливую толпу,двигающуюся по улицам, или шел в театр и слушал музыку и глядел на танцующих людей, меня охватывал такой восторг, что я готов был броситься к ним, растерзать их в клочья и выть в упоении. Но тогда я скрежетал зубами, топал ногами, вонзал острые ногти в ладони. Я сдерживал себя, и никто еще не знал, что я сумасшедший.

„Помню — и это одно из последних моих воспоминаний, ибо теперь реальное я смешиваю со своими грезами, и столько у меня здесь дела и так меня всегда торопят, что нет времени отделить одно от другого и разобраться в каком-то странном хаосе действительности и грез, — помню, как выдал я наконец тайну. Ха-ха! Чудится мне — я и сейчас вижу их испуганные взгляды, помню, как легко оттолкнул их и сжатыми кулаками бил по бледным лицам, а потом умчался, как вихрь, и оставил их, кричащих и воющих, далеко позади. Сила гиганта рождается во мне, когда я об этом думаю. Вот — видите, как гнется под яростным моим напором этот железный прут. Я мог бы сломать его как ветку, но здесь такие длинные галереи и так много дверей — вряд ли нашел бы я здесь дорогу; а если бы даже нашел, то — знаю — внизу есть железные ворота, эти ворота они всегда держат на запоре. Они знают, каким я был

хитрым сумасшедшим, и гордятся тем, что могут меня выставить на показ.

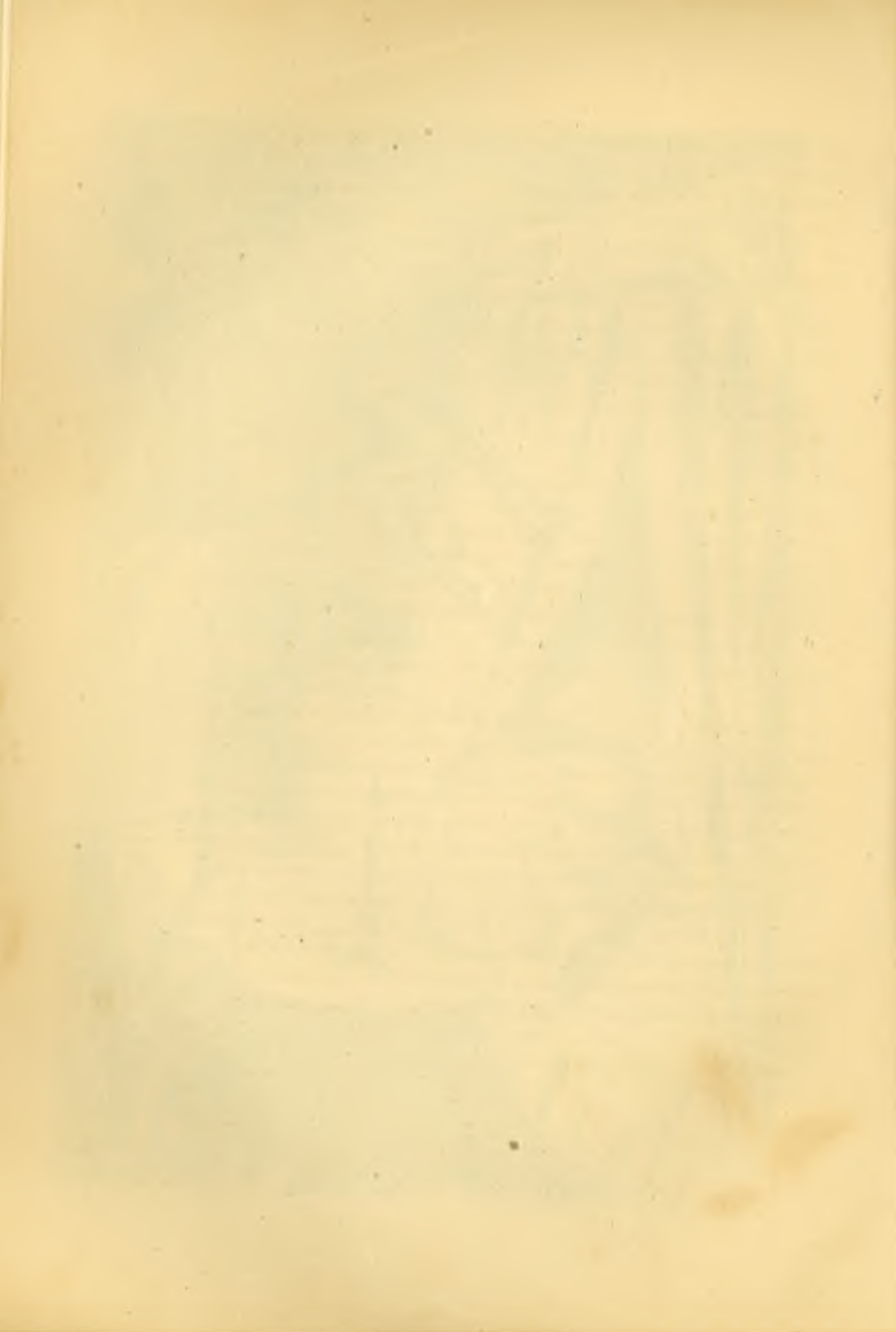
„Позвольте-ка... да, меня не было дома. Вернулся я поздно вечером и узнал, что меня ждет высокомернейший из трех высокомерных братьев — „по неотложному делу“, сказал он. Я это прекрасно помню. Я его ненавидел всей непаவிстью сумасшедшего. Много раз руки мои готовы были его растерзать. Мне сказали, что он здесь. Я быстро взбежал по лестнице. Он хотел сказать мне несколько слов. Я отослал слуг. Час был поздний, и мы остались наедине — впервые.

„Сначала я старался на него не смотреть, ибо знал то, о чем он не подозревал, — и я гордился этим знанием, — знал, что огонь безумия горит в моих глазах. Несколько минут мы сидели молча. Наконец он заговорил. Мои недавние легкомысленные похождения и странные слова, брошенные мною сейчас же после смерти его сестры, были оскорблением ее памяти. Сопоставляя многие обстоятельства, которые сначала ускользнули от его внимания, он предположил, что я нехорошо с нею обращался. Он желал знать, в праве ли он заключить, что я хотел очернить ее память и оказать неуважение ее семье. Мундир, который он посит, обязывает его потребовать у меня объяснение.

„Этот человек служил в армии и за свой чин заплатил моими деньгами и несчастьем своей сестры! Это он руководил заговором, составленным с целью поймать меня в ловушку и завладеть моим состоянием. Это он — он больше, чем кто бы то ни было, — принуждал свою сестру выйти за меня замуж, зная прекрасно, что ее сердце отдано этому писклявому юноше. Мундир его обязывает! Не мундир, а ливрея его позора! Я посмотрел на него — не мог удержаться, — но не проронил ни слова.

„Я заметил, как изменилось его лицо, когда он встретил мой взгляд. Он был смелым человеком, но румянец сбежал с его лица, и он отодвинул свой стул. Я ближе придвинулся к нему и, засмеявшись, — мне было очень весело, — заметил, что он вздрогнул. Я почувствовал, как овладевает мною безумие. Он боялся меня.

— Вы очень любили свою сестру, когда она была жива,— сказал я, — очень любили.

„Он растерянно огляделся, я видел, как его рука вцепилась в спинку стула, но он ничего не сказал.

— Вы негодяй! — воскликнул я. — Я вас разгадал! Я открыл ваш дьявольский заговор, составленный против меня, я знаю, что ее сердце принадлежало другому прежде, чем вы принудили ее выйти за меня. Я это знаю, знаю!

„Он вдруг вскочил, замахнулся на меня стулом и приказал мне отойти... ибо я упорно приближался к нему во время разговора.

„Я не говорил, а кричал, чувствуя, что буйные страсти kloчочут у меня в венах, а старые призраки шепчутся и соблазняют растерзать в клочья.

— Проклятый! — крикнул я, вскакивая и бросаясь на него. — Я ее убил! Я — сумасшедший! Смерть тебе! Крови! Крови! Я жажду твоей крови!

„Одним ударом я отбросил стул, который он в ужасе швырнул в меня, и мы сцепились; с тяжелым грохотом катались мы с ним по полу.

„Это была славная борьба; ибо он, рослый, сильный человек, дрался, спасая свою жизнь, а я, сильный своим безумием, жаждал покончить с ним. Я знал, что никакая сила не может сравниться с моей и я был прав. Прав, хотя и безумен! Его сопротивление ослабевало. Я встал коленом ему на грудь и крепко сжал обеими руками его мускулистую шею. Лидо у него побагровело, глаза выскакивали из орбит и, высунув язык, он словно издевался надо мной. Я крепче сдавил ему горло.

„Вдруг дверь с шумом распахнулась, и ворвалась толпа народа, крича, чтобы задержали сумасшедшего.

„Моя тайна была открыта, и все мои усилия были направлены теперь к тому, чтобы отстоять свободу. Я вскочил раньше, чем кто-либо успел меня схватить, я бросился в толпу нападающих и сильной рукой расчистил себе дорогу, словно у меня был топор, которым я рубил направо и налево. Я добрался до двери, перепрыгнул через перила, еще секунда — и я был на улице.

„Я быстро мчался, и никто не смел меня остановить. Я услышал топот ног за собою и ускорил бег. Шум погопи был слышен слабее и слабее, и наконец замер вдали, а я все еще несясь вперед, через болота и ручьи, прыгал через изгороди и стены, с диким воплем, который был подхвачен странными существами, обступившими меня со всех сторон, и громко разнесясь, пронзая воздух. Демоны несли меня на руках, они мчались вместе с ветром, сметая холмы и изгороди, и кружили меня с такой быстротой, что у меня в голове помутилось, и наконец отшвырнули прочь от себя, и я тяжело упал на землю. Когда я очнулся, я увидел, что нахожусь здесь — здесь, в этой серой камере, куда редко проникает солнечный свет, куда лунные лучи просачиваются для того только, чтобы осветить темные тени вокруг меня и эту безмолвную фигуру в углу. Бодрствуя, я слышу иногда странные вопли и крики, оглашающие этот большой дом. Что это за крики — я не знаю, но не эта бледная фигура испускает их, и она их не замечает. Ибо как только спускаются сумерки и до первых проблесков рассвета она стоит недвижимо, всегда на одном и том же месте, прислушиваясь к музыкальному звону моей железной цепи и следя за моими прыжками на соломенной подстилке“.

В конце рукописи была сделана другим почерком следующая приписка:

„Несчастный, чей бред записан здесь, являет собою печальный пример, свидетельствующий о пагубных результатах ложно направленной — с юношеских лет — энергии и длительных эксцессов, последствия коих уже не могли быть изменены. Бессмысленный разгул, распутство и кутежи в дни молодости вызвали горячку и бред. Результатом последнего была странная иллюзия, основанная на хорошо известной медицинской теории, энергически защищаемой одними и столь же энергически опровергаемой другими, — иллюзия, будто в его семье существовало наследственное безумие. Это привело к непрерывной меланхолии, которая со временем развилась в душевное расстройство и закончилась буйным помешательством. Есть основания предполагать, что события, им изложенные, хотя

искажены его расстроенным воображением, однако имели место. Тем, кто знал пороки его молодости, остается лишь удивляться тому, что страсти, не контролируемые рассудком, не привели его к совершению еще более страшных деяний".

Свеча м-ра Пиквика догорала в подсвечнике в то время, как он дочитывал рукопись старого священника; а когда свет вдруг угас, даже не мигнув в виде предупреждения, спустившаяся тьма потрясла его натянутые нервы. Торопливо сбросив с себя те предметы туалета, которые он надел, вставая с беспорядочного ложа, и пугливо оглядевшись, м-р Пиквик снова поспешно забрался под одеяло и не замедлил заснуть.

Когда он проснулся, солнце бросало яркие лучи в его комнату. Было позднее утро. Тоска, угнетавшая его ночью, рассеялась вместе с темными тенями, которые окутывали пейзаж, а мысли и чувства были светлы и радостны, как утро. После сытного завтрака четыре джентльмена в сопровождении человека, который нес камень в сосновом ящике, отправились пешком в Грейвсенд. В этот город прибыли они к часу (багаж они приказали послать из Рочестера прямо в Сити), здесь им посчастливилось получить паружные места в пассажирской карете и в тот же день они прибыли в добром здравии и расположении духа в Лондон.

Следующие три-четыре дня заняты были приготовлениями к поездке в Итенсуил. Так как все, что относится к этому важному предприятию, требует особой главы, то те несколько строк, какие нам остались для окончания настоящей главы, мы можем посвятить краткому изложению истории антикварной находки.

Из протоколов клуба мы узнаем, что на следующий вечер по приезде м-р Пиквик на общем собрании клуба прочел доклад о сделанном открытии и высказал множество остроумных и ученых умозрительных догадок по поводу смысла надписи. Оттуда же мы узнаем, что искусный художник старательно скопировал любопытные письма, выгравированные на камне, и презентовал рисунок Королевскому антикварному обществу и другим ученым корпорациям, что полемика,

заострившая перья на этом предмете, породила зависть и недоброжелательство, и что сам м-р Пиквик написал брошюру, содержащую девяносто шесть страниц самой мелкой печати и двадцать семь различных толкований надписи. Что три престарелых джентльмена лишили наследства своих старших сыновей, осмелившихся усомниться в древности надписи, и что один энтузиаст преждевременно покончил все счеты с жизнью, отчаявшись постигнуть смысл этой надписи. Что м-р Пиквик за сделанное им открытие был избран почетным членом семнадцати отечественных и иностранных обществ, что ни одно из семнадцати ничего не могло понять в надписи, но что все семнадцать сходились в признании ее весьма замечательной.

Правда, м-р Блтон — и это имя будет заклеено вечным презрением со стороны тех, кто чтит таинственное и возвышенное, — м-р Блтон, говорим мы, проявляя недоверие и придиричливость, свойственные умам низменным, позволил себе рассматривать открытие с точки зрения равно унижительной и нелепой. М-р Блтон, побуждаемый неизменным желанием очернить бессмертное имя Пиквика, лично отправился в Кобем, а по возвращении саркастически заметил в речи, произнесенной в клубе, что он видел человека, у которого был куплен камень, что этот человек считает камень древним, но решительно отрицает древность надписи, ибо, по его словам, он сам кое-как вырезал ее в часы безделья, и из букв составляется всего-навсего следующая фраза: „Билль Стампис, его рука“; что м-р Стампис, не искушенный в сочинительстве и имевший обыкновение руководствоваться скорее звуковой стороной слов, чем строгими правилами орфографии, опустил „ь“ в своем имени.

Пиквикский клуб (как и следовало ожидать от столь просвещенного учреждения) принял это заявление с заслуженным презрением, исключил из состава членов самонадеянного и строптивого Блтона и постановил преподнести м-ру Пиквику очки в золотой оправе в знак своего доверия и признания; в ответ на что м-р Пиквик заказал написать свой портрет масляными красками и велел повесить его в зале заседаний

клуба, — каковой портрет, кстати, он не пожелал уничтожить, когда стал несколькими годами старше.

М-р Блотон был изгнан, но не побежден. Он тоже написал брошюру, обращенную к семнадцати ученым обществам, отечественным и иностранным, в которой снова изложил сделанное им заявление и весьма прозрачно намекнул, что названные семнадцать ученых обществ — „шарлатанские учреждения“. Так как этим было вызвано моральное негодование семнадцати ученых обществ, отечественных и иностранных, то на свет появились новые брошюры; ученые общества иностранные завязывали переписку с учеными обществами отечественными; отечественные ученые общества переводили брошюры иностранных ученых обществ на английский язык; иностранные ученые общества переводили брошюры отечественных ученых обществ на всевозможные языки; и так возникла пресловутая научная дискуссия, хорошо известная всему миру под названием Пиквикской полемики.

Но эта низкая попытка опозорить м-ра Пиквика обрушилась на голову клеветника. Семнадцать ученых обществ единогласно признали самонадеянного Блотона невежественным придирою и еще с большим рвением стали выпускать трактаты. А камень и по сей день остается... неразгаданным памятником величия м-ра Пиквика и вечным трофеем, свидетельствующим о ничтожестве его врагов.

ГЛАВА XII

*повествующая о весьма важном поступке м-ра Пиквика;
эпоха в его жизни точно так же, как в этом пове-
ствовании*

Помещение, занимаемое м-ром Пиквиком на Госуел-стрит*, хотя и скромное, было не только весьма опрятно и комфортабельно, но и специально приспособлено для местожительства человека его дарований и наблюдательности. Приемная его находилась в первом этаже, окнами на улицу; спальня — во втором и также выходила на улицу; поэтому, сидел ли он за письменным столом в своей гостиной, стоял ли перед зеркалом в своей опочивальне, — равно мог он наблюдать человеческую природу во всех ее многообразных проявлениях на этой столь же населенной, сколь излюбленной населением улице. Его квартирная хозяйка м-с Бардль, — вдова и единственная душеприказчица таможенного чиновника, — была благообразной женщиной с хлопотливыми манерами и приятной наружностью, с природными способностями к стряпне, которые благодаря изучению и долгой практике развились в исключительный талант. В доме не было ни детей, ни слуг, ни домашней птицы. Единственными его обитателями, кроме м-с Бардль, были взрослый муж-

чина и маленький мальчик; первый — жилец, второй — произведение м-с Бардль. Взрослый мужчина всегда являлся домой ровно в десять часов вечера, в каковой час он неизменно втискивался в пределы крошечной французской * кровати, помещавшейся в задней комнате; а арена детских игр и гимнастических упражнений мастера * Бардля ограничивалась соседними тротуарами и канавами. Чистота и покой царили во всем доме; и воля м-ра Пиквика была в нем законом.

Всякому, кто был знаком с этими моментами домашнего распорядка в доме и кто хорошо знал удивительную уравновешенность м-ра Пиквика, вид его и поведение утром накануне дня, назначенного для отъезда в Итенсуил *, должны были показаться в высшей степени таинственными и необъяснимыми. Он тревожно шагал взад и вперед по комнате, чуть не через каждые три минуты высовывался из окна, все время поглядывал на часы и проявлял много других признаков нетерпения, весьма ему несвойственного. Было ясно, что ожидается какое-то событие великой важности, но что это за событие — не имела возможности угадать даже сама м-с Бардль.

— М-с Бардль! — сказал наконец м-р Пиквик, когда эта любезнейшая женщина заканчивала затянувшуюся уборку комнат.

— Сэр? — отозвалась м-с Бардль.

— Ваш мальчик очень долго не возвращается.

— Да ведь до Баро путь не короткий, сэр, — возразила м-с Бардль.

— Да, совершенно верно, — сказал м-р Пиквик, — не короткий.

М-р Пиквик погрузился в молчание, а м-с Бардль снова принялась стирать пыль.

— М-с Бардль, — произнес м-р Пиквик по прошествии нескольких минут.

— Сэр? — снова отозвалась м-с Бардль.

— Как вы думаете, расходы на содержание двух человек значительно превышают расходы на одного?

— Ах, м-р Пиквик, — сказала м-с Бардль, краснея до самой оборки чепца, ибо ей почудилось, будто она уловила в глазах

жильда нечто вроде матримониального огонька,—ах, м-р Пиквик, к чему этот вопрос?

— Ну, а все-таки, как вы думаете? — настаивал м-р Пиквик.

— Это зависит... — начала м-с Бардль, придвигая пыльную тряпку к самому локтю м-ра Пиквика, покоившемуся на столе,— видите ли, м-р Пиквик, многое зависит от человека; если это особа бережливая и осмотрительная, сэр...

— Вы совершенно правы, — сказал м-р Пиквик, — по, мне кажется, особа, которую я имею в виду (тут он очень пристально посмотрел на м-с Бардль), наделена этими качествами; и вдобавок прекрасно знает жизнь и отличается острым умом, что может быть для меня в высшей степени полезно.

— Ах, м-р Пиквик! — повторила м-с Бардль, снова алая до оборки чепца.

— Я в этом уверен, — продолжал м-р Пиквик, с возрастающей энергией, что случалось с ним всегда, когда он затрагивал интересовавшую его тему, — да, уверен, и сказать вам правду, м-с Бардль, я уже принял решение.

— Ах, боже мой, сэр! — воскликнула м-с Бардль.

— Вам может показаться странным, — любезно заметил м-р Пиквик, бросив добродушный взгляд на свою собеседницу, — что я с вами не посоветовался и даже не заговаривал об этом до тех пор, пока не отослал из дома сегодня утром вашего сынишку, а?

М-с Бардль могла ответить только взглядом. Давно уже боготворила она издали м-ра Пиквика, а сейчас ее вдруг вознесли на вершину, до которой никогда не смели долетать даже самые нелепые и сумасбродные ее надежды. М-р Пиквик собирался сделать ей предложение... он действовал обдуманно... отослал ее мальчугана в Баро, чтобы избавиться от него... какая предусмотрительность... какое внимание!

— Ну, что же вы по этому поводу думаете? — спросил м-р Пиквик.

— О, м-р Пиквик, — отозвалась м-с Бардль, дрожа от волнения, — вы очень добры, сэр.

— Вы избавитесь от многих хлопот, не так ли? — продолжал м-р Пиквик.

— О, о хлопотах я никогда не думала, сэр, — ответила м-с Бардль, — и, конечно, я готова хлопотать больше, чем когда бы то ни было, чтобы только угодить вам. Но как вы добры, м-р Пиквик, — столько внимания к моему одиночеству.

— Совершенно верно, — сказал м-р Пиквик. — Я об этом и не подумал. Теперь вам всегда будет с кем посидеть, когда я приезжаю в город. Само собою разумеется.

— Я должна считать себя очень счастливой женщиной, — заявила м-с Бардль.

— А ваш сынок... — начал м-р Пиквик.

— Да благословит его бог! — с материнским всхлипыванием встала м-с Бардль.

— Теперь и у него будет товарищ, — продолжал м-р Пиквик, — веселый товарищ, в этом я уверен, он вашего сынка за неделю обучит таким штукам, каким тот и за год бы не научился, — и м-р Пиквик благодушно улыбнулся.

— Ах, мой милый... — произнесла м-с Бардль.

М-р Пиквик вздрогнул.

— О, милый, дорогой, славный мой шутник! — воскликнула м-с Бардль, и без дальнейших церемоний встала со стула и обвила руками шею м-ра Пиквика, сопровождая свои действия водопадом слез и серией всхлипываний.

— Господи помилуй! — воскликнул пораженный м-р Пиквик. — М-с Бардль, голубушка... боже мой, ну, и положение... умоляю вас, будьте благоразумны. М-с Бардль, оставьте — вдруг кто-нибудь войдет...

— О, пусть входит! — самозабвенно воскликнула м-с Бардль. — Я вас никогда не покину! Милый, славный, добрая душа! — И с этими словами м-с Бардль еще крепче обхватила м-ра Пиквика.

— Помиловосердствуйте! — неистово отбивался м-р Пиквик. — Я слышу, кто-то поднимается по лестнице. Оставьте меня, оставьте, это — ваш сын, оставьте... — Но как мольбы, так и протесты не достигли цели, ибо м-с Бардль потеряла сознание в объятиях м-ра Пиквика, и не успел он усадить ее в кресло, как в комнату вошел мастер Бардль, а вслед за ним м-р Тапмен, м-р Уинкль и м-р Снодграс.

М-р Пиквик остолбенел и лишился дара речи. Он стоял, держа в объятиях драгоценную ношу, и тупо глядел на физиономии своих друзей, даже не пытаясь с ними поздороваться или дать объяснение. Те в свою очередь устали на него, а мастер Бардль в свою очередь устал на всех присутствующих.

Изумление пиквикистов было настолько всепоглощающим и замешательство м-ра Пиквика было настолько крайним, что они могли бы пребывать в совершенно тех же положениях, пока не восстановилось бы потерянное сознание леди, если бы на сцену не выступило в высшей степени прекрасное и трогательное выражение сыновней привязанности со стороны ее юного отпрыска. Одетый в узкий костюм из полосатого плиса, усеянного медными пуговицами солидных размеров, он стоял сначала у двери, изумленный и растерянный; но мало-по-малу в его еще незрелом мозгу зародилась мысль, будто матери был нанесен какой-то ущерб, и, считая м-ра Пиквика виновником, он издал устрашающий и дикий вопль и, наклонив голову и рванувшись вперед, атаковал спину и ноги бессмертного джентльмена, награждая его ударами и щипками, какие только позволяла сила его рук и заальчивость его возбуждения.

— Уберите этого чертенка, — простонал измученный м-р Пиквик, — он взбесился!

— Что случилось? — спросили три ошеломленных пиквикиста.

— Не знаю, — раздраженно ответил м-р Пиквик. — Уберите мальчика. (Тут м-р Уинкль оттащил занятого юнца, продолжавшего вопить и отбиваться, в дальний конец комнаты.) А теперь помогите отвести эту женщину вниз.

— Ах, мне уже лучше, — слабо простонала м-с Бардль.

— Разрешите проводить вас вниз, — предложил всегда галантный м-р Тапмен.

— Благодарю вас, сэр... благодарю вас! — истерически выкрикнула м-с Бардль; после чего была отведена вниз вместе со своим любящим сыном.

— Постигнуть не могу, — сказал м-р Пиквик, когда его друг вернулся, — постигнуть не могу, что случилось с этой жен-

щиной. Я объявил всего-навсего о своем намерении напять слугу, как она впала в необычайный припадок, в каком вы застали ее. Весьма необычайная вещь.

— Весьма, — подтвердили трое друзей.

— Поставила меня в чрезвычайно неловкое положение, — продолжал м-р Пиквик.

— Весьма, — ответствовали его ученики, тихонько покашливая и недоверчиво переглядываясь.

Такое поведение не ускользнуло от внимания м-ра Пиквика. Он заметил их недоверие. Ясно, что они его подозревали.

— Там, в коридоре, ждет какой-то человек, — сказал м-р Тапмен.

— Это тот самый, о котором я вам говорил, — подхватил м-р Пиквик. — Сегодня утром я послал за ним в Баро. Снодграс, сделайте милость, велите ему войти.

М-р Снодграс исполнил просьбу, и перед ними тотчас же предстал м-р Сэмюел Уэлер.

— А... надеюсь, вы меня помните? — осведомился м-р Пиквик.

— Как не помнить! — ответил Сэм, покровительственно подмигнув. — Грязное дело это-вот, но куда вам до этого типа! Ньюхул, раз, два, да и...

— Сейчас это к делу не относится, — поспешно перебил м-р Пиквик. — Я хочу поговорить с вами о другом. Садитесь.

— Благодарю вас, сэр, — отозвался Сэм, и, не дожидаясь вторичного приглашения, сел, положив предварительно свою старую белую шляпу на площадке за дверью. — Не очень хороша на вид, — заметил Сэм, — но удивительна в носке, и пока не сошли поля, была очень прекрасная кровля. Зато без них — легче, это раз, и всякая дырка дает проход воздуху, это два, — я ее называю — летняя вентиляция.

Высказав эту сентенцию, м-р Уэлер приятно улыбнулся всем пиквикистам.

— А теперь поговорим о деле, по которому я за вами послал, посоветовавшись с этими джентльменами, — сказал м-р Пиквик.

— Вот именно, сэр, — вставил Сэм, — выкладывай да поживее, как сказал отец сыну, когда тот проглотил фартинг.

— Прежде всего мы хотели бы знать, — начал м-р Пиквик, — имеются ли у вас основания быть недовольным своим местом?

— Раньше, чем отвечать на этот вопрос, джентльмены, — сказал Сэм, — я бы хотел прежде всего знать, думаете ли вы предложить мне лучшее.

Луч тихого благоволения озарил лицо м-ра Пиквика, давшего такой ответ:

— Я не прочь бы взять вас к себе на службу.

— К вам? — воскликнул Сэм.

М-р Пиквик утвердительно кивнул.

— Жалованье? — осведомился Сэм.

— Двенадцать фунтов в год, — ответил м-р Пиквик.

— Платье?

— Две смены.

— Работа?

— Прислуживать мне и путешествовать вместе со мной и этими джентльменами.

— Снимайте билетик, — выразительно заметил Сэм, — сдан одинокому джентльмену, условия по договору.

— Значит, вы согласны? — спросил м-р Пиквик.

— Безусловно, — ответил Сэм. — Если платье будет мне впору, как и место, всё сойдет.

— Вы, конечно, можете представить рекомендацию? — поинтересовался м-р Пиквик.

— Справьтесь об этом у хозяйки „Белого Оленя“, сэр, — отозвался Сэм.

— Можете вы притти сегодня же вечером?

— Если платье готово, я влезу в него хоть сейчас, — с живостью заявил Сэм.

— Приходите к восьми часам вечера, — сказал м-р Пиквик, — и если рекомендация окажется удовлетворительной, о платье мы позаботимся.

За исключением одной единственной шалости, в которой участвовала в равной мере одна из служанок, поведение м-ра

Уэлера оказалось столь безупречным, что м-р Пиквик счел вполне возможным заключить соглашение в тот же вечер. Со всею стремительностью и энергией, характеризовавшими как общественную деятельность, так и частную жизнь этого замечательного человека, м-р Пиквик тотчас же повел своего нового слугу в одно из тех удобных заведений, где продается новое и поношенное мужское платье и где обходятся без затруднительной и неприятной формальности, именуемой примеркой; ночь еще не спустилась, как м-р Уэлер получил в свое распоряжение серый фрак с пуговицей, украшенной буквами П. К., черную шляпу с кокардой, пестрый полосатый жилет, светлые штаны и гетры и столько других необходимых вещей, что перечислить их не представляется возможным.

— Итак, — заметил этот внезапно преобразившийся индивид, когда занял на следующее утро наружное место в итенсиулской карете, — хотел бы я знать, кем полагается мне быть — лакеем, грумом, егерем или торговцем семенами. Вид у меня такой, будто я вроде микстуры из них всех. Ну, не беда! Перемена климата, много развлечений, мало дела, и все это мне подходит при моей необыкновенной хворости. Итак, да здравствуют пиквикисты! — скажу я.

ГЛАВА XIII

Некоторые сведения об Итенсуиле; о его политических партиях и о выборах члена, долженствующего представлять в парламенте этот древний, верно-подданный и патриотический город

Мы откровенно признаемся, что до того момента, пока мы не погрузились в многотомные документы Пиквикского клуба, нам никогда не приходилось слышать об Итенсуиле; с такой же искренностью мы признаемся, что тщетно искали в настоящее время доказательств действительного существования этого городка. Зная, с какой глубокой верой следует относиться к каждой заметке и заявлению м-ра Пиквика, и не помышляя довериться нашей памяти в ущерб утверждениям сего великого мужа, мы обращались по интересующему нас вопросу ко всем авторитетным источникам, которые удалось нам разыскать. Мы тщательно изучали все названия, помещенные в Таблицах * А и В, но не встретили названия Итенсуил; мы внимательно исследовали каждый уголок на географических картах графств, изданных в интересах общества нашими выдающимися издателями, но наши поиски возымели те же результаты. Посему мы склонны предположить, что м-р Пиквик из опасения кого-нибудь

обидеть и из деликатности, столь нарочито примечательной в глазах всех, кто хорошо его знал, намеренно поставил вымышленное название вместо настоящего имени того города, в коем производил свои наблюдения. Наше предположение подтверждается одним обстоятельством, на первый взгляд крайне незначительным и незаметным, но если на него взглянуть с указанной точки зрения, оно не может не остановить на себе внимания. В записной книжке м-ра Пиквика мы можем разобрать заметку, что места для него и его учеников заказаны были в норичской карете; но эта заметка была потом зачеркнута, словно для того, чтобы скрыть даже направление, в котором находится этот город. Мы не рискуем делать на этот счет никаких догадок, а непосредственно перейдем к своему повествованию, довольствуясь материалами, коими нас снабдили его действующие лица.

Можно думать, что население Итенсуила, как и многих других городков, приписывало себе исключительное и особое значение, и что каждый житель Итенсуила, в сознании веса, какой имеет его личный пример, долгом своим почитал примкнуть душою и сердцем к одной из двух великих партий, разделивших город, — Синих * и Желтых.

Синие не упускали случая стать в оппозицию Желтым, а Желтые не упускали случая стать в оппозицию Синим, вследствие чего, где бы ни встречались Желтые и Синие — на публичном собрании, в зале городского совета, на рынке или на ярмарке — споры и крепкие словечки оглашали воздух. Излишне добавлять, что благодаря этим раздорам каждый вопрос в Итенсуиле становился вопросом партийным. Если Желтые предлагали сделать новую стеклянную крышу над рынком, Синие собирали митинги и проваливали это предложение; если Синие предлагали установить новый водопроводный насос на главной улице города, Желтые восставали как один, пораженные такой чудовищной затеей. В городе были Синие лавки и Желтые лавки, Синие гостиницы и Желтые гостиницы, и даже в церкви были боковые нефы — Желтый и Синий.

Разумеется, было существенно и настоятельно необходимо, чтобы у каждой из этих мощных партий был свой излюб-

ленный печатный орган и выразитель; соответственно в городе издавалось две газеты: „Итенсуилская газета“ и „Итенсуилский независимый“, первая защищала принципы Синих, вторая велась на основаниях решительно Желтых. Прекрасные это были газеты. Что за передовые статьи и какая пламенная полемика! „Наш недостойный собрат Газета“, „Эта позорная и подлая газетка Независимый“, „Этот лживый и непристойный Независимый“, „Этот злостный клеветнический листок Газета“ — такие и подобные разжигающие изветы были в изобилии рассеяны на столбцах каждой из них, в каждом номере, пробуждая чувства пламенного восхищения и негодования в сердцах горожан.

М-р Пиквик, со свойственными ему прозорливостью и чутьем, избрал для своего визита этот город в особенно подходящий момент. Никогда еще борьба партий в нем не достигала такого ожесточения. Почтенный* Сэмюел Сламки из Сламки-холла* был кандидатом Синих, а Хорешию Физкин, эскуайр из Физкин-лоджа* близ Итенсуила, выдвинут был друзьями отстаивать интересы Желтых. „Газета“ предупреждала избирателей Итенсуила, что глаза не одной только Англии, но всего цивилизованного мира устремлены на них; а „Независимый“ грозно вопрошал, остаются ли избиратели Итенсуила попрежнему славными гражданами, каковыми их всегда считали, или низкими и раболопными орудиями, недостойными имени англичан и благословенной свободы. Такого волнения в городе еще никогда не было.

Был поздний вечер, когда м-р Пиквик с друзьями при помощи Сэма спустились с крыши итенсуилской кареты. Большие синие шелковые флаги развевались из окон гостиницы „Городской Герб“, а плакаты в каждом окне возвещали гигантскими буквами, что комитет почтенного Сэмюела Сламки заседает здесь ежедневно. Толпа зевак собиралась на улице, внимая охрипшему человеку, который столь рьяно говорил с балкона в защиту м-ра Сламки, что лицо его стало пунцовым; но силу и остроту его аргументов несколько ослаблял неумолчный грохот четырех огромных барабанов, поставленных комитетом м-ра Физкина на углу улицы. Рядом с этим человеком

стоял маленький подвижной джентльмен; во время пауз он снимал шляпу и делал знак толпе, чтобы она аплодировала, что и было аккуратно выполняемо с большим энтузиазмом; так как краснолицый джентльмен продолжал говорить, пока его лицо не покраснелось до последней степени, то казалось, что цели он достиг с таким же успехом, как если бы кто-нибудь его слышал.

Едва пиквикисты вышли из кареты, как их окружила группа честных и независимых, немедленно испустивших три оглушительных „ура“, которые, будучи подхвачены всей толпой (ибо толпе отнюдь не обязательно знать, чем вызваны крики), разрослись в такой торжествующий рев, который заставил умолкнуть даже краснолицего человека на балконе.

— Ура! — гаркнула в заключение толпа.

— Еще разок! — орал маленький заправила на балконе, и толпа снова загрохотала, словно у нее были чугунные легкие со стальным механизмом.

— Да здравствует Сламки! — ревели честные и независимые.

— Да здравствует Сламки! — вторил м-р Пиквик, снимая шляпу.

— Долой Физкина! — орала толпа.

— Долой! — кричал м-р Пиквик.

— Ура!

И снова поднялся такой рев, словно ревел целый зверинец, как ревет он, когда слон звонит в колокол, требуя завтрак.

— Кто этот Сламки? — прошептал м-р Тапмен.

— Понятия не имею, — отозвался так же тихо м-р Пиквик. — Тсс... Не задавайте вопросов. В таких случаях надо делать то, что делает толпа.

— Но, повидимому, здесь две толпы, — заметил м-р Снодграс.

— Кричите с тою, которая больше, — ответил м-р Пиквик. Фолианты — и те ничего не могли бы прибавить.

Они вошли в гостиницу — горланящая толпа расступилась и пропустила их. Прежде всего надлежало позаботиться о помещении для ночлега.

— Можем мы здесь получить постели? — спросил м-р Пиквик лакея.

— Не знаю, сэр, — ответил тот. — Боюсь, полно, сэр. Сейчас наведу справки, сэр.

Через минуту он вернулся и спросил, „Синие“ ли джентльмены. Так как ни м-р Пиквик, ни его друзья не были жизненно заинтересованы ни в одном из кандидатов, ответить на этот вопрос представлялось затруднительным. Столкнувшись с такой дилеммой, м-р Пиквик вспомнил о своем новом друге, м-ре Перкере.

— Вы знаете джентльмена по имени Перкер? — спросил он.

— Как же, сэр, знаю! Это — агент * почтенного м-ра Сэмюэла Сламки.

— Он, кажется, Синий?

— Конечно, сэр.

— В таком случае, и мы Синие, — сказал м-р Пиквик; но, заметив, что лакей колеблется, услышав такое приспособительное заявление, он вручил ему визитную карточку и попросил тотчас же передать ее м-ру Перкеру, если он находится здесь.

Лакей ретировался и скоро вернулся, предложив м-ру Пиквику следовать за ним. Он ввел его в большую комнату в первом этаже, где за длинным столом, заваленным бумагами и книгами, восседал м-р Перкер.

— А, уважаемый сэр! — сказал маленький человек, подходя к нему. — Очень рад вас видеть, уважаемый сэр, очень. Прошу садиться. Итак, вы выполнили свое намерение. Вы приехали посмотреть выборы... а?

М-р Пиквик ответил утвердительно.

— Жаркая борьба, уважаемый сэр, — заметил маленький человек.

— Очень приятно! — сказал м-р Пиквик, потирая руки. — Очень приятно наблюдать горячий патриотизм, — с какой бы стороны он ни проявлялся. Вы говорите, жаркая борьба?

— О, да! — ответил маленький человек. — Очень жаркая. Мы заняли все гостиницы в городе, а противнику оставили только пивные. Ловкий политический ход, уважаемый сэр, а?

И маленький джентльмен самодовольно усмехнулся и угостился изрядной понюшкой табаку.

— А каков может быть исход выборов? — осведомился м-р Пиквик.

— Неясно, уважаемый сэр, в настоящее время еще неясно. Люди Физкина заперли в каретном сарае „Белого Оленя“ тридцать три избирателя.

— В каретном сарае! — ахнул м-р Пиквик, пораженный этим вторым политическим ходом.

— Да, их держат под замком, пока они не понадобятся, — продолжал маленький человек. — Вы понимаете, делается это для того, чтобы мы их не завербовали; но если бы мы и добрались до них — все равно толку никакого, потому что их умышленно спаивают. Ловкий человек — агент Физкина... очень ловкий.

М-р Пиквик широко раскрыл глаза, но не сказал ничего.

— Тем не менее, — понизил голос м-р Церкер почти до шопота, — мы не теряем надежды. Вчера мы устроили маленькую вечеринку... сорок пять особ женского пола, уважаемый сэр... и каждой мы подарили перед уходом зеленый зонтик.

— Зонтик! — воскликнул м-р Пиквик.

— Вот именно, сэр, вот именно. Сорок пять зеленых зонтиков, семь шиллингов шесть пенсов штука. Все женщины любят украшения... эффект поразительный этих зонтиков. Они обеспечили нам голоса всех мужей и половины братьев... Это побивает чулки, фланель и все эти пустяки. Моя идея, уважаемый сэр, деликом. В град, в дождь, в солнцепек вам не пройти по улице и десятка ярдов, не встретив с полдюжины зеленых зонтиков.

Тут маленьким человеком овладел припадок веселых судорог, который прекратился только при появлении третьего лица.

Это был высокий тощий мужчина с рыжеволосой головой, начавшей лысеть, и с выражением лица, на котором торжественное сознание собственной значительности сочеталось с бездонным глубокомыслием. Он был облечен в длинный коричневый сюртук, черный суконный жилет и мышиного цвета брюки. На

жилете у него болтался лорнет, на голове у него была шляпа с очень низкой тульей и широкими полями. Вошедший был представлен м-ру Пиквику как редактор „Итенсуилской газеты“ — м-р Пот. После нескольких общих замечаний м-р Пот повернулся к м-ру Пиквику и торжественно произнес:

— Эта борьба вызывает большой интерес в столице, сэр?

— Мне кажется, — ответил м-р Пиквик.

— Смею думать, — продолжал Пот, ища взглядом подтверждения со стороны м-ра Перкера, — смею думать, что моя статья в последнем субботнем номере до известной степени этому способствовала.

— Не может быть ни малейших сомнений, — подтвердил маленький человек.

— Пресса — могущественное орудие, сэр, — сказал Пот.

М-р Пиквик выразил полнейшее согласие с этим положением.

— Но, надеюсь, сэр, — продолжал Пот, — я никогда не злоупотреблял той великой властью, которой я обладаю. Надеюсь, сэр, что я никогда не направлял врученного мне благородного орудия против священного лона частной жизни или в чувствительное сердце личной репутации... Надеюсь, сэр, что я посвятил свою энергию... попыткам... может быть, слабым, да, да, слабым... внушить те принципы... которые... которые...

Тут редактор „Итенсуилской газеты“, повидимому, запутался, м-р Пиквик пришел ему на помощь и сказал:

— Ну, конечно.

— Позвольте мне, сэр, — сказал Пот, — спросить вас, как человека беспристрастного, каково отношение общественного мнения Лондона к моей борьбе с „Независимым“?

— Интерес, несомненно, в высшей степени приподнятый, — вмешался м-р Перкер с лукавой улыбкой, по всей вероятности, случайной.

— Эта борьба, — продолжал Пот, — будет длиться, сколько у меня хватит сил и здоровья и той доли таланта, которой я одарен. От этой борьбы, сэр, — пусть она даже внесет смятение в умы людей и возбудит их чувства, пусть она сделает их неспособными выполнять обязанности повседневной жизни, —

от этой борьбы, сэр, я не откажусь, пока не раздавлю под своей пятой „Итенеуилский независимый“. Я хочу, сэр, чтобы Лондон и вся страна знали, что на меня можно положиться, что я их не покину, что я решил биться, сэр, до конца.

— Ваше поведение, сэр, очень благородно, — произнес м-р Пиквик и пожал руку великодушному Поту.

— Я вижу, сэр, вы человек умный и талантливый, — сказал м-р Пот, едва переводя дух после своей пылкой патриотической декларации. — Я в высшей степени счастлив, сэр, познакомиться с таким человеком.

— А я, — ответил м-р Пиквик, — чувствую себя весьма почтенным таким мнением. Разрешите мне, сэр, познакомить вас с моими спутниками, корреспондентами клуба, основанием которого я могу гордиться.

— Я буду в восторге, — сказал м-р Пот.

М-р Пиквик удалился и, вернувшись со своими друзьями, представил их по всем правилам редактору „Итенеуилской газеты“.

— Теперь, дорогой мой Пот, — сказал маленький м-р Перкер, — возникает вопрос, как нам поступить с нашими друзьями.

— Полагаю, мы можем остановиться в этой гостинице, — сказал м-р Пиквик.

— В гостинице нет ни одной свободной кровати, уважаемый мой сэр, ни единой кровати.

— Чрезвычайно затруднительное положение, — заметил м-р Пиквик.

— Чрезвычайно, — подтвердили его спутники.

— У меня есть идея на этот предмет, — сказал м-р Пот, — которую, мне кажется, можно с успехом осуществить. В „Павлине“* есть две кровати, а я беру на себя смелость заявить от имени м-с Пот, что она рада будет дать пристанище м-ру Пиквику и одному из его друзей, если два других джентльмена не возражают против того, чтобы им со слугою устроиться в „Павлине“.

После повторных настояний со стороны м-ра Пота и повторных отказов со стороны м-ра Пиквика, не считавшего возможным причинять неудобства или хлопоты любезной супруге

м-ра Пота, было решено, что это единственно осуществимый план, на каком можно остановиться. На нем и остановились; и, пообедав вместе в „Городском Гербе“, друзья расстались: м-р Тапмен и м-р Снодграс пошли к „Павлину“, а м-р Пиквик и м-р Уинкль направили свои стопы к дому м-ра Пота, условившись заранее, что утром они все соберутся в „Городском Гербе“ и будут сопровождать процессию почтенного Самюэля Сламки до места, где будут провозглашаться кандидаты.

Семейный круг м-ра Пота ограничивался им самим и его женой. У всех, кого мощный гений вознес на гордую высоту, обычно имеется какая-нибудь маленькая слабость, которая, противореча общим качествам их личности, кажется тем более заметной. Если м-р Пот имел какую-нибудь слабость, то, быть может, заключалась она в том, что он был, пожалуй, слишком подчинен несколько презрительному контролю и влиянию своей жены. Мы не считаем себя в праве как-либо подчеркивать этот факт, ибо в данном случае все обаятельные манеры м-с Пот были пущены в ход для приема двух джентльменов.

— Моя дорогая, — сказал м-р Пот, — м-р Пиквик... м-р Пиквик из Лондона.

М-с Пот приняла отеческое рукопожатие м-ра Пиквика с очаровательной любезностью; м-р Уинкль, который вовсе не был представлен, шаркал ногами и кланялся, предоставленный самому себе, в темном углу комнаты.

— Пи, друг мой... — сказала м-с Пот.

— Жизнь моя, — отозвался м-р Пот.

— Пожалуйста, представьте другого джентльмена.

— Тысяча извинений, — сказал м-р Пот. — Разрешите... м-с Пот, м-р...

— Уинкль, — подсказал м-р Пиквик.

— Уинкль, — повторил м-р Пот, и церемония представления была закончена.

— Мы должны извиниться перед вами, сударыня, — начал м-р Пиквик, — в том, что без всякого предупреждения нарушаем ваш домашний покой.

— Прошу вас, не упоминайте об этом, сэр, — с живостью отвечала нежная половина семейства Поттов. — Уверю вас, для меня настоящий праздник — увидеть новые лица, живя так, как я живу, изо дня в день и неделю за неделей в этом скучном месте, никого не видя.

— Никого, дорогая моя! — лукаво воскликнул м-р Потт.

— Никого, кроме вас, — резко отпарировала м-с Потт.

— Видите ли, м-р Пиквик, — сказал хозяин в пояснение к жалобе своей жены, — мы до известной степени лишены многих развлечений и удовольствий, которыми могли бы пользоваться при иных условиях. Мое общественное положение редактора „Итенсуилской газеты“, тот вес, каким эта газета пользуется в стране, мое постоянное пребывание в водовороте политики...

— Пи, друг мой... — перебила м-с Потт.

— Жизнь моя... — отозвался редактор.

— Мне бы хотелось, друг мой, чтобы вы попробовали найти какую-нибудь тему для разговора, в которой джентльмены могли бы принять разумное участие.

— Но, милочка, — с великим смирением возразил м-р Потт, — м-р Пиквик этим интересуется.

— И благо ему, если он может этим интересоваться, — выразительно сказала м-с Потт. — А мне до смерти надоела ваша политика и ссоры с „Независимым“ и весь этот вздор. Я просто удивляюсь, Пи, что вы лезете со своими глупостями.

— Но, дорогая моя... — начал м-р Потт.

— Ах, вздор, и слушать не хочу, — прервала м-с Потт. — Вы играете в экарте*, сэр?

— Я буду счастлив научиться под вашим руководством, — ответил м-р Уинкль.

— В таком случае придвиньте этот столик к окну, чтобы я не слыхала больше об этой прозаической политике.

— Джейн, — сказал м-р Потт служанке, которая принесла свечи, — сойдите вниз в контору и принесите мне пачку номеров „Газеты“ за тысячу восемьсот двадцать восьмой год. Я хочу прочесть вам, — добавил редактор, обращаясь к м-ру Пик-

вику, — я хочу прочесть вам сейчас несколько передовых статей, которые я написал в то время о затее Желтых, состоявшей в том, чтобы назначить нового сборщика пошлин у одной из наших застав; я склонен думать, что они вас развлекут.

— Да, мне бы очень хотелось послушать, — сказал м-р Пиквик.

Была доставлена пачка газет, и редактор сел рядом с м-ром Пиквиком.

Мы тщетно рылись в записной книжке м-ра Пиквика в надежде найти хотя бы краткое изложение этих прекрасных статей. Мы имеем все основания предполагать, что он был в полном восхищении от силы и свежести их стиля; во всяком случае, м-р Уинкль отметил тот факт, что глаза м-ра Пиквика были закрыты, словно от чрезмерного удовольствия, все время, пока длилось чтение.

Приглашение к ужину положило конец игре в экарте и воспроизведению красот „Итенсуилской газеты“. М-с Пот была в прекраснейшем состоянии духа и в высшей степени любезна. М-р Уинкль успел в значительной мере снискать ее расположение, и она не задумалась сообщить ему конфиденциально, что м-р Пиквик — „прелестный старичок“. Это выражение отличается фамильярностью, которую очень немногие из тех, кто был близко знаком с этим колоссального ума человеком, осмелились бы себе позволить. Однако мы его сохранили, ибо оно является трогательным и убедительным показателем того уважения, с каким относились к нему все классы общества, и той легкости, с какой он находил путь ко всем сердцам и чувствам.

Был поздний час — много спустя после того, как м-р Тапмен и м-р Снодграс снали в сокровенных тайниках „Павлина“, — когда два друга удалились на отдых. Дремота вскоре окутала сознание м-ра Уинкля, но его чувства были взбудоражены и восхищение зажжено; и в течение многих часов, когда сон стер для него восприятие всех земных предметов, лицо и фигура любезной м-с Пот рисовались снова и снова его смятенному воображению.

Шум и суета, возвестившие о наступлении утра, могли вытеснить из головы самого романтического мечтателя в мире все ассоциации, кроме тех, которые непосредственно связывались с быстро приближавшимися выборами. Бой барабанов, звуки рожков и труб, крики людей и топот лошадей гулко проносились вдоль улиц с самого рассвета; а случайные стычки между застрельщиками обеих партий оживляли приготовления и вместе с тем приятно их разнообразили.

— Ну, Сэм, — сказал м-р Пиквик своему камердинеру, появившемуся в дверях спальни, когда он заканчивал свой туалет, — сегодня, кажется, весь город на ногах.

— Регулярная потеха, сэр, — отвечал м-р Уэлер. — Наши собрались в „Городском Гербе“ и уже надорвали себе глотки.

— А! — сказал м-р Пиквик. — До такой степени они преданы своей партии, Сэм?

— В жизни не видал такой преданности, сэр.

— Дейтельные люди? — сказал м-р Пиквик.

— На редкость, — ответил Сэм. — Еще никогда не видал, чтобы люди столько ели и пили. Дивлюсь, как они не боятся лопнуть.

— Это излишняя доброта здешних джентри*, — заметил м-р Пиквик.

— Похоже на то, — коротко ответил Сэм.

— Они производят впечатление славных, свежих, здоровых ребят, — сказал м-р Пиквик, выглядывая из окна.

— Еще бы не свежих, — отозвался Сэм, — я с двумя лакеями из „Павлина“ здорово откачивали-то независимых избирателей, после их ужина вчерашнего.

— Откачивали независимых избирателей! — воскликнул м-р Пиквик.

— Ну, да, — ответил его слуга, — спали, где упали, утром мы вытащили их одного за другим и — под насос, а теперь они регулярно в полном порядке. По шиллингу с головы комитет выдал за эту-вот работу.

— Быть не может! — воскликнул пораженный м-р Пиквик.

— Помилуй вас бог, сэр, — сказал Сэм, — где же это вас крестили, да не докрестили? Да это еще ничего.

— Ничего? — повторил м-р Пиквик.

— Ровно ничего, сэр, — отвечал слуга. — Вечером накануне последних выборов противная партия подкупила служанку в „Городском Гербе“, чтобы она фокус-покус устроила с грогом четырнадцати избирателям, которые остановились в гостинице и еще не голосовали.

— Что значит устроить фокус-покус с грогом? — осведомился м-р Пиквик.

— Подлить снотворного, — отвечал Сэм. — Будь я проклят, если она не усыпила их всех так, что они опоздали на полсуток к выборам. Одного для пробы, как спал, положили на полók и доставили к палатке, где голоса подавались, да не прошло — не допустили голосовать, тогда его отвезли обратно и опять уложили в постель.

— Странные приемы, — сказал м-р Пиквик, не то разговаривая сам с собой, не то обращаясь к Сэму.

— И наполовину не такие странные сэр, как одно чудесное происшествие, что случилось с моим собственным отцом во время выборов в этом самом городе, — отозвался Сэм.

— А что такое? — полюбопытствовал м-р Пиквик.

— А вот, ездил он сюда прежде с каретой, — начал Сэм, — подошли выборы, одна партия и наняла его доставить избирателей из Лондона. Вечером, накануне отъезда, комитет другой партии посылает за ним потихоньку, он идет за посланным, тот вводит его в большую комнату... множество джентльменов, горы бумаг, перья, чернила и всё такое. „А, м-р Уэлер, — говорит джентльмен в кресле, — очень рад вас видеть, сэр, как поживаете?“ — „Очень хорошо, благодарю вас, сэр, — говорит отец, — надеюсь, и вы недурно?“ — „Ничего себе, благодарю вас, сэр, — говорит джентльмен, — присаживайтесь, м-р Уэлер... пожалуйста, присаживайтесь, сэр“. Вот отец присаживается и усталились они с джентльменом друг на друга. „Вы меня не помните?“ — говорит джентльмен. „Не могу сказать, чтобы помнил“, говорит отец. „О, я вас знаю, — говорит джентльмен, — знал вас, когда вы мальчиком были“, говорит он. „Ну, а я вас не помню“, говорит отец. „Это очень странно“, говорит джентльмен. „Очень“, говорит отец. „Должно быть, у вас

плохая память м-р Уэлер“, говорит джентльмен. „Да, память очень плохая“, говорит отец. „Я так и думал“, говорит джентльмен. Ну, тут наливает он ему стакан вина и обхаживает его, как, мол, он лошадьми правит; отец регулярно разошелся, а под конец тот сует ему в руку билет в двадцать фунтов. „Очень плохая дорога отсюда до Лондона“, говорит джентльмен. „Местами дорога тяжелая“, говорит отец. „Особенно около канала, кажется“, говорит джентльмен. „Место пакостное это-вот“, говорит отец. „Ну-с, м-р Уэлер, — говорит джентльмен, — мы знаем, что кучер вы прекрасный и с лошадьми можете сделать, что хотите. Все мы вас очень любим, м-р Уэлер; так что если произойдет несчастный случай, когда вы повезете сюда этих-вот избирателей, и если они вывалятся в канал без вредных последствий, так это для вас“, говорит он. „Джентльмен, вы очень добры, — говорит отец, — и за ваше здоровье я выпью еще стакан вина“, говорит он. Выпил, а потом спрятал деньги и откланялся. Вы не поверите, сэр, — продолжал Сэм, с невыразимым бесстыдством глядя на своего хозяина, — что в тот самый день, как поехал он с этими избирателями, его карета и опрокинулась на том вот самом месте, и все до единого высыпались в канал.

— И все они благополучно выбрались оттуда? — поспешно осведомился м-р Пиквик.

— Как же... — очень медленно отвечал Сэм, — похоже на то, что одного старого джентльмена не досчитались, знаю, что нашли его шляпу, а не совсем уверен, была при ней его голова или нет. Но вот тут-то самое странное и удивительное совпадение по-моему: после того, что сказал этот джентльмен, карета отца опрокинулась на том самом месте и в тот самый день!

— Да, несомненно, это очень странное обстоятельство, — сказал м-р Пиквик. — Но почистите-ка мне шляпу, Сэм, я слышу, что м-р Уинкль зовет меня завтракать.

С этими словами м-р Пиквик спустился в гостиную, где увидел, что завтрак подан и семья в сборе. Позавтракали на скорую руку; у каждого джентльмена шляпа была декорирована огромной синей кокардой, сделанной прелестными ручками

самой м-с Пот; так как м-р Уинкль вызвался сопровождать эту леди на крышу дома, смежного с платформой, то м-р Пиквик и м-р Пот отправились вдвоем в „Городской Герб“ где из заднего окна один из членов комитета м-ра Сламки обращался с речью к шести мальчишкам и одной девочке, величая их на каждой второй фразе внушительным титулом „мужей итенсуилских“, на что шесть вышеупомянутых мальчишек отвечали громкими кликами.

Конный двор являл недвусмысленные симптомы славы и могущества итенсуилских Синих. Здесь была целая армия синих флагов, — одни с одним древком, другие с двумя демонстрировали подобающие лозунги золотыми буквами в четыре фута длиною и соответствующей толщины. Здесь был большой оркестр из труб, фаготов и барабанов, по четыре музыканта в ряд, зарабатывавших свои деньги за совесть, в особенности очень мускулистые барабанщики. Здесь были отряды констеблей* с синими жезлами, двадцать членов комитета с синими шарфами и толпа избирателей с синими кокардами. Здесь были избиратели верхом и избиратели пешие. Здесь была открытая коляска, запряженная четверкой, для почтенного Сэмюела Сламки; и здесь были четыре коляски, запряженные парой, для его друзей и приверженцев. Флаги шелестели, оркестр играл, констебли бранились, двадцать членов комитета препирались, толпа орала, лошади пятились, форейторы потели; все и всё, что здесь собралось, старалось исключительно на пользу, выгоду, честь и славу почтенного Сэмюела Сламки, из Сламки-холла, одного из кандидатов для представительства города Итенсуила в Палате общин парламента Соединенного королевства.

Громко и длительно раздавались крики „ура“ и величественно шелестело одно из синих знамен с начертанными на нем словами „Свобода печати“, когда рыжая голова м-ра Пота была замечена в одном из окон стоявшею внизу толпою; и безгранично возрос энтузиазм, когда сам почтенный Сэмюел Сламки, в сапогах с отворотами и в синем галстукe, выступил вперед, пожал руку вышеназванному Поту и мелодраматическими жестами демонстрировал перед толпой свою несказанную признательность „Итенсуилской газете“.

— Все ли готово? — спросил почтенный Сэмюел Сламки м-ра Перкера.

— Все, уважаемый сэр, — был ответ маленького человека.

— Ничего, надеюсь, не забыли? — сказал достопочтенный Сэмюел Сламки.

— Все сделано, уважаемый сэр, все до последней мелочи. На улице у двери находятся двадцать человек, хорошо вымытых, вы им пожмете руки, и шестеро грудных детей — вы их погладите по головкам и спросите, сколько каждому из них месяцев. Будьте особенно внимательны к детям, уважаемый сэр, — не забывают, что это всегда производит огромное впечатление.

— Я об этом позабочусь, — сказал почтенный Сэмюел Сламки.

— И, пожалуй, уважаемый сэр, — добавил предусмотрительный маленький человек, — пожалуй, если бы вы могли — я не говорю, что это обязательно, — но если бы вы могли поцеловать одного из них, это произвело бы огромное впечатление на толпу.

— Разве не тот же получится эффект, если это сделает пропонент* или секундант? — осведомился почтенный Сэмюел Сламки.

— Боюсь, что нет, — отвечал агент, — если вы это сами делаете, уважаемый сэр, мне кажется, это создаст вам большую популярность.

— Очень хорошо, — покорно сказал почтенный Сэмюел Сламки, — значит, это должно быть сделано. Вот и все.

— Стройтесь в процессию! — кричали двадцать членов комитета.

Под восторженные крики собравшейся толпы оркестр, констебли, члены комитета, избиратели, всадники и экипажи заняли свои места; парные коляски наполнились таким количеством джентльменов, какое могло уместиться в них стоя; а экипаж, предназначенный для м-ра Перкера, вместил еще м-ра Пиквика, м-ра Тапмена и м-ра Снодграса, не считая с полдюжины членов комитета.

Наступил момент страшного напряжения, когда процессия ждала, чтобы почтенный Сэмюел Сламки вошел в свой экипаж. Вдруг толпа разразилась громкими криками „ура“.

— Вышел, — сказал маленький м-р Перкер чрезвычайно возбужденно, тем более, что занимаемая ими позиция лишила их возможности видеть, что происходит впереди.

Новое „ура“, еще громче.

— Пожимает руки! — крикнул маленький агент.

Новое „ура“, еще сильнее.

— Гладит детей по головкам, — сказал м-р Перкер, дрожа от волнения.

Взрыв аплодисментов потрясает воздух.

— Целует ребенка! — воскликнул восхищенный маленький человек.

Второй взрыв.

— Целует другого! — задыхался взволнованный агент.

Третий взрыв.

— Целует всех! — взвизгнул восторженный маленький джентльмен.

И, приветствуемая оглушительными криками толпы, процессия тронулась.

Каким образом и по каким причинам она смешалась с другой процессией и как в конце концов выпуталась из сумятицы, за этим воспоследовавшей, — описывать это мы не беремся, тем более, что в самом начале суматохи шляпа м-ра Пиквика, одним толчком древка желтого знамени, была нахлобучена ему на глаза, нос и рот. Он изображает себя окруженным со всех сторон, когда ему удавалось хоть что-нибудь разглядеть, сердитыми и злобными физиономиями, огромным облаком пыли и густой толщей сражающихся. Он изображает себя выброшенным из экипажа какою-то невидимой силой и лично принявшим участие в кулачной потасовке, но с кем, как и почему — он решительно не в состоянии установить. Затем он почувствовал, как стоявшие сзади подтолкнули его на какие-то деревянные ступеньки, и, сдвинув шляпу на место, он оказался окруженным друзьями в самых первых рядах левого крыла платформы. Правое было предоставлено партии Желтых, а центр — мэру и его чиновникам, один из коих — толстый герольд Итенсуила — звонил в неимоверный колокольчик, дабы водворить тишину. Тем временем м-р Хорешо Физкин и почтенный

Сэмюел Сламки, прижимая руку к сердцу, кланялись с величайшей приветливостью взбаломученному морю голов, которое затопило все открытое пространство перед ними и откуда поднималась такая буря стонов, криков, воплей и улюлюканья, которая сделала бы честь землетрясению.

— А вот и Уинкль, — сказал м-р Тапмен, потянув своего друга за рукав.

— Где? — спросил м-р Пиквик, надевая очки, которые, по счастью, хранил до сей поры в кармане.

— Вот, — ответил м-р Тапмен, — на крыше того дома. — И действительно, в свинцовом желобе черепичной крыши комфортабельно восседали на двух стульях м-р Уинкль и м-с Пот, размахивая носовыми платками в знак приветствия, — любезность, на которую м-р Пиквик ответил, послав леди воздушный поцелуй.

Процедура еще не началась; а так как праздная толпа обычно расположена к шутливости, то достаточно было этого невинного действия, чтобы вызвать ее на остроумие.

— Ах, он старый греховодник, — кричал чей-то голос, — волочится за девочками!

— Ого, достопочтенный плут! — подхватил другой.

— Напялил очки — замужную женщину разглядывать! — кричал третий.

— Да он подмигивает ей своим блудливым глазом! — орал четвертый.

— Посматривайте за женою, Пот! — ревел пятый. За этим последовал взрыв смеха.

Так как эти насмешки сопровождались возмутительными сравнениями м-ра Пиквика со старым бараном и различными остротами в таком же духе, и вдобавок угрожали задеть репутацию ни в чем не повинной леди, — возмущение м-ра Пиквика достигло наивысшей степени; но так как в эту минуту раздался призыв к соблюдению тишины, он удовлетворился тем, что опалил толпу взглядом сожаления к столь развращенным умам; в ответ на это раздался еще более буйный хохот.

— Тишина! — орали спутники мэра.

— Уифин, водворите тишину, — распорядился мэр с торжественным видом, приличествующим его высокому положению.

Подчиняясь приказанию, герольд исполнил второй концерт на колокольчике, после чего какой-то джентльмен в толпе крикнул: „Пышки *, пышки!“, что послужило поводом к новому взрыву хохота.

— Джентльмены! — обратился мэр, напрягая изо всех сил голос. — Джентльмены! Собратья, избиратели города Итенсуила! Мы сошлись здесь сегодня, чтобы избрать представителя на место нашего покойного...

Тут речь мэра была прервана голосом из толпы.

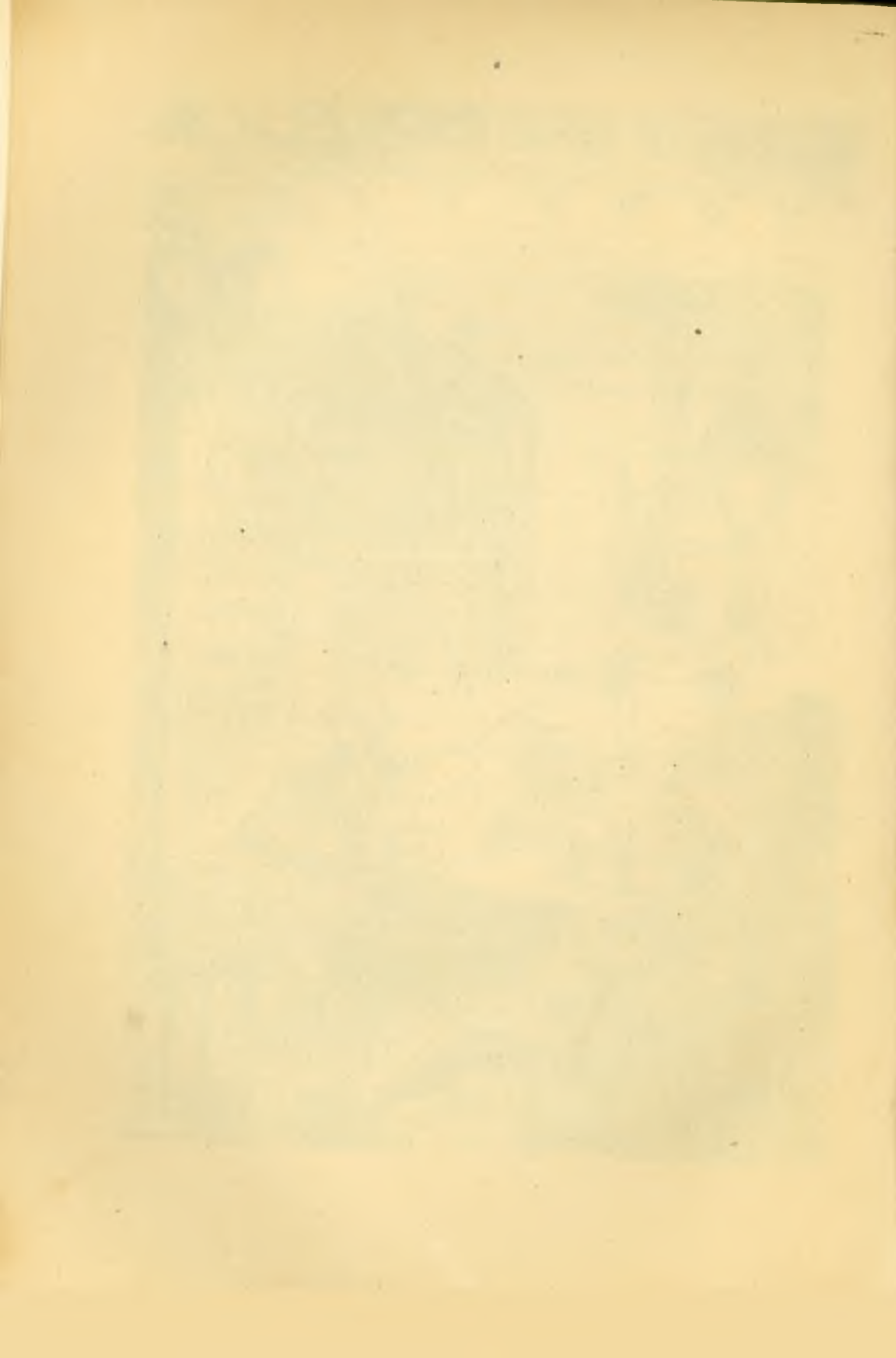
— Да здравствует мэр! — кричал голос. — И да не покидает своей скобяной лавки, где выколачивает денежки!

Этот намек на профессиональные занятия оратора был встречен бурей восторга, которая под аккомпанемент колокольчика заглушила продолжение речи оратора, за исключением последней фразы, выражавшей благодарность собравшимся за терпеливое внимание, с которым они выслушали его от начала до конца, — каковое изъятие благодарности вызвало новый взрыв ликования, не затихавший в течение четверти часа.

Засим высокий худой джентльмен в белом и очень жестком галстуке, после настойчивых пожеланий толпы, чтобы он „послал домой узнать, не оставил ли он свой голос под подушкой“, — попросил разрешения назвать самое подходящее лицо для представительства в парламенте. И когда он провозгласил, что таковым является Хорешпо Физкин, эскуайр из Физкин-лоджа, близ Итенсуила, физикинсты зааплодировали, а сламкисты орали так долго и так оглушительно, что и он и секундант могли бы с успехом вместо речи затянуть веселые куплеты, — никто об этом и не подозревал бы.

После того как друзья Хорешпо Физкина, эскуайра, закончили свое выступление, небольшой холерический краснолицый джентльмен вышел вперед и предложил другое самое подходящее лицо для представительства в парламенте от избирателей Итенсуила; и краснолицый джентльмен преуспел бы

в этом как нельзя лучше, не будь он слишком холеричен, чтобы должным образом отвечать на веселье толпы. Но после нескольких фигуральных сентенций краснолицый джентльмен перешел от изобличения тех голосов в толпе, которые его прерывали, к обмену дерзостями с джентльменами на платформе; вслед за сим поднялся такой рев, который привел его к необходимости выразить свои чувства энергической пантомимой, что он и сделал, уступая место секунданту, который читал речь по рукописи в течение получаса, и его нельзя было остановить, потому что он передал ее уже в „Итенсуилскую газету“, и „Итенсуилская газета“ напечатала ее от слова до слова.

Засим Хорешио Физкин, эскуайр из Физкин-лоджа, близ Итенсуила, появился собственной персоной, чтобы лично обратиться к избирателям. Едва он выступил, как оркестр, нанятый почтенным Сэмюелом Сламки, начал свое исполнение с такой силой, в сравнении с коей утренняя его энергия была ничтожна; в ответ на что Желтая толпа начала обрабатывать головы Синей толпы; на что Синяя толпа попыталась освободиться от неприятного соседства Желтой толпы; после чего воспоследовала толкотня, борьба и свалка, воздать должное коим мы можем не в большей мере, чем мог воздать мэр, хотя он и отдал непреложный приказ двенадцати констеблям схватить зачинщиков, число которых простиралось до двухсот пятидесяти человек, или около того. Во время всех этих столкновений ярость и бешенство Хорешио Физкина, эскуайра из Физкин-лоджа, и его друзей возрастали, пока наконец Хорешио Физкин, эскуайр из Физкин-лоджа, не обратился с вопросом к своему противнику, почтенному Сэмюелу Сламки из Сламки-холла, не играет ли оркестр с его согласия, и когда почтенный Сэмюел Сламки уклонился от ответа, Хорешио Физкин, эскуайр из Физкин-лоджа, потряс кулаком перед лицом почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-холла; после чего почтенный Сэмюел Сламки, чья кровь вскипела, вызвал Хорешио Физкина, эскуайра, на смертный поединок. При этом нарушении всех известных правил и прецедентов мэр скомандовал исполнить новую фантазию на председательском колокольчике и объявил, что прикажет при-

вести к себе обоих — Хорешию Физкина, эскуайра из Физкин-лоджа, и почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-холла — и заставит их поклясться в сохранении мира. В ответ на это грозное предостережение в дело вмешались сторонники обоих кандидатов, и после того, как приверженцы двух партий проспорили попарно в течение трех четвертей часа, Хорешию Физкин, эскуайр, коснулся своей шляпы по адресу почтенного Сэмюела Сламки; почтенный Сэмюел Сламки коснулся своей шляпы по адресу Хорешию Физкина, эскуайра; оркестр умолк; толпа несколько успокоилась, и Хорешию Физкину, эскуайру, было позволено продолжать свою речь.

Речи обоих кандидатов, хотя и отличались одна от другой во всех прочих отношениях, воздавали цветистую дань заслугам и высоким достоинствам итенсуилских избирателей. Каждый выражал убеждение, что более независимых, более просвещенных, более горячих в делах общественных, более благородно мыслящих, более неподкупных людей, чем те, кто обещал за него голосовать, еще не видел мир; каждый туманно высказывал свои подозрения, что избиратели, действующие в противоположных ему интересах, обладают скотскими слабостями и одурманенными способностями, лишающими их возможности выполнить важнейшие обязанности, на них возложенные. Физкин выразил готовность делать все, что от него потребуют; Сламки — твердое намерение не делать ничего, о чем бы его ни просили. Оба говорили о том, что торговля, промышленность, коммерция, процветание Итенсуила ближе их сердцам, чем что бы то ни было на земле; и каждый располагал возможностью утверждать с крайней уверенностью, что именно он — тот, кто подлежит избранию.

Был произведен подсчет поднятых рук; мэр решил в пользу почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-холла. Хорешию Физкин, эскуайр из Физкин-лоджа, потребовал поименной подачи голосов, и поименная подача голосов была назначена. Засим голосовали выражение благодарности мэру за то, что он безупречно председательствовал, а мэр, искренно желая безупречно председательствовать (ибо в течение всей церемонии он стоял), поблагодарил собравшихся. Процессии перестроились, экипажи

медленно проехали сквозь толпу, и толпа орала и вопила вслед, как только подсказывали ей чувства и каприз.

В течение всего времени подачи голосов город пребывал в лихорадочном возбуждении. Все велось в самом либеральном и очаровательном стиле. Продукты, подлежащие акцизу, продавались во всех трактирах удивительно дешево, рессорные фургоны разъезжали по улицам для удобства избирателей, охваченных временным головокружением, — эпидемия, которая распространилась среди избирателей во время избирательной борьбы в самых устрашающих размерах, и под влиянием которой на каждом шагу можно было видеть избирателя, возлежавшего на мостовой в состоянии полного бесчувствия. Небольшая группа избирателей воздерживалась от участия в избирательной кампании до самого последнего момента. Это были расчетливые и рассудительные люди, все еще не убежденные доводами ни одной из партий, хотя они и совещались часто с обеими. За час до конца подачи голосов м-р Перкер стал домогаться чести частного свидания с этими осторожными, этими благородными, этими патристическими людьми. Свидание было дано. Его доводы были кратки, но убедительны. Эти люди отправились к месту подачи голосов всей группой; и когда избиратели оттуда выбрались, почтенный Сэмюел Сламки из Сламки-холла оказался выбранным.

ГЛАВА XIV

содержащая краткое описание компании, собравшейся в „Павлине“, и повесть, рассказанную торговым агентом

От созерцания борьбы и сутолоки политического бытия приятно обратиться к безмятежному покою семейной жизни. Не будучи по существу рьяным приверженцем ни одной из партий, м-р Пиквик тем не менее заразился энтузиазмом м-ра Пота настолько, что все свое время и внимание отдавал делам, описание коих дано в последней главе, составленной на основании его собственных заметок. Пока он был поглощен этим занятием, не терял времени даром и м-р Уинкль, посвятив его приятным прогулкам и маленьким загородным экскурсиям с м-с Пот, не упускавшей случая скрасить томительное однообразие жизни, на которое она так настойчиво жаловалась. Таким образом, оба эти джентльмена вполне акклиматизировались в доме редактора, в то время как м-р Тапмен и м-р Снодграс были в значительной степени предоставлены самим себе. Питая весьма слабый интерес к делам общественным, они коротали свой досуг главным образом за теми развлечениями, какие можно было найти в „Павлине“ и которые ограничивались китайским * бильярдом, находившимся в первом

этаже дома, и кегельбаном, удаленным на задний двор. В тайну и прелесть этих двух игр, значительно более туманных, чем предполагают ординарные смертные, посвятил их м-р Уэлер, в совершенстве постигший такого рода забавы. Благодаря этому они могли коротать время и не ощущать гнетущей его тяжести, хотя и были большей частью лишены полезного и приятного общества м-ра Пиквика.

Однако всего занятнее бывало в „Павилине“ по вечерам, что заставляло двух друзей отклонять даже приглашения даровитого, хотя и скучного Пота. Как раз по вечерам „коммерческая комната“ служила местом сборища для кружка людей, чьи характеры и нравы с наслаждением наблюдал м-р Тапмен, чьи разговоры и поступки имел обыкновение заносить в записную книжку м-р Снодграс.

Всем известно, что такое комнаты для торговых агентов. Комната в „Павилине“ по существу ничем не отличалась от такого рода помещений: иными словами, это была просторная комната, скудно убранная, обстановка которой в прежние времена была несомненно лучше, чем теперь, — с огромным столом посередине и множеством столиков по углам; с обширной коллекцией разнокалиберных стульев и старым турецким ковром, который занимал в этой просторной комнате столько же места, сколько занял бы дамский носовой платок, разостланный на полу караульни. Две-три огромных географических карты украшали стены; в углу на длинном ряде колышков болтались неуклюжие, пострадавшие от непогоды балахоны с замысловатыми капюшонами. Каминная полка была украшена деревянной чернильницей с огрызком пера внутри и с половинкой облатки на ней, путеводителем и расписанием, историей графства без переплета и смертными останками форели в стеклянном гробу. Воздух был насыщен табачным дымом, который придавал грязноватую окраску всей комнате, а в особенности пыльным красным занавескам на окнах. Буфет служил пристанищем для самых разнообразных предметов, среди которых наибольшее внимание обращали на себя судок с очень мутной соей, пара козел, два-три кнута, столько же дорожных пледов, поднос с ножами и вилками и горчица.

Здесь-то и пребывали м-р Тапмен и м-р Снодграс вечером по окончании выборов, вместе с другими временными обитателями гостиницы, проводя досуг за курением и напитками.

— Ну-с, джентльмен, — сказал дородный, крепкий мужчина, лет сорока, об одном глазе — очень блестящем черном глазе, который поблескивал и плутовски и добродушно, — ну-с, джентльмены, выпьем за наши собственные благородные особы. Я всегда предлагаю компании этот тост, а сам пью за здоровье Мери. Верно, Мери?

— Не приставайте ко мне, противный! — отозвалась служанка, повидимому, польщенная комплиментом.

— Не уходите, Мери, — продолжал человек с черным глазом.

— Отстаньте, нахал! — оборвала юная особа.

— Не горюйте, Мери! — крикнул одноглазый, когда девушка вышла из комнаты. — Скоро я к вам приду. Будьте бодрее, милочка!

Тут он без особых затруднений начал подмигивать всей компании единственным глазом, к превеликому удовольствию пожилого субъекта с грязной физиономией и глиняной трубкой.

— Забавные создания — эти женщины, — сказал грязнолицый субъект, после того как на некоторое время водворилось молчание.

— Да, что и говорить, — откликнулся, затягиваясь сигарой, человек с багровым лицом.

После этих философских замечаний разговор снова оборвался.

— А все-таки есть на свете вещи и почуднее женщины, — сказал человек с черным глазом, медленно набивая большую голландскую трубку с очень вместительной головкой.

— Вы женаты? — осведомился человек с грязным лицом.

— Не могу сказать этого о себе.

— Я так и думал.

И грязнолицый восторженно захохотал над своею же собственной репликой, а его примеру последовал человек с мягким голосом и благодушной физиономией, который считал своим долгом соглашаться со всеми.

— А все-таки, джентльмены, — сказал энтузиастический м-р Снодграс, — в нашей жизни женщины являются великой опорой и утешением.

— Совершенно верно, — тотчас же согласился благодушный джентльмен.

— Когда они в хорошем состоянии духа, — вставил грязнолицый.

— И это верно, — сказал благодушный.

— Я встаю против такой оговорки, — возразил м-р Снодграс, чьи мысли мгновенно обратились к Эмили Уордль, — встаю с презрением... с негодованием. Покажите мне человека, который смеет говорить против женщин как таковых, и я ему напрямик скажу, что он — не мужчина.

И м-р Снодграс вынул изо рта сигару и энергически ударил кулаком по столу.

— Вот это прекрасный аргумент, — объявил благодушный.

— Аргумент, включающий положение, которое я отрицаю, — перебил субъект с грязной физиономией.

— И ваше замечание также весьма справедливо, сэр, — сказал благодушный.

— За ваше здоровье, сэр! — воскликнул одноглазый торговый * агент, одобрительно кивая м-ру Снодграсу.

М-р Снодграс поблагодарил.

— Всегда люблю послушать хорошие доводы, — сказал торговый агент, — убедительные, вроде вашего... очень поучительно. Ну, а этот маленький спор о женщинах напомнил мне одну историю, которую я слышал от старика дяди. Вот потому-то я и заметил, что бывают на свете вещи почуднее женщин.

— Хотел бы я услышать эту историю, — заметил краснолицый человек с сигарой.

— Разве? — лаконически отозвался агент, продолжая курить с большим увлечением.

— Хотел бы и я послушать, — сказал м-р Тапмен, до сей поры не раскрывавший рта.

Он всегда стремился увеличить запас своего опыта.

— И вам хотелось бы? Ну, в таком случае я расскажу. А впрочем, нет!.. Знаю, что вы все равно не поверите, —

объявил человек с плутовским глазом, сообщая этому органу на сей раз еще более плутовское выражение.

— Конечно, поверю, если вы говорите, что это правда, — возразил м-р Таимен.

— Ну-с, на таких условиях я начну рассказ, — ответил агент. — Слыхали вы когда-нибудь о крупной торговой фирме „Бильсон и Слам“? А впрочем, неважно, если и не слыхали, потому что они давненько уже ее прикрыли. Восемьдесят лет прошло с тех пор, как приключилась эта история с агентом фирмы „Бильсон и Слам“, а был он закадычным другом моего дяди, и дядя рассказал всю историю мне. У нее странное название, но так уж обыкновенно он ее называл:

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТОРГОВОГО АГЕНТА

и рассказывал ее приблизительно так:

„Однажды зимним вечером, часов около пяти, когда только-только начало смеркаться, на дороге, что тянется по песчаным холмам Марльберо* в направлении к Бристолю*, можно было увидеть человека в двуколке, понукавшего усталую лошадь. Я говорю — можно было увидеть, — и не сомневаюсь, что его и увидали бы, случись здесь проходить кому-нибудь, кто не слеп; но погода была такая скверная, а вечер такой сырой и холодный, что на дороге не было ничего, кроме воды, и путник подвигался помаленьку посередине дороги, одинокий и порядком приунывший. Если бы какой-нибудь торговый агент тех времен заметил маленькую ненадежную двуколку с кузовом цвета глины и красными колесами и своенравную рысистую гнедую кобылу, которая, казалось, происходила от лошади мясника и пони двухпенсового* почтальона, — он сразу узнал бы в этом путешнике не кого иного, как Тома Смарта из крупной фирмы „Бильсон и Слам“, Кейтетон-стрит*, Сити. Но так как ни один торговый агент этого не видел, то никто ничего об этом не знал; и вот Том Сمارт, его двуколка цвета глины, с красными колесами и своенравная рысистая кобыла подвигались вместе вперед, храня про себя свою тайну; и никому никакой прибыли от этого не было.

„Даже на нашей скучной планете есть много мест лучше, чем холмы Марльберо, когда там дует сильный ветер. А если вы сюда еще прибавите пасмурный зимний вечер, грязную мокрую дорогу и дождь, льющий потоками, да еще испытаете их действие на собственной персоне, вы оцените глубокий смысл этого замечания.

„Ветер дул не в лицо и не в спину, — хотя и это не особенно приятно, — а как раз поперек дороги, так что дождь лил струями косыми, как линейки, которые проводятся в школьных тетрадках, чтобы мальчики хорошо выводили косые буквы. На секунду ветер стихал, и путник начинал оболащиваться надеждой, что ураган, истощив запас злости, прилег на отдых, как вдруг — ууу! — вдали раздавался вой и свист, и ветер мчался над вершинами холмов, рыскал по равнине и, напрягая все силы по мере своего приближения, наконец в бурном порыве обрушивался на лошадь и человека, забивал им в уши острые струи дождя и пронизывал до мозга костей своим холодным, сырým дыханием. Покинув их, он уносился далеко-далеко, с оглушительным ревом, словно высмеивая их слабость и упиваясь сознанием своей силы и могущества.

„Гнедая кобыла, опустив уши, шлепала по воде и по грязи, изредка потряхивая головой, точно она возмущалась этим неджентльменским поведением стихий, однако не замедляла шага, пока порыв ветра, своим бешенством превосходивший все прежние атаки, не заставил ее вдруг остановиться и твердо упереться всеми четырьмя ногами в землю, чтобы ее не сдуло ветром. И это счастье, что она так поступила, ибо своенравная кобыла была такой легкой, двуколка была такой легкой, и Том Смарт ко всему был такого легкого веса, что если бы ветер сдул ее — им всем вместе неизбежно пришлось бы катиться и катиться, пока они не достигнут края земли или ветер не стихнет; и в том и в другом случае весьма вероятно, что ни своенравная кобыла, ни двуколка цвета глины, с красными колесами, ни Том Смарт не остались бы пригодными к какой-либо службе.

„— Чорт бы побрал мои штрипки и баки, — говорит Том Смарт (у Тома была прескверная привычка иногда ругаться), —

чорт бы побрал мои штрипки и баки, — говорит Том, — если кому-нибудь эта погода приятна, чорт бы ее поддувал.

„Вероятно, вы меня спросите, почему Том Смарт, которого и так уже чуть было не сдуло, изъявил желание еще раз подвергнуться той же процедуре. На это я ответить не могу, знаю только, что так выразился Том Смарт — по крайней мере, дяде моему он всегда рассказывал, что выразился точь-в-точь так, а, стало быть, так оно есть.

„— Чорт бы ее поддувал! — говорит Том Смарт, и кобыла заржала, как будто и она была точно того же мнения.

„— Бодрей, старушка! — сказал Том, поглаживая кнутом шею гнедой кобылы. — Так мы далеко не уедем в такую погоду. Только бы нам до какого-нибудь дома добраться, там мы и остановимся, а потому, чем быстрее вы пойдете, тем скорее это кончится. Ну-ну, старушка, поживей... поживей!

„Умела ли своенравная кобыла, достаточно хорошо знавшая голос Тома, угадывать по интонациям его мысли, или она убедилась, что стоять на месте холоднее, чем двигаться, — на это я, конечно, не могу ответить. Но вот что мне известно: не успел Том выговорить последнее слово, как она наострила уши и понеслась с такой быстротой и помчала двуколку цвета глины с таким грохотом, что казалось, красные спицы колес все до единой разлетятся по траве, покрывавшей холмы Марльберо; и даже Том — уж на что был кучер! — не мог ее остановить или придержать, пока она по собственному желанию не остановилась перед гостиницей, справа от дороги, на расстоянии около четверти мили от того места, где кончаются холмы.

„Том бросил вожжи копыху, сунул кнут в козлы и быстро окинул взглядом верхние окна дома. Это был своеобразный старый дом, сложенный из каких-то камней, между которыми были вставлены перекрещивавшиеся балки, с выступавшими фронтонами над окнами, с низкой дверью под темным навесом и с парюю крутых ступеней, ведущих вниз, вместо той полдюжины мелких ступенек, которые в домах нового фасона ведут вверх. Впрочем, дом выглядел уютно: сквозь окно был

виден яркий приветливый свет, блестящая полоса которого пересекала дорогу и освещала даже живую изгородь по другую сторону ее; в супротивном окне виднелся красный мердающий свет, который то угасал, то вспыхивал ярко, пробиваясь сквозь спущенные занавески и свидетельствуя о том, что в камине пылает огонь. От глаз опытного путешественника не ускользнули эти мелочи, и Том выскочил из двуколки с быстротой, на какую только были способны его окоченевшие ноги, и вошел в дом.

„Пяти минут не прошло, как он уже расположился в комнате напротив буфета — в той самой комнате, где изображение еще раньше нарисовало ему пылающий камин, — и сидел перед подлинным, осязаемым буйным огнем, в который был брошен чуть ли не бушель угля и такое количество хвороста, что его хватило бы на несколько приличных кустов крыжовника, — хвороста, нагроможденного едва не до каминной трубы, гудевшего и трещавшего так, что от одних звуков должно было согреться сердце у всякого разумного человека. Это было уютно, но это не все: кокетливо одетая девушка с блестящими глазами и изящными ножками покрывала стол очень чистой белой скатертью; а так как Том сидел, положив ноги в туфлях на каминную решетку, спиною к открытой двери, он видел в зеркале над камином чарующую перспективу буфета, где в самом соблазнительном и аппетитном порядке стояли на полках ряды зеленых бутылок с золотыми ярлыками, банок с пикнулями и вареньем, кусков сыра, вареных окороков и ростбифов. Это также было уютно, но и это не все: в буфете за самым изящным столиком, придвинутым к самому яркому камельку, пила чай дородная вдовушка лет около сорока восьми или в этом роде, с лицом таким же уютным, как буфет, — несомненно хозяйка заведения и верховная правительница всех этих приятных владений. Одно только темное пятно портило очаровательную картину, и этим пятном был рослый мужчина — очень рослый, в коричневом сюртуке с блестящими узорчатыми металлическими пуговицами, с черными баками и черными волнистыми волосами, распивавший чай вместе с вдовой, и, как всякий мало-мальски проницательный наблюдатель мог

догадаться, довольно успешно склонявший вдову перестать быть вдовою и даровать ему право усесться в буфете на весь остаток его посястороннего бытия.

„Том Смарт отнюдь не отличался раздражительным или завистливым нравом, но бог весть почему этот рослый мужчина в коричневом сюртуке с блестящими узорчатыми металлическими пуговицами взбудоражил тот небольшой запас желчи, какой входил в его состав, и привел Тома Смарта в крайнее негодование, в особенности, когда тот со своего места перед зеркалом время от времени замечал, что между рослым мужчиною и вдовою совершается обмен фамильярными любезностями, позволявшими предполагать, что расположение вдовы к нему отличалось такими же размерами, как и его рост. Том любил горячий пунш* — я даже могу сказать, что он очень любил горячий пунш, — и вот, позаботившись о том, чтобы своенравная кобыла получила хороший корм и стойло, и оказав честь превосходному маленькому обеду, который вдова подавала ему собственноручно, Том потребовал стакан пунша для пробы. Ну, а если было что-нибудь во всей области кулинарного искусства, что вдова умела готовить лучше всего прочего, то это был именно названный напиток; первый стакан так исключительно пришелся по вкусу Тому Смарту, что он, не теряя времени, потребовал второй. Горячий пунш — приятный напиток, джентльмены, весьма приятный напиток при любых обстоятельствах, а в этой уютной старой гостиной, перед огнем, гудевшим в камине, когда ветер снаружи дул с такой силой, что трещали балки старого дома, Том Смарт нашел его поистине восхитительным. Он потребовал еще стакан, а затем еще, — кто его знает, не потребовал ли он после этого еще один, — но чем больше он пил горячего пунша, тем больше думал о рослом мужчине.

„Чорт бы его побрал этого нахала! — сказал самому себе Том. — Что ему тут делать в этом уютном буфете? Ну, и подлая же у него рожа! — сказал Том. — Будь у вдовы больше вкуса, она могла бы подцепить кого-нибудь получше.

„Тут Том перевел глаза от зеркального стекла над камином к стеклянному стакану на столе; а так как он тем временем

расчувствовался, то и осушил четвертый стакан пунша и потребовал пятый.

„У Тома Смарта, джентльмены, всегда было большое тяготение к публичной карьере. Давненько уже мечтал он о том, чтобы стоять за своей собственной стойкой, в зеленом сюртуке, коротких полосатых штанах и сапогах с отворотами. У него была большая склонность председательствовать за веселым обедом, и он часто думал о том, как он отличился бы за разговором в своем собственном трактире и какой блестящий пример мог бы подать своим клиентам по части выпивки. Все эти мысли пронеслись в голове Тома, когда он сидел у гудящего камина, попивая горячий пунш, и он почувствовал весьма справедливое и уместное негодование по поводу того, что у рослого мужчины все шансы завладеть таким прекрасным заведением, тогда как он, Том Сمارт, был так далек от этого. Наконец, рассмотрев над двумя последними стаканами вопрос о том, нет ли у него полного основания затеять ссору с рослым мужчиною, ухитрившимся снискать расположение дородной вдовы, Том Сمارт пришел к приятному заключению, что он — несчастный, всеми обиженный человек, и лучше всего ему лечь спать.

„Рокетливая девушка повела Тома наверх по широкой старинной лестнице, по пути заслоняя рукою свечу от сквозного ветра, который мог бы, и не задувая свечи, найти себе место для прогулок в этом старом и запутанном доме. Но он все-таки ее задул, и этим воспользовались враги Тома, утверждая, будто свечу задул не ветер, а Том, и будто, когда он делал вид, что хочет ее зажечь, он на самом деле целовал девушку. Как бы ни было, новый свет был возжен, и Тома препроводили сквозь путаницу комнат и по лабиринту коридоров в помещение, приготовленное для его особы; девушка, пожелав ему спокойной ночи, удалилась.

„Это была хорошая, просторная комната с большими стенными шкафами, кроватью, которая могла служить ложем для целого пансиона, и — стоит ли упоминать — еще с двумя дубовыми шкафами, в которых поместился бы обоз маленькой армии. Но больше всего воображение Тома было потрясено

странным, мрачного вида креслом с высокой спинкой, самой фантастической резьбой и с подушкой, обитой розовой материей с разводами; ножки его заканчивались круглыми шишками, старательно обернутыми красной шерстяной материей, словно это были пальцы, пораженные подагрой. Про всякое другое необычайное кресло Том подумал бы только: „какое необычайное кресло“, и делу конец, но в этом исключительном кресле было что-то — хотя он не мог бы сказать, что именно, столь чудное и столь непохожее на все другие предметы мебелировки, которые он когда-либо видел, что оно, казалось, зачаровывало его. Он сел у камина и около получаса пялил глаза на старое кресло. Чорт бы его побрал это кресло! — такая это была странная штука, что он не мог глаза от нее оторвать.

„Ну, — сказал Том, медленно раздеваясь и ни на минуту не спуская глаз со старого кресла, которое с таинственным видом стояло у кровати, — сколько живу на свете — не видывал такой диковинной штуки. Очень странно, — сказал Том, рассудительность которого возросла от горячего пунша, — очень странно. — Том глубокомысленно покачал головой и снова взглянул на кресло. Впрочем, он так ничего и не мог понять, а потому улегся в постель, укрылся потеплее и заснул.

„Через полчаса Том вздрогнул и проснулся — ему привиделся запутанный сон: высокие люди и стаканы с пуншем; первое, что представилось его бодрствующему воображению, было необычайное кресло.

„Не буду больше на него смотреть, — сказал Том, зажмурился и стал себя убеждать, что опять засыпает. Не тут-то было: диковинные кресла плясали перед его глазами, брыкались ножками, перепрыгивали друг через друга и всячески дурачились.

„Лучше уж смотреть на одно настоящее кресло, чем на несколько дюжины фальшивых, — сказал Том, высовывая голову из-под одеяла.

„Оно было на месте; при свете камина можно было ясно различить его вызывающий вид.

„Том пристально рассматривал кресло, и вдруг, на его глазах, с ним произошло изумительное превращение. Резьба

на спинке постепенно приняла очертания и выражение старого сморщенного человеческого лица, подушка, обитая розовой материей, стала старинным жилетом с отворотами круглые пишки разрослись в пару ног, обутых в красные суконные туфли, и все кресло превратилось в подбоченившегося, очень безобразного старика из прошлого века. Том уселся в постели и протер глаза, чтобы избавиться от наваждения. Но нет: кресло было безобразным старым джентльменом, и — мало того — он подмигивал Тому Смарту.

„Том по природе своей был парень опрометчивый и беззаботный, а к тому же выпил пять стаканов горячего пунша, поэтому, хотя сначала он и струхнул, но начал сердиться, заметив, что старый джентльмен с таким бесстыдным видом подмигивает ему и строит глазки. Наконец он решил, что больше этого не потерпит; а так как старая рожа продолжала настойчиво подмигивать, Том сердитым голосом спросил:

„— Какого чорта вы мне подмигиваете?

„— Мне это доставляет удовольствие, Том Смарт, — ответило кресло или старый джентльмен (называйте, как хотите).

„Впрочем, услышав голос Тома, он перестал подмигивать и начал скалить зубы, как престарелая обезьяна.

„— Откуда вы знаете мое имя, старая образина? — спросил Том Смарт, несколько озадаченный, но делая вид, что это ему нипочем.

„— Ну-ну, Том, — сказал старик, — так не разговаривают с солидным красным деревом из Испании. Вы бы не могли хуже обращаться со мной, будь я обшит простой фанерой.

„При этом у старого джентльмена был такой грозный вид, что Том струсил.

„— У меня и в мыслях не было оскорблять вас, сэр, — сказал Том куда смирнее, чем говорил вначале.

„— Ладно, ладно, — отозвался старик, — быть может, и так... быть может, и так. Том...

„— Сэр?

„— Я все о вас знаю, Том... все. Вы бедны, Том.

„— Да, что и говорить, — согласился Том. — Но откуда вы это знаете?

„Неважно, — сказал старый джентльмен. — Вы слишком любите пунш, Том.

„Том Смарт хотел было возразить, что даже и капли не отведал с прошлогодного дня рождения, но когда встретился глазами со старым джентльменом, у того был такой пронидательный вид, что Том вспыхнул и промолчал.

„— Том, — продолжал старый джентльмен, — а ведь вдова-то красивая женщина... на редкость красивая женщина, — а, Том?

„Тут старик закатил глаза к небу, брыкнул худенькой ножкой и скроил такую противную влюбленную мину, что Том возмутился его легкомысленным поведением... в таком преклонном возрасте!

„— Я прихожусь ей опекуном, Том, — сообщил старый джентльмен.

„— Вот как! — отозвался Том Смарт.

„— Я знал ее мать, Том, — сказал старик, — и бабушку. Она меня очень любила, Том... сшила мне этот жилет.

„— В самом деле? — сказал Том Смарт.

„— И эти туфли, — добавил старикашка, приподнимая одну из красных суконных обмоток. — Но вы и не заикайтесь об этом, Том. Не хочется мне, чтобы всем было известно, как она была ко мне привязана. Это может вызвать недоразумения в семье.

„У старого негодяя был такой нахальный вид, что Том Смарт готов был усесться на него, без всяких угрызений совести, о чем он сам заявлял впоследствии.

„— Было время, когда я имел большой успех у женщин, Том, — сказал старый распутник, — сотни красивых женщин часами сиживали у меня на коленях. Что вы на это скажете, паренек, а?

„Старый джентльмен собирался рассказать о своих похождениях в дни юности, но тут напал на него такой мучительный приступ потрескивания, что он не в силах был продолжать.

„Поделом вам, старый хрыч“, — подумал Том Смарт, но ни словечка не проронил.

„— Ах, — снова начал старик, — теперь я частенько этим страдаю. Я старею, Том, я разваливаюсь, можно сказать, на части. И вдобавок я перенес операцию — мне вставили какой-то кусочек в спину — это было суровое испытание, Том.

„— Охотно верю, сэр, — отозвался Том Смарт.

„— А впрочем, это к делу не относится, — заметил старый джентльмен. — Том! Я хочу, чтобы вы женились на вдове.

„— Я, сэр? — сказал Том.

„— Вы, — подтвердил старик.

„— Бог да благословит ваши почтенные седины, — сказал Том (у старика еще сохранились пучки конского волоса), — бог да благословит ваши почтенные седины, она меня не захочет.

„И Том невольно вздохнул, вспомнив о буфете.

„— Не захочет? — резко переспросил старый джентльмен.

„— Нет, нет, — сказал Том, — у нее другой на примете. Рослый мужчина, чертовски рослый мужчина, с черными баками.

„— Том, — заявил старый джентльмен, — она ему никогда не достанется.

„— Не достанется? — переспросил Том. — Если бы вы, сэр, стояли в буфете, вы говорили бы другое.

„— Вздор, вздор, — перебил старый джентльмен, — я все это знаю.

„— Что? — спросил Том.

„— Поделуи за дверью и тому подобное, Том, — сказал старый джентльмен.

„И он снова бесстыдно подмигнул, что очень разгневало Тома, потому что, как вы знаете, джентльмены, неприятно бывает слушать, когда о таких вещах рассуждает старик, которому пора уж взяться за ум... Хуже быть ничего не может.

„— Я все об этом знаю, Том, — продолжал старый джентльмен. — Насмотрелся на своем веку, и столько парочек перевидал, Том, что даже говорить вам не хочу. А кончалось это всегда пустяками.

„— Должно быть, вы видели много любопытного, — заметил Том, бросив на него пронизывающий взгляд.

„— Можете в этом не сомневаться, Том, — ответил старик, очень хитро подмигивая. — Я — последний представитель нашей семьи, Том, — добавил он с меланхолическим вздохом.

„— А семья была большая? — спросил Том Смарт.

„— Нас было двенадцать молодцов, Том, — ответил старый джентльмен, — славные, красивые ребята с прямыми спинками — просто загляденье! Не то что ваши теперешние недоноски. Все мы были с ручками и отполированы так, что сердце радовалось, — но, может быть, мне не следует так говорить о себе.

„— А где же остальные, сэр? — осведомился Том Смарт.

„Старый джентльмен потер локтем глаз и ответил:

„— Скончались, Том, скончались. Служба у нас была тяжелая, Том, и не все отличались моим сложением. У них начались ревматические боли в ногах и руках, и их отправили на кухню и в другие больницы. А один из них от долгой службы и грубого обращения буквально лишился рассудка — развихлялся так, что пришлось его сжечь. Возмутительная история, Том.

„— Ужасная! — согласился Том Смарт.

„Старик сделал паузу, стараясь овладеть собой. Потом снова заговорил:

„— А впрочем, Том, я уклоняюсь в сторону. Том, этот рослый парень — гнусный авантюрист. Стоит ему жениться на вдове, и он тотчас продаст всю обстановку и удерет. А что за этим последует? Вдова будет покинута и обречена на нищету, а я на-смерть простужусь в лавке какого-нибудь старьевщика.

„— Да, но...

„— Не перебивайте меня, — сказал старый джентльмен. — О вас, Том, у меня составилось совсем иное представление; знаю прекрасно, что раз обосновавшись в трактире, вы его не покинете, пока в его стенах есть что выпить.

„— Очень вам признателен, сэр, за доброе обо мне мнение, — промолвил Том Смарт.

„— А стало быть, — безапелляционным тоном заключил старый джентльмен, — вдова достанется вам, а не ему.

„— Да что же может ему помешать? — заволновался Том Смарт.

„— Разоблачение, — ответил старый джентльмен. — Он уже женат.

„— Как же я это докажу? — воскликнул Том, чуть не выпрыгнув из кровати.

„Старик высвободил одну руку, опирающуюся на бедро, указал на дубовый шкаф и тотчас же принял прежнюю позу.

„— Он и не подозревает о том, что в правом кармане брюк, висящих в этом шкафу, им забыто письмо, в котором безутешная жена умоляет его вернуться к ней и к шести — заметьте, Том, — к шести ребятам, и все они мал-мала меньше.

„Как только старый джентльмен торжественно произнес эти слова, черты его лица начали расплываться, а фигура — окутываться дымкой. У Тома Смарта потемнело в глазах. Казалось, старик постепенно превращается в кресло, розовый жилет уподобляется подушке, красные туфли съеживаются в красные суконные шпички. Огонь в камине тихо угас, а Том Смарт откинулся на подушку и погрузился в сон.

„Утро пробудило Тома от летаргического сна, который сковывало его в момент исчезновения старика. Он уселся в постели и в течение нескольких минут тщетно пытался восстановить в памяти события прошлой ночи. И вдруг они хлынули на него потоком. Он посмотрел на кресло — что и говорить, вид у него был фантастический и мрачный, однако лишь при остром и живом воображении можно было найти у него хоть какое-нибудь сходство со стариком.

„— Как поживаете, старина? — осведомился Том. При дневном свете он был храбрее — как и большинство людей.

„Кресло оставалось неподвижным и ни слова не проронило.

„— Скверное утро, — сказал Том.

„Нет, кресло не желало вступать в разговор.

„— Вы на какой шкаф показывали? Уж это-то можете мне сказать, — продолжал Том.

„Как бы не так, джентльмены, кресло ни словечка не проронило!

„— В конце концов не так уж трудно открыть шкаф, — заметил Том, решительно вставая с кровати.

„Он подошел к одному из шкафов. Ключ торчал в замке; он повернул его и открыл дверцы. Там в самом деле висели брюки. Он засунул руку в карман и извлек письмо — то самое, о котором говорил старый джентльмен!

„— Странная штука, — сказал Том Смарт, взглянув сперва на кресло, затем на шкаф, затем на письмо, затем снова на кресло, — очень странная, — повторил Том. Но так как ни в одном из этих объектов не было ничего, что уменьшало бы эту странность, он решил, что ничто не мешает ему одеться и тотчас же покончить счеты с рослым мужчиною... только бы вывести себя из затруднительного положения, в каком он очутился.

„Спускаясь вниз, Том хозяйским глазом осматривал комнаты, попадавшиеся ему на пути, и размышлял о том, что не за горами, пожалуй, тот час, когда это помещение со всей обстановкой сделается его собственностью. Рослый мужчина, совсем как у себя дома, стоял в маленьком уютном буфете, заложив руки за спину. Он рассеянно осклабился на Тома. Посторонний наблюдатель мог бы объяснить эту улыбку желанием показать белые зубы, но Том Смарт подумал, что у рослого мужчины в том месте, где полагалось быть мозгам, вспыхнуло сознание торжества. Том засмеялся ему в лицо и послал за хозяйкой.

„— Доброе утро, сударыня, — сказал Том Смарт, закрывая дверь маленькой гостиной, как только вошла вдова.

„— Доброе утро, сэр, — отвечала вдова. — Что угодно на завтрак, сэр?

„Том обдумывал, как приступить к делу, и ничего не ответил.

„— Есть очень хорошая ветчина, — сказала вдова, — и превосходная холодная птица, напикованная салом. Прикажете подать, сэр?

„Эти слова вывели Тома из задумчивости. Его восхищение вдовой росло по мере того, как она говорила. Заботливое создание! Предусмотрительная хозяйка!

„— Сударыня, кто этот джентльмен там, в буфете? — осведомился Том.

„— Его зовут Джинкинс, сэр, — слегка краснея, отвечала вдова.

„— Рослый мужчина, — заметил Том.

„— Очень красивый мужчина, сэр, — отозвалась вдова, — и очень милый джентльмен.

„— А! — сказал Том.

„— Еще чего-нибудь желаете, сэр? — полюбопытствовала вдова, несколько смущенная поведением Тома.

„— Ну, конечно, — заявил Том. — Сударыня, дорогая моя, будьте добры, присядьте на минутку.

„Вдова, казалось, была очень удивлена, однако села; Том также присел рядом с нею.

„Не знаю, как это случилось, джентльмены, — да и дядя, бывало, говорил мне, что даже Том Смарт не знал, как это случилось, — но как бы ни было, ладонь Тома опустилась на тыловую сторону вдовой руки, где и оставалась, пока он разговаривал.

„— Сударыня, дорогая, — начал Том Смарт — он был мастер любезничать, — сударыня, вы заслуживаете самого превосходного супруга... в этом я уверен.

„— Ах, боже мой, сэр! — вскрикнула вдова, да и как ей было не вскрикнуть: такая манера начинать разговор была довольно необычной, чтобы не сказать — ошеломляющей, в особенности, если не упускать из виду того факта, что вплоть до вчерашнего вечера Том в глаза ее не видал. — Ах, боже мой, сэр!

„— Я презираю лесть, сударыня, — продолжал Том Смарт. — Вы заслуживаете идеального супруга, и кто бы это ни был, он будет счастливейшим человеком. — С этими словами Том невольно перевел взгляд с лица вдовы на окружающую обстановку.

„Вдова была озадачена еще больше и хотела встать. Том нежно пожал ей руку, словно желая удержать, и она осталась сидеть. Мой дядя, джентльмены, говаривал, что вдовы редко бывают пугливы.

„— Право же, я вам очень признательна, сэр, за ваше доброе мнение, — усмехнувшись, сказала дородная хозяйка, — и если я когда-нибудь выйду еще раз замуж...

„— Если? — перебил Том Смарт, пронзительно поглядывая на нее уголком левого глаза. — Если...

„— Ну, ладно, — сказала вдова и, не выдержав, рассмеялась. — Когда я выйду замуж, надеюсь, муж у меня будет такой, какого вы мне желаете.

„— То есть Джинкинс? — вставил Том.

„— Ах, боже мой, сэр! — воскликнула вдова.

„— О, не говорите мне, я его знаю, — объявил Том.

„— Я уверена, что те, кто его знает, ничего дурного о нем сказать не могут, — заметила вдова, задетая таинственным тоном собеседника.

„— Гм!.. — отозвался Том Смарт.

„Вдова решила, что настало время расплакаться, и потому вынула носовой платок и пожелала узнать, имеет ли Том намерение ее оскорбить, считает ли он достойным джентльмена порочить репутацию другого джентльмена за его спиной; почему — если у него есть что сказать — он не скажет ему этого прямо, как мужчине мужчине, вместо того, чтобы так пугать бедную слабую женщину, и так далее.

„— Я и ему успею сказать, — ответил Том, — но сначала хочу, чтобы вы меня выслушали.

„— Что же это такое? — осведомилась вдова, пристально глядя в лицо Тому.

„— Я вас удивлю, — предупредил Том, опуская руку в карман.

„— Если вы скажете, что у него нет денег, — перебила вдова, — мне это известно, и вы можете не трудиться.

„— Вздор, чепуха, это мелочь, — возразил Том Смарт, — у меня у самого нет денег. Не в этом дело.

„— Ах, боже мой, что же это может быть! — воскликнула бедная вдова.

„— Не пугайтесь, — сказал Том Смарт.

„Он медленно вытащил письмо, развернул его и недоверчиво спросил:

„— Визжать не будете?

„— Нет, нет, — отвечала вдова. — Покажите мне.

„— В обморок не упадете и никаких глупостей делать не будете? — продолжал Том.

„— Нет, нет, — поспешно сказала вдова.

„— И не побежите расправляться с ним? — добавил Том. — Я сделаю это за вас, а вам советую не утомляться.

„— Хорошо, хорошо, — перебила вдова, — покажите.

„— Извольте, — сказал Том Смарт и вручил письмо вдове.

„Джентльмены, дядя рассказывал, что, по словам Тома Смартта, вопли вдовы, узнавшей содержание письма, могли пронзить каменное сердце. А Том был очень мягкосердечен, и они пронзили его насквозь. Вдова качалась из стороны в сторону и заламывала руки.

„— Ох, какие обманщики и негодяи мужчины! — восклицала она.

„— Ужасные обманщики, сударыня, дорогая моя, но вы не волнуйтесь, — успокаивал Том Смарт.

„— Как мне не волноваться! — вопила вдова. — Никогда не найду я человека, которого могла бы так сильно полюбить!

„— О, конечно, найдете, голубушка, — отвечал Том Смарт, проливая крупные слезы из жалости к злополучной вдове. В порыве сострадания он обвил рукою стан вдовы, а вдова, вне себя от горя, сжала ему руку. Потом посмотрела ему в лицо и улыбнулась сквозь свои слезы. Том наклонился, заглянул ей в глаза и улыбнулся сквозь свои слезы.

„Так никогда и не удалось мне узнать, джентльмены, поцеловал Том вдову в этот знаменательный момент или не поцеловал. Дяде моему он всегда говорил, что не целовал, ну, а я все-таки сомневаюсь. Говоря между нами, джентльмены, я склонен думать, что он ее поцеловал.

„Как бы ни было, а полчаса спустя Том вытолкал за дверь очень рослого человека, а месяц спустя женился на вдове. Много лет подряд он разъезжал по округе на своей своенравной кобыле, запряженной в двуколку цвета глины, с красными колесами, а потом бросил свое дело и уехал с женой во Францию; старый дом тогда был снесен“.

— Разрешите спросить вас, — осведомился любознательный старый джентльмен, — что случилось с креслом?

— Видите ли, — ответил одноглазый агент, — известно только то, что оно сильно трещало в день свадьбы, но Том Смарт так и не мог узнать, трещало оно от удовольствия или от телесной немощи. Впрочем, он склонен был предположить последнее, так как с тех пор кресло не проронило ни слова.

— И этой истории все поверили? — спросил грязнолицый субъект, набивая трубку.

— Все, кроме прагов Тома, — ответил торговый агент. — Одни утверждали, что Том все выдумал; другие говорили, будто он был пьян, и это ему почудилось, и будто он по ошибке взял чужие брюки, но им никто не верил.

— Том настаивал, что все это правда?

— Все до последнего слова.

— А ваш дядя?

— Верил всему.

— Должно быть, славные были ребята — они оба, — заметил грязнолицый.

— Да, что и говорить, — ответил торговый агент, — ребята были очень славные!

ГЛАВА XV

в которой даются верные портреты двух выдающихся особ и точное описание парадного завтрака в их доме и владениях; каковой парадный завтрак приводит ко встрече со старыми знакомыми и к началу следующей главы

М-р Пиквик начал испытывать уже некоторые угрызения совести, вследствие того, что позабыл о своих друзьях, находившихся в „Павлине“, и на третье утро после выборов он только собрался пойти и навестить их, когда верный слуга подал ему визитную карточку, на которой было выгравировано.

Миссис Лио Хантер.

Договище. Итенсуил.

- Там ждут, — лаконически доложил Сэм.
- Именно меня, Сэм? — осведомился м-р Пиквик.
- Ему пужны исключительно вы, больше никто ему не нужен, как говорил личный секретарь дьявола, уволакивая доктора Фауста *, — ответил м-р Уэлер.

— Он? Разве это джентльмен?—спросил м-р Пиквик.

— Если не джентльмен, то очень хорошая подделка под него, — ответил м-р Уэллс.

— Но эта визитная карточка — леди, — сказал м-р Пиквик.

— Во всяком случае, мне ее дал джентльмен, — возразил Сэм, — он ждет в гостиной, говорит, что готов ждать целый день, только бы вас увидеть.

Узнав о такой решительности, м-р Пиквик спустился в гостиную, где сидел солидный человек, который при его появлении вскочил и с глубоким почтением произнес:

— Если не ошибаюсь, м-р Пиквик?

— Он самый.

— Разрешите мне, сэр, удостоиться чести пожать вам руку. Позвольте, сэр, вашу руку, — сказал солидный человек.

— Пожалуйста, — ответил м-р Пиквик.

Незнакомец пожал протянутую руку и продолжал:

— Сэр, мы слышали о вашей славе. Шум, поднятый вокруг вашей археологической дискуссии, достиг слуха м-с Лео Хантер — моей жены, сэр, я — м-р Лео Хантер...

Незнакомец приостановился, словно ждал, что м-р Пиквик будет ошеломлен этим сообщением; но тот хранил полное спокойствие, и незнакомец снова заговорил:

— Моя жена, сэр, м-с Лео Хантер, почитает за честь поддерживать знакомство с теми, кто прославился своими трудами и талантами. Разрешите мне, сэр, поместить на почетном месте этого списка имена м-ра Пиквика и его собратьев — членов клуба, им основанного.

— Я буду чрезвычайно рад познакомиться с такой достойной леди, сэр, — отвечал м-р Пиквик.

— Сэр, вы с нею познакомитесь, — отвечал солидный человек. — Завтра, сэр, мы устраиваем торжественный завтрак — une fête champêtre — для большого числа лиц, прославившихся своими трудами и талантами. Сэр, доставьте м-с Лео Хантер удовольствие видеть вас в Логовище.

— С великой радостью, — ответил м-р Пиквик.

— М-с Лео Хантер часто устраивает такие завтраки, сэр, — продолжал новый знакомый; — „пиры ума“, сэр, — „души ве-

селье“, как выразился весьма прочувствованно и оригинально поэт, поднесший м-с Лио Хантер сонет по поводу ее завтраков.

— Он тоже прославился своими трудами и талантами? — полюбопытствовал м-р Пиквик.

— Конечно, сэр, — ответил солидный человек, — все знакомые м-с Лио Хантер — знаменитости. Других знакомых у нее нет — в этом ее честолюбие.

— Благородное честолюбие, — заметил м-р Пиквик.

— Когда я сообщу м-с Лио Хантер, что эти слова сорвались с ваших уст, сэр, она будет гордиться, — заявил солидный человек. — Кажется, сэр, вас сопровождает джентльмен, написавший несколько прекрасных стихотворений?

— Мой друг м-р Снодграс питает большое пристрастие к поэзии, — ответил м-р Пиквик.

— Как и м-с Лио Хантер. Поэзию она любит до безумия, сэр, она обожает ее... Могу сказать, что мысли и душа ее проникнуты и насыщены поэзией. Она сама сочинила несколько восхитительных стихотворений, сэр. Быть может, вам, сэр, встречалась ее „Ода издыхающей лягушке“.

— Кажется, не встречалась, — сказал м-р Пиквик.

— Это удивительно, сэр! — заявил м-р Лио Хантер. — Она произвела сенсацию. Она была подписана буквою „Л“ и восемью звездочками и в первый раз напечатана в „Журнале для дам“. Начинается она так:

О, лягушка: припадая
На живот и замирая,
Возлежишь ты издыхая
На бревне,
О, горе мне!

— Превосходно! — сказал м-р Пиквик.

— Восхитительно! — откликнулся м-р Лио Хантер. — Так просто!

— Очень, — согласился м-р Пиквик.

— Следующая строфа еще трогательнее. Разрешите прочесть?

— Пожалуйста, — попросил м-р Пиквик.

— Вот как она звучит, — продолжал солидный человек еще более солидным тоном:

Детский шум и детский крик
До твоих болот проник.
И конец тебя настиг
На бревне,
О, горе мне!

— Тонко выражено, — заметил м-р Пиквик.

— Безукоризненно, сэр, — сказал м-р Лио Хантер. — Но вы бы послушали, как читает эту оду м-с Лио Хантер! Она умеет показать ее с лучшей стороны. Завтра утром, сэр, она будет декламировать ее в костюме.

— В костюме?

— В костюме Мипервы. Ах, да! Я забыл сказать — завтрак будет костюмированный.

— Ах, боже мой! — воскликнул м-р Пиквик, бросив взгляд на собственную фигуру. — Право же, я никак не могу...

— Почему, сэр, почему? — возразил м-р Лио Хантер. — У Соломона Лукеса, еврея из Хай-стрит, множество маскарадных костюмов. Подумайте, сэр, предоставляется вам на выбор: Платон, Зенон, Эпикур, Пифагор — все основатели клубов.

— Мне это известно, — отвечал м-р Пиквик, — но так как я не могу сопоставить себя с этими великими людьми, то и не смею облачаться в их одежды.

Солидный человек глубоко задумался на несколько секунд, и затем сказал:

— Поразмыслив, сэр, я готов допустить, что м-с Лио Хантер приятнее будет, если ее гости увидят столь знаменитого джентльмена в его собственном костюме, а не в маскарадном. Я беру на себя смелость сделать для вас исключение... Да, я не сомневаюсь, что могу обещать вам это от имени м-с Лио Хантер.

— В таком случае, — сказал м-р Пиквик, — я приду с величайшим удовольствием.

— Но я отнимаю у вас время, сэр, — спохватился вдруг солидный человек. — Я знаю, сколь оно драгоценно, сэр. Не

буду вас задерживать. Стало быть, я скажу м-с Лио Хантер, что она может ждать вас и ваших знаменитых друзей! До свидания, сэр. Я горжусь тем, что удостоился лицеизреть столь выдающуюся особу. Ни шагу, сэр, ни слова.

И не давая м-р Пиквику времени протестовать или возражать, м-р Лио Хантер солидно удалился.

М-р Пиквик взял шляпу и направил свои стопы к „Павлину“; м-р Уинкль уже успел принести туда весть о костюмированном бале.

— М-с Пот тоже будет, — этими словами встретил он своего наставника.

— Вот как! — отозвался м-р Пиквик.

— В костюме Аполлона, — продолжал м-р Уинкль. — Но Пот возражает против туники.

— Он прав... он совершенно прав, — решительно заявил м-р Пиквик.

— Да, и потому она наденет белое атласное платье с золотыми блестками.

— Пожалуй, никто не догадается, кого она изображает. Как вы думаете? — спросил м-р Снодграс.

— Конечно, догадаются, — с негодованием возразил м-р Уинкль. — Ведь в руках у нее будет лира.

— Верно, я об этом забыл, — сказал м-р Снодграс.

— А я оденусь бандитом, — вмешался м-р Тапмен.

— Что! — воскликнул м-р Пиквик и даже привскочил.

— Бандитом, — кротко повторил м-р Тапмен.

— Неужели вы хотите сказать, — начал м-р Пиквик, впуская и строго взирая на своего друга, — неужели вы хотите сказать, м-р Тапмен, что намерены нарядиться в зеленую бархатную куртку с двухдюймовыми фалдочками?

— Таково мое намерение, сэр, — с жаром ответил м-р Тапмен. — И почему бы мне не нарядиться?

— Потому, сэр, — сказал м-р Пиквик, заметно разгорячившись, — потому, что вы слишком стары, сэр.

— Слишком стар! — воскликнул м-р Тапмен.

— А если нужны еще основания, — продолжал м-р Пиквик, — потому что вы слишком толсты, сэр.

— Сэр,—побагровев, сказал м-р Тапмен,—это оскорбление.

— Сэр,—тем же тоном отвечал м-р Пиквик,—если вы появитесь передо мной в зеленой бархатной куртке с двухдюймовыми фалдами, это будет более серьезное оскорбление.

— Сэр,—сказал м-р Тапмен,—вы грубиян.

— Сэр,—сказал м-р Пиквик,—вы сами грубиян.

М-р Тапмен шагнул вперед и в упор посмотрел на м-ра Пиквика. М-р Пиквик отвечал таким же взглядом, сосредоточенным в фокус благодаря очкам, и смело бросил вызов. М-р Снодграс и м-р Уинкль безмолвствовали, потрясенные столкновением двух таких мужей.

— Сэр,—низким, глухим голосом сказал м-р Тапмен, помолчав несколько секунд,—вы меня называли старым.

— Назвал,—подтвердил м-р Пиквик.

— И толстым.

— Могу повторить.

— И грубияном.

— Вы и есть — грубиян!

Настала зловещая пауза.

— Моя привязанность к вашей особе, сэр,—голосом, дрожащим от волнения, заговорил м-р Тапмен, засучивая в то же время рукава,—велика... очень велика... однако этой самой особе я должен отомстить немедленно.

— Начинайте, сэр! — ответил м-р Пиквик.

Под влиянием возбуждающего характера этого диалога, героический муж поспешил встать в позу человека, разбитого параличом, предполагая, вероятно, как заключили двое свидетелей, что таковой должна быть оборонительная позиция.

— Как! — воскликнул м-р Снодграс, внезапно обретая дар речи, утраченный было под влиянием крайнего изумления, и бросаясь между двумя противниками с риском получить от каждого по удару в висок. — Как! М-р Пиквик, вы, на кого взирает весь мир! М-р Тапмен, который наравне со всеми нами озарен блеском его бессмертного имени! Стыдитесь, джентльмены, стыдитесь!

Пока говорил его юный друг, непривычные морщины, проведенные мимолетной вспышкой гнева на ясном и открытом

челе м-ра Пиквика, постепенно исчезали, как исчезают следы карандаша от мягкого прикосновения резинки. Друг еще не умолк, а на физиономии м-ра Пиквика уже появилось собственное ему благожелательное выражение.

— Я погорячился, — сказал м-р Пиквик, — слишком погорячился. Тапмен, вашу руку.

Темное облако сбежало с лица м-ра Тапмена, когда он крепко пожимал руку своему другу.

— Я тоже погорячился, — заявил он.

— Нет, нет, — перебил м-р Пиквик. — Вина моя. Вы надеваете зеленую бархатную куртку?

— Нет, нет, — отвечал м-р Тапмен.

— Наденьте, сделайте такое одолжение, — возразил м-р Пиквик.

— Хорошо, хорошо, надену, — сказал м-р Тапмен.

В результате было решено, что м-р Тапмен, м-р Уинкль и м-р Снодграс — все трое наденут маскарадные костюмы. Таким образом, растаявший под влиянием своего добросердечия, м-р Пиквик дал свое согласие на то, против чего восставал его здравый смысл. Более разительную иллюстрацию его любвеобилия вряд ли можно было бы придумать, даже если бы события, изложенные на этих страницах, были деликом вымышлены.

М-р Лио Хантер не преувеличил ресурсов м-ра Соломона Лукеса. Гардероб у него был разнообразный — весьма разнообразный — пожалуй, не строго классический, не совсем новый и не содержал он ни одного костюма, сделанного вполне в стиле какой-либо эпохи, но зато все было более или менее усеяно блестками; а что может быть красивее блесок! Можно выдвинуть возражение: блестки не приспособлены к дневному свету, но всем известно, что они сверкали бы при лампах; и, стало быть, яснее ясного, что если люди дают костюмированные балы днем, и костюмы оказываются хуже, чем были бы они при вечернем освещении, то вина лежит исключительно на тех, кто дает костюмированный бал, а блестки тут ни в чем не повинны. Таковы были убедительные доводы м-ра Соломона Лукеса, и под влиянием таких рас-

суждений м-р Тапмен, м-р Уинкль и м-р Снодграс начали облекаться в костюмы, которые м-р Лукес, руководствуясь своим вкусом и опытом, рекомендовал как наиболее соответствующие данным обстоятельствам.

Для пиквикистов экипаж нанят был в „Городском Гербе“; из той же сокровищницы была вытребована колесница, долженствовавшая доставить м-ра и м-с Пот во владения м-с Лео Хантер, о которых м-р Пот, деликатно выражая свою признательность за полученное приглашение, уже писал в „Итенсиуилской газете“, с уверенностью предсказывая, что „явлено будет зрелище восхитительное и чарующее, ослепительный блеск красоты и таланта, гостеприимство щедрое и безграничное, а главное — великолепие, смягченное изысканнейшим вкусом, и пышность, утонченная благодаря полной гармонии и деломудреннейшему содружеству, — пышность, по сравнению с коей баснословная роскошь восточной сказочной страны покажется столь же темной и мрачной, как и умонастроение того желчного и жалкого существа, которое осмелилось запятнать ядом зависти приготовления, сделанные добродетельной и весьма выдающейся леди, на чей алтарь возлагаем мы эту смиренную дань восхищения“. Этот последний пассаж, полный едкого сарказма, был направлен против „Независимого“, который, не получив приглашения, высмеивал на протяжении четырех номеров всю затею, прибегая к самому крупному шрифту и печатая все прилагательные с прописной буквы.

Настало утро. Приятно было созерцать м-ра Тапмена в полном костюме разбойника: в очень узкой куртке, которая делала его плечи и спину похожими на подушечки для булавок; верхняя часть его ног была упакована в бархатные штанишки, нижняя — хитро обмотана сложной сетью бинтов, к коим все разбойники питают особое пристрастие. Приятно было видеть его честную, простодушную физиономию, высовывающуюся из открытого воротника рубашки, украшенную великолепными усами и разрисованную жженой пробкой, и созерцать шляпу в форме сахарной головы, декорированную разноцветными лентами, которую он был вынужден держать на коленях, ибо ни в один нам известный крытый экипаж не вошел бы человек,

который хотел бы поместить такую шляпу в пространстве между своею головою и крышею экипажа. Не менее забавен и мил был м-р Снодграс в голубых атласных буфах и плаще, белом шелковом трико и туфлях, и в греческом шлеме,—каковой костюм, как всякому известно (а если не всякому, то м-ру Соломону Лукесу), являлся несомненным, подлинным и повседневным одеянием трубадуров с древнейших времен и до окончательного их исчезновения с лица земли. Все это было приятно видеть, но каково же было ликование толпы, когда крытый экипаж остановился позади колесницы м-ра и м-с Пот, каковая в свою очередь остановилась перед дверью м-ра Пота, а эта последняя распахнулась, и показался великий Пот, наряженный русским приставом, со страшным кнутом в руке — изящный символ суровой и непреклонной мощи „Итенсуилской газеты“ и страшных ударов, наносимых ею врагам общества.

— Браво! — воскликнули из коридора м-р Тапмен и м-р Снодграс при виде ходячей аллегории.

— Браво! — раздался в коридоре голос м-ра Пиквика.

— Ура! Да здравствует Пот! — орава толпа.

Под эти приветствия м-р Пот взошел на колесницу, улыбаясь с видом благосклонного достоинства, явно свидетельствовавшим о том, что он создает свою мощь и умеет ею пользоваться.

Затем выпла из дома м-с Пот, которая была бы очень похожа на Аполлона, если бы на ней не было платья; ее сопровождал м-р Уинкль, который в своем светлокрасном фраке, мог бы быть безошибочно принят за спортсмена, если бы у него не было столь же разительного сходства с почтмейстером. Последним шествовал м-р Пиквик, которого мальчишки приветствовали столь же бурно, предполагая, быть может, что его штаны в обтяжку и гетры относятся к средневековым реликвиям.

Наконец оба экипажа покатили к владениям м-с Лео Хантер. М-р Уэлер (который должен был прислуживать за завтраком) помещался на козлах того экипажа, в котором находился его хозяин.

Все до единого — мужчины, женщины, мальчики, девочки и младенцы, собравшиеся поглазеть на гостей в маскарадных костюмах, — завизжали от восторга, когда м-р Пиквик торжественно проследовал в сад под-руку с разбойником и трубадуром. Никогда еще не раздавалось таких громких возгласов, как те, коими встречена была попытка м-ра Тапмена водрузить на голове конусообразную шляпу, дабы в полном блеске появиться в саду.

Приготовления были сделаны в самом восхитительном стиле, вполне оправдывая пророческие слова Пота о роскоши восточной сказочной страны и явно опровергая злостные замечания пресмыкающегося „Независимого“. Сад размером не меньше акра с четвертью — переполнен приглашенными. Никогда еще не было такого избытка красоты, элегантности и литературных талантов! Здесь была молодая леди в костюме султанши, „делавшая“ поэзию в „Итенсуилской газете“; она опиралась на руку молодого джентльмена, который „делал“ критику и, как подобало, нарядился в фельдмаршальскую форму — только без фельдмаршальских сапог. Здесь был сонм таких гениев, и каждый рассудительный человек почел бы за честь встретиться с ними. Мало того — здесь было с полдюжины львов* из Лондона — писателей, настоящих писателей, которые написали целые книги и затем напечатали, а здесь вы могли их созерцать, прогуливающих, как простые смертные, улыбающихся и болтающих, да, болтающих порядочный вздор — несомненно, с благим намерением быть понятыми окружающей их вульгарной толпой. Кроме того здесь был музыкальный ансамбль в картошных шляпах: четыре певца из неведомой страны, одетых в костюмы своей страны, да дюжина наемных лакеев в костюмах своей страны — и к тому же очень грязных. И главное — здесь была м-с Хантер, одетая Минервой, принимающая гостей и сияющая от гордости и удовольствия при виде такого изысканного общества.

— М-р Пиквик, сударыня, — доложил слуга, когда этот джентльмен приблизился к руководившей торжеством богине, держа шляпу в руке и в сопровождении разбойника и трубадура по бокам.

— Как! Где!—вскакивая с места, вскричала м-с Лио Хантер с притворным восторгом и изумлением.

— Здесь, — сказал м-р Пиквик.

— Неужели я имею счастье созерцать самого м-ра Пиквика!—воскликнула м-с Лио Хантер.

— Он самый, сударыня, — с низким поклоном ответил м-р Пиквик. — Разрешите мне представить автору „Издыхающей лягушки“ моих друзей—м-р Тапмен, м-р Уинкль, м-р Снодграс.

Очень немногие, кроме тех, кто испытал это на себе, знают, как трудно кланяться в зеленых бархатных штанишках, узкой куртке и высокой шапке, или в голубых атласных буфах и белом шелковом трико, или в коротких манчестерских штанах и сапогах с отворотами, когда все эти принадлежности туалета сшиты не по мерке и ни мало не приспособлены друг к другу и к фигуре, которую облачают. Никто еще не видывал таких судорог, какие приключились с м-ром Тапменом, старавшимся держаться свободно и грациозно, и таких замысловатых поз, какие принимали его костюмированные друзья.

— М-р Пиквик, — сказала м-с Лио Хантер, — вы должны дать мне обещание, что не будете отходить от меня в течение всего дня. Здесь сотни людей, которых я во что бы то ни стало должна вам представить.

— Вы очень любезны, сударыня, — отвечал м-р Пиквик.

— Во-первых, вот мои девчурки, я о них почти забыла, — продолжала Минерва, небрежно указывая на двух великовозрастных девиц, одну лет двадцати, другую года на два старше, одетых в детские платица, — для того ли, чтобы им казаться молодыми, или для того, чтобы их мамаша казалась моложе, — этого пункта м-р Пиквик нам не разъясняет.

— Они премиленькие, — заметил м-р Пиквик, когда представленные ему малютки удалились.

— Они очень похожи на свою мамашу, сэр, — величественно изрек м-р Пот.

— Ах вы, проказник! — воскликнула м-с Лио Хантер, игриво хлопнув редактора веером по руке. (Минерва была с веером!)

— Ну, конечно, дорогая моя м-с Хантер, — сказал м-р Пот, состоявший в Логовище на ролях присяжного трубача. —

Вы прекрасно знаете, что в прошлом году, когда ваш портрет появился на выставке Королевской Академии, все спрашивали, чей это портрет — ваш или вашей младшей дочери, вы были так похожи друг на друга, что различить вас невозможно.

— Хорошо, пусть будет так, но зачем это повторять при чужих? — возразила м-с Лио Хантер, еще раз ударив веером дремлющего льва „Итенсуилской газеты“.

— Граф, граф! — вдруг взвизгнула она, обращаясь к проходившему мимо субъекту в иностранном мундире и с огромными баками.

— А? Вы меня зовете? — оглянулся граф.

— Я хочу познакомить двух поистине умных людей, — сказала м-с Лио Хантер. — М-р Пиквик, позвольте вас представить графу Сморльторку! — затем она быстро шепнула м-ру Пиквику: — Знатный иностранец... собирает материалы для большой работы об Англии... Гм!.. граф Сморльторк, м-р Пиквик.

М-р Пиквик с подобающим почтением приветствовал столь великого человека, а граф вытащил свои таблетки *.

— Как сказали вы, м-с Хант? — осведомился он, милостиво улыбаясь восхищенной м-с Лио Хантер. — Пиг Виг или Биг Виг... так зовете вы... адвокаты... э... Понимаю, именно Биг Виг... Большой парик *. — И граф собирался занести м-ра Пиквика на свои таблетки как джентльмена из тех, что носят длинные мантии, и фамилия которого произошла от его профессиональных занятий, но тут вмешалась м-с Лио Хантер.

— Нет, нет, граф, — сказала она, — Пик-вик.

— А, понимаю, — ответил граф. — Пик — имя, Викс — фамилия. Хорошо, очень хорошо, — Пик Викс. Как поживаете, Викс?

— Благодарю вас, прекрасно, — с обычной своей любезностью отвечал м-р Пиквик. — Давно ли вы в Англии?

— Давно... очень давно... больше две недели.

— И долго еще пробудете здесь?

— Одна неделя.

— Вам придется поработать, — с улыбкой заметил м-р Пиквик, — чтобы собрать за это время все нужные материалы.

— Э, они собрались, — объявил граф.

— Вот как! — удивился м-р Пиквик.

— Здесь, — добавил граф, многозначительно хлопнув себя по лбу. — Дома большая книга... полная от заметок... музыка, живопись, наука, поэзия, политик — все.

— Слово политика, сэр, — сказал м-р Пиквик, — заключает в себе трудную науку немалого значения...

— А! — воскликнул граф, снова извлекая свои таблетки, — очень хорошо... прекрасные слова начать главу. Глава сорок семь: Политик. Слово политик включает собой...

И на таблетки графа Сморльторка было занесено замечание м-ра Пиквика с теми вариациями, какие подсказывала пылкая фантазия графа или недостаточное знание языка.

— Граф! — начала м-с Лию Хантер.

— М-с Хант? — отозвался граф.

— Вот это м-р Снодграс, друг м-ра Пиквика и поэт.

— Постой! — воскликнул граф, снова хватаясь за таблетки. — Раздел — поэзия... глава — Друзья от литературы... фамилия — Сноуграс. Очень хорошо. Был представленный Сноуграс... великий поэт, друг Пика Вика... через м-с Хант, который написал второе сладкое стихотворение. Как его имя? — Лягушка... Изнывающая лягушка... хорошо, очень хорошо.

И граф сложил свои таблетки и удалился с поклонами и приветствиями, очень довольный тем, что ему удалось пополнить запас сведений столь важным и ценным материалом.

— Чудесный человек — граф Сморльторк, — сказала м-с Лию Хантер.

— Трезвый философ, — добавил м-р Пот.

— Ум ясный и проницательный, — продолжал м-р Снодграс.

Хор гостей подхватил хвалебную песнь в честь графа Сморльторка и, глубокомысленно покачивая головами, провозгласил:

— Весьма!

Так как энтузиазм, вызванный графом Смольторком, был очень велик, то и чествовали бы его, быть может, до конца праздника, если бы четыре певца из неведомой страны не выстроились для живописности перед маленькой яблоней и не

начали петь свои национальные песни, каковые, новидному, особых трудностей для исполнения не представляли, ибо весь секрет их, как будто, заключался в том, что три певца из неведомой страны должны были стонать, а четвертый — выть. По окончании этого интересного концерта, вызвавшего громкие аплодисменты всего общества, какой-то подросток начал пролезать между перекладинами стула, прыгал через него и проползал под ним, катался с ним по земле и проделывал решительно все, только не сидел на нем, затем сделал галстук из собственных ног и обвязал их вокруг шеи, после чего демонстрировал, с какою легкостью можно придать человеческому существу сходство с раздувшейся жабой, — все эти подвиги вызвали восторг и изумление собравшихся зрителей. Вслед за сим послышался голос м-с Пот, невинно чирикавший нечто, названное из вежливости романсом. Все это строго соответствовало классическому стилю и роли, ибо Аполлон сам был композитором, а композиторы очень редко умеют исполнять свои произведения... Впрочем, и чужие. Затем последовала декламация м-с Лио Хантер, читавшей широко прославленную „Оду издыхающей лягушке“, которую она повторила на бис и прочла бы и в третий раз, если бы большинство гостей, по мнению коих давным-давно наступило время слегка перекусить, не заявило, что злоупотреблять добротой м-с Лио Хантер поистине постыдно. И хотя м-с Лио Хантер изъявила полную готовность еще раз декламировать оду, ее добрые и заботливые друзья и слышать об этом не хотели; а когда распахнулась дверь столовой, все, кто бывал здесь раньше, устремились туда с величайшей поспешностью: у м-с Лио Хантер было заведено посылать приглашения ста персонам, а завтрак готовить на пятьдесят, или, иными словами, кормить только самых выдающихся львов и предоставлять менее значительным зверям самим заботиться о себе.

— Где же м-р Пот? — спросила м-с Лио Хантер, разместив вокруг себя упомянутых львов.

— Я здесь, — отозвался редактор из отдаленнейшего конца комнаты, где для него не было никаких надежд на завтрак, если хозяйка о нем не позаботится.

— Не хотите ли пожаловать сюда?

— Ах, прошу вас, не беспокойтесь о нем, — самым обязательным тоном сказала м-с Пот, — вы создаете себе ненужные хлопоты, м-с Хантер. Ведь вам и там очень хорошо, не правда ли, дорогой?

— Конечно, милочка, — с мрачной улыбкой отвечал несчастный м-р Пот. Увы, что толку от кнута! Мощная рука, которая с такой нечеловеческой силой обрушивалась на общественные репутации, была парализована властным взглядом м-с Пот.

М-с Лио Хантер с торжеством оглядела собравшихся. Граф Сморльторк деловито отмечал на своих таблетках поданные блюда; м-р Тапмен угощал нескольких львиц салатом из омаров, превосходя грацией всех известных доселе разбойников; м-р Снодграс, срезав молодого джентльмена, который резал авторов на страницах „Итенсуилской газеты“, был поглощен страстной дискуссией с молодой леди, которая „делала“ поэзию; а м-р Пиквик старался угодить всем и каждому. Казалось, избранное общество было в полном составе, как вдруг м-р Лио Хантер — на чьей обязанности в таких случаях было стоять у дверей и разговаривать с менее важными особами — м-р Лио Хантер возвестил:

— Дорогая моя, здесь м-р Чарльз Фид-Маршел*.

— Ах, боже мой, — воскликнула м-с Лио Хантер, — с каким нетерпением я его ждала! Пожалуйста, потеснитесь, дайте пройти м-ру Фид-Маршелу. Дорогой мой, скажите м-ру Фид-Маршелу, чтобы он сейчас же подошел ко мне, я его побраню за то, что он так опоздал.

— Иду, сударыня, дорогая, — раздался голос, — спешу по мере сил — толпы народа — комната переполнена — трудная работа — весьма.

Нож и вилка выпали из рук м-ра Пиквика. Он посмотрел через стол на м-ра Тапмена, который тоже выронил нож и вилку и имел такой вид, словно он без дальнейших разговоров готов провалиться сквозь землю.

— А! — слышался голос, когда обладатель его прокладывал себе дорогу между последними двадцатью пятью турками, офи-

церами, рыцарями и Карлами Вторыми, которые отделяли его от стола.— Настоящий каток для белья — патент Бейкера* — ни одной морщинки на костюме после такого тискания — выглядят белье, пока дойду — ха-ха, идея недурная — впрочем, довольно необычно, уютят на тебе самом — мучительная процедура — весьма.

Произнося эти отрывочные фразы, молодой человек в форме морского офицера проложил себе путь к столу, и перед пораженными пиквикистами предстал собственной своей персоной м-р Альфред Джингль.

Злодей едва успел пожать протянутую руку м-с Лио Хантер, когда глаза его встретились с негодующими очами м-ра Пиквика.

— Алло! — воскликнул Джингль, — совсем забыл — не отдал распоряжений форейтору — сейчас отдам — вернусь через минуту.

— М-р Фид-Маршел, лакей или м-р Хантер сделают это мгновенно, — заметила м-с Лио Хантер.

— Нет, нет — я сам, — одна секунда, — возразил Джингль.

С этими словами он исчез в толпе.

— Разрешите вас спросить, сударыня, — сказал возбужденно м-р Пиквик, вставая с места, — кто этот молодой человек и где он проживает?

— Это богатый джентльмен, м-р Пиквик, — отвечала м-с Лио Хантер, — с которым я очень хочу вас познакомить. Граф будет от него в восторге.

— Да, да, — поспешно проговорил м-р Пиквик, — а проживает он...

— В настоящее время в Бери в гостинице „Ангел“*.

— В Бери?

— В Бери* Сент-Эдмендс, в нескольких милях отсюда. Ах, боже мой, м-р Пиквик, неужели вы хотите нас покинуть? Нет, нет, м-р Пиквик, право же, вы не можете уйти так рано!

Незадолго до того, как м-с Лио Хантер произнесла последние слова, м-р Пиквик ринулся сквозь толпу и пробрался в сад, где в скором времени присоединился к нему м-р Тапмен, следовавший по пятам за своим другом.

— Бесплезно, — сказал м-р Тапмен, — он ушел!

— Знаю, — отозвался м-р Пиквик, — и последую за ним.

— Последуете за ним! Куда? — осведомился м-р Тапмен.

— В гостиницу „Ангела“ в Бери, — с живостью ответил м-р Пиквик. — Откуда нам знать, кого он там обманывает? Однажды он уже обманул достойного человека, и мы — хотя и не по своей вине — были тому причиной. И больше он никого не обманет, поскольку это от меня зависит. Я его разоблачу... Сэм! Где же мой слуга?

— Я здесь, сэр, — отозвался м-р Уэлер, выходя из уединенного местечка, где он смаковал бутылку мадеры, которую часа два назад унес со стола, накрытого к завтраку. — Ваш слуга здесь, сэр. Горд титулом, как говорил Живой* скилент, когда его показывали публике.

— Немедленно следуйте за мной! — приказал м-р Пиквик. — Тапмен, если я задержусь в Бери, вы можете ко мне приехать, когда я напишу. А пока до свидания!

Возражать не имело смысла. М-р Пиквик был возбужден, и решение его принято. М-р Тапмен вернулся к своим приятелям и через час утопил воспоминания о м-ре Альфреде Джингле, или м-ре Чарльзе Фид-Маршеле, и в бутылке шампанского, и в веселой кадрили. А в это время м-р Пиквик и Сэм Уэлер, сидя на крыше пассажирской кареты, с каждой минутой поглощали пространство, отделявшее их от доброго старого города Бери Сент-Эдмендс.

ГЛАВА XVI

*слишком изобилующая приключениями, чтобы можно было
кратко их изложить*

Нет такого месяца в году, когда бы лик природы был прекраснее, чем в августе. Много прелести есть у весны, и май — свежий и цветущий месяц, но чары этого времени года подчеркнуты контрастом с зимней порой. У августа нет такого преимущества. Он приходит, — когда мы помним только о ясном небе, зеленых полях и душистых цветах, когда воспоминание о снеге, льде и холодных ветрах стерлось в памяти так же, как исчезли они с лица земли, — и все-таки какое это чудесное время! В фруктовых садах и на нивах звенят голоса работников, деревья клонятся под тяжестью сочных плодов, пригибающих ветви к земле, а хлеба, красиво связанные в снопы или волнующиеся от малейшего дуновения ветерка — словно задабривающие серп, — окрашивают пейзаж в золотистые тона. Как будто мягкая томность окутывает всю землю; и кажется, будто влияние этого времени года распространяется даже на телегу — только глаз замечает замедленное ее движение по сжатому полю, но ни один резкий звук не касается слуха.

Когда карета быстро катится мимо полей и фруктовых садов, окаймляющих дорогу, группы женщин и детей, напол-

няющих решета плодами или подбирающих разбросанные колосья, на секунду отрываются от работы и, заслоня смуглые лица загорелыми руками, смотрят с любопытством на путешественников, а какой-нибудь здоровый мальчуган — он слишком мал для работы, но такой проказник, что его нельзя оставить дома, — выкарабкивается из корзины, куда его посадили для безопасности, и барахтается и визжит от восторга. Жнец прерывает работу и стоит, сложив руки, глядя на несущийся мимо экипаж; а выносливые лошади бросают на красивую упряжку сонный взгляд, который говорит так ясно, как может быть ясен взгляд лошади: „Поглазеть на это очень приятно, но медленная ходьба по тучной земле в конце концов лучше, чем такая жаркая работа на пыльной дороге“. На повороте дороги вы оглядываетесь. Женщины и дети вернулись к работе; снова согнулась спина жнеца; плетутся клячи, и снова все пришло в движение.

Такое зрелище не могло не повлиять на прекрасно дисциплинированный ум м-ра Пиквика. Сосредоточившись на решении разоблачать истинную природу гнусного Джингля везде, где бы тот ни осуществлял свои мошеннические замыслы, он сидел сначала молчаливый и задумчивый, измышляя наилучшие средства для достижения цели. Постепенно внимание его начали привлекать окружающие предметы; и наконец поездка стала доставлять ему такое удовлетворение, словно он ее предпринял ради наиприятнейшей цели.

— Чудесный вид, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Почтище дымовых труб, сэр, — отвечал м-р Уэлер, притронувшись к шляпе.

— Пожалуй, вы за всю свою жизнь, Сэм, только и видели, что дымовые трубы, кирпичи да известку, — с улыбкой произнес м-р Пиквик.

— Я не всегда был коридорным, сэр, — покачивая головой, возразил м-р Уэлер. — Когда-то я работал у ломовика.

— Давно это было? — полюбопытствовал м-р Пиквик.

— А вот как выпшвырнуло меня вверх тормашками в мир поиграть в чехарду с его напастями, — ответил Сэм. — Поначалу я работал у разносчика, потом у ломовика, потом был рассыль-

ным, потом коридорным. А теперь я — слуга джентльмена. Может быть, настанет когда-нибудь время, и сам я стану джентльменом с трубкой во рту и беседкой в саду. Кто знает? Я бы не удивился.

— Да вы философ, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Должно быть, это у нас семейственное, сэр, — ответил м-р Уэлер. — Мой отец очень налегает теперь на это занятие. Мачеха налетает на него, его ругает, а он свистит. Она приходит в раж и ломает ему трубку, он выходит и приносит другую. Она визжит во всю глотку и — в истерику, а он преспокойно курит, пока она не придет в себя. Это философия, сэр, не так ли?

— Во всяком случае очень недурная замена, — смеясь, ответил м-р Пиквик. — Должно быть, она вам сослужила службу, Сэм, в вашей беспокойной жизни?

— Сослужила, сэр! — воскликнул Сэм. — Что и говорить! Когда я удрал от разносчика, а к ломовику еще не нанялся, я две недели жил в немеблированных комнатах.

— В немеблированных комнатах? — переспросил м-р Пиквик.

— Да... под арками Ватерлооского * моста. Прекрасное место, чтоб поспать... десять минут ходьбы от всех общественных учреждений, а если и можно что-нибудь сказать против него, так только одно: ситуация чересчур воздушная. Чудные вещи я там видел!

— Этому я охотно верю, — сказал м-р Пиквик, весьма заинтересованный.

— Такие вещи, сэр, — продолжал м-р Уэлер, — которые произошли бы в ваше доброе сердце и пронзили бы его насквозь. Регулярных бродяг вы там не увидите, будьте спокойны, они умеют устраивать свои дела. Нищие помоложе, мужчины и женщины, — те, что еще не продвинулись в своей профессии, — проживают там ипогда; а обыкновенно в темные закоулки таких заброшенных мест забиваются истощенные, умирающие с голоду, бездомные существа — жалкие существа, которым двухпенсовая веревка не по карману.

— Сэм, что это за двухпенсовая веревка? — осведомился м-р Пиквик.

— Двухпенсовая веревка, сэр, — ответил м-р Уэлер, — это попросту дешевая ночлежка, по два пенса за койку.

— Почему же постель называется веревкой? — спросил м-р Пиквик.

— Да благословит бог вашу невинность, сэр, не в этом дело, — ответил Сэм. — Когда леди и джентльмен, которые содержат этот отель, только начинали дело, они устраивали постели на полу, но это — не по цене, потому что ночлежники валялись пол-дня, вместо того, чтобы скромно выспаться на два пенса. Ну, а теперь они протягивают во всю длину комнаты две веревки, футов шесть одна от другой и фута три от пола, а постели делаются из полотнищ грубой материи, натянутых на веревки.

— Вот как, — сказал м-р Пиквик.

— Вот как, — сказал м-р Уэлер, — выгода такого плана ясна. Утром в шесть часов один конец веревок спускается, и ночлежники валятся все на пол. Ну, значит, сразу просыпаются, очень спокойно встают и убираются!.. Прошу прощения, сэр, — сказал Сэм, внезапно прерывая свою болтовню, — это Бери Сент-Эдмендс?

— Да, — ответил м-р Пиквик.

Карета загрохотала по прекрасно вымощенным улидам красивого городка, на вид — процветающего и чистенького, и остановилась перед большой гостиницей, помещавшейся на широкой улице, почти напротив старого аббатства.

— А это, — сказал м-р Пиквик, взглянув вверх, — „Ангел“! Мы выйдем здесь, Сэм. Но необходимо соблюдать некоторую осторожность. Займите отдельную комнату и не называйте моей фамилии. Понимаете?

— Будьте благонадежны, сэр, — хитро подмигнув, ответил м-р Уэлер, и, вытащив чемодан м-ра Пиквика из заднего ящика кареты, куда он второпях был брошен, когда они заняли места в итенсуилской карете, м-р Уэлер исчез, чтобы исполнить распоряжение. Отдельная комната была тотчас занята, и м-р Пиквик был введен без промедления.

— Теперь, Сэм, — сказал м-р Пиквик, — нам прежде всего следовало бы...

— Заказать обед, сэр, — подсказал м-р Уэлер. — Уже очень поздно, сэр.

— А это правда, — сказал м-р Пиквик, взглянув на часы. — Вы правы, Сэм.

— И если разрешите вам посоветовать, сэр, — добавил м-р Уэлер, — я бы после этого хорошенько отдохнул за ночь, и до утра не стал бы наводить справки об этом пройдохе. Ничто так не освежает, как сон, сэр, как сказала служанка, собираясь выпить опий из рюмки для яиц.

— Думаю, что вы правы, Сэм, — сказал м-р Пиквик. — Но сначала я должен удостовериться, что он — в этом доме и не собирается уехать.

— Предоставьте это мне, сэр, — сказал Сэм. — Разрешите заказать для вас плотненький обед и навести справки внизу, пока его приготовят; я, сэр, могу в пять минут выудить любой секрет из сердца коридорного.

— Так и поступите, — сказал м-р Пиквик, и м-р Уэлер немедленно удалился.

Через полчаса м-р Пиквик сидел за весьма удовлетворительным обедом, а через три четверти часа м-р Уэлер вернулся с известием, что м-р Чарльз Фиц-Маршел приказал считать за ним его комнату впрямь до дальнейших распоряжений. Он собирался провести вечер в гостях, где-то по соседству, велел коридорному не ложиться до его возвращения, а своего слугу взял с собой.

— Теперь, сэр, — заявил м-р Уэлер, закончив свое донесение, — если мне удастся потолковать поутру с этим-вот слугою, он все мне расскажет о своем хозяине.

— Почему вы так думаете? — вставил м-р Пиквик.

— Помилуй нас бог, сэр, на то и существуют слуги, — ответил м-р Уэлер.

— Ах, да, я об этом забыл, — сказал м-р Пиквик. — Хорошо.

— Тогда вы решите, как поступить, сэр, и мы соответственно начнем действовать.

Повидимому, этот план действий был наилучший, и в конце концов на нем остановились. М-р Уэлер, с разрешения своего

хозяина, отправился провести вечер по собственному усмотрению; вскоре за тем он был единогласно избран собравшейся компанией на председательское место в распивочной, на каковом почетном посту снискал такое расположение джентльменов завсегдатаев, что взрывы хохота и одобрения проникали в спальню м-ра Пиквика и сократили по меньшей мере на три часа продолжительность его нормального отдыха.

Рано поутру, когда м-р Уэллер разгонял последние остатки возбуждения, вызванного вечерним пиршеством, при посредстве душа за полпенни (соблазнив предложением этой монеты молодого джентльмена, пристроенного к конюшенному ведомству, окатывать из насоса ему голову и лицо, пока он окончательно не оправится), его внимание было привлечено молодым человеком в ливрее цвета шелковицы, который сидел на скамейке во дворе и читал, повидимому, книгу гимнов с видом глубоко сосредоточенным; тем не менее время от времени он поглядывал украдкой на индивида под насосом, как будто заинтересованный его операциями.

„Ну и чудной парень, как я погляжу!“ — подумал м-р Уэллер, как только встретил взгляд незнакомого человека в шелковичной ливрее, у которого было широкое желтое, некрасивое лицо, глубоко запавшие глаза и гигантская голова, с коей свисали космы гладких черных волос. „Ну и чудной же парень!“ — подумал м-р Уэллер, подумал и продолжал умываться, больше об этом не думая.

Однако человек упорно переводил взгляд с своей книги гимнов на Сэма и с Сэма на книгу гимнов, как будто хотел начать разговор. Тогда Сэм, чтобы дать повод к этому, спросил, фамильярно кивая ему:

— Как поживаете, командир?

— Я счастлив, что могу сказать — прекрасно, сэр, — поторопливо и вдумчиво ответил человек, закрывая книгу. — Надеюсь, и вы также, сэр?

— Ну, не чувствуй я себя, как ходячая бутылка бренди *, я бы тверже держался сегодня на ногах, — ответил Сэм. — Вы стоите в этой гостинице, старина?

Шелковичный человек отвечал утвердительно.

— Как же это случилось, что вчера вас не было с нами? — осведомился Сэм, вытирая лицо полотенцем. — Вы как будто весельчак... на вид — общительны, как живая форель в липовой корзинке, — добавил м-р Уэллер про себя.

— Вчера мы с хозяином были в гостях, — отвечал незнакомец.

— Как его зовут? — полюбопытствовал м-р Уэллер, сильно раскрасневшись от внезапного волнения и упражнений с полотенцем.

— Фиц-Маршел, — ответил шелковичный человек.

— Дайте вашу руку, — сказал м-р Уэллер, подходя к нему: — я хочу с вами познакомиться. Мне нравится ваше лицо.

— Это очень странно, — простодушно заметил шелковичный человек. — Мне ваше так понравилось, что я хотел заговорить с вами, как только увидел вас под насосом.

— Да ну?

— Честное слово. Ну, не чудно ли это?

— Очень удивительно, — сказал Сэм, мысленно радуясь по-датливости незнакомца. — Как вас зовут, патриарх?

— Джоб.

— И это очень хорошее имя — единственное, сколько я знаю, от которого нет уменьшительного. — А дальше как?

— Тротер, — сказал незнакомец. — А вас как?

Сэм хранил в памяти наставления хозяина и ответил:

— Меня зовут Уокер *, моего хозяина — Уилькинс. Не хотите ли сейчас промочить горло, м-р Тротер?

М-р Тротер согласился на это приятное предложение и, опустив руку в карман, отправился вместе с м-ром Уэллером в распивочную, где они вскоре занялись обсуждением веселящего напитка, составленного путем смешения в оловянном сосуде определенного количества британской Голландской * с ароматной эссенцией гвоздики.

— Хорошее у вас место? — полюбопытствовал Сэм, вторично наполняя стакан своего товарища.

— Плохое, — сказал Джоб, прищмокивая губами, — очень плохое.

— Что вы говорите? — сказал Сэм.

— Верно. Хуже — то, что мой хозяин собирается жениться.

— Нет! Что вы?

— Да, и еще хуже то, что он собирается удрать с ужасно богатой наследницей, из пансиона.

— Ну и дракон! — воскликнул Сэм, снова наполняя стакан приятелю. — Должно быть, какой-нибудь пансион здесь, в городе?

Хотя этот вопрос был задан самым небрежным тоном, какой только можно вообразить, м-р Джоб Тротер ясно показал жестикуляцией, что от него не укрылось желание нового друга выудить ответ. Он осушил стакан, посмотрел таинственно на приятеля, подмигнул по очереди своими крошечными глазками и сделал движение рукой, словно приводил в действие воображаемый насос, тем самым давая понять, что, по его (м-ра Тротера) соображению, м-р Сэмюэл Уэлер хочет нечто из него выкачать.

— Нет, нет, — сказал в заключение м-р Тротер, — об этом не говорят первому встречному. Это секрет... большой секрет, м-р Уокер.

Сказав это, шелковичный человек перевернул стакан вверх дном, дабы напомнить своему приятелю, что ему нечем утолить жажду. Сэм понял намек и, оценив деликатность, с какою он был сделан, приказал вновь наполнить оловянный сосуд. Глазки шелковичного человека засверкали.

— Так это секрет? — проговорил Сэм.

— Похоже на то, — ответил шелковичный человек, с довольной миной потягивая свой напиток.

— Должно быть, ваш хозяин очень богат? — сказал Сэм.

М-р Тротер улыбнулся и, держа стакан в левой руке, правой раза четыре похлопал по карману своих шелковичных невыразимых, давая этим понять, что его хозяин мог бы сделать то же самое, никого не потревожив звоном монеты.

— А, — сказал Сэм, — вот оно что!

Шелковичный человек многозначительно кивнул.

— Ну, а не сдается ли вам, старина, — продолжал м-р Уэлер, — что вы окажетесь сущим негодяем, если позволите своему хозяину провести эту-вот молодую леди?

— Я это знаю, — сказал Джоб Тротер, обращая к своему собеседнику удрученную физиономию и тихонько охая. — Я это знаю, и вот это-то меня больше всего сокрушает. Но что же мне делать?

— Что делать! — воскликнул Сэм. — Открыть все начальнице и выдать своего хозяина.

— Кто мне поверит? — возразил Джоб Тротер. — Молодая леди считается образцом невинности и скромности. Она станет это отрицать, мой хозяин тоже. Кто мне поверит? Я потеряю место, и меня обвинят в заговоре или еще в чем-нибудь. Вот, что я получил бы за доброе побуждение.

— Это смахивает на правду, — задумчиво сказал Сэм, — это смахивает на правду.

— Если бы я знал какого-нибудь почтенного джентльмена, который взялся бы за это дело, — продолжал м-р Тротер, — тогда у меня была бы надежда помешать побегу, но тут, м-р Уокер, опять та же загвоздка. В этом чужом городе я ни одного джентльмена не знаю, да если бы и знал, десять против одного, что он не поверит моему рассказу.

— Пойдемте со мной! — воскликнул Сэм, внезапно вскакивая и хватая шелковичного человека за руку. — Мой хозяин — как раз тот, кого вам нужно.

И, преодолев слабое сопротивление со стороны Джоба Тротера, Сэм повел своего новообетенного друга в комнату м-ра Пиквика, которому представил его вместе с кратким изложением диалога, только что ими приведенного.

— Мне очень жалко предавать моего хозяина, сэр, — сказал Джоб Тротер, прикладывая к глазам розовый клетчатый носовой платочек величиною не больше шести квадратных дюймов.

— Такие чувства делают вам честь, — отвечал м-р Пиквик, — но тем не менее это ваш долг.

— Знаю, что это мой долг, сэр, — отвечал Джоб с большим чувством. — Нам всем следовало бы стараться исполнять наш долг, сэр, и я смиренно стараюсь исполнить свой, сэр, но это тяжелое испытание — предать хозяина, сэр, чье платье вы носите и чей хлеб вы едите, хотя бы он был мошенник, сэр.

— Вы очень хороший человек, — сказал глубоко растроганный м-р Пиквик, — честный человек.

— Ну-ну, — вмешался Сэм, который созерцал слезы м-ра Тротера с заметным нетерпением, — прекратите эту-вот поливку. Толку от этого не будет никакого.

— Сэм, — укоризненно сказал м-р Пиквик, — я с сожалением замечая, что вы не питаете никакого уважения к чувствам этого молодого человека.

— Чувства у него отличные, сэр, — отвечал м-р Уэлер, — очень даже прекрасные, и просто жалость, если он их зря растратит, вот я и думаю, что лучше бы он их припрятал в своей груди и не давал им испаряться в горячую воду, особливо, если нет от них никакого толку. Слезы никогда еще часов не заводили и паровой машины не двигали. В следующий раз, как пойдете в гости, молодой человек, набейте этими-вот мыслями свою трубку, а сейчас спрячьте-ка в карман этот кусок розовой бумажной материи. Не так уж он красив, чтобы вы им размахивали, как канатный плясун.

— Мой слуга по-своему прав, — сказал м-р Пиквик, обращаясь к Джобу, — хотя его манера выражать свое мнение грубовата, а иной раз непонятна.

— Он, сэр, очень прав, — заявил м-р Тротер, — и я больше не буду распускаться.

— Отлично, — сказал м-р Пиквик. — Ну, а где же находится этот пансион?

— Это большой старый дом из красного кирпича, в самом предместьи, сэр, — отвечал Джоб Тротер.

— А когда, — продолжал м-р Пиквик, — когда этот гнусный замысел будет приведен в исполнение? Когда должен состояться побег?

— Сегодня ночью, сэр, — ответил Джоб.

— Сегодня ночью! — воскликнул м-р Пиквик.

— В эту самую ночь, сэр, — отвечал Джоб Тротер. — Вот что меня так тревожит.

— Меры должны быть приняты немедленно, — заявил м-р Пиквик. — Я сейчас же повидаюсь с леди, которая возглавляет это заведение.

— Прошу прощения, сэр, — возразил Джоб, — но такие действия ни к чему не приведут.

— Почему? — осведомился м-р Пиквик.

— Мой хозяин, сэр, очень хитрый человек.

— Я это знаю, — сказал м-р Пиквик.

— И он так обвинялся вокруг сердца старой леди, сэр, — продолжал Джоб, — что она ничему плохому о нем не поверит, даже если вы станете на колени и будете клясться, в особенности раз у вас нет никаких доказательств, кроме слов слуги, о котором она может знать только то (а мой хозяин непременно так скажет), что он был рассчитан за какую-то провинность и делает это в отместку.

— Что же в таком случае предпринять? — спросил м-р Пиквик.

— Старую леди ничем не убедишь, если он не будет захвачен при побеге, сэр, — ответил Джоб.

— Все эти старые кошки непременно хотят удариться головой об жернов, — заметил в скобках м-р Уэлер.

— Но я боюсь, что это окажется чрезвычайно трудно — захватить его при побеге, — сказал м-р Пиквик.

— Не знаю, сэр, — сказал м-р Тротер, на секунду призадумавшись. — Мне кажется, это можно было бы сделать очень просто.

— Как? — задал вопрос м-р Пиквик.

— Да мой хозяин и я договорились с двумя служанками, и в десять часов они нас спрячут в кухне. Когда в доме улягутся все спать, мы выйдем из кухни, а молодая леди выйдет из своей спальни. Дорожная карета будет ждать, и мы тотчас укатим.

— Ну? — сказал м-р Пиквик.

— Ну, вот я и подумал, сэр, что если бы вы поджидали в саду, один...

— Один, — повторил м-р Пиквик. — Почему один?

— Мне казалось очень естественным, — ответил Джоб, — что старая леди будет недовольна, если такое неприятное открытие произойдет на глазах посторонних и лишних людей. Да и молодая леди, сэр, — подумайте об ее чувствах.

— Вы совершенно правы, — сказал м-р Пиквик. — Это сообщение свидетельствует о деликатности ваших чувств. Продолжайте. Вы совершенно правы.

— Так вот, сэр, я и подумал, что если вы подождете один в саду, и я вас введу ровно в половине двенадцатого через дверь в конце коридора, выходящую в сад, вы поспеете как раз во-время и поможете мне разрушить замыслы этого дурного человека, к которому я, по несчастью, попал в лапы. — М-р Тротер глубоко вздохнул.

— Не огорчайтесь по этому поводу, — сказал м-р Пиквик. — Будь у него хоть одна крупинка той деликатности, которая отличает вас, невзирая на ваше скромное положение, я бы еще мог возлагать на него некоторые надежды.

Джоб Тротер низко поклонился, и, несмотря на замечания м-ра Уэлера, слезы снова выступили у него на глазах.

— Никогда еще не видывал такого парня, — сказал Сэм. — Будь я проклят, если у него в голове нет водопровода, который всегда работает.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик с большой суровостью, — придержите язык.

— Слушаю, сэр, — отвечал м-р Уэлер.

— Мне не нравится этот план, — сказал м-р Пиквик после глубокого размышления. — Почему бы мне не снестись с друзьями молодой леди?

— Потому что они живут в ста милях отсюда, сэр, — ответил Джоб Тротер.

— Вот так загвоздка! — сказал м-р Уэлер в сторону.

— Ну, а этот сад? — продолжал м-р Пиквик. — Как я туда проберусь?

— Отрада очень низкая, сэр, а ваш слуга поможет вам взобраться.

— Мой слуга поможет мне взобраться, — машинально повторил м-р Пиквик. — А вы наверное будете возле той двери, о которой говорите?

— Ошибки быть не может, сэр, там только одна дверь, которая выходит в сад. Постучите в нее, когда услышите бой часов, и я тотчас открою.

— Мне этот план не нравится, — повторил м-р Пиквик, — но раз я другого не могу придумать и раз на карту поставлено счастье всей жизни молодой леди, я согласен. Я буду там.

Таким образом, во второй раз природная доброта м-ра Пиквика вовлекла его в предприятие, от которого он с великой охотой держался бы в стороне.

— Как называется этот дом? — спросил м-р Пиквик.

— Уестгейт *, сэр. Вы повернете немного вправо, когда дойдете до конца города, дом стоит особняком, в стороне от дороги, на воротах медная доска с названием.

— Я его знаю, — сказал м-р Пиквик. — Я обратил на него внимание раньше, когда был в этом городе. Можете на меня положиться.

М-р Тротер отвесил еще один поклон и хотел удалиться, когда м-р Пиквик сунул ему в руку гинею.

— Вы славный малый, — сказал м-р Пиквик, — я восхищаюсь вашим добрым сердцем. Не благодарите. Помните — одиннадцать часов.

— Будьте спокойны, не забуду, сэр, — отвечал Джоб Тротер.

С этими словами он вышел из комнаты в сопровождении Сэма.

— Послушайте, — сказал тот, — совсем не плохая штука — это-вот хныканье. За такую хорошую плату я готов плакать, как водосточная труба в ливень. Как вы это проделываете?

— Это исходит из сердца, м-р Уокер, — торжественно ответил Джоб. — Прощайте, сэр.

„Чудак слабонервный, а все-таки мы из него вытянули все“, — подумал м-р Уэлер, когда Джоб удалился.

Мы не можем с такой же точностью установить характер мыслей, пролетавших в голове м-ра Тротера, ибо не знаем, о чем он думал.

Прошел день, настал вечер, и около десяти часов Сэм Уэлер доложил, что м-р Джингль и Джоб вышли вместе, что их вещи уложены, и что они заказали карету. Заговор, повидимому, приводился в исполнение по плану, изложенному м-ром Тротером.

Пробило половина одиннадцатого, — время, когда м-ру Пиквику надлежало приступить к исполнению своей деликатной миссии. От предложенного Сэмом пальто он отказался, чтобы не было никаких помех при перелезании через ограду, и отправился в путь, сопровождаемый своим слугой.

Луна взошла, но скрывалась за облаками. Была прекрасная сухая ночь, но удивительно темная. Тропинки, изгороди, поля, дома и деревья были окутаны одной густой тенью. Было жарко и душно, зарницы слабо вспыхивали над линией горизонта, и только они оживляли тусклый сумрак, все обволакивавший, — не слышно было никаких звуков, кроме отдаленного лая какой-то беспокойной собаки.

Они нашли дом, прочитали медную табличку, обошли вокруг ограды и остановились там, где она отделяла их от конца сада.

— Вы вернетесь в гостиницу, Сэм, когда поможете мне перелезть, — сказал Пиквик.

— Слушаю, сэр.

— И будете ждать моего возвращения.

— Конечно, сэр.

— Возьмите меня за ногу, и когда я скажу „вверх“, осторожно меня поднимите.

— Да, сэр.

Покончив с приготовлениями, м-р Пиквик ухватился рукой за верхушку ограды и скомандовал „вверх“, что и было исполнено буквально. Позанимствовало ли его тело эластичность, свойственную его духу, или представление м-ра Уэлера об осторожном подсаживании было несколько грубее, чем представление м-ра Пиквика, — как бы ни было, но непосредственным результатом его услуги было то, что сей бессмертный джентльмен перелетел через ограду прямо на клумбу, где, приняв предварительно три куста крыжовника и розовый куст, растянулся на земле во весь рост.

— Надеюсь, вы ничего себе не повредили, сэр? — громким шопотом спросил Сэм, как только оправился от изумления, вызванного таинственным исчезновением его хозяина.

— Я-то себе, конечно, не повредил, Сэм, — отвечал м-р Пиквик из-за ограды, — но склонен думать, что вы мне повредили.

— Надеюсь, что нет, сэр, — отозвался Сэм.

— Ничего, — сказал м-р Пиквик, вставая, — всего несколько царапин. Ступайте, а то нас услышат.

— Прощайте, сэр.

— Прощайте.

Сэм Уэлер осторожно удалился, оставив м-ра Пиквика одного в саду.

Время от времени огни вспыхивали в различных окнах дома или появлялись на лестнице; обитатели дома, видимо, готовились ко сну. Не рискуя раньше условленного часа подходить слишком близко к двери, м-р Пиквик приоткрылся в углу ограды и ждал его приближения.

Ситуация была такова, что легко могла подействовать угнетающе на многих людей. М-р Пиквик, однако, не чувствовал ни угнетенности, ни беспокойства. Он знал, что намерения у него благие, и всецело полагался на высокопоставленного Джоба. Конечно, было тоскливо, скучно, чтобы не сказать — жутко, но человек, склонный к созерцанию, всегда может заняться размышлениями. М-р Пиквик доразмышлялся до того, что погрузился в дремоту, как вдруг его разбудили куранты на соседней церкви, пробившие условленный час — половину двенадцатого.

„Пора“, — подумал м-р Пиквик, осторожно поднимаясь на ноги. Он взглянул на дом. Огни погасли и ставни были закрыты — несомненно, все улеглись. Он подошел на цыпочках к двери и тихонько постучал. Спустя две-три минуты, не дождавшись ответа, он снова постучал несколько громче, и снова, еще громче.

Наконец на лестнице послышались шаги, а затем сквозь замочную скважину блеснуло пламя свечи. Долго возились с цепью и засовами, и вот дверь стала медленно открываться.

Дверь открывалась наружу; и по мере того, как она открывалась шире и шире, м-р Пиквик отступал за нее дальше и дальше. Каково же было его изумление, когда он, соблюдая осторожность, чуть-чуть высунулся и увидел, что человек, открывавший дверь, был... не Джоб Тротер, а служанка со

свечою в руках! М-р Пиквик снова втянул голову с живостью, свойственной превосходному мелодраматическому актеру Панчу, когда тот подстерегает тупоголового коменданта с жестяной музыкальной шкатулкой.

— Должно быть, Сара, это была кошка, — сказала девушка, обращаясь к кому-то внутри дома. — Кис-кис-кис!

Но так как этот ласковый зов не выманил никакого животного, девушка неспеша закрыла дверь и снова ее заперла, оставив в саду м-ра Пиквика, вытянувшегося во весь рост и прижавшегося к стене.

„Это очень странно, — подумал м-р Пиквик. — Вероятно, они засиделись дольше, чем обычно. Чрезвычайно некстати они выбрали для этого именно эту ночь... чрезвычайно“. И с такими мыслями м-р Пиквик осторожно удалился в угол ограды, где раньше прятался, и стал дожидаться момента, когда можно будет безопасно повторить сигнал.

Он не пробыл здесь и пяти минут, как за яркой вспышкой молнии последовал оглушительный удар грома, который загрохотал и с ужасающим шумом раскатился вдаль; затем снова вспышка молнии, ярче, чем первая, и второй удар грома, оглушительнее, чем предыдущий; а затем полил дождь с силой и бешенством, сметавшими все на своем пути.

М-р Пиквик прекрасно знал, что дерево — опасный сосед во время грозы. Дерево находилось справа от него, дерево — слева, третье перед ним, и четвертое сзади. Останься он на месте, он рискует стать жертвой несчастного случая; выйди он на середину сада, он рискует попасть в руки констебля. Раз два он пытался перелезть через ограду, но так как на сей раз у него не было других подпорок, кроме тех, какими его снабдила природа, то единственным результатом его отчаянных попыток было появление множества очень неприятных царапин на коленях и бедрах, а также весьма обильной испарины.

— Какое ужасное положение! — сказал м-р Пиквик, приостановившись, чтобы вытереть лоб после этих упражнений. Он взглянул на дом — всюду было темно. Должно быть, теперь все улеглось. Он попробует снова дать сигнал.

Он прошел на цыпочках по сырому песку и постучал в дверь.

Притаив дыхание, он стал слушать через замочную скважину.

Ответа никакого. Очень странно. Снова стук. Он опять прислушался. В доме раздался тихий шопот, и затем чей-то голос крикнул:

— Кто там?

„Это не Джоб, — подумал м-р Пиквик, с живостью прижимаясь снова к стене. — Это женщина“.

Едва успел он прийти к такому заключению, как над лестницей распахнулось окно, и три-четыре женских голоса повторили вопрос:

— Кто там?

М-р Пиквик не смел шевельнуть ни рукой, ни ногой. Было ясно, что проснулся весь дом. Он решил оставаться на месте, пока тревога не уляжется, а затем сделать сверхъестественное усилие и перелезть через ограду или погибнуть при этой попытке.

Подобно всем решениям м-ра Пиквика, это являлось наилучшим, какое можно было принять при данных обстоятельствах; но, к сожалению, оно зиждилось на предположении, что в доме не рискнут снова открыть дверь. Каково же было его отчаяние, когда он услышал, что цепь и засовы снимаются, и увидел, как дверь медленно открывается шире и шире? Шаг за шагом отступал он к стене. Но что он мог поделать? Препятствие в виде его собственной персоны мешало двери распахнуться настежь.

— Кто там? — завизжал с лестницы в доме целый хор soprano, в состав которого входили голоса: старой девы, начальницы заведения, трех воспитательниц, пяти служанок и тридцати воспитанниц, — все полураздетые и в лесу папильоток.

Конечно, м-р Пиквик не ответил на вопрос, кто там, и припев хора переменился на „о боже, как страшно!“

— Кухарка, — сказала леди-настоятельница, благоразумно оставшаяся на самом верху лестницы, в арьергарде, — кухарка, почему вы не выйдете в сад?

— Простите, сударыня, я боюсь, — ответила кухарка.

— Ах, боже, как глупа эта кухарка! — воскликнули тридцать воспитанниц.

— Кухарка, — сказала с большим достоинством леди-настоятельница, — не отвечайте мне, пожалуйста. Я требую, чтобы вы сейчас же вышли в сад.

Кухарка начала плакать, а горничная сказала: „стыдно!“ за какое-то соучастие получила тут же предупреждение об увольнении через месяц.

— Вы слышите, кухарка? — сказала леди-настоятельница, нетерпеливо токая ногой.

— Вы слышите, кухарка, что говорит ваша хозяйка? — сказали три воспитательницы.

— Какая наглая особа — эта кухарка! — сказали тридцать воспитанниц.

Злополучная кухарка, столь энергически попукаемая, сделала два шага вперед и, держа свечу так, что впереди себя ничего не могла видеть, заявила, что там никого нет, и, по всей вероятности, это был ветер. Вследствие этого хотели уж было закрыть дверь, как вдруг одна любопытная воспитанница, заглянув в щель между дверными петлями, разразилась ужасными воплями, каковые заставили мгновенно отступить кухарку и горничную, а вслед за ними и всех наиболее предприимчивых воспитанниц.

— Что случилось с мисс Смитерс? — спросила леди-настоятельница, когда вышеозначенная мисс Смитерс впала в истерику в четыре девических силы.

— Ах, боже, милая мисс Смитерс, — сказали остальные двадцать девять воспитанниц.

— О, мужчина... мужчина... за дверь! — взвизгнула мисс Смитерс.

Едва леди-настоятельница услышала этот устрашающий вопль, она ретировалась в свою спальню, заперла дверь, дважды повернув ключ, и комфортабельно упала в обморок. Воспитанницы, воспитательницы и служанки стремглав бросились назад по лестнице, налетая друг на друга; никогда еще не было таких воплей, обмороков и смятения. В разгар сума-

тохи м-р Пиквик вынырнул из своего убежища и предстал перед ними.

— Леди... дорогие леди, — сказал м-р Пиквик.

— О, он называет нас дорогими! — воскликнула самая старая и безобразная воспитательница. — О негодяй!

— Леди! — кричал м-р Пиквик, доведенный до отчаяния опасностью своего положения. — Выслушайте меня. Я не грабитель. Мне нужна хозяйка дома.

— О, какое свирепое чудовище! — взвизгнула другая воспитательница. — Ему нужна мисс Томкинс!

Поднялся общий визг.

— Ударьте в сигнальный колокол! — крикнуло несколько голосов.

— Не надо, не надо! — вскричал м-р Пиквик. — Посмотрите на меня. Разве я похож на грабителя? Дорогие мои леди, вы можете связать меня по рукам и по ногам или запереть в чулан, если вам угодно. Только выслушайте, что я вам скажу... только выслушайте меня.

— Как вы попали в наш сад? — растерянno пролепетала горничная.

— Попросите сюда начальницу, и я расскажу ей все... все, — сказал м-р Пиквик, напрягая легкие до крайнего предела. — Попросите ее... успокойтесь только и попросите ее, и вы узнаете все.

Внешность ли м-ра Пиквика, манеры или соблазн — столь непреодолимый для женской натуры — услышать нечто, в данный момент окутанное тайной, привели наиболее разумных обитательниц дома (каких-нибудь четыре особы) в состояние сравнительного спокойствия. Они предложили, для испытания правдивости м-ра Пиквика, чтобы он немедленно согласился подвергнуться лишению свободы, и чтобы этот джентльмен, — если он согласен вести беседу с мисс Томкинс изнутри стального шкафа, где приходящие воспитанницы вешают шляпы и сумочки с завтраком, — тотчас вошел в него добровольно и был тщательно заперт в нем. Это оживило всех. И когда мисс Томкинс пришла в себя и сошла вниз, совещание началось.

— Что вы делали у меня в саду, почтеннейший? — слабым голосом спросила мисс Томкинс.

— Я пришел предупредить вас, что одна из ваших молодых леди собиралась сбежать сегодня ночью, — ответил м-р Пиквик из стенового шкафа.

— Сбежать! — воскликнули мисс Томкинс, три воспитательницы, тридцать воспитанниц и пять служанок. — С кем?

— С вашим другом, м-ром Чарльзом Фид-Маршелом.

— С моим другом? Я не знаю такого человека.

— В таком случае, с м-ром Джинглем.

— Никогда в жизни не слыхала этой фамилии.

— Значит, меня обманули и одурачили, — сказал м-р Пиквик. — Я стал жертвой заговора... гнусного и низкого заговора. Пошлите в „Ангел“, сударыня, если вы мне не верите. Пошлите в „Ангел“ за слугою м-ра Пиквика, умоляю вас, сударыня.

— Вероятно, он человек порядочный: он держит слугу, — сказала мисс Томкинс учительнице чистописания и арифметики.

— По моему мнению, мисс Томкинс, — сказала учительница чистописания и арифметики, — слуга держит его. Я думаю, что он сумасшедший, мисс Томкинс, а тот при нем сто-рожем.

— Мне кажется, вы совершенно правы, мисс Гуин, — ответствовала мисс Томкинс. — Пошлите двух служанок в „Ангел“, а другие останутся здесь охранять нас.

Таким образом, две служанки были посланы в „Ангел“ на поиски м-ра Сэмюела Уэлера, а три остались охранять мисс Томкинс, трех воспитательниц и тридцать воспитанниц. А м-р Пиквик уселся в шкапу, под сенью сумочек, и ждал возвращения посланных, со всей философией и мужеством, какие мог призвать на помощь.

Прошло полтора часа, прежде чем они вернулись, а когда наконец они пришли, м-р Пиквик услышал, кроме голоса м-ра Сэмюела Уэлера, еще два голоса, чьи интонации показались ему знакомыми, но кому принадлежали они, он ни за какие блага не мог припомнить.

Последовал очень краткий разговор. Дверцу отперли. М-р Пиквик вышел из шкафа и очутился перед всем учреждением Уестгейт-хауза, м-ром Самюелом Уэллером и... старым Уордлем и его будущим зятем, м-ром Трандлем!

— Дорогой мой друг, — воскликнул м-р Пиквик, бросаясь вперед и хватая м-ра Уордля за руку, — дорогой мой друг, умоляю вас, ради самого неба, объясните этой леди печальное и ужасное положение, в какое я поставлен. Вы, вероятно, знаете уже обо всем от моего слуги, скажите им, дорогой мой, что во всяком случае я не грабитель и не сумасшедший.

— Я это сказал, дорогой мой друг... я это уже сказал, — ответил м-р Уордль, пожимая правую руку своему другу в то время, как м-р Трандль пожимал левую.

— А если кто-нибудь скажет или сказал, что это не так, — вмешался м-р Уэллер, выступая вперед, — тот говорит неправду, которая на правду не похожа, а, наоборот, совсем противоположное. Ни сколько бы ни было молодых в этом-вот помещении, которые так говорят, я буду счастлив дать им всем очень убедительное доказательство, что они ошибаются, — в этой самой комнате, если эти весьма почтенные леди будут так добры удалиться и подавать их сюда по одному.

Сделав с большой принужденностью этот вызов, м-р Уэллер выразительно ударил кулаком по раскрытой ладони и дружески подмигнул мисс Томкинс, которая пришла в неописуемый ужас, услышав предположение, будто в границах Уестгейт-хауза, пансиона для молодых леди, могут находиться какие-то молодцы.

Объяснение м-ра Пиквика с мисс Томкинс, так как оно частично уже было сделано, закончилось скоро. Но ни по пути в гостиницу, куда он направился в сопровождении своих друзей, ни позже, когда м-р Пиквик сидел за ужином перед пылающим камином, в котором он больше всего нуждался, нельзя было вытянуть из него ни единого замечания. Он казался ошеломленным и озадаченным. Один, и только один раз, он повернулся к м-ру Уордлю и спросил:

— Как вы сюда попали?

— Мы с Трандлем приехали сюда, чтобы хорошенько поохотиться первого числа, — отвечал Уордль. — Мы прибыли ночью и с изумлением узнали от вашего слуги, что и вы находитесь здесь. Но я рад вас видеть, — добавил старик, хлопнув его по спине. — Я рад вас видеть. У нас будет веселая охота первого числа, и Уинклю мы дадим еще один шанс, — верно, старина?

М-р Пиквик не дал никакого ответа; он даже не осведомился о своих друзьях в Дингли-Дэле и вскоре после этого отправился спать, распорядившись, чтобы Сэм пришел опра-
вить свечу, когда он позвонит.

Спустя некоторое время раздался звонок, и м-р Уэлер явился.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик, выглядывая из-под одеяла.

— Сэр, — сказал м-р Уэлер.

М-р Пиквик некоторое время молчал; м-р Уэлер снял нагар со свечи.

— Сэм, — снова сказал м-р Пиквик, словно делая отчаянное усилие.

— Сэр, — снова сказал м-р Уэлер.

— Где этот Тротер?

— Джоб, сэр?

— Да.

— Уехал, сэр.

— Со своим хозяином, надо думать?

— Друг или хозяин или кто бы он ни был, а они уехали вместе, — ответил м-р Уэлер. — Ну и парочка, сэр!

— Джингль, мне кажется, догадался о моем намерении и напустил на нас парня с этой историей, — задыхаясь, выговорил м-р Пиквик.

— Так оно и есть, сэр, — ответил м-р Уэлер.

— Конечно, все было ложью?

— Все, сэр, — ответил м-р Уэлер. — Регулярное надувательство, сэр, ловкая проделка.

— Не думаю, что он так легко ускользнет от нас в следующий раз, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Не думаю, сэр.

— Когда бы и где бы я ни встретил опять этого Джингла, — сказал м-р Пиквик, приподнимаясь в постели и нанося жестокий удар подушке, — я с ним лично расправлюсь, не говоря уже о разоблачении, которого он в полной мере заслуживает. Я сделаю это, или мое имя — не Пиквик.

— А когда бы он ни попался мне в руки, этот меланхолический парень с черными волосами, — сказал Сэм, — если я не выкачаю у него из глаз тут же на месте настоящей воды, мое имя — не Уэлер. Спокойной ночи, сэр!

ГЛАВА XVII

показывающая, что приступ ревматизма в некоторых случаях действует возбуждительно на творческий ум

Хотя по своему физическому сложению м-р Пиквик в состоянии был вынести весьма значительное напряжение и утомление, однако он не устоял перед таким сочетанием напастей, каким подвергся в достопамятную ночь, описанную в предыдущей главе. Процесс купанья на ночном воздухе и обсыхания в шкафу столь же опасен, сколь и своеобразен. Приступ ревматизма приковал м-ра Пиквика к постели.

Но хотя телесные силы великого человека таким образом подвергались немалому испытанию, духовная его энергия сохранила изначальную свою свежесть. Состояние его духа было напряженное, бодрость вновь была обретена. Даже раздражение, вызванное недавним приключением, его покинуло, и он без гнева и без смущения мог присоединяться к веселому смеху, каким разражался м-р Уордль при малейшем намеке на это приключение. Но мало того. В течение двух дней, что м-р Пиквик был прикован к постели, Сам был его несменяемой сиделкой. В первый день он старался забавлять своего хо-

зянна анекдотами и беседую; на второй день м-р Пиквик потребовал свой ящик с письменными принадлежностями, перо и чернила и был очень занят в течение целого дня. На третий день, когда он уже мог сидеть у себя в спальне, он отправил своего слугу к м-ру Уордлю и м-ру Трандлю с приказанием передать им, что они окажут ему большое одолжение, если согласятся распить у него вечером бутылку вина. Приглашение было принято с большой охотой; и когда они сидели за стаканами вина, м-р Пиквик, не раз заливаясь румянцем, предложил им следующую маленькую повесть, передававшую в его собственной „редакции“ сделанные им во время теперешней его болезни заметки на основании безыскусственного рассказа м-ра Уэлера.

ПРИХОДСКИЙ КЛЕРК

Повесть истинной любви

„В очень маленьком провинциальном городе, на значительном расстоянии от Лондона, жил некогда маленький человек по имени Нетениел Пипкин, который был приходским клерком в маленьком городе и жил в маленьком доме на маленькой Хай-стрит, в десяти минутах ходьбы от маленькой церкви; и которого можно было застать ежедневно от девяти до четырех внедряющим маленькую науку в маленьких мальчиков. Нетениел Пипкин был кротким, безобидным, добродушным созданием со вздернутым носом и кривыми ногами, слегка косившим и прихрамывавшим; и он делил свое время между церковью и своей школой, искренно веря, что никогда не существовало на лице земли такого умного человека, как приходский священник, такого внушительного помещения, как ризница, или такого упорядоченного учебного заведения, как его собственное. Один, и только один раз в жизни Нетениел Пипкин видел епископа — настоящего епископа, чьи руки в багряных рукавах, а голова в парике. Он видел, как тот ходил, и он слышал, как тот говорил на конфирмации, и во время этой величественной церемонии, когда вышеупомянутый епископ положил руку ему на голову, Нетениел Пипкин

был столь преисполнен почтения и благоговейного ужаса, что упал тут же в обморок и был вынесен из церкви бидлем*.

„Это было великое событие, ошеломляющая эра в жизни Петениела Пипкина, и оно было единственным, какое замутило тихий поток его спокойного существования, когда в один прекрасный день, предавшись рассеянности, он случайно отвел глаза от доски, на которой измышлял головоломную задачу на правило сложения для провинившегося шалуна, и они внезапно остановились на румянном лице Мерайи Лобс, единственной дочери старого Лобса, важного шорника, жившего по другую сторону улицы. Глаза м-ра Пипкина останавливались на хорошеньком личике Мерайи Лобс много и много раз, когда он встречал ее в церкви или где-нибудь в других местах; но глаза Мерайи Лобс никогда не бывали такими блестящими, щеки Мерайи Лобс никогда не бывали такими румянными, как в этот именно день. Не удивительно тогда, что Петениел Пипкин не мог отвести глаз от лица мисс Лобс; не удивительно, что мисс Лобс, поймав на себе пристальный взгляд молодого человека, отвернулась от окна, из которого выглядывала, закрыла его и спустила штору; не удивительно, что Петениел Пипкин немедленно вслед за этим набросился на юного шалуна, который провинился было, и отшлепал и отколотил его со всей возможной добросовестностью. Все это было очень естественно, и удивляться тут совершенно нечему.

„Однако есть чему удивиться, если человек такого робкого нрава и нервного темперамента, как м-р Петениел Пипкин, а главное человек с такими ничтожными доходами осмеливается, начиная с этого дня, домогаться руки и сердца единственной дочери вспыльчивого старого Лобса — старого Лобса, важного шорника, который мог бы купить целую деревню одним росчерком пера и даже не заметить издержек, — старого Лобса, который, как было хорошо известно, имел гору денег, помещенных в банке ближайшего базарного города, — старого Лобса, у которого, по слухам, были несметные и неисчислимые сокровища, накопленные в маленьком железном сейфе с большой замочной скважиной, находившемся над каминной полкой в задней комнате, — старого Лобса, который,

как было хорошо известно, украшал в праздничные дни свой обеденный стол настоящим серебряным чайником, молочником и сахарницей, каковые — он похвалялся в гордыне сердца своего — должны были стать собственностью его дочери, когда та найдет себе по вкусу мужа. Я повторяю, — ибо это вызывает глубокое изумление и крайнее недоумение, — что Петениел Пипкин имел дерзость скосить глаза в ту сторону. Но любовь слепа, а Петениел Пипкин слегка косил, и, быть может, эти два обстоятельства, взятые вместе, помешали ему увидеть все дело в настоящем его свете.

„Если бы у старого Лобса было хотя бы самое отдаленное или туманное представление о чувствах Петениела Пипкина, он бы попросту сравнял с землей школу, или стер учителя с лица земли, или совершил какой-нибудь другой оскорбительный и чудовищный поступок, в равной мере жестокий и неистовый; ибо он был ужасным стариком, этот Лобс, когда задевали его гордость или в нем вскипала кровь. А ругался он! Такие вереницы проклятий катились иной раз с грохотом через улицу, когда он обличал ленью своего костлявого подмастерья на тонких ногах, что Петениела Пипкина с ног до головы охватывала от ужаса дрожь, и волосы на головах его учеников вставали дыбом от страха.

„Ну, так вот, день за днем, когда кончались занятия в школе и ученики расходились, Петениел Пипкин садился у окна, выходившего на улицу, и, делая вид, будто читает книгу, бросал косые взгляды через улицу в надежде увидеть блестящие глазки Мерайи Лобс; и не просидел он таким образом нескольких дней, как в верхнем окне появились блестящие глазки, тоже прикованные, по видимому, к книге. Это было восхитительно и радовало сердце Петениела Пипкина. Ради этого стоило просиживать здесь часами и смотреть на хорошенькое личико, когда глазки были опущены; но когда Мерайя Лобс начинала отрывать глаза от книги и бросать лучистые взгляды в сторону Петениела Пипкина, его восторг и упоение были буквально безграничны. Однажды, когда он знал, что старого Лобса нет дома, Петениел Пипкин дерзнул наконец послать воздушный поцелуй Мерайе Лобс; а Мерайя

Лобс, вместо того, чтобы закрыть окно и опустить штору, послала воздушный поцелуй ему и улыбнулась. Вот почему Нетеннел Пипкин решил, — будь что будет, а он откроет свои чувства без дальнейшего промедления.

„Более красивая ножка, более веселое сердце, более сильное личико и более изящная фигурка, чем у Мерайи Лобс, дочери старого шорника, никогда еще не скользили с такою легкостью над землею, которую украшали. В ее блестящих глазах играл плутовской огонек, который воспламенил бы сердце значительно менее чувствительное, чем сердце Нетеннела Пипкина; и в ее веселом смехе звучала такая радостная нота, что самый суровый мизантроп должен был улыбнуться, ее услышав. Даже сам старик Лобс, в минуту крайнего раздражения, не мог противиться ласкам своей хорошенькой дочери; а когда она и ее кузина Кейт — лукавая, очаровательная маленькая особа с дерзким взглядом, — вместе вели атаку на старика, что, сказать по правде, делали они очень часто, он не мог им отказать ни в чем, потребуй они даже часть несметных и неистощимых сокровищ, укрытых от дневного света в железном сейфе.

„У Нетеннела Пипкина сильно забилося сердце, когда он увидел эту соблазнительную парочку ярдах в ста впереди, летним вечером, на том самом поле, по которому он много раз бродил до наступления темноты, размышляя о красоте Мерайи Лобс. Но хотя не раз думал он о том, как живо и легко подойдет к Мерайе Лобс и расскажет ей о своей страсти, если только ему удастся ее встретить, он почувствовал теперь, когда она неожиданно появилась перед ним, что вся кровь бросилась ему в лицо, к явному ущербу для его ног, которые, лишившись своей обычной доли питания, задрожали. Когда девушки останавливались сорвать цветок или послушать пение птицы, Нетеннел Пипкин также останавливался и делал вид, что погружен в размышления, и это соответствовало действительности, ибо он думал о том, что же ему делать, когда они повернут назад — а это было неизбежно — и встретятся с ним лицом к лицу. Но хотя ему страшно было их догнать, он не согласился бы потерять их из виду; вот почему,

когда они ускоряли шаги, и он ускорял шаги, когда они замедляли их, и он замедлял, когда они останавливались, и он останавливался; и так они могли бы продолжать свою прогулку до наступления темноты, если бы Кейт не оглянулась украдкой и не поманила ободряюще Нетениела Пипкина. В манерах Кейт было что-то, чему нельзя было противостоять, и вот Нетениел Пипкин пошел на зов; Нетениел Пипкин густо краснел, а коварная маленькая кузина неудержимо смеялась; Нетениел Пипкин преклонил колени на покрытой росой траве и объявил о своем решении остаться коленопреклоненным навеки, если ему не будет разрешено встать признанным возлюбленным Мерайи Лобс. В ответ на это в тихом вечернем воздухе зазвенел веселый смех Мерайи Лобс — впрочем, ни мало как будто не потревожив тишины, так приятно он звучал, коварная маленькая кузина засмеялась еще безудержнее, а Нетениел Пипкин покраснел гуще, чем когда бы то ни было. Наконец Мерайя Лобс, побуждаемая к смелости беззаветной любовью маленького человека, отвернула головку и шопотом попросила кузину сказать, — или во всяком случае Кейт сказала, — что она чувствует себя весьма польщенной вниманием м-ра Пипкина; что ее рукой и сердцем распоряжается ее отец; но что никто не может не признать достойных качеств м-ра Пипкина. Так как все это было сказано с большой серьезностью, и так как Нетениел Пипкин возвращался домой с Мерайей Лобс и пробовал добиться поцелуя при прощаньи, то он лег спать счастливым человеком, и всю ночь ему снилось, что он смягчает сердце старого Лобса, открывает денежный сундук и женится на Мерайе.

„На следующий день Нетениел Пипкин видел, что старый Лобс уехал на своем старом сером пони, и после многих сигналов, подаваемых из окна маленькой коварной кузиной, цель и смысл которых он никак не мог понять, костлявый подмастерье на тонких ногах явился сообщить, что его хозяин не вернется домой до утра и что леди ждут м-ра Пипкина к чаю, ровно в шесть часов. Как проходили в тот день уроки, об этом ни Нетениел Пипкин, ни его ученики не могли бы сказать больше, чем вы; но так или иначе, а они окончились,

и когда мальчики разошлись, Нетениел Пипкин ровно и шесть часов оделся, не упустив ни одной мелочи. Нельзя сказать, чтобы он долго выбирал, какой костюм надеть, ибо никакого выбора ему не представлялось; но надеть костюм так, чтобы, предварительно вычистив, придать ему блеск, было делом чрезвычайно трудным и важным.

„Собралось очень приятное маленькое общество, состоявшее из Мерайи Лобс, ее кузины Кейт и трех-четырех веселых, добродушных, румяных девушек. Нетениел Пипкин увидел наглядное подтверждение того факта, что слухи о сокровищах старого Лобса не были преувеличены. Настоящий массивный серебряный чайник, молочник и сахарница красовались на столе, настоящие серебряные чайные ложки, настоящие фарфоровые чашки, и такие же тарелки для кекса и тостов *... Единственным темным пятном на всем этом был кузен Мерайи Лобс — брат Кейт, — которого Мерайя Лобс звала Генри и который, казалось, целиком завладел вниманием Мерайи Лобс, заняв с нею один угол стола. Весьма приятно видеть любовь в семье, но с нею можно зайти, пожалуй, слишком далеко, и Нетениел Пипкин невольно подумал, что Мерайя Лобс, должно быть, исключительно привязана к своим родственникам, если она оказывает такое же внимание им всем, как этому кузену. После чаю, когда маленькая коварная кузина предложила играть в жмурки, случилось почему-то так, что Нетениел Пипкин почти все время водил, и когда бы ни попадался ему под руку кузен, Нетениел Пипкин неизменно убеждался, что Мерайя Лобс находилась тут же. И хотя маленькая коварная кузина и другие девушки щипали его, дергали за волосы, подставляли стулья и дразнили, Мерайя Лобс, казалось, не подходила к нему вовсе. А один раз — один раз — Нетениел Пипкин готов был поклясться, он слышал звук поцелуя, затем слабые протесты Мерайи Лобс и приглушенный смех ее подруг. Все это было странно, очень странно, и нельзя предсказать, что мог бы или чего не мог бы в результате сделать Нетениел Пипкин, если бы его мысли не были внезапно направлены в новое русло.

„Причиной, которая направила его мысли в новое русло, послужил громкий стук в парадную дверь, а человек, громко

стучавший в парадную дверь, был не кто иной, как сам старый Лобс, который неожиданно вернулся и стучал, как гробовщик, потому что хотел есть. Не успел костлявый подмастерье на тонких ногах принести тревожную весть, как девушки на дыпочках побежали наверх, в комнату Мерайи Лобс, а кузен и Петениел были втиснуты в два стенных шкафа в гостиной, за неимением лучшего потайного местечка; а когда Мерайя Лобс и маленькая коварная кузина спрятали их и привели комнату в порядок, они открыли дверь старому Лобсу, который так ни на секунду и не переставал стучать.

„К несчастью, случилось так, что старый Лобс, очень проголодавшийся, был чудовищно зол. Петениел Пипкин слышал, как он ворчал, словно старая охрипшая цепная собака, а стоило войти в комнату злополучному подмастерью на тонких ногах, как старый Лобс неизменно начинал ругать его, словно лютый сарацин, хотя, повидимому, единственной его целью и намерением было облегчить свою грудь, отделавшись от избытка ругательств. Наконец на стол был подан ужин, который предварительно разогревался, и старый Лобс набросился на него по всем правилам; покончив с этим делом в один момент, он поцеловал дочь и потребовал трубку.

„Природа устроила колени Петениела Пипкина так, что они находились в очень близком соседстве, но когда он услышал, что старый Лобс требует трубку, они застучали, как будто хотели стереть друг друга в порошок; ибо в этом самом шкафу, где он стоял, на двух крючках висела та самая большая трубка с коричневым чубуком и серебряной головкой, которую он видел во рту старого Лобса аккуратно каждый день и каждый вечер в течение последних пяти лет. Две девушки стали искать трубку внизу, искали трубку наверху и всюду, но не там, где, как они знали, находилась трубка, а старый Лобс тем временем бушевал самым неописуемым образом. Наконец он вспомнил о стенном шкафу и подошел к нему. Не было никакого смысла такому маленькому человеку, как Петениел Пипкин, тянуть дверцу внутрь, когда такой большой сильный мужчина, как старый Лобс, тянул ее наружу.

Старый Лобс рванул ее разок и открыл настежь, обнаружив Нетениела Пипкина, который стоял прямой, как палка, и дрожал от страха с головы до ног. Помилуй бог, каким ужасным взглядом его окинул старый Лобс, когда вытащил за шиворот и держал на расстоянии вытянутой руки!

— Какого чорта вам здесь нужно? — страшным голосом спросил старый Лобс.

„Нетениел Пипкин не мог дать никакого ответа, и потому старый Лобс раскачивал его взад и вперед в течение двух-трех минут, дабы привести его мысли в порядок.

— Что вам здесь нужно? — заревел Лобс. — Чего доброго, вы явились за моей дочерью?

„Старый Лобс сказал это только в насмешку; ибо он не думал, чтобы самонадеянность смертного могла завести Нетениела Пипкина так далеко. Каково же было его негодование, когда бедняга ответил:

— Да, м-р Лобс. Я пришел за вашей дочерью. Я люблю ее, м-р Лобс.

— Ах, вы плаксивый, криворотый, жалкий пегодяй! — ахнул старый Лобс, ошеломленный страшным признанием. — Что вы под этим подразумеваете? Скажите это мне в глаза! Проклятье, я вас задушусь!

„Не было ничего невероятного в том, что старый Лобс в припадке бешенства привел бы эту угрозу в исполнение, если бы его руку не остановило весьма неожиданное явление — а именно кузен, который, выйдя из своего шкафа и подойдя к старому Лобсу, сказал:

— Сэр, я не могу допустить, чтобы этот безобидный человек, приглашенный сюда по какой-то девичьей причуде, брал на себя весьма благородным образом вино (если это вина), которая лежит на мне, и которую я готов признать. Я люблю вашу дочь, сэр, и я пришел сюда с целью повидаться с нею.

„Тут старый Лобс раскрыл глаза очень широко, но не шире, чем Нетениел Пипкин.

— Вы? — сказал старый Лобс, овладев наконец дыханием, чтобы произнести слово.

„— Я.

„— Но я давно отказал вам от дома.

„— Да, вы отказали. Иначе я не пришел бы тайком сюда сегодня вечером.

„Мне грустно говорить это о старом Лобсе, но я думаю, что он поколотил бы кузена, если бы его хорошенькая дочь, блестящие глаза которой наполнились слезами, не вцепилась ему в руку.

„— Не удерживайте его, Мерайя, — сказал молодой человек, — если у него есть желание меня ударить, пусть ударит. Ни за какие блага в мире я не трону ни единого волоса на его седой голове.

„Старик опустил глаза, услышав этот упрек, и встретил взгляд своей дочери. Я уже упоминал раз или два, что глаза у нее были очень блестящие, и хотя теперь они наполнились слезами, их выразительность отнюдь не стала меньше. Старый Лобс отвернулся, словно желал избежать их влияния, когда, по воле судьбы, его взгляд упал на лицо маленькой коварной кузины, которая, побаиваясь за брата и в то же время подсмеиваясь над Петением Пипкиным, состроила такую очаровательную мину, слегка испуганную вдобавок, что на нее стоило посмотреть и старому и молодому. Затем она умоляюще продела свою руку под руку старику и прошептала ему что-то на ухо; старый Лобс ничего не мог поделать, — он расплылся в улыбку, и в то же самое время по щеке у него скатилась слеза.

„Минут пять спустя из комнаты Мерайи появились девушки, хихикавшие и смущавшиеся; когда молодежь обрела полное счастье, старый Лобс достал свою трубку и закурил ее; и любопытно одно обстоятельство, касающееся именно этой трубки табаку: она оказалась самой умиротворяющей и приятной трубкой, какую он когда-либо курил.

„Петениел Пипкин счел наилучшим хранить свою тайну и благодаря этому вошел постепенно в милость к старому Лобсу, который со временем научил его курить, и в течение многих последующих лет они сживали в саду ясными вечерами, весьма торжественно покуривая и попивая. Он скоро опра-

вился от своей страсти, ибо мы находим его имя в приход-
ской книге, где он расписался как свидетель бракосочетания
Мерайи Лобс и ее кузена; выяснилось также, на основании
других документов, что в ночь свадьбы он был посажен
в деревенскую тюрьму, ибо совершил на улице, в состоянии
опьянения, ряд эксцентрических поступков, в чем его под-
держивал и к чему его подстрекал костлявый подмастерье
на тонких ногах".

ГЛАВА XVIII

вкратце поясняющая два пункта: во-первых, силу истерики и, во-вторых, силу обстоятельств

В течение двух дней, следовавших за завтраком у м-с Хантер, пиквикисты оставались в Итенсуиле, с беспокойством ожидая вестей от своего почитаемого вождя. М-ру Тапмену и м-ру Снодграсу было попрежнему предоставлено развлекаться по-своему, ибо м-р Уинкль, уступая самому настойчивому приглашению, продолжал жить в доме м-ра Пота и посвящать свое время обществу его очаровательной супруги. Не раз и м-р Пот присоединился к ним для довершения их блаженства. Глубоко погруженный в размышления об общественном благе и о посрамлении „Независимого“, этот великий муж редко решался спуститься с высоты своего ума к скромному уровню умов ординарных. Но на сей раз, как бы подчеркивая свое расположение к любому последователю м-ра Пиквика, он снисходил, уступал, спускался со своего пьедестала и шагал по земле, милостиво приспособляя свои замечания к разумению стада и, если не по духу, то по внешнему поведению, казалась, причислял себя к этому стаду.

При таком отношении сего знаменитого общественного деятеля к м-ру Уинклью легко себе представить неимоверное удивление, изобразившееся на лице этого последнего джентльмена, сидевшего в столовой за утренним завтраком, когда дверь быстро распахнулась и столь же быстро захлопнулась за м-ром Потом, который величественно направился к нему и, оттолкнув протянутую руку, заскрежетал зубами, словно хотел отточить то, что собирался произнести, и воскликнул скрипучим голосом:

— Змея!

— Сэр! — воскликнул м-р Уинкль, вставая с кресла.

— Змея, сэр! — повторил м-р Пот, возвышая голос, а затем внезапно понижая: — Я сказал, змея, сэр, — понимайте, как знаете.

Если вы расстались друзьями с человеком в два часа ночи, а он встречает вас утром в половине десятого и приветствует как змею, есть основания заключить, что за это время случилось нечто неприятное. Это и пришло в голову м-ру Уинклью. Он ответил м-ру Поту ледяным взглядом и, выполняя предложение сего джентльмена, старался „понять как знает“, что такое змея. Однако его „знание“ оказалось полным невежеством, и после нескольких минут глубокого молчания он сказал:

— Змея, сэр... змея, м-р Пот! Что вы хотите сказать, сэр?.. Это шутка!

— Шутка, сэр! — закричал м-р Пот, сделав жест, выражавший торячее желание запустить чайник из британского металла в голову гостя. — Шутка, сэр... Но нет, я буду сдержан, я буду сдержан, сэр. — И, в доказательство своей сдержанности, м-р Пот с пеной у рта бросился в кресло.

— Дорогой сэр! — вставил м-р Уинкль.

— Дорогой сэр! — подхватил Пот. — Как вы смеете, сэр, обращаться ко мне со словами „дорогой сэр“? Как вы смеете, говоря это, смотреть мне в глаза, сэр?

— В таком случае, сэр, мне остается спросить, — ответил м-р Уинкль, — как вы смеете смотреть мне в глаза и называть меня змеей, сэр?

— Потому что вы змея! — отвечал м-р Пот.

— Докажите это, сэр, — горячо сказал м-р Уинкль, — докажите!

Мрачное облако пронеслось по глубокомысленному лицу издателя, когда он вытащил из кармана утренний номер „Независимого“ и, указав пальцем статью, швырнул газету через стол м-ру Уинклю.

Сей джентльмен взял ее и прочел следующее:

„Наш мракобесный и омерзительный противник в отвратительных заметках по поводу последних выборов в нашем городе осмелился вторгнуться в святилище частной жизни и коснулся крайне недвуслысенным образом личных дел нашего бывшего кандидата и нашего будущего представителя, несмотря на гнусно подстроенное его поражение — м-ра Физкина. Чего добивается наш подлый противник? Что сказал бы этот грубиян, если бы мы пренебрегли, подобно ему, общественной благопристойностью и приподняли завесу, которая, к счастью, скрывает его личную жизнь от всеобщих насмешек, чтобы не сказать, омерзения? Что, если бы мы указали и комментировали факты и обстоятельства, которые хорошо известны и замечены всеми, кроме нашего слепого, как крот, противника?.. Что, если бы мы обнародовали следующее излияние, которое мы получили, когда начали писать эту статью, от талантливого согражданина и сотрудника:

МЕДНЫЙ ЛОБ

„Когда б знал ты, П...
Как много забот
Рогатым состоять супругом,
Ты сделал бы, поверь,
Чего нельзя теперь, —
И свел красотку с Уи...ем другом“.

— Какие, — торжественно сказал м-р Пот, — какие рифмы к слову „забот“, негодяй?

— Какие рифмы к слову „забот“, — сказала м-с Пот, чье появление в этот момент предупредила ответ, — какие рифмы, к слову „забот“? Скажем — Пот! — Говоря это, м-с Пот ласково улыбнулась ошарашенному шиквикисту и протянула ему руку.

Взволнованный молодой человек в своем замешательстве готов был пожать поданную ему руку, если бы не вмешался негодующий Пот.

— Назад, сударыня... назад! — сказал редактор. — Пожать ему руку на моих глазах!

— М-р Пн! — сказала удивленная леди.

— Несчастливая женщина, посмотрите! — воскликнул супруг. — Посмотрите сударыня — „Медный лоб“. „Медный лоб“ — это я, сударыня! „Красотка“ — это вы, сударыня... вы!

В порыве бешенства, сопровождаемого чем-то вроде дрожи, вызванной выражением лица его супруги, Пот бросил свежий номер „Итенсуилского независимого“ к ее ногам.

— Однако, сэр, — сказала удивленная м-с Пот, наклоняясь, чтобы поднять газету. — Однако, сэр!

М-р Пот вздрогнул под презрительным взглядом своей супруги. Он делал отчаянные усилия подвинуть свою храбрость, но она быстро развигивалась.

Ничего нет ужасного в этом маленьком замечании: „Однако, сэр!“, когда приходится его читать, но тон, каким оно было произнесено, и взгляд, его сопровождавший, казалось, прямо указывали на отмишение, долженствующее обрушиться на голову Пота, и произвели на него соответствующее впечатление. Самый неопытный наблюдатель мог бы обнаружить в его взволнованной физиономии готовность уступить свои уеллингтоновские сапоги любому бесстрашному заместителю, который согласился бы в данный момент стоять в них перед м-с Пот.

М-с Пот прочла статью, испустила громкий крик и грохнулась на ковер у камина, визжа и колотя каблуками так, что нельзя было сомневаться в характере ее чувств по данному поводу.

— Моя милая, — сказал устрешенный Пот, — я ведь не говорил, что поверю этому... Я... — но голос несчастного утонул в визге его супруги.

— М-с Пот, сударыня, позвольте и мне... умоляю вас, успокойтесь, — сказал м-р Уинкль, но вопли и стук стали еще громче и еще чаще.

— Дорогая моя, — сказал м-р Пот, — мне очень жаль. Если вы не думаете о своем здоровье, подумайте хотя бы обо мне, дорогая. Перед домом соберется толпа.

Но чем настойчивее умолял м-р Пот, тем неистовей были вопли.

К счастью, однако, при особе м-с Пот состояла телохранительница, некая молодая леди, прямой обязанностью коей было заведывание ее туалетом, но крайне полезная во многих случаях жизни и больше всего в той специальной области, где ее госпоже требовались поддержка и содействие во всяком ее требовании и склонности противоречить желаниям несчастного Пота. В надлежащий срок вопли достигли слуха молодой леди и привели ее в комнату с быстротой, которая угрожала существенно расстроить крайне изысканное устройство чепчика и локончиков.

— О моя дорогая, дорогая миссис! — восклицала телохранительница, стремительно опускаясь на колени рядом с распростертой на полу м-с Пот. — О моя дорогая миссис! Что случилось?

— Ваш хозяин... ваш жестокий хозяин... — бормотала страдальца.

Пот явно начал сдаваться.

— Какой позор! — сказала укоризненно телохранительница. — Я знаю, он загонит вас в могилу, сударыня. Бедный ангел!

Он сдавался еще заметнее. Противник продолжал атаку.

— О, не оставляйте меня... не оставляйте меня, Гудуин! — лепетала м-с Пот, судорожно цепляясь за руку упомянутой Гудуин. — Вы — единственное существо, которое меня любит, Гудуин.

После этого трогательного обращения Гудуин разыграла маленькую семейную трагедию собственного сочинения и пролила обильные слезы.

— Никогда, сударыня... никогда, — сказала Гудуин. — О сэр, вам следует быть заботливее... внимательнее, вы не знаете, как вы обижаете миссис. Когда-нибудь вы об этом пожалеете, я знаю, повторяю вам это.

Несчастный Пот робко взглянул, но ничего не сказал.

— Гудуин, — позвала м-с Пот слабым голосом.

— Сударыня, — отозвалась Гудуин.

— Если бы вы только знали, как я любила этого человека!

— Не расстраивайте себя воспоминаниями, сударыня, — сказала телохранительница.

У Пота был совершенно перепуганный вид. Пришла пора, когда оставалось прикончить его.

— А теперь, — рыдала м-с Пот, — теперь, после всего, с тобой так поступают, так позорят и оскорбляют в присутствии третьего лица, и это лицо — посторонний человек. Но я этого не потерплю! Гудуин, — продолжала м-с Пот, приподнимаясь в объятиях своей компаньонки, — мой брат, лейтенант, заступится за меня. Я разведусь с ним, Гудуин!

— Он этого заслуживает, сударыня, — сказала Гудуин.

Какие бы мысли ни пробудила в уме м-ра Пота угроза о разводе, он не дал им исхода, а удовлетворился тем, что сказал с великим смирением:

— Моя дорогая, вы меня выслушаете?

Единственным ответом был новый взрыв рыданий, и м-с Пот с возрастающей истеричностью начала требовать, чтобы ей сообщили, зачем она родилась на свет божий, и чтобы ей дали целый ряд сведений такого же порядка.

— Дорогая моя, — увещевала м-р Пот, — не поддавайтесь этим горьким чувствам. Я ни на минуту не верил, что для этой заметки есть какие-либо основания, дорогая... Это невозможно! Я только рассердился, моя дорогая... Можно сказать, был в бешенстве... оттого, что шайка „Независимого“ осмелилась это напечатать, вот и все! — М-р Пот бросил умоляющий взгляд на безвинного виновника несчастья, словно просил его не упоминать о змее.

— А какие шаги, сэр, намереваетесь вы предпринять, чтобы получить удовлетворение? — осведомился м-р Уинкль, обретая смелость по мере того, как он видел, что Пот ее теряет.

— О Гудуин! — пролепетала м-с Пот. — Он собирается отхлестать редактора „Независимого“... собирается, Гудуин?

— Тише, тише, сударыня, прошу вас, успокойтесь, — ответила телохранительница. — Конечно, отхлещет, раз вы этого хотите, сударыня.

— Обязательно, — сказал Пот, когда его супруга обнаружила решительные симптомы нового обморока. — Конечно, я его отколочу.

— Когда, Гудуин? — осведомилась м-с Пот, еще не решив, как ей быть с обмороком.

— Разумеется, немедленно, — сказал м-р Пот. — Сегодня!

— О Гудуин, — продолжала м-с Пот, — это единственный способ ответить на клевету и восстановить мою честь в глазах общества.

— Ну, конечно, сударыня, — отвечала Гудуин. — Ни один мужчина, если он мужчина, сударыня, не может отказаться.

Так как истерика все еще носилась в воздухе, м-р Пот подтвердил, что не откажется, но м-с Пот была так потрясена при одной мысли о павшем на нее подозрении, что еще с полдюжины раз обреталась на грани припадка и, вне всякого сомнения, лишилась бы чувств, если бы не непрерывная поддержка со стороны неустойчивой Гудуин и не повторные мольбы о прощении побежденного Пота. Когда, наконец, несчастный индивид был запуган вконец и унижен до подобающего ему уровня, м-с Пот пришла в себя, и они приступили к завтраку.

— Вы, конечно, не допустите, м-р Уинкль, чтобы эта презренная газетная клевета сократила время вашего пребывания у нас? — спросила м-с Пот, улыбаясь сквозь слезы.

— Надеюсь, что нет, — сказал м-р Пот, одержимый, при этих словах, горячим желанием, чтобы его гость подавился поджаренным ломтиком хлеба, который тот подносил в этот момент ко рту, и тем самым основательно сократил свое пребывание у них. — Надеюсь, что нет.

— Вы очень добры, — ответил м-р Уинкль, — но от м-ра Пиквика получено письмо — об этом я узнал из записки м-ра Тапмепа, которая была доставлена мне сегодня утром, когда я еще спал, — в нем м-р Пиквик просит нас встретиться с ним сегодня в Бери. Мы отправляемся с каретой в полдень.

— Но вы вернетесь? — спросила м-с Пот.

— О, конечно! — ответил м-р Уинкль.

— Вы уверены? — сказала м-с Пот, украдкой посылая нежный взгляд гостю.

— Совершенно, — отозвался м-р Уинкль.

Завтрак прошел в молчании, ибо каждый был погружен в мысли о личных неприятностях. М-с Пот сожалела о потере своего кавалера; м-р Пот — о своем опрометчивом обещании отхлестать „Независимого“; м-р Уинкль — о том, что невольно поставил себя в такое щекотливое положение. Наступил полдень, и после многочисленных „до свиданья“ и обещаний вернуться, он вырвался от гостеприимных супругов.

— Если он вернется, я его отправлю, — думал м-р Пот, направляясь в свой маленький кабинет, где он фабриковал громовые стрелы.

— Если я когда-нибудь еще вернусь сюда и снова буду водиться с этими людьми, — думал м-р Уинкль, держа путь к „Павлину“, — я заслуживаю того, чтобы меня самого отхлестали... вот и все.

Друзья его уже собрались к отъезду, карета была готова, и через полчаса они пустились в путешествие той самой дорогой, какой ехали недавно м-р Пиквик и Сэм, и поэтическое описание коей, сделанное м-ром Снодграсом, мы не считаем необходимым приводить, так как кое-что о ней уже было сказано нами.

М-р Уэлер встретил их у дверей „Ангела“, и когда этот джентльмен провел их в комнату м-ра Пиквика, они, к немалому удивлению м-ра Уинкля и м-ра Снодграса и к немалому замешательству м-ра Тапмена, застали там старого Уордла и Трандля.

— Как поживаете? — спросил пожилой джентльмен, пожимая руку м-ру Тапмену. — Не удручайтесь и не относитесь к этому сентиментально, ничего не поделаете, дружище. В ее интересах, я бы хотел, чтобы она стала вашей, в ваших собственных я очень рад, что этого не случилось. Молодой человек, как вы, не упустит своего... а? — Выказав это утешительное соображение, Уордль хлопнул мистера Тапмена по спине и добродушно рассмеялся.

— А вы как поживаете, любезные друзья? — спросил пожилой джентльмен, пожимая руку одновременно м-ру Уинклю и м-ру Снодграсу. — Сию минуту я говорил Пиквику, что нам

нужно было бы всем собраться на рождество. У нас будет свадьба... на этот раз настоящая свадьба.

— Свадьба? — воскликнул м-р Снодграс, бледнея.

— Да, свадьба. Но не пугайтесь, — сказал добродушный пожилой джентльмен, — это только Традль и Бела.

— О, вот как! — воскликнул м-р Снодграс, освобождаясь от мучительных сомнений, теснивших его грудь. — Поздравляю вас, сэр. А как поживает Джо?

— О, прекрасно! — ответил пожилой джентльмен. — Пребывает во сне, по обыкновению.

— А ваша матушка, а священник и все остальные?

— Великолепно.

— Где... — произнес с усилием м-р Тапмен, — где... она, сэр? — Он отвернулся и закрыл лицо рукой.

— Она? — переспросил пожилой джентльмен, лукаво кивая головою. — Вы имеете в виду мою одинокую родственницу... а?

М-р Тапмен кивком головы дал понять, что его вопрос относился к обманутой Рейчел.

— О, она уехала, — сказал пожилой джентльмен. — Она живет довольно далеко у родственников. Она не могла ужиться с девочками, и я отправил ее. Но вот и обед! Вы, должно быть, проголодались с дороги. А я и без дороги голоден, а потому — к делу!

Обеду было оказано должное внимание, и когда после трапезы они сидели за столом, м-р Пиквик к вящему возмущению и ужасу своих последователей рассказал о пережитом им приключении и об успехе, увенчавшем гнусные ухищрения дьявольского Джингля.

— А приступ ревматизма, схваченного мною в этом саду, — сказал в заключение м-р Пиквик, — заставляет меня хромать до сих пор.

— У меня также было приключение, — сказал, улыбаясь, м-р Уинкль, и на вопрос м-ра Пиквика он ответил рассказом о злостной клевете „Итенсуилского независимого“ и последовавшем возмущении их друга, редактора.

Чело м-ра Пиквика мрачнело по мере рассказа. Друзья заметили это, и когда м-р Уинкль кончил, наступило глубо-

кое молчание. М-р Пиквик выразительно ударил по столу кулаком и произнес следующее:

— Не удивительно ли, — сказал м-р Пиквик, — что мы не можем, повидимому, войти ни в один дом, чтобы не навлечь на него какие-нибудь неприятности? Не свидетельствует ли, спрашиваю я, о нескромности, или, что еще хуже, о порочности — да, я должен это сказать! — моих последователей то обстоятельство, что под чьим бы кровом они ни поселились, они нарушают покой и благополучие какой-нибудь доверчивой женской души? Не явствует ли это, говорю я...

По всей вероятности, м-р Пиквик продолжал бы в таком тоне еще долго, если бы появление Сэма с письмом в руках не заставило его прервать поток красноречия. Он вытер лоб носовым платком, снял очки, протер их, и снова надел; его голос вновь обрел обычную мягкость, когда он спросил:

— Что это у вас, Сэм?

— Только что был на почте и нашел это вот письмо, оно лежит там уж два дня, — ответил м-р Уэлер. — Запечатано облаткой, и адрес написан крупным почерком.

— Не знаю этого почерка, — сказал м-р Пиквик, распечатывая письмо. — Боже милосердный! Что это? Должно быть, шутка, это... это... не может этого быть!

— Что случилось? — воскликнули все в один голос. — Никто не умер? — спросил Уордль, встревоженный выражением ужаса на лице м-ра Пиквика.

М-р Пиквик ничего не ответил; бросив письмо через стол и предложив м-ру Тапмену прочесть вслух, он откинулся на спинку кресла, — лицо его выражало такое бессмысленное удивление, что жутко было смотреть.

М-р Тапмен дрожащим голосом прочел письмо следующего содержания:

«Фрименс-корт», Корхилл, августа 23 1830 г.
Бардль против Пиквика.

«Сэр,

уполномоченные м-с Мартой Бардль начать против вас дело о нарушении * брачного обещания, убытки от какового

нарушения истица определяет в полторы тысячи фунтов, доводим до вашего сведения, что приказ * о возбуждении дела против вас в Суде * общих тяжб выдан; просим поставить нас с обратной почтой в известность об имени вашего агента в Лондоне, коему будет поручено ведение этого дела с вашей стороны.

Пребываем, сэр,

Вашими покорными слугами
Додсон и Фог.

„М-ру Сэмюэлу Пиквику“.

Немое изумление, с каким каждый взирал на соседа и на м-ра Пиквика, было столь выразительно, что, казалось, все боялись заговорить. В конце концов молчание было нарушено м-ром Тапменом.

— Додсон и Фог, — повторил он машинально.

— Бардль и Пиквик, — сказал м-р Снодграс раздумчиво.

— Покой и благополучие доверчивой женской души, — пробормотал м-р Уинкль с отсутствующим взглядом.

— Это заговор, — сказал м-р Пиквик, когда к нему возвратился наконец дар речи, — гнусный заговор этих двух жадных агентов Додсона и Фога. М-с Бардль никогда бы на это не пошла, это не в ее характере... и повода у нее нет. Какая нелепость!.. Какая нелепость!

— О ее характере, — сказал Уордль с улыбкой, — вы, конечно, судить можете. Я не хочу вас обескураживать, но должен сказать, что об ее притязаниях Додсон и Фог судить могут лучше, чем любой из нас.

— Это подлая попытка вымогательства, — сказал м-р Пиквик.

— Надеюсь, что так, — отозвался Уордль, сухо покашливая.

— Слышал ли кто когда-нибудь, чтобы я говорил с ней иначе, чем полагается говорить жильцу с квартирной хозяйкой? — продолжал м-р Пиквик с подъемом. — Видел ли кто когда-нибудь меня с нею? Даже друзья мои, присутствующие здесь, никогда...

— Если не считать одного раза, — сказал м-р Тапмен.

М-р Пиквик изменился в лице.

— Ну? — сказал Уордль. — Это важно. Надеюсь, ничего подозрительного не было?

М-р Тапмен с опаской посмотрел на своего вождя.

— Ну, конечно, — сказал он, — ничего подозрительного. Но... заметьте, я не знаю, как это вышло... она несомненно была в его объятиях.

— Боже милосердный! — воскликнул м-р Пиквик, когда в уме его воскресло яркое воспоминание об этой сцене. — Какое страшное совпадение обстоятельств! Так и есть... так и есть.

— И наш друг ее утешал, — прибавил м-р Уинкль не без ехидства.

— Это правда, — сказал м-р Пиквик. — Не буду отрицать. Это правда.

— Алло! — воскликнул Уордль. — Для дела, в котором нет ничего подозрительного, это выглядит довольно странно, не правда ли, Пиквик? Ах, хитрец... хитрец! — и он захохотал так, что посуда в шкапу зазвенела.

— Какое ужасное стечение обстоятельств! — воскликнул м-р Пиквик, опуская голову на руки. — Уинкль... Тапмен... я прошу простить мне замечания, которые я только что сделал. Все мы жертвы обстоятельств, а я — в особенности.

После этого извинения м-р Пиквик закрыл лицо руками и предался размышлениям. Уордль описал полный круг своими подмигиваниями и кивками, обращенными к остальным членам компании.

— Так или иначе, я хочу, чтобы все разъяснилось, — сказал м-р Пиквик, поднимая голову и колотя кулаками по столу. — Я должен видеть Додсона и Фога! Завтра же я еду в Лондон.

— Только не завтра, — сказал Уордль, — вы еще сильно хромаете.

— Хорошо, послезавтра.

— Послезавтра — первое сентября, и вы обещали непременно поехать с нами, по крайней мере, до владений сэра Джеффри Менинга, и присоединиться к нам за завтраком, если не захотите принять участия в охоте.

— Хорошо, через два дня, — сказал м-р Пиквик. — В четверг. Сэм!

— Сэр? — отозвался м-р Уэлер.

— Закажите два наружных места в Лондон на четверг на утро — для себя и для меня.

— Слушаю, сэр.

М-р Уэлер вышел и медленным шагом отправился выполнять поручение, заложив руки в карманы и уставившись взглядом в землю.

— Странный человек — повелитель! — говорил м-р Уэлер, медленно идя по улице. — Ухаживать за этой-вот м-с Бардль... И всегда это приключается с этими-вот пожилыми, какими бы на вид ни казались степенными. А все-таки я не думал, чтобы он на это пошел... А все-таки я не думал, чтобы он на это пошел!

И рассуждая в этом духе, м-р Сэмюел Уэлер направил свои стопы к конторе * пассажирских карет.

ГЛАВА XIX

Приятный день, неприятно окончившийся

Птицы, которые, к счастью для собственного душевного спокойствия и благополучия, пребывали в блаженном неведении тех приготовлений, какие делались, чтобы поразить их первого сентября, приветствовали утро этого дня как самое приятное утро в эту пору года. Молодые куропатки, самодовольно разгуливавшие по жнивью, со всем хвастливым фанфаронством молодости, и более взрослые куропатки, следившие своим круглым глазком, с презрительным видом умудренных опытом птиц, за легкомысленным поведением младших, одинаково не подозревали о надвигающейся гибели, и весело и радостно нежились в свежем утреннем воздухе, а несколько часов спустя были повержены во прах. Но мы впадаем в чувствительность. Будем продолжать.

Итак, говоря языком простым и прозаическим, наступило прекрасное утро, — столь прекрасное, что едва можно было поверить, будто немногие месяцы английского лета уже пролетели. Живые изгороди, поля и деревья, холмы и вересковая долина являли глазу непрерывно меняющиеся оттенки сочного, яркого зеленого цвета; вряд ли хотя бы один лист

упал, вряд ли хотя бы одна желтая крапинка, сливаясь с тонами лета, предупреждала вас о наступлении осени. Небо было безоблачное, солнце сияло яркое и теплое; пение птиц и жужжание множества летних насекомых дрожали в воздухе; а деревенские сады, пестревшие цветами всех оттенков, ярких и прекрасных, искрились в густой росе, как клумбы сверкающих драгоценных камней. На всем лежал отпечаток лета, и ни одна из его великолепных красок еще не блекла, готовясь к смерти.

Таково было утро, когда открытый экипаж, в котором находились трое пиквикистов (м-р Снодграс предпочел остаться дома), м-р Уордль и м-р Трандль, с Сэмом Уэлером на козлах рядом с кучером, остановился на краю дороги у ворот, перед которыми стояли высокий сухопарый дозорщик и мальчик в башмаках и кожаных гетрах; каждый с сумкою внушительных размеров; пара пойнтеров сопровождала их.

— Послушайте, — прошептал м-р Уинкль, обращаясь к Уордлю, когда дозорщик опустил подножку экипажа, — неужели они думают, что мы настреляем столько дичи, чтобы наполнить эти сумки?

— Наполнить? — воскликнул старый Уордль. — Господь с вами, ну, конечно! Вы одну, я — другую. Наполним, да еще в карманах наших охотничьих курток поместится столько же.

М-р Уинкль вылез из экипажа, ничего не ответив на это замечание; но про себя подумал, что если его друзья останутся на открытом воздухе, пока он не наполнит сумки, они серьезно рискуют схватить насморк.

— Эй, Джуно, сюда, старуха! Куш, Дэф, куш! — говорил Уордль, лаская собак. — Сэр Джефри, конечно, еще в Шотландии, Мартин?

Высокий дозорщик отвечал утвердительно и с некоторым удивлением перевел взгляд с м-ра Уинкля, который держал свое ружье так, словно хотел, чтобы карман куртки избавил его от необходимости нажать спуск, на м-ра Тапмена, который держал свое ружье так, словно боялся его — и нет никакого реального основания сомневаться в том, что он действительно боялся.

— Мои друзья еще не вполне освоились с такого рода забавой, Мартин, — сказал Уордль, заметивший этот взгляд. — Живи и учись, знаете ли. Скоро они будут хорошими стрелками. А впрочем, прошу прощения у моего друга Уинкля, он уже имеет некоторый опыт.

В ответ на этот комплимент м-р Уинкль слабо улыбнулся поверх своего синего галстука и, скромно смутившись, начал производить своим ружьем такие загадочные эволюции, что будь оно заряжено, он неизбежно был бы убит на месте.

— Не вздумайте так обращаться с ружьем, когда оно будет заряжено, сэр, — проворчал высокий дозорщик, — или будь я проклят, если вы не превратите кого-нибудь из нас в кусок холодного мяса.

М-р Уинкль после такого предостережения поспешил изменить положение ружья и при этом ухитрился привести ствол в соприкосновение, болезненное для головы м-ра Уэлера.

— Алло! — воскликнул Сэм, поднимая сбитую шляпу и потирая висок. — Алло, сэр! Если вы так приметесь за дело, вы одним выстрелом наполните одну из этих сумок, и даже с избытком.

При этих словах мальчик в кожаных гетрах весело расхохотался, но тотчас попробовал сделать вид, будто это — не он, на что м-р Уинкль величественно нахмурился.

— Мартин, где вы ведели ждать нас с закуской? — осведомился Уордль.

— На склоне холма Одинокое Дерево, в двенадцать часов, сэр.

— Там кончаются владения сэра Джеффри?

— Да, сэр, но этот участок примыкает к его земле. Это земля капитана Болдуига, но никто нам не мешает, а лужайка там славная.

— Отлично, — сказал старый Уордль. — Чем раньше мы тронемся в путь, тем лучше. Стало быть, вы присоединитесь к нам в полдень, Пиквик?

М-ру Пиквику очень хотелось видеть охоту, тем более, что он несколько опасался за жизнь и целостность м-ра Уинкля. К тому же в такое привлекательное утро было очень мучи-

тельно возвращаться назад и предоставить друзьям развлекаться без него. Поэтому м-р Пиквик ответил очень унылым тоном:

— Да, пожалуй, так и придется сделать.

— Разве джентльмен не охотник, сэр? — осведомился долговязый дозорщик.

— Нет, — ответил Уордль, — и вдобавок он хромает.

— Мне бы очень хотелось остаться с вами, — сказал м-р Пиквик. — Очень!

Последовала краткая пауза, выражавшая соболезнование.

— По ту сторону изгороди стоит тачка, — сказал мальчик. — Если бы слуга джентльмена катил ее по тропинкам, он бы от нас не отставал, а мы бы переносили ее через перелазы.

— Самое подходящее дело, — заявил м-р Уэлер, который был лицом заинтересованным, поскольку ему страстно хотелось видеть охоту, — самое подходящее дело. Хорошо сказано, малыш. Я в минуту ее притащу.

Но тут возникло затруднение. Долговязый дозорщик решительно восстал против включения в охотничью компанию джентльмена в тачке, видя в этом грубое нарушение всех установленных правил и прецедентов.

Затруднение было серьезное, но преодолимое. Когда на дозорщика воздействовали с помощью лести и мзды, и когда он облегчил душу, щелкнув по голове изобретательного юнца за то, что тот предложил воспользоваться тачкой, — м-ра Пиквика усадили в нее, и все тронулись в путь; Уордль и долговязый дозорщик шли впереди, а м-р Пиквик в тачке, приводимой в движение Сэмом, замыкал шествие.

— Стойте, Сэм, — сказал м-р Пиквик, когда они пересекли первое поле.

— Ну, что еще случилось? — осведомился Уордль.

— Эта тачка не двинется ни на шаг вперед, — решительно заявил м-р Пиквик, — пока Уинкль не будет нести своего ружья иначе.

— Да как же мне его нести? — спросил несчастный Уинкль.

— Несите его дулом вниз, — ответил м-р Пиквик.

— Это не принято у спортсменов, — аргументировал Уинкль.

— Мне нет дела до того, принято это у спортсменов или не принято, — отвечал м-р Пиквик, — я не желаю, чтобы меня застрелили в тачке для соблюдения приличий.

— Я уверен, что джентльмен не успокоится, пока не всадит в кого-нибудь заряда, — проворчал долговязый.

— Хорошо, хорошо, мне все равно, — сказал бедный Уинкль, поворачивая ружье прикладом вверх, — ну, вот!

— Все, что угодно, за спокойную жизнь, — сказал м-р Уэлер, и они снова тронулись в путь.

— Стойте! — крикнул м-р Пиквик, когда они прошли несколько ярдов.

— Ну, что еще? — спросил Уордль.

— Ружье в руках Тапмена не безопасно, решительно не безопасно, — сказал м-р Пиквик.

— Как? Что? Не безопасно? — воскликнул с большой тревогой м-р Тапмен.

— Да, раз вы его так держите, — отвечал м-р Пиквик. — Мне очень неприятно снова вмешиваться, но я не соглашусь продолжать путь, пока вы не будете держать его так же, как Уинкль.

— Лучше, если вы примете этот совет, сэр, — сказал долговязый дозорщик, — иначе вы можете всадить заряд в самого себя или в кого-нибудь другого.

М-р Тапмен, с самой учтивой поспешностью, повернул должным образом ружье, и компания снова двинулась. Оба любителя охоты шагали с перевернутыми ружьями, как солдаты на королевских похоронах.

Собаки вдруг остановились, как вкопанные, и охотники, ступив шаг вперед, тоже остановились.

— Что это у собак с ногами? — прошептал м-р Уинкль. — Как странно они стоят!

— Нельзя ли потише! — шепотом отозвался Уордль. — Вы не видите, что они делают стойку?

— Делают стойку? — повторил м-р Уинкль, осматриваясь по сторонам, словно надеясь обнаружить какие-то исключительные красоты в пейзаже, к которым умные животные ста-

рались привлечь особое внимание.— Делают стойку! А зачем же им стоять?

— Не зевайте, — сказал Уордль, который в этот волнующий момент пропустил вопрос мимо ушей. — Ну!

Раздалось громкое хлопанье крыльев, заставившее м-ра Уинкля отскочить, точно его самого подстрелили. „Бах, бах!“ — прозвучали два выстрела. Дым быстро пронесся над полем и за клубился в воздухе.

— Где они? — воскликнул м-р Уинкль, который, находясь в состоянии крайнего возбуждения, вертелся из стороны в сторону во всех направлениях. — Где они? Скажите, когда стрелять. Где они? Где они?

— Где они? — повторил Уордль, поднимая двух птиц, которых собаки притащили к его ногам. — Да вот они.

— Нет, нет, я говорю о других, — сказал ошеломленный Уинкль.

— Сейчас уже довольно далеко от нас, — ответил Уордль, спокойно заряжая ружье.

— Вероятно, минут через пять мы наткнемся на другой выводок, — сказал долговязый дозорщик. — Если джентльмен начнет стрелять сейчас, пожалуй, он выпустит заряд как раз к тому времени, когда они взлетят.

— Ха-ха-ха! — расхохотался м-р Уэлер.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик, сочувствуя своему сконфуженному и растерянному ученику.

— Сэр!

— Не смейтесь.

— Слушаю, сэр. — И, в виде компенсации, м-р Уэлер, стоя за тачкой, состроил гримасу исключительно для увеселения мальчика в гетрах, разразившегося громким смехом и немедленно получившего удар кулаком от долговязого дозорщика, которому нужен был предлог отвернуться, чтобы скрыть свое собственное веселье.

— Bravo, старина! — сказал Уордль м-ру Тапмену. — На этот раз вы несомненно выстрелили.

— О, да, — отвечал м-р Тапмен с понятной гордостью. — Я спустил курок.

— Прекрасно. В следующий раз вы что-нибудь подстрелите, если будете смотреть в оба. Это — очень легко, как вы находите?

— Да, это очень легко, — сказал м-р Тапмен. — А все-таки как больно бьет в плечо! Меня едва не опрокинуло. Я понятия не имел, что эти маленькие ружья так отдают.

— А! — улыбаясь, отозвался пожилой джентльмен. — Со временем вы к этому привыкнете. Ну, что, все готовы? Все обстоит благополучно с тачкой?

— Все в порядке, сэр, — ответил м-р Уэлер.

— В таком случае, вперед!

— Держитесь крепко, сэр, — сказал Сэм, поднимая тачку.

— Да, да, — ответил м-р Пиквик, и они двинулись дальше, развив соответствующую скорость.

— Теперь задержите эту тачку! — крикнул Уордль, когда ее перетащили через перелаз на другое поле, и м-р Пиквик был снова в нее водворен.

— Всё в порядке, сэр, — ответил м-р Уэлер, приостанавливаясь.

— Ну, Уинкль, — сказал пожилой джентльмен, — ступайте осторожно за мною и постарайтесь не опоздать на этот раз.

— Будьте покойны, — отозвался м-р Уинкль.

— Они делают стойку?

— Нет! нет! еще нет! Тише! тише! — Они осторожно подвигались вперед и подошли бы очень тихо, если бы м-р Уинкль, совершая какие-то весьма сложные эволюции со своим ружьем, случайно не выпалил в самый критический момент над головой мальчика, как раз в то самое место, где находился бы мозг долговязого человека, будь тот на месте мальчика.

— Да на кой чорт вы это проделали? — воскликнул старый Уордль, когда птицы улетели, ни мало не пострадав.

— В жизни не видал такого ружья, — отвечал бедный м-р Уинкль, разглядывая замок, как будто это могло исправить дело. — Оно стреляет само. Стреляет да и только.

— Стреляет да и только! — повторил Уордль слетка раздраженным тоном. — Хотел бы я, чтобы оно само что-нибудь застрелило.

— Оно застрелит скоро, сэр, — заметил долговязый тихим пророческим тоном.

— Что вы хотите сказать этим замечанием, сэр? — сердито спросил м-р Уинкль.

— Ничего, сэр, ничего, — отвечал долговязый дозорщик, — а мать вот этого мальчика получит кое-какие блага от сэра Джеффри, если мальчик будет убит на его земле. Заряжайте, сэр, заряжайте.

— Отнимите у него ружье! — кричал из татки м-р Пиквик, утраченный мрачными намеками долговязого. — Пусть кто-нибудь отнимет у него ружье, слышите?

Никто, однако, не вызвался исполнить приказание, и м-р Уинкль, бросив непокорный взгляд на м-ра Пиквика, зарядил ружье и продолжал путь вместе с другими.

Мы вынуждены, опираясь на авторитет м-ра Пиквика, заявить, что приемы м-ра Тапмена отличались значительно большей осторожностью и осмотрительностью, чем приемы, усвоенные м-ром Уинклем. Тем не менее это несколько не умаляет значительного авторитета сего последнего джентльмена во всех вопросах, связанных со спортом; ибо, — превосходно замечает м-р Пиквик, — почему-то случалось с времен незапамятных, что многие из наилучших и способнейших философов, которые были истинными светочами науки в области теории, оказывались совершенно неспособными применять эти теории на практике.

Метод м-ра Тапмена, подобно многим нашим замечательнейшим открытиям, был чрезвычайно прост. С быстротой и проницательностью гения он сразу подметил, что нужно держаться двух важнейших пунктов: первый — стрелять так, чтобы не причинить вреда самому себе, и второй — стрелять так, чтобы не подвергать опасности окружающих; явственно, что наилучший способ, когда преодолена трудность самого выстрела, заключался в том, чтобы плотно зажмуриться и палить в воздух.

Случилось, что, совершив этот подвиг, м-р Тапмен, открыв глаза, увидел, как падала на землю подстреленная жирная куропатка. Он собирался поздравить м-ра Уордла с неизменным

успехом, когда этот джентльмен приблизился к нему и с жаром пожал ему руку.

— Тапмен, — сказал пожилой джентльмен, — вы наметили именно эту птицу?

— Нет, — сказал м-р Тапмен, — нет.

— Наметили, — возразил м-р Уордль. — Я видел... я заметил, как вы ее выбрали... я обратил внимание на вас, когда вы подняли ружье и прицелились, и вот что я скажу: лучший стрелок не сделал бы этого с большим искусством. Вы вовсе не такой новичок, каким я считал вас, Тапмен, — вы охотились раньше.

Тщетно возражал м-р Тапмен с улыбкой самоотречения, что он никогда не охотился. Даже улыбка была принята как доказательство противоположного, и с этого дня его репутация была установлена. Это не единственная репутация, приобретенная с такою легкостью, и столь счастливое стечение обстоятельств бывает не только во время охоты на куропаток.

Между тем м-р Уинкль палил, гремел и пускал дым, не достигая никаких осязательных результатов, достойных упоминания: то посылал заряд в воздух, то предоставлял ему скользить так низко над поверхностью земли, что жизнь двух собак все время находилась в довольно опасных и ненадежных условиях. Его манера стрелять, — как пример стрельбы фантастической, — была чрезвычайно изменчива и любопытна; как демонстрирование стрельбы с определе^нною целью, она была, пожалуй, неудачна. Считается признанной аксиомой, что „всякой пуле своя доля“. Если она применима в равной степени к дробу, то дробинки м-ра Уинкля были несчастными подкидышами, лишенными естественных прав, обреченными скитаться по миру и обездоленными.

— Ну, — сказал Уордль, подходя к тачке и вытирая пот, струившийся по его веселой красной физиономии, — горячий денек, не правда ли?

— Да, что и говорить, — отозвался м-р Пиквик. — Солнце ужасно припекает, даже я это чувствую. Не представляю себе, каково приходится вам.

— Да, — сказал пожилой джентльмен, — довольно жарко. Но уже первый час. Видите вот тот зеленый холм?

— Конечно.

— Там мы будем завтракать. И клянусь Юпитером, мальчик с корзинкой уже там, — точен, как часовой механизм.

— Совершенно верно, — просияв, сказал м-р Пиквик. — Славный малый! Сейчас дам ему шиллинг. Ну, Сэм, катите меня.

— Держитесь, сэр, — сказал м-р Уэлер, оживившись от предвкушения завтрака. — Прочь с дороги, кожаные гетры! Если вы дорожите моей жизнью, не опрокиньте меня, как говорил джентльмен вознице, который его доставлял в Тайберн *. — И, разбежавшись, м-р Уэлер легко покатиł своего хозяина к зеленому холму, ловко вывалил его у самой корзины и принялся ее распаковывать с величайшим проворством.

— Телятина в тесте, — беседовал сам с собой м-р Уэлер, раскладывая съестные припасы на траве. — Очень хорошая штука, — телятина в тесте, если вы знаете леди, которая ее готовила, и совершенно уверены, что это не кошатина, а в конце концов не все ли равно, если кошка так похожа на телятину, что даже сами пирожники * не могут отличить.

— Не могут, Сэм? — спросил м-р Пиквик.

— Не могут, сэр, — отвечал м-р Уэлер, прикасаясь рукою к шляпе. — Когда-то я жил в одном доме с пирожником, сэр, и очень он был хороший человек — регулярная голова вдобавок — паштеты умел выделывать из чего угодно. „У вас много кошек, м-р Брукс“, говорю я ему, когда подружился с ним. „Да, — говорит, — у меня их очень много“, говорит. „Должно быть, очень любите кошек“, говорю. „Не я, а другие любят, — говорит и подмигивает мне, — а впрочем, сейчас не их сезон, подождем зимы“, говорит. „Не их сезон!“ говорю. „Да, — говорит, — фрукты в сезон, кошки вон“. — „Что вы хотите этим сказать?“ говорю. „Что хочу сказать? — говорит. — Да то, что я никогда не войду в союз мясников, чтобы повышать цену на мясо“, говорит. „М-р Уэлер, — говорит, жмет мне руку очень крепко и шепчет на ухо, — вы этого-вот никогда не повторяйте, но все дело в том, чтобы их подсезонить. От этого они все превращаются в благородных животных, — говорит и

показывает на очень хорошенького серого котенка, — и я их сезону под бифштекс, телятину или почки, смотря по спросу. Я вам больше скажу, — говорит он, — телятину я могу сделать бифштексом, бифштекс почками, либо и то и другое бараниной в одну секунду, как только изменится спрос на рынке и аппетиты потребуют разнообразия”.

— Должно быть, это был очень изобретательный молодой человек, Сэм, — заметил с легкой дрожью м-р Пиквик.

— Вот именно, сэр, — ответил м-р Уэлер, продолжая выгружать корзину, — и паштеты были прекрасные. Язык — очень хорошая штука, если это не женский язык. Хлеб, окорок ветчины — регулярная картина!.. Холодный ростбиф нарезанный — очень хорошо! А что в этих глиняных кувшинах, молодой повеса?

— В одном пиво, — сказал мальчик, снимая с плеча пару больших глиняных бутылей, связанных кожаным ремнем, — в другом холодный пунш *.

— А завтрак получился очень недурной, — заметил м-р Уэлер, с большим удовлетворением обозревая расставленные им закуски. — Ну-с, джентльмены, „накидывайтесь“, как сказали англичане французам, когда примкнули штыки.

Второго приглашения не понадобилось, чтобы побудить компанию воздать должное трапезе; не пришлось также настаивать, чтобы м-р Уэлер, долговязый дозорщик и двое мальчиков расположились на траве, неподалеку, и начали уничтожать соответствующее количество яств. Старый дуб предоставил свою тень охотникам, а перед ними расстилалась широкая перспектива полей и лугов, пересеченных живыми изгородами и пышно декорированных лесом.

— Восхитительно, поистине восхитительно! — воскликнул м-р Пиквик, на чьей выразительной физиономии кожа под действием солнца быстро меняла свои оттенки.

— Верно, верно, старина! — отозвался Уордль. — Ну-ка, стаканчик пунша!

— С большим удовольствием, — сказал м-р Пиквик, и довольная его физиономия, когда пунш был выпит, подтверждала искренность ответа.

— Хорошо, — причмокивая, сказал м-р Пиквик. — Очень хорошо. Выпью еще стаканчик. Холодный, очень холодный. Ну-с, джентльмены, — продолжал м-р Пиквик, все еще не выпуская из рук кувшина, — тост! За наших друзей в Дингли-Дэле.

Тост был принят под громкие возгласы.

— Я вам скажу, что я намерен сделать, чтобы наловчиться в стрельбе, — начал м-р Уинкль, который ел ветчину с хлебом, пользуясь складным ножом. — Я посажу чучело куропатки на столб и буду упражняться, начну с небольшого расстояния и постепенно буду его увеличивать. Мне кажется, это превосходная практика.

— Я знаю одного джентльмена, сэр, — сказал м-р Уэлер, — который так и сделал и начал с двух ярдов, но больше ему не пришлось стрелять, потому что начисто сдул птицу с первого же выстрела, так что и перышка ее никто с тех пор не видал.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Сэр, — отозвался м-р Уэлер.

— Будьте добры, поберегите свои анекдоты, пока они не потребуются.

— Слушаю, сэр.

При этом м-р Уэлер так искусно подмигнул глазом, не заслоненным кружкой пива, которую он поднес к губам, что с двумя мальчиками сделались конвульсии, и даже долговязый дозорщик снисходительно улыбнулся.

— Да, это, несомненно, превосходнейший холодный пунш, — сказал м-р Пиквик, многозначительно поглядывая на глиняную бутылку, — а день чрезвычайно жаркий, и... Тапмен, мой дорогой друг, стаканчик пунша?

— С величайшим наслаждением, — ответил м-р Тапмен, и, осушив этот стаканчик, м-р Пиквик выпил еще один, но лишь затем, чтобы узнать, нет ли в пунше апельсиновой корки, ибо от апельсиновой корки ему всегда бывало худо; и убедившись, что ее нет, м-р Пиквик выпил еще стаканчик за здоровье отсутствующего друга, а затем почувствовал безусловную необходимость выпить за неизвестного составителя пунша.

Это непрерывное следование стаканчиков возымело заметное действие на м-ра Пиквика; его физиономия сияла самыми солнечными улыбками, губы подергивались от смеха, в глазах светилось благодушное веселье. Уступая мало-по-малу действию возбуждающего напитка, оказывавшего особенное влияние благодаря жаре, м-р Пиквик выразил сильное желание вспомнить песенку, которую слышал в детстве, и, так как попытка оказалась неудачной, попробовал поощрить свою память еще несколькими стаканчиками пунша, каковые, повидимому, оказали как раз обратное действие; ибо, забыв слова песни, он начал забывать и членораздельное произношение слов; в заключение он встал, желая обратиться к обществу с красноречивым спичем, но свалился в тачку и моментально заснул крепким сном.

Когда корзину вновь увязали, и выяснилась полная невозможность вывести м-ра Пиквика из одеяния, состоялось совещание, как поступить: отвезти ли м-ру Уэллеру своего хозяина назад, или оставить его на месте, пока они не соберутся в обратный путь. В конце концов остановились на последнем решении; и так как предстоящая экспедиция должна была занять не больше часу и так как м-р Уэллер очень настойчиво просил их взять его с собой, решено было предоставить м-ру Пиквику спать в тачке и зайти за ним на обратном пути. Таким образом, они пустились в путь, оставив м-ра Пиквика с полным комфортом храпеть в тени.

Нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что м-р Пиквик продолжал бы храпеть в тени, пока не вернутся его друзья или, в случае их опоздания, пока не спустятся на землю вечерние тени, — при условии, конечно, что его покой ничем нарушен не будет. Но его покой был нарушен. И вот как это произошло.

Капитан Болдуиг был маленький сердитый человек в синем сюртуке и жестком черном галстуке; когда он снисходил до прогулки по своим владениям, то совершал ее в обществе толстой трости с медным наконечником, а также садовника и его помощника с раболепными физиономиями, которым (садовникам, не трости) капитан Болдуиг отдавал приказания со

всем подобающим величием и строгостью; ибо сестра жены капитана Болдуига была замужем за маркизом, дом капитана был виллой, а земля его — владениями, и все это было очень величественно.

М-р Пиквик не проспал и получаса, как явился маленький капитан Болдуиг в сопровождении двух садовников, шагая со всей быстротой, какую допускали его осанка и важность. Приблизившись к дубу, капитан Болдуиг остановился, глубоко перевел дух и окинул взглядом расстилавшийся перед ним пейзаж, словно тот должен был испытывать великое удовольствие от того, что капитан Болдуиг обращает на него внимание; засим он выразительно ударил по земле тростью и позвал старшего садовника.

— Хант! — сказал капитан Болдуиг.

— Слушаю, сэр, — сказал садовник.

— Завтра утром утрамбовать здесь, — слышите, Хант?

— Слушаю, сэр.

— И позаботьтесь о том, чтобы содержать это место в полном порядке. Слышите, Хант?

— Слушаю, сэр.

— И напомните мне сделать объявление о нарушителях * права владения, самострелах * и тому подобное, чтобы сюда не лазили. Слышите, Хант... Слышите?

— Не забуду, сэр.

— Прошу прощенья, сэр, — сказал второй садовник, приподнимая шляпу.

— В чем дело, Уилькинс? — спросил капитан Болдуиг.

— Прошу прощенья, сэр, но мне кажется, здесь кто-то уже побывал сегодня.

— А! — сказал капитан, грозно озираясь.

— Да, сэр, мне кажется, здесь обедали, сэр.

— Проклятье, какая дерзость! Совершенно верно, — сказал капитан Болдуиг, когда его взгляд упал на корки хлеба и объедки, валявшиеся на траве. — Здесь действительно жрали. Хотел бы я застать этих бродяг! — воскликнул капитан Болдуиг, сжимая свою толстую палку.

— Прошу прощенья, сэр, — сказал Уилькинс, — но...

— Но что? А? — заревел капитан, и, следуя за робким взглядом Уилькинса, его глаза остановились на тачке и м-ре Пиквике.

— Кто вы такой, негодяй? — спросил капитан, тыкая толстой палкой в тело м-ра Пиквика. — Как ваше имя?

— Холодный пунш, — пробормотал м-р Пиквик, снова погружаясь в сон.

— Что? — спросил капитан Болдуиг.

Никакого ответа.

— Как он себя назвал? — спросил капитан.

— Кажется, Панчем *, сэр, — ответил Уилькинс.

— Вот наглость, вот чортова наглость! — воскликнул капитан Болдуиг. — Он только притворяется, будто спит! — яростно кричал капитан Болдуиг. — Он пьян! Пьяный плебей! Увезите его, Уилькинс, увезите его немедленно!

— Куда прикажете, сэр? — с большой робостью осведомился Уилькинс.

— К чорту! — отвечал капитан Болдуиг.

— Очень хорошо, сэр, — сказал Уилькинс.

— Стойте! — сказал капитан.

Уилькинс послушно остановился.

— Отвезите его, — сказал капитан, — отвезите его в сельский * загон, и посмотрим, назовет ли он себя Панчем, когда очнется. Я не позволю над собой издеваться, я не позволю над собой издеваться! Увезите его.

И м-ра Пиквика увезли, подчиняясь категорическому предписанию; а великий капитан Болдуиг, пыжась от негодования, продолжал прогулку.

Трудно передать изумление охотников, когда они, вернувшись, обнаружили, что м-р Пиквик исчез вместе со своею тачкой. Случай был неслыханно таинственный и необъяснимый. Ибо одно то, что хромой человек вдруг встал на ноги и ушел, было фактом чрезвычайным; но когда он вдобавок к тому покатиł перед собой для развлечения тяжелую тачку — случай становился поистине сверхъестественным. Все вместе и каждый поодиночке они обшарили все уголки и закоулки; они кричали, свистали, хохотали, звали — и все безрезультатно. М-ра Пиквика нельзя было найти. После нескольких часов

бесплодных поисков они пришли к печальному выводу, что придется вернуться домой без него.

Между тем м-р Пиквик, который продолжал спать в своей тачке, был отвезен в сельский загон для скота и бережно водворен там, к невыразимому восторгу и веселью не только всех деревенских мальчишек, но и трех четвертей взрослого населения, собравшегося в ожидании его пробуждения. Если одно его появление в тачке доставило им величайшее удовольствие, то во сколько же раз усилился их восторг, когда, после нескольких невнятных возгласов: „Сэм!“, он приподнялся, сел в тачку и с неописуемым удивлением воззрился на физиономии, перед ним находившиеся.

Крики толпы были, конечно, сигналом его пробуждения; его невольный вопрос: „Что случилось?“ вызвал новый взрыв криков, пожалуй, еще более громкий.

— Вот так потеха! — редела толпа.

— Где я? — воскликнул м-р Пиквик.

— В сельском загоне, — отвечали голоса.

— Как я сюда попал? Что со мной было? Откуда меня привезли? Выпустите меня! — кричал м-р Пиквик. — Где мой слуга? Где мои друзья?

— Какие еще друзья! Ура! — и в м-ра Пиквика полетели брюква, картофель, яйца и другие легкие знаки игривого расположения духа.

Трудно сказать, сколь долго тянулась бы эта сцена и сколько пришлось бы претерпеть м-ру Пиквику, если бы быстро мчавшийся мимо загона экипаж не остановился вдруг, и из него не вышли старик Уордль и Сэм Уэлер; первый значительно быстрее, чем можно это описать и даже прочесть, проложил себе дорогу к м-ру Пиквику и усадил его в экипаж как раз в тот момент, когда второй, вступив в единоборство с бидлем *, закончил третий и последний раунд.

— Бегите к судье! — раздались голоса.

— Да, бегите, — сказал м-р Уэлер, вскакивая на козлы. — Привет от меня, привет от м-ра Веллера судье, и скажите ему, что я намял бока его бидлю, а если он назначит нового, я завтра зайду и тому намять бока. Погоняйте, старина!

— Как только приеду в Лондон, начну дело против этого капитана Болдуига с жалобой на незаконное * задержание, — сказал Пиквик, когда экипаж выехал из города.

— Кажется, мы вторглись в чужое владение, — заметил Уордль.

— Мне все равно, — отвечал м-р Пиквик, — я подам в суд.

— Нет, не подадите, — возразил Уордль.

— Подам, клянусь... — но, заметив насмешливое выражение на лице Уордля, м-р Пиквик запнулся и спросил: — А что?

— Да то, — сказал старый Уордль, заливаясь смехом, — что дело можно обратить против кое-кого из нас и сказать, что мы выпили слишком много холодного пунша.

Как ни удерживался м-р Пиквик, но на лице его появилась улыбка; улыбка уступила место смеху; смех — хохоту; хохотали все. И вот, дабы поддержать хорошее расположение духа, остановились у первой придорожной таверны и потребовали по стаканчику грога для всех и двойной стакан экстраординарной крепости для м-ра Сэмюэла Уэлера.

ГЛАВА XX

повествующая о том, какими дельцами были Додсон и Фог, и какими повесами их клерки, и как имело место трогательное свидание м-ра Уэлера с его давно пропавшим родителем; повествующая также о том, какое избранное общество собралось в „Сороке и Пие“^{cl}, и какой превосходной будет следующая глава

В нижнем этаже мрачного дома в самом дальнем конце Фрименс-корта, па Корнхиле *, сидело четверо клерков фирмы Додсона и Фога, двух атерни * его величества при Суде * Королевской скамьи и Общих тяжб в Уестминстере и солиситоров * верховного Канцлерского * суда; у вышеупомянутых клерков во время дневных занятий было столько же надежды уловить проблески небесного света и небесного солнца, сколько и у человека, посаженного на дно достаточно глубокого колодца; и притом без возможности увидеть днем звезды, каковой возможности не отнимает названная изолированная позиция.

Помещение для клерков в конторе Додсона и Фога было темной, сырой, затхлой комнатой, в которой находились: высо-

кая деревянная перегородка, долженствовавшая заслонять клерков от взглядов непосвященных, пара старых деревянных стульев, очень громко тикающие часы, календарь, стойка для зонтов, вешалка и несколько полок, заваленных перенумерованными связками грязных бумаг, старыми сосновыми ящиками с бумажными наклейками и пустыми, всех видов и размеров, глиняными бутылками из-под чернил. Стекла́нная дверь выходила в коридор, выведи́вший в дворовый проезд, — с наружной стороны этой стекляннóй двери в пятницу утром, наступившим после событий, правдиво изложенных в предыдущей главе, и предстал м-р Пиквик в сопровождении Сэма Уэлера.

— Входите, что же вы! — раздался голос из-за перегородки в ответ на тихий стук м-ра Пиквика.

М-р Пиквик и Сэм вошли.

— М-р Додсон или м-р Фог дома, сэ́р? — вежливо осведомился м-р Пиквик, направляясь со шляпой в руке к перегородке.

— М-ра Додсона нет дома, а м-р Фог чрезвычайно занят, — ответил голос, и в то же время голова с пером за ухом, — та, которой принадлежал этот голос, — выглянула из-за перегородки на м-ра Пиквика.

Это была неопрятная голова, на которой рыжеватые волосы, тщательно разделенные боковым пробóром и намазанные помадой, завивались полукруглыми хвостиками, обрамлявшими плоскую физиономию, декорированную парóю маленьких глазок и украшенную очень грязным воротничком рубашки и порыжевшим черным галстуком.

— М-ра Додсона нет дома, а м-р Фог чрезвычайно занят, — сказал человек, которому принадлежала голова.

— Как скоро вернется м-р Додсон, сэ́р? — осведомился м-р Пиквик.

— Не могу вам сказать.

— Скоро ли освободится м-р Фог, сэ́р?

— Не знаю.

Тут человек припаялся преспокойно чинить перо, а другой клерк, который размешивал Зейдлицкий * порошок под крышкой своей конторки, одобрительно засмеялся.

— В таком случае, я подожду, — сказал м-р Пиквик.

Ответа не последовало. М-р Пиквик уселся без приглашения и стал слушать громкое тиканье часов и приглушенный разговор клерков.

— Это была потеха, не правда ли? — сказал джентльмен в коричневом фраке с медными пуговицами, в закапанных брюках мышиного цвета и блюхеровских * ботинках, заканчивая рассказ о своих похождениях прошлой ночью.

— Чертовски хорошо, чертовски хорошо! — сказал человек с Зейдлицким порошком.

— Том Каминс председательствовал, — продолжал человек в коричневом фраке. — В половине пятого добрался до Сомерстауна * и до того нагрузился, что никак не мог попасть ключом в замочную скважину, пришлось разбудить старуху. Интересно, что сказал бы старый Фог, если бы узнал об этом. Пожалуй, выставил бы?

Это веселое предположение вызвало дружный смех всех клерков.

— Сегодня утром была потеха с Фогом, — сказал человек в коричневом фраке. — Пока Джек разбирал бумаги, а вы оба ушли вносить гербовый сбор, Фог был здесь, распечатывая письма, когда пришел, знаете, этот, против которого у нас есть судебный * приказ в Кемберуел *... Как его фамилия?

— Ремзи, — подсказал клерк, который отвечал м-ру Пиквику.

— Да, Ремзи... довольно-таки потрепанный клиент. „Ну, сэр, — говорит старый Фог, глядя на него очень грозно — сами знаете его манеру, — ну, сэр, вы пришли покончить дело?“ — „Да, пришел, сэр, — сказал Ремзи, опуская руку в карман и вытаскивая деньги, — долг два фунта десять шиллингов, да судебные издержки два фунта пять. Вот деньги, сэр“, — и тяжело вздохнул, вытаскивая деньги, завернутые в промокательную бумагу. Старый Фог посмотрел сперва на деньги, потом на него, потом кашлянул по-своему, так что я уже знал — сейчас начнется. „Должно быть, вы не знаете, что декларация * по иску зарегистрирована, а это значительно увеличивает судебные издержки?“ — спросил Фог. „Что вы говорите, сэр! —

воскликнул Ремзи, отшатнувшись. — Срок истек только вчера вечером, сэр. — „Тем не менее, — сказал Фог, — мой клерк как раз пошел регистрировать. М-р Джексон пошел регистрировать декларацию по делу Булмен и Ремзи, м-р Уикс?“ Конечно, я сказал „да“, тогда Фог опять кашлянул и посмотрел на Ремзи. „Боже мой! — воскликнул Ремзи. — А я-то чуть с ума не сошел, наскребывая эти деньги, и все ни к чему!“ — „Совершенно ни к чему, — холодно сказал Фог, — а посему вы лучше отправляйтесь назад, наскребите еще кое-что и принесите сюда вовремя“. — „Не могу больше, чорт подери!“ — крикнул Ремзи, ударив кулаком по столу. „Не угрожайте мне, сэр“, — сказал Фог, делая вид, будто испугался. „Я вам не угрожаю, сэр“, — сказал Ремзи. „Угрожаете, — сказал Фог. — Уходите, сэр, уходите из этой конторы, сэр, и возвращайтесь, сэр, когда будете знать, как себя вести“. Ну, Ремзи попробовал что-то сказать, но Фог не дал ему, тогда он спрятал деньги в карман и потихоньку вышел. Едва закрылась дверь, как старый Фог, с приятной улыбкой на лице, поворачивается ко мне и вытаскивает из кармана декларацию. „Уикс, — говорит Фог, — наймите кеб, поезжайте как можно скорее в Темпл и зарегистрируйте это. О судебных издержках можно не беспокоиться, потому что он — человек степенный, семья большая, жалованье двадцать пять шиллингов в неделю, и если он выдаст нам атернийскую гарантию — а в конце концов он должен будет это сделать, — я знаю, что его хозяева позаботятся об уплате; поэтому, м-р Уикс, мы должны выудить у него все, что можно; это христианский поступок, м-р Уикс, ибо, имея большую семью и получая маленькое жалованье, он извлечет пользу из доброго урока и не будет делать долгов, не так ли м-р Уикс, не так ли?“ — и, уходя, он с таким добродушием улыбнулся, что приятно было на него смотреть. Превосходный делец, — сказал Уикс тоном глубочайшего восхищения, — превосходный, не правда ли?

Остальные трое от души присоединились к этому мнению, рассказ доставил им беспредельное удовольствие.

— Милые здесь люди, сэр, — сказал м-р Уэлер своему хозяину, — и милое у них понятие о забаве, сэр.

М-р Пиквик кивнул в знак согласия и кашлянул с целью привлечь внимание молодых джентльменов за перегородкой, которые, облегчив себя краткой беседой, снизили до того, чтобы заняться новым клиентом.

— Быть может, Фог уже освободился, — сказал Джексон.

— Пойду узнаю, — сказал Уикс, медленно слезая с табурета. — Как доложить о вас м-ру Фогу?

— Пиквик, — ответил прославленный герой этих записок.

М-р Джексон отправился с докладом наверх и немедленно вернулся с ответом, что м-р Фог примет м-ра Пиквика через пять минут. Исполнив поручение, он снова занял место за конторкой.

— Как он себя назвал? — прошептал Уикс.

— Пиквик, — сообщил Джексон, — это ответчик по делу Бардль и Пиквик.

Из-за перегородки вдруг послышались шарканье ног и приглушенный смех.

— Они на вас глазеют, сэр, — шепнул м-р Уэлер.

— Глазеют на меня, Сэм! — повторил м-р Пиквик. — Что вы имеете в виду?

Вместо ответа м-р Уэлер указал большим пальцем через плечо, и м-р Пиквик, подняв взор, обнаружил следующий приятный факт: все четыре клерка — лица их выражали крайнюю веселость, а головы торчали над деревянной перегородкой — внимательно изучали фигуру и общий вид человека, якобы игравшего женскими сердцами и разрушавшего женское счастье. Когда он посмотрел вверх, ряд голов мгновенно исчез, и немедленно вслед за этим раздался скрип перьев, путешествовавших с бешеной скоростью по бумаге.

Внезапный звон колокольчика, висевшего в конторе, призвал м-ра Джексона в кабинет Фoga; оттуда он вернулся и сказал, что он (Фог) готов принять м-ра Пиквика, если тот поднимется наверх.

М-р Пиквик поднялся наверх, оставив Сэма Уэлера внизу. Во втором этаже на двери комнаты, выходящей во двор, были начертаны удобочитаемыми буквами внушительные слова: „М-р Фог“; постучав в дверь и получив приглашение войти, Джексон ввел м-ра Пиквика.

- М-р Додсон вернулся? — осведомился м-р Фог.
— Только что вернулся, сэр.
— Попросите его заглянуть сюда.
— Слушаю, сэр. (Те же без Джексона.)
— Присядьте, сэр, — сказал Фог. — не уютно ли газету, сэр? Мой компаньон сейчас придет, и мы потолкуем об этом деле, сэр.

М-р Пиквик взял стул и газету, но вместо того, чтобы читать, поглядывал поверх нее и рассматривал дельца. Это был тип пожилого человека, прыщеватого, сидящего на растительной диете, человека в черном фраке, темных брюках и коротких черных гетрах, — тип человека, который, казалось, был неотъемлемой частью своей конторки и не превосходил ее ни умом, ни сердечностью.

Через несколько минут явился м-р Додсон, полный, осанистый, суровый на вид человек с громким голосом, и разговор начался.

- Это м-р Пиквик, — сказал Фог.
— А! Вы — ответчик, сэр, по делу Бардль и Пиквик? — спросил Додсон.

- Да, сэр, — ответил м-р Пиквик.
— Итак, сэр, — сказал Додсон, — что же вы предлагаете?
— Да! — сказал Фог, засовывая руки в карманы брюк и откидываясь на спинку стула. — Что вы предлагаете, м-р Пиквик?
— Тише, Фог, — сказал Додсон, — дайте мне выслушать, что хочет сказать м-р Пиквик.

— Я пришел, джентльмены, — начал м-р Пиквик, безмятежно взирая на двух компаньонов, — я пришел сюда, джентльмены, чтобы выразить изумление по поводу полученного на-днях от вас письма и осведомиться, какие у вас основания для вчинения мне иска.

— Основания для... — Фог только это и успел выговорить, когда его остановил Додсон.

- М-р Фог, — сказал Додсон, — говорить буду я.
— Прошу извинить меня, м-р Додсон, — сказал Фог.
— Что касается оснований иска, сэр, — продолжал Додсон, в морально возвышенном тоне, — вы должны спросить свою

собственную совесть и свои собственные чувства. Мы, сэр, мы руководствуемся исключительно заявлением нашего клиента. Это заявление, сэр, может быть правдивым или лживым, оно может быть достойно доверия или не достойно, но если оно правдиво и если оно достойно доверия, я, не колеблясь, скажу, сэр, что наши основания иска, сэр, серьезны и не могут быть опровергнуты. Может быть, вы, сэр, несчастный человек или, может быть, коварный человек, но если бы меня призвали в качестве присяжного, сэр, высказать мнение о вашем поведении, сэр, то я, не колеблясь, заявлю, что у меня имелось бы только одно мнение по этому вопросу.

Тут Додсон выпрямился с видом оскорбленной добродетели и взглянул на Фога, который глубже засунул руки в карманы и, глубокомысленно кивнув, сказал тоном весьма убежденным:

— Совершенно несомненно.

— Так вот, сэр, — сказал м-р Пиквик, на лице которого отразилось сильное огорчение, — разрешите мне заверить вас, что я — несчастнейший человек, поскольку речь идет об этом деле.

— Надеюсь, что так, сэр, — отозвался Додсон, — хочу верить, что это так, сэр. Если вы действительно неповинны в том, что вменяется вам в вину, то вы более несчастливы, чем можете себе представить. Что скажете вы, м-р Фог, по этому поводу?

— Скажу то же, что и вы, — с недоверчивой улыбкой ответил Фог.

— Начинательный * приказ, сэр, — продолжал Додсон, — был выдан правильно. М-р Фог, где наша книга * ргаесіре?

— Вот она, — сказал Фог, протягивая квадратную книгу в пергаментном переплете.

— Вот запись, — продолжал Додсон. — „Мидльсекс. Сapias * Марта Бардль, вдова, versus Сэмюел Пиквик. Размер убытков 1500 фунтов, Додсон и Фог со стороны истицы. Авг. 28, 1830“. Все в порядке, сэр, в полном порядке.

Додсон кашлянул и посмотрел на Фога, который тоже сказал: „в полном“. Затем оба посмотрели на м-ра Пиквика.

— Должен ли я это понимать так, — сказал м-р Пиквик, — что вы действительно намерены дать ход этому делу?

— Понимать, сэр? Это вы, несомненно, можете, — отвечал Додсон, изобразив улыбку, которая не противоречила бы его достоинству.

— И то, что убытки, действительно, исчислены в полторы тысячи фунтов? — спросил м-р Пиквик.

— К этому вы можете прибавить наше заверение, что если бы мы могли повлиять на нашу клиентку, сумма была бы увеличена втрое, сэр, — ответил Додсон.

— Во всяком случае, мне кажется, м-с Бардль особенно настаивала, — заметил Фог, взглянув на Додсона, — что она не уступит ни одного фартинга.

— Несомненно, — сухо отозвался Додсон, — ибо иск только что вчинен, и не следует допускать, чтобы м-р Пиквик пошел на компромисс, даже если бы он к этому склонялся.

— Поскольку вы не делаете никаких предложений, сэр, — сказал Додсон, держа в правой руке кусок пергамента, а левой любовно протягивая м-ру Пиквику копию, — мне остается только вручить вам копию приказа. Оригинал остается у нас, сэр.

— Прекрасно, джентльмены, прекрасно, — сказал м-р Пиквик, вставая во весь рост и вскипая гневом, — вы будете иметь дело с моим солиситором *, джентльмены.

— Мы будем в восторге, — сказал Фог, потирая руки.

— В восторге, — сказал Додсон, открывая дверь.

— А раньше чем уйти, джентльмены, — начал возбужденный м-р Пиквик, останавливаясь на пороге, — разрешите мне сказать, что из всех гнусных и подлых дел...

— Подождите, сэр, подождите, — очень вежливо перебил Додсон. — М-р Джексон! М-р Уикс!

— Сэр! — отозвались два клерка, появляясь на нижней площадке лестницы.

— Я хочу только, чтобы вы слышали, что говорит этот джентльмен, — пояснил Додсон.

— Пожалуйста, продолжайте, сэр... кажется, вы сказали: „гнусные и подлые дела“?

— Сказал, — подтвердил м-р Пиквик, совершенно взбешенный. — Я сказал, сэр, что из всех гнусных и подлых дел, какие когда-либо затевались, это является самым гнусным. Я это повторяю, сэр.

— Вы это слышите, м-р Уикс? — спросил Додсон.

— Вы не забудете этих выражений, м-р Джексон? — спросил Фог.

— Быть может, вы желали бы назвать нас вымогателями *, сэр? — сказал Додсон. — Пожалуйста, назовите, сэр, если вам угодно, пожалуйста, назовите, сэр.

— Назову, — сказал м-р Пиквик. — Вы — вымогатели!

— Прекрасно, — сказал Додсон. — Надеюсь, вам слышно там, внизу, м-р Уикс?

— О да, сэр, — ответил Уикс.

— Если не слышно, поднимитесь, пожалуйста, на одну-две ступеньки, — добавил м-р Фог. — Продолжайте, сэр, продолжайте! Вы бы назвали нас ворами, сэр, или, быть может, вам угодно нанести одному из нас оскорбление * действием? Сделайте одолжение, сэр, мы не окажем ни малейшего сопротивления. Сделайте одолжение, сэр!

Так как Фог стоял на соблазнительно близком расстоянии от сжатого кулака м-ра Пиквика, то вряд ли можно сомневаться, что сей джентльмен исполнил бы его настойчивую просьбу, не вмешавшись в дело Сэм, который, заслышав спор, выскочил из конторы, взбежал по лестнице и схватил своего хозяина за руку.

— Уходите-ка отсюда, — сказал м-р Уэлер. — Волап — прекрасная игра, но если вы волап, а два законника — ракетки, тогда игра чересчур возбуждительно, чтобы быть приятной. Уходите отсюда, сэр. Если вам нужно облегчить душу и вздуть кого-нибудь, выйдемте на улицу и вздуйте меня, а здесь это, пожалуй, дорогая забава.

И без всяких церемоний м-р Уэлер стащил своего хозяина с лестницы, вышел его в переулок и, благополучно доставив на Корнхил, стал сзади него, готовый следовать, куда бы тот ни пошел.

М-р Пиквик рассеянно побрел, пересек улицу против Мешон-хауза * и направил свои стопы к Чисайду *. Сэм уже

начал недоумевать, куда они идут, как вдруг его хозяин оглянулся и произнес:

— Сэм, я иду прямо к м-ру Перкеру.

— Это как раз то самое место, куда вам нужно было пойти еще вчера вечером, сэр, — ответил м-р Уэлер.

— Думаю, что так, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Наверняка так, — сказал м-р Уэлер.

— Хорошо, хорошо, Сэм, — отозвался м-р Пиквик, — мы сейчас же туда пойдем, но сначала — так как я несколько вышел из себя — мне бы хотелось выпить стаканчик грога, Сэм. Где его можно было бы получить, Сэм?

Сведения м-ра Уэлера о Лондоне были пространны и своеобразны. Он ответил, ни мало не задумываясь:

— Второй поворот направо, предпоследний дом по той же стороне. Займите отделение у самого камина, там у столика нет средней ножки, а у других есть, и это очень неудобно.

М-р Пиквик слепо подчинился указаниям своего слуги и, приказав Сэму идти за ним, вошел в намеченную таверну, где ему был быстро подан горячий грог, а м-р Уэлер на почтительном расстоянии, но за одним столом с хозяином, устроился за пинтой портера.

Помещение было очень простое и находилось, повидимому, под особым покровительством кучеров пассажирских карет, ибо несколько джентльменов, которые по всем внешним признакам принадлежали к этой просвещенной профессии, пили и курили в различных отделениях. Среди них находился тучный, краснолицый пожилой человек, сидевший в отдалении, против м-ра Пиквика и привлечший его внимание. Тучный человек курил с большим увлечением, но после каждой полдюжины затяжек вынимал трубку изо рта и взглядывал сначала на м-ра Уэлера, а потом на м-ра Пиквика. Затем он погружал в кварту часть физиономии, какую могла вместить кружка таких размеров, и снова бросал взгляд на Сэма и на м-ра Пиквика. Затем он делал еще с полдюжины затяжек с видом глубоко задумчивым и взглядывал на них снова. Наконец тучный человек, положив ноги на скамью и прислонившись спиной к сте-

не, начал дымить, не отрываясь и разглядывая сквозь дым вновь прибывших, словно решил изучить их до конца.

Сначала маневры тучного человека ускользнули от внимания м-ра Уэлера, но вскоре, видя, что взгляд м-ра Пиквика то-и-дело устремляется в одном направлении, он также начал смотреть в ту сторону, заслоня в то же время глаза рукой, как будто распознал находившийся перед ним объект и хотел окончательно убедиться в том, что не ошибается. Впрочем, сомнения его быстро рассеялись, ибо тучный человек извлек густое облако из своей трубки, и хриплый голос, напоминавший чревоушение, вырвался из-под широких шарфов, обматывающих его шею и грудь, и медленно издал следующие звуки:

— Ну да, Сэми!

— Кто это, Сэм? — осведомился м-р Пиквик.

— Вот уж не поверил бы, сэр, — ответил м-р Уэлер, с изумлением тараща глаза. — Это старик!

— Старик! — повторил м-р Пиквик. — Какой старик?

— Мой отец, сэр, — ответил м-р Уэлер. — Как поживаете, развалина?

Выразив столь почтительно сыновнюю любовь, м-р Уэлер подвинулся, чтобы освободить место для тучного человека, который с трубкой во рту и с кружкой в руке подошел поздороваться с ним.

— Ну, Сэми, — сказал отец, — я вас не видал больше двух лет.

— Что и говорить, старый скряга, — ответил сын. — Как мачеха?

— Я вам вот что скажу, Сэми, — начал м-р Уэлер старший с большой торжественностью в манерах. — Не бывало на свете вдовы лучше этого-вот моего второго жребия — славное было создание, Сэми, а теперь скажу об ней одно: она была такая на редкость приятная вдова, и жалко, что она изменила свое положение. Она не годится в жены, Сэми.

— Не годится, вот как? — переспросил м-р Уэлер младший.

М-р Уэлер старший покачал головой и ответил со вздохом:

— Я проделал это на один раз больше, чем следовало, Сэми, на один раз. Берите пример с вашего отца, мой мальчик, и

всю жизнь остерегайтесь вдов, в особенности, если они держат трактир.

Дав с большим пафосом этот отеческий совет, м-р Уэлер старший набил трубку табаком из жестянки, которую носил в кармане, и, раскурив новую трубку от пепла прежней, начал весьма энергически дымить.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он после длительной паузы, возобновляя разговор и обращаясь к м-ру Пиквику. — Надеюсь, я вас не задел, сэр, надеюсь, вы не женаты на вдове, сэр?

— Нет, я не женат на вдове, — смеясь, ответил м-р Пиквик; пока м-р Пиквик смеялся, Сэм Уэлер шопотом уведомил своего родителя о том, в каких отношениях он состоит с этим джентльменом.

— Прошу прощения, сэр, — сказал м-р Уэлер старший, снимая шляпу, — надеюсь, вам не в чем упрекнуть Сэми?

— Решительно не в чем, — ответил м-р Пиквик.

— Очень рад это слышать, сэр, — заявил старик, — я отпустил его одного бегать по улицам, когда он был малышом, чтобы он сам выпутывался из беды. Это единственный способ сделать мальчика сметливым, сэр.

— Довольно опасный прием, сказал бы я, — с улыбкой заметил м-р Пиквик.

— И вдобавок не такой уж надежный, — присовокупил м-р Уэлер: — на-днях меня регулярно провели.

— Ну! — воскликнул отец.

— Да, — подтвердил сын, и рассказал по возможности кратко, как он был одурачен Джобом Тротером.

М-р Уэлер старший выслушал рассказ с глубочайшим вниманием и по окончании его сказал:

— Один из этих молодых тощий и высокий, с длинными волосами, а чесало так и скачет в галоп?

М-р Пиквик не совсем понял последнюю часть описания, но, уразумев первую, сказал наугад „да“.

— А другой — черноволосый, в шелковичной ливрее и с очень большой головой?

— Да, да, это он! — с живостью воскликнули м-р Пиквик и Сэм.

— Ну, так я знаю, где они. Это ясно, — объявил м-р Уэлер, — они в Ипсуиче, в целости и сохранности оба.

— Быть не может! — воскликнул м-р Пиквик.

— Факт, — сказал м-р Уэлер, — и я вам расскажу, как я это узнал. Иной раз я езжу с ипсуичской каретой вместо одного приятеля. Я работал как раз после той ночи, когда вы схватили ревматизм, и в „Черном Парне“ в Чемсфорде * — самое подходящее для них место — они сели в мою карету, и я их повез прямо в Ипсуич, а слуга — тот, что в шелковичном, — сказал мне, что они думают остаться там надолго.

— Я еду за ним, — сказал м-р Пиквик, — мы можем посетить Ипсуич, как и всякое другое место. Я поеду за ним.

— Вы твердо уверены, что это были они, папаша? — осведомился м-р Уэлер младший.

— Твердо, Сэми, твердо, — отвечал отец, — потому что вид у них очень чудной, а вдобавок я подивился, что джентльмен так фамильярен со своим слугой, и вот еще что: они сидели как раз позади козел, и я слышал — они смеялись и толковали о том, как они обработали старую петарду.

— Старое что? — переспросил м-р Пиквик.

— Старую петарду, сэр, и я ~~ничуть~~ не сомневаюсь — они говорили о вас, сэр.

Нет в сущности ничего оскорбительного или чудовищного в прозвище „старая петарда“, однако оно отнюдь не является почтительным или лестным наименованием. Все обиды, нанесенные Джинглем, всплыли в памяти м-ра Пиквика, как только заговорил м-р Уэлер; нужно было одно единственное перышко, чтобы опустилась чаша весов, и таким перышком оказалась „старая петарда“.

— Я последую за ним! — сказал м-р Пиквик, энергически стукнув по столу.

— Послезавтра я еду на Ипсуич, сэр, — сказал м-р Уэлер старший, — карета отправляется из „Быка“ * в Уайтчеппе *; и если вы и в самом деле хотите ехать, поезжайте со мной.

— Так мы и сделаем, — сказал м-р Пиквик, — отлично. Я могу написать в Бери и встретиться с друзьями в Ипсуиче.

Мы поедем с вами. Но не торопитесь, м-р Уэлер. Не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Вы очень добры, сэр, — сказал м-р Уэлер, тотчас же останавливаясь, — пожалуй, стаканчик бренди за ваше здоровье, сэр, и за успехи Сэми окажется не лишним.

— Разумеется, — отозвался м-р Пиквик. — Подайте стаканчик бренди.

Подали бренди, и м-р Уэлер, поклонившись м-ру Пиквику и кивнув Сэму, опрокинул в свою поместительную глотку содержимое стаканчика, точно тот был величиною с наперсток.

— Здорово, отец, — сказал Сэм, — берегитесь, старина, как бы вас опять не скрутила ваша старая болезнь — подагра.

— Я нашел верное средство от нее, Сэми, — объявил м-р Уэлер.

— Верное средство от подагры? — сказал м-р Пиквик, поспешно извлекая записную книжку. — Какое же это средство?

— Подагра, сэр, — отвечал м-р Уэлер, — подагра — это напасть, которая делается от слишком большого довольства и роскоши. Если когда-нибудь приключится с вами подагра, сэр, тотчас женитесь на вдове, у которой голос очень громкий и которая понимает, как им пользоваться, и у вас подагры как не бывало. Чудесное лекарство, сэр. Я принимаю его регулярно, и могу поручиться, что оно прогоняет всякую болезнь, которая происходит от слишком большого веселья.

Открыв этот неодолимый секрет, м-р Уэлер осушил второй стаканчик, усиленно подмигнул, глубоко вздохнул и медленно удалился.

— Ну, какого вы мнения, Сэм, о том, что сказал ваш отец? — улыбаясь, полюбопытствовал м-р Пиквик.

— Какого я мнения, сэр? — отозвался м-р Уэлер. — Да я того мнения, что он — жертва супружеской жизни, как сказал капелан Синей * Бороды, прослезившись от жалости на его похоронах.

На это весьма уместное заключение ответить было нечего, и посему м-р Пиквик, расплатившись, снова направил свои стопы к Грейз-Нину *. Но когда он добрался до его уеди-

ненных садов, пробило восемь, и непрерывный поток джентльменов в грязных башмаках, испачканных белых шляпах и порывевших костюмах, который устремлялся к проездам, ведущим к выходу, возвестил ему, что большая часть контор уже закрыта.

Поднявшись по крутой и грязной лестнице на третий этаж, он убедился, что его предположение оправдалось. „Парадная дверь“ м-ра Перкера была заперта, и мертвое молчание в ответ на повторный стук Сэма свидетельствовало о том, что клерки ушли, закончив свой рабочий день.

— Это неприятно, Сэм, — сказал м-р Пиквик, — не хотелось бы откладывать свидание с ним, я уверен, что ночью не засну ни на секунду, если не успокоюсь на мысли, что передал это дело в профессиональные руки.

— А вот какая-то старуха поднимается по лестнице, сэр, — отозвался Сэм, — быть может, она знает, где нам кого-нибудь найти. Алло, старая леди, где клерки м-ра Перкера?

— Клерки м-ра Перкера, — сказала худая, жалкая на вид старуха, останавливаясь, чтобы перевести дух, — клерки м-ра Перкера ушли, а я иду убирать контору.

— Вы — служанка м-ра Перкера? — осведомился м-р Пиквик.

— Я — прачка у м-ра Перкера, — ответила старуха.

— Подумайте! — тихо сказал Сэму м-р Пиквик. — Любопытное обстоятельство, Сэм: старух в этих домах называют прачками. Хотел бы я знать, почему?

— Должно быть, потому, что они смертельно не любят что-нибудь мыть, сэр, — отозвался м-р Уэлер.

— Меня бы это не удивило, — сказал м-р Пиквик, глядя на старуху, чья внешность, равно как и вид конторы, которую она к тому времени открыла, указывали на закоренелую антипатию к применению мыла и воды. — Не знаете ли вы, моя милая, где я могу найти м-ра Перкера?

— Нет, не знаю, — ответила старуха хриплым голосом, — его нет сейчас в городе.

— Досадно, — сказал м-р Пиквик. — Где его клерк? Не знаете ли вы?

— Да, знаю, но он меня не поблагодарит, если я вам скажу, — ответила прачка.

— У меня очень важное дело, — заметил м-р Пиквик.

— А подождать до утра нельзя? — спросила старуха.

— Не хотелось бы, — ответил м-р Пиквик.

— Ну, — промолвила старуха, — раз дело очень важное, мне приказано сказать, где он, и, значит, беды не будет, если я вам скажу. Если вы пойдете в „Сороку * и Пень“ и спросите в буфете м-ра Лаутена, вас проведут к нему, а он и есть клерк м-ра Перкера.

Получив эти указания и узнав также, что гостиница, о которой шла речь, расположена в переулке и пользуется двумя преимуществами — находится по соседству с Клейр-маркет * и вплотную примыкает к заднему фасаду Нью-Инна *, м-р Пиквик и Сэм благополучно спустились по шаткой лестнице и отправились на поиски „Сороки и Пня“.

Эту излюбленную таверну, освященную вечерними оргиями м-ра Лаутена и его приятелей, люди заурядные называли бы трактиром. О склонности содержателя трактира зарабатывать деньги свидетельствовал в достаточной мере тот факт, что маленькая пристройка под окном распивочной, размером и формой слегка напоминающая портшез, была сдана башмачнику, чинившему старую обувь; а его филантропический дух проявлялся в той протекции, какую он оказывал пирожнику, который продавал свои лакомства, не опасаясь помехи, у самой двери. В нижних окнах, украшенных занавесками шафранного цвета, висело два-три печатных объявления о девонширском * сидре и данцингском * пиве, а большая черная доска, возвещая белыми буквами просвещенной публике о пятистах тысячах бочек двойного стаута *, находящихся в погребах заведения, поселяла в уме довольно приятные сомнения и неуверенность относительно точного направления, в каком тянется в недрах земли эта гигантская пещера. Если мы добавим, что пострадавшая от непогоды вывеска хранила полустертое подобие сороки, пристально созерцающей кривую полосу коричневой краски, которую соседи научились с детства считать „пнем“, — мы скажем все, что следует сказать о внешнем виде здания.

Когда м-р Пиквик подошел к стойке кабатчика, из-за перегородки появилась пожилая особа женского пола.

— М-р Лаутен здесь, сударыня? — осведомился у нее м-р Пиквик.

— Здесь, сэр, — ответила хозяйка. — Эй, Чарли, проводите джентльмена к м-ру Лаутену.

— Джентльмен не может войти туда сейчас, — сказал неуклюжий слуга с рыжими волосами, — потому что м-р Лаутен исполняет комические куплеты, и он ему помешает. Он скоро кончит, сэр.

Рыжеволосый слуга едва успел договорить, как дружные удары по столу и звон стаканов возвестили, что песня была допета, и м-р Пиквик, посоветовав Саму утешаться в буфете, сам отправился вслед за слугой.

Когда было доложено о „джентльмене, который хочет говорить с вами, сэр“, молодой человек с одутловатым лицом, занимавший председательское место во главе стола, посмотрел не без удивления в ту сторону, откуда раздался голос, и удивление, казалось, отнюдь не рассеялось, когда его взгляд упал на человека, которого он видел впервые.

— Прошу прощения, сэр, — сказал м-р Пиквик, — а также очень сожалею, что помешал остальным джентльменам, но я пришел по весьма важному делу, и если вы разрешите мне отвлекать вас на пять минут, не покидая этой комнаты, я буду вам очень признателен.

Одутловатый молодой человек встал и, придвинув к м-ру Пиквику стул в темном углу комнаты, внимательно выслушал его скорбный рассказ.

— О, — сказал он, когда м-р Пиквик умолк, — Додсон и Фог ловко обдывают дела... превосходные дельцы, Додсон и Фог, сэр.

М-р Пиквик признал ловкость Додсона и Фога, а Лаутен продолжал:

— Перкера в городе нет и не будет до конца следующей недели, но если вы желаете поручить ему защиту ваших интересов, оставьте мне копию, и я приготовлю все, что нужно, до его возвращения.

— Для этого-то я и пришел сюда, — сказал м-р Пиквик, передавая бумагу. — Если случится что-нибудь важное, вы можете мне написать до востребования в Ипсвич.

— Отлично, — ответил клерк м-ра Перкера, а затем, видя, что м-р Пиквик с любопытством перевел взгляд на стол, он добавил: — Не хотите ли присоединиться к нам на полчаса? Сегодня здесь собралась чудесная компания. Тут старший клерк Семкина и Грина, заведующий канцелярией у Смитерса Прайса, делопроизводитель Пимкипа и Томеса — превосходно поет, и Джек Бембер, и много еще народу. Вы, кажется, приехали из деревни. Не хотите ли присоединиться к нам?

М-р Пиквик не мог устоять перед столь соблазнительной возможностью изучения человеческой природы. Он позволил увлечь себя к столу, где, будучи должным образом представлен собранию, был помещен рядом с председателем и заказал стакан своего любимого напитка.

Вопреки ожиданиям м-ра Пиквика, наступило глубокое молчание.

— Надеюсь, сэр, вас это не беспокоит? — осведомился его сосед справа, джентльмен с сигарой во рту и с мозаичными запонками в клетчатой рубашке.

— Нисколько, — ответил м-р Пиквик, — мне очень нравится, хотя я сам не курю.

— К сожалению, не могу сказать того же о себе, — вмешался другой джентльмен, сидевший напротив. — Для меня куренье — это и стол и квартира.

М-р Пиквик взглянул на говорившего и подумал, что было бы еще лучше, если бы оно служило ему также и умыванием.

Снова наступила пауза. М-р Пиквик был человеком посторонним, и, очевидно, его приход подействовал угнетающе на собрание.

— М-р Гранди сейчас порадует общество пеньем, — сказал председатель.

— Нет, не порадует, — сказал м-р Гранди.

— Почему? — спросил председатель.

— Потому что не может, — сказал м-р Гранди.

— Скажите лучше — не хочет, — возразил председатель.

— Ну, стало быть, не хочет, — отрезал м-р Гранди.

Категорический отказ м-ра Гранди доставить удовольствие собравшимся вызвал новую паузу.

— Неужели никто нас не расшевелит? — уныло спросил председатель.

— Почему вы сами не расшевелите нас, м-р председатель? — заметил в конце стола молодой человек с бакенбардами, косоглазый и с открытым воротом рубашки (грязным).

— Слушайте, слушайте! — крикнул джентльмен-курильщик с мозаичными украшениями.

— Потому что я знаю один только романс, и я его уже спел, а петь одно и то же дважды в вечер — прекрасный повод поставить круговую.

На это нечего было возразить, и молчание снова одержало верх.

— Я побывал сегодня вечером, джентльмены, начал м-р Пиквик, надеясь затронуть тему, в обсуждении которой могут участвовать все присутствующие, — я побывал сегодня вечером в одном месте, которое вам всем, несомненно, прекрасно знакомо, но где я не бывал уже несколько лет, и знаю о нем очень мало; я говорю о Грейз-Инне, джентльмены. Эти старинные Инны * — любопытные закоулки в таком огромном городе, как Лондон.

— Клянусь Юпитером, — прошептал председатель, обращаясь через стол к м-ру Пиквику, — вы затронули тему, на которую один из нас во всяком случае готов говорить без конца. Вы развяжете язык старому Джеку Бемберу. Никто не слышал, чтобы он говорил о чем-либо другом, он сам жил одиноко в них, пока не помутился у него рассудок.

Субъект, о котором говорил Лаутен, был маленький, желтый, сутулый человек, которого м-р Пиквик сначала не заметил, потому что тот имел привычку наклоняться вперед, когда молчал. Но когда старик поднял сморщенное лицо и устремил на него серые глаза, пронизательные и испытующие, м-р Пиквик удивился, как могло такое незаурядное лицо ускользнуть хотя бы на секунду от внимания. Напряженная мрачная улыбка не сходила с его лица; он сидел, опираясь подбород-

ком на длинную костлявую руку с необычайно длинными ногтями; а когда он склонил голову набок и проницательно посмотрел из-под косматых седых бровей, в его хитрой физиономии можно было уловить какое-то странное, дикое лукавство, которое производило отталкивающее впечатление.

Этот человек теперь встрепенулся и разразился неудержимым потоком слов. Но так как эта глава затянулась и так как старик был замечательной личностью, то будет более почетительно по отношению к нему и более удобно для нас представить ему говорить самому за себя в новой главе.

ГЛАВА XXI

в которой старик нападает на излюбленную тему и рассказывает повесть о странном кменте

— Так! — сказал старик, кратким описанием манер и внешности которого заканчивается предыдущая глава. — Кто говорит об Иннах?

— Я, сэр, — ответил м-р Пиквик. — Я упомянул о том, как своеобразны эти старые дома.

— Вы! — презрительно воскликнул старик. — Что знаете вы о том времени, когда молодые люди запирались в этих уединенных комнатах и читали, читали, час за часом и ночь за ночью, пока рассудок их не мутился от полуночных занятий, пока духовные силы не истощались, пока утренний свет не отказывал им в бодрости и здоровья, и они погибали, неразумно посвятив молодую энергию своим сухим старым книгам? Обратимся к более позднему времени и к совсем иной эпохе: что знаете вы о медленном умирании от чахотки или быстром угасании от первого расстройств — потрясающие результаты „жизни“ и разгула, — которому подвергались обитатели этих самых комнат? Как вы думаете, сколько людей, тщетно

моливших о милосердии, уходили с разбитым сердцем из адвокатских контор, чтобы найти успокоение в Темзе или пристанище в тюрьме? О, это не простые дома! Нет доски в этих старых, обитых панелями стенах, которая, будь она наделена даром речи и памятью, не могла бы рассказать своей ужасной повести — романтика жизни, сэр, романтика жизни! Быть может, теперь они и производят впечатление заурядных домов, но я вам говорю, что это странные старые дома, и я бы предпочел прослушать много легенд с устрашающими названиями, чем подлинную историю одной из этих квартир.

Было что-то столь странное в неожиданной вспышке старика и в теме, вызвавшей эту вспышку, что у м-ра Пиквика не нашлось готового ответа, а старик, подавив волнение и вновь обретя хитрую усмешку, которая исчезла было во время его возбужденной речи, сказал:

— Посмотрите на них в другом аспекте, более обыденном и отнюдь не романтическом. Какие это удивительные места медленных пыток! Подумайте о бедняке, растратившем все, что у него было, дошедшем до нищеты, обобравшем друзей, чтобы заняться профессией, которая не даст ему куска хлеба. Ожидание... надежда... разочарование... страх... горе... бедность... разбитые надежды и конец карьеры... быть может, самоубийство или нищенское пьянство. Разве я говорю неправду? — И старик потер руки и усмехнулся, словно радуясь, что ему удалось по-новому осветить излюбленную тему.

М-р Пиквик с великим любопытством разглядывал старика, а остальные улыбались и посматривали молча.

— Толкуют о немецких университетах, — продолжал маленький старик. — Вздор! У нас здесь романтики достаточно, даже на полмили незачем отходить, только об этом никогда не думают.

— Об этой романтике я действительно никогда еще не думал, — смеясь сказал м-р Пиквик.

— Конечно, не думали, — отозвался маленький старик, — конечно. Как говорил мне один мой друг: „В сущности, что особенного в этих помещениях?“ — „Странные, старые дома“, отвечал я. „Нисколько“, говорил он. „Уединенные“, продолжал я. „Ничуть не бывало“, говорил он. Как-то утром он умер

от апоплектического удара, когда собирался открыть свою выходную дверь. Он упал головой на свой собственный ящик для писем и так пролежал восемнадцать месяцев. Все думали, что он уехал из города.

— А как же его в конце концов нашли? — полубобытствовал м-р Пиквик.

— Бенчеры * решили взломать дверь, потому что он два года не платил за квартиру. Так и сделали. Взломали замок, и покрытый пылью скелет в синем фраке, черных коротких штанах и шелковых чулках упал в объятия швейцара, который открывал дверь. Странно. Пожалуй, довольно странно, а? — Старичок еще ниже склонил голову к плечу и с невыразимым удовольствием потер руки.

— Я знаю другой случай, — сказал старичок, когда хихиканье его постепенно стихло. — Это произошло в Клифордс-Инне *. Жилец верхнего этажа — человек дурной репутации — заперся в стенном шкафу в своей спальне и принял мышьяку. Управляющий подумал, что тот сбежал, отпер его дверь и вывесил объявление. Явился другой человек, нанял квартиру, меблировал и переехал туда. Почему-то он не мог спать — ему было тревожно и неудобно. „Странно, — сказал он. — Устрою спальню в другой комнате, а здесь будет моя гостиная“. Он произвел эту перемену и очень хорошо спал ночью, но вдруг обнаружил, что почему-то не может читать по вечерам: он начал нервничать, беспокоиться, все время снимал нагар со свечей и осматривался по сторонам. „Не могу этого понять“, сказал он, когда вернулся как-то вечером из театра ипил холодный трог, прислонившись спиной к стене, чтобы не могло ему почудиться, будто кто-то у него за спиной. „Не могу этого понять“, сказал он, и как раз в эту секунду его взгляд упал на маленький стенной шкаф, который всегда был заперт, и дрожь пробежала по всему его телу с головы до пят. „Это странное чувство я испытывал раньше, — сказал он, — я невольно думаю о том, что с этим шкафом связано что-то неладное“. Он сделал над собой усилие, собрался с духом, сбил замок двумя ударами кочерги, открыл дверцу и... да, сомнений быть не могло: выпрямившись во весь рост, в углу

стоял последний жилец, крепко сжимая в руке маленькую бутылочку, а лицо его... ну, ладно!..

Закончив рассказ, маленький старик с мрачной, торжествующей улыбкой обвел глазами внимательные лица своей изумленной аудитории.

— Какие странные вещи вы рассказываете, сэр, — заметил м-р Пиквик, пристально разглядывая через очки физиономию старика.

— Странные! — повторил маленький старик. — Нисколько! Вам они кажутся странными, потому что вы ничего об этом не знаете. Они забавны, но заурядны.

— Забавны! — невольно воскликнул м-р Пиквик.

— Да, забавны, не правда ли? — с дьявольской усмешкой отозвался маленький старик, а затем, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Я знал другого человека — позвольте... сорок лет прошло с тех пор, — который нанял старую, сырую, скверную квартиру в одном из самых старинных Иппов, которая много лет стояла запертой и пустовала. Пожилые женщины рассказывали множество историй об этой квартире, и ее, конечно, не назовешь веселой, но он был беден, а комнаты дешевы, и для него это было бы достаточным основанием, будь они в десять раз хуже. Ему пришлось купить кое-какую ветхую мебель, находившуюся в квартире, и, между прочим, огромный, громоздкий деревянный шкаф для бумаг, с большими стеклянными дверцами и зеленой занавеской внутри; совершенно бесполезная для него вещь, ибо у него не было никаких бумаг, а что касается костюмов, то он их носил, и больше никаких забот они не требовали. Итак, он перевез всю свою мебель — не набралось полной подводы — и расставил ее так, чтобы казалось, будто здесь не четыре стула, а дюжина. Вечером он сидел у камина и осушал первый стакан уиски* из тех двух галлонов, которые взял в кредит, и размышлял о том, будет ли когда-нибудь все это оплачено, и если будет, то через сколько лет, как вдруг глаза его остановились на стеклянных дверцах деревянного шкафа. „А, — сказал он, — не будь я вынужден купить эту безобразную штуку по расценке старого мак-

лера, я мог бы приобрести что-нибудь хорошее за те же деньги. Я вам вот что скажу, старина, — продолжал он громко, обращаясь к шкафу, ибо больше ему не к кому было обратиться, — если бы стоило труда разбить ваш старый остов, я бы в один момент бросил вас в камин“. Едва произнес он эти слова, как из шкафа вырвался, казалось, какой-то звук, напоминающий слабый стон. Сначала он испугался, но, решив после минутных размышлений, что, должно быть, это какой-нибудь молодой человек в соседней комнате, который обедал не дома, он положил ноги на каминную решетку и поднял кочергу, чтобы размешать угли. В эту секунду звук повторился, и за стеклянной дверцей, медленно приоткрывавшейся, обнаружился бледный и истощенный человек в запачканном и поношенном костюме, стоявший выпрямившись в шкафу. Человек был высокий и худой, на физиономии его отражались озабоченность и тревога; в оттенке кожи и во всей изможденной и странной фигуре было что-то такое, чего никогда не бывало у обитателей этого мира. „Кто вы такой? — спросил новый жилец, сильно побледнев, но тем не менее взвешивая в руке кочергу и целясь прямо в физиономию джентльмену. — Кто вы такой?“ — „Не бросайте в меня этой кочерги, — отозвался тот. — Если вы ее швырнете, даже приделавшись метко, она свободно пройдет сквозь меня, и вся сила удара обрушится на дерево за мною. Я — дух“. — „А скажите, пожалуйста, что вам здесь нужно?“ — пролепетал жилец. „В этой комнате, — отвечало привидение, — свершилась моя земная гибель, здесь я и мои дети — мы нищенствовали. В этом шкафу хранились скопившиеся в течение многих лет бумаги по одному длинному-длинному судебному процессу. В этой комнате, когда я умер от горя и отчаяния, два коварных хищника поделили богатства, за которые я боролся на протяжении всей своей жалкой жизни, и ни одного фартинга не досталось моему несчастному потомству. Я их запугал и прогнал отсюда, и с тех пор скитался по ночам, — только по ночам я могу возвращаться на землю — в тех местах, где так долго бедствовал. Это помещение — мое, оставьте его мне“. — „Если вы так твердо решили явиться сюда, — сказал жилец, который успел прийти в

себя во время этой невеселой речи призрака, — я с величайшим удовольствием откажусь от своих прав, но мне бы хотелось задать вам один вопрос, если вы позволите“. — „Задавайте“, сурово отозвалось привидение. „Видите ли, — сказал жилец, — я не отношу этого замечания к вам лично, ибо оно в равной мере относится к большинству призраций, о которых я когда-либо слышал, но я считаю несколько нелепым, что теперь, когда у вас есть возможность гостить чудеснейшие уголки земного шара — ибо, я полагаю, пространство для вас ничто, — вы непременно возвращаетесь как раз в те самые места, где были особенно несчастливы“. — „Ей-богу, это совершенно верно, я никогда об этом не думал“, сказал призрак. „Видите ли, сэр, — продолжал жилец, — это очень неудобная комната. Судя по внешнему виду этого шкафа, я склонен предположить, что в нем водятся клопы, и, право же, я думаю, что вы могли бы найти гораздо более комфортабельное помещение, не говоря уже о лондонском климате, который чрезвычайно неприятен“. — „Вы совершенно правы, сэр, — вежливо сказал призрак, — раньше мне это никогда не приходило в голову, я непременно испробую перемену климата“. И действительно, он пока не улетел в то время, как говорил; ноги его совсем как скоро затонули, сэр, — крикнул ему вдогонку жилец, — биты, освещать лампы и наемкните другим леди и джентльменам от тюремного заключения. В то время обитают в старых пус-личении было ска-ogli бы устроиться гораздо комфорта-надеясь на освобождение в другом месте, вы окажете великое кость в ее чистом виде. Я это сделаю, — ответил призрак, — лось достаточно, чтобы в деле тупы, очень тупы. Не пони-обливается кровью. акими дураками“. С этими словами „Двадцать лет назад замечательно, — добавил старик, женщины и ребенка, кот-нув сидевших за столом, — с тех наступление утра, появля-ночи, проведенной в трево-гда, — сказал человек с мозаич-приходили они на целый вую сигару. тогда молодая мать, покоря презрительным видом восклик-мосту и, взяв его на руки, и он, обращаясь к Лаутену, — о ненормальном клиенте, ко-

торый был у нас, когда я служил у атерни *, тоже выдуман... Я бы не удивился.

— Об этом я ничего не рискну сказать, потому что я никогда не слышал этого рассказа, — заметил владелец мозаичных украшений.

— Мне бы хотелось, чтобы вы его рассказали, сэр, — промолвил м-р Пиквик.

— Ах, расскажите, — добавил Лаутен, — никто его не слышал, кроме меня, а я его почти забыл.

Старик окинул взглядом слушателей и усмехнулся еще отвратительнее, чем раньше, как бы торжествуя при виде того внимания, какое отразилось на всех лицах. Затем, потирая рукой подбородок и созерцая потолок словно для того, чтобы освежить воспоминания, он начал следующий рассказ:

РАССКАЗ СТАРИКА О ПЕНО^е МАЛЬНОМ КЛИЕНТЕ

„Для вас не имеет значения, — начал старик, — где или когда я узнал эту краткую историю. Если бы я стал излагать ее в том порядке, в каком она до меня дошла, я должен был бы начать с середины и, рассказав до конца, вернуться, — отчасти. Достаточно сказать, что кое-какие содеявшиеся метко, на моих глазах. Что же касается остальной части удара обрушится, что они действительно случились, и скажите, пожалуйста, что помнит их слишком хорошо.

д. „В этой комнате, — ответил „На Хай-стрит в Баро, близ церкви, земная гибель, здесь я и по той же стороне находится, этом шкафу хранились скопленная самая маленькая из наших долгов бумаги по одному длинному. Хотя в наше время она резко отличалась от этой комнаты, когда я умер некогда была, но и в усовершенствованных хищника поделили богатства мало соблазна для людей раа протяжении всей своей жалкой для непредусмотрительных. Осула не досталось моему несчастному в Ньюгете * таким же хорошим и прогнал отсюда, и с тех пор воздухе, как и несостоятельный о по ночам я могу возвращаться где так долго бедствовал. Это по-

лучше. Но так было в прош. го мне“. — „Если вы так твердо уверены, что этой не существует. (Прим. ав. зал жилец, который успел притти в

„Моя ли это фантазия, или я не могу отделить это место от старых воспоминаний, с ним связанных, но эту часть Лондона я не могу выносить. Улица широкая, магазины просторные, шум проезжающих экипажей, шаги людей, движущихся непрерывным потоком, — все звуки оживленного уличного движения слышны здесь с утра до полуночи. Но прилегающие улицы грязны и узки; бедность и разврат гноятся в густо населенных переулках; нужда и несчастье загнаны в тесную тюрьму; кажется, по крайней мере мне, будто облако печали и уныния нависло над этим местом и придает ему убогий и нездоровый оттенок.

„Многие из тех, чьи глаза давно уже сомкнулись в могиле, взирали на эту картину довольно легкомысленно, когда в первый раз входили в ворота старой тюрьмы Маршелси: ибо отчаяние редко сопутствует первому жестокому удару судьбы. Человек питает доверие к друзьям, еще не испытанным, он помнит многочисленные предложения услуг, столь щедро рассыпавшиеся его веселыми приятелями, когда он в этих услугах не нуждался, у него есть надежда, вызванная счастливым неведением, и как бы ни согнулся он от первого удара, она вспыхивает в его груди и расцветает на короткое время, пока не увянет под тяжестью разочарования и пренебрежения. Как скоро начинали эти самые глаза, глубоко ушедшие в орбиты, освещать лица, изможденные от голода и пожелтевшие от тюремного заключения, в те дни, когда отнюдь не преувеличением было сказать, что должники гнили в тюрьме, не надеясь на освобождение и не видя впереди свободы! Жестокость в ее чистом виде больше не существует, но ее осталось достаточно, чтобы порождать события, от которых сердце обливается кровью.

„Двадцать лет назад этот тротуар был истоптан ногами женщины и ребенка, которые день за днем, неизменно, как наступление утра, появлялись у ворот тюрьмы; часто, после ночи, проведенной в тревожном унынии и беспокойных мыслях, приходили они на целый час раньше положенного времени, и тогда молодая мать, покорно уходя, вела ребенка к старому мосту и, взяв его на руки, чтобы показать сверкающую воду,

окрашенную светом утреннего солнца и оживленную теми суетливыми приготовлениями к работе, какие начинались на реке в этот ранний час, старалась занять его мысли находившимися перед ним предметами. Но скоро она опускала его на землю и, закрыв лицо платком, давала волю слезам, которые слепили ей глаза: ни любопытства, ни радости не отражалось на худом и болезненном личике ребенка. Его воспоминания были довольно скудны, но все одного порядка: все связанные с бедностью и горем его родителей. Часами просиживал он у матери на коленях и с детским участием следил, как слезы скатываются по ее лицу, а потом забивался тихо в какой-нибудь темный угол, сам плакал и засыпал в слезах. Суровая реальность жизни со многими ее наихудшими лишениями — голодом и жаждой, холодом и нуждой — открылась ему вместе с первыми проблесками разума; и хотя на вид он оставался ребенком, но у него не было детской беспечности, веселого смеха, и глаза его не сверкали.

„Отец и мать смотрели на него и друг на друга, не смея выразить словами мучительной мысли. Здоровый, сильный человек, который мог вынести чуть ли не любые тяготы, связанные с физическим трудом, хирел в заключении и нездоровой атмосфере тюрьмы, переполненной людьми. Слабая и хрупкая женщина чахла под двойным бременем телесных и душевных страданий. Юное сердце ребенка надрывалось.

„Пришла зима, и с нею — неделя холодных проливных дождей. Бедная женщина переселилась в жалкую комнату неподалеку от места заключения мужа, и хотя к этой перемене привела нищета, женщина была теперь счастлива, потому что находилась ближе к нему. В течение двух месяцев она и ее маленький спутник явились, по обыкновению, к открытию ворот. Однажды она не пришла — в первый раз. Настал следующий день, и она пришла одна. Ребенок умер.

„Мало знают те, кто хладнокровно говорит о тяжелых потерях бедняка как о счастливом освобождении от мук для умершего и благотельном избавлении от расходов для оставшихся в живых, — повторяю, мало знают они о том, сколь мучительны такие потери. Безмолвный взгляд, гово-

рящий о любви и заботе, когда все остальные холодно отворачиваются, сознание, что мы владеем сочувствием и любовью одного существа, когда все остальные нас покинули, являются стержнем, опорой, утешением в глубочайшей скорби, которых не оплатят никакие сокровища и не подарит никакая власть. Ребенок просиживал часами у ног родителей, обратив к ним худое бледное лицо и терпеливо сложив свои маленькие руки. Они видели, как он таял с каждым днем, и хотя его недолгая жизнь была жизнью безрадостной, и теперь он обрел тот мир и покой, которых он, ребенок, никогда не ведал на земле, — они были его родителями, и его смерть глубоко ранила их души.

„Тем, кто видел изменившееся лицо матери, было ясно, что смерть скоро должна положить конец ее скорби и испытаниям. Тюремные товарищи мужа не пожелали докучать ему в его страданиях и горе и предоставили ему одному маленькую комнату, которую он раньше занимал вместе с двумя заключенными. Женщина поселилась здесь с ним, и, влача жизнь без боли, но и без надежды, медленно угасала.

„Однажды вечером она потеряла сознание в объятиях мужа, а он перенес ее к открытому окну, чтобы воздух ее оживил, и тогда лунный свет, падавший прямо ей в лицо, открыл ему происшедшую в ней перемену, и, словно беспомощный ребенок, он зашатался под тяжестью своей ноши.

„— Помогите мне сесть, Джордж, — слабым голосом сказала она.

„Он повиновался, сел рядом с нею, закрыл лицо руками и заплакал.

„— Очень тяжело покидать вас, Джордж, — сказала она, — но такова воля божия, и вы должны это вынести ради меня. О, как я ему благодарна за то, что он взял нашего мальчика! Он счастлив, теперь он на небе. Что делал бы он здесь без матери!

„— Вы не умрете, Мери, не умрете! — вскакивая с места, воскликнул муж. Он быстро запагал по комнате, колотя кулаками по голове, потом, снова сел рядом с ней и, поддерживая ее в своих объятиях, добавил более спокойно: — Обод-

ритесь, моя дорогая. Прошу, прошу вас. Вы еще вернетесь к жизни.

„— Никогда, Джордж, никогда, — сказала умирающая. — Пусть только меня положат рядом с моим бедным мальчиком, но обещайте мне, что если вы когда-нибудь покинете это ужасное место и разбогатеете, вы перенесете нас далеко-далеко, очень далеко отсюда, на какое-нибудь тихое деревенское кладбище, где мы можем покониться в мире. Дорогой Джордж, обещайте мне это.

„— Обещаю, обещаю, — сказал муж, в отчаянии бросаясь перед ней на колени. — Говорите со мной, Мери, еще хоть слово. Один взгляд, один только взгляд!

„Он умолк, ибо рука, обвинявшая его шею, отяжелела. Глубокий вздох вырвался из обессиленного тела, губы зашевелились, и лицо озарилось улыбкою; но губы были бледны, и улыбка застыла, напряженная и страшная. Он был один на свете.

„Ночью, в молчании и уединении своей жалкой камеры, несчастный муж опустился на колени перед трупом жены и призвал бога в свидетели страшной клятвы: начиная с этого часа он посвящал себя мщению за ее смерть и смерть своего ребенка, начиная с этого часа и до последнего мгновенья жизни все силы его будут направлены к достижению этой единственной цели, его мщение будет длительным и ужасным, его ненависть будет неумирающей и неугасимой и будет гнаться за своей жертвой по всей земле.

„Глубокое отчаяние и страсть, вряд ли человеческая, произвели такие ужасные изменения в его лице и фигуре, что его товарищи по несчастью в страхе отшатнулись от него, когда он проходил мимо. Глаза налились кровью, лицо было мертвенно бледно, спина сгорблена, словно от старости. В жестокой душевной муке он чуть не насквозь прокусил нижнюю губу, и кровь, хлынувшая из раны, стекла по подбородку и запятнала рубашку и галстук. Ни одной слезы, ни одной жалобы он не проронил; но блуждающий взгляд и суетливая торопливость, с какою он шагал взад и вперед по двору, указывали на жар, его сжигавший.

„Тело его жены было приказано унести немедленно из тюрьмы. Он принял это известие с полным спокойствием и признал его целесообразность. Почти все обитатели тюрьмы собрались, чтобы присутствовать при выносе, они расступились, когда появился вдовец; он поспешно прошел вперед и остановился, один, на маленькой огороженной площадке у ворот, откуда отступила толпа, руководимая инстинктивным чувством деликатности. Простой гроб медленно пронесли на плечах. Толпой владело мертвое молчание, нарушаемое только сетованиями женщин и шарканьем о каменную мостовую ног носильщиков. Они достигли того места, где стоял осиротевший муж, и остановились. Он положил руку на гроб и, автоматически поправив пелену, покрывавшую его, дал знак идти дальше. Тюремные сторожа сняли шапки, когда гроб поровнялся с ними, и через секунду тяжелые ворота закрылись за ним. Муж рассеянно взглянул на толпу и тяжело упал на землю.

„Хотя на протяжении многих последующих недель он днем и ночью бился в жесточайшей горячке и в бреду, но сознание понесенной утраты и воспоминание о данной клятве не покидали его ни на один момент. Сцены скользили перед его глазами, одно место сменялось другим, и события следовали за событиями со всей быстротою горячного бреда; но все они были так или иначе связаны с его единой великой целью. Он плыл по беспредельному морю; над ним кроваво-красное небо; сердитые волны, вздымаясь в бешенстве, вскипают и надвигаются с обеих сторон. Впереди второе судно, с трудом продвигавшееся в ревущем шторме, его рваные паруса развеваются, как ленты, на мачтах, а на палубе теснятся люди, привязанные к поручням, через которые перекатываются каждое мгновение гигантские волны, унося обреченных в пенящееся море. Заднее судно несло среди ревущих валов, с быстротой и силой, которым ничто не могло противостоять, и, врезавшись в корму переднего судна, разбило его своим килем. Из чудовищной воронки, образовавшейся на месте затонувшего судна, вырвался вопль, такой громкий и пронзительный — предсмертные крики тонущих, слившиеся в

неистовый вой, — что заглушил боевой клич стихии и прокатился долгим эхом, которое, казалось, прорезало воздух, небо и океан. Но что это там — эта старая седая голова, которая показалась над водой и, бросая отчаянные взгляды и взывая о помощи, борется с волнами? Один взгляд — и он прыгнул за борт судна и, сильными взмахами рук рассекая воду, плывет к ней. Он приближается к ней, настигает ее. Это — лицо того человека. Старик заметил его приближение и тщетно пытается от него ускользнуть. Но он крепко схватил его и повлек ко дну. Вниз, вниз вместе с ним, на глубину трехсот футов; борьба — слабее, слабее и наконец прекращается. Старик мертв, — он убил его и сдержал свою клятву.

„Босой и одинокий, идет он по раскаленным пескам необъятной пустыни. Песок душит его и слепит глаза, мелкие песчинки проникают в самые поры кожи и доводят его почти до безумия. Гигантские массы песку, гонимые ветром и насквозь пронизанные лучами палящего солнца, вздымаются вдали, подобно огненным колоннам. Кости людей, погибших в ужасной пустыне, валяются у его ног, зловещий свет озаряет все вокруг; сколько хватает глаз, все внушает ужас и страх. Он тщетно пытается вскрикнуть в отчаянии, но язык прилип к гортани, и вне себя он бросается вперед. Наделенный сверхъестественной силой, он бредет по песку, пока не падает без чувств на землю, измученный усталостью и жаждой. Какая ароматическая свежесть оживила его, что это за журчание? Вода! Да, это источник, и чистый, прохладный ручей струится у его ног. Он пьет с жадностью, его ноющее тело отдыхает на берегу, и он погружается в блаженное забытие. Приближающиеся шаги заставляют его очнуться. Седой старик, шатаясь, шел утолить невыносимую жажду. Опять это был он! Он обвил руками тело старика и не пускает его. Тот борется и пронзительно кричит, умоляя дать воды, одну каплю воды, для спасения жизни! Но он крепко держит старика и жадно следит за его агонией, и когда голова того безжизненно поникла на грудь, он ногами отталкивает от себя труп.

„Когда горячка прошла, и сознание вернулось к нему, он узнал, что богат и свободен, узнал, что отец, который мог обречь его на смерть в тюрьме, — мог! — который обрек тех, кто был его сыну дороже жизни, на смерть от нищеты и той болезни сердца, какую не врачует ни одно лекарство, — отец был найден мертвым на своих пуховиках. У него хватило бы духу оставить сына нищим, но он был так горд своим здоровьем и силой, что откладывал завешание, а теперь было слишком поздно, и в ином мире он мог скрежетать зубами, думая о богатстве, которое по его оплошности досталось сыну.

„Он очнулся, чтобы узнать это, но он очнулся и для большего: вспомнил цель, ради которой он жил, вспомнил, что его врагом был родной отец его жены — человек, бросивший его в тюрьму и прогнавший от своей двери дочь с ребенком, когда они у него молили о милосердии. О, как проклинал он слабость, которая препятствовала ему встать и действительно проводить план мщения!

„Он распорядился, чтобы его унесли из того места, которое было свидетелем его утраты и скорби, и перевезли в тихий уголок на морском берегу; он не надеялся обрести душевный мир или счастье, ибо и то и другое улетело на веки, он хотел восстановить утраченные силы и обдумать лелеемый им план. И вот здесь какой-то злой дух предоставил ему случай для осуществления его первой и самой страшной мести.

„Было лето; погруженный в свои мрачные мысли, он выходил в ранний вечерний час из своего уединенного жилища, пробирался узкой тропинкой под утесами к дикому и пустынному месту, которое понравилось ему во время его бесцельных прогулок, садился на какой-нибудь сорвавшийся обломок скалы и, закрыв руками лицо, просиживал здесь часами, пока не спускалась ночь, и длинные тени утесов над его головой не окутывали густым черным мраком все окружающее.

„Как-то, в тихий вечер он сидел здесь в обычной своей позе, изредка поднимая голову, чтобы проследить полет чай-

ки или бросить взгляд на великолепную алую тропу, которая, начинаясь на поверхности океана, уводила, казалось, к самому горизонту, где закатывалось солнце, как вдруг глубокую тишину нарушил громкий крик о помощи; он прислушался, не обманул ли его слух, но крик повторился с большей силой, и, вскочив, он поспешил в ту сторону, откуда неслись звуки.

„С одного взгляда все было ясно: на берегу лежало разбросанное платье, на небольшом расстоянии от берега над волнами едва виднелась голова человека, вдоль берега метался какой-то старик, в отчаянии ломая руки и вызывая о помощи. Большой, чье здоровье уже было в значительной мере восстановлено, сбросил платье и ринулся к морю, собираясь броситься в воду и вытащить утопающего человека на берег.“

„— Поспешите, сэр, ради господа бога, помогите, помогите, сэр, во имя неба! Это мой сын, сэр, мой единственный сын!— воскликнул вне себя старик, бросаясь ему навстречу. — Мой единственный сын, сэр, и он гибнет на глазах отца.“

„При первом же слове старика незнакомец остановился и, скрестив руки, застыл в неподвижности.“

„— О боже!— закричал старик, отступая.— Хейлинг! „Незнакомец улыбнулся и молчал.“

„— Хейлинг,— взволнованно заговорил старик, — Хейлинг, смотрите, смотрите, мой дорогой мальчик!— Задыхавшись, несчастный отец указал на то место, где молодой человек вел борьбу со смертью.“

„— Слушайте!— сказал старик. — Он опять вскрикнул. Он еще жив. Хейлинг, спасите его, спасите!“

„Незнакомец снова улыбнулся и стоял неподвижный, как статуя.“

„— Я причинил вам зло,— кричал старик, падая на колени и ломая руки, — отомстите мне, возьмите у меня все, возьмите мою жизнь, бросьте меня в воду у ваших ног, и, если человеческая природа может отказаться от борьбы, я умру, не пошевелив ни рукой, ни ногой! Сделайте это, Хейлинг,“

сделайте это, но спасите моего мальчика, он так молод, Хейлинг, слишком молод, и должен умереть!

— Слушайте, — сказала Хейлинг, злобно схватив старика за руку, — мне нужна жизнь за жизнь, и вот одна. Мой ребенок умер на глазах своего отца, и его смерть была гораздо тяжелее и мучительнее той, какую встретит сейчас, пока я говорю, этот юноша, порочивший честь своей сестры. Вы смеялись — смеялись в лицо своей дочери, когда смерть уже простерла над нею свою руку, тогда вы смеялись над нашими страданиями. Что вы о них думаете теперь? Смотрите туда, смотрите!

„С этими словами незнакомец указал на море. Слабый крик замер над водой; последняя отчаянная борьба умирающего взволновала зыбь волны на несколько секунд; и места, где он опустился в свою безвременную могилу, нельзя было отыскать на поверхности воды.

* * *

„Спустя три года какой-то джентльмен вышел из собственного экипажа у двери лондонского атерни, который в те времена пользовался репутацией человека не слишком шепетильного в своей профессиональной практике, и потребовал свиданья по важному делу. Хотя джентльмен был, по видимому, еще не стар, но лицо у него было бледное, изможденное и мрачное, и не требовалось острой наблюдательности дельца, чтобы заметить с первого же взгляда, что болезнь или страдание изменили его внешность сильнее, чем могла бы изменить рука времени за период, вдвое превышавший его жизнь.

— Я хочу поручить вам ведение дела, — сказал незнакомец.

„Атерни раболепно поклонился и взглянул на большой сверток, который был в руке джентльмена. Посетитель застил этот взгляд и продолжал:

В „Дело это необычное, и эти бумаги очутились у меня в руках ценою многих хлопот и больших издержек.

„Атерни бросил еще более любопытный взгляд на сверток, а посетитель, развязав веревку, показал ему пачку долговых обязательств с копиями разных документов и другие бумаги.

„— На этих бумагах, — сказал клиент, — человек, чье имя здесь значится, нажил, как вы увидите, много денег на протяжении нескольких лет. Существовало молчаливое соглашение между ним и теми, в чьи руки первоначально попали эти бумаги, и у кого я постепенно их скупил, уплатив втрое и вчетверо больше номинальной стоимости, — существовало соглашение, сводившееся к тому, что обязательства эти будут время от времени возобновляться в течение определенного срока. Это соглашение нигде не занесено на бумагу. За последнее время должник понес большие потери, и необходимость уплатить сразу по всем обязательствам явится для него сокрушающим ударом.

„— Общая сумма равняется многим тысячам фунтов, — заметил атерни, просматривая бумаги.

„— Да, — подтвердил клиент.

„— Что же мы предпримем? — осведомился делец.

„— Что предпримем? — неожиданно воспламеняясь, воскликнул клиент. — Приведем в движение все колеса закона, прибегнем ко всем уловкам, какие изобретательность может придумать, а подлость — осуществить, к средствам честным и бесчестным, открытому нажиму закона, подкрепленному всеми ухищрениями самых хитроумных его исполнителей. Я хочу, чтобы его смерть сопровождалась страшной и длительной агонией. Разорите его, захватите и продайте все его движимое и недвижимое имущество, выгоните его из дома и родного гнезда, заставьте нищенствовать на старости лет и умереть в тюрьме!

„— Но издержки, мой дорогой сэр, связанные с этим издержки! — заметил атерни, оправившись от изумления. — Если ответчик окажется нищим, кто оплатит издержки, сэр?

„— Назовите любую сумму, — ответил незнакомец — рука него так сильно дрожала от волнения, что он едва удержать перо, которое схватил, — любую сумму, и вы

получите. Не бойтесь назвать ее. Мне она не покажется чрезмерной, если вы достигнете цели.

„Атерни назвал паугад большую сумму, — аванс, необходимый для того, чтобы обеспечить себя на случай проигрыша дела, но скорее с целью удостовериться, далеко ли думает зайти его клиент, чем в надежде на то, что он удовлетворит требование. Незнакомец выписал на своего банкира чек на всю сумму и удалился.

„Чек был оплачен, и атерни, убедившись, что на его странного клиента можно вполне положиться, принялся за дело всерьез. В течение следующих двух лет Хейлинг целыми днями просиживал в конторе, изучая бумаги по мере того как они накапливались и, с глазами, сверкающими от радости, перечитывая снова и снова письма с протестами, просьбы о небольшой отсрочке, указания на неизбежное разорение, грозившее противной стороне, которые притекали потоком, когда начиналась тяжба за тяжбой и процесс за процессом. На все просьбы о ничтожном снисхождении ответ был один: деньги должны быть уплачены. Земля, дом, мебель — все по очереди было отобрано по многочисленным исполнительным листам, и самого старика заключили бы в тюрьму, не ускользнул он от бдительности исполнителей и не обратиться в бегство.

„Неумолимая враждебность Хейлинга, отнюдь не утоленная успехом преследования, усилилась в сто крат после вызванного им разорения. Когда ему сообщили о бегстве старика, ярость его была безгранична. Он в бешенстве скрежетал зубами, рвал волосы на голове и осыпал страшными проклятиями людей, которым было поручено произвести арест. Его удалось сравнительно успокоить только повторными уверениями, что беглец несомненно будет найден. Агенты были разосланы на поиски во всех направлениях, прибегли ко всем уловкам, какие только можно было изобрести с целью обнаружить его убежище; но все было тщетно. Прошло полгода, а его все еще не нашли.

Однажды, поздним вечером, Хейлинг, которого нигде не видно было в течение многих недель, явился на квартиру

своего атерни и приказал доложить, что джентльмен желает видеть его немедленно. Не успел атерни, который с верхней площадки лестницы узнал его голос, распорядиться, чтобы его выпустили, как он уже взбежал по лестнице и вошел в приемную, бледный и задыхающийся. Закрыв дверь, чтобы их не подслушали, он опустился на стул и сказал, понизив голос:

„— Тише! Наконец-то я его нашел.

„— Неужели?—воскликнул атерни.—Прекрасно, дорогой сэр!

„— Он скрывается в жалкой лачуге в Кемден-тауне *, — сказал Хейлинг. — Пожалуй, это хорошо, что мы потеряли его из виду, так как все это время он жил там один, в жестокой нищете, он беден, очень беден.

„— Отлично, — сказал атерни. — Конечно, вы хотите, чтобы его арестовали завтра?

„— Да, — ответил Хейлинг. — Позвольте! Нет! Послезавтра. Вы удивляетесь, что я хочу это отложить, — добавил он с мрачной улыбкой, — но я совсем забыл. Послезавтра годовщина одного события в его жизни, пусть это совершится послезавтра.

„— Отлично, — сказал атерни. — Быть может, вы напишете указания полицейскому чиновнику?

„— Нет. Мы встретимся с ним здесь в восемь часов вечера, я отправлюсь вместе с ним.

„Они встретились в назначенный вечер и, наняв карету, приказали кучеру остановиться на том углу старой Пенкрес-род *, где находится приходский работный дом. Когда они приехали туда, было уже совсем темно; пройдя вдоль глухой стены перед Ветеринарным госпиталем, они свернули на маленькую боковую улицу, которая называется, или в то время называлась, „Литль-Коледж-стрит *”, и какой бы ни была она теперь, но в те дни являлась довольно жалкой улицей, окруженной полями и канавами.

„Надвинув на глаза дорожную шляпу и завернувшись в плащ, Хейлинг остановился перед самым жалким домом на этой улице и тихо постучал в дверь. Ее тотчас же открыла женщина, которая, узнав его, сделала реверанс. а Хейлинг,

щопотом приказав полицейскому чиновнику остаться внизу, осторожно поднялся по лестнице и, открыв дверь комнаты, выходящей на улицу, быстро вошел.

„Объект его поисков и неумолимой вражды, ныне драх-
лый старик, сидел за простым сосновым столом, на котором
стояла жалкая свеча. Он вздрогнул, когда вошел незнакомец,
и с трудом встал.

„— Что еще? — спросил он. — Новый ужас? Что вам нужно?

„— Сказать вам несколько слов, — ответил Хейлинг. С эти-
ми словами он сел на другом конце стола и, сняв плащ и
шляпу, повернулся лицом к старику.

„Старик, казалось, мгновенно лишился дара речи. Он
откинулся на спинку стула и, сжимая руки, смотрел на посе-
тителя с отвращением и страхом.

„— Сегодня, — сказал Хейлинг, — исполнилось шесть лет с
тех пор, как я потребовал у вас жизнь, которую вы мне должны
за моего ребенка. Старик, над бездыханным телом вашей дочери
я поклялся посвятить свою жизнь мести. Я не уклонился от
этого намерения ни на мгновение, но если бы уклонился, одно
воспоминание об ее покорном, страдальческом взгляде, когда
она умирала, или об изможденном лице невинного ребенка
придало бы мне сил для осуществления замысла. Мой первый
акт отмщения вы помните хорошо, сегодня — последний.

„Старик задрожал, и руки его бессильно опустились.

„— Завтра я покидаю Англию, — продолжал Хейлинг после
краткой паузы. — С сегодняшней ночи вы будете заживо по-
гребены в той самой могиле, на которую обрекал ее... в
тюрьме, без надежды покинуть...

„Он взглянул на старика и умолк. Поднес свечу к его
лицу, осторожно поставил ее на стол и вышел из комнаты.

„— Вы бы наведались к старику, — сказал он женщине и,
открыв дверь, дал знак чиновнику идти вслед за ним на
улицу. — Мне кажется, он болен.

„Женщина закрыла дверь, быстро избежала по лестнице и
пашла его бездыханным.

„Под гладкой могилой плитой, на одном из самых мирных и уединенных кладбищ Кента, где полевые цветы пе-стреют в траве и прекраснейший уголок в саду Англии обрамлен неярким пейзажем, покоятся останки молодой матери и ее кроткого ребенка. Но прах отца не смешался с их прахом, и, начиная с той ночи, атерин не мог добыть никаких сведений о дальнейшей судьбе своего ненормального клиента“.

Закончив свой рассказ, старик подошел к вешалке в углу и, сняв свою шляпу и пальто, надел их с величайшим спокойствием, и, не прибавив больше ни слова, медленно удалился. Так как джентльмен с мозаичными запонками заснул, а большая часть присутствующих увлеклась веселой забавой — пускала ему в грот капли таявшей сальной свечи, — то м-р Пиквик вышел, никем не замеченный, и, расплатившись за себя и за м-ра Уэлера, покинул вместе с сим джентльменом обитель „Сороки и Пня“.

ГЛАВА XXII

*М-р Пиквик едет в Инсуич и наталкивается на роман-
тическое приключение с леди средних лет в желтых
напильниках*

— Это и есть багаж вашего хозяина, Сэми? — осведомился м-р Уэлер у своего любящего сына, когда тот явился во двор гостиницы „Быка“ * в Уайтчепле *, с дорожным саком и небольшим чемоданом.

— Должно быть, едет в кебе? * — предположил отец. — Чал м-р Уэлер младший, складывая свою пошу на дворе и усаживаясь на нее. — Сейчас прибудет и сам хозяин.

— Должно быть, едет в кебе? * — предположил отец.

— Да, две мили опасностей по восьми пенсов за милю, — дал ответ сын. — Как поживает сегодня мачеха?

— Чудно, Сэми, чудно, — с внушительной серьезностью ответил старший м-р Уэлер. — За последнее время она вроде как в методистский * орден записалась, Сэми, и она наредкость благочестива, уж это верно. Она слишком хороша для меня, Сэми. Я чувствую, что я ее не заслуживаю.

— А, — сказал м-р Сэмюэл, — это очень самоотверженно с вашей стороны.

— Очень, — со вздохом подтвердил его родитель. — Она ухватилась за какую-то выдумку, будто взрослые люди рождаются снова, Сэми: новое * рождение, — так, кажется, это у них называется. Очень бы мне хотелось посмотреть, как эта система работает, Сэми. Очень бы мне хотелось видеть новое рождение вашей мачехи. Уж я бы ее спровадил к кормилице!

— Как вы думаете, что эти женщины устроили на-днях? — продолжал м-р Уэллер после непродолжительного молчания, в течение которого он многозначительно постукивал себя указательным пальцем по носу. — Как вы думаете, что они устроили на-днях, Сэми?

— Не знаю, — ответил Сэм. — А что?

— Собрались и устроили большое чаепитие для одного молодца, которого называют своим пастырем, — сказал м-р Уэллер. — Я стоял и глазел у нашей лавочки с картинками, вдруг вижу маленькое объявление: „Билеты — полкроны. Со всеми заявлениями обращаться в комитет. Секретарь м-с Уэллер“. А когда пришел домой, вижу — этот комитет заседает у нас в задней комнате. Четырнадцать баб. Вы бы их послушали, Сэми! Выносили резолюции, голосовали смету, и всякая такая потеха. Ну, тут ваша мачеха пристада, чтобы и я пошел, да я и сам думал, что надо идти, увижу диковинные вещи, я и записался на билет. В пятницу вечером, в шесть часов, я нарядился, и мы отправились со старухой, поднимаемся на второй этаж, там стол накрыт на тридцать человек, и целая куча баб, начинают шептаться и глазеть на меня, словно никогда не видывали довольно плотного джентльмена лет пятидесяти восьми. Сидим. Вдруг поднимается суматоха на лестнице, вбегает долговязый парень с красным носом и в белом галстуке и кричит: „Се грядет пастырь навестить свое верное стадо“, — и входит жирный молодец в черном, с широкой белой образиной, улыбается — прямо дифферблат. Ну, и пошла потеха, Сэми! „Поцелуй мира“, — говорит пастырь, и пошел целовать баб вкрутовую, а когда закончил, за дело принялся красноносый. Только я подумал, не начать ли и мне, — нужно сказать, со мной рядом сидела

очень приятная леди, — как вдруг появляется ваша мачеха с чаем — она внизу кипятила чайник. За дело принялись не на шутку. Какой оглушительный гимн, Сэми, пока заваривали чай, какая молитва перед едой, как ели и пили! А поглядели бы вы, как пастор набросился на ветчину и пышки! В жизни не видал такого мастера по части еды и питья... никогда не видал! Красноносый тоже был не из тех, кого выгодно нанять за харчи, а куда ему до пастыря! Ну, напились чаю, спели еще гимн, и пастырь начал проповедь, и очень хорошо, если вспомнить, как живот у него был набит сдобными булочками. Вдруг он приосанился да как заорет: „Где грешник? Где жалкий грешник?“ Тут все бабы воззрились на меня и давай стонать, точно вот-вот помрут. Довольно-таки странно, но я все-таки молчу. Вдруг он снова приосанивается, смотрит на меня во все глаза и говорит: „Где грешник? Где жалкий грешник?“ А все бабы опять застонали, в десять раз громче. Я тогда малость рассвирепел, шагнул вперед и говорю: „Друг мой, — говорю, — это замечание вы сделали на мой счет?“ Вместо того, чтобы извиниться, как полагается джентльмену, он начал браниться еще пуще: называл меня сосудом, Сэми, — сосудом гнева — и всякими таковыми именами. Тут кровь у меня регулярно вскипела, и сперва я влепил две-три оплеухи ему самому, потом еще две-три для передачи красноносому, и ушел. Послушали бы вы, Сэми, как визжали бабы, когда вытаскивали пастыря из-под стола... Аллю, а вот и командир, в натуральную величину!

В это время м-р Пиквик вышел из кеба и вошел во двор.

— Славное утро, сэр, — сказал м-р Уэлер старший.

— И в самом деле прекрасное, — отозвался м-р Пиквик.

— И в самом деле прекрасное, — подхватил рыжеволосый человек с пыльным носом и синими очками, который выкарабкался из другого кеба одновременно с м-ром Пиквиком. — На Ипсуич, сэр?

— Да, — ответил м-р Пиквик.

— Необычайное совпадение. Я тоже.

М-р Пиквик поклонился.

— Наружное место? — спросил рыжеволосый.

М-р Пиквик снова поклонился.

— Ах, боже мой, вот удивительно — у меня тоже наружное, — сказал рыжеволосый, — решительно мы едем вместе!

И рыжеволосый субъект внушительного вида, востроносый, обладавший манерой загадочно выражаться и птичьей привычкой вскидывать голову после каждой произнесенной фразы, улыбнулся, словно сделал одно из удивительнейших открытий, какие когда-либо выпадали на долю мудреца.

— Меня радует перспектива путешествовать в вашем обществе, сэр, — сказал м-р Пиквик.

— А, — отозвался вновь прибывший, — это очень приятно для нас обоих, не так ли? Общество, видите ли... общество — это... это совсем не то, что одиночество, не правда ли?

— Этого никак нельзя отрицать, — с приветливой улыбкой вмешался в разговор м-р Уэлер. — Это я называю истиной, не требующей доказательств, как заметил продавец собачьего корма, когда служанка сказала ему, что он не джентльмен.

— Что? — спросил рыжеволосый, высокомерно окинув взглядом м-ра Уэлера с головы до ног. — Ваш друг, сэр?

— Не совсем так, — понизив голос, ответил м-р Пиквик. — Дело в том, что это мой слуга, но я ему разрешаю многие вольности, ибо, говоря между нами, мне приятно думать, что он — оригинал, и я, пожалуй, горжусь им.

— А! — отозвался рыжеволосый. — Это, видите ли, дело вкуса. Я не любитель оригинального. Мне оно не нравится, не вижу никакой необходимости в нем. Ваше имя, сэр?

— Вот моя карточка, сэр, — ответил м-р Пиквик, которого очень позабавил этот неожиданный вопрос и странные манеры незнакомца.

— Так! — сказал рыжеволосый, пряча карточку в бумажник. — Пиквик. Очень хорошо. Я люблю знать фамилию человека, это избавляет от многих затруднений. Вот моя карточка, сэр. Магнус, изволите видеть, сэр, Магнус моя фамилия. Не плохая фамилия, не правда ли, сэр?

— Действительно, очень хорошая, — сказал м-р Пиквик, которому не удалось скрыть улыбку.

— Да, я тоже так думаю, — продолжал м-р Магнус. — И перед ней стоит хорошее имя, изволите видеть. Разрешите, сэр... если держать карточку слегка наклонно, вот так, свет упадет на верхнюю сторону. Вот — Питер Магнус. Мне кажется, звучит хорошо, сэр.

— Очень хорошо, — согласился м-р Пиквик.

— Любопытное совпадение инициалов, сэр, — продолжал м-р Магнус. — Как видите — Р. М. — *post meridiem*. В спешных записках близким приятелям я иногда подписываюсь: „Пополудни“. Это чрезвычайно забавляет моих друзей, м-р Пиквик.

— Я склонен думать, что вы имели в виду доставить им величайшее удовольствие, — заметил м-р Пиквик, позавидовав легкости, с какой можно было позабавить друзей м-ра Магнуса.

— Джентльмены, — сказал конюх, — карета подана, пожалуйте.

— Все ли мои вещи уложены? — осведомился м-р Магнус.

— Все в порядке, сэр.

— Красный сак уложен?

— Уложен, сэр.

— А полосатый?

— Под козлами, сэр.

— А пакет в оберточной бумаге?

— Под сиденьем, сэр.

— А кожаный футляр для шляп?

— Все уложено, сэр.

— Не пора ли садиться? — спросил м-р Пиквик.

— Простите, — отозвался м-р Магнус, стоя на колесе. — Простите, м-р Пиквик. Я не могу сесть, пока нахожусь в этом состоянии неуверенности. Манеры этого человека совершенно убедили меня в том, что кожаный футляр не уложен.

Торжественные уверения конюха ни к чему не привели; и кожаный футляр пришлось извлечь из самой глубины ящика под козлами, дабы убедить м-ра Магнуса в том, что футляр был надежно уложен. А когда он успокоился касательно этого пункта, у него возникло серьезное предчувствие, что красный

сак положен не туда, куда следует, полосатый украден, а пакет в оберточной бумаге „развязался“. Наконец, получив наглядное доказательство полной необоснованности всех этих подозрений, он согласился вскарабкаться на крышу кареты, заметив, что теперь, когда все его опасения рассеялись, он чувствует себя вполне довольным и счастливым.

— У вас нервы пошаливают, сэр? — осведомился м-р Уэлер старший, искоса поглядывая на незнакомца, когда тот занял свое место.

— Да, они у меня всегда немного пошаливают, вот из-за таких мелочей, — ответил незнакомец, — но сейчас все в порядке, в полном порядке.

— Ну, и слава богу, — сказал м-р Уэлер. — Сэми, помогите хозяину взобраться ко мне на козлы. Другую ногу, сэр, вот так, дайте нам руку, сэр. Пожалуйста наверх. Мальчиком вы были полегче, сэр.

— Совершенно верно, м-р Уэлер, — добродушно отозвался запыхавшийся м-р Пиквик, заняв место рядом с ним на козлах.

— Прыгайте на переднее место, Сэми, — сказал м-р Уэлер. — Ну, Вильям, выводите кощей. Берегитесь арки, джентльмены. „Ниже головы“, как говорит пирожник. Довольно, Вильям, пустите их.

И карета покатила по Уайтчеплу, к великому восторгу всех обитателей этого достаточно густо населенного квартала.

— Не очень-то красивая местность, сэр, — заметил Сэм, притронувшись в шляпе, что делал всегда, вступая в беседу с хозяином.

— Да, действительно, некрасивая, — согласился м-р Пиквик, обозревая людную и грязную улицу.

— Очень замечательное обстоятельство, сэр, — сказал Сэм, — что бедность и устрицы всегда идут как будто рука об руку.

— Я вас не понимаю, Сэм, — отозвался м-р Пиквик.

— Вот что я хочу сказать, сэр, — пояснил Сэм, — чем беднее место, тем больше спрос на устриц. Посмотрите, сэр, здесь на каждые пять-шесть домов приходится лоток с устри-

цами. Улица завалена ими. Провалиться мне на месте, но мне кажется, когда человек очень беден, он выбегает из дома и в регулярном отчаянии поедает устрицы.

— Так и есть, — подтвердил м-р Уэлер старший, — и точно-точно то же самое с маринованной лососиной!

— Это два весьма замечательных факта, над которыми я до сих пор не задумывался, — сказал м-р Пиквик. — На первой же остановке я это запишу.

К этому времени они доехали до заставы у Майль-энда*; глубокое молчание не нарушалось, пока они не проехали еще двух-трех миль, когда м-р Уэлер старший неожиданно повернулся к м-ру Пиквику и сказал:

— Чудную жизнь ведет заставщик, сэр.

— Кто? — спросил м-р Пиквик.

— Заставщик.

— Кого вы называете заставщиком? — осведомился м-р Питер Магнус.

— Старик говорит о сторожах у заставы, — заметил в виде пояснения м-р Сэмюел Уэлер.

— А! — сказал м-р Пиквик, — понимаю! Да, очень странная жизнь... Очень беспокойная.

— Все это люди, которые повстречались с каким-нибудь разочарованием в жизни, — сказал м-р Уэлер старший.

— Да? — отозвался м-р Пиквик.

— Да. А потому они ушли от мира и заперлись в этих будках, чтобы жить в одиночестве и чтобы отомстить людям, заставляя их платить пошлину.

— Ах, боже мой! — сказал м-р Пиквик. — Я этого раньше не знал.

— Факт, сэр, — отвечал м-р Уэлер, — будь они джентльменами, вы бы их назвали мизантропами, а так они считаются только заставщиками.

Такого рода разговорам, отличавшимися неоценимым очарованием, поскольку в них приятное сочеталось с полезным, м-р Уэлер скрашивал томительное путешествие в течение доброй половины дня. В темах для разговора не было недостатка, ибо если даже иссякала разговорчивость м-ра Уэлера, ее с

избытком возмещало желание м-ра Магнуса познакомиться с полной биографией его попутчиков и громко выражаемое им на каждой остановке беспокойство касательно сохранности и благополучия двух саков, кожаного футляра и пакета в оберточной бумаге.

На главной улице Ипсуича, по левой стороне, — если миновать площадь перед ратушей, — находится гостиница, широко известная под названием „Большого * Белого Коня“, которая привлекает к себе особое внимание вознесенной над главным входом каменной статуей какого-то буйного животного с развешивающимися гривой и хвостом, отдаленно напоминающего взбесившуюся ломовую лошадь. „Большой Белый Конь“ славится в окрестностях — до известной степени по той же причине, что и премированный бык, или брюква, отмеченная в газете графства, или чудовищная свинья — своими огромными размерами. Никогда еще не встречалось под одной крышей такого лабиринта коридоров, не покрытых коврами, такого скопления сырых и плохо освещенных комнат, такого великого множества коморок для еды или сна, как те, что были заключены между четырьмя стенами „Большого Белого Коня“ в Ипсуиче.

Перед этой-то неестественно разросшейся таверной лондонская карета останавливалась каждый вечер в один и тот же час, и с крыши этой самой лондонской кареты спустились м-р Пиквик, Сэм Уэлер и м-р Питер Магнус в тот вечер, о котором повествует настоящая глава.

— Вы здесь остановитесь, сэр? — осведомился м-р Питер Магнус, когда полосатый сак, красный сак, пакет в оберточной бумаге и кожаный футляр были перенесены в коридор. — Вы здесь остановитесь, сэр?

— Да, сэр, — ответил м-р Пиквик.

— Ах, боже мой! — воскликнул м-р Магнус. — Никогда не слышал о таких изумительных совпадениях. Да ведь я тоже здесь остановлюсь. Надеюсь, мы обедаем вместе?

— С удовольствием, — ответил м-р Пиквик. — Но может быть, я встречу здесь некоторых друзей. — Послушайте, милейший, нет ли здесь джентльмена по фамилии Тампен?

Дородный человек — подмышкой у него была салфетка, отслужившая две недели, на ногах — чулки, сверстники салфетки, — неохотно оторвался от своего занятия, заключающегося в созерцании улицы, когда м-р Пиквик задал ему этот вопрос, и, после тщательного осмотра внешности этого джентльмена, начиная с тульи шляпы и кончая последней пуговицей на гетрах, ответил выразительно:

— Нет!

— А джентльмена по фамилии Снодграс? — осведомился м-р Пиквик.

— Нет!

— А Уинкль?

— Нет!

— Моих друзей еще нет, сэр, — сказал м-р Пиквик. — Стало быть, мы пообедаем вдвоем. Милейший, проводите нас в отдельную комнату.

По предъявлении такого требования дородный лакей спешно до того, что приказал коридорным внести багаж джентльменов, и, шествуя впереди по длинному темному коридору, ввел их в большую, скверно меблированную комнату с грязным камином, в котором маленький отонек делал отчаянные попытки казаться бодрым, но быстро пощикал под влиянием унылой обстановки. По прошествии часа путешественникам подали по куску рыбы и мяса, и когда с обедом было покончено, м-р Пиквик и м-р Питер Магнус придвинули свои стулья к камину и, заказав бутылку самого скверного портвейна, по самой высокой цене, для блага гостиницы, приступили к грогу, для собственного блага.

М-р Питер Магнус был от природы весьма общителен, а грог творил чудеса, извлекая из его груди самые сокровенные тайны. Сообщив всяческие сведения о себе самом, своей семье, своих связях, своих друзьях, своих шутках, своей профессии и своих братьях (болтливые люди могут много порассказать о своих братьях), м-р Питер Магнус в течение нескольких минут созерцал м-ра Пиквика в синем свете сквозь цветные стекла своих очков, а затем сказал с застенчивым видом:

— А как вы думаете, как вы думаете, м-р Пиквик, зачем я сюда приехал?

— Честное слово, — сказал м-р Пиквик, — я никак не могу угадать. Быть может, по делу.

— Отчасти вы правы, сэр, — ответил м-р Питер Магнус, — и в то же время отчасти неправы. Попробуйте еще раз, м-р Пиквик.

— Право же, — сказал м-р Пиквик, — я должен просить у вас пощады! Скажите или не говорите, как считаете нужным, мне не угадать, хотя бы я строил предположения всю ночь.

— Ну, в таком случае... хи-хи-хи! — начал м-р Питер Магнус, застенчиво хихикая, — что вы скажете, м-р Пиквик, если я приехал сюда сделать предложение, сэр, а? Хи-хи-хи!

— Что я скажу? Вы, по всей вероятности, достигнете цели, — ответил м-р Пиквик, посылая одну из своих лучезарных улыбок.

— Ну! — воскликнул м-р Магнус. — Но вы действительно так думаете, м-р Пиквик? Вы так думаете?

— Конечно, — сказал м-р Пиквик.

— Нет, вы шутите.

— Право же, не шучу.

— Ну, в таком случае, — сказал м-р Магнус, — открою вам маленький секрет: я тоже так думаю. Я даже скажу вам, м-р Пиквик, — хотя я от природы ужасно ревнив... чудовищно... ревнив, — что леди находится в этом доме.

С этими словами м-р Магнус снял очки, чтобы подмигнуть, и снова надел их.

— Так вот почему вы так часто выбегали из комнаты перед обедом, — лукаво заметил м-р Пиквик.

— Тсс! Да, вы правы, так оно и было, а впрочем, я не так глуп, чтобы пойти повидаться с ней.

— Вот как!

— Да, не следует это делать, знаете ли, сейчас же после путешествия. Лучше подождать до завтра, сэр, шансов будет вдвое больше. М-р Пиквик, сэр, в том саке у меня платье, а в том футляре — шляпа, от которых я жду неоценимых услуг, сэр, благодаря тому впечатлению, какое они произведут.

— В самом деле? — отозвался м-р Пиквик.

— Да, вы, вероятно, заметили, как я о них беспокоился сегодня. Я не верю, м-р Пиквик, чтобы можно было приобрести за деньги второй такой же костюм и такую же шляпу.

М-р Пиквик поздравил с такой покупкой счастливого владельца неотразимой одежды, и м-р Питер Магнус в течение нескольких секунд был, повидимому, погружен в размышления.

— Она — милое создание, — сказал м-р Магнус.

— Да? — сказал м-р Пиквик.

— Очень милое, — сказал м-р Магнус, — очень! Она живет милях в двадцати отсюда, м-р Пиквик. Я узнал, что она приедет сюда сегодня вечером и пробудет здесь все завтрашнее утро, и приехал, чтобы воспользоваться удобным случаем. Мне кажется, м-р Пиквик, гостиница — подходящее место для того, чтобы сделать предложение одинокой женщине. Пожалуй, она сильнее почувствует одиночество во время путешествия, чем у себя дома. Как вы думаете, м-р Пиквик?

— Считаю это весьма вероятным, — ответил сей джентльмен.

— Прошу прощения, м-р Пиквик, — сказал м-р Питер Магнус, — но я от природы довольно любопытен: с какой целью приехали сюда вы?

— По делу далеко не столь приятному, сэр, — ответил м-р Пиквик, краснея при одном воспоминании. — Я приехал сюда, сэр, с целью разоблачить предательство и обман одной особы, чьей правдивости и честности я слепо доверял.

— Ах, боже мой, — сказал м-р Питер Магнус, — это очень неприятно. Полагаю, это леди! Э! А! Хитрец, м-р Пиквик, хитрец! Ну, м-р Пиквик, сэр, ни за что на свете не стал бы я касаться ваших чувств. Это мучительная тема, сэр, весьма мучительная. Не обращайтесь на меня внимания, м-р Пиквик, если вам хочется излить свои чувства. Я знаю, что значит пережить измену, сэр, я сам это испытал три или четыре раза.

— Я вам весьма признателен за сочувствие, с каким вы отнеслись к тому, что считаете моим несчастьем, — сказал м-р Пиквик, заводя свои часы и кладя их на стол, — но...

— Нет, нет, — перебил м-р Питер Магнус, — ни слова больше: это мучительная тема. Я понимаю, понимаю! Который час, м-р Пиквик?

— Уже за полночь.

— Ах, боже мой, пора спать. Не следует засиживаться. Я буду бледен завтра, м-р Пиквик.

При одной мысли о такой беде м-р Питер Магнус позвонил служанке, и когда полосатый сак, красный сак, кожаный футляр и пакет в оберточной бумаге были доставлены в его спальню, он вместе с лакированным подсвечником удалился в одно крыло дома, тогда как м-ра Пиквика с другим лакированным подсвечником проводили по бесконечным извилистым коридорам в другое крыло.

— Вот ваша комната, сэр, — сказала служанка.

— Прекрасно, — ответил м-р Пиквик, озираясь. Это была довольно большая комната с двумя кроватями и камином; в общем, более комфортабельное помещение, чем склонен был ожидать м-р Пиквик, основываясь на кратком своем знакомстве с теми удобствами, которые можно было найти в „Большом Белом Коню“.

— Надеюсь, другая кровать никем не занята? — осведомился м-р Пиквик.

— О, нет, сэр.

— Прекрасно. Велите моему слуге завтра в половине девятого принести мне горячей воды, а сегодня он мне больше не понадобится.

— Слушаю, сэр. — И пожелав м-ру Пиквику спокойной ночи, служанка ушла и оставила его в одиночестве.

М-р Пиквик сел в кресло у камина и отдался потоку бессвязных размышлений. Сначала он подумал о своих друзьях и задал себе вопрос, когда они присоединятся к нему; потом мысли его обратились к м-с Марте Бардль, а от этой леди естественно перескочевали к грязной конторе Додсона и Фога. От Додсона и Фога они по касательной поплыли к самому центру истории ненормального клиента, а затем вернулись к „Большому Белому Коню“ в Ипсуиче, с достаточной ясностью давая понять м-ру Пиквику, что он засыпает. Поэтому он

встал и начал раздеваться, как вдруг вспомнил, что оставил свои часы внизу на столе.

Часы эти пользовались особой любовью м-ра Пиквика, который носил их под сенью своего жилета в течение большого числа лет, чем считаем мы себя в праве здесь указывать. Возможность лечь спать, не слыша их мерного тикания под подушкой или в тувельке над головой, не вмещалась в мозгу м-ра Пиквика. Так как час был поздний, и ему не хотелось звонить среди ночи, то он надел фрак, который только что снял, и, взяв в руку лакированный подсвечник, стал потихоньку спускаться с лестницы.

Чем дальше спускался м-р Пиквик, тем увеличивалось, казалось, количество лестниц, по которым предстояло спускаться, и снова и снова, когда м-р Пиквик попадал в какой-нибудь узкий коридор и начинал поздравлять себя с прибытием в первый этаж, появлялась перед его изумленными глазами новая лестница. Наконец он добрался до вестибюля с каменным полом, который ему запомнился при входе в дом. Он исследовал коридор за коридором; обозрел комнату за комнатой, наконец, собираясь в отчаянии отказаться от поисков, он открыл дверь той самой комнаты, где провел вечер, и увидел на столе забытые им часы.

М-р Пиквик с торжеством схватил часы и направил свои стопы обратно в спальню. Если путешествие его в нижний этаж было сопряжено с трудностями и неуверенностью, то обратный путь оказался несравненно более сложным. Ряды дверей, украшенных башмаками всех видов, фасонов и размеров, тянулись, разветвляясь, по всем направлениям. Несколько раз повертывал он осторожно ручку ведущей в спальню двери, которая была похожа на его дверь, но ворчливый окрик, доносившийся из-за нее: „Кто там, чорт подери?“ или: „Что вам здесь нужно?“, заставлял его удаляться на цыпочках с поспешностью сказочной. Он был на грани отчаяния, когда открытая дверь привлекла его взоры. Он заглянул в комнату. Наконец-то! Было две кровати — он прекрасно помнил, как они стояли, — и огонь в камине еще горел. Его свеча, не отличавшаяся величиной, когда он ее получил, оплыла от

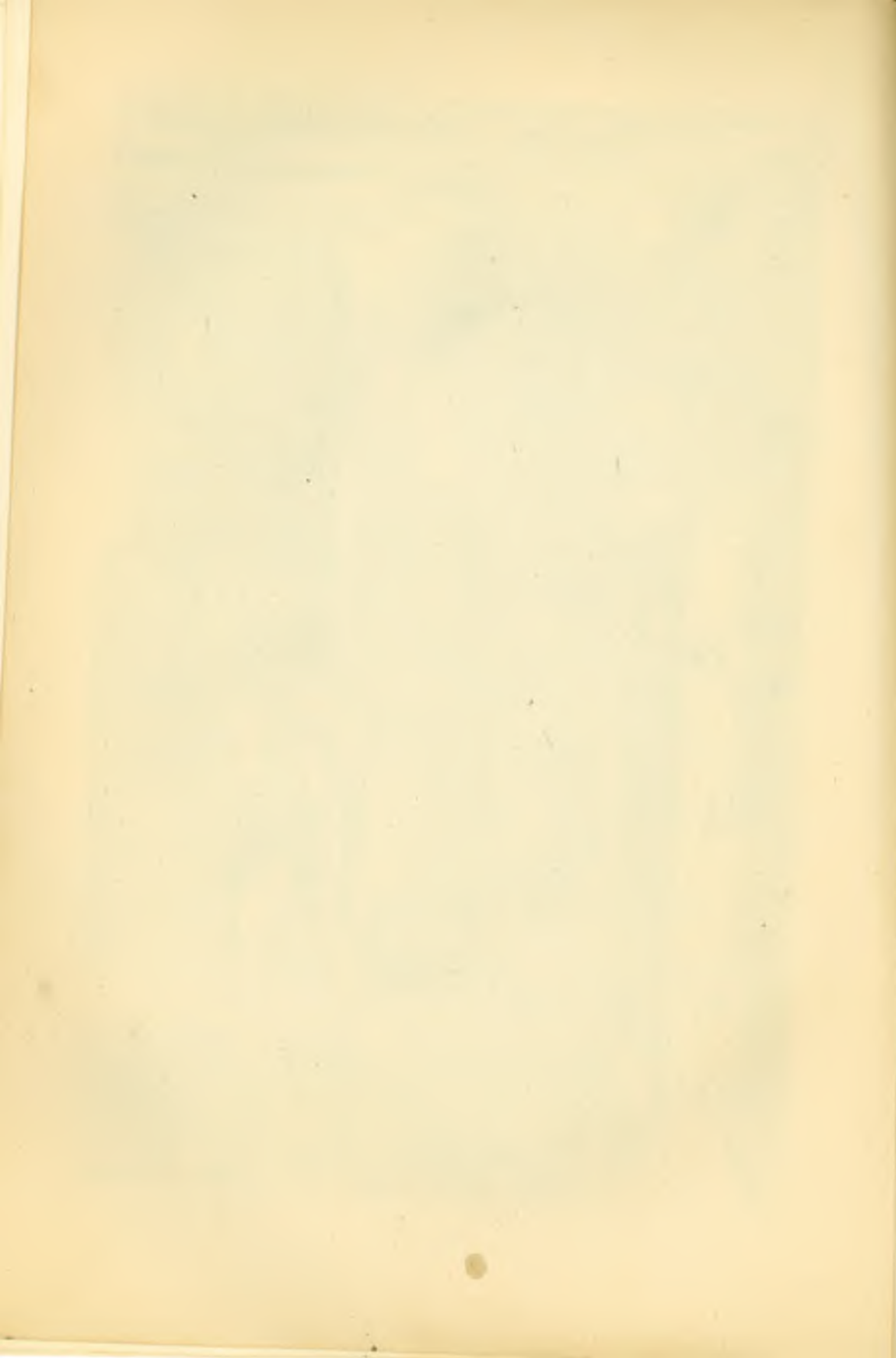
сквозняков во время его скитаний и потасла, как только он закрыл за собой дверь. „Неважно, — сказал м-р Пиквик, — я могу раздеться при свете камина“.

Кровати стояли справа и слева от двери, и по другую сторону каждой кровати оставался маленький проход, в конце которого стоял стул с плетеным сиденьем, — проход такой ширины, чтобы в случае надобности взобраться с этой стороны на кровать или слезть с нее. Тщательно задвинув занавески кровати с наружной стороны, м-р Пиквик уселся на стул с плетеным сиденьем и не спеша снял башмаки и гетры. Затем он снял и сложил фрак, жилет и галстук и, медленно напялив ночной колпак с кисточкой, укрепил его на голове, завязав под подбородком тесемки, которые у него всегда были пришиты к этой принадлежности туалета. И в этот момент он вдруг представил себе всю нелепость своего недавнего блуждания. Откинувшись на спинку стула с плетеным сиденьем, м-р Пиквик засмеялся так искренно, что для всякого здравомыслящего человека было бы истинным наслаждением созерцать улыбки, расцветавшие на приветливой физиономии м-ра Пиквика и сиявшие из-под ночного колпака.

„Это самая смешная вещь, — говорил самому себе м-р Пиквик, улыбаясь так, что тесемки ночного колпака могли лопнуть, — это самая смешная вещь, о какой я слышал, — заблудиться в гостинице и скитаться по лестницам. Забавно, забавно, очень забавно!“ — М-р Пиквик улыбнулся еще более широкой улыбкой и хотел вновь приступить в наилучшем расположении духа к процедуре раздевания, как вдруг его остановила весьма неожиданная помеха, а именно — появление в комнате какой-то особы со свечой в руке, которая, заперев дверь, подошла к туалетному столику и поставила на него свечу.

Улыбка, игравшая на лице м-ра Пиквика, мгновенно уступила место выражению безграничного изумления и недоумения. Кто-то вошел так внезапно и так бесшумно, что у м-ра Пиквика не было времени окликнуть его или помешать ему войти. Кто бы это мог быть? Грабитель? Какой-нибудь злоумышленник, который видел, быть может, как он поднимался по

лестнице, держа в руке красивые часы? Что же оставалось ему теперь делать?

Единственным способом для м-ра Пиквика взглянуть на таинственного посетителя, не подвергая себя опасности быть замеченным, было взобраться на кровать и выглянуть в про-свет между занавесками с противоположной стороны. К этому маневру он и прибег. Осторожно придерживая рукой занавески так, что ничего не было видно, кроме его головы и ночного колпака, м-р Пиквик, надев очки, собрался с духом и выглянул.

От ужаса и смущения он едва не лишился чувств. Перед зеркалом стояла леди средних лет, в желтых папильотках, старательно расчесывавшая волосы. Каким бы образом ни очутилась в этой комнате ничего не ведающая леди средних лет, было ясно, что она рассчитывала остаться здесь, ибо принесла тростниковую * свечу с экраном, каковую, принимая похвальные меры предосторожности против пожара, поместила в таз на полу, где она мерцала словно гигантский маяк на удивительно маленьком водном пространстве.

„Помилуй бог! — подумал м-р Пиквик, — какое ужасное положение!“

— Гм! — сказала леди, и м-р Пиквик с быстротой автомата втянул голову.

„Никогда не бывал я в таком безвыходном положении, — подумал бедный м-р Пиквик; капли холодного пота выступили на его ночном колпаке. — Никогда! Это ужасно!“

Слишком велико было желание видеть, что происходит в комнате. И голова м-ра Пиквика высунулась снова. Положение ухудшилось. Леди средних лет привела в порядок волосы, заботливо прикрыла их муслиновым чепчиком с маленькой сборчатой каймой и задумчиво смотрела на огонь.

„Положение становится угрожающим, — сам с собой рассуждал м-р Пиквик. — Я не могу допустить дальнейшего развития этой истории. Самообладание этой леди ясно указывает, что, должно быть, я попал не в ту комнату. Если я крикну, она поднимет на ноги весь дом, но если я останусь здесь, последствия окажутся еще более устрашающими“.

Нет надобности упоминать о том, что м-р Пиквик был одним из скромнейших и деликатнейших людей. Одна мысль предстать в ночном колпаке перед леди подействовала на него ошеломляюще; но он завязал узлом эти проклятые тесемки и, несмотря на все усилия, не мог снять колпак. Следовало дать знать о своем присутствии. Для этого был только один способ. Он спрятался за занавеску и издал очень громкий звук:

— Кхе-хм!

В том, что леди вздрогнула, услышав этот неожиданный звук, нельзя было сомневаться, ибо она отшатнулась в неосвещенную ночником часть комнаты; в том, что она убедила себя, будто это ей почудилось, тоже нельзя было сомневаться, ибо, когда м-р Пиквик подумал, не упала ли она от испуга в обморок, и осмелился выглянуть еще раз,—она попрежнему задумчиво смотрела в огонь.

„В высшей степени необычайная женщина, — подумал м-р Пиквик, снова исчезая за занавеской. — Кхе-хм!“

На сей раз звуки, — напоминающие те, коими, как сообщают нам легенды, свирепый великан Бландербор всегда выражал желание, чтобы накрывали на стол, — были слишком отчетливы, чтобы можно было снова принять их за игру воображения.

— Боже мой! — воскликнула леди средних лет. — Что это?

— Это... это... только джентльмен, сударыня, — сказал м-р Пиквик из-за занавески.

— Джентльмен! — с ужасом взвизгнула леди.

„Все кончено!“ — подумал м-р Пиквик.

— Чужой мужчина! — возопила леди. Еще секунда — и весь дом всполошится. Ее юбки зашуршали, когда она метнулась к двери.

— Сударыня, — сказал м-р Пиквик, в порыве отчаяния высовывая голову, — сударыня!

Хотя м-р Пиквик не преследовал никакой определенной цели, высовывая голову, однако это немедленно вызвало благоприятный эффект. Леди, как мы уже заявили, находилась у двери. Ей стоило только переступить порог, чтобы выйти

на лестницу, и совершенно несомненно, что в этот момент она бы это сделала, если бы внезапно появившийся ночной колпак м-ра Пиквика не отогнал ее в самый дальний угол комнаты, где она остановилась, дико взирая на м-ра Пиквика, в то время как м-р Пиквик в свою очередь дико взирал на нее.

— Негодный, — сказала леди, закрывая лицо руками, — что вам здесь нужно?

— Ничего, сударыня! Решительно ничего, сударыня, — с жаром ответил м-р Пиквик.

— Ничего! — повторила леди, поднимая взор.

— Ничего, сударыня, клянусь честью! — сказал м-р Пиквик, так энергически мотая головой, что кисточка ночного колпака пустилась в пляс. — Сударыня, я готов провалиться сквозь землю от смущения, потому что принужден разговаривать с леди, не снимая ночного колпака (тут леди поспешно сорвала свой), но я не могу его снять, сударыня (при этом м-р Пиквик дернул его изо всех сил, в подтверждение своих слов). Теперь мне ясно, сударыня, что я по ошибке принял эту спальню за свою. Я не провел здесь и пяти минут, сударыня, когда вы внезапно вошли.

— Если эта невероятная история действительно правдива, сэр, — сказала леди, громко всхлипывая, — вы немедленно удалитесь.

— Удаюсь, сударыня, с величайшим удовольствием, — ответил м-р Пиквик.

— Немедленно, сэр, — сказала леди.

— Конечно, сударыня, — поспешно согласился м-р Пиквик. — Конечно, сударыня. Я... я очень сожалею, сударыня, — продолжал м-р Пиквик, появляясь из-за кровати, — что помимо своей воли был виновником этой тревоги и волнения, глубоко сожалею, сударыня.

Леди указала на дверь. Одна из превосходных черт характера м-ра Пиквика великолепно проявилась в этот момент, при крайне тяжелых обстоятельствах. Хотя впопыхах он надел шляпу поверх ночного колпака, на манер ночного сторожа былых времен, хотя башмаки и гетры он держал в руке,

а фрак и жилет перебросил через руку,—ничто не могло сломить его природную сежливость.

— Я чрезвычайно сожалею, сударыня, — сказал м-р Пиквик, низко кланяясь.

— В таком случае вы немедленно удалитесь из этой комнаты, — сказала леди.

— Немедленно, сударыня, сию секунду, сударыня, — сказал м-р Пиквик, открывая дверь и с шумом роняя башмаки.

— Надеюсь, сударыня, — продолжал м-р Пиквик, подбирая башмаки и поворачиваясь, чтобы еще раз поклониться, — надеюсь, сударыня, что моя безупречная репутация и глубочайшее уважение, какое я питаю в вашем полу, послужат некоторым оправданием этого... — Но рапьше, чем м-р Пиквик успел закончить фразу, леди вытолкнула его в коридор и заперла за ним дверь на ключ и на задвижку.

Какие бы ни были у м-ра Пиквика основания поздравлять себя с таким мирным разрешением трудного дела, его положение в настоящий момент было отнюдь не завидное. Он ходил один в коридоре незнакомого дома, среди ночи, полуодетый; нечего было и думать, что в полной темноте ему удастся отыскать комнату, которую он никак не мог найти со свечой; а при малейшем шуме во время своих бесплодных поисков он подвергался опасности, что какой-нибудь страдающий бессонницей обитатель гостиницы выстрелит в него и, быть может, убьет.

У него был только один выход: остаться на месте и ждать рассвета. Поэтому, пройдя ощупью несколько шагов по коридору и, к великому ужасу, задев при этом ногой за несколько пар сапог, м-р Пиквик присел в маленькой стенной нише, чтобы ждать утра со всем философским терпением, на какое был способен.

Однако ему не суждено было подвергнуться еще и этому испытанию, ибо он недолго пребывал в своем убежище: к невыразимому его ужасу, в конце коридора появился человек со свечой в руке. Его ужас вдруг уступил место радости, когда он распознал фигуру своего верного слуги. Действительно, это был м-р Сэмюел Уэлер, который бодрствовал до

такого позднего часа, беседуя с коридорным, бодрствовавшим в ожидании почты, и только теперь направлялся на покой.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик, внезапно появляясь перед ним, — где моя спальня?

М-р Уэлер с красноречивым изумлением воззрился на своего хозяина, и вопрос был повторен трижды, раньше, чем он повернулся и пошел по направлению к долго разыскиваемой комнате.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик, когда улегся в постель, — этой ночью я совершил одну из поразительнейших ошибок, о каких я слышал.

— Очень может быть, сэр, — сухо ответил м-р Уэлер.

— Но вот что я решил, Сэм, — продолжал м-р Пиквик: — если бы мне пришлось прожить в этом доме полгода, я не рискнул бы ходить здесь один.

— Это самое благоразумное решение, к какому только вы могли прийти, сэр, — отозвался м-р Уэлер. — Нужно, чтобы за вами кто-нибудь присматривал, сэр, когда ваша голова отправляется по визитам.

— Что вы хотите этим сказать, Сэм? — спросил м-р Пиквик.

Он приподнялся на кровати и вытянул руку, словно хотел еще что-то добавить, но вдруг зашнулся, повернулся на другой бок и пожелал своему камердинеру „спокойной ночи“.

— Спокойной ночи, сэр, — ответил м-р Уэлер.

Выйдя за дверь, он приостановился, покачал головой, сделал несколько шагов, остановился, снял нагар со свечи, снова покачал головой и наконец пошел медленно в свою комнату, повидимому, погруженный в глубочайшие размышления.

ГЛАВА XXIII

в которой м-р Сэмюел Уэлер начинает посвящать свою энергию реваншу в борьбе с м-ром Тротером

В ранний час того самого утра, которому предшествовало приключение м-ра Пиквика с леди средних лет и в желтых папильотках, в маленькой комнате по соседству с копящими восседал м-р Уэлер старший, готовясь к обратному путешествию в Лондон. Он сидел в самой заманчивой для живописца позе.

Весьма возможно, что в какой-нибудь более ранний период его жизненной карьеры профиль м-ра Уэлера был очерчен смело и определенно. Однако его лицо расплылось благодаря хорошему питанию и замечательной склонности мириться с обстоятельствами, и смелые мясистые контуры щек вышли так далеко за пределы, первоначально им предназначенные, что трудно было различить что-нибудь кроме кончика багрового носа. Подбородок, по той же причине, обрел степенную и внушительную форму, которую обычно обозначают, представляя слово „двойной“ к названию этой выразительной части лица; а цвет лица представлял то своеобразное пе-

строе сочетание оттенков, какое можно увидеть только на лицах джентльменов его профессии и на недожаренном рост-бифе. Шея была у него обмотана малиновым дорожным шарфом, который столь неприметно сливался с подбородком, что трудно было отличить складки одного от складок другого. Поверх этого шарфа на нем был длинный жилет с широкими розовыми полосами, а поверх жилета широкий зеленый кафтан, декорированный большими медными пуговицами, из коих две, украшавшие талию, отстояли так далеко друг от друга, что никто никогда не видел обе одновременно. Волосы, короткие, гладкие и черные, едва виднелись из-под про-странных полей коричневой шляпы с низкой тульей. Ноги были упакованы в короткие вельветовые штаны и сапоги с цветными отворотами; медная часовая цепочка, заканчивающаяся печаткой и ключом из того же материала, свободно болталась у огромного пояса.

Мы сказали, что м-р Уэлер был занят приготовлениями к обратному путешествию в Лондон — и действительно, он подкреплялся. На столе перед ним стояла кружка эля *, кусок холодного мяса и весьма почтенного вида каравай хлеба, между которыми он распределял свою благосклонность по очереди, с самым суровым беспристрастием. Он только что отрезал солидный ломоть хлеба, когда шаги человека, входящего в комнату, заставили его поднять голову, и он увидел своего сына.

— Доброго утра! — сказал отец.

Сын, вместо ответа, подошел к кружке с элем и, многозначительно кивнув головой родителю, сделал продолжительный глоток.

— Прекрасное умение присасываться, Сэми, — заметил м-р Уэлер старший, заглядывая в кружку, когда его первенец поставил ее на стол, осушив до половины. — Из вас получилась бы наредкость способная устрица, Сэми, если бы вы родились на этом жизненном посту.

— Да, пожалуй, мне бы удалось иметь приличный доход, — ответил Сэм, принимаясь с немалым рвением за холодную говядину.

— Мне очень грустно, Сэми, — сказал старший м-р Уэлер, взбалтывая эль прежде, чем пить его, — мне очень грустно, Сэми, слышать из ваших уст, что вы дали себя одурачить этой-вот шелковице. Я всегда думал, до позавчерашнего дня, что слова „Веллер“ и „одураченный“ никогда не могут войти в контракт, Сэми... никогда.

— Никогда, за исключением, конечно, случая со вдовой, — сказал Сэм.

— Вдовы, Сэми, — отозвался м-р Уэлер, слегка меняясь в лице, — вдовы — это исключения из всякого правила. Я как-то слышал, сколько нужно обыкновенных женщин, чтобы так обойти человека, как обойдет одна вдова. Кажется, двадцать пять, но я хорошенько не знаю, может быть, больше.

— Этого достаточно, — сказал Сэм.

— Вдобавок, — продолжал м-р Уэлер, не обращая внимания на то, что его прервали, — это совсем другое дело. Вы знаете, Сэми, что сказал адвокат, защищавший джентльмена, который колотил жену кочергою, когда бывал навеселе: „А в конце концов, милорд, — сказал он, — это любовная слабость“. То же самое говорю я о вдовах, Сэми, и то же скажете вы, когда доживете до моих лет.

— Знаю, мне бы следовало смотреть в оба, — сказал Сэм.

— Следовало смотреть в оба! — повторил м-р Уэлер, ударяя кулаком по столу, — следовало смотреть в оба! Да, я знаю однако юнца, который и на половину, и на четверть не был так воспитан, как вы, — не ночевал на базарах по полпода, — так он не дал бы одурачить себя таким манером, не дал бы, Сэми.

В смятении чувств, вызванном этими мучительными размышлениями, м-р Уэлер позвонил в колокольчик и потребовал дополнительную пинту эля.

— Ну, что толку говорить об этом теперь, — отозвался Сэм. — Дело сделано, и его не исправить, и это единственное утешение, как говорят всегда в Турции, когда отрубят голову не тому, кому следует. Теперь мой ход, папаша, и как только я заполучу этого Тротера, сделаю хороший ход.

— Надеюсь, Сэми, надеюсь, — ответил м-р Уэлер. — Ваше здоровье, Сэми, и постарайтесь поскорее смыть позор, которым вы запятнали нашу фамилию.

В ознаменование этого тоста м-р Уэлер осушил одним глотком по крайней мере две трети только что прибывшей пинты и передал сыну, дабы покончить с остатками, что тот немедленно и исполнил.

— А теперь, Сэми, — продолжал м-р Уэлер, взглядывая на большие серебряные часы, висевшие на медной цепочке, — теперь пора мне в контору получить список пассажиров и посмотреть, как заряжают карету, потому что карета, Сэми, то же, что пушка, — заряжать их нужно с большой осторожностью, прежде чем пустить в ход.

На эту родительскую и профессиональную шутку м-р Уэлер младший ответил сыновней улыбкой. Его уважаемый родитель продолжал торжественным тоном:

— Я покидаю вас, Сэмивел, сын мой, и неизвестно, когда я увижу вас снова. Ваша мачеха может оказаться мне не под силу, или мало ли что может случиться к тому времени, когда вы опять услышите о знаменитом м-ре Веллере из „Прекрасной Дикарки“. Фамильное имя зависит во многом от вас, Сэмивел, и надеюсь, вы оправдаете его. Во всяких мелочах касательно хорошего воспитания, я знаю, что могу положиться на вас, как на самого себя. Стало быть, мне остается дать вам только один маленький совет: если вам когда-нибудь перевалит за пятьдесят, и вы почувствуете расположение жениться на ком-нибудь — все равно на ком, — запрягитесь в своей комнате, если она у вас будет, и отравитесь, не мешкая. Повеситесь — пошлое дело, и потому вы этим делом не занимайтесь. Отравитесь, Сэмивел, мой мальчик, отравитесь, и впоследствии вы об этом не пожалеете.

Произнеся эту трогательную речь, м-р Уэлер посмотрел пристально на сына, медленно повернулся на каблуках и скрылся из виду.

В созердательном состоянии, которое было вызвано этими словами, м-р Сэмюэл Уэлер вышел из „Большого Белого Коня“, когда отец покинул его, и, направив свои стопы к

церкви Сент-Клементя, постарался рассеять свою меланхолию прогулкой по прилегающим к церкви древним местам. Он слонялся в течение некоторого времени, пока не очутился в уединенном месте, напоминавшем двор почтенного вида, из которого, как он обнаружил, можно было выйти только тем путем, каким он туда проник. Он собирался было уже повернуть назад, как вдруг был прикован к месту внезапным явлением; к описанию природы и характера этого явления мы непосредственно и переходим.

М-р Сэмюел Уэлер взирал вверх, на старые красные кирпичные дома, изредка, в глубокой рассеянности, делая глазки какой-нибудь цветущей служанке, когда та поднимала штору или открывала окно спальни, как вдруг зеленая калитка сада в конце двора распахнулась, и из нее вышел человек, который весьма старательно закрыл ее за собой и быстро направился к тому самому месту, где стоял м-р Уэлер.

В сущности, если рассматривать это как отдельный факт, не сопровождаемый какими бы то ни было привходящими обстоятельствами, в нем не было ничего из ряда вон выходящего, ибо во многих частях света люди выходят из садов, закрывают за собой зеленые калитки и даже удаляются быстрыми шагами, не привлекая к себе особого внимания общества. Ясно поэтому, что в человеке, в его манерах или в том и в другом было нечто, привлекавшее особое внимание м-ра Уэлера. Так это или не так, предоставляется решить читателю, когда мы правдиво изобразим поведение индивида, о котором идет речь.

Когда названный человек закрыл за собой зеленую калитку, он пошел, как сказали мы уже дважды, быстрыми шагами по двору; но едва заметив м-ра Уэлера, он запнулся и остановился, точно был неуверен в том, какой избрать путь. Так как зеленая калитка за ним закрылась, а выход был только перед ним, он тотчас сообразил, что должен пройти мимо м-ра Сэмюела Уэлера. Поэтому он снова пошел быстрым шагом и приближался, глядя прямо перед собой. Самым поразительным в этом человеке было то, что он уродовал свою физиономию самыми ужасными и непонятными гримасами, какие приходи-

лось видеть. Еще ни один продукт природы не искажался с таким необыкновенным искусством, с каким ежемгновенно искажались черты лица этого человека.

— Однако! — сказал м-р Уэлер про себя, когда человек приближался к нему. — Это очень странно. Я бы мог поклясться, что это он.

Человек подошел, и его лицо исказилось еще более ужасной гримасой.

— Могу дать присягу, что это-вот те самые черные волосы и шелковичная пара, — сказал м-р Уэлер, — только вот лица такого не видывал.

Когда м-р Уэлер произнес эти слова, лицо человека исказилось сверхъестественной гримасой, поистине омерзительной. Однако он был вынужден пройти очень близко от Сэма, и пронизательный взгляд этого джентльмена помог обнаружить под всеми этими устрашающими гримасами нечто слишком напоминающее маленькие глазки м-ра Джоба Тротера, чтобы можно было ошибиться.

— Эй, вы, сэр! — свирепо крикнул Сэм.

Незнакомец остановился.

— Эй, вы! — повторил Сэм еще грубее.

Человек с устрашающим лицом посмотрел с величайшим удивлением в глубь двора и в конец двора и на окна домов — всюду, только не на Сэма Уэлера, — и сделал еще шаг вперед, но был остановлен новым окликом.

— Эй, вы, сэр! — крикнул Сэм в третий раз.

Теперь уже нельзя было притвориться, будто незнакомец не слышит, откуда исходит голос, и ему оставалось только посмотреть наконец Сэму Уэлеру прямо в глаза.

— Это не пройдет, Джоб Тротер, — сказал Сэм. — Ну-ка! Без глупостей. Не так уж вы красивы, чтобы разбрасывать свои прелести. Переставьте эти-вот глаза на свое место, пока я не вышиб их из вашей башки. Слышите?

Так как м-р Уэлер, повидимому, был, расположен действовать в духе этой речи, то м-р Тротер постепенно вернул своему лицу его естественное выражение и, радостно встрепенувшись, воскликнул:

— Кого я вижу? М-р Уокер!

— А! — отозвался Сэм. — Вы очень рады меня видеть, не так ли?

— Рад! — воскликнул Джоб Тротер. — О м-р Уокер, если бы вы только знали, как я мечтал об этой встрече! Это слишком, м-р Уокер, я не вынесу этого, право же не вынесу!

Эти слова м-ра Тротера сопровождалась слезным наводнением, и, схватив м-ра Уэлера за руки, он в порыве восторга крепко его обнял.

— Убирайтесь! — крикнул Сэм, возмущенный таким поведением и тщетно пытаясь высвободиться из объятий своего восторженного знакомого. — Проваливайте, говорю вам! Чего ради вы ревете надо мной, пожарный насос?

— Потому что я так рад вас видеть, — отвечал Джоб Тротер, постепенно освобождая м-ра Уэлера, по мере того как у Сэма исчезали первые симптомы желания вступить в драку. — О м-р Уокер, это уж слишком!

— Слишком! — повторил Сэм. — Думаю, что слишком... еще бы! Ну, что вы можете мне сказать, а?

М-р Тротер не дал никакого ответа, ибо розовый посовой платочек был в полном ходу.

— Что вы можете мне сказать, прежде чем я проломлю вам череп? — повторил м-р Уэлер угрожающим тоном.

— А? — сказал м-р Тротер с видом праведного изумления.

— Что вы можете мне сказать?

— Я, м-р Уокер?

— Не называйте меня Уокером; моя фамилия Веллер, вы это прекрасно знаете. Что вы можете мне сказать?

— Да благословит вас бог, м-р Уокер... то есть Уэлер... очень много, только пойдемте куда-нибудь, где можно потолковать на свободе. Если бы вы знали, как я искал вас, м-р Уэлер...

— Очень старательно, должно быть? — сухо осведомился Сэм.

— Очень, очень, сэр, — отвечал м-р Тротер, и ни один мускул на его лице не дрогнул. — Но дайте пожать вашу руку, м-р Уэлер.

Сэм созерцал своего собеседника в течение нескольких секунд, а затем, словно повинуясь внезапному импульсу, исполнил его просьбу.

— Как поживаете? — начал Джоб Тротер, когда они тронулись в путь, — как поживает ваш уважаемый, добрый хозяин? О, это достойный джентльмен, м-р Уэлер! Надеюсь, он не простудился в ту страшную ночь, сэр?

Когда Джоб Тротер произнес эти слова, в глазах его мелькнуло на мгновение крайне лукавое выражение, которое заставило сильнее сжаться кулак м-ра Уэлера, загоревшегося желанием пересчитать м-ру Тротеру ребра. Однако Сэм сдержался и ответил, что хозяин чувствует себя прекрасно.

— О, я так рад! — отозвался м-р Тротер. — Он здесь?

— А ваш? — вместо ответа спросил Сэм.

— О, да, он здесь, и я с прискорбием должен сказать, м-р Уэлер, что он ведет себя еще хуже.

— Вот как? — сказал Сэм.

— О, возмутительно, ужасно!

— В пансионе для девиц? — спросил Сэм.

— Нет, не в пансионе, — ответил Джоб Тротер, с тем лукавым взглядом, который уже уловил Сэм, — не в пансионе.

— В доме с зеленой калиткой? — продолжал Сэм, внимательно глядя на своего спутника.

— Нет, нет, не там, — ответил Джоб с живостью, весьма ему не свойственной, — не там.

— А вы сами что там делали? — спросил Сэм, бросая зоркий взгляд. — Быть может, случайно вошли в калитку?

— Видите ли, м-р Уэлер, — ответил Джоб, — я не прочь открыть вам свою маленькую тайну, потому что мы, знаете ли, с первой встречи почувствовали влечение друг к другу. Помните, как приятно мы провели утро?

— О, да, — нетерпеливо сказал Сэм, — помню, ну?

— Ну, — продолжал Джоб, выбирая выражения и понижая голос, как говорит человек, открывающий важную тайну, — в том доме с зеленой калиткой, м-р Уэлер, держат очень много слуг.

— Это можно угадать, взглянув на дом, — перебил Сэм.

— Да, — продолжал м-р Тротер, — и там есть кухарка, которая отложила немного денег, м-р Уэлер, и желает, если ей удастся устроиться в жизни, завести маленькую торговлю колониальными товарами, понимаете ли?

— Да.

— Вот именно, м-р Уэлер. Так вот, сэр, я с нею встретился в церкви, которую посещаю... очень славная маленькая часовня в этом городе, м-р Уэлер, где поют гимны по сборнику номер четвертый, который я обыкновенно ношу с собой; быть может, вы видели у меня в руках маленькую книжку... и я с ней немножко сблизился, м-р Уэлер, и отсюда возникло между нами знакомство, и смею сказать, м-р Уэлер, что мне предстоит быть лавочником.

— А, из вас выйдет очень симпатичный лавочник, — отозвался Сэм, искоса поглядывая на Джоба с крайней неприязнью.

— Большое преимущество здесь, м-р Уэлер, — продолжал Джоб, у которого глаза в это время наполнились слезами, — заключается в том, что мне удастся оставить мою теперешнюю постыдную службу у этого дурного человека и всецело посвятить себя лучшей и более добродетельной жизни, которая больше подобала бы тому воспитанию, м-р Уэлер, которое мною было получено.

— Должно быть, вы получили очень хорошее воспитание? — заметил Сэм.

— О, очень хорошее, м-р Уэлер, очень, — ответил Джоб.

При воспоминании о безгрешных днях своего детства м-р Тротер извлек розовый носовой платочек и пролил обильные слезы.

— Должно быть, на редкость приятно было учиться вместе с таким мальчиком, — сказал Сэм.

— Да, сэр, — отвечал Джоб, испуская глубокий вздох. — Я был кумиром школы.

— А, — сказал Сэм, — я этому не удивляюсь. Каким утешением были вы, должно быть, для вашей счастливой матушки!

При этих словах м-р Джоб Тротер приложил кончик розового платочка к уголку сперва одного, а потом другого глаза и начал проливать обильные слезы.

— Что с этим человеком? — вознегодовал Сэм. — Водопровод в Чельси* ничто по сравнению с вами. Почему вы сейчас расчувствовались? Раскаиваетесь в своей подлости?

— Я не могу сдерживать свои чувства, м-р Уэлер, — сказал Джоб после непродолжительного молчания. — Подумать только, что мой хозяин догадался о разговоре, который я вел с вами, и увез меня в дорожной карете, и, убедив милую молодую леди сказать, что она ничего о нем не знает, и подкупив для этой же цели начальницу пансиона, покинул ее в поисках лучшего! О, м-р Уэлер, я содрогаюсь при мысли об этом.

— О, так вот как обстояло дело? — сказал м-р Уэлер.

— Конечно, — ответил Джоб.

— Ну, — сказал Сэм, так как они уже подходили к гостинице, — я хочу немного потолковать с вами, Джоб; если вы не слишком заняты, я бы хотел повидаться с вами в „Большом Белом Коне“ сегодня вечером, часов около восьми.

— Я непременно приду, — сказал Джоб.

— Да, приходите, — отозвался Сэм, бросая весьма многозначительный взгляд, — а не то я, пожалуй, начну наводить о вас справки по ту сторону зеленой калитки и могу, знаете ли, встать вам поперек дороги.

— Я непременно приду, сэр, — сказал м-р Тротер, и, с превеликим жаром пожав Сэму руку, он удалился.

— Берегитесь, Джоб Тротер, берегитесь, — сказал Сэм, глядя ему вслед, — потому что вам со мной не сладить на этот раз, не сладить!

Произнеся этот монолог и проводив взглядом Джоба, пока тот не скрылся из виду, м-р Уэлер не замедлил отправиться в спальню своего хозяина.

— Дело на мази, сэр, — сказал Сэм.

— Что на мази, Сэм? — осведомился м-р Пиквик.

— Я их нашел, сэр, — сказал Сэм.

— Кого нашли?

— Того странного чудака и меланхоличного парня с черными волосами.

— Не может быть, Сэм! — с большим волнением воскликнул м-р Пиквик. — Где они, Сэм, где они?

— Тихе, тихе! — отозвался м-р Уэлер, и, помогая м-ру Пиквику одеваться, он развернул план дальнейших действий.

— Но когда это будет сделано, Сэм? — осведомился м-р Пиквик.

— Все в свое время, сэр, — ответил Сэм.

Было ли это сделано в свое время, будет видно из дальнейшего.

ГЛАВА XXIV

*в которой м-р Питер Магнус становится ревнивым, а
леди средних лет пугливой, что заставляет пиквики-
стов попасть в тиски закона*

Когда м-р Пиквик спустился в комнату, в которой провел с м-ром Питером Магнусом вечер накануне, он увидел, что этот джентльмен, дабы выставить свою особу в лучшем свете, воспользовался содержимым двух саквояжей, кожаного футляра и пакета в оберточной бумаге, а сам шагал взад и вперед по комнате в состоянии крайнего возбуждения и волнения.

— Доброе утро, сэр, — сказал м-р Питер Магнус. — Как вы это находите, сэр?

— Очень эффектно! — ответил м-р Пиквик, обозревая с добродушной улыбкой костюм м-ра Питера Магнуса.

— И мне так кажется, — сказал м-р Магнус. — М-р Пиквик, сэр, я уже послал свою визитную карточку.

— Неужели? — спросил м-р Пиквик.

— Да. И лакей принес ответ, что она примет меня сегодня в одиннадцать — в одиннадцать, сэр. Это значит через четверть часа.

— Да это совсем скоро! — сказал м-р Пиквик.

— О, да, очень скоро! — отозвался м-р Магнус. — Пожалуй, слишком скоро, м-р Пиквик, сэр?

— Уверенность — великая вещь в таких случаях, — заметил м-р Пиквик.

— Совершенно согласен, сэр, — сказал м-р Питер Магнус. — Во мне много уверенности, сэр. В самом деле, м-р Пиквик, я не понимаю, почему мужчина испытывает страх в таких случаях, сэр. В чем суть дела, сэр? Стыдиться — нечего, все основано на взаимном соглашении, и ничего больше. С одной стороны муж, с другой — жена. Таков мой взгляд на это дело, м-р Пиквик.

— Взгляд очень философический, — заметил м-р Пиквик. — Но завтрак уже готов, м-р Магнус. Идите.

Они уселись за завтрак, но, несмотря на похвальбу м-ра Питера Магнуса, было очевидно, что он находился в крайне нервическом состоянии, коего главными симптомами служили: потеря аппетита, склонность опрокидывать чайную посуду, призрачные пошутки шутить и neodолимая потребность смотреть каждую секунду на часы.

— Хи-хи-хи, — хихикнул м-р Магнус, напуская на себя веселость и задыхаясь от волнения. — Осталось только две минуты, м-р Пиквик. Я бледен, сэр?

— Не очень, — ответил м-р Пиквик.

Наступила короткая пауза.

— Прошу простить, м-р Пиквик, но в былое время вы когда-нибудь предпринимали что-нибудь подобное? — спросил м-р Магнус.

— Вы разумеете предложение? — спросил м-р Пиквик.

— Да.

— Никогда, — сказал м-р Пиквик с великой энергией, — никогда.

— Значит, вы не имеете понятия о том, как лучше приступить к делу?

— Не совсем так, — сказал м-р Пиквик. — кое-какое понятие об этом предмете у меня есть, но так как я никогда не проверял его на опыте, мне бы не хотелось, чтобы вы им руководились в своих поступках.

— Я был бы крайне признателен вам, сэр, за любой совет, — сказал м-р Магнус, еще раз бросая взгляд на часы, стрелка которых приближалась к пяти минутам двенадцатого.

— Хорошо, сэр, — согласился м-р Пиквик с глубокой торжественностью, благодаря которой сей великий муж придавал, когда ему было угодно, особую выразительность своим замечаниям. — Я бы начал, сэр, с восхваления красоты леди и ее исключительных качеств; засим, сэр, я перешел бы к тому, насколько я недостоин...

— Очень хорошо! — вставил м-р Магнус.

— Недостоин, но только ее одной, заметьте, сэр, — разъяснил м-р Пиквик, — но, дабы показать, что я не совсем недостоин, я сделал бы краткий обзор своей прежней жизни и своего настоящего положения. Путем сравнения я бы ей доказал, что для всякой другой женщины я был бы очень желательным объектом. Засим я бы распространился о своей горячей любви и глубокой преданности. Быть может, в этот момент я бы попытался взять ее за руку.

— Понимаю! Это очень важный пункт, — подхватил м-р Магнус.

— Засим, сэр, — продолжал м-р Пиквик, воспламеняясь по мере того, как вся картина представлялась ему в более ослепительных красках, — засим, сэр, я бы подошел к простому и ясному вопросу: „Хотите быть моей?“ Мне кажется, я не ошибусь, если предположу, что после этого она отвернется.

— Вы думаете, что это случится? — спросил м-р Магнус. — Если она этого не сделает в нужный момент, это может сбить меня.

— Мне кажется, сделает, — сказал м-р Пиквик. — После сего, сэр, я бы пожал ее руку, и я думаю, я думаю, м-р Магнус, поступи я так, — предположим, что отказа не последовало, — я бы нежно отвел в сторону носовой платок, который, как подсказывают мне мои скромные познания человеческой природы, леди должна в этот момент прикладывать к глазам, и запечатлел бы почтительный поцелуй. Мне кажется, я бы поцеловал ее, м-р Магнус; и я решительно утверждаю, что в этот самый момент, если леди будет склонна принять

мое предложение, она стыдливо прошепчет мне на ухо о своем согласии.

М-р Магнус вздрогнул, несколько мгновений молча смотрел на проникновенное лицо м-ра Пиквика, а затем (часы показывали десять минут двенадцатого) горячо пожал ему руку и бросился с решимостью отчаяния вон из комнаты.

М-р Пиквик несколько раз прошелся взад и вперед по комнате; маленькая стрелка часов, подражая ему и постепенно двигаясь вперед, приблизилась к месту, обозначающему на циферблате полчаса, когда дверь внезапно распахнулась. Он обернулся, чтобы приветствовать м-ра Питера Магнуса, но вместо него увидел перед собою радостное лицо м-ра Тапмена, безмятежную физиономию м-ра Уинкля и одухотворенные черты м-ра Снодграса.

Пока м-р Пиквик с ними здоровался, в комнату влетел м-р Питер Магнус.

— Мои друзья — м-р Магнус, джентльмен, о котором я говорил, — представил м-р Пиквик.

— Ваш покорный слуга, джентльмены, — сказал м-р Магнус, находившийся, видимо, в крайнем возбуждении. — М-р Пиквик, разрешите мне отвлечь вас на один момент, сэр.

Говоря это, м-р Магнус запряг указательный палец в петлю фрака м-ра Пиквика, и, оттащив его в оконную нишу, сказал:

— Поздравьте меня, м-р Пиквик. Я следовал вашему совету буква в букву.

— И все было удачно? — осведомился м-р Пиквик.

— Все. Лучше и быть не могло, — ответил м-р Магнус. — М-р Пиквик, она — моя.

— Поздравляю вас от всего сердца, — промолвил м-р Пиквик, горячо пожимая руку своему новому другу.

— Вы должны познакомиться с нею, — сказал м-р Магнус. — Пойдемте со мной, я вас прошу. Мы вернемся через секунду. Прощу прощенья, джентльмены.

И м-р Магнус поспешно увлек м-ра Пиквика из комнаты. Он остановился у двери соседней комнаты и почтительно постучался.

— Войдите, — слышался женский голос.

И они вошли.

— Мисс Уитерфилд, — промолвил м-р Магнус, — разрешите мне познакомить вас с близким моим другом, м-ром Пиквиком. М-р Пиквик, позвольте вас представить мисс Уитерфилд.

Леди находилась в другом конце комнаты. Расклапываясь, м-р Пиквик извлек очки из жилетного кармана и надел их... но едва он это сделал, как издав возглас удивления и попятился, а леди, слегка взвизгнув, закрыла лицо руками и опустилась в кресло; м-р Питер Магнус остолбенел, переводя взгляд с одного на другого с выражением крайнего удивления и ужаса.

Все это казалось совершенно необъяснимым, но дело в том, что едва м-р Пиквик надел очки, он тотчас же признал в будущей м-с Магнус ту самую леди, в комнату которой он этой ночью вторгся незваным гостем, и едва очки были водружены на носу м-ра Пиквика, как леди тотчас же признала физиономию, которая напомнила ей обо всех ужасах, связанных с ночным колюном. Леди взвизгнула, а м-р Пиквик вздрогнул.

— М-р Пиквик, — воскликнул м-р Магнус, растерявшись от удивления, — что это значит, сэр? Что это значит, сэр? — повторил м-р Магнус грозно и повышая голос.

— Сэр, — сказал м-р Пиквик, приходя в возмущение от внезапного перехода м-ра Питера Магнуса к повелительному тону, — я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

— Вы отказываетесь, сэр? — спросил м-р Магнус.

— Отказываюсь, сэр, — ответил м-р Пиквик, — без согласия и разрешения леди, я считаю невозможным упоминать о том, что может компрометировать ее или пробудить в ней неприятные воспоминания.

— Мисс Уитерфилд, — сказал м-р Питер Магнус, — вы знаете этого человека?

— Знаю ли я его? — колеблясь переспросила леди средних лет.

— Да, знаете ли вы его, сударыня? Я спросил, знаете ли вы его? — повторил м-р Магнус свирепо.

— Я его видела, — ответила леди средних лет.

— Где? — спросил м-р Магнус. — Где?

— Этого, — повторила леди средних лет, вставая с кресла и отворачивая голову, — этого я не открою ни за что на свете.

— Я понимаю вас, сударыня, — сказал м-р Пиквик, — и уважаю вашу деликатность. Можете на меня положиться, я никогда этого не открою, положитесь на меня.

— Клянусь честью, сударыня, — воскликнул м-р Магнус, — принимая во внимание положение, в которое я поставлен по отношению к вам, вы подходите к этому вопросу с удивительным спокойствием, сударыня.

— Жестокий м-р Магнус! — воскликнула леди средних лет, после чего залилась слезами.

— Обращайтесь со своими замечаниями ко мне, сэр, — прервал м-р Пиквик. — Если кто и виновен, то один я.

— О, вы один виновны, не так ли сэр? — сказал м-р Магнус. — Я... я... Отлично понимаю. Вижу все насквозь, сэр. Теперь вы раскаиваетесь в своем решении, сэр, не так ли?

— В моем решении! — воскликнул м-р Пиквик.

— Да, в вашем решении, сэр! О! Не смотрите на меня, сэр, — сказал м-р Магнус. — Я помню ваши слова, сказанные вчера вечером, сэр. Вы явились сюда, сэр, с целью разоблачить предательство и обман одной особы, чьей правдивости и честности вы слепо доверяли, не так ли? — Тут м-р Питер Магнус дал волю своей саркастической улыбке и, сняв зеленые очки, которые в припадке ревности он, повидимому, счел излишними, начал так вращать маленькими глазами, что страшно было смотреть.

— Вот как? — сказал м-р Магнус, и улыбка его сделалась еще более саркастической. — Но вы оплатитесь за это, сэр!

— Поплачусь? За что? — спросил м-р Пиквик.

— Не важно, сэр, — ответил м-р Магнус, шагая по комнате, — не важно.

Есть что-то всеобъемлющее в этом выражении „не важно“, ибо мы не можем вспомнить ни одной ссоры, коей мы были свидетелями, на улице, в театре, в общественном месте или

где бы то ни было, которая не сопровождалась бы этим стандартным ответом на все воинственные вопросы. „Вы себя называете джентльменом, сэр?“ — „Не важно, сэр“. — „Разве я позволю себе сказать что-нибудь обидное молодой женщине, сэр?“ — „Не важно, сэр“. — „Кончится тем, что я расшибу вам голову об эту стену, сэр.“ — „Не важно, сэр“. Замечательно, что в этом универсальном „не важно, сэр“ как будто скрывается какая-то едкая насмешка, пробуждающая в груди того, кому оно адресовано, больше негодования, чем может вызвать самая грубая брань.

Мы не будем утверждать, что эта сжатая реплика по адресу м-ра Пиквика вызвала такое же негодование в душе м-ра Пиквика, каковое безусловно вскипело бы в груди какой-нибудь вульгарной натуры. Мы только отмечаем факт, что м-р Пиквик открыл дверь и отрывисто крикнул:

— Тапмен, подите сюда!

М-р Тапмен немедленно явился с выражением крайнего удивления на физиономии.

— Тапмен, — сказал м-р Пиквик, — тайна несколько деликатного свойства, касающаяся этой леди, послужила причиной столкновения, возникшего между этим джентльменом и мною. Если я заверяю его, в вашем присутствии, что эта тайна не имеет никакого отношения к нему и не касается его личных дел, едва ли мне нужно просить вас иметь в виду, что если он и дальше будет настаивать на своем, — тем самым он вызовет сомнение в моей правдивости, и мне останется только рассматривать это как оскорбление. — И м-р Пиквик смерил взглядом м-ра Питера Магнуса с ног до головы.

Почтенное и прямое поведение м-ра Пиквика, вместе с отличавшими его силою и энергией выражений, убедили бы всякого разумного человека, но, к несчастью, именно в этот момент рассудок м-ра Питера Магнуса был в каком угодно порядке, только не в разумном. Вместо того, чтобы удовлетвориться, как подобало бы, объяснениями м-ра Пиквика, он немедленно начал раздувать в себе до-красна раскаленную, испепеляющую, всепожирающую злобу и говорить о своих чувствах и тому подобных вещах; он старался придать особую вы-

разительность своей декларации тем, что шагал по комнате и ерошил волосы, — развлечение, которое он время от времени разнообразил, потрясая кулаком перед человеколюбивой физиономией м-ра Пиквика.

В свою очередь м-р Пиквик, в сознании собственной невинности и правоты, а также раздраженный тем, что так нестати поставил леди средних лет в неприятное положение, находился, однако, не в обычном для него мирном состоянии духа. В результате громкие слова произносились еще более громким голосом, пока наконец м-р Магнус не заявил м-ру Пиквику, что тот еще услышит о нем, на каковое заявление м-р Пиквик с похвальной вежливостью ответил, что чем скорее он услышит о нем, тем лучше; вслед за сим леди средних лет в ужас бросилась вон из комнаты, м-р Тапмен увлек м-ра Пиквика, а м-р Питер Магнус был предоставлен самому себе и своим размышлениям.

Если бы леди средних лет больше общалась с деловым миром или была знакома с нравами и обычаями тех, кто составляет законы и устанавливает моды, она бы знала, что такого рода ожесточение — самая безобидная вещь в природе; но так как она почти всегда жила в провинции и никогда не читала отчетов о парламентских прениях, то была весьма мало осведомлена в подобных тонкостях цивилизованной жизни. Поэтому, когда она добралась до своей комнаты, заперлась и начала размышлять о сцене, которая сейчас произошла, в ее воображении возникли самые страшные картины кровопролития и смертоубийства; среди этих картин далеко не самой страшной был портрет в натуральную величину м-ра Питера Магнуса с ружейным зарядом в груди, несомого домой четырьмя носильщиками. Чем больше размышляла леди средних лет, тем больше приходила в ужас; в конце концов она решила отправиться к главному городскому судье * с просьбой безотлагательно задержать м-ра Пиквика и м-ра Тапмена.

К этому решению леди средних лет была приведена рядом соображений, из коих главным было то, что она тем самым даст неопровержимое доказательство своей преданности м-ру Питеру Магнусу и своих забот о его безопасности. Она

слишком хорошо знала его ревнивый характер, чтобы отважиться хотя бы слегка намекнуть на истинную причину своего волнения при встрече с м-ром Пиквиком, и она верила в силу своего влияния и в способность маленького человека поддаться ее убеждениям и умерить свою неистовую ревность, если м-р Пиквик будет удален и не останется повода к новой ссоре. Погруженная в такие мысли, леди средних лет облачилась в капор и шаль и направилась прямо к дому мэра.

Джордж Напкинс, эскуайр, вышеупомянутый главный судья, был самой величественной особой, какую мог бы встретить самый быстрый ходок в промежуток времени от восхода до заката солнца в день двадцать первого июня, каковой день, согласно календарю, является самым длинным днем в году, что, естественно, обеспечивало ходоку наиболее продолжительный срок для поисков. В это именно утро м-р Напкинс пребывал в состоянии крайнего возбуждения и раздражения, ибо в городе вспыхнул мятеж: приходящие воспитанники самой большой школы составили заговор с целью разбить стекла у ненавистного торговца яблоками, освистали бидля и забросали камнями констебля — пожилого джентльмена в сапогах с отворотами, вызванного для подавления восстания, — джентльмена, бывшего с юных лет по крайней мере полстолетия блюстителем порядка.

М-р Напкинс восседал в своем удобном кресле, величественно хмурясь и кипя яростью, когда доложили о леди, пришедшей по срочному, приватному и важному делу. М-р Напкинс принял ледяной и грозный вид и приказал впустить леди, каковое приказание, подобно всем распоряжениям повелителей, судей и прочих могущественных земных владык, было немедленно исполнено, и мисс Уитерфилд, кокетливо взволнованная, была введена.

— Мазль! — сказал судья.

Мазль был низкорослый слуга с длинным туловищем и короткими ногами.

— Мазль!

— Слушаю, ваша честь.

— Подайте кресло и удалитесь.

— Слушаю, ваша честь.

— Итак, сударыня, потрудитесь изложить ваше дело, — сказал судья.

— Это очень тягостное дело, сэр, — проговорила мисс Уитерфилд.

— Очень возможно, сударыня, — отозвался судья. — Успокойтесь, сударыня. — М-р Напкинс принял милостивый вид. — И расскажите, по какому делу, подлежащему вниманию закона, вы сюда явились, сударыня. — Тут судья восторжествовал над человеком, и м-р Напкинс снова принял суровый вид.

— Мне очень неприятно, сэр, являться к вам с такой информацией *, — сказала мисс Уитерфилд, — но боюсь, что здесь состоится дуэль.

— У нас, сударыня?! — воскликнул судья. — Где, сударыня?

— В Ипсуиче.

— В Ипсуиче, сударыня?.. Дуэль в Ипсуиче? — снова вскричал судья, пришедший в ужас при этом сообщении. — Невозможно, сударыня! Я уверен, что в нашем городе этого быть не может. Боже мой, сударыня, известна ли вам, сударыня, энергия наших местных властей? Может быть, вам случалось слышать, сударыня, как четвертого мая я ворвался на боксерскую площадку в сопровождении только шестидесяти констеблей, с риском пасть жертвой разъяренной толпы. Я прекратил кулачное состязание между мидльсекским Дамплингом и сафокским Бентемом. Дуэль в Ипсуиче, сударыня! Я не верю... не верю, — продолжал судья, рассуждая сам с собой, — чтобы двое людей взяли на себя смелость замыслить такое нарушение * мира в этом городе.

— К несчастью, то, что я сообщила, слишком верно, — сказала леди средних лет. — Я была свидетельницей ссоры.

— Это дело в высшей степени необычайное, — сказал пораженный судья. — Мазль!

— Слушаю, ваша честь.

— Пошлите сюда м-ра Джинкса! Немедленно!

— Слушаю, ваша честь.

Мазль исчез, и бледный, остроносый, полуголодный, оборванный клерк средних лет вошел в комнату.

— М-р Джинкс, — обратился к нему судья, — м-р Джинкс.

— Сэр? — отозвался м-р Джинкс.

— Эта леди, м-р Джинкс, явилась сюда с информацией о замышляемой у нас в городе дуэли.

М-р Джинкс, не зная в точности, как ему поступить, раболепно улыбнулся.

— Над чем вы смеетесь, м-р Джинкс? — спросил судья.

М-р Джинкс мгновенно принял серьезный вид.

— М-р Джинкс, — сказал судья, — вы — болван!

М-р Джинкс смиренно взглянул на великого мужа и закусил кончик пера.

— Вы можете, сэр, видеть в этом сообщении смешное, но я должен сказать, м-р Джинкс, что смеяться нечего, — сказал судья. Полугодный Джинкс вздохнул, словно действительно удостоверился, что поводов для смеха у него было очень мало, и, получив приказание записать сообщение леди, потащился к стулу и начал записывать.

— Этот Пиквик, как я понял, — дуэлянт? — спросил судья, когда заявление было записано.

— Именно, — заметила леди средних лет.

— А другой скандалист... как его имя, м-р Джинкс?

— Тапмен, сэр.

— Тапмен — секундант?

— Да.

— Второй дуэлянт, вы сказали, сударыня, скрылся?

— Да, — ответила мисс Уинтерфилд, покашливая.

— Прекрасно! — заявил судья. — Эти два лондонских головореза, явившихся сюда для истребления населения его величества, воображают, что на таком расстоянии от столицы рука правосудия слаба и парализована. Они получают урок! Приготовьте предписания * об аресте, м-р Джинкс. Мазль!

— Слушаю, ваша честь.

— Грамер внизу?

— Да, ваша честь.

— Пошлите его сюда.

Раболепный Мазль исчез и скоро вернулся в сопровождении престарелого джентльмена в сапогах с отворотами, глав-

ными приметам которого были: распухший нос, хриплый голос, сюртук табачного цвета и блуждающий взор.

— Грамер! — обратился к нему судья.

— Ваш-шесть.

— В городе спокойно?

— Благополучно, ваш-шесть, — ответил Грамер. — Народное волнение немного улеглось, — мальчишки ушли играть в крикет.

— В такие времена, Грамер, нужны энергические меры, — сказал судья решительно. — Если авторитет королевских чиновников ни во что не ставится, надо прочесть закон * о нарушении общественного порядка. Если гражданские власти не в состоянии защитить эти окна, Грамер, войска могут защитить и гражданскую власть и окна. Мне кажется, это — основное положение конституции, м-р Джинкс?

— Разумеется, сэр, — сказал Джинкс.

— Прекрасно, — продолжал судья, подписывая предписания. — Грамер, вы приведете этих людей ко мне сегодня же. Вы найдете их в „Большом Белом Коне“. Вы помните историю с мидльсекским Дамплингом и сафокским Бентемом, Грамер?

М-р Грамер соответственно покачал головой, давая этим понять, что никогда ее не забудет. Впрочем, он и не мог бы забыть, поскольку об этом упоминалось ежедневно.

— А это еще более противоконституционный поступок, — продолжал судья, — еще большее нарушение мира и тишины и грубое нарушение прерогатив его величества. Дуэль — одна из самых бесспорных прерогатив его величества, если я не ошибаюсь, — не правда ли, м-р Джинкс?

— Особо оговоренная в Великой * хартии, сэр, — ответил м-р Джинкс.

— Один из самых блестящих перлов британской короны, отторгнутый у его величества баронами, если я не ошибаюсь, — не так ли, м-р Джинкс? — сказал судья.

— Совершенно верно, сэр, — ответил м-р Джинкс.

— Прекрасно! — сказал судья, горделиво приосанившись. — Прерогатива не должна быть поправа в этой части владений короля. Грамер, возьмите подкрепление и приведите эти предписания в исполнение как можно скорей. Мазль!

— Слушаю, ваша милость.

— Проводите леди.

Мисс Уинтерфилд ушла, глубоко потрясенная учеными справками судьи; м-р Напкинс ушел завтракать; м-р Джинкс ушел в самого себя, ибо это было единственное место, куда он мог уйти, за исключением дивана, служившего ему постелью в маленькой общей комнате, которая днем была занята семьей его квартирной хозяйки; м-р Грамер ушел, дабы исполнением нового поручения смыть оскорбление, нанесенное ему и другому представителю его величества, бидлю, утром этого дня.

В то время как готовились эти твердые и решительные меры к охранению королевского мира *, м-р Пиквик со своими друзьями, ничего не подозревая о надвигающихся великих событиях, мирно уселись за обед; все они были настроены разговорчиво и общительно. М-р Пиквик только что начал рассказывать о своих ночных приключениях, к великому удовольствию учеников, а в особенности м-ра Тапмена, как дверь открылась, и какая-то непозволительная физиономия просунулась в комнату. Глаза этой непозволительной физиономии в течение нескольких секунд внимательно осматривали м-ра Пиквика и, по всем признакам, остались вполне удовлетворены своим исследованием, ибо фигура, коей принадлежала непозволительная физиономия, медленно втиснулась в комнату и предстала в образе пожилого субъекта в сапогах с отворотами. Чтобы не держать читателя дальше в неизвестности, скажем коротко: это были блуждающие глаза м-ра Грамера, а фигура была фигурой этого же джентльмена.

Поведение м-ра Грамера было профессиональным, но своеобразным. Первым его актом было запереть изнутри дверь на задвижку, вторым — тщательно вытереть голову и лицо бумажным носовым платком, третьим — положить шляпу, с бумажным носовым платком внутри, на ближайший стул, и четвертым — вытащить из внутреннего кармана сюртука короткий жезл, увенчанный медной короной, которым он поманил м-ра Пиквика с мрачностью привидения.

М-р Снодграс первый нарушил молчание, вызванное общим недоумением, а затем выразительно сказал:

— Это частное помещение, сэр... частное помещение.

М-р Грамер покачал головой и ответил:

— Для его величества не существует частных помещений, раз мы переступили порог дома: таков закон. Воображают, будто дом англичанина — его крепость: это вздор!

Удивленные пиквикисты переглянулись.

— Кто из вас м-р Тапмен? — спросил м-р Грамер.

Интуитивно он узнал м-ра Пиквика с первого взгляда.

— Мое имя Тапмен, — отозвался этот джентльмен.

— Мое имя — закон, — сказал м-р Грамер.

— Что? — задал вопрос м-р Тапмен.

— Закон! — ответил м-р Грамер, — закон, власть гражданская и исполнительная — это мои титулы, а вот и мое полномочие: „Пробел * — Тапмен, пробел — Пиквик... против мира державного нашего государя короля... и предусматривая“. Все в надлежащем порядке. Вы арестованы, Пиквик и Тапмен... вышепозванные.

— Что значит эта наглость? — сказал м-р Тапмен, вскакивая с места. — Потрудитесь выйти отсюда!

— Алло! — крикнул м-р Грамер, быстро ретируясь к двери и приоткрывая ее на дюйм или на два. — Дабли!

— Здесь! — послышался в ответ на это густой низкий голос из коридора.

— Сюда, Дабли! — сказал м-р Грамер.

В ответ на команду грязнолицый мужчина ростом выше шести футов и соответственного сложения протиснулся в полуоткрытую дверь (сильно покраснев во время этой операции) и очутился в комнате.

— Другие специальные * констебли за дверь, Дабли? — осведомился м-р Грамер.

М-р Дабли, человек немногословный, утвердительно кивнул головой.

— Введите свой отряд, Дабли, — сказал м-р Грамер.

М-р Дабли исполнил приказание, и в комнату ввалились человек шесть, снабженные дубинками с медной короной. М-р Грамер засунул свой жезл в карман и посмотрел на м-ра Дабли; м-р Дабли засунул свой жезл в карман и по-

смотрел на отряд; констебли засунули свои жезлы в карманы и посмотрели на м-ров Тапмена и Пиквика.

М-р Пиквик и его ученики встали как один человек.

— Что означает это грубое вторжение в мое приватное помещение? — сказал м-р Пиквик.

— Кто смеет меня арестовать? — сказал м-р Тапмен.

— Что вам здесь нужно, каналы? — сказал м-р Снодграс.

М-р Уинкль не сказал ничего, но уставился на Грамера и пожаловал его таким взглядом, который пронзил бы насквозь его мозг, если бы Грамер был способен что-нибудь почувствовать. Но при существующем положении вещей сколько-нибудь заметного воздействия этот взгляд не оказал.

Когда представители исполнительной власти заметили, что м-р Пиквик и его друзья склонны оказать сопротивление закону, они крайне выразительно засучили рукава, словно сшибить сперва с ног, а затем подобрать — акт чисто профессиональный; нужно было только решить, а уж там все произойдет само собою. Эта демонстрация не ускользнула от внимания м-ра Пиквика. Пошептавшись несколько секунд с м-ром Тапменом, он выразил готовность отправиться в резиденцию мэра, но попросил всех прибывших и прибывающих иметь в виду его твердое намерение немедленно по освобождении протестовать против этого чудовищного нарушения его привилегий англичанина; на это все группы прибывших и прибывающих очень весело расхохотались, за исключением одного м-ра Грамера, который, повидимому, считал, что малейшее сомнение в божественном праве судей есть недопустимое кощунство.

Но когда м-р Пиквик выразил готовность склониться перед законами своей страны, и когда лакеи, и конюхи, и горничные, и фореиторы, которые предвкушали приятную суматоху, вытекавшую из его угрожающего упрямства, начали расходиться, разочарованные в своих ожиданиях, — возникло одно непредвиденное затруднение. Несмотря на все свое почтение к законным властям, м-р Пиквик решительно возражал против своего появления на людных улицах в окружении и под охраной слугителей правосудия, подобно простому преступнику.

М-р Грамер, принимая во внимание смятенные чувства населения (ибо день был полупраздничный, и мальчишки еще не разошлись по домам), столь же решительно возражал против того, чтобы идти по другой стороне улицы, и отказывался поверить на слово м-ру Пиквику, что тот отправится прямо к судье, а м-р Пиквик и м-р Тапмен не менее энергически протестовали против расходов по найму кареты, являвшейся единственным респектабельным экипажем, какой можно было получить. Спор разгорался, а дилемма не разрешалась; но как раз в тот момент, когда исполнительная власть собиралась преодолеть нежелание м-ра Пиквика идти к судье избитым приемом, заключавшимся в том, чтобы отнести его туда, кто-то вспомнил, что во дворе гостиницы стоит старый портшез *, который, будучи первоначально сооружен для подагрического джентльмена солидных размеров, выдержит м-ра Пиквика не хуже, чем современный пост-шез *. Портшез был нанят и доставлен в вестибюль гостиницы; м-р Пиквик и м-р Тапмен втиснулись в него и опустили шторы; два носильщика были быстро найдены, и процессия тронулась в путь в торжественном порядке. Специальные констебли окружали посплски; м-р Грамер и м-р Дабли с триумфом шагали впереди; м-р Снодграс и м-р Уинкль шли рука об руку сзади; а пошумное население Ипсуича замыкало шествие.

Для городских лавочников, хотя они имели очень смутное представление о природе преступления, это зрелище не могло не быть весьма назидательным и благотворным. Это была властная рука правосудия, опустившаяся с силой двадцати золотобитов на двух преступников, прибывших из самой столицы; могучей машиной руководил их собственный судья, и ее обслуживали их собственные блюстители порядка; и благодаря их соединенным усилиям оба преступника были надежно заперты в тесном пространстве портшеза. Многочисленны были одобрительные и восторженные возгласы, приветствовавшие м-ра Грамера, когда он с жезлом в руке возглавлял шествие, громки и протяжны были крики, поднятые неумытыми гражданами, и среди этих единодушных изъявлений общественного одобрения процессия подвигалась медленно и величественно вперед.

М-р Уэлер в своей утренней куртке с черными коленкоровыми рукавами возвращался в довольно мрачном расположении духа после безрезультатного созерцания таинственного дома с зеленой калиткой, как вдруг, подняв глаза, узрел толпу, запрудившую улицу и окружавшую некий предмет, весьма похожий на портпез. Желая отвлечь мысли от своего неудачного предприятия, он отступил в сторону, чтобы поглазеть на толпу, и, убедившись, что она выражает восторг преимущественно для собственного своего удовольствия, немедленно начал (для поднятия своего духа) тоже орать изо всех сил.

Проследовал м-р Грамер, проследовал м-р Дабли, проследовали носилки, проследовал отряд охраны, а Сэм все еще отвечал на восторженные клики толпы и размахивал шляпой, словно был вне себя от радости (хотя, конечно, он ни малейшего представления не имел о происходящем), как вдруг его остановило неожиданное появление м-ра Уинкля и м-ра Снодграса.

— Что за шум, джентльмены? — крикнул Сэм. — Кто там у них сидит в этой траурной будке?

Оба джентльмена ответили в один голос, но их слова потонули в гуле.

— Кто? — снова крикнул Сэм.

Ему еще раз в один голос был дан ответ, и хотя слов не было слышно, Сэм догадался по движению двух пар губ, что они произнесли магическое слово „Пиквик“.

Этого было достаточно. В одну минуту м-р Уэлер проложил себе дорогу в толпе, остановил носильщиков и преградил путь осанистому Грамеру.

— Алло, почтенный джентльмен! — крикнул Сэм. — Кого вы спрятали в это вот сооружение?

— Назад! — сказал м-р Грамер, у которого, как и у многих других людей, чувство собственного достоинства удивительно выросло благодаря маленькой популярности.

— Дайте ему хорошенько, чтоб не путался, — посоветовал м-р Дабли.

— Я вам очень признателен, почтенный джентльмен, — отвечал Сэм, — за вашу заботу о моих удобствах, и я еще более

признателен другому джентльмену, у которого такой вид, будто он только что удрал из каравана великанов, за его прекрасный совет, но я бы предпочел, чтобы вы ответили на мой вопрос, если вам все равно... Как поживаете, сэр? — Это последнее замечание было адресовано покровительственным тоном м-ру Пиквику, который смотрел в переднее оконце.

М-р Грамер, онемев от негодования, извлек жезл с медной короной из особого кармана и помахал им перед глазами Сэма.

— А, — сказал Сэм, — очень милая вещица, особенно корона, совсем как настоящая.

— Назад! — кричал возмущенный м-р Грамер. Чтобы придать силу своему распоряжению, он ткнул медной эмблемой королевской власти в галстук Сэма и схватил его другой рукой за шиворот: любезность, на которую м-р Уэлер ответил, сбив его с ног одним ударом, предварительно и весьма заботливо уложив под него одного из носильщиков.

Был ли м-р Уинкль поражен временным припадком того безумия, какое порождается оскорбленным чувством, или воодушевлен доблестным примером м-ра Уэлера, — неизвестно, но известен тот факт, что, едва узрев поверженного м-ра Грамера, он храбро налетел на мальчишку, который стоял возле него, после чего м-р Снодграс, действуя в истинно христианском духе и с целью никого не застигнуть врасплох, провозгласил очень громким голосом, что намерен приступить к действию, и с величайшей заботливостью начал снимать сюртук. Он был немедленно окружен и обезоружен; и нужно отдать справедливость как ему, так и м-ру Уинклю, — они не сделали ни малейшей попытки ни к своему освобождению, ни к освобождению м-ра Уэлера, который, после самого энергического сопротивления, был сломлен количественно превосходящим противником и захвачен в плен. Затем процессия перестроилась, носильщики снова заняли свои места, и шествие возобновилось.

Негодование м-ра Пиквика в течение всей сцены было безгранично. Он мог видеть только, как Сэм опрокидывал специальных констеблей и метался во всех направлениях, и

больше он ничего не видел, ибо дверцы портшеза не открывались, а шторы не поднимались. Наконец с помощью м-ра Таппена ему удалось откинуть крышку портшеза. Взобравшись на сиденье и придерживаясь за плечо этого джентльмена, чтобы не потерять равновесия, м-р Пиквик обратился к толпе с речью: он настаивал на недопустимом способе обращения с ним и призывал всех в свидетели, что его слуга первый подвергся нападению *. Таким порядком приблизились они и к дому мэра: носильщики бежали рысью, арестованные следовали за ними, м-р Пиквик ораторствовал, толпа кричала.

ГЛАВА XXV

показывающая, наряду с приятными вещами, сколь величествен и беспристрастен был м-р Напкинс, и как м-р Уэллер отбил волю м-ра Джоба Тротера с такою же силой, с какою тот был пущен; и еще кое о чем, что будет обнаружено в надлежащем месте

Велико было негодование м-ра Уэллера, когда его уносили; многочисленны были намеки на наружность и манеры м-ра Грамера и его спутника, и доблестны были выпады против каждого из шести державших его джентльменов, выражавшие его неудовольствие. М-р Снодграс и м-р Уинкль прислушивались с мрачным почтением к потоку красноречия, который изливал их учитель из портшеза и быстрое течение коего ни на мгновение не прерывалось, невзирая на самые пылкие мольбы м-ра Таппена опустить крышку экипажа. Но гнев м-ра Уэллера быстро уступил место любопытству, когда шествие свернуло к тому самому двору, где он встретился со сбежавшим Джобом Тротером; а любопытство сменилось радостным изумлением, когда напыщенный м-р Грамер, приказав носильщикам остановиться,

приблизился степенным и торжественным шагом к зеленой калитке, из которой вышел Джоб Тротер, и сильно дернул ручку звонка, висевшего у калитки. На звонок явилась очень изящная и хорошенькая служанка, которая сначала всплеснула руками, изумленная мятежным видом арестованных и страстной речью м-ра Пиквика, затем вызвала м-ра Мазля. М-р Мазль открыл одну половину ворот, чтобы пропустить портшез, пленников и констеблей, и немедленно захлопнул ее перед носом толпы, которая, возмущаясь тем, что ее отстранили, и горя желанием видеть происходящее, дала исход своим чувствам и начала колотить ногами в ворота и дергать звонок, каковое занятие продолжалось без перерыва около двух часов. Этой забаве предавались все по очереди, за исключением трех-четырех счастливых, обнаруживших в воротах щель, через которую ничего не было видно, и смотревших сквозь нее с той неутомимой настойчивостью, с какой люди прижимаются носом к передним окнам аптеки, когда в задней комнате подвергается врачебному осмотру пьяный, которого опрокинула на улице двуколка.

Перед лестницей, ведущей к двери дома, которая с обеих сторон охранялась агавами в зеленых кадках, портшез остановился. М-ра Пиквика и его друзей препроводили в вестибюль, откуда, после предварительного доклада м-ра Мазля и распоряжения, отданного м-ром Напкином, их провели наверх, где они и предстали перед его честью, одушевленную заботами об общественном благоденствии.

Зрелище было величественное, рассчитанное на то, чтобы поразить ужасом сердце преступников и внушить им соответствующее представление о суровом величии закона. Перед огромным книжным шкафом, в огромном кресле, за огромным столом, перед огромным фолиантом восседал м-р Напкинс, казавшийся вдвое больше любого из этих предметов, как ни были они огромны. Стол был завален кучами бумаг; на дальнем его конце виднелись голова и плечи м-ра Джинкса, который деловито старался принять деловитый вид. Когда все вошли, м-р Мазль старательно запер дверь и поместился за креслом своего хозяина в ожидании распоряжений. М-р Напкинс от-

кинулся назад с волнующей торжественностью и изучал лица своих гостей, явившихся сюда не по доброй воле.

— Грамер, кого вы привели? — спросил м-р Нанкинс, указывая на м-ра Пиквика, который взял на себя роль представителя своих друзей и стоял со шляпой в руке, кланяясь с величайшей учтивостью и почтением.

— Это-вот Пиквик, ваш-шесть, — сказал Грамер.

— Ну-ну, никаких „этих-вот“, старый трут! — вмешался м-р Уэлер, проталкиваясь в первый ряд. — Прошу прощения, сэр, но этот ваш чин в непромокаемых сапогах никогда не заработает на приличную жизнь, если сделается где-нибудь церемониймейстером. Это-вот сэр, — продолжал м-р Уэлер, отстраняя Грамера и с приятной фамильярностью обращаясь к судье. — это-вот м-р Пиквик, эскуайр, это-вот м-р Тапмен, это-вот м-р Снодграс, а дальше, по другую сторону от него, м-р Уинкль — все очень порядочные джентльмены, сэр, с которыми вы рады будете познакомиться; и потому, чем скорее вы отправите месяца на два этих-вот своих чинов на ножную * мельницу, тем скорее мы придем к приятному соглашению. Сперва дело, потом удовольствие, как говорил король Ричард * Третий, когда заколол другого короля в Тауере, раньше чем придушить его детей.

В заключение этой речи м-р Уэлер почистил шляпу правым локтем и благосклонно кивнул головой Джинксу, который слушал все это с невыразимым ужасом.

— Кто этот человек, Грамер? — спросил судья.

— Отчаянный тип, ваш-шесть, — ответил Грамер. — Он пытался освободить арестованных и совершил нападение * на констеблей, тогда мы его задержали и привели сюда.

— Вы поступили правильно, — отозвался судья. — Новидному, это отчаянный головорез!

— Это мой слуга, сэр, — раздраженно сказал м-р Пиквик.

— А, так это ваш слуга, не правда ли? — переспросил м-р Нанкинс. — Заговор с целью противодействия правосудию и убийства его представителей. Слуга Пиквика. М-р Джинкс, запишите это.

М-р Джинкс записал это.

— Как вас зовут, почтеннейший? — прогремел м-р Напкинс.

— Веллер, — ответил Сэм.

— Прекрасное имя для Ньюгетского * справочника, — сказал м-р Напкинс.

Эта была острота; поэтому Джинкс, Грамер, Дабли, все специальные констебли и Мазль разразились смехом, длившимся пять минут.

— Запишите его имя, м-р Джинкс, — сказал судья.

— Два А, приятель, — сказал Сэм.

Тут один злополучный специальный снова засмеялся, за что судья пригрозил отдать его немедленно под стражу. В таких случаях опасно смеяться некстати.

— Где вы живете? — спросил судья.

— Где придется, — ответил Сэм.

— Запишите это, м-р Джинкс, — сказал судья, гнев которого быстро нарастал.

— И подчеркните, — сказал Сэм.

— Он бродяга, м-р Джинкс, — сказал судья. — Бродяга по собственному признанию. Не так ли, м-р Джинкс?

— Разумеется, сэр.

— В таком случае я его как бродягу вверю... вверю надежной охране, — сказал м-р Напкинс.

— Вот страна беспристрастного правосудия, — сказал Сэм: — судья вдвое больше верит другим, чем себе.

Услышав этот выпад, засмеялся еще один специальный констебль, но тотчас попытался придать себе такой неестественно торжественный вид, что судья немедленно открыл виновника.

— Грамер, — сказал м-р Напкинс, краснея от гнева, — как вы посмели назначить специальным констеблем такого никуда не годного и бесстыдного субъекта? Как вы посмели, сэр?

— Мне очень жаль, ваш-шесть, — пробормотал Грамер.

— Очень жаль! — воскликнул взбешенный судья. — Вы раскаетесь в таком небрежном отношении к своему долгу, м-р Грамер! Вы будете примерно наказаны! Отнимите жезл у этого молодца, он пьян. Вы пьяны, любезный!

— Я не пьян, ваша честь, — сказал тот.

— Вы пьяны, — возразил судья. — Как вы смеете говорить, что не пьяны, сэр, когда я говорю, что вы пьяны? От него пахнет спиртом, Грамер?

— Ужасно, ваш-шесть, — ответил Грамер, у которого было смутное впечатление, что около него пахнет ромом.

— Я наперед знал, что он пьян, — сказал м-р Напкинс. — Как только он вошел, я по его возбужденному взгляду сразу увидел, что он пьян. Вы заметили его возбужденный взгляд, м-р Джинкс?

— Разумеется, сэр.

— Сегодня у меня во рту не было ни капли спиртного, — сказал человек, который всегда был самым трезвым человеком.

— Как вы смеете мне лгать! — воскликнул м-р Напкинс. — Он пьян, м-р Джинкс?

— Разумеется, сэр, — ответил Джинкс.

— М-р Джинкс, — сказал судья, — я арестую этого человека за неуважение к суду. Составьте акт о взятии его под стражу, м-р Джинкс.

И специального констебля взяли бы под стражу, если бы Джинкс, который был советчиком судьи (ибо получил юридическое образование, проведя три года в конторе провинциального атерии), не шепнул судье, что, по его мнению, этого не следует делать; посему судья произнес речь и сказал, что, снисходя к семье констебля, он ограничится выговором и освобождением его от обязанностей. В соответствии с этим он в течение четверти часа горячо отчитывал специального констебля и только тогда отправил его во-свойси; Грамер, Дабли, Мазль и другие специальные что-то бормотали, восхищаясь великодушием м-ра Напкина.

— А теперь, м-р Джинкс, — сказал судья, — снимите показания у Грамера.

Грамер тотчас же приступил к даче показаний под присягою; но так как Грамер сбивался в своих показаниях, а время обеда м-ра Напкина приближалось, м-р Напкинс сократил процедуру, задавая Грамеру наводящие вопросы, на которые Грамер отвечал по мере сил удовлетворительно. Таким образом, допрос

прошел очень гладко и плавно: м-ру Уэллеру было предъявлено обвинение в двух случаях нападения*, м-ру Уинклю — в угрозах, а м-ру Снодграсу — в подстрекательстве. Когда все это к удовольствию судьи закончилось, судья и м-р Джинкс начали шопотом совещаться.

После совещания, длившегося минут десять, м-р Джинкс удалился к своему концу стола, а судья, предварительно откашлявшись, выпрямился в кресле и приготовился произнести речь, как вдруг вмешался м-р Пиквик.

— Простите, сэр, если я перебиваю вас, — сказал м-р Пиквик, — но раньше чем вы начнете говорить и действовать согласно тому мнению, какое могли себе составить на основании данных здесь показаний, я должен заявить о своем праве быть выслушанным, поскольку я лично в этом заинтересован.

— Попридержите язык, сэр! — повелительно сказал судья.

— Я должен подчиниться, сэр, — сказал м-р Пиквик.

— Попридержите язык, сэр, — перебил судья, — или я прикажу вас вывести.

— Вы можете приказать своим подчиненным все, что вам угодно, сэр, — сказал м-р Пиквик. — Испытав на собственном опыте субординацию, какая ими соблюдается, я ни мало не сомневаюсь, что любое ваше приказание будет исполнено, сэр, но беру на себя смелость, сэр, заявить, что я настаиваю на своем праве быть выслушанным, пока меня не вывели насильно.

— Пиквик и принцип! — воскликнул м-р Уэллер звучным голосом.

— Сэм, молчите, — сказал м-р Пиквик.

— Нем, как продранный барабан, сэр, — ответил Сэм.

М-р Папкине устремил крайне изумленный взгляд на м-ра Пиквика, проявившего столь необычайную смелость, и, казалось, собирався дать весьма гневный ответ, но в это время м-р Джинкс дернул его за рукав и шепнул ему что-то на ухо. На это судья ответил вполголоса, и шопот возобновился. Джинкс, повидимому, его в чем-то убеждал.

Наконец судья, проглотив с кислой миной свое нежелание слушать, повернулся к м-ру Пиквику и резко спросил:

— Что вам угодно сказать?

— Во-первых, — начал м-р Пиквик, бросая сквозь очки взгляд, от которого даже Напкинс дрогнул, — во-первых, я желаю знать, на каком основании привели сюда меня и моего друга?

— Обязан я отвечать ему? — шепнул судья Джинксу.

— Я думаю, что вы лучше сделаете, если ответите, сэр, — шепнул Джинкс судье.

— Мне дана была под присягою информация, — сказал судья, — что есть основания опасаться дуэли, которую вы затеиваете, а этот другой обвиняемый — Тапмен — ваш сообщник и подстрекатель. Посему... как, м-р Джинкс?

— Разумеется, сэр.

— Посему я постановляю вас обоих... мне кажется, я не ошибаюсь, м-р Джинкс?

— Разумеется, сэр.

— Э... э... что, м-р Джинкс? — раздражительно спросил судья.

— Найти поручителей, сэр.

— Именно. Посему я постановляю, как я начал, когда меня перебил мой клерк, найти поручителей.

— Надежных поручителей, — прошептал Джинкс.

— Я потребую надежных поручителей, — сказал судья.

— Из жителей этого города, — прошептал Джинкс.

— Которые должны быть жителями этого города, — сказал судья.

— Пятьдесят фунтов каждый, — прошептал Джинкс, — и, конечно, домохозяева.

— Я потребую два залога по пятьдесят фунтов каждый, — сказал судья громко и с большим достоинством, — и поручители, конечно, должны быть домохозяева.

— Но, помилуй бог, сэр, — воскликнул м-р Пиквик, который, как и м-р Тапмен, был вне себя от изумления и негодования, — мы совершенно чужие люди в этом городе. У меня нет ни одного знакомого среди здешних домохозяев, точно так же, как нет ни малейшего намерения драться с кем бы то ни было на дуэли.

— Я думаю, я думаю, — ответил судья, — не так ли, м-р Джинкс?

— Разумеется, сэр.

— Что вы имеете еще сказать? — осведомился судья.

М-р Пиквик имел сказать многое и несомненно сказал бы, далеко не к своей выгоде и не к удовольствию судьи, если бы его в тот самый момент, когда он сделал свое заявление, не дернул за рукав м-р Уэлер, с которым он немедленно завязал столь оживленный разговор, что вовсе не слышал вопроса судьи. М-р Напкинс не принадлежал к числу людей, способных повторять подобного рода вопросы; и посему, предварительно откашлявшись, он приступил к вынесению приговора, сопровождавшемуся почтительным и всехищенным молчанием констеблей.

Он приговаривал Уэлера уплатить штраф в два фунта за первое нападение, и в три фунта за второе. Он приговаривал Уинкля к уплате штрафа в два фунта, а Снодграса в один фунт, и сверх того потребовал от них письменные обязательства * в том, что они будут соблюдать мир по отношению поданных его величества, и в частности его верноподданного слуги Деннела Грамера. Пиквика и Тапмена он уже обязал представить поручителей.

Как только судья кончил говорить, м-р Пиквик с улыбкой, вновь засиявшей на его благодушной физиономии, шагнул вперед и сказал:

— Прошу прощения у судьи, но не предоставит ли он мне несколько минут для конфиденциального разговора с ним по вопросу, чрезвычайно важному для него самого?

— Что? — сказал судья.

М-р Пиквик повторил свою просьбу.

— Это в высшей степени необыкновенная просьба, — сказал судья. — Конфиденциальная беседа?

— Конфиденциальная беседа, — твердо ответил м-р Пиквик, — но так как часть тех сведений, которые я желаю сообщить, получены от моего слуги, то я хотел бы, чтобы он при этом присутствовал.

Судья посмотрел на м-ра Джинкса; м-р Джинкс посмотрел на судью; полицейские с изумлением посмотрели друг на

друга. М-р Напкинс вдруг побледнел. Может быть, этот Уэлер, в минуту раскаяния, желает раскрыть какой-нибудь тайный заговор, составленный против его жизни? Об этом страшно было подумать. Ведь он общественный деятель, и он побледнел еще больше, вспомнив Юлия Цезаря и м-ра Персевела *.

Судья снова посмотрел на м-ра Пиквика и сделал знак м-ру Джинксу.

— Что вы думаете об этой просьбе, м-р Джинкс? — прошептал м-р Напкинс.

М-р Джинкс, который хорошенько не знал, что о ней думать, и боялся промахнуться, слабо улыбнулся, с нерешительным видом, и, скривив губы, медленно покачал головой.

— М-р Джинкс, — торжественно сказал судья, — вы осел!

Услышав такое заключение, м-р Джинкс снова улыбнулся — улыбка вышла более бледной, чем в первый раз, — и шаг за шагом отступил в свой угол.

М-р Напкинс в течение нескольких секунд обдумывал вопрос самостоятельно, а затем, встав с кресла и предложив м-ру Пиквику и Саму следовать за ним, направился в маленькую комнату, которая сообщалась с камерой судьи. Предложив м-ру Пиквику удалиться в другой конец маленького помещения и придерживая рукой приоткрытую дверь, дабы иметь возможность отступить немедленно при малейшем намеке на враждебные действия, он выразил готовность выслушать сообщение.

— Приступаю прямо к делу, сэр, — сказал м-р Пиквик, — оно существенно затрагивает вас и ваше доброе имя. У меня есть все основания предполагать, сэр, что вы укрываете в своем доме грубого самозванца!

— Двух, — перебил Сам. — Шелковида оскорбляет всю природу слезами и подлостью!

— Сам, — сказал м-р Пиквик, — дабы этот джентльмен меня понял, я должен просить вас сдерживать свои чувства.

— Простите, сэр, — отозвался м-р Уэлер, — но стоит мне подумать об этом-вот Джобе, и я не могу не приоткрыть клапан дюйма на два.

— Словом, сэр, — продолжал м-р Пиквик, — прав ли мой слуга, когда подозревает, что некий капитан Фиг-Маршал

часто бывает у вас в доме? Ибо, — добавил м-р Пиквик, заметив, что м-р Напкинс готов его прервать с величайшим негодованием, — ибо, если это так, я знаю, что этот человек...

— Тише, тише, — сказал м-р Напкинс, закрывая дверь. — Вы знаете, сэр, что этот человек...

— Беспринципный авантюрист, бесчестный человек, который живет на чужой счет и делает легковых людей своими жертвами, сэр, — нелепыми, одураченными, несчастными жертвами, сэр, — ответил взволнованный м-р Пиквик.

— Боже мой, — воскликнул м-р Напкинс, густо краснея и мгновенно меняя тон. — Боже мой, м-р...

— Пиквик, — сказал Сэм.

— Пиквик, — сказал судья, — боже мой, м-р Пиквик... пожалуйста, присядьте... что вы говорите? Капитан Фиг-Маршел?

— Не называйте его ни капитаном, ни Фиг-Маршелом, — сказал Сэм, — он ни то, ни другое. Бродячий актер, вот кто он такой, а зовут его Джингль! А если бывает на свете волк в шелковичной паре, так это-вот и есть Джоб Тротер.

— Это истинная правда, сэр, — сказал м-р Пиквик, отвечая на изумленный взгляд судьи, — в этом городе у меня есть одно только дело: разоблачить человека, о котором мы сейчас говорим.

М-р Пиквик начал передавать в пораженное ужасом ухо м-ра Напкинса краткий перечень преступлений м-ра Джингля. Он рассказал, как встретился с ним впервые, как Джингль удрал с мисс Уордль, как он за денежное вознаграждение беззаботно отказался от этой леди, как он его самого заманил в женский пансион в полночь, и как он (м-р Пиквик) считал теперь своим долгом уличить его в присвоении похищенного им в настоящее время имени и звания.

По мере того как развертывался рассказ, вся горячая кровь в теле м-ра Напкинса поднялась до самых кончиков его ушей. Он подцепил капитана на соседнем ипподроме. Очарованные длинным списком его аристократических знакомств, его путешествиями в далекие страны и фешенебельными манерами, м-с Напкинс и мисс Напкинс демонстрировали капитана Фиг-

Маршела, цитировали капитана Фид-Маршела, носились с капитаном Фид-Маршелом в избранном кружке своих знакомых, так, что их закадычные друзья, м-с Поркенхем и все мисс Поркенхем и м-р Сидни Поркенхем готовы были умереть от зависти и отчаяния. А теперь узнать вдруг, что он нищий, авантюрист, бродячий комедиант, и если не мошенник, то так похож на мошенника, что разницу установить трудно! О небо! Что скажут Поркенхемы! Каково будет торжество м-ра Сидни Поркенхема, когда он узнает, что его ухаживанием пренебрегли ради такого соперника! Как встретит он, Напкинс, взгляд старого Поркенхема на ближайшей квартальной сессии судей! А какой это будет козырь для оппозиционной судьи партии, когда эта история разгласится!

— Но в конце концов, — сказал, на секунду повеселев, после долгого молчания м-р Напкинс, — в конце концов это голословное заявление. Капитан Фид-Маршел — человек с обворожительными манерами, и, я думаю, у него не мало врагов. Какими доказательствами вы можете подкрепить это сообщение?

— Сведите меня с ним, — сказал м-р Пиквик, — вот все, о чем я прошу и на чем настаиваю. Сведите с ним меня и моих друзей, больше никаких доказательств не понадобится.

— Ну, что ж, — сказал м-р Напкинс, — это очень не трудно сделать, так как он будет у меня сегодня вечером, а затем нет необходимости предавать это дело огласке, ради... ради, знаете ли, самого молодого человека. Но прежде всего я бы хотел обсудить с м-с Напкинс уместность такого шага. Во всяком случае, м-р Пиквик, мы должны покончить с этим судебным делом раньше, чем предпринять что-либо другое. Не угодно ли вам вернуться в соседнюю комнату?

И они вернулись в соседнюю комнату.

— Грамер! — произнес грозным голосом судья.

— Ваш-шесть, — отозвался Грамер с улыбкой фаворита.

— Пожалуйста, сэр, — сурово сказал судья, — избавьте меня от такого легкомыслия. Оно весьма неуместно, и смею уверить — у вас мало оснований улыбаться. Показания, которые

вы мне только что дали, в точности соответствуют положению вещей? Только будьте осторожны, сэр.

— Ваш-шесть, — заикаясь, начал Грамер, — я...

— Ага, вы смущены! — сказал судья. — М-р Джинкс, вы замечаете это смущение?

— Разумеется, сэр, — ответил Джинкс.

— Ну, так, — сказал судья, — повторите ваше показание, Грамер, и я еще раз предупреждаю вас — будьте осторожны. М-р Джинкс, записывайте его слова.

Злополучный Грамер начал снова излагать свою жалобу, но, благодаря тому, что м-р Джинкс запечатлевал его слова, а судья припечатывал их, а также благодаря своей природной склонности говорить бессвязно и крайнему смущению, он меньше чем в три минуты запутался в такой паутине противоречий, что м-р Напкинс тут же заявил о том, что не верит ему. Поэтому штрафы были отменены, а м-р Джинкс мгновенно нашел двух поручителей. Когда вся эта торжественная процедура была закончена удовлетворительным образом, м-р Грамер был позорно изгнан — устрашающий пример неустойчивости человеческого величия и ненадежности благоволения великих людей.

М-с Напкинс была величественная дама в яркорозовом газовом тюрбане и светлокаштановом парике. Мисс Напкинс обладала всем высокомерием мамыши, но без тюрбана, и ее злобным нравом, но без парика, и всякий раз, когда проявление этих двух милых качеств сталкивало мать и дочь с какой-нибудь неприятной проблемой, что случалось нередко, они действовали сообща, слагая вину на плечи м-ра Напкинса. Поэтому, когда м-р Напкинс отыскал м-с Напкинс и передал сообщение, сделанное м-ром Пиквиком, м-с Напкинс вдруг вспомнила, что она всегда подозревала нечто в этом роде, она всегда говорила, что это случится, ее советам никогда не следовали, она поистине не знала, за кого ее принимает м-р Напкинс, и так далее.

— Подумать только! — воскликнула мисс Напкинс, выжимая в уголках своих глаз по слезинке весьма миниатюрных размеров. — Подумать только, что меня так одурачили!

— О! Вы можете поблагодарить своего папашу, дорогая моя,— сказала м-с Напкинс.— Как я молила и просила этого человека разузнать о семье капитана, как я настаивала и убеждала его сделать какой-нибудь решительный шаг! Я совершенно уверена, что никто этому не поверит... никто.

— Но, дорогая моя... — начал м-р Напкинс.

— Не разговаривайте со мной, несносное создание, не разговаривайте! — сказала м-с Напкинс.

— Милая моя, — сказал м-р Напкинс, — вы не скрывали своей глубокой симпатии к капитану Фид-Маршелу. Вы постоянно приглашали его к нам, моя дорогая, и не теряли случая ввести его в другие дома.

— Не говорила я вам этого, Генриетта? — тоном глубоко оскорбленной женщины воскликнула м-с Напкинс, вызывая к дочери. — Не сказала ли я, что ваш папа вывернется и во всем будет обвинять меня? Не говорила я?

При этом м-с Напкинс расплакалась.

— О папа! — воскликнула мисс Напкинс с упреком. И при этом тоже расплакалась.

— Это уж слишком — укорять меня, будто я причина всего, когда он сам поставил нас в такое позорное и смешное положение! — возопила м-с Напкинс.

— Как мы теперь покажемся в обществе! — сказала мисс Напкинс.

— Как мы встретимся с Поркенхемами! — воскликнула м-с Напкинс.

— Или с Григами! — воскликнула мисс Напкинс.

— Или со Сламентаукенами! — воскликнула м-с Напкинс. — Но какое до этого дело вашему папе! Ему что! — При этой ужасной мысли м-с Напкинс зарыдала в душевной тоске, и мисс Напкинс последовала ее примеру.

Слезы м-с Напкинс продолжали струиться с большой стремительностью, пока она выгадывала время, чтобы обдумать создавшееся положение, и пока не решила мысленно, что наилучшим выходом будет предложить м-ру Пиквику и его друзьям остаться у них до прибытия капитана, и таким образом предоставить м-ру Пиквику случай, которого он искал. Если

выяснится, что он сказал правду, капитану можно будет отказать от дома, не разглашая этой истории, Поркенхемам объяснить его исчезновение, сказав, что благодаря влиянию его семьи при дворе он назначен на пост генерал-губернатора в Сьерра-Леоне * или Соугер Пойнт или еще в какое-нибудь из тех мест с целебным климатом, которые так очаровывают европейцев, что им редко удается, попав туда, вернуться на родину.

Когда м-с Папкинс осушила свои слезы, то и мисс Папкинс осушила свои, и м-р Папкинс был очень рад уладить дело так, как предлагала м-с Папкинс. Таким образом, м-р Пиквик и его друзья, смывшие все следы недавнего столкновения, были приглашены к дамам и вскоре после этого — к обеду; а м-р Уэлер, которого судья со свойственной ему пронизательностью признал по истечении получаса одним из чудеснейших малых, был препоручен заботам и попечению м-ра Мазля, который с превеликим удовольствием повел его вниз, относясь к нему с особым вниманием.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — осведомился м-р Мазль, провожая м-ра Уэлера в кухню.

— Никакой значительной перемены не произошло в состоянии моей системы с тех пор, как вы торчали за креслом вашего командира в кабинете, — ответил Сэм.

— Вы простите, что я в то время не обратил на вас должного внимания, — сказал м-р Мазль. — Нас ведь хозяин тогда еще не познакомил. Ах, как вы ему понравились, м-р Уэлер, уверяю вас!

— А! — отозвался Сэм, — это в высшей степени любезно с его стороны.

— Не правда ли? — подхватил м-р Мазль.

— Такой шутник, — продолжал Сэм.

— И такой мастер говорить, — сказал м-р Мазль. — Как мысли-то у него текут!

— Удивительно, — ответил Сэм, — они так и брызжут и стучаются головами так, что как будто оглушают друг друга. Трудно даже догадаться, куда он клонит!

— Да, это великое достоинство его слога, — заметил м-р Мазль. — Осторожно на этой последней ступеньке,

м-р Уэлер! Не хотите ли вымыть руки, сэр, прежде чем мы явимся к леди? Вот, сэр, ушат с водой, а за дверью полотенце для общего употребления.

— Пожалуй, пополоскаться следует, — ответил м-р Уэлер, намывая полотенце желтым мылом и растирая лицо, пока оно не заблестело. — Сколько у вас леди?

— У нас на кухне только две, — сообщил м-р Мазль, — кухарка и горничная. Для черной работы мы держим под-ручного и кроме того одну девушку, но они обедают в пра-чечной.

— О, они обедают в прачечной? — переспросил м-р Уэлер.

— Да, — ответил м-р Мазль. — Когда они только поступили, мы попробовали пустить их за свой стол, но не могли выдер-жать. У судомойки ужасно вульгарные манеры, а паренек так сопит, когда ест, что невозможно сидеть с ним за одним столом.

— Молодой бегемот! — заметил м-р Уэлер.

— О, ужасно! — подхватил м-р Мазль. — Это самая плохая сторона службы в провинции, м-р Уэлер, молодые люди — такие дикари. Сюда пожалуйста, сэр, сюда!

Опередив с величайшей вежливостью м-ра Уэлера, Мазль ввел его в кухню.

— Мери, — сказал м-р Мазль хорошенькой служанке, — это м-р Уэлер, джентльмен, которого прислал сюда хозяин и велел его принять получше.

— А ваш хозяин понимает дело и послал меня как раз в надлежащее место, — заметил м-р Уэлер, взглянув с восхи-щением на Мери. — Будь я хозяином этого-вот дома, я тоже считал бы, что получше — значит возле Мери.

— Ах, м-р Уэлер! — зардевшись, сказала Мери.

— Ну, а я не при чем! — воскликнула кухарка.

— Ах, боже мой, повариха, я и забыл! — сказал м-р Мазль. — М-р Уэлер, разрешите вас представить.

— Как поживаете, сударыня? — произнес м-р Уэлер. — Очень рад познакомиться с вами, и надеюсь, что наше знакомство будет длительным, как говорил джентльмен, обращаясь к пяти-фунтовому билету.

Когда церемония представления была закончена, кухарка и Мери удалились в людскую, чтобы там минут десять похихикать; потом вернулись, смеясь и краснея, и сели обедать.

Свободные манеры м-ра Уэлера и его разговорные таланты возымели столь непреодолимое действие на его новых друзей, что задолго до конца обеда они уже сошлись на короткую ногу и узнали со всеми подробностями о вероломстве Джоба Тротера.

— Я никогда не выносила этого Джоба, — сказала Мери.

— Иначе и быть не могло, моя милая, — отозвался м-р Уэлер.

— Почему? — осведомилась Мери.

— Потому, что уродство и надувательство никогда не могут подружиться с красотой и добродетелью, — ответил м-р Уэлер. — Не правда ли, м-р Мазль?

— Никким образом, — отозвался этот джентльмен.

По этому случаю Мери рассмеялась и сказала, что ее расшемила кухарка, а кухарка рассмеялась и сказала, что она не смешила.

— У меня нет стакана, — сказала Мери.

— Пейте из моего, моя прелесть, — предложил м-р Уэлер. — Приложите губки к этому-вот стакану, и тогда я могу вас поцеловать через посредника.

— Как вам не стыдно, м-р Уэлер! — сказала Мери.

— Почему должно быть стыдно, моя драгоценная?

— Стыдно так говорить.

— Вздор! Никакой беды тут нет. Это натурально. Не правда ли? — обратился м-р Уэлер к кухарке.

— Не спрашивайте меня, бесстыдник, — ответила кухарка в превеликом восхищении.

По этому случаю кухарка и Мери снова стали хохотать, пока вследствие совместного действия пива, холодного мяса и смеха эта последняя юная леди едва не задохнулась — утраченный припадок, от коего она оправилась только благодаря похлопыванию по спине и другим необходимым услугам, которые с величайшей деликатностью оказывал м-р Сэмюел Уэлер.

В самый разгар веселья и смеха раздался громкий звонок у садовой калитки; молодой джентльмен, который обедал в прачечной, ответил на него немедленно. Внимание м-ра Уэлера было всецело поглощено хорошенькой горничной; м-р Мазль был занят угощением гостя, а кухарка только что перестала хохотать и подносила ко рту огромный кусок, как вдруг дверь в кухню открылась, и вошел м-р Джоб Тротер.

Мы сказали — вошел м-р Джоб Тротер, но это выражение не отвечает нашему правилу строго придерживаться фактов. Дверь открылась, и появился м-р Тротер. Он хотел войти и даже как раз собирался это сделать, когда заметил м-ра Уэлера, невольно отступил шага на два и остановился, взвешивая на неожиданно открывшуюся перед ним картину, совершенно оделеневший от изумления и ужаса.

— Вот он! — воскликнул Сэм, весело вскакивая с места. — Да ведь мы только что о вас говорили! Как поживаете? Где вы были? Входите.

Возложив руку на шелковичный воротник не сопротивлявшегося Джоба, м-р Уэлер втолкнул его в кухню, запер дверь на ключ и передал ключ м-ру Мазлю, который хладнокровно опустил его в боковой карман и застегнул пуговицу.

— Вот потеха! — вскричал Сэм. — Подумать только, что мой хозяин имел удовольствие встретиться с вашим там наверху, а я радуюсь встрече с вами здесь внизу! Ну, как же вы поживаете и как подвигается дело с колониальной торговлей? Как я рад вас видеть! Какой у вас довольный вид! Истинное наслаждение повидаться с вами, не правда ли, м-р Мазль?

— Истинное, — сказал м-р Мазль.

— Какой он веселый! — сказал Сэм.

— В каком прекрасном духе! — сказал Мазль.

— И как он рад видеть нас — от этого встреча еще приятнее, — сказал Сэм. — Присаживайтесь, присаживайтесь!

М-р Тротер не сопротивлялся и был усажен на стул возле очага. Он поднял свои маленькие глазки сперва на м-ра Уэлера, потом на м-ра Мазля, но ничего не сказал.

— Ну-с, а теперь, — продолжал Сэм, — в присутствии этих леди я бы хотел спросить, просто так, из любопытства, счи-

таете ли вы себя самым милым и воспитанным молодым джентльменом, который прибегает к помощи розового клетчатого платочка и сборника гимнов номер четвертый?

— И который собирался жениться на кухарке? — с негодованием объявила эта леди. — Негодяй!

— И отказаться от дурных привычек и заняться колониальной торговлей? — вставила горничная.

— А теперь я вам расскажу, в чем тут дело, молодой человек, — торжественно начал м-р Мазль, распаляясь при двух последних намеках. — Вот эта леди (указывая на кухарку) водит компанию со мной, и когда вы осмеливаетесь, сэр, говорить о том, что откроете вместе с ней колониальную лавку, вы меня раните в самое чувствительнейшее место, в какое только может один мужчина ранить другого. Вы меня понимаете, сэр?

Тут м-р Мазль, который, в подражание своему хозяину, был высокого мнения о своем красноречии, умолк в ожидании ответа.

Но м-р Тротер не дал никакого ответа. И м-р Мазль продолжал торжественным тоном:

— Очень возможно, сэр, что наверху вы не понадобитесь в течение нескольких минут, сэр, потому что мой хозяин в настоящее время чрезвычайно занят — сводит счета с вашим хозяином, сэр, и, стало быть, у нас найдется свободное время, сэр, для маленького секретного разговора со мной, сэр. Вы меня понимаете, сэр?

М-р Мазль снова умолк в ожидании ответа, и снова м-р Тротер его разочаровал.

— Ну, в таком случае, — сказал м-р Мазль, — мне очень жаль, что приходится объясняться в присутствии леди, но важность этого дела послужит мне извинением. В людской никого нет, сэр. Если вы пройдете туда, сэр, м-р Уэлер позаботится, чтобы все было по правилам, и мы можем получить взаимное удовлетворение, пока не зазвонит колокольчик. Следуйте за мной, сэр!

Произнеся эти слова, м-р Мазль шагнул к двери и, дабы выиграть время, начал на ходу снимать куртку.

Но как только кухарка услышала заключительные слова этого смелого вызова и увидела, что м-р Мазль собирается приступить к делу, она испустила громкий и пронзительный вопль и, бросившись на м-ра Джоба Тротера, который тотчас же встал со стула, начала царапать и бить его по широкой плоской физиономии с энергией, свойственной возбужденным особам женского пола, и, запустив руки в его длинные черные волосы, выдрала примерно столько, что хватило бы на пять-шесть дюжин траурных колец самого большого размера. Совершив этот подвиг со всем пылом, какой внушила ей преданная любовь к м-ру Мазлю, она, шатаясь, отступила, и, будучи леди тонко и деликатно чувствующей, немедленно свалилась под кухонный шкаф и лишилась чувств.

В эту минуту раздался звонок.

— Это за вами, Джоб Тротер, — сказал Сэм, и раньше, чем м-р Тротер мог возразить или ответить, раньше даже, чем он успел остановить кровь из царапин, нанесенных лишившейся чувств леди, Сэм схватил его за одну руку, а м-р Мазль за другую; один тащил вперед, другой подталкивал сзади; так они его и препроводили по лестнице прямо в гостиную.

Их глазам открылась внушительная картина. Альфред Джингль, эскуайр, он же капитан Фид-Маршел, стоял у двери, со шляпой в руке и улыбкой на лице, ни мало не смущенный своим крайне неприятным положением. Против него стоял м-р Пиквик, который, повидимому, внедрил в него какое-то высоконравственное поучение, ибо левая его рука покоилась под фалдами фрака, а правая была простерта в воздухе, по привычке, свойственной ему, когда он произносил торжественные речи. Неподалеку стоял с негодующей физиономией м-р Тапмен, которого заботливо удерживали двое его младших друзей; в дальнем конце комнаты находились м-р Напкинс, м-с Напкинс и мисс Напкинс, мрачно-величественные и жестоко-раздраженные.

— Что мешает мне, — с судейским достоинством произнес м-р Напкинс, когда ввели Джоба, — что мешает мне задержать этих людей как мошенников и самозванцев? Нелепое сострадание. Что мешает мне?

— Чванство, старый приятель, чванство, — отозвался Джингль, сохраняя спокойствие. — Не задержите — не пройдет — за- получили капитана, р? Ха-ха! Очень хорошо — партия для дочери — попали впросак — предать огласке — ни за что на свете — дурацкое положение — весьма!

— Жалкий человек! — воскликнула м-с Напкинс. — Мы презираем ваши гнусные инсинуации.

— Я всегда его терпеть не могла, — добавила Генриетта.

— О, конечно, — сказал Джингль. — Рослый молодой человек — старый поклонник — Сидни Поркенхем — богат — красивый малый — однако, не так богат, как капитан — выставлять его — покончить с ним — все на свете ради капитана — нет равных капитану — все девицы — без ума от него — не так ли, Джоб?

Тут м-р Джингль расхохотался от всей души, а Джоб, радостно потирая руки, издал первый звук с тех пор, как вошел в дом, — тихое, чуть слышное хихиканье, которое как будто имело целью выразить, что он слишком дорожит своим смехом, чтобы позволить ему улетучиться в звуке.

— М-р Напкинс, — сказала старшая леди, — этот разговор неуместен при прислуге. Велите этим бездельникам убраться отсюда.

— Конечно, моя дорогая, — отозвался м-р Напкинс. — Мазль!

— Ваша честь?

— Откройте парадную дверь.

— Слушаю, ваша милость.

— Оставьте этот дом! — сказал м-р Напкинс, выразительно размахивая рукой.

Джингль улыбнулся и шагнул к двери.

— Стойте! — сказал м-р Пиквик.

Джингль остановился.

— Я бы мог, — сказал м-р Пиквик, — отомстить сильнее за все, что перенес от вас и от этого вашего лицемерного друга.

Джоб Тротер поклонился с большой учтивостью и приложил руку к сердцу.

— Я говорю, — продолжал м-р Пиквик, постепенно начиная раздражаться, — что мог бы отомстить сильнее, но я доволь-

ствуюсь тем, что разоблачил вас, каковое разоблачение считаю своим долгом по отношению к обществу. Это снисходительность, сэр, о которой, надеюсь, вы будете помнить.

Когда м-р Пиквик дошел до этого пункта, Джоб Тротер с шутливой важностью приставил руку к уху, словно боялся упустить хотя бы один слог.

— И я могу только добавить, сэр, — сказал м-р Пиквик, окончательно рассердившись, — что я считаю вас мошенником и... и негодяем... и... и хуже которого не видал... и не слышал... за исключением этого набожного святоши и бродяги в шелковичной ливрее.

— Ха-ха! — отозвался Джингль. — Славный малый Пиквик — — доброе сердце — — крепкий старикашка — — но горячиться не следует — — вредно, весьма — — до свиданья — — еще увидимся — — не падайте духом — — ну, Джоб, — — трогай!

С этими словами м-р Джингль нахлобучил шляпу на свой особый лад и вышел из комнаты. Джоб Тротер помешкал, огляделся по сторонам, улыбнулся, а затем, отвесив м-ру Пиквику насмешливо торжественный поклон и подмигнув м-ру Уэлеру с дерзким лукавством, которое превосходило всякое описание, последовал за своим неунывающим хозяином.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик, когда м-р Уэлер двинулся было вслед за ними.

— Сэр?

— Оставайтесь здесь.

М-р Уэлер, казалось, колебался.

— Оставайтесь здесь, — повторил м-р Пиквик.

— Нельзя ли мне отполировать этого-вот Джоба в палисаднике? — спросил м-р Уэлер.

— Конечно, нет, — ответил м-р Пиквик.

— Нельзя ли мне выпырыгнуть его за ворота, сэр? — спросил м-р Уэлер.

— Ни под каким видом, — ответил хозяин.

М-р Уэлер впервые с тех пор, как поступил на службу, соорстил на секунду недовольную и разочарованную мину. Но его физиономия мгновенно прояснилась, ибо коварный

м-р Мазль, спрятавшись за парадной дверью и стремительно выскочив в надлежащий момент, с большой ловкостью спустил как м-ра Джингля, так и его слугу с лестницы в стоявшие внизу кадки с агавами.

— Исполнив свой долг, сэр, — обратился м-р Пиквик к м-ру Напкинсу, — я вместе с моими друзьями распродаюсь с вами. Принося вам благодарность за то гостеприимство, с каким мы были встречены, я прошу разрешения сказать вам от имени всех нас, что мы бы его не приняли и не согласились на подобный выход из создавшегося положения, не будь мы побуждаемы живейшим чувством долга. Завтра мы возвращаемся в Лондон. Вашу тайну мы будем хранить.

Выразив таким образом свой протест против утреннего инцидента, м-р Пиквик низко поклонился и, несмотря на уговоры всей семьи, вышел из комнаты вместе со своими друзьями.

— Наденьте шляпу, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Она внизу, сэр, — ответил Сэм и побежал за нею вниз.

В кухне не было никого, кроме хорошенькой горничной; и так как шляпы Сэма не оказалось на месте, он должен был ее искать, а хорошенькая горничная светила ему. Им пришлось осмотреть всю комнату в поисках шляпы. Хорошенькая горничная, горя желанием найти ее, опустилась на колени и перерыла все вещи, сваленные в углу за дверью. Это был неудобный угол: до него нельзя было добраться, не закрыв предварительно двери.

— Вот она, — сказала хорошенькая горничная. — Это она?

— Дайте-ка, я посмотрю, — сказал Сэм.

Хорошенькая горничная поставила свечу на пол. Свет она давала очень тусклый. Сэму тоже пришлось опуститься на колени, чтобы разглядеть, действительно ли это его шляпа. Это был удивительно тесный угол, и поэтому — в этом не виновен никто, кроме человека, который строил дом, — Сэм и хорошенькая горничная поневоле очутились очень близко друг от друга.

— Да, это она, — сказал Сэм. — Продайте.

— Продайте, — сказала хорошенькая горничная.

— Прощайте, — сказал Сэм, и с этими словами уронил шляпу, которую стоило такого труда найти.

— Какой вы неловкий, — сказала хорошенькая горничная. — Вы опять ее затеряете, если не будете осторожнее.

И только для того, чтобы шляпа снова не затерялась, она надела ее ему на голову.

Казалось ли лице хорошенькой горничной еще красивее, когда она обратила его к Сэму, или это было случайное следствие того, что они находились так близко друг от друга, — остается невыясненным по сей день, но только Сэм ее поцеловал.

— Ведь вы это сделали не нарочно? — краснея, сказала хорошенькая горничная.

— Нет, тогда было не нарочно, — сказал Сэм, — а теперь нарочно.

И он поцеловал ее еще раз.

— Сэм! — крикнул м-р Пиквик, перегнувшись через перила.

— Иду, сэр! — отозвался Сэм, взбегая по лестнице.

— Как долго вы возились! — заметил м-р Пиквик.

— Там было что-то за дверью, сэр, нельзя было ее сразу открыть, — ответил Сэм.

Таков был первый эпизод первой любви м-ра Уэлера.

ГЛАВА XXVI

*которая содержит краткий отчет о ходе дела: Бардль
против Пиквика*

Разоблачив Джингля и достигнув таким образом главной цели своего путешествия, м-р Пиквик решил немедленно вернуться в Лондон, чтобы познакомиться с теми действиями, какие были за это время предприняты против него м-рами Додсоном и Фогом. Следуя этому решению со всей энергией и настойчивостью, свойственными его характеру, он взобрался на заднее место первой же кареты, которая отходила из Ипсуича утром после памятных событий, пространно изложенных в двух предшествующих главах, и в сопровождении трех своих друзей и м-ра Самюэла Уэлера прибыл в столицу, в полном здравии и благополучии, вечером того же дня.

Здесь друзья на некоторое время расстались. М-ры Тапмен, Уинкль и Снодграс разъехались по своим домам, чтобы заняться необходимыми приготовлениями к предстоящему визиту в Дингли-Дэл, а м-р Пиквик и Сэм нашли себе пристанище в очень хорошем, старомодном и комфортабельном помещении — а именно в таверне и гостинице „Джордж и Ястреб“, Джордж-Ярд на Ломберд-стрит.

М-р Пиквик пообедал, покончил со второй пиной превосходного портвейна, прикрыл голову шелковым носовым платком, положил ноги на каминную решетку и откинулся на спинку удобного кресла, когда внезапное появление м-ра Уэлера с дорожной сумкой вывело его из спокойного созерцательного состояния.

— Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Сэр, — откликнулся м-р Уэлер.

— Я только что думал, Сэм, о том, — сказал м-р Пиквик, — что у м-с Бардль на Госуел-стрит осталось очень много вещей, и следовало бы их взять до нашего отъезда.

— Очень хорошо, сэр, — ответил м-р Уэлер.

— Я бы мог отослать их на время к м-ру Тапмену, Сэм, — продолжал м-р Пиквик, — но прежде необходимо их разобрать и уложить. Вам нужно пойти на Госуел-стрит, Сэм, и уладить это дело.

— Сейчас, сэр? — осведомился м-р Уэлер.

— Сейчас, — ответил м-р Пиквик. — Пойдите, Сэм, — добавил м-р Пиквик, вытаскивая кошелек, — нужно уплатить за квартиру. Срок на рождество, но расплатитесь и покончите с этим делом. Я предупреждаю за месяц и отказываюсь от квартиры. Вот предупреждение в письменной форме. Передайте его и скажите м-с Бардль, что она может сдать комнаты, когда ей будет угодно.

— Очень хорошо, сэр, — ответил м-р Уэлер. — Больше ничего, сэр?

— Больше ничего, Сэм.

М-р Уэлер медленно пошел к двери, словно ждал еще чего-то, медленно открыл ее, медленно вышел и медленно прикрыл ее дойма на два, когда м-р Пиквик крикнул:

— Сэм!

— Сэр, — отозвался м-р Уэлер, быстро возвращаясь и закрывая за собой дверь.

— Сэм, я отнюдь не возражаю, если вы попытаетесь узнать, как расположена ко мне сама м-с Бардль, и действительно ли можно считать вероятным, что это гнусное и ни на чем не основанное дело будет доведено до конца. Я говорю, что

не возражаю против этого, если у вас есть желание разузнать это, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

Сэм слегка кивнул головой в знак понимания и вышел из комнаты. М-р Пиквик снова накрыл голову шелковым носовым платком и приготовился вздремнуть. М-р Уэлер быстро удалился, чтобы исполнить поручение.

Было около десяти часов, когда он добрался до Госуел-стрит. В маленькой гостиной, выходявшей окнами на улицу, горели две свечи, и на штору падала тень от двух женских шляп. У м-с Бардль были гости.

М-р Уэлер постучал в дверь, и после довольно длинного промежутка времени, в течение которого на улице высвистывался какой-то мотив, а в доме преодолевалось упрямство свечи, не желавшей загораться, пара маленьких башмаков затопала по коврику в передней, и появился мастер Бардль.

— Ну-с, молодой сорванец, — сказал Сэм, — как поживает мамаша?

— Она здорова, — ответил мастер Бардль, — и я тоже.

— Какое счастье! — сказал Сэм. — Передайте ей, что я хочу с ней поговорить, слышите, дитя-феномен?

Мастер Бардль, после такой просьбы, поставил свечу на пижнюю ступеньку лестницы и исчез вместе со своим поручением в гостиной.

Две шляпы, бросавшие тень на штору, были головными уборами двух самых близких приятельниц м-с Бардль, которые только что пришли, чтобы мирно выпить чашку чаю и разделить с хозяйкой маленький горячий ужин, состоявший из двух порций поросячьих ножек и поджаренного сыра. Сыр восхитительно подрумянивался в маленькой голландской * печке перед каминном; поросячьи ножки чувствовали себя превосходно в маленькой жестяной кастрюле, висевшей на крюке, и м-с Бардль и ее две подруги также чувствовали себя прекрасно, мирно беседуя обо всех своих близких друзьях и знакомых, когда мастер Бардль, выходявший к парадной двери, вернулся и передал поручение, доверенное ему м-ром Сэмюэлом Уэлером.

— Слуга м-ра Пиквика! — сказала, бледная, м-с Бардль.

— Ах, боже мой! — сказала м-с Клапинс.

— Право же, я бы этому не поверила, если бы случайно не оказалась здесь, — сказала м-с Сендерс.

М-с Клапинс была маленькая, живая, суетливая женщина; м-с Сендерс была большая, толстая, широколицая особа; и обе были гостью.

М-с Бардль сочла уместным заволяноваться; а так как ни одна из трех в сущности не знала, следует ли, при данных обстоятельствах, поддерживать со слугой м-ра Пиквика какие бы то ни было отношения иначе, чем через Додсона и Фога, то все они были захвачены врасплох. В таком состоянии нерешительности было ясно, что первым делом следует угостить тумачом мальчика за то, что он встретил у двери м-ра Уэлера. Поэтому мать дала ему тумача, и он мелодически заревел. !

— Перестаньте вопить... негодное создание! — сказала м-с Бардль.

— Да, не огорчайте вашу бедную мать, — вмешалась м-с Сендерс.

— У нее достаточно огорчений и без вас, Томи, — с сострадательной покорностью вымолвила м-с Клапинс.

— Ах, вот не везет бедняжке! — сказала м-с Сендерс.

От этих поучительных замечаний мастер Бардль завыл еще громче.

— Что же мне теперь делать? — обратилась м-с Бардль к м-с Клапинс.

— Я думаю, вам следует его принять, — ответила м-с Клапинс. — Но непременно при свидетеле.

— Мне кажется, два свидетеля — более отвечает закону, — сказала м-с Сендерс, которая, как и первая подруга, сгорала от любопытства.

— Пожалуй, лучше всего будет впустить его сюда, — решила м-с Бардль.

— Разумеется, — ответила м-с Клапинс, с живостью подхватывая эту мысль. — Войдите, молодой человек, и, пожалуйста, закройте сначала парадную дверь.

М-р Уэлер мгновенно принял приглашение и, войдя в гостиную, изложил дело м-с Бардль в следующих выражениях:

— Очень сожалею, если причину личные неудобства, сударыня, как говорил грабитель старой леди, когда загонял ее в растопленный камин, но так как мы с хозяином только что приехали в город и собираемся опять уехать, то уж тут, знаете ли, ничего не поделаешь.

— Конечно, молодой человек не может отвечать за грехи своего хозяина, — заметила м-с Клапинс, на которую наружность м-ра Уэлера и его умение вести разговор произвели большое впечатление.

— Конечно, — подхватила м-с Сендерс, которая, если судить по задумчивым взглядам, устремленным на маленькую жестяную кастрюлю, казалось, мысленно подсчитывала предполагаемое количество поросячьих ножек на случай, если Сэму предложат остаться к ужину.

— А пришел я сюда вот для чего, — продолжал Сэм, игнорируя эти замечания: — во-первых, передать отказ моего хозяина от квартиры — вот он, во-вторых, внести квартирную плату — вот она, в-третьих, сказать, чтобы все его вещи были собраны и переданы тому, кого мы за ними пришлем, в-четвертых, сообщить, что вы можете сдать это помещение, когда вам угодно, — вот и все.

— Что бы ни произошло, — сказала м-с Бардль, — а я всегда говорила и теперь скажу: во всех отношениях кроме одного м-р Пиквик держал себя, как настоящий джентльмен. Деньги всегда были за ним все равно, что в банке, всегда.

Говоря это, м-с Бардль приложила платок к глазам и вышла из комнаты написать расписку.

Сэм прекрасно знал, что ему нужно только помолчать, и женщины непременно начнут говорить, поэтому он в глубоком молчании рассматривал по очереди: жестяную кастрюлю, поджаренный сыр, стену и потолок.

— Бедняжка! — сказала м-с Клапинс.

— Ах, бедное создание! — отозвалась м-с Сендерс.

Сэм ничего не сказал. Он видел, что они приближаются к цели.

— Право же, я не могу совладать с собой, — сказала м-с Клапинс, — когда подумаю о таком вероломстве. Я не хочу за-

доть вас, молодой человек, но ваш хозяин — старый изверг, и если бы он был здесь, я бы ему это сказала в лицо!

— Скажите! — посоветовал Сэм.

— Видеть, как ужасно она это принимает к сердцу, бродит и тоскует, ни в чем не находит никакого удовольствия, разве что зайдут из жалости подруги посидеть с нею и утешить ее, — продолжала м-с Клапинс, поглядывая на жестяную кастрюлю и голландскую печку, — это возмутительно!

— Бесчеловечно, — сказала м-с Сендерс.

— А ваш хозяин, молодой человек! Джентльмен со средствами, он бы и не почувствовал расходов на жену, так бы и не почувствовал, — продолжала м-с Клапинс с большим увлечением. — Нет никакого оправдания его поведению! Почему он на ней не женится?

— А, — сказал Сэм, — совершенно верно, вот в чем вопрос!

— Вот именно, вопрос! — подхватила м-с Клапинс. — Она бы ему задала вопрос, будь у нее мой характер. Однако есть закон, защищающий нас, женщин, которых они сделали бы несчастными созданиями, если бы могли, а в этом, молодой человек, ваш хозяин убедится, поплатившись раньше, чем успеет постареть на шесть месяцев.

При этом утешительном замечании м-с Клапинс приосанилась и улыбнулась м-с Сендерс, которая также ответила ей улыбкой.

„Делу дан ход, это ясно“, — подумал Сэм, когда м-с Бардль вернулась с распиской.

— Вот расписка, м-р Уэлер, — сказала м-с Бардль, — а вот сдача, и, надеюсь, вы выпьете стаканчик, чтобы согреться, хотя бы ради старого знакомства.

Сэм понял, какую можно извлечь из этого выгоду, и немедленно согласился. М-с Бардль достала из шкафчика черную бутылку и винный стакан; ее рассеянность, вызванная глубокой душевной скорбью, была так велика, что, наполнив стакан м-ра Уэлера, она извлекла еще три винных стакана, которые тоже наполнила.

— Ах, м-с Бардль! — воскликнула м-с Клапинс. — Посмотрите-ка, что вы сделали!

Сэм, конечно, все это понял и потому тотчас же сказал, что никогда не пьет до ужина, если вместе с ним не выпьет леди. Над этим весело посмеялись, и м-с Сендерс решила его потешить и пригубила из своего стакана. Тогда Сэм заметил, что вино должно обойти круговую, и все пригубили. Тогда маленькая м-с Клапинс предложила тост „за успех Бардль против Пикинка“, и леди, осушив свои стаканы в честь этого тоста, тотчас же сделались очень разговорчивы.

— Должно быть, вы слышали о том, что происходит, м-р Уэлер? — спросила м-с Бардль.

— Слышал кое-что, — ответил Сэм.

— Это ужасно, м-р Уэлер, когда вас представляют таким образом перед публикой! — сказала м-с Бардль. — Но теперь я понимаю: это единственное, что мне оставалось сделать, и мои адвокаты, м-р Додсон и Фог, говорят, что с теми свидетелями, которых мы вызовем, мы должны выиграть дело. Но я не знаю, что я буду делать, м-р Уэлер, если мне не удастся его выиграть!

Одна мысль о возможности для м-с Бардль проиграть процесс так глубоко задела м-с Сендерс, что она была вынуждена сейчас же вновь наполнить и осушить свой стакан; если бы у нее не хватило на это присутствия духа, ей сделалось бы дурно, как она объяснила вслед за этим.

— Когда будет слушаться дело? — осведомилась Сэм.

— В феврале или в марте, — ответила м-с Бардль.

— А свидетелей-то сколько! Не правда ли? — спросила м-с Клапинс.

— О, да! — отозвалась м-с Сендерс.

— В какое бешенство пришли бы м-р Додсон и Фог, если бы истец проиграл! — добавила м-с Клапинс. — У них все ведется на риске.

— Еще бы не пришли в бешенство! — сказала м-с Сендерс.

— Но истица должна выиграть, — заключила м-с Клапинс.

— Надеюсь, — сказала м-с Бардль.

— О, тут не может быть никаких сомнений! — подхватила м-с Сендерс.

— Ну, — сказал Сэм, поднимаясь и ставя свой стакан на стол, — я могу только одно сказать: желаю вам не остаться в проигрыше.

— Благодарю вас, м-р Уэллер, — с жаром отозвалась м-с Бардль.

— А что до этих Додсонов и Фогов, которые ведут такого рода дела на риск, — продолжал м-р Уэллер, — и всех других добрых и благородных людей той же профессии, тех, что даром, без гонорара, направляют ближних друг на друга и засаживают своих клерков за работу, чтобы выискивать у соседей и знакомых мелкие ссоры, которые потом нужно решать с помощью судебных процессов, — о них я одно могу сказать: желаю, чтобы они получили ту награду, какую я бы им дал.

— Ах, если бы получили они награду, которую готово присудить им каждое доброе и благородное сердце! — удовлетворенно воскликнула м-с Бардль.

— Аминь! — отозвался Сэм. — И после такой награды зажили бы они сытно и привольно! Желаю вам доброй ночи, леди!

К великому облегчению м-с Сендерс, Сэм удалился, не услышав от хозяйки ни единого упоминания о порослячьих ножках и поджаренном сыре. Дамы с тою младенческою помощью, какую мог оказать мастер Бардль, вскоре щедро воздали всему этому должное — благодаря их напряженным усилиям все исчезло.

М-р Уэллер вернулся в „Джордж и Ястреб“ и в точности изложил своему хозяину те указания на ловкие маневры Додсона и Фога, какие ему удалось выудить во время своего визита у м-с Бардль. На следующий день свидание с м-ром Перкером более чем подтвердило доклад м-ра Уэллера. И м-р Пиквик вынужден был готовиться к рождественскому визиту в Дингли-Дэл с приятным предвкушением, что спустя два-три месяца дело, начатое против него по возмещению убытков за нарушение брачного обещания, будет разбираться в суде Общих тяжб, причем на стороне истицы окажутся все преимущества, вытекающие не только из совокупности обстоятельств, но и из хитрых маневров Додсона и Фога.

ГЛАВА XXVII

*Сэмюел Уэлер совершает паломничество в Доркинг и
лицезреет свою мачеху*

Так как оставалось еще двое суток до дня, назначенного для отъезда пиквикистов в Дингли-Дэл, м-р Уэлер после раннего обеда уселся в задней комнате „Джорджа и Ястреба“, чтобы поразмыслить о том, как бы получше распорядиться свободным временем. День был удивительно ясный. Не прошло и десяти минут, как в нем заиграли чувства сыновней любви и нежности; он с такою силою почувствовал необходимость повидаться с отцом и засвидетельствовать свое почтение мачехе, что пришел в изумление от собственной небрежности в выполнении своего морального долга. Загоревшись желанием безотлагательно загладить прежнее небрежение, он немедленно отправился наверх к м-ру Пиквику и попросил отпустить его для выполнения этой похвальной цели.

— Конечно, Сэм, конечно! — сказал м-р Пиквик, у которого глаза заблестели от удовольствия, вызванного этим проявлением сыновнего чувства со стороны его слуги и спутника. — Конечно, Сэм!

М-р Уэлер отвесил благодарственный поклон.

— Я очень рад убедиться, что у вас такое высокое сознание сыновнего долга, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Оно всегда было у меня, сэр, — ответил м-р Уэлер.

— Это весьма утешительная мысль, Сэм, — ободрительно сказал м-р Пиквик.

— Весьма, сэр, — ответил м-р Уэлер. — Если мне что-нибудь нужно было от отца, я всегда просил почтительно и вежливо. А когда он мне не давал, я сам брал, потому что боялся — не будет этого у меня, и я натворю чего-нибудь похуже. Таким образом я его избавил от массы хлопот, сэр.

— Это не совсем то, что я хотел сказать, Сэм, — возразил м-р Пиквик, с легкой улыбкой покачивая головой.

— Все от добрых чувств, сэр, — с наилучшими намерениями, как говорил джентльмен, когда удрал от своей жены, потому что, кажется, ему не важно жилось с нею, — ответил м-р Уэлер.

— Можете идти, Сэм, — сказал м-р Пиквик.

— Благодарю вас, сэр, — ответил м-р Уэлер. И отвесив свой самый изящный поклон и надев самое изящное свое платье, Сэм уселся на крыше эренделской* кареты и отправился в Доркинг.

„Маркиз* Гренби“ во времена м-с Уэлер был поистине образцом лучших придорожных постоянных дворов: он был достаточно велик, чтобы считаться удобным, он был достаточно мал, чтобы считаться уютным. На противоположной стороне дороги находилась большая вывеска на высоком столбе, изображавшая голову и плечи джентльмена с апоплектической физиономией, — на нем был красный фрак с темносиними воротами, а над его треуголкой — мазок той же синей краски, изображавший небо. Еще выше помещались два флага; ниже последней пуговицы на его фраке помещались две пушки; а все вместе являлось выразительным и не вызывающим сомнений портретом славной памяти маркиза Гренби.

В окне буфетной красовалась превосходная коллекция гераней и блестящий ряд сосудов со спиртными напитками. На открытых ставнях виднелись различные надписи золотыми буквами, восхвалявшие мягкую постель и добрые вина; а внушительная группа поселян и конюхов, которые стояли у

дверей конюшни и возле водопойного корыта, служила показателем превосходного качества эля и горячительных напитков, продававшихся в буфете. Спустившись с крыши кареты, Сэм Уэлер приостановился, чтобы глазами опытного путешественника отметить все эти мелочи, свидетельствовавшие о процветании заведения; обзрев всю картину, он немедленно вошел в дом, чрезвычайно довольный всем, что видел.

— Ну, что такое? — раздался пронзительный женский голос, лишь только Сэм просунул голову в дверь. — Что вам нужно, молодой человек?

Сэм посмотрел в ту сторону, откуда раздался голос. Он принадлежал довольно полной леди приятной наружности, которая сидела у камина в буфетной, раздувая огонь, чтобы вскипятить воду для чая. Она была не одна: по другую сторону камина, в кресле с высокой спинкой, сидел прямой, как палка, человек в потертом черном костюме, с такой же длинной и негнувшейся спиной, как спинка кресла, — человек, который сразу же привлек к себе особое и чрезвычайное внимание Сэма.

Это был красноносый джентльмен с длинной, худой ханжеской физиономией и глазами, напоминающими глаза гремучей змеи, — довольно острыми, но решительно неприятными. На нем были очень короткие штаны и черные бумажные чулки, которые, как и весь его костюм, заметно порыжели. Вид у него был накрахмаленный, но белый галстук накрахмален не был, и его длинные мятые концы болтались над застегнутым наглухо жилетом весьма неприятно и неживописно. Пара старых, поношенных бобровых перчаток, широкополая шляпа и полинявший зеленый зонт с пластинками китового уса, торчащими сквозь покрывку, словно для замены отсутствующей ручки, лежали на стуле, размещенные с большой аккуратностью и заботливостью, свидетельствуя, казалось, о том, что красноносый, кто бы он ни был, не имеет ни малейшего намерения спешить с уходом.

Следует отдать справедливость красноносому: он был очень глуп, если питал подобного рода намерение, ибо, судя по всем видимостям, он должен был бы располагать весьма за-

видным кругом знакомств, чтобы рассчитывать на большой комфорт в другом месте. Огонь ярко пылал благодаря раздувательным мехам, а благодаря общим усилиям огня и мехов чайник весело пел. Маленький поднос с чайным прибором стоял на столе, тарелка с горячими и намазанными маслом тостами* тихонько шипела перед огнем, а сам красноносый был усердно занят превращением большого куса хлеба в такое же аппетитное блюдо, ибо орудовал длинной медной вилкою для тостов. Перед ним стоял стакан горячего дымящегося ананасного грога* с кусочками лимона; и каждый раз, когда красноносый отрывался от работы, исследуя кусок хлеба с целью установить, как подвигается дело, он отхлебывал глоток-два горячего ананасного грога и улыбался довольно полной леди, раздувавшей огонь.

Сэм был так поглощен созерцанием этой уютной картины, что пропустил мимо ушей первый вопрос довольно полной леди. Неприличие своего поведения он понял не раньше, чем тот же вопрос был повторен дважды, и каждый раз все более резким тоном.

— Старшина дома? — осведомился Сэм в ответ на вопрос.

— Нет, — отозвалась м-с Уэллер, ибо довольно полная леди была не кто иная, как вдова и единственная душеприказчица покойного м-ра Кларка. — Нет, нету его, да я его и не жду.

— Должно быть, он сегодня поехал с каретой? — предположил Сэм.

— Может быть, а может быть, и нет, — ответила м-с Уэллер, намазывая маслом кусок тоста, который только что поджарил красноносый. — Я не знаю, да и знать не хочу. Призовите благословение божие, м-р Стиггис.

Красноносый исполнил это желание и тотчас же с удивительной прожорливостью набросился на тосты.

Паружность красноносого сразу заставила Сэма заподозреть, что это и есть тот заместитель пастыря, о котором говорил его уважаемый родитель. Когда же Сэм увидел, как тот ест, все сомнения по этому вопросу рассеялись, и он мгновенно сообразил, что должен упрочить здесь свое положение незамедлительно, если намерен временно обосноваться там,

где находится. Поэтому он приступил к действиям — перекинул руку через низенькую перетородку буфета, спокойно отодвинул задвижку и неспеша вошел.

— Мачеха, — сказал Сэм, — как поживаете?

— Наверное это какой-нибудь Уэлер! — воскликнула м-с Уэлер, разглядывая физиономию Сэма с видом не слишком приветливым.

— Думаю, что это так, — сказал невозмутимый Сэм, — и надеюсь, этот-вот преподобный джентльмен простит меня, если я скажу, что хотел бы я быть тем самым Уэлером, которому вы принадлежите, мачеха.

Этот комплимент был двойным зарядом. Подразумевалось, что м-с Уэлер — особа весьма приятная, и что у м-ра Стигинса клерикальная наружность. Он сразу произвел заметное впечатление, и Сэм, развивая свой успех, подошел к мачехе и поцеловал ее.

— Убирайтесь! — сказала м-с Уэлер, отталкивая его.

— Стыдитесь, молодой человек! — сказал джентльмен с красным носом.

— Ничего обидного, сэр, ничего обидного! — отозвался Сэм. — Впрочем, вы совершенно правы — не годится так делать, если мачеха молода и хороша собой, не правда ли, сэр?

— Все это суета, — сказал м-р Стигинс.

— Ах, это верно! — сказала м-с Уэлер, поправляя чепец.

Сэм тоже так думал, но промолчал.

Заместитель пастыря, казалось, был далеко не в восторге от появления Сэма, а когда рассеялось первое возбуждение, вызванное комплиментом, даже у м-с Уэлер вид был такой, словно она могла обойтись без него, не испытывая ни малейшего неудобства. Однако Сэм был здесь, и так как его нельзя было приличным образом выставить за дверь, то все трое уселись пить чай.

— А как поживает отец? — спросил Сэм.

Услышав этот вопрос, м-с Уэлер воздела руки и закатила глаза, как будто тема была слишком мучительна, чтобы можно было ее затрогивать.

М-р Стигинс застонал.

— Что такое с этим-вот джентльменом? — осведомился Сэм.
— Он скорбит о пути, по которому идет ваш отец, — ответила м-с Уэлер.

— О, вот как! Неужели? — сказал Сэм.

— И у него есть на то основания, — с важностью добавила м-с Уэлер.

М-р Стигинс взял еще кусок тоста и тяжело простонал.

— Он ужасный грешник, — сказала м-с Уэлер.

— Сосуд гнева! — воскликнул м-р Стигинс. Он откусил большой полукруг тоста и снова застонал.

Сэм ощутил настоятельную потребность дать преподобному м-ру Стигинсу какой-нибудь повод для стонов, но сдержал свои чувства и только спросил:

— Чего же натворил старик?

— Натворил, вот именно! — подхватила м-с Уэлер. — О, у него каменное сердце! Каждый вечер этот превосходный человек, — не хмурьтесь, м-р Стигинс, я не могу не сказать, что вы превосходный человек, — приходит и просиживает здесь часами, а на него это не производит ни малейшего впечатления.

— Вот это странно, — сказал Сэм, — на меня это производило бы очень сильное впечатление, будь я на его месте, я в этом уверен.

— Дело в том, мой юный друг, — торжественно сказал м-р Стигинс, — что у него черствое сердце. О мой юный друг, кто бы мог противостоять мольбам шестнадцати наших любезнейших сестер и отклонить их просьбу о пожертвовании для нашего благородного общества, которое снабжает негритянских младенцев Уест-Индии фланелевыми жилетами и душеспасительными носовыми платками!

— А что такое душеспасительный носовой платок? — спросил Сэм. — Я никогда не слыхал о таких предметах.

— Платок, который соединяет удовольствие с назиданием, мой юный друг, — ответил м-р Стигинс, — платок, на котором отпечатаны избранные изречения с картинками.

— А, знаю, — сказал Сэм: — те, что развешаны в белье-вых магазинах, и на них напечатаны просьбы о подаянии и все такое вот?

М-р Стигине принялся за третий кусок тоста и утвердительно кивнул головой.

— Так он не пошел на уговоры этих леди? — спросил Сэм.

— Сидел и курил свою трубку и называл негритянских младенцев... как он их назвал? — осведомилась м-с Уэлер.

— Маленькими мошенниками, — ответил глубоко огорченный м-р Стигине.

— Называл негритянских младенцев маленькими мошенниками, — повторила м-с Уэлер. И оба испустили стон, вызванный зверским поведением старого джентльмена.

Великое множество прегрешений подобного же характера могло бы еще обнаружиться, да только все тосты были съедены, чай остался очень жидкий, и Сэм не проявлял ни малейшего намерения уйти, а потому м-р Стигине вдруг вспомнил о весьма важном свидании с пастырем и вследствие этого удалился.

Едва была убрана чайная посуда и вычищен очаг, как лондонская карета доставила м-ра Уэлера старшего к двери дома, ноги доставили его в буфет, а глаза возвестили о присутствии сына.

— Эй, Сэм! — воскликнул отец.

— А, старший греховодник! — крикнул сын.

И они горячо пожали друг другу руки.

— Очень рад вас видеть, Сэм, — сказал старший м-р Уэлер, — но как вы поладили с мачехой, — это для меня тайна. Дали бы вы мне этот рецепт, вот и все.

— Тише, старик! — сказал Сэм. — Она дома.

— Она не услышит, — возразил м-р Уэлер: — после чаю она всегда отправляется вниз и ругается там часа два; стало быть, мы сейчас промочим горло, Сэм.

С этими словами м-р Уэлер приготовил два стакана грогу и извлек две трубки. Отец и сын уселись друг против друга: Сэм по одну сторону камина, в кресло с высокой спинкой, а м-р Уэлер старший по другую, в мягкое кресло, и оба стали наслаждаться со всей подобающей серьезностью.

— Был здесь кто-нибудь, Сэм? — бесстрастно спросил м-р Уэлер старший после продолжительного молчания.

Сэм выразительно кивнул.

— Молодец с красным носом? — осведомился м-р Уэлер.

Сэм снова кивнул.

— Любезнейший человек этот-вот, Сэми, — сказал м-р Уэлер, энергически дымя трубкой.

— Похоже на то, — отозвался Сэм.

— Ловкач по денежной части, — сказал м-р Уэлер.

— Вот как? — сказал Сэм.

— В понедельник берет взаймы восемнадцать пенсов, а во вторник приходит за шиллингом, чтоб для ровного счета было полкроны; в среду приходит еще за полкроной, чтобы для ровного счета вышло пять шиллингов; и все время удваивает, пока вдруг не доберется до пяти фунтов, вроде как эти расцеты в учебнике арифметики о гвоздях и лошадиных подковах, Сэми.

Сэм кивком головы дал понять, что припоминает задачу, на которую сослался родитель.

— Вы так и не подписались на фланелевые жилеты? — спросил Сэм после новой паузы, посвященной куренью.

— Конечно, нет! — отозвался м-р Уэлер. — На что нужны фланелевые жилеты молодым неграм за океаном? Но я вам вот что скажу, Сэми, — добавил м-р Уэлер, понижая голос и перегибаясь через камин, — я бы подписался с удовольствием на смиренные рубахи кое для кого здесь, на родине.

Произнеся эти слова, м-р Уэлер медленно принял прежнюю позу и глубокомысленно подмигнул своему первенцу.

— А это и в самом деле чудная фантазия — посылать носовые платки людям, которые не знают, что делать с ними! — заметил Сэм.

— Они вечно занимаются такой чепухой, Сэми, — отозвался его отец. — В прошлое воскресенье иду я по дороге, и ко-го же вижу у двери часовни! — Вашу мачеху с синей тарелкой в руке! И в тарелке, пожалуй, не меньше двух соверенов мелкой монеты, Сэми, все по полпени, а когда народ стал выходить из часовни, пенсы так и посыпались, и вы бы не поверили, что смертная глиняная тарелка может выдержать такую тяжесть. Как вы думаете, на что они собирали?

— Может быть, на чаепитие опять, — предположил Сэм.
— Ничуть не бывало, — ответил отец: — на пастырский счет

за воду.

— Пастырский счет за воду! — повторил Сэм.

— Да, — ответил м-р Уэлер, — накопилось за три квартала, а пастырь не заплатил ни фартинга, может быть, потому что от воды ему не очень-то много пользы, мало он потребляет этого напитка, Сэми, очень мало, он знает фокусы и почище этого. По счету все-таки уплачено не было, ему и за крыли водопровод. Идет пастырь в часовню, выдает себя за преследуемого святого и надеется, что сердце водопроводчика, закрывшего водопровод, смягчится, и он обратится на путь праведный; хотя, кажется, он думает, что за водопроводчиком записано не очень-то удобное местечко. Тогда бабы устраивают митинг, поют гимн, выбирают вашу матеху председателницей, предлагают устроить сбор в воскресенье и все деньги передают пастырю. И если он не вытянул из них, Сэми, столько, что на всю жизнь освободился от водопроводного общества, — сказал в заключение м-р Уэлер, — ну, значит, и я немед, и вы немед, и не о чем больше толковать.

М-р Уэлер несколько минут курил молча, а затем продолжал:

— Самое худшее в этих-вот пастырях, мой мальчик, что они регулярно сбивают здесь с толку всех молодых леди. Господи, благослови их сердечки, они думают, что все это очень хорошо, и больше ничего не смыслят; но они — жертвы надувательства, Сэмивел, они жертвы надувательства.

— Полагаю, что так, — сказал Сэм.

— Не иначе, — сказал м-р Уэлер, глубокомысленно покачивая головой, — и вот что меня раздражает, Сэмивел: видеть, как они все свое время и силы тратят, шьют платья для краснокожих, которым оно не нужно, и не обращают внимания на христиан телесного цвета, которым оно нужно. Будь моя воля, Сэмивел, я приставил бы этих-вот ленивых пастырей к тяжелой тачке да гонял бы целый день взад и вперед по доске шириной в четырнадцать дюймов. Уж что-что, а это повытрясло бы из них глупости.

М-р Уэлер, сообщив с большой энергией этот приятный редепт, подкрепленный разнообразными кивками и подмигиванием, осушил одним духом стакан и с прирожденным достоинством стал выбивать пепел из трубки.

Он был занят этой операцией, когда в коридоре раздался пронзительный голос.

— Вот ваша дорогая родственница, Сэмми, — сказал м-р Уэлер; и м-с Уэлер ворвалась в комнату.

— О, так вы вернулись! — воскликнула м-с Уэлер.

— Да, моя милая, — ответил м-р Уэлер, снова набивая трубку.

— А м-р Стигинс не возвращается? — спросила м-с Уэлер.

— Нет, моя милая, не возвращается, — ответил м-р Уэлер, искусно зажигая трубку с помощью взятого из камина раскаленного уголька, зажатого щипцами и поднесенного к головке трубки, — и мало того, моя милая, если он совсем не вернется, я постараюсь это пережить.

— Уф, несчастный! — сказала м-с Уэлер.

— Благодарю вас, милочка, — сказал м-р Уэлер.

— Ну-ну, отец, — сказал Сэм, — никаких любовных сцен при посторонних. Вот идет преподобный джентльмен.

Услышав это сообщение, м-с Уэлер поспешно вытерла слезы, которые только что силилась пролить, а м-р Уэлер отодвинул свое кресло в угол у камина.

М-р Стигинс легко пошел на уговоры выпить еще стакан горячего ананасного грога, и второй стакан, и третий, а затем подкрепиться легким ужином прежде, чем начать сначала. Он сидел рядом с м-ром Уэлером старшим, который всякий раз, когда ухитрялся проделать это незаметно от жены, демонстрировал сыну чувства, скрытые в его груди, потрясая кулаком над головой заместителя пастыря: маневр, доставлявший его сыну самую неподдельную радость и удовольствие, в особенности потому, что м-р Стигинс продолжал спокойно пить горячий ананасный грог, не подозревая о том, что происходило за его спиной.

Разговор вели преимущественно м-с Уэлер и его преподобие м-р Стигинс; а темой, предпочтительно обсуждаемой, слу-

жили добродетели пастыря, заслуги его паствы и великие преступления и грехи всех остальных, каковую диссертацию старший м-р Уэлер изредка прерывал приглушенными намеками на некоего джентльмена по фамилии Уокер и другими подобными же комментариями.

Наконец м-р Стиггинс, который, судя по многим совершенно неоспоримым симптомам, влил в себя ананасного грогу ровно столько, сколько мог благополучно вместить, взял шляпу и распрощался; и немедленно вслед за этим отец повел Сэма к предназначенной для него постели. Почтенный старый джентльмен с жаром пожал ему руку и, казалось, собрался обраться к сыну с каким-то замечанием, но, услышав приближение м-с Уэлер, повидимому, отказался от своего намерения и отрывисто пожелал ему спокойной ночи.

На следующий день Сэм встал рано и, позавтракав на скорую руку, собрался обратно в Лондон. Он едва успел шагнуть за порог, как перед ним предстал отец.

— Отправляетесь. Сэми? — осведомился м-р Уэлер.

— Немедленно в путь, — ответил Сэм.

— Хорошо, если бы вы увязали его в узел, этого-вот Стиггинса, и забрали его с собой, — сказал м-р Уэлер.

— Мне стыдно за вас! — с упреком воскликнул Сэм. — Зачем вы вообще позволяете ему совать свой красный нос в „Маркиза Гренби“?

М-р Уэлер устремил серьезный взгляд на сына и ответил: — Потому что я женатый человек, Сэмивел, потому что я женатый человек. Когда вы женитесь, Сэмивел, вы поймете многое, чего сейчас не понимаете, но стоит ли столько мучиться, чтобы узнать так мало, как сказал приютский мальчик, когда дошел до конца азбуки, — это дело вкуса. Я думаю, что не стоит.

— Ну, — сказал Сэм, — прощайте.

— Постойте, постойте, Сэми, — отозвался отец.

— Я могу сказать только одно, — начал Сэм, вдруг оставившаяся: — будь я владельцем „Маркиза Гренби“ и приходи этот-вот Стиггинс и поджаривай тосты в моем буфете, я бы...

— Что? — с большим волнением перебил м-р Уэлер. — Что?

— Всыпал ему яду в грог, — закончил Сэм.

— Нет! — воскликнул м-р Уэлер, тряся сына за руку. — Неужели вы бы это сделали, Сэм, неужели бы сделали?

— Сделал! — сказал Сэм. — Для начала я бы не был с ним слишком суров. Я окунул бы его в бочку с водой и прикрыл крышкой; а если бы я увидел, что он не чувствует мягкого обращения, я попробовал бы убедить его по-другому.

Старший м-р Уэлер взглянул на сына с глубоким, невыразимым восхищением и, еще раз пожав ему руку, стал медленно удаляться, перебирая в уме различные мысли, вызванные советом сына.

Сэм смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за поворотом дороги, а затем отправился пешком в Лондон. Сначала он размышлял о возможных результатах собственного совета и о правдоподобии и неправдоподобии того, что отец им воспользуется. Впрочем, он отогнал эти соображения, утешившись мыслью: время покажет; эту же мысль и мы хотели бы внушить читателю.

ГЛАВА XXVIII

веселая рождественская глава, содержащая отчет о свадьбе, а также о некоторых других развлечениях, каковые, будучи на свой лад такими же добрыми обычаями, как свадьба, не столь свято блюдятся в наше извращенное время

Оживленные, как пчелы, хотя и не столь легкие, как феи, собрались четыре пиквикиста утром двадцать второго дня декабря того благословенного года, когда они предприняли и совершали свои похождения, добросовестно нами излагаемые. Приближались святки со всей грубоватой и простодушной их непосредственностью. Это была пора гостеприимства, веселья и радушия; старый год готовился, подобно древнему философу, собрать вокруг себя своих друзей и под звуки празднества и разгула умереть тихо и мирно. Веселое и беззаботное было время, и веселы и беззаботны были по крайней мере четыре сердца среди множества сердец, радовавшихся его приближению.

И в самом деле, много есть сердец, коим рождество приносит краткую пору счастья и веселья. Сколько семейств, члены коих рассеяны и разбросаны повсюду в неустанной борьбе за жизнь, снова встречаются тогда и соединяются в том сча-

стливым содружестве и взаимном доброжелательстве, которые являются источником такого чистого и неомраченного наслаждения и столь несовместимы с мирскими заботами и скорбями, что религиозные верования самых цивилизованных народов и примитивные предания самых грубых дикарей равно относятся к первым радостям грядущего существования, уготованного для блаженных и счастливых. Сколько старых воспоминаний и сколько дремлющих чувств пробуждается святками!

Мы пишем эти слова, находясь на расстоянии многих миль от того места, где год за годом мы встречались в этот день в радостном и веселом кругу. Многие сердца, что трепетали тогда так радостно, перестали биться; многие взоры, что сверкали тогда так ярко, перестали сиять; руки, что мы пожимали, стали холодными; глаза, в которые мы глядели, скрыли свой блеск в могиле, — и все же старый дом, комната, веселые голоса и улыбающиеся лица, шутка, смех, самые мелкие и банальные обстоятельства, связанные с этими счастливыми встречами, теснятся в нашей памяти всякий раз, когда возвращается эта пора года, словно последнее собрание было не далее, чем вчера! Счастливые, счастливые святки, которые могут вернуть нам иллюзии наших детских дней, воскресить для старика утехи его юности и перенести моряка и путешественника, отделенного многими тысячами миль, к его родному очагу и мирному дому!

Но мы так увлечены и поглощены добрыми свойствами святков, что заставляем м-ра Пиквика и его друзей заблудиться на крыше магльонской кареты, куда они только что возвратились, тепло укутанные в пальто, пледы и шарфы. Чемоданы и дорожные сумки уложены, и м-р Уэлер с кондуктором стараются втиснуть в ящик под козлами громадную треску, непомерно большую для ящика, которая заботливо уложена в длинную коричневую корзинку и прикрыта слоем соломы и каковую оставили напоследок, дабы она могла с удобством покоиться на полдюжине бочонков с отборными устрицами — также собственность м-ра Пиквика, — выстроенных в образцовом порядке на дне ящика. Физиономия м-ра Пиквика выражает самый напряженный интерес, когда м-р Уэлер

с кондуктором стараются впахнуть треску в ящик, сначала головой вперед, затем хвостом вперед, затем вверх крышкой, затем вверх дном, затем боком, затем в длину; и всем этим ухищрениям неумолимая треска стойко сопротивляется, пока кондуктор случайно не наносит ей удара в самую середину корзины, после чего она внезапно скрывается в ящике, и вместе с нею — голова и плечи самого кондуктора, который, не считывая на столь внезапную уступку со стороны пассивно сопротивляющейся трески, испытывает весьма неожиданное потрясение, к неудержимому восторгу всех носильщиков и зрителей. М-р Пиквик улыбается с большим добродушием и, вынимая из жилетного кармана шиллинг, просит кондуктора, который вылезает из-под козел, выпить за его здоровье стакан горячего грогу, причем кондуктор тоже улыбается; улыбаются заодно и м-ры Снодграс, Ушкль и Тапмен. Кондуктор и м-р Уэлер исчезают на пять минут: по всей вероятности, выпить горячего грогу, ибо от них пахнет очень сильно, когда они возвращаются. Кучер влезает на козлы, м-р Уэлер вскакивает сзади, пиквикисты закутывают ноги в пальто, а носы в шарфы, конюхи снимают с лошадей попоны, кучер бодро выкрикивает: „Все в порядке!“ — и они отъезжают.

Они громыхают по улицам и трясутся по камням и наконец выезжают в широкие и открытые поля. Колеса скользят по твердой промерзшей земле, а лошади, при резком щелканьи бича переходя в легкий галоп, мчатся по дороге, словно груз за ними — карета, пассажиры, треска, боченки с устрицами и все прочее — перышко на их копытах. Они спускаются по отлогому склону и въезжают на равнину в две мили длиною, такую же твердую и сухую, как сплошная глыба мрамора. Снова щелканье бича, и они летят вперед быстрым галопом; лошади встряхивают головами и гремят сбруей, словно опьяненные стремительным бегом, а кучер, держа одной рукой бич и вожжи, другой снимает шляпу и, положив ее на колени, достает носовой платок и вытирает лоб: отчасти потому, что такая у него привычка, а отчасти потому, что не худо показать пассажирам, как он хладнокровен и какое это легкое дело — править четверкой, если есть

у вас такой же навык, как у него. Пределав это неторопливо (иначе эффект был бы значительно испорчен), он прячет носовой платок, надевает шляпу, поправляет перчатки, оттопыривает локти, щелкает снова бичом, и они мчатся еще веселее.

Несколько домиков, разбросанных по обеим сторонам дороги, предвещают въезд в какой-то город или деревню. Веселые звуки кондукторского рожка вибрируют в прозрачном холодном воздухе и пробуждают старого джентльмена в карете, который, заботливо опуская до половины оконную раму и наблюдая погоду, выглядывает на секунду, а затем, заботливо поднимая ее снова, уведомляет другого внутреннего пассажира, что сейчас будут менять лошадей. Тогда другой внутренний пассажир просыпается и решает вздремнуть позднее, уже после остановки. Снова звучит весело рожок и будит жену и детей обитателя коттеджа, которые выглядывают из дверей дома и следят за каретой, пока она не заворачивает за угол, а потом снова укладываются вокруг пылающего в очаге огня и подбрасывают еще поленьев, на случай, если сейчас вернется отец; а сам отец на расстоянии доброй мили от дома только что обменялся дружеским кивком с кучером и повернулся, чтобы долгим взглядом проводить экипаж, уносящийся в даль.

А теперь рожок играет веселую мелодию, когда карета с трохотом проезжает по скверно вымощенным улицам провинциального городка, и кучер, отстегнув пряжку, скрепляющую его вожжи, готовится бросить их, как только остановит лошадей. М-р Пиквик высовывается из воротника пальто и озирается с большим любопытством. Заметив это, кучер объявляет м-ру Пиквику название города и сообщает ему, что вчера был базарный день; и то и другое м-р Пиквик передает своим спутникам, после чего и они высовываются из воротников пальто и также озираются. М-р Уинкль, который сидит у самого края, болтая одной ногой в воздухе, едва не выброшен на улицу, когда карета круто поворачивает за угол возле молочной лавки и выезжает на базарную площадь; м-р Снодграс, который сидит рядом с ним, еще не оправился

от испуга, когда они останавливаются у постоянного двора, где уже ждут свежие лошади с наброшенными на них попонами. Кучер бросает вожжи и слезает, другие наружные пассажиры прыгивают, — кроме тех, которые не слишком доверяют своей способности снова взобраться наверх и, оставаясь на местах, чтобы согреть ноги, колотят ими по карете, обратив тоскующие взоры и красные носы к яркому огню в буфете гостиницы и к веткам остролистника с красными ягодами, украшающего окно.

Тем временем кондуктор доставил в лавку торговца зерном пакет в оберточной бумаге, который достал из маленькой сумки, висевшей у него через плечо на кожаном ремне; и позаботился, чтобы старательно запрягли лошадей; и сбросил на мостовую седло, привезенное из Лондона на крыше кареты; и принял участие в совещании кучера с конюхом о серой кобыле, повредившей себе переднюю ногу в прошлый вторник; и он с м-ром Уэллером уже устроился сзади, и кучер устроился спереди, и старый джентльмен, сидевший в карете и все время державший окно опущенным на целых два дюйма, снова поднял его; и попоны сняты, и все готовы тронуться в путь кроме „двух полных джентльменов“, о которых кучер осведомляется с некоторым нетерпением. Вслед за сим кучер и кондуктор, и Сам Уэллер, и м-р Уинкль, и м-р Снодграс, и все конюхи, и все до единого зеваки, превосходящие численностью всех остальных, вместе взятых, призывают во всю глотку отсутствующих джентльменов. Со двора доносится заглушенный ответ, и м-р Пиквик с м-ром Таппеном бегут, едва переводя дух, ибо они выпили по стакану эля, и у м-ра Пиквика до того окоченели пальцы, что он целых пять минут не мог выловить шесть пенсов, чтобы расплатиться. Кучер кричит предостерегающе: „Ну-с, джентльмены!“ Кондуктор вторит ему; старый джентльмен в карете недоумевает, как это некоторые люди, зная, что нет времени спускаться, все-таки спускаются с крыши; м-р Пиквик карабкается с одной стороны, м-р Таппен — с другой; м-р Уинкль кричит: „Все в порядке!“ — и они трогаются в путь. Шарфы натянуты, воротники пальто подняты, мостовая кончается,

дома исчезают, и они снова мчатся по широкой дороге, и свежий, чистый воздух обвевает им лица и радует сердца.

Так совершали свое путешествие м-р Пиквик и его друзья в „Магльтонском телеграфе“ по дороге в Дингли-Дэл. И в три часа пополудни все они стояли в целости и сохранности, здоровые и невредимые, веселые и довольные, на ступеньках „Синего Льва“, выпив по дороге вполне достаточно эля и бренди, чтобы презирать мороз, который сковывал землю своими железными цепями и оплетал красивыми кружевами деревья и кусты. М-р Пиквик был чрезвычайно занят, пересчитывая боченки с устрицами и присматривая за выгрузкой трески, когда почувствовал, что его кто-то тихонько дергает за полы пальто. Оглянувшись, он обнаружил, что человек, который воспользовался этим способом привлечь его внимание, был не кто иной, как любимый паж м-ра Уордла, более известный читателям этой неприкрашенной повести под отличительным наименованием жирного парня.

— Эге! — сказал м-р Пиквик.

— Эге! — сказал жирный парень.

При этом он перевел взгляд с трески на боченки с устрицами и радостно захихикал. Он стал еще толще.

— Ну-с, вид у вас довольно цветущий, мой юный друг, — сказал м-р Пиквик.

— Я спал у самого каминя в буфете, — отозвался жирный парень, который за час, проведенный в дремоте, покраснелся, как новая дымовая труба. — Хозяин прислал меня сюда с тележкой, чтобы отвезти домой ваш багаж. Он бы выслал верховых лошадей, но решил, что день холодный, и вы захотите пройти пешком.

— Да, да, — поспешно сказал м-р Пиквик, ибо помнил о том, как они путешествовали в этих же краях. — Да, мы предпочитаем пройти. Сэм!

— Сэр? — отозвался м-р Уэлер.

— Помогите слуге м-ра Уордла уложить вещи в тележку, а затем поезжайте вместе с ним. Мы отправляемся пешком сейчас же.

Отдав это распоряжение и попрощавшись с кучером, м-р Пиквик и его три друга свернули на тропинку, пересекавшую поля, и удалились быстрым шагом, оставив м-ра Уэлера и жирного парня впервые лицом к лицу. Сэм взглянул на жирного парня с большим изумлением, но не проронил ни слова и начал быстро укладывать багаж в тележку, в то время как жирный парень спокойно стоял рядом и, казалось, считал весьма интересным занятием наблюдать, как работает м-р Уэлер.

— Вот! — сказал Сэм, бросая в тележку последний сак-воаж. — Вот и готово.

— Да, — сказал жирный парень очень довольным тоном, — вот и готово.

— Ну-с, молодая туша в двести фунтов, — сказал Сэм, — из вас выйдет прекрасный образчик премированного мальчика.

— Благодарю вас, — отозвался жирный парень.

— У вас ничего такого нет на душе, что бы вас тревожило? — осведомился Сэм.

— Ни о чем таком я не знаю, — ответил жирный парень.

— А я бы, глядя на вас, подумал, что вы страдаете от безответной любви к какой-нибудь молодой особе, — сказал Сэм.

Жирный парень отрицательно покачал головой.

— Ну, — сказал Сэм, — я рад это слышать. Вы что-нибудь пьете?

— Предпочитаю поесть, — ответил жирный парень.

— Так-так! — сказал Сэм. — Следовало бы догадаться. Но я вот что имею в виду: не хотите ли пропустить стаканчик, чтобы согреться? А впрочем, вам, должно быть, никогда не бывает холодно с такой жирной прокладкой.

— Бывает иногда, — ответил парень, — и я не прочь пропустить стаканчик горячительного.

— А, так вы не прочь? — сказал Сэм. — В таком случае пожайте сюда.

Они тотчас заняли место в буфете „Синего Льва“, и жирный парень проглотил свой стаканчик уиски*, даже глазом не моргнув, — подвиг, который значительно возвысил его в гла-

зах м-ра Уэлера. Когда м-р Уэлер в свою очередь покончил с тем же делом, они сели в тележку.

— Вы умеете править? — спросил жирный парень.

— Пожалуй, справлюсь, — ответил Сэм.

— Так вот, — сказал жирный парень, вкладывая ему в руки вожжи и указывая на дорогу, — все время прямо — с дороги не сообразись.

С этими словами жирный парень дружелюбно улегся рядом с треской и, подложив под голову устричный боченок вместо подушки, мгновенно заснул.

— Ну, — сказал Сэм, — из всех парней, каких мне случилось видеть, этот молодой джентльмен самый прехладнокровный. Эй, проснитесь, молодой увалень!

Но так как молодой увалень не проявлял никаких признаков оживления, Сэм Уэлер уселся на передок тележки, дернул вожжи, и старая лошадь, тронувшись с места, неспеша затрусила по направлению к Менор-Фарм.

Тем временем м-р Пиквик и его друзья, у которых благодаря ходьбе кровь начала энергически циркулировать, весело продолжали путь. Земля отвердела; трава была тронута морозом и шуршала; в воздухе чувствовался приятный, сухой, бодрящий холодок; а быстрое приближение серых сумерок (цвет грифельной доски — более подходящее определение в морозную погоду) заставило их с удовольствием предвкушать тот комфорт, который их ждал у гостеприимного хозяина. Был один из тех дней, какие могут побудить двух пожилых джентльменов в открытом поле снять пальто и начать игру в чехарду исключительно от неподдельной радости и веселья; и мы твердо убеждены, что подставь м-р Тапмен в этот момент спину, м-р Пиквик принял бы его предложение с величайшей готовностью.

Однако м-р Тапмен не выдвинул такого предложения, и наши друзья продолжали путь, весело беседуя. Когда они свернули на дорогу, которую им предстояло пересечь, гул голосов коснулся их слуха, и не успели они высказать предположение, кому принадлежат эти голоса, как очутились в самом центре группы, ожидавшей их прибытия, — факт, возве-

щенный пиквикистам громким „ура“, сорвавшимся с уст старого Уордла, как только они появились.

Прежде всего здесь был сам Уордль, казавшийся, пожалуй, еще жизнерадостнее, чем обычно; засим здесь была Бела со своим преданным Трандлем, и наконец Эмили и восемь — десять юных леди, явившихся на свадьбу, назначенную на следующий день, и пребывавших в том счастливом и торжественном настроении, в каком обычно пребывают юные леди по случаю таких знаменательных событий; и все они до единого оглашали, вдоль и впопых, поля и дороги своими шутками и смехом.

Церемония представления при таких обстоятельствах совершилась очень быстро, или, вернее, с представлением было покончено вообще без всякой церемонии. Две минуты спустя м-р Пиквик шутил с молодыми леди, которые не хотели перелезать через изгородь в то время, как он на них смотрел, а равно и с теми, которые, гордась красивыми ногами и безукоризненными лодыжками, предпочитали стоять минут пять на верхней перекладине, заявляя, будто они слишком испуганы, чтобы сдвинуться с места, — шутил с такой непринужденностью и свободой, словно знал их всю жизнь. Следует также отметить, что м-р Снодграс помогал Эмили значительно усерднее, чем того требовал ужас перед изгородью, хотя последняя была вышиной в целых три фута и у перелеза было положено всего два камня; а некая черноглазая молодая леди в весьма изящных сапожках, опушенных мехом, взвизгнула очень громко, когда м-р Уинкль предложил помочь ей перебраться.

Все это было очень мило и весело. И когда трудности, связанные с перелезанием, были наконец преодолены и все снова вышел в открытое поле, старик Уордль сообщил м-ру Пиквику, что они все ходили осматривать обстановку в том доме, где предстояло после рождества поселиться молодой чете; при этом сообщении Бела и Трандль покраснели не меньше жирного парня у буфетного камина; а юная леди с черными глазками и меховой опушкой на сапожках шепнула что-то на ухо Эмили, а потом лукаво изглянула на м-ра Снодграса; в ответ на это Эмили назвала ее глупышкой, но тем не менее

очень покраснела, а м-р Снодграс, который отличался тою скромностью, какой обычно отличаются генши, почувствовал, как румянец у него поднимается до самого темени, и пламенно пожелал в глубине своего сердца, чтобы вышеуказанная молодая леди со своими черными глазками, со своим лукавством и со своими опущенными мехом сапожками благополучно перенеслась в смежное графство.

Но если были они так общительны и счастливы по дороге к дому, то какова же была теплота и радушие приема, когда они явились на ферму! Даже слуги ухмыльнулись от удовольствия при виде м-ра Пиквика; а Эмма подарила м-ру Тапмену полузастенчивый, полудержкий и очень милый взгляд, которого было бы достаточно, чтобы заставить статую Бонапарта, стоявшую в коридоре, раскрыть свои объятия и заключить ее в них.

Старая леди восседала со свойственным ей величием в парадной гостиной, но она была чрезвычайно раздражена, и поэтому глухота ее весьма усилилась. Сама она никогда не выходила из дому и, подобно очень многим старым леди такого же склада, склонна была считать актом измены домашним порядкам, когда кто-нибудь осмеливался сделать то, чего она не могла. И — да благословит бог ее старую душу! — она восседала, выпрямившись, насколько возможно, в своем большом кресле, и хотя вид у нее был самый гневный, но в конце концов благожелательный.

— Матушка, — сказал Уордль, — вот м-р Пиквик. Вы его припоминаете?

— Неважно, — отзывалась старая леди с большим достоинством. — Не докучайте м-ру Пиквику из-за такой старухи, как я. Теперь никому нет до меня дела, и это вполне естественно.

Тут старая леди тряхнула головой и дрожащими руками разгладила свое шелковое платье цвета лаванды.

— Что вы, сударыня! — сказал м-р Пиквик. — Я не могу допустить, чтобы вы отталкивали старого друга. Я приехал сюда специально для того, чтобы побеседовать с вами и сыграть еще робер; и мы покажем этим юношам и девицам,

как танцуют менуэт, раньше чем они успеют стать на сорок восемь часов старше.

Старая леди сдавалась, но ей не хотелось сделать это сразу; посему она сказала только:

— Ах, я не слышу!

— Вздор, матушка! — возразил Уордль. — Полно, полно, не сердитесь, пожалуйста. Вспомните о Беле: ведь мы должны подбодрить ее, бедняжку.

Добрая старая леди расслышала эти слова, ибо губы у нее дрогнули. Но старость имеет свои маленькие слабости, и старушка была еще не совсем умиротворена. Поэтому она снова разгладила платье цвета лаванды и, повернувшись к м-ру Пиквику, сказала:

— Ах, м-р Пиквик, молодежь была совсем другой, когда я была девушкой!

— В этом нет никаких сомнений, сударыня, — отозвался м-р Пиквик. — Вот почему я особенно ценю тех немногих, которые сохраняют следы старого закала. — С этими словами м-р Пиквик мягко притянул к себе Белу и, поцеловав ее в лоб, предложил ей сесть на скамеечку у ног бабушки. Выражение ли ее лица, обращенного к лицу старой леди, напомнило о былых временах, или старая леди была растрогана ласковым добродушием м-ра Пиквика, или почему бы там ни было, но она совершенно расчувствовалась, бросилась на шею внучке, и все ее дурное расположение духа растаяло в потоке безмолвных слез.

Счастливы были все в тот вечер. Степенно и торжественно сыграны были несколько роверов м-ром Пиквиком и старой леди, шумным было веселье за круглым столом. Долго еще после того, как леди удалились, обносили снова и снова горячим глинтвейном, искусно приправленным бренди и специями; и крепок был сон, и приятны сопутствующие ему сновидения. Заслуживает внимания тот факт, что сновидения м-ра Снодграса неизменно были связаны с Эмили Уордль, а главным действующим лицом в видениях м-ра Уинкля была молодая леди с черными глазками, лукавой улыбкой и нарой удивительно изящных сапожков с меховой опушкой.

М-р Пиквик был разбужен рано утром гулом голосов и топотом, которые могли бы вывести даже жирного парня из его тяжелой дремоты. Он приходился в постели и прислушался. Слуги и гости женского пола неустанно бегали взад и вперед; требования горячей воды были так многочисленны, мольбы об иголках и нитках так бесконечны, и так бесчисленны приглушенные просьбы: „О, будьте так добры, зашнуруйте меня“, что м-р Пиквик в невинности своей начал воображать, будто произошло нечто ужасное, но, разогнав дремоту, он вспомнил о свадьбе. Так как событие было важное, он оделся с особой тщательностью и спустился к завтраку.

Все служанки в одинаковых платьях из розового муслина, с белыми бантами на чепцах, метались по дому, пребывая в том суетливом и возбужденном состоянии, которое немислимо описать. Старая леди была одета в парчевое платье, двадцать лет не выдавшее дневного света, за исключением тех солнечных лучей, какие проникали в щели сундука, где оно хранилось в течение всего этого времени. М-р Трандль был в прекраснейшем расположении духа, но, впрочем, несколько нервическом. Добродушный пожилой хозяин старался быть очень веселым и беззаботным, но явно терпел неудачу в этой попытке. Все девушки были в слезах и белом муслине, за исключением двух-трех избранных, которые удостоились чести лицезреть наверху невесту и подружек. Все пиквикисты облеклись в превосходнейшие костюмы, а на лужайке перед домом раздавался ужасающий гул, производимый всеми мужчинами, юношами и неуклюжими подростками, состоявшими при ферме, из коих у каждого был белый бант в петлице, и все до единого кричали изо всех сил, подстрекаемые и воодушевляемые советом и примером м-ра Самюэла Уелера, который уже ухитрился стать весьма популярным и чувствовал себя как дома, словно родился на этой ферме.

Свадьба — излюбленная мишень для шуток, но в конце концов в этом, право же, нет ничего смешного. Мы говорим только о церемонии и предупреждаем, что не позволяем себе никаких скрытых сарказмов, направленных против супружеской жизни. С удовольствием и радостью, вызванными этим

событием, связаны многие сожаления при прощании с родным домом, слезы при разлуке родителей с ребенком, сознание, что покидаешь самых дорогих друзей счастливейшей поры человеческой жизни, чтобы встретиться с ее заботами и невзгодами среди новых людей, еще не испытанных и мало известных, — все это естественные чувства, описанием коих мы бы не хотели омрачить эту главу и тем менее вызвать к ним насмешливое отношение.

Скажем коротко, что обряд был совершен старым священником в приходской церкви Дингли-Дэла и что имя м-ра Пиквика занесено в книгу, хранящуюся по сей день в ризнице этой церкви; что молодая леди с черными глазками написала свое имя очень нетвердым и дрожащим почерком; что подпись Эмили, так же как и других подружек, почти нельзя прочесть; что все прошло самым изумительным образом; что молодые леди нашли все это значительно менее ужасным, чем они предполагали, и что хотя собственница черных глазок и лукавой улыбки заявила м-ру Уинклю о своей уверенности в том, будто она никогда не могла бы согласиться на нечто столь ужасное, у нас есть все основания думать, что она ошибалась. Ко всему этому можем добавить, что м-р Пиквик был первым, кто поздравил новобрачную, и при этом он надел ей на шею прекрасные золотые часы с цепочкой, каких еще не видели глаза ни одного смертного, кроме ювелира. Затем старый церковный колокол зазвонил так весело, как только мог, и все вернулись к завтраку.

— Куда поставить мясной паштет, юный потребитель опума? — спросил м-р Урлер жирного парня, помогая размещать на столе те предметы потребления, которые не были должным образом расставлены накануне вечером.

Жирный парень указал место, предназначенное для паштетов.

— Отлично, — сказал Сэм. — Воткните туда веточку рождественской елки. Другое блюдо напротив. Вот так! Теперь у нас вид приятный и аккуратный, как сказал отец, отрубив голову своему сынишке, чтобы излечить его от косо-
глазия. ||

Сделав такое сравнение, м-р Уордль отступил шага на два, чтобы оценить эффект в его полноте, и с величайшим удовлетворением обозрел сделанные приготовления.

— Уордль, — сказал м-р Пиквик, как только все уселись, — стакан вина в честь этого счастливого события!

— С восторгом, мой друг, — ответил м-р Уордль. — Джо... Несносный мальчик, он спит!

— Нет, я не сплю, сэр, — возразил жирный парень, выходя из дальнего угла, где, подобно святому патрону жирных мальчиков — бессмертному Хорнеру*, — пожирал рождественский пирог, не проявляя, однако, того хладнокровия и рассудительности, какие вообще характеризовали действия этого юного джентльмена.

— Наполните стакан м-ру Пиквику.

— Слушаю, сэр.

Жирный парень наполнил стакан м-ра Пиквика и поместился за стулом своего хозяина, откуда наблюдал с какой-то мрачной и хмурой, но самой выразительной радостью игру ножей и вилок и путешествие лакомых кусков с тарелок к устам сотрапезников.

— Да благословит вас бог, старина! — сказал м-р Пиквик.

— И вас также, мой друг, — отозвался м-р Уордль, и они сердечно выпили за здоровье друг друга.

— М-с Уордль, — сказал м-р Пиквик, — мы, старики, должны вместе выпить стакан вина в честь этого радостного события.

Старая леди занимала в этот момент весьма величественную позицию, ибо восседала в своем парчевом платье во главе стола, с новобрачной вучкой по одну руку от себя и м-ром Пиквиком, на которого была возложена обязанность резать жаркое, — по другую. М-р Пиквик говорил не очень громко, но она поняла его сразу и выпила целый стакан вина за его здоровье и счастье. После сего достойная старушка начала делать полный и подробный доклад о своей собственной свадьбе, с диссертацией о моде носить башмаки на высоких каблуках и некоторыми деталями, касающимися жизни и приключений прекрасной леди Толимглауер, ныне

покойной; над всем этим старая леди сама смеялась от души, смеялись и молодые леди, недоумевая, о чем в сущности толкует бабушка. Когда они смеялись, старая леди смеялась еще в десять раз веселее и объявила, что эта история всегда считалась замечательной; это заставило всех снова расхохотаться и привело старую леди в наилучшее расположение духа. Засим был разрезан и обнесен вокруг стола сладкий пирог; молодые леди припрятали по кусочку, чтобы положить под подушку и увидеть во сне своего суженого; по этому случаю они сильно покраснелись и ожигались.

— М-р Милер, — сказал м-р Пиквик своему старому знакомому, здравомыслящему джентльмену, — стаканчик вина?

— С большим удовольствием, м-р Пиквик, — торжественно ответил здравомыслящий джентльмен.

— Вы примете меня в компанию? — осведомился благодушный старый священник.

— И меня! — добавила его жена.

— И меня, и меня! — сказали двое бедных родственников, которые сидели на другом конце стола, ели и пили с большим увлечением и смеялись по всякому поводу.

М-р Пиквик выражал искреннее удовольствие при каждом новом предложении; глаза у него сияли радостью и весельем.

— Леди и джентльмены, — сказал м-р Пиквик, неожиданно вставая.

— Слушайте, слушайте! Слушайте, слушайте! Слушайте, слушайте! — кричал от избытка чувств м-р Уэлер.

— Позовите всех слуг! — воскликнул старый Уордль, вмешиваясь, дабы предотвратить публичный выговор, каковой в противном случае несомненно получил бы м-р Уэлер от своего хозяина. — Дайте каждому по стакану вина, чтобы все могли присоединиться к тосту. Итак, Пиквик!

Гости замолчали, служанки начали шептаться, слуги пребывали в неловком замешательстве. М-р Пиквик продолжал:

— Леди и джентльмены... нет, я не скажу — леди и джентльмены, я вас назову своими друзьями, своими дорогими друзьями, если леди разрешат мне такую вольность...

Тут леди, а за ними и джентльмены прервали м-ра Пиквика оглушительными рукоплесканиями, во время которых было отчетливо слышно, как обладательница черных глазок заявила, что готова поцеловать этого милого м-ра Пиквика.

Вслед за этим м-р Уинкль галантно осведомился, нельзя ли это сделать через посредника, на что юная леди с черными глазами ответила: „Отстаньте“, — и присовокупила к этому требованию взгляд, который сказал так ясно, как только может быть ясен взгляд: „если можете“.

— Мои дорогие друзья, — продолжал м-р Пиквик, — я предлагаю тост за здоровье новобрачных, да благословит их бог. (Рукоплескания и слезы.) Моего юного друга Трандля я считаю превосходнейшим и мужественным человеком; и мне известно, что его жена — очень милая и очаровательная девушка, обладающая всеми данными для того, чтобы перенести в новую сферу деятельности то счастье, какое в течение двадцати лет она изливала вокруг себя в доме своего отца. (Тут жирный парень разразился оглушительным ревом и был выведен за шиворот м-ром Уэлером.) Я сожалею, — добавил м-р Пиквик, — я сожалею, что недостаточно молод, чтобы стать супругом ее сестры (рукоплескания), но раз это невозможно, я радуюсь тому, что я достаточно стар, чтобы быть ей отцом, ибо теперь меня не могут заподозреть в каких-либо тайных замыслах, если я скажу, что я восхищаюсь ими обеими, уважаю их и люблю. (Рукоплескания и всхлипывания.) Отец новобрачной — наш добрый друг, благородный человек, и я горжусь знакомством с ним. Он — человек добрый, превосходный, независимый, великодушный, гостеприимный, щедрый. (Восторженные возгласы бедных родственников, приветствовавших все эпитеты и в особенности два последних.) Да насладится его дочь тем счастьем, какое он может ей пожелать, и, созерцая ее блаженство, да обретет он все то сердечное удовлетворение и весь тот душевный мир, которых заслуживает, — таково, в этом я убежден, наше общее желание. Итак, выпьем за их здоровье и пожелаем им долгой жизни и всяческих благ!

М-р Пиквик умолк под гром рукоплесканий, и еще раз легкие статистов под управлением м-ра Уэлера заработали быстро и энергически. М-р Уордль провозгласил тост за м-ра Пиквика; м-р Пиквик провозгласил тост за старую леди; м-р Снодграс провозгласил тост за м-ра Уордля; м-р Уордль провозгласил тост за м-ра Снодграса; один из бедных родственников провозгласил тост за м-ра Тапмена, а другой бедный родственник провозгласил тост за м-ра Уинкля; все были счастливы и оживлены, пока таинственное исчезновение двух бедных родственников, очутившихся под столом, не предупредило собравшихся, что пора сделать перерыв.

За обедом все встретились снова после двадцатипятимильной прогулки, предпринятой по совету Уордля, с целью избавиться от действия вина, выпитого за завтраком. Бедные родственники пролежали весь день в постели, дабы достигнуть той же вожаемой цели, но, не добившись успеха, там и остались. М-р Уэлер поддерживал среди слуг неумолчный смех, а жирный парень разделил свой досуг на малые доли, посвященные попеременно еде и сну.

Обед прошел так же весело, как завтрак, и столь же шумно, но без слез. Засим — десерт и новые тосты, засим — чай и кофе, а засим — бал.

Лучшая гостиная в Менор-Фарм была прекрасной, длинной, обшитой темной панелью комнатой с высоким каминном и широким дымоходом, куда мог бы въехать новый патентованный кэб * вместе с колесами и всем прочим. В дальнем конце комнаты сидели в тенистой беседке из остролистника и вечнозеленых растений два лучших скрипача и единственная арфа во всем Магльтоне. Во всех уголках и на всевозможных подставках стояли массивные старые серебряные подсвечники о четырех свечах каждый. Ковер был убран, свечи горели ярко, огонь пылал и трещал в камине, и веселые голоса и беззаботный смех звенели в комнате. Если бы английские йомены * доброго старого времени преисполнились после смерти в эльфов, они устраивали бы свои пирушки как раз в такой комнате.

И если что-либо могло повысить интерес этого приятного вечера, то это было появление м-ра Пиквика без гетр — за-

мечательный факт, случившийся впервые на памяти его старейших друзей.

— Вы собираетесь танцевать? — спросил Уордль.

— Всенепременно, — ответил м-р Пиквик. — Разве вы не видите, что я оделся специально для этой цели? — М-р Пиквик привлек внимание к своим шелковым чулкам в крапичку и элегантно зашнурованным лакированным туфлям.

— Вы в шелковых чулках! — шутливо воскликнул м-р Тапмен.

— А почему бы и нет, сэр, почему бы и нет? — с жаром возразил м-р Пиквик, поворачиваясь к нему.

— О, конечно, нет никаких оснований, почему бы вам их не надеть, — отозвался м-р Тапмен.

— Полагаю, что нет, сэр, полагаю, что нет, — сказал м-р Пиквик весьма безапелляционным тоном.

М-р Тапмен рассчитывал посмеяться, но обнаружил, что это вопрос серьезный; поэтому он сделал сосредоточенную мину и заметил, что на них красивый узор.

— Надеюсь, — отозвался м-р Пиквик, устремляя взгляд на своего друга. — Смею думать, сэр, что вы не находите ничего удивительного в этих чулках как таковых?

— Конечно, нет. О, конечно, нет! — ответил м-р Тапмен.

Он отошел, и физиономия м-ра Пиквика вновь обрела свойственное ей благодушное выражение.

— Кажется, мы все готовы, — сказал м-р Пиквик, который стоял в первой паре со старой леди и уже четыре раза срывался с места невпопад в страстном желании поскорее начать.

— В таком случае начинайте, — сказал Уордль. — Ну!

Две скрипки и одна арфа заиграли, и м-р Пиквик двинулся вперед к своим *vis-à-vis*, как вдруг все захлопали в ладоши и закричали:

— Стойте, стойте!

— Что случилось? — спросил м-р Пиквик, который остановился только потому, что скрипки и арфа умолкли; никакая другая сила в мире не могла бы его остановить, даже если бы загорелся дом.

— Где Арабела Элен? — воскликнуло несколько голосов.

— И Уинкль? — добавил м-р Тапмен.

— Мы здесь! — воскликнул джентльмен, появляясь из угла вместе со своей хорошенькой собеседницей, причем трудно было сказать, кто из них больше покраснел — он или юная леди с черными глазками.

— Как это странно, Уинкль, — с некоторым раздражением сказал м-р Пиквик, — что вы не могли занять свое место раньше.

— Ничуть не странно, — отозвался м-р Уинкль.

— Да, — сказал м-р Пиквик с весьма выразительной улыбкой, когда его глаза остановились на Арабеле, — да, в конце концов и я не знаю, так ли уж это странно.

Впрочем, размышлять об этом не было времени, ибо скрипки и арфа принялись за дело всерьез. М-р Пиквик выступил — руки накрест; вот он на середине комнаты и несется в самый дальний угол; резкий поворот у камина, и он мчится назад к двери. Все кружатся, крестообразно взявшись за руки; наконец громко отбивается ногами такт, и место уступает следующей паре; повторяется вся фигура — опять отбивается такт, следующая пара, еще одна и еще — оживление небывалое. Наконец, когда все фигуры были исполнены всеми четырнадцатью парами и когда старая леди в изнеможении вышла из круга, а ее место заняла жена священника, м-р Пиквик не переставал, хотя никакой нужды в таких упражнениях не было, отплясывать на месте в такт музыке, улыбаясь при этом своей даме с нежностью, не поддающейся никакому описанию.

Задолго до того момента, когда м-р Пиквик устал от танцев, новобрачные удалились со сцены. Тем не менее ввиду был подан превосходный ужин, после которого долго не расходились; и когда м-р Пиквик проснулся на следующее утро довольно поздно, у него сохранилось смутное воспоминание, что он пригласил, порознь и конфиденциально, человек сорок пять отобедать вместе у него в „Джордже и Ястребе“, как только они приедут в Лондон, — факт, который м-р Пиквик справедливо расценивал как несомненный показатель того, что в прошлый вечер он занимался не только танцами.

— Так, стало быть, моя милая, сегодня вечером всем домом устраиваются игры на кухне? — осведомился Сэм у Эммы.

— Да, м-р Уэлер, — ответила Эмма. — У нас заведено праздновать так каждый сочельник. Хозяин ни за что не откажется от этого.

— У вашего хозяина правильное понятие о развлечениях. — заметил м-р Уэлер. — Никогда еще я не видывал такого разумного человека и такого регулярного джентльмена.

— Вот это верно! — сказал жирный парень, вмешиваясь в разговор. — Каких он славных свиней разводит! — И жирный парень по-канибальски подмигнул м-ру Уэлеру при мысли о жареных окороках и свином сале.

— О, наконец-то вы проснулись! — сказал Сэм.

Жирный парень кивнул.

— Вот что я вам скажу, молодой удав, — внушительно произнес м-р Уэлер. — Если вы не будете немножко меньше спать и немного больше двигаться, вы подвергнетесь, когда станете постарше, такой же неприятности, какая случилась со старым джентльменом, носившим косицу.

— А что с ним сделали? — прерывающимся голосом осведомился жирный парень.

— А вот послушайте, — отозвался м-р Уэлер. — Это была одна из самых объемистых тварей на свете, регулярно жирный мужчина, так что за сорок пять лет ни разу не видел собственных башмаков.

— Господи! — воскликнула Эмма.

— Да, не видел, моя милая, — сказал м-р Уэлер. — И если бы вы положили перед ним на обеденный стол точную модель его собственных ног, он бы их не узнал. Ну, так вот, отправляясь в свою контору, он всегда надевал очень красивую золотую цепочку от часов, спускавшуюся этак на фут с четвертью, и носил в брючном кармашке часы, которые стоили... боюсь сказать, сколько, но не меньше, чем могут стоить часы... большие, тяжелые, круглой фабрикации, как раз под стать такому дородному человеку, и с большим циферблатом. „Вы бы лучше не носили этих часов, — говорят старому джентльмену его друзья, — их у вас украдут“. — „Украдут?“ —

говорит он. — „Да, — говорят, — украдут“. — „Ну, — говорит он, — хотел бы я посмотреть на того вора, который может вытащить эти-вот часы, потому что будь я проклят, если я сам могу их вытащить, так они тут плотно прижаты; и когда мне хочется узнать, который час, я должен, — говорит, — заглядывать в булочные“. Тут он хохочет так, что вот-вот лопнет, и опять отправляется с напудренной головой и косицей, переваливаясь по Стренду, а цепочка свешивается ниже, чем когда бы то ни было, а большие круглые часы чуть не разрывают серые шерстяные брюки. Не было во всем Лондоне ни одного карманника, который не дергал бы за эту цепочку, но цепочка никогда не рвалась, а часы не вылезали из кармана, и скоро им надоело таскать за собой по тротуару такого грузного старого джентльмена, а он возвращался домой и хохотал так, что косица болталась, словно маятник голландских часов. Но вот однажды катится старый джентльмен по улице и видит, что карманник, которого он знал в лицо, идет под руку с маленьким мальчиком с огромной головой. „Вот потеха, — говорит себе старый джентльмен, — они хотят еще разок попытаться, но это не пройдет“. Тут он начинает очень весело смеяться, как вдруг мальчик выпускает руку карманника и бросается вперед, прямо головой в живот старого джентльмена, и тот на секунду сгибается вдвое от боли. „Убийство!“ — кричит старый джентльмен. „Все в порядке, сэр“, — говорит ему на ухо карманник. А когда он опять выпрямился, часы и цепочка исчезли, и — что еще хуже — у старого джентльмена пищеварение с тех пор никуда не годилось до конца жизни. Примите это к сведению, молодой человек, и позаботьтесь, чтобы не слишком растолстеть.

Когда м-р Уэдер закончил эту поучительную повесть, которая, казалось, произвела большое впечатление на жирного парня, они отправились все трое в большую кухню, где к тому времени собрались все домочадцы согласно обычаю, связанному с сочельником и собиравшемуся праотцами старого Уордья с незапамятных времен.

✓ К середине потолка в кухне старый Уордль только что подвесил собственноручно огромную ветку омелы, и эта са-

мая ветка омелы мгновенно породила всеобщую и восхитительную борьбу и смятение, в разгар коих м-р Пиквик с галантностью, которая сделала бы честь потомку самой леди Толмглауер, взял старую леди под руку, вывел ее под мистическую ветку и поцеловал со всею вежливостью и благопристойностью. Старая леди подчинилась этому акту учтивости со всем достоинством, какое приличествовало столь важному и серьезному обряду, но леди помоложе, не будучи в такой мере проникнута суеверным почтением к обряду или воображая, будто значение поцелуя увеличивается, если стоит некоторого труда его получить, визжали и сопротивлялись, рассыпались по углам, угрожали и возражали, — словом, делали все, только не уходили из комнаты, до тех пор, пока некоторые из наименее предприимчивых джентльменов не собрались было отступить, после чего они тотчас же нашли бессмысленным сопротивляться дольше и любезно дали себя поцеловать.

М-р Уинкль поцеловал молодую леди с черными глазками, м-р Снодграс поцеловал Эмили, а м-р Уэлер, не придавая особого значения форме обряда, заставлявшей находиться под омелой, целовал Эмму и других служанок, как только ему удавалось их поймать. Что касается бедных родственников, то они целовали всех, не исключая даже самых некрасивых приехавших молодых леди, которые в крайнем смущении бросились, сами того не ведая, под омелу, как только она была повешена. Уордль стоял спиной к камину, созерцая всю эту сцену с величайшим удовольствием, а жирный парень, не упустил случая присвоить и уплести без промедления особенно лакомый мясной паштет, который заботливо припасался для кого-то другого.

Затем визг затих, лица покраснелись, кудри растрепались, и м-р Пиквик, поцеловав, как упомянуто было выше, старую леди, стоял под омелой, взирая с довольной физиономией на все, что происходило вокруг, когда молодая леди с черными глазками, пошептавшись с другими молодыми леди, бросилась вдруг вперед и, обвив рукой шею м-ра Пиквика, нежно поцеловала его в левую щеку, и не успел м-р Пиквик

хорошенько сообразить, в чем дело, как все молодые люди его окружили, и каждая подарила его поцелуем.

Приятно было видеть в центре группы м-ра Пиквика, которого тащили то в одну сторону, то в другую и целовали в подбородок, в нос, в очки, и приятно было слышать взрывы смеха, раздававшегося со всех сторон, но еще приятнее было видеть, как м-р Пиквик, которому вскоре после этого завязали глаза шелковым носовым платком, натыкался на стены, шарил по углам и проходил через все таинства жмурок, получая величайшее удовольствие от игры, пока наконец не поймал одного из бедных родственников, и тогда ему самому пришлось убежать от жмурки, что он делал с легкостью и проворством, вызывавшими восхищение и рукоплескания всех присутствующих. Бедные родственники ловили тех, кому, по их мнению, это должно было понравиться, а когда игра затягивалась, сами давали себя поймать. Когда всем надоели жмурки, началась славная игра в „снепдрегон“ *, и когда пальцы были в достаточной мере обожжены и изюминки выловлены, все усадились возле очага, где ярко пылали дрова, и подан был основательный ужин и огромная чаша уоселя *, чуть-чуть поменьше обыкновенного медного котла прачечной; и в ней так аппетитно на вид и так приятно для слуха шипели и пузырились горячие яблоки, что положительно нельзя было устоять.

— Вот это, — сказал м-р Пиквик, озираясь, — вот это поистине утеха.

— Таков наш неизменный обычай, — отозвался м-р Уордль. — В сочельник все садятся с нами за один стол, как видите вы сейчас, — слуги и все, кто находится в доме; и здесь мы ждем, пока часы не пробьют полночь, возвещая наступление рождества, и коротаем время, играя в фанты и рассказывая старые истории. Трандль, мой мальчик, расшевелите хорошенько дрова в камине.

Лишь только пошевелили дрова, посыпались мириады сверкающих искр. Темнокрасное пламя разлило яркий свет, который проник в самые дальние углы комнаты, и отбросило веселый отблеск на все лица.

— Теперь затынем песню, рождественскую песню, — сказал Уордль. — Я вам спою одну, если никто не предлагает лучшей.

— Браво! — воскликнул м-р Пиквик.
— Наполните стаканы! — крикнул Уордль. — Пройдет добрых два часа, раньше чем вы увидите дно этой чаши сквозь темноокрасный уосель. Наполните стаканы и слушайте!

Сказав так, веселый старый джентльмен без дальнейших разговоров зашел приятным, звучным, сильным голосом:

РОЖДЕСТВЕНСКУЮ ПЕСНЮ

Что весна мне! Пусть под ее крылом
Расцветают в полях цветы.
Она будит их коварным дождем
Под покровом почной темноты.
Изменчивый эльф не знает себя,
Не знает, что верен часок,
Улыбается он, навек губя
Беззащитный первый цветок.

Что мне солнце! Пусть убегает в дом, —
Я не буду его искать.
Не печалюсь я, когда тучи на нем,
И не буду к лету взывать.
Его сын любимый — жестокий бред —
По следам горячки идет.
Коль сильна любовь, недолго согрет...
Это каждый, — увы! — поймет.

Лунный свет порой осенних работ,
Проливая почную тень,
Мне милей и больше меня влечет,
Чем бесстыдный и яркий день.
Но увижу — лист на земле лежит,
И на сердце тоска легла.
Опадают листья — сердце щемит,
И осень тогда не мила.

Я веселым святкам песню пою.
Золотая пришла пора!
В честь ее я чашу палил свою
И тройным встречаю „ура“.

Распахнем мы дверь принять Рождество.
Старика совсем оглушим.
Пока есть вино, потешим его
И друзьями простимся с ним.

Как всегда, он горд, и к чему скрывать
Заглубелую сеть рубцов!
Не позор они — их легко сыскать
На щеках лихих моряков.
И я славлю вновь, и песня звонка —
Пусть гудит и дом и земля, —
Этой ночью славлю я старика —
Четырех времен короля.

Этой песне бурно аплодировали, ибо друзья и слуги составляют чудесную аудиторию, — в особенности бедные родственники были в подлинном экстазе. Снова подбросили дров в камин и снова наполнили стаканы уоселем.

— Какой снег! — тихо сказал один из слуг.

— Снег? — переспросил Уордль.

— Суровая, холодная ночь, — отозвался слуга. — И ветер поднялся. Он гонит снег по полю густым белым облаком.

— Что говорит Джем? — осведомилась старая леди. — Что-нибудь случилось?

— Нет, матушка, — ответил Уордль. — Он говорит, что поднялась метель, и ветер холодный и пронизывающий. Я бы мог догадаться об этом, судя по тому, как он гудит в трубе.

— А! — сказала старая леди. — Помню, такой же был ветер и так же шел снег очень много лет назад — за пять лет до того, как скончался наш бедный отец. Тогда тоже был сочельник, и помню, что в тот самый вечер он нам рассказывал историю о подземных духах, которые утащили старого Гебри-ела Граба.

— Какую историю? — спросил м-р Пиквик.

— О, пустяки, пустяки, — отозвался Уордль. — О старом могильщике, которого будто бы утащили подземные духи, как думают здешние добрые люди.

— Думают! — воскликнула старая леди. — Да разве найдется такой смельчак, который бы этому не верил? Думают!

Да разве вы не слыхали с самого детства, что его похитили подземные духи, и ничего не знаете об этом?

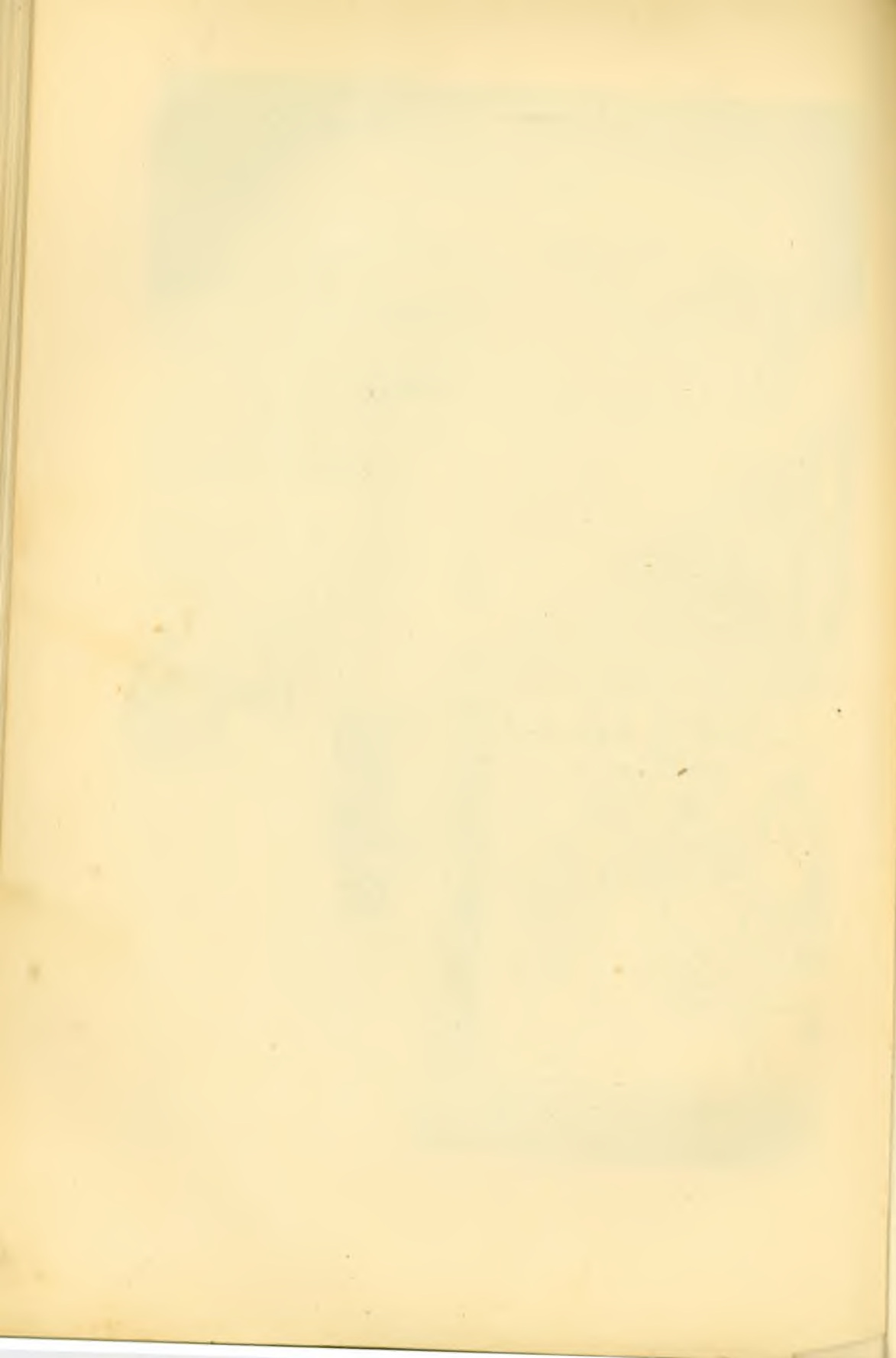
— Отлично, матушка, если вам угодно — его похитили, — смеясь, сказал Уордль. — Его похитил подземный дух, Пиквик, и конец делу.

— Нет, нет, — возразил м-р Пиквик, — уверяю вас, не конец, потому что я должен узнать, как и почему, — вообще все подробности.

Уордль улыбнулся, когда все наклонились вперед, чтобы лучше слышать, и, щедрой рукой налив уоселя, выпил за здоровье м-ра Пиквика и начал следующий рассказ...

Но да помилует бог наше писательское сердце, — в какую длинную главу дали мы себя втянуть! Заявляем торжественно: мы совсем забыли о таких пустячных ограничениях, как главы. Но так и быть, подземного духа выпустим в новой главе. Подземные духи — на сцену, и никакого им снисхождения, леди и джентльмены!

ГЛАВА XXIX

Рассказ о подземных дугах, похитивших могильщика

„В одном старом монастырском городе, здесь, в наших краях, много-много лет тому назад—так много, что эта история должна быть правдивой, ибо наши прадеды верили ей слепо,—занимал место пономаря и могильщика на кладбище некто Гебриел Граб. Если человек—могильщик и постоянно окружен эмблемами смерти, из этого отнюдь не следует, что он должен быть человеком угрюмым и меланхолическим; наши могильщики—самые веселые люди в мире; а однажды я имел честь подружиться с факельщиком, который в свободное от службы время был самым забавным и шутливым молодцом из всех, кто когда-либо распевал залихватские песни, забывая все на свете, или осушал стакан доброго крепкого вина одним духом. Но, несмотря на эти примеры, доказывающие обратное, Гебриел Граб был сварливым, непокладистым, хмурым человеком—мрачным и замкнутым, который не общался ни с кем, кроме самого себя и старой плетеной фляжки, помещавшейся в большом, глубоком кармане его жилета, и бросал на каждое веселое лицо, попадавшееся

ему на пути, такой злобный и сердитый взгляд, что трудно было при встрече с ним не почувствовать себя скверно.

„Как-то в рождественский сочельник, незадолго до сумерок, Гебриел Граб вскинул на плечо свою лопату, зажег фонарь и пошел по направлению к старому кладбищу, ибо ему нужно было докончить к утру могилу, и, чувствуя себя в подавленном состоянии духа, он подумал, что, быть может, поднимет его, если тотчас же возьмется за работу. Проходя по старой улице, он видел через старинные окна веселый отблеск огня, пылавшего в каминах, и слышал громкий смех и радостные возгласы тех, что собрались вокруг них; он заметил суетливое приготовление к завтрашнему пиршеству и почуял немало аппетитных запахов, которые вырывались облаком пара из кухонных окон. Все это было желчью и полынью для сердца Гебриела Граба; а когда группы детей выскакивали из домов, перебегали через дорогу и, не успев постучать в дверь противоположного дома, встречались с полдюжиной кудрявых маленьких шадунов, толпившихся вокруг них, когда они взбирались по лестнице, чтобы провести вечер в рождественских играх, — Гебриел Граб злобно усмехался и крепче сжимал рукоятку своей лопаты, размышляя о кори, скарлатине, молочнице, коклюше и многих других источниках утешения.

„В таком счастливом расположении духа Гебриел продолжал путь, отвечая отрывистым угрюмым ворчанием на добродушные приветствия соседей, изредка попадавшихся ему навстречу, пока не свернул в темный переулок, который вел к кладбищу. А Гебриел мечтал о том, чтобы добраться до темного переулка, потому что этот переулок в общем был славным, мрачным, унылым местом, куда горожане не очень-то любили заглядывать, разве что среди бела дня и при солнечном свете; поэтому он был не на шутку возмущен, услышав, как юный пострел распевает какую-то праздничную песню о веселом рождестве в этом самом святилище, которое называлось Гробовым переулком еще в дни старого аббатства и со времен монахов с бритыми макушками. По мере того как Гебриел подвигался дальше и голос звучал ближе, он убеж-

дался, что этот голос принадлежал мальчугану, который спешил присоединиться к одной из маленьких групп на старой улице, и для того, чтобы составить самому себе компанию, а также подготовиться к празднеству, распевал во всю силу своих легких. Гебриел подождал, пока мальчик не поровнялся с ним, затем загнал его в угол и раз пять или шесть стукнул фонарем по голове, чтобы научить его соразмерять свой голос. Когда мальчик убежал, держась рукой за голову и распевая совсем другую песню, Гебриел Граб засмеялся от всей души и, придя на кладбище, запер за собой ворота.

„Он снял куртку, поставил фонарь на землю и, спрыгнув в недокопченную могилу, работал около часа с большим рвением. Но земля промерзла, и не очень-то легким делом было разбивать ее и выгребать из ямы; и хотя светил месяц, но он был совсем молодой и проливал мало света на могилу, которая находилась в тени церкви. Во всякое другое время эти препятствия привели бы Гебриела Граба в очень мрачное и горестное расположение духа, но, положив конец пению маленького мальчика, он был так доволен, что обращал мало внимания на ничтожные результаты, и, покончив на эту ночь со своей работой, заглянул в могилу с жестоким удовлетворением и чуть слышно затынул, собирая свои вещи:

Славные дома, славные дома,
Сырая земля да позная тьма.
Камень в изголовьи, камень в ногах;
Жирное блюдо под ними в чернях.
Сорная трава да глина кругом,
В освященной земле прекрасный дом!

„— Хо-хо! — засмеялся Гебриел Граб, присев на плоскую могильную плиту, которая была его излюбленным местом отдохновения, и достав плетеную фляжку. — Гроб на рождество! Подарок к празднику. Хо-хо-хо!

„— Хо-хо-хо! — повторил голос, прозвучавший за его спиной. „Гебриел замер от испуга в тот самый момент, когда подносил к губам плетеную фляжку, и оглянулся. Самая древ-

няя могила была не более тиха и безмолвна, чем кладбище при бледном лунном свете. Холодный иней блестел на могильных плитах и сверкал, как драгоценные камни, на резьбе старой церкви. Снег, твердый и хрустящий, лежал на земле и расстирал по земляным холмикам, теснящимся друг к другу, такой белый и гладкий покров, что казалось, будто здесь лежат трупы, окутанные только своими саванами. Ни один шорох не врвался в глубокую тишину этой торжественной картины. Сами звуки словно замерзли, так все было холодно и неподвижно.

„— Это было эхо, — сказал Гебриел Граб, снова поднося бутылку к губам.

„— Это было не эхо, — послышался низкий голос.

„Гебриел вскочил и замер, словно пригвожденный к месту, от ужаса и изумления, ибо его глаза остановились на существе, при виде которого кровь застыла у него в жилах.

„На вертикально стоявшем надгробном камне, совсем близко от него, сидело странное, сверхъестественное существо, которое — это сразу почувствовал Гебриел — не принадлежало к этому миру. Его длинные фантастические ноги — он мог бы достать ими до земли — были подогнуты и скрещены фантастическим образом; жилистые руки были обнажены, а кисти рук покоились на коленях. Его короткое круглое туловище было обтянуто узкой курткой, украшенной небольшими разрезами; короткий плащ болтался за спиной; воротник был с какими-то причудливыми зубцами, заменявшими подземному духу брыжки или галстук, а башмаки заканчивались длинными загнутыми носками. На голове у него была широкополая шляпа в форме конуса, декорированная одним пером. Шляпу покрывал иней. И вид у него был такой, словно он сидел на этом самом надгробном камне, не меняя позы, столетия два или три. Он сидел совершенно неподвижно, высунув, словно в насмешку, язык и усмехаясь Гебриелу Грабу такой усмешкой, какую может состроить только подземный дух.

„— Это было не эхо, — сказал подземный дух.

„Гебриел Граб был парализован и ничего не мог ответить.

„— Что вы тут делаете в рождественский сочельник? — сурово спросил подземный дух.

„— Я пришел рыть могилу, сэр, — заикаясь пробормотал Гебриел Граб.

„— Кто бродит среди могил на кладбищах в такую ночь? — крикнул подземный дух.

„— Гебриел Граб! Гебриел Граб! — взвизгнул дикий хор голосов, которые, казалось, заполнили кладбище. Гебриел пуливо оглянулся — ничего не было видно.

„— Что у вас в этой бутылке? — спросил подземный дух.

„— Джин, сэр, — ответил пономарь, задрожав еще сильнее, ибо он купил его у контрабандистов, и ему пришло в голову, не состоит ли существо, допрашивающее его, в акцизном департаменте подземных духов.

„— Кто пьет джин в одиночестве и на кладбище в такую ночь? — спросил подземный дух.

„— Гебриел Граб! Гебриел Граб! — снова раздались дикие голоса.

„Подземный дух злобно скосил глаза на уstraшенного пономаря, а затем, повысив голос, воскликнул:

„— И кто, стало быть, является нашей законной добычей?

„На этот вопрос невидимый хор ответил в тонах, звучащих, как голоса певчих, поющих под мощный аккомпанемент органа в старой церкви, — в тонах, которые, казалось, доносились до слуха пономаря вместе с диким порывом ветра и замерли, когда он унесся вдаль; но смысл ответа был все тот же:

„— Гебриел Граб! Гебриел Граб!

„Подземный дух растянул рот еще шире и сказал:

„— Ну-с, Гебриел, что вы на это скажете?

„Пономарь ловил воздух ртом.

„— Что вы об этом думаете, Гебриел? — спросил подземный дух, задирая ноги по обеим сторонам надгробного камня и разглядывая загнутые кверху носки с таким удовольствием, словно созерцал самую модную пару сапог, купленную на Бонд-стрит.

„— Это... это... очень любопытно, сэр, — ответил пономарь, полумертвый от страха. — Очень любопытно и очень мило,

но, пожалуй, я пойду и закончу свою работу, сэр, с вашего позволения.

„Работу? — повторил подземный дух. — Какую работу?

„Могилу, сэр, рытье могилы, — пробормотал пономарь.

„О, могилу, да! — сказал подземный дух. — Кто роет могилы в такое время, когда все другие люди веселятся и наслаждаются?

„Снова раздались таинственные голоса:

„Гебриел Граб! Гебриел Граб!

„Боюсь, что мои друзья требуют вас, Гебриел, — сказал подземный дух, облизывая щеку языком — весьма замечательный был у него язык. — Боюсь, что мои друзья требуют вас, Гебриел, — сказал подземный дух.

„Не прогневайтесь, сэр, — отвечал пораженный ужасом пономарь, — я не думаю, чтобы это могло быть, сэр, они меня не знают, сэр; не думаю, чтобы эти джентльмены когда-нибудь видели меня, сэр.

„О, нет, видели, — возразил подземный дух. — Мы знаем человека с хмурым лицом и мрачным видом, который шел сегодня вечером по улице, бросая злобные взгляды на детей и крепче сжимая свою могильную лопату. Мы знаем человека с завистливым и недобрый сердцем, который ударил мальчика за то, что мальчик мог веселиться, а он не мог. Мы его знаем, мы его знаем!

„Тут подземный дух разразился громким пронзительным смехом, который эхо повторило в двадцать раз громче, и, скинув ноги вверх, стал на голову или, вернее, на самый кончик своей конусообразной шляпы на узком крае надгробного камня, откуда с удивительным проворством кувырнулся прямо к ногам пономаря, где и уселся в той позе, в какой обычно сидят портные на своих столах.

„Боюсь... боюсь, что я должен вас покинуть, сэр, — сказал пономарь, делая попытку пошевелинуться.

„Покинуть нас! — воскликнул подземный дух. — Гебриел Граб хочет нас покинуть. Хо-хо-хо!

„Когда подземный дух захохотал, пономарь на одну секунду увидел ослепительный свет в окнах церкви, словно все

здание было иллюминировано. Свет угас, орган заиграл веселую мелодию, и целые толпы подземных духов, точная копия первого, высыпали на кладбище и начали прыгать через надгробные камни, ни на секунду не останавливаясь, чтобы передохнуть, но перескакивали один за другим через самые высокие памятники с поразительной ловкостью. Первый подземный дух был самым изумительным прыгуном, и никто другой не мог с ним состязаться; несмотря даже на крайний испуг, пономарь не мог не заметить, что в то время как остальные довольствовались прыжками через надгробные камни обычных размеров, первый перепрыгивал через семейные склепы с их железной оградой и прочим с такою легкостью, словно это были уличные тумбы.

„Игра была в самом разгаре; орган играл быстрее и быстрее, и духи прыгали живее и живее, свертываясь спиралью, кувыркаясь на земле и перелетая, как футбольные мячи, через надгробные камни. Голова у пономаря кружилась от одного вида этих быстрых движений и ноги подкашивались, когда призраки пролетали перед его глазами, как вдруг король духов, бросившись к нему, схватил его за шиворот и вместе с ним провалился сквозь землю.

„Когда Гебriel Граб перевел дыхание, на секунду прервавшееся от стремительного спуска, он убедился, что находится, повидимому, в большой пещере, наполненной толпами подземных духов, уродливых и мрачных; в центре комнаты на возвышении восседал его кладбищенский приятель, а возле него стоял сам Гебriel Граб, который был не в силах пошевелинуться.

„— Холодная ночь, — сказал король подземных духов, — очень холодная! Принесите стакан чего-нибудь согревающего.

„Услышав такой приказ, с полдюжины вечно улыбающихся подземных духов, коих Гебriel Граб считал по этому случаю придворными, мгновенно скрылись и быстро вернулись с кубком жидкого огня, который подали королю.

„— Так! — воскликнул подземный дух, у которого щеки и глотка стали прозрачными, когда он глотал пламя. — Вот это действительно согреет хоть кого. Подайте такой же кубок м-ру Грабу.

„Тщетно уверял злополучный пономарь, что он не имеет обыкновения пить на ночь теплого; один из духов держал его, а другой вливал ему в горло пылающую жидкость; все собрание визгливо смеялось, когда, проглотив горящий напиток, он кашлял и задыхался и вытирал слезы, хлынувшие из глаз.

„— А теперь, — сказал король, шутливо ткнув в глаз пономарю острым углом своей конусообразной шляпы и причинив этим мучительную боль, — а теперь покажите человеку уныния и скорби несколько картин из нашей собственной великой сокровищницы.

„Когда подземный дух произнес эти слова, густое облако, заслонявшее дальний конец пещеры, постепенно рассеялось, и появилась, повидимому на большом расстоянии, маленькая и скудно меблированная, но уютная и чистая комната. Группа маленьких детей собралась возле яркого огня, цепляясь за платье матери и прыгая вокруг ее стула. Мать изредка вставала и отодвигала занавеску на окне, словно поджидала кого-то. Скромный обед был уже подан на стол и кресло придвинуто к камину. Раздался стук в дверь; мать открыла ее, а дети столпились вокруг и радостно захлопали в ладоши, когда вошел их отец. Он промок, устал и отряхивал снег со своей одежды. Дети вертелись вокруг него и, схватив его плащ, шляпу, палку и перчатки, с суетливой стремительностью унесли их из комнаты. Потом, когда он сел обедать возле очага, дети взобрались к нему на колени, мать сидела подле него, и казалось — здесь было счастье и довольство.

„Но почти незаметно произошла какая-то перемена. Сцена превратилась в маленькую спальню, где умирал самый младший и самый красивый ребенок; розы увяли на его щеках, и свет угас в его глазах; и в тот момент, когда пономарь смотрел на него с таким интересом, какого никогда еще не испытывал и не видал, он умер. Его юные братья и сестры столпились вокруг кровати и схватили его крохотную ручку, такую холодную и тяжелую; но они отшатнулись, прикоснувшись к ней, и с ужасом посмотрели на детское ли-

до, ибо хотя было оно спокойным и безмятежным, и прекрасный ребенок казался мирно и тихо спящим, они поняли, что он умер, и знали, что он стал ангелом, взирающим на них и благословляющим их с ясных и счастливых небес.

„Снова легкое облако пронеслось перед картиной, и снова она изменилась. Теперь отец и мать были стары и беспомощны, и число их близких уменьшилось больше чем наполовину; но довольство и безмятежность отражались на всех лицах и сияли в глазах, когда все собрались вокруг очага и рассказывали или слушали старые истории о минувших днях. Медленно и мирно отец сошел в могилу, а вскоре за ним и та, кто делила все его заботы и невзгоды, последовала в обитель покоя. Те немногие, что пережили их, преклонили колени возле их могилы и оросили слезами зеленый дерн, ее покрывавший; потом встали и отошли — печально и скорбно, но без горьких воплей и отчаянных жалоб, ибо знали, что когда-нибудь встретятся снова; затем они вернулись к своей будничной жизни, и покой и веселье среди них восстановились. Облако окутало картину и скрыло ее из глаз пономаря.

— Что вы думаете об этом? — спросил подземный дух, повертывая свое широкое лицо к Гебриелу Грабу.

„Гебриел пробормотал, что это очень мило, но вид у него был пристыженный, когда подземный дух устремил на него свой огненный взгляд.

— Вы — жалкий человек! — сказал подземный дух тоном глубокого презрения. — Вы...

„Он, повидимому, предполагал еще что-то добавить, но негодование заставило его оборвать фразу; поэтому он поднял свою гибкую ногу и, помахав ею над своей головой, чтобы хорошенько прицелиться, дал Гебриелу Грабу здоровый пинок; немедленно вслед за этим все приближенные духи столпились вокруг злополучного пономаря и начали лягать его немилосердно, следуя установленному и неизменному обычаю всех придворных на земле, которые лягают того, кого лягает король, и обнимают того, кого обнимает король.

„— Покажите ему еще! — сказал король подземных духов.

„При этих словах облако рассеялось, и открылся яркий и красивый пейзаж — точь-в-точь такой же существует и по сей день на расстоянии полумили от старого монастырского города. Солнце сияло на чистом синем небе, вода искрилась в его лучах, и деревья казались зеленее и цветы пестрее благодаря его благотворному влиянию. Вода струилась с приятным журчанием, деревья шелестели под легким ветром, шуршавшим в листве; птицы пели на ветках, и жаворонок в вышине распевал гимн утру. Да, было утро, яркое, благоухающее летнее утро. В самом крохотном листочке, в самой маленькой былинке трепетала жизнь. Муравей полз на дневную работу, бабочка порхала и грелась в теплых лучах солнца, мириады насекомых простирали свои прозрачные крылья и упивались своей короткой, но счастливой жизнью. Человек шел, очарованный этой сценой, и все вокруг было ослепительно и прекрасно.

„— Вы — жалкий человек! — сказал король подземных духов еще презрительнее, чем раньше.

„И снова король подземных духов помахал ногой, снова она опустилась на плечи пономаря, и снова приближенные духи подражали своему повелителю.

„Много раз облако надвигалось и рассеивалось, и многому оно научило Гебриела Граба, который — его плечи хотя и ныли от частых пинков, наносимых духами, — смотрел с неослабевающим интересом. Он видел, что люди, которые работали упорно и зарабатывали свой скудный хлеб тяжким трудом, были веселы и счастливы; и что для самых невежественных нежный лик природы был неизменным источником веселья и радости. Он видел, что те, кого бережно лелеяли и с нежностью воспитывали, весело переносили лишения и побеждали страдание, которое раздавило бы многих людей более грубого склада, ибо первые хранили в своей груди источник веселья, довольства и мира. Он видел, что женщины — эти самые нежные и самые хрупкие божьи создания — чаще всего одерживали победу над горем, невзгодами и отчаянием, ибо он видел, что они хранят в своем собствен-

ном сердце неиссякаемый источник любви и преданности. И самое главное — он видел, что люди, подобные ему самому, — злобствующие на веселье и бодрость других людей, — отвратительные плеведа на прекрасной поверхности земли; и, противопоставив все добро в мире всему злу, он пришел к тому заключению, что в конце концов это вполне пристойный и благоустроенный мир. Как только он вывел такое заключение, облако, спустившееся на последнюю картину, словно окутало его сознание и убаюкало его. Один за другим подземные духи скрывались из виду, и когда последний из них исчез, он погрузился в сон.

„Рассвело, когда Гебриел Граб проснулся и увидел, что лежит, вытянувшись во весь рост, на плоской могильной плите. Пустая плетеная фляжка лежала возле него, а его куртка, лопата и фонарь, совсем побелевшие от ночного инея, валялись на земле. Камень, где он увидел сидящего духа, торчал перед ним, и могила, которую он рыл прошлой ночью, находилась неподалеку. Сначала он усомнился в реальности своих приключений, но когда попытался подняться, острая боль в плечах убедила его в том, что пинки подземных духов были весьма реальными. Он снова поколебался, не найдя отпечатков ног на снегу, где духи прыгали через надгробные камни, но быстро объяснил себе это обстоятельство, когда вспомнил, что они, будучи духами, не оставляют никаких видимых следов. Затем Гебриел Граб поднялся кое-как, чувствуя боль в спине, и, смахнув иней с куртки, надел ее и направился в город.

„Но он был другим человеком, и ему невыносимо было вернуться туда, где над его раскаянием будут издеваться и его исправлению не поверят. Он колебался в течение нескольких секунд, а потом побрел, куда глаза глядят, чтобы зарабатывать себе на хлеб в других краях.

„Фонарь, лопата и плетеная фляжка были найдены в тот день на кладбище. Сначала строилось много догадок о судьбе пономаря, но вскоре было решено, что его утащили подземные духи; не было недостатка и в надежных свидетелях, которые ясно видели, как он летел по воздуху верхом на гнедом

коне, кривом на один глаз, с львиным крупом и медвежьим хвостом. В конце концов всему этому слепо поверили, и новый пономарь показывал любопытным за ничтожную мзду порядочный кусок церковного флюгера, который был случайно сбит копытом вышеупомянутого коня во время его воздушного полета, и подобран на кладбище года два спустя.

„К несчастью, этим рассказам несколько повредило неожиданное возвращение — лет через десять — самого Гебриела Граба, одетого в лохмотья, благодушного старика, страдающего ревматизмом. Он рассказал свою повесть священнику, а также мэру, и со временем к ней начали относиться, как к историческому факту, каковым она остается и по сей день. Сторонники истории с флюгером, обманутые однажды в своем доверии, не так-то легко соглашались чему-нибудь поверить, поэтому они постарались напустить на себя глубокомысленный вид, пожимали плечами, постукивали себя по лбу и толковали о том, что Гебриел Граб выпил весь джин и потом заснул на могильной плите; и они тилились объяснить якобы виденное им в пещере подземного духа тем, что он узрел мир и поумнел. Но это мнение, которое никогда не пользовалось большой популярностью, постепенно было оставлено; как бы то ни было, но в виду того, что Гебриел Граб страдал ревматизмом до конца жизни, в этой истории есть, по крайней мере, за неимением ничего лучшего, одно нравоучение, а именно: если человек злобствует и пьет в полном одиночестве на рождестве, он может быть уверен, что ему от этого не поздоровится, будь его водка не так хороша или даже будь она на столько же градусов выше установленной крепости, как и та, которую Гебриел Граб видел в пещере подземного духа“.

ГЛАВА XXX

Как пиквикисты завязали и укрепили знакомство с двумя приятными молодыми людьми, принадлежащими к одной из свободных профессий, как они развлекались на льду и как закончился их визит

— Ну, что, Сэм, — сказал м-р Пиквик, когда его фаворит в рождественское утро принес ему горячей воды в спальню, — все еще подмораживает?

— Вода в умывальном тазу покрылась льдом, сэр, — ответил Сэм.

— Жестокий мороз, Сэм, — заметил м-р Пиквик.

— Славная погодка для тех, кто тепло укутан, как сказал самому себе полярный медведь, скользя по льду, — отозвался м-р Уэлтер.

— Через четверть часа я сойду вниз, Сэм, — произнес м-р Пиквик, развязывая ночной колпак.

— Очень хорошо, сэр, — ответил Сэм. — Там внизу сидит пара костоправов.

— Пара кого? — воскликнул м-р Пиквик, усаживаясь в постель.

— Пара костоправов, — повторил Сэм.

— Что такое костоправы? — осведомился м-р Пиквик, уверенный в том, живое это существо или что-нибудь съестное.

— Как? Вы не знаете, что такое костоправ, сэр? — удивился м-р Уэллер. — Я думал, все знают, что костоправ — это хирург.

— Хирург? — с улыбкой переспросил м-р Пиквик.

— Он самый, сэр, — ответил Сэм. — Но эти двое там, внизу, еще не регулярные чистокровные костоправы — они только обучаются.

— Иными словами, это, должно быть, студенты-медики, — сказал м-р Пиквик.

Сэм кивнул утвердительно.

— Я этому рад, — сказал Пиквик, энергически бросая ночной колпак на одеяло. — Славные ребята, очень славные! Со зрелыми суждениями, покоящимися на наблюдении и размышлении, и со вкусами, уточненными благодаря чтению и науке. Я очень рад этому.

— Они курят сигары в кухне у очага, — сказал Сэм.

— А! — заметил м-р Пиквик, потирая руку. — Избыток жизненных сил и здоровых чувств. Это-то я в них и люблю.

— Один, — продолжал Сэм, не обращая внимания на слова своего хозяина, — один положил ноги на стол и пьет бренди; не разбавляя водой, а другой, в очках, поставил боченок с устрицами между колен, работает, как паровая машина, глохнет, а раковины швыряет в молодого парня, страдающего водянкой, который спит крепким сном в углу у очага.

— Эксцентricности гения, Сэм, — сказал м-р Пиквик. — Можете идти.

Сэм удалился. М-р Пиквик по прошествии четверти часа спустился к завтраку.

— Вот наконец и он! — воскликнул старый м-р Уордль. — Пиквик, это брат мисс Элен, м-р Бенджамин Элен. Мы его зовем Бен, так же можете звать и вы, если хотите. Этот джентльмен — его закадычный друг, м-р...

— М-р Боб Сойер, — вмешался м-р Бенджамин Элен, после чего м-р Боб Сойер и м-р Бенджамин Элен дружно расхохотались.

М-р Пиквик поклонился Бобу Сойеру, а Боб Сойер поклонился м-ру Пиквику; затем Боб и его закадычный друг принялись очень усердно за стоявшие перед ними блюда, и м-р Пиквик получил возможность разглядеть их обоих.

М-р Бенджамин Элен был грубоватый, плотный, коренастый молодой человек с черными волосами, довольно короткими, и белой физиономией, довольно длинной. Он был украшен очками и носил белый галстук. Из-под его однобортного черного сюртука, застегнутого до подбородка, виднелось обычное количество ног цвета перца с солью, заканчивавшихся парой неважно вычищенных башмаков. Хотя рукава его сюртука были короткие, но никаких признаков манжет не обнаруживалось, и хотя шея его была достаточной длины, чтобы найти на ней место для воротничка, она не была украшена ничем, напоминающим эту принадлежность туалета. В общем, у него был слегка потрепанный вид, и вокруг него распространился аромат удушливых кубинских сигар.

М-р Боб Сойер был облачен в одеяние из грубой синей материи, каковое одеяние — ни пальто, ни сюртук — отличалось природою и качествами того и другого и носило на себе оттенок неряшливого франтовства и щегольского пошиба, какой свойственен молодым джентльменам, которые курят на улице днем, кричат и вопят ночью, называют лакеев по имени и совершают много других актов и подвигов столь же юмористического свойства. На нем были клетчатые брюки и широкий, грубый двубортный жилет. Выходя на улицу, он брал с собою толстую палку с большим набалдашником. Он избегал перчаток и в общем слегка смахивал на подгулявшего Робинзона Крузо.

Таковы были два достойных джентльмена, с которыми познакомился м-р Пиквик, когда уселся завтракать в рождественское утро.

— Прекрасное утро, джентльмены! — сказал м-р Пиквик.

М-р Боб Сойер слегка кивнул в ответ на это замечание и попросил м-ра Бенджамина Элена передать горчицу.

— Издалека приехали сегодня, джентльмены? — осведомился м-р Пиквик.

— Из „Синего Льва“ в Магльтоне, — коротко ответил м-р Элен.

— Вам следовало бы присоединиться к нам вчера вечером, — заметил м-р Пиквик.

— Пожалуй, следовало бы, — отозвался Боб Сойер, — но бренди был слишком хорош, чтобы спешить. Верно, Бен?

— Разумеется, — согласился м-р Бенджамин Элен. — И сигары были не плохи, и свиные котлеты. Верно, Боб?

— Совершенно верно, — сказал Боб.

Закадычные друзья атаковали завтрак еще усерднее, словно воспоминание о вчерашнем ужине послужило новой приправой к кушаньям.

— Приналягте, Боб, — поощрительно сказал м-р Элен своему приятелю.

— Я это и делаю, — ответил Боб Сойер. И нужно отдать ему справедливость — он это делал.

— Ничего так не возбуждает аппетита, как препарирование трупов, — сказал м-р Боб Сойер, окидывая взглядом стол.

М-р Пиквик слегка содрогнулся.

— Кстати, Боб, — сказал м-р Элен, — вы уже покончили с той ногой?

— Почти, — отозвался Сойер, кладя себе при этом на тарелку полкурицы. — Для детской ноги она очень мускулиста.

— Да? — небрежно осведомился м-р Элен.

— Очень, — отозвался Боб Сойер, набив полный рот.

— Я записался на руку, — сказал м-р Элен. — Мы в складчину берем труп, список почти заполнен, вот только не можем найти никого, кто бы взял голову. Не хотите ли?

— Нет, — ответил Боб Сойер, — такая роскошь мне не по карману.

— Вздор! — сказал Элен.

— Право же не могу, — возразил Боб Сойер. — Я бы не возражал против мозга, но не могу справиться с целой головой.

— Тихе, джентльмены, прошу вас, — сказал м-р Пиквик. — Я слышу — идут леди.

Когда м-р Пиквик произнес эти слова, леди, галантно сопровождаемые м-рами Снодграсом, Уинклем и Тапменом, вернулись после утренней прогулки.

— Неужели это Бен? — воскликнула Арабела тоном, выражавшим скорее удивление, чем удовольствие при виде брата.

— Приехал, чтобы увезти вас завтра домой, — ответил Бенджамин.

М-р Уинкль побледнел.

— Вы не узнаете Боба Сойера, Арабела? — укоризненно осведомился м-р Бенджамин Элен.

Арабела грациозно протянула ручку, заметив присутствие Боба Сойера. Жало ревности кольнуло в сердце м-ра Уинкля, когда Боб Сойер крепко пожал протянутую ручку.

— Бен, милый, — краснея, сказала Арабела, — вы... вы не знакомы с м-ром Уинклем?

— Я не знаком, но буду очень рад познакомиться, Арабела, — ответил с важностью брат.

М-р Элен мрачно поклонился м-ру Уинклю, а м-р Уинкль и м-р Боб Сойер искоса взглянули друг на друга с обоюдным недоверием.

Прибытие двух новых гостей и вследствие этого стеснение, которое почувствовали м-р Уинкль и молодая леди с меховой опушкой на сапожках, оказались бы, по всей вероятности, весьма неприятной помехой для веселой компании, если бы жизнерадостность м-ра Пиквика и добродушие хозяина не проявились в высшей степени для всеобщего благоденствия. М-р Уинкль постепенно снижал расположение м-ра Бенджамина Элена и даже вступил в дружескую беседу с м-ром Бобом Сойером, который, подкрепившись бренди, завтраком и разговором, мало-по-малу пришел в крайне веселое настроение и рассказал с большим увлечением приятную историю об удалении опухоли с головы некоего джентльмена, каковую историю он иллюстрировал с помощью ножа для открывания устриц и четырехфунтового карава, в назидание собравшемуся обществу. Затем вся компания отправилась в церковь, где м-р Бенджамин Элен крепко заснул, а м-р Боб Сойер хитрым способом отвлекал свои мысли от мирских дел, вырезывая

свое имя на сиденья церковной скамьи гигантскими буквами вышиной в четыре дюйма.

— Ну, — сказал Уордль, когда воздано было должное солидному завтраку с такими приятными добавлениями, как крепкое пиво и вишневая наливка, — что вы скажете о том, чтобы провести часок на катке? Времени у нас хватит.

— Чудесно! — воскликнул Бенджамин Элен.

— Превосходно! — подхватил м-р Боб Сойер.

— Вы катаетесь, конечно, на коньках, Уинкль? — спросил Уордль.

— Да-да, о да, — ответил м-р Уинкль. — Я... я давно не практиковался.

— Ах, пожалуйста, м-р Уинкль, — сказала Арабела. — Я так люблю смотреть.

— О, это так грациозно! — сказала другая молодая леди.

Третья молодая леди сказала, что это изящно, а по мнению четвертой в этом было что-то лебединое.

— Я был бы счастлив, уверяю вас, — сказал м-р Уинкль, — но у меня нет коньков.

Это возражение было тотчас же отвергнуто. У Трандля было две пары, а жирный парень возвестил, что внизу есть еще с полдюжины, после чего м-р Уинкль выразил крайнее свое удовольствие, с видом, однако, крайне обеспокоенным.

Старый Уордль повел гостей на довольно большой каток, а когда жирный парень и м-р Уэлер отгребли и отмели снег, наваливший за ночь, м-р Боб Сойер приладил свои коньки с ловкостью, показавшейся м-ру Уинклю поистине чудесной, и начал описывать левой ногой круги, вырезать восьмерки, чертить по льду и, ни разу не остановившись, чтобы перевести дыхание, принялся выписывать самые красивые и поразительные вензеля, к величайшему удовольствию м-ра Пиквика, м-ра Тампена и леди, которое перешло в подлинный восторг, когда старый Уордль и Бенджамин Элен, с помощью вышеупомянутого Боба Сойера, стали совершать какие-то таинственные эволюции, названные ими шотландским тандем.

В это время м-р Уинкль, у которого лицо и руки посинели от холода, ввинчивал бурав в подошвы и надевал коньки

острыми концами назад и запутывал ремни в очень сложный узел с помощью м-ра Снодграса, который разумел в коньках, пожалуй, меньше, чем индус. Однако в конце концов с помощью м-ра Уэлера злополучные коньки были крепко привинчены и пристегнуты, и м-р Уинкль поднялся на ноги.

— Ну, сэр, — сказал Сэм ободряющим тоном, — в путь, и покажите им, как нужно браться за дело.

— Пойдите, Сэм, пойдите! — воскликнул м-р Уинкль, сильно дрожа и цепляясь, словно утопающий, за руки Сэма. — Как здесь скользко, Сэм!

— Довольно обычная вещь на льду, сэр, — отозвался м-р Уэлер. — Держитесь, сэр.

Это последнее замечание м-ра Уэлера непосредственно относилось к проявленному в тот момент м-ром Уинклем неудержимому желанию забросить ноги к небу и удариться затылком об лед.

— Это... это... очень неуклюжие коньки, не правда ли, Сэм? — осведомился м-р Уинкль, шатаясь.

— Боюсь, что не они, а джентльмен неуклюжий, сэр, — ответил Сэм.

— Ну, Уинкль, — крикнул м-р Пиквик, ни мало не подозревая, что дело неладно, — идите! Леди вне себя от нетерпения.

— Да, да, — с бледной улыбкой отозвался м-р Уинкль. — Я иду.

— Представление начинается, — сказал Сэм, стараясь высвободиться. — Ну, сэр, вперед!

— Подождите минутку, Сэм, — задыхаясь, выговорил м-р Уинкль, любовно цепляясь за м-ра Уэлера. — Оказывается, у меня дома есть две куртки, которые мне не нужны, Сэм. Можете их взять, Сэм.

— Благодарю вас, сэр, — ответил м-р Уэлер.

— Пожалуйста, не прикладывайтесь к шляпе, Сэм, — поспешно проговорил м-р Уинкль. — Не отнимайте для этого руки. Сегодня утром, Сэм, я хотел вам сделать рождественский подарок — пять шиллингов. Вы их получите вечером, Сэм.

— Вы очень добры, сэр, — ответил м-р Уэлер.

— Вы только поддержите меня сначала, Сэм, хорошо? — сказал м-р Уинкль. — Так, отлично. Скоро дело пойдет у меня на лад, Сэм. Не так быстро.

М-р Уэлер своеобразным способом и совсем не по-лебединому тащил по льду м-ра Уинкля, наклонившегося вперед так, что его туловище согнулось вдвое, когда м-р Пиквик весьма невинно крикнул с другого берега:

— Сэм!

— Сэр?

— Идите сюда, вы мне нужны.

— Пустите, сэр, — сказал Сэм. — Слышите, хозяин зовет? Пустите, сэр.

Сделав энергическое усилие, м-р Уэлер вырвался из рук извивавшегося пиквикиста и при этом сообщил телу несчастного м-ра Уинкля значительный толчок. С меткостью, которой не могла бы обеспечить никакая степень ловкости или практика, злосчастный джентльмен ворвался в круг конькобежцев в тот самый момент, когда м-р Боб Сойер выделял фигуру несравненной красоты. М-р Уинкль неистово налетел на него, и оба с громким треском тяжело упали. М-р Пиквик побежал к ним. Боб Сойер поднялся на ноги, но м-р Уинкль был слишком благоразумен, чтобы проделать нечто подобное на коньках. Он сидел на льду, делая судорожные усилия улыбнуться, но в каждой черте его лица выражалось страдание.

— Вы ушиблись? — с большой тревогой осведомился м-р Бенджамин Элен.

— Не очень, — ответил м-р Уинкль, энергически растирая спину.

— Разрешите сделать вам кровопускание! — с жаром воскликнул м-р Бенджамин.

— Нет, благодарю вас, — поспешно отозвался м-р Уинкль.

— Право же, лучше было бы сделать, — сказал Элен.

— Благодарю вас, — ответил м-р Уинкль. — Я предпочитаю не делать.

— А вы что скажете, м-р Пиквик? — осведомился Боб Сойер.

М-р Пиквик был взволнован и возмущен. Он подозревал м-ра Уэлера и строгим голосом сказал:

— Снимите с него коньки.
— Да ведь я только что начал, — возразил м-р Уинкль.
— Снимите с него коньки! — твердо повторил м-р Пиквик.
Приказание нельзя было игнорировать. М-р Уинкль позволил Саму молча его исполнить.
— Поднимите его, — сказал м-р Пиквик. Сэм помог ему встать.

М-р Пиквик отошел на несколько шагов от зрителей и, поманив своего друга, устремил на него испытующий взгляд и произнес тихим голосом, но отчетливо и выразительно, следующие замечательные слова:

— Вы хвастун, сэр.
— Кто? — вздрогнув, переспросил м-р Уинкль.
— Хвастун, сэр. Если вам угодно, я скажу яснее: обманщик, сэр.

С этими словами м-р Пиквик медленно повернулся на каблуках и присоединился к своим друзьям.

Пока м-р Пиквик выражал мнение, только что изложенное, м-р Уэлер и жирный парень, устроив общими силами дорожку-каток, упражнялись на ней с большим мастерством и блеском. Сэм Уэлер в частности выделял прекрасную фигуру замысловатого скольжения по льду, которая обычно называется „стучать в дверь сапожника“ и состоит в том, чтобы скользить по льду на одной ноге и постукивать изредка на махнер почтальона другой ногой. Дорожка была славная, длинная, и в этом скольжении было нечто такое, что не могло не прельстить м-ра Пиквика, которому было очень холодно стоять на одном месте.

— Это очень милое, согревающее упражнение, не правда ли? — обратился он к м-ру Уордлю, когда этот джентльмен окончательно запыхался оттого, что неумоимо превращал свои ноги в циркуль и чертил сложные теоремы на льду.

— О, несомненно! — ответил Уордль. — Вы катаетесь?
— Когда-то практиковался на льду по конавам, еще в детстве, — отозвался м-р Пиквик.

— Попробуйте теперь, — предложил Уордль.

— Ах, пожалуйста, м-р Пиквик! — воскликнули все леди.

— Я был бы счастлив доставить вам любое развлечение, — ответил м-р Пиквик, — но я такой штуки не проделывал вот уже тридцать лет.

— Ну-ну! Вздор! — воскликнул Уордль, снимая свои коньки с той порывистостью, какая характеризовала все его поступки. — Идем! Я вам составлю компанию, пожалуйста! — И благодушный старик помчался по скользкой дорожке с быстротой, достойной чуть ли не самого м-ра Уэлера и посрамляющей жирного парня.

М-р Пиквик помедлил, подумал, снял перчатки и положил их в шляпу; разбежался раз, другой и третий и столько же раз останавливался, затем разбежался еще раз и, расставив ноги на ярд с четвертью, медленно и торжественно покатился по дорожке под восторженные крики зрителей.

— Не давайте остыть кипятку в горшке, сэр! — крикнул Сэм. И снова помчались: м-р Уордль, за ним м-р Пиквик, за ним Сэм, за ним Уинкль, за ним м-р Боб Сойер, за ним жирный парень, за ним м-р Сподграс, — один следом за другим, и мчались с таким рвением, словно все будущее в жизни зависело от их проворства.

Было в высшей степени интересно созерцать, как м-р Пиквик исполнял свою роль в этой церемонии; наблюдать мучительную тревогу, с какой он замечал, что человек, скользящий сзади, настигает его с неминуемым риском сбить с ног; видеть, как он постепенно умерял скорость, сообщенную движению первоначальным разбегом, и медленно поворачивался на катке лицом к тому месту, откуда начал бег; взирать на лучезарную улыбку, которая освещала его лицо, когда он закапчивал тур, и на стремительность, с какою он, проделав это, поворачивал и бежал вслед за своим предшественником. Его черные гетры весело мелькали на снегу, а глаза сквозь очки сияли довольством и радостью. А когда его сбивали с ног (что случалось в среднем через каждые два тура на третий), — живейшим наслаждением, какое только можно вообразить, было смотреть, как он с раскрасневшейся физиономией подбирает свою шляпу, перчатки и носовой платок и опять занимает свое место в шеренге, с пылом и энтузиазмом, которых, казалось, ничто не могло бы ослабить.

Веселье было в разгаре; скользили все быстрее и быстрее, смеялись все громче и громче, как вдруг послышался отчетливый резкий треск. Все устремились к берегу, леди пронзительно взвизгнули, м-р Тапмен закричал. Большая глыба льда исчезла; вода булькала над нею. Шляпа, перчатки и носовой платок м-ра Пиквика плавали на поверхности, и это было все, что осталось от особы м-ра Пиквика.

На всех лицах изобразились ужас и отчаяние, мужчины побледили; а женщинам стало дурно; м-р Снодграс и Уинкль схватились за руки и в безумной тревоге смотрели на то место, где скрылся их учитель, в то время как м-р Тапмен, дабы оказать скорейшую помощь, а также внушить тем, кто мог находиться поблизости, наиболее ясное представление о катастрофе, мчался во всю прыть по полю, крича: „Пожар!“

В тот момент, когда старый Уордль и Сэм Уэллер осторожно приближались к месту катастрофы, а м-р Бенджамин Элен спешно совещался с м-ром Бобом Сойером, не своевременно ли теперь сделать кровопускание всей компании для некоторого усовершенствования в профессиональной практике, — в этот самый момент лицо, голова и плечи вынырнули из воды, и обнаружились черты лица и очки м-ра Пиквика.

— Продержитесь одну секунду, одну только секунду! — вопил м-р Снодграс.

— Да, пожалуйста! Заклинаю вас — ради меня! — орал м-р Уинкль, глубоко потрясенный.

Заклятье было, пожалуй, излишним, ибо можно предположить, что не согласись м-р Пиквик продержаться ради кого-нибудь другого, у него мелькнула бы мысль, что не худо это сделать ради себя самого.

— Вы нащупываете дно, старина? — спросил Уордль.

— Да, конечно, — ответил м-р Пиквик, вытирая голову и лицо и ловя воздух ртом. — Я упал на спину. Сначала я не мог подняться на ноги.

Глина на той части костюма м-ра Пиквика, которая была видна, свидетельствовала о правдивости этих слов, а так как опасения зрителей в значительной мере рассеялись, когда жирный парень вдруг вспомнил, что глубина нигде не превы-

шает пяти футов, были совершены чудеса храбрости, чтобы его извлечь. Много было плеска, треска и борьбы, после чего м-р Пиквик был благополучно избавлен от неприятной ситуации и снова очутился на суше.

— Ах, он простудился насмерть! — сказала Эмили.

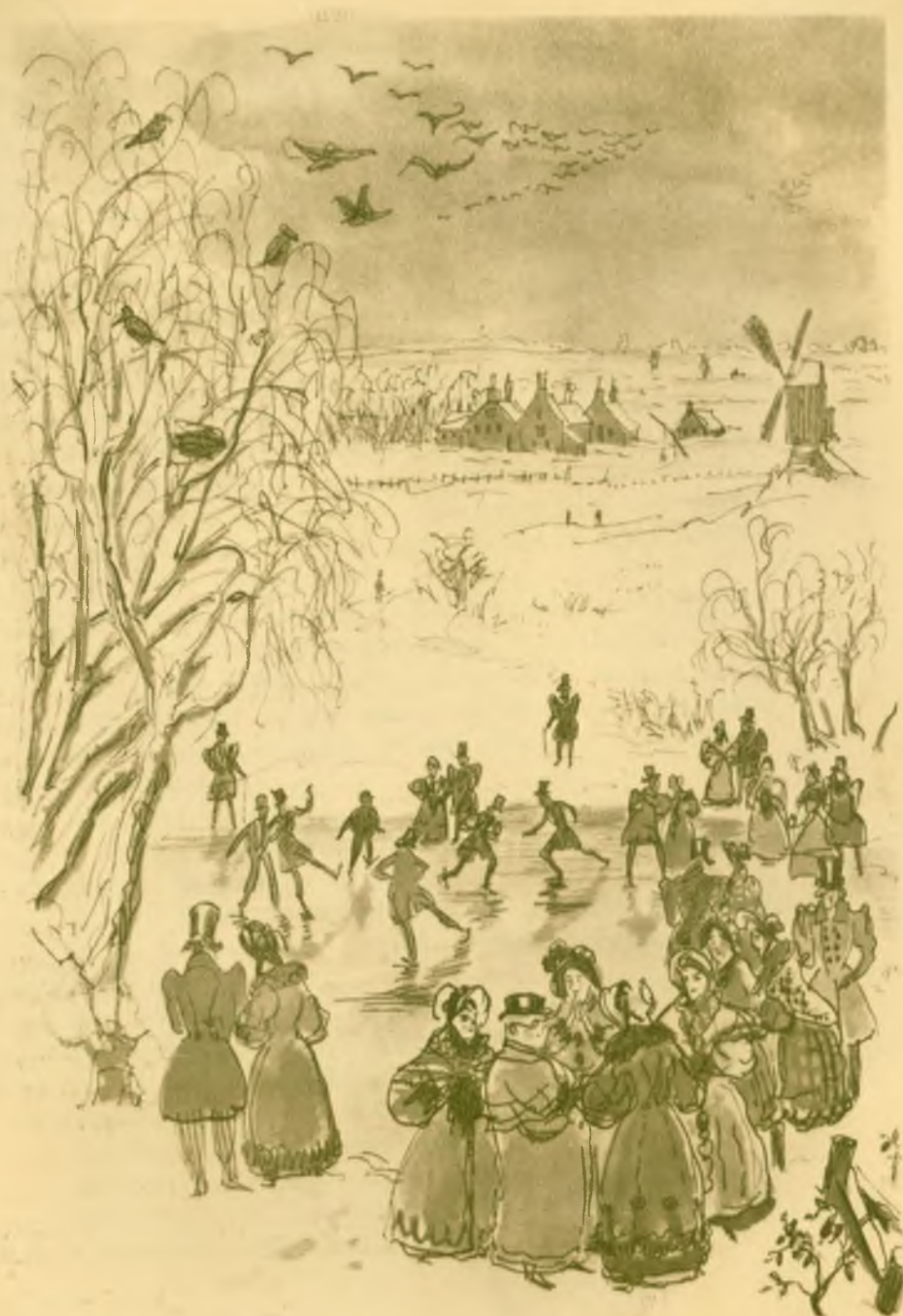
— Бедняжка! — воскликнула Арабела. — Позвольте мне закурить вас в эту шаль, м-р Пиквик.

— И это лучшее, что вы можете сделать, — сказал Уордль, — а потом бегите поскорее домой и немедленно укладывайтесь в постель.

Десяток шалей был предложен в тот же момент. Выбрали три-четыре самых толстых, завернули в них м-ра Пиквика, и он тронулся в путь под присмотром м-ра Уэлера, являя собою странное зрелище: пожилой джентльмен, насквозь мокрый и без шляпы, с руками, притянутыми шалью к бокам, мчался вперед без всякой видимой цели, со скоростью добрых шести английских миль в час.

Но м-р Пиквик не заботился о приличиях в такой критический момент и, понукаемый Сэмом Уэлером, продолжал бежать во всю прыть, пока не добежал до двери Менор-Фарм, куда м-р Тапмен прибыл минут на пять раньше и напугал старую леди до сердцебиения, внушив ей непоколебимую уверенность в том, что загорелось в кухонном дымоходе, — бедствие, всегда рисовавшееся в огненных красках воображению старой леди, когда кто-либо из окружающих проявлял малейшие признаки волнения.

М-р Пиквик, не медля ни секунды, забрался в постель. Сэм Уэлер развел яркий огонь в камине и подал ему обед; позднее принесли чашу пунша и устроили грандиозную пирушку по случаю его спасения. Старик Уордль слышать не хотел о том, чтобы он встал, поэтому кровать превратили в предсидательское кресло, и м-р Пиквик председательствовал. Потребовали вторую и третью чашу. И когда м-р Пиквик проснулся на следующее утро, у него не наблюдалось ни малейших симптомов ревматизма — факт, доказывающий, как заметил весьма справедливо м-р Боб Сойер, что в таких случаях нет ничего лучше горячего пунша, а если иногда горячий

пунш оказывается недействительным, это объясняется только тем, что пациент допустил грубую ошибку, выпив слишком мало.

Веселая компания была распущена на следующее утро. Роспуск — чудесная вещь в наши школьные годы, но в последующей жизни расставания бывают довольно мучительны. Смерть, эгоизм, перемена фортуны ежедневно разбивают много счастливых групп и разбрасывают их по свету; и мальчики и девочки не возвращаются назад. Мы не хотим сказать, что именно так произошло в данном случае. Нам желательно только уведомить читателя, что гости разъехались по домам, что м-р Пиквик и его друзья снова заняли места на крыше магльтонской кареты и что Арабела Элен отправилась к месту своего назначения, где бы оно ни находилось, — мы смеем думать, что м-р Уинкль знал, где оно находилось, но признаемся, что мы этого не знаем, — под охраной и присмотром своего брата Бенджемина и его весьма близкого и закадычного друга, м-ра Боба Сойера.

При расставании этот последний джентльмен и м-р Бенджамин Элен с таинственным видом отвели м-ра Пиквика в сторонку, и м-р Боб Сойер, ткнув указательным пальцем между ребер м-ра Пиквика и тем самым проявив свою природную шутливость и в то же время знание анатомии человеческого тела, осведомился:

— Послушайте, старина, где вы утнездились?

М-р Пиквик отвечал, что в настоящее время он проживает в гостинице „Джордж * и Ястреб“.

— Я хочу, чтобы вы ко мне заглянули, — сказал Боб Сойер.

— Ничто не может мне доставить большего удовольствия, — ответил м-р Пиквик.

— Вот моя квартира, — сказал м-р Боб Сойер, доставая визигную карточку. — Лент-стрит *, Баро; это, знаете ли, для меня удобно, близко от Гайя *. Когда вы пройдете мимо церкви Сент-Джорджа, сверните с Хай-стрит направо, первая улица.

— Я найду, — отозвался м-р Пиквик.

— Приходите в четверг вечером через две недели и приводите своих приятелей, — сказал м-р Боб Сойер. — У меня соберется несколько товарищей медиков.

М-р Пиквик заявил, что ему доставит удовольствие встреча с медиками, и после того как м-р Боб Сойер уведомил его, что он намерен очень приятно провести время и что его друг Бен тоже придет, они пожали друг другу руки и расстались.

Мы чувствуем, что в этом месте нам могут задать вопрос, нашептывал ли что-нибудь м-р Уинкль Арабеле Элен во время этого краткого разговора, и если да, то что он сказал, и далее, беседовал ли м-р Снодграс конфиденциально с Эмили Уордль, и если да, то что сказал он. На это мы отвечаем, что о чем бы они ни говорили с дамами, они ровно ничего не сказали м-ру Пиквику или м-ру Тапмену на протяжении двадцати восьми миль и что они часто вздыхали, отказывались от эля и бренди и вид у них был мрачный. Если наши наблюдательные читательницы могут вывести какие-либо заключения из этих фактов, мы их просим сделать эти выводы во что бы то ни стало.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВ

1. К странице 8	8— 9
2. К странице 19	16— 17
3. К странице 25	32— 33
4. К странице 48	48— 49
5. К странице 64	64— 65
6. К странице 84	88— 89
7. К странице 100	96— 97
8. К странице 110	112—113
9. К странице 123	120—121
10. К странице 150	152—153
11. К странице 174	176—177
12. К странице 186	192—193
13. К странице 200	208—209
14. К странице 223	224—225
15. К странице 247	248—249
16. К странице 263	264—265
17. К странице 307	304—305
18. К странице 316	320—321
19. К странице 372	368—369
20. К странице 466	464—465
21. К странице 468	472—473
22. К странице 480	480—481
23. К странице 490	496—497

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. Смилга. <i>Чарльз Дикенс (личность и творчество)</i> ..	V
ГЛАВА I. Пиквикисты	3
ГЛАВА II. Первый день путешествия и приключения первого вечера с вытекающими последствиями	9
ГЛАВА III. Новое знакомство. Рассказ странствующего актера. Досадный перерыв и неприятная встреча	41
ГЛАВА IV. Полевые маневры и бивуак; еще новые друзья и при- глашение за город	55
ГЛАВА V, краткая, повествующая, между прочим, о том, как м-р Пиквик вызвался править, а м-р Уинкль — ехать верхом, и что из этого получилось	69
ГЛАВА VI. Старомодная игра в карты. Стихи священника. Рассказ о возвращении каторжника	81
ГЛАВА VII. О том, как м-р Уинкль вместо того, чтобы метить в голубка и попасть в ворону, метил в ворону и ранил голубка. Как клуб крикетистов Дингли-Дэла состязался против объеди- ненного Магльтона и как Дингли-Дэл давал обед в честь объ- единенных магльтонов, а также о других интересных и по- учительных вещах	99
ГЛАВА VIII, ярко иллюстрирующая мысль, что путь истинной любви не гладкий рельсовый путь	117
ГЛАВА IX. Открытие и погоня	132
ГЛАВА X, разрешающая все сомнения (если таковые имели место) касательно бескорыстия м-ра Дингли	143

ГЛАВА XI, заключающая в себе следующее путешествие и археологическое открытие, оповещающая о решении м-ра Пиквика присутствовать на выборах и содержащая рукопись старого священника	161
ГЛАВА XII, повествующая о весьма важном поступке м-ра Пиквика; эпоха в его жизни точно так же, как в этом повествовании	182
ГЛАВА XIII. Некоторые сведения об Итенсуиде; о его политических партиях и о выборах члена, долженствующего представлять в парламенте этот древний верноподданный и патристический город	190
ГЛАВА XIV, содержащая краткое описание компании, собравшейся в „Павлине“, и повесть, рассказанную торговым агентом	212
ГЛАВА XV, в которой даются верные портреты двух выдающихся особ и точное описание парадного завтрака в их доме и владениях; каковой парадный завтрак приводит ко встрече со старыми знакомыми и к началу следующей главы	233
ГЛАВА XVI, слишком изобилующая приключениями, чтобы можно было кратко их изложить	250
ГЛАВА XVII, показывающая, что приступ ревматизма в некоторых случаях действует возбуждительно на творческий ум	273
ГЛАВА XVIII, вкратце поясняющая два пункта: во-первых, силу истерики и, во-вторых, силу обстоятельств	284
ГЛАВА XIX. Приятный день, неприятно окончившийся	297
ГЛАВА XX, повествующая о том, какими дельцами были Додсон и Фог и какими повесами их клерки и как имело место трогательное свидание м-ра Уэлера с его давно пропавшим родителем; повествующая также о том, какое избранное общество собралось в „Сороке и Пне“ и какой превосходной будет следующая глава	314
ГЛАВА XXI, в которой старик нападает на изблещенную тему и рассказывает повесть о страшном клиенте	334
ГЛАВА XXII. М-р Пиквик едет в Ипсуич и наталкивается на романтическое приключение с леди средних лет в желтых пиджотках	355
ГЛАВА XXIII, в которой м-р Сэмюел Уэлер начинает посвящать свою энергию реваншу в борьбе с м-ром Тротером	374
ГЛАВА XXIV, в которой м-р Питер Магнус становится ревнивым, а леди средних лет пугливой, что заставляет пиквикистов понасть в тиски закона	385
ГЛАВА XXV, показывающая, наряду с приятными вещами, сколь величественен и беспристрастен был м-р Нанкинс и как м-р	

Уэлер отбил волаи м-ра Джоба Тротера с такою же силой, с какою тот был пущен; и еще кое о чем, что будет обнаружено в надлежащем месте	404
ГЛАВА XXVI , которая содержит краткий отчет о ходе дела: Бардль против Пиквика	427
ГЛАВА XXVII . Сэмюэл Уэлер совершает паломничество в Дор- кинг и лицезрит свою мачеху	435
ГЛАВА XXVIII . Веселая рождественская глава, содержащая отчет о свадьбе, а также о некоторых других развлечениях, каковыи, будучи на свой лад такими же добрыми обычаями, как свадьба, не столь свято блюдутся в наше извращенное время	447
ГЛАВА XXIX . Рассказ о подземных духах, похитивших могильщика	473
ГЛАВА XXX . Как пиквикисты завязали и укрепили знакомство с двумя приятными молодыми людьми, принадлежащими к одной из свободных профессий; как они развлекались на льду и как заключился их визит	485
Перечень рисунков в томе I	499

Редактор И. Т. Смилга
Художественная редакция
М. П. Скольнико
Литерат.-тех. наблюдени
А. Н. Плавильщиков
Выпуск. И. А. Подсухин
Наблюдение на производстве
М. И. Козлов

Сдана в набор 5. XI. 1932.
Подпис. к печати 27 V. 1933.
Выпущена в свет 6 IX. 1933.
Тир. 10.300. Уп. Главлита. Б-2107
Зак. тип. 4260. Ас. 26. Инд.
А-1. Ав. л. 25,5. П. л. 33 +
24 вклад. Бум. 74x105¹/₁₆.
Тип. зн. на 1 бум. л. 71040.

Отпечатана в 1-й Образцовый
тип.графии Огиза РСФСР
треста «Полиграфкнига»
Москва, Воровая, 28

Цена Р. 12 —
Перепл. Р. 3 —

